UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324677 4

Sheller, Aleksandr Konstantinovich
Polnoe sobranie sochinenii
t. 5

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

подъ редакціею и съ критико-біографическимъ очеркомъ А. М. Скабичевскаго и съ приложеніемъ портрета Шеллера.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1904.

PG
3470
S486
1904
t.5

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29

789437

НАШИ БЛИЖНІЕ.

РАЗСКАЗЫ.

I.

Парадоксы доктора Клименко.

Интересный процессъ привлекъ въ залу петербургскаго окружного суда массу народа. Дѣло шло о поддѣлкѣ подписи на векселяхъ. Подсудимый былъ молодой человѣкъ порядочной фамиліи, чуть не мальчикъ по годамъ, совершенно мальчикъ по виду. Нѣжное, розовенькое, какъ у дѣвочки, личико съ едва пробивающимся свѣтлымъ пушкомъ надъ верхней губой; голубые влажные глаза, застѣнчиво глядѣвшіе изъ-подъ длинныхъ и густыхъ темныхъ рѣсницъ; красиво очерченныя розовыя и пухленькія губы и тонкія, нѣсколько страстныя ноздри правильнаго носика; выхоленныя бѣлыя руки, напоминавшія руки молодой женщины-аристократки; неокрѣпнувшій, не то дѣтскій, не то юношескій, крайне симпатичный голосъ,—все это говорило, что подсудимый былъ скорѣе счастливчикомъ, баловнемъ жизни, любимцемъ семьи, чѣмъ несчастною жертвою судьбы.

Какъ онъ попалъ на скамью подсудимыхъ?

Это была простая, обыкновенная исторія.

Въ театрѣ Берга былъ бенефисъ одной изъ публичныхъ женщинъ, распѣвающихъ на подмосткахъ кафе-шантановъ скабрезныя пѣсенки съ приправою еще болѣе скабрезныхъ тѣлодвиженій. Ему хотѣлось присутствовать на бенефисѣ, попировать на бенефисномъ ужинѣ и поднести этой публичной женщинѣ нѣсколько букетовъ съ надеждою, что она, наконецъ, обратитъ вниманіе и на него и подаритъ мимоходомъ и его своею продажною любовью. У него не было въ эти дни денегъ, такъ какъ на него уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ будировала его семья за невыдержанный имъ по веснѣ экзаменъ. Чтобы исполнить свою прихоть, свой капризъ, онъ поддѣлалъ на векселѣ подпись сво-

его дяди-сенатора и добился желаемаго: онъ былъ на бенефисѣ, онъ поднесъ букеты бенефиціанткѣ, онъ присутствовалъ у нея на ужинѣ и даже удостоился послѣ ужина чести поцѣловать руку этой публичной женщины, когда она прощалась съ гостями, чтобъ докончить ночь съ однимъ изъ сотенъ своихъ любовниковъ. За эти блага онъ отдался въ руки ростовщиковъ, запуталъ себя въ ихъ сѣти, мучился нравственно цѣлый годъ, запятналъ свою фамилію, испортилъ свою будущность, долженъ былъ, быть-можетъ, отправиться въ мѣста «не столь отдаленныя» Сибири и — что̀ было хуже всего для него, баловня, гордеца, красавчика,— переживалъ теперь безконечно долгіе часы унизительнаго публичнаго процесса. Онъ могъ избѣжать всего, признавшись своимъ роднымъ въ своемъ проступкѣ, но у него не хватало на это смѣлости, и до послѣдней минуты онъ все думалъ, что «авось дѣло уладится какъ-нибудь само собою». Какъ оно могло уладиться само собой? Онъ не спрашивалъ себя объ этомъ; онъ даже не задумывался объ этомъ. Когда ему начинало дѣлаться очень страшно за свое будущее, когда тревожныя мысли лишали его сна, онъ клалъ себѣ на голову пуховую подушку, зажмуривалъ глаза и старался заснуть «насильно». Когда ему пришлось говорить на судѣ, у него слышались въ дрожащемъ голосѣ слезы; когда онъ съ дѣтской откровенностью признавался въ своихъ продѣлкахъ, онъ всхлипывалъ и обливался слезами. Онъ не умѣлъ отказать себѣ ни въ одной прихоти и не умѣлъ мужественно перенести заслуженнаго наказанія. Онъ былъ жалокъ, мелокъ, пошлъ. Изъ такихъ людей выходятъ созданія, торгующія собой ради мелочныхъ удобствъ жизни; изъ такихъ людей никогда не выходятъ герои; такихъ людей совѣстно даже карать, какъ совѣстно наказывать трусливаго щенка, начинающаго визжать, прежде чѣмъ его коснется поднятая на него рука.

Впрочемъ, какая-то нарумяненная старушка, вся въ блондахъ и перьяхъ, разглядывая его сквозь золотой лорнетъ, со вздохомъ замѣтила:

— Pauvre enfant! il est adorable.

Если бы дѣло шло только объ уплатѣ по его векселямъ,— она, вѣроятно, заплатила бы сотни, тысячи, десятки тысячъ за этого «ребенка».

Ему нужно бы было знать это раньше.

— Нечего сказать, хороши наши «дѣти»!— съ негодованіемъ проговорилъ кто-то за мною, когда юноша оконча-

тельно разрыдался,—скверно разрыдался, точно онъ хотѣлъ упасть къ ногамъ судей и обнять ихъ колѣни, проползти за ними по полу, покрыть поцѣлуями ихъ руки, полы ихъ форменной одежды.

— Да, да, хороши, что тутъ и толковать,—замѣтилъ другой голосъ съ горькою ироніей.—А вы скажите-ка мнѣ лучше вотъ что: каковы должны быть отцы и матери, у которыхъ могли выйти подобныя дѣти?

Я оглянулся: за мною сидѣлъ господинъ лѣтъ пятидесяти, плотный, здоровый, съ серьезнымъ, немного помятымъ, но все еще красивымъ и румянымъ лицомъ, съ нѣсколько сдвинутыми бровями и съ насмѣшливымъ выраженіемъ въ глазахъ. Онъ былъ одѣтъ небрежно, какъ одѣваются достаточные старые холостяки: галстукъ повязанъ нѣсколько на бокъ, цвѣтная сорочка нѣсколько смята и сидитъ на груди скверно, воротникъ у сюртука загнулся сзади вверхъ и никѣмъ не приведенъ въ порядокъ, вся одежда, хотя сдѣлана изъ хорошаго матеріала, нова, не заношена, но немного запятнана, небрежно вычищена.

— Дѣти, всѣ дѣти дурны!—насмѣшливо продолжалъ онъ, обращаясь уже прямо ко мнѣ.—А объ отцахъ никто не говоритъ, потому что судятъ да рядятъ все больше отцы, а судятся все больше дѣти. Нарожаютъ, чортъ знаетъ, какой мерзости, которую и за людей-то совѣстно считать, да потомъ и удивляются, что на судъ являются подобные зайцы...

— Вы отцовъ обвиняете,—началъ я.

— А вы думаете, что дѣти отцовъ создаютъ?—тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ перебилъ онъ меня.—Если бы я былъ судьей, я бы, пожалуй, наказывалъ и дѣтей, а отцовъ ихъ ужъ непремѣнно приговаривалъ бы къ двойному наказанію.

— Вы, вѣрно, очень счастливый отецъ,—съ улыбкой сказалъ я:—и потому не боитесь, что и васъ могла бы случайно постигнуть тяжелая участь испытать удвоенное наказаніе за проступки вашихъ дѣтей.

— За какого же подлеца вы меня считаете, если думаете, что я былъ когда-нибудь отцомъ,—со смѣхомъ воскликнулъ мой собесѣдникъ.—Нѣтъ-съ, покуда Богъ миловалъ, еще ни къ какой юбкѣ не пришился законнымъ бракомъ. Я, батюшка, старый холостякъ, быть-можетъ, немного брюзга, немного «циникъ», но все-таки холостякъ, а не отецъ, и, признаюсь вамъ, горжусь этимъ, горжусь... Такъ и на могильной плитѣ у себя велю изобразить: «сей человѣкъ жилъ, но не плодилъ нравственныхъ и физическихъ уродовъ».

Залъ уже опустѣлъ; мы остались одни и поднялись съ мѣстъ. Меня заинтересовалъ мой собесѣдникъ, и я спросилъ его:

— Въ качествѣ холостяка вы, вѣроятно, обѣдаете гдѣ-нибудь въ гостиницѣ?

— У Балашева лѣтомъ отравляюсь; все же думается, что на чистомъ воздухѣ обѣдаешь,—отвѣтилъ онъ.

Я улыбнулся, взглянувъ на его здоровенную фигуру.

— Вы чего улыбаетесь?—спросилъ онъ.

— Я думаю, что смѣло могу идти обѣдать съ вами туда же, видя, какое вліяніе производитъ на васъ тамошняя отрава,—отвѣтилъ я.

— Да вы на мою физику не смотрите.— махнулъ онъ рукою.— Это я у разныхъ отцовъ и матерей семейства подкармливаюсь, а у Балашева такъ только, для проформы обѣдаю, чтобы не сказали знакомые, что на даровыхъ хлѣбахъ живу. Вѣдь семейные люди всѣ на одинъ ладъ: придите къ нимъ послѣ обѣда въ гостиницѣ — они васъ закормятъ на убой съ полнымъ радушіемъ; придите къ нимъ натощакъ прямо къ обѣду, съ цѣлью плотно поѣсть—они кислую рожу сдѣлаютъ и за спиной начнутъ называть васъ дармоѣдомъ да блюдолизомъ. Это ужъ семейная жизнь такія добродѣтели вырабатываетъ.

— А холостая жизнь какія добродѣтели вырабатываетъ? — спросилъ я, смѣясь.

— Холостая жизнь?—повторилъ въ раздумьи мой собесѣдникъ.—Пріучаетъ совсѣмъ никого не кормить,—рѣшилъ онъ и засмѣялся добродушнымъ смѣхомъ, при чемъ его глаза вдругъ сдѣлались такими искренне-добрыми и веселыми, что я сразу угадалъ въ немъ стараго добряка, привыкшаго среди одинокой жизни добродушно ворчать и брюзжать на всѣхъ и все.

Мы пошли обѣдать въ Лѣтній садъ въ ресторанъ Балашева и познакомились сразу, откровенно, коротко, какъ знакомятся маленькія дѣти и старые холостяки. Мой новый знакомый, Иванъ Ивановичъ Клименко, былъ не лишенною ума, бойкою на языкъ, немного парадоксальною, немного циничною, но во всякомъ случаѣ оригинальною личностью.

Онъ былъ хохолъ, когда-то учился въ медицинской академіи избралъ спеціальностью дѣтскія болѣзни и, уморивъ, по окончаніи курса, перваго и единственнаго своего паціента-ребенка, навсегда отказался отъ медицины. Къ счастью,

у него было тысченокъ десять-пятнадцать денегъ и какой-то хуторъ съ небольшой землицей въ Малороссіи, и потому онъ могъ существовать безъ помощи заработковъ. Онъ поѣхалъ къ себѣ на хуторъ, чтобы устроить свои дѣла, но тутъ же страстно влюбился въ одну хохлушку-сосѣдку и рѣшился свить себѣ въ деревнѣ постоянное гнѣздо. Все шло отлично: хохлушка-сосѣдка слушала его страстныя объясненія, его хохлацкія пѣсни, его мечты о прелестяхъ семейнаго счастія въ деревнѣ, и когда онъ уже устроилъ все въ своемъ домѣ для семейной жизни, «скоропостижно» вышла замужъ за гусарскаго корнета, который черезъ полгода проигрался въ пухъ и бросилъ ее на произволъ судьбы съ «очевиднымъ залогомъ своей страстной любви», какъ выражался Клименко. Съ этой поры Клименко оставилъ мечты о семейномъ счастіи, сдалъ хуторъ и землю въ аренду и поѣхалъ «смотрѣть на людей».

— Да вотъ такъ и понынѣ смотрю на нихъ, подлецовъ,— закончилъ онъ свой разсказъ, отзывавшійся не то горечью, не то юморомъ и ироніей.

Въ то время, когда я познакомился съ нимъ, онъ былъ уже извѣстною въ Петербургѣ личностью; онъ зналъ почти полъ-Петербурга, и половина Петербурга знала его въ лицо, какъ она знаетъ разныхъ корнетовъ, носящихся на рысакахъ по Невскому, и старыхъ кутилъ, аккуратно являющихся въ первые ряды креселъ въ театрахъ на всѣ «открытія» и «бенефисы». Онъ числился въ какомъ-то министерствѣ на должности «гранителя мостовой», какъ онъ выражался самъ, и могъ существовать безбѣдно, проживъ сначала свой хуторъ и землицу, а потомъ принявшись за проживанье полученнаго имъ наслѣдства отъ «тетушки», о существованіи которой онъ только потому и зналъ, что она умерла, да наслѣдства отъ дяди, который называлъ его дармоѣдомъ и въ одинъ прекрасный день такъ серьезно рѣшился лишить его, своего единственнаго наслѣдника, всего имѣнія, что «взялъ да и умеръ со злости безъ всякой духовной». Онъ состоялъ членомъ въ десяткѣ благотворительныхъ обществъ, «чтобы имѣть возможность уличать ханжей и лицемѣрокъ»; онъ посѣщалъ всѣ публичныя ученыя засѣданія и лекціи, «чтобы знать, до какой степени мы еще невѣжды»; онъ ежедневно являлся въ собраніяхъ или въ театрахъ, «чтобы узнать, есть ли такія степени разврата, до которыхъ мы не дошли еще»; онъ здоровался и говорилъ съ сотнями людей, про которыхъ онъ зналъ не только

то, что они Надрѣзковы, Ухачевы, Починкины, Корсиковы, но про которыхъ онъ даже разсказывалъ такія закулисныя исторіи, что иногда трудно было понять, откуда онъ ихъ узналъ. Въ сущности, это былъ «неудачникъ», храбро выносившій послѣдствія своихъ неудачныхъ попытокъ сдѣлаться дѣятелемъ, семьяниномъ, воротилой, знаменитостью и «человѣкомъ, какъ всѣ человѣки», говоря его словами. Онъ скучалъ, потому что у него не было опредѣленнаго дѣла и опредѣленнаго мѣста въ обществѣ, онъ бранилъ всѣхъ и все, потому что ему было совѣстно бранить свою скуку, сознаться въ которой значило бы сознаться въ своемъ неумѣньи устроить жизнь, какъ слѣдуетъ, и, по его выраженію, «войти въ свое стойло».

— Вы сегодня гдѣ думаете убивать свой вечеръ?—спросилъ онъ меня, когда мы оканчивали обѣдъ.

— Вѣроятно, дома. У меня срочная работа есть,—отвѣтилъ я.

— Ахъ, да, я и забылъ, что вы къ литературному стойлу пристроились,—замѣтилъ онъ, улыбаясь.—Это хорошо; такъ удобнѣе жить; чуть не знаешь, куда себя дѣвать—сейчасъ и идешь въ свое стойло, ну, и успокоишься. Нашему брату, людямъ, не вошедшимъ ни въ какое стойло, труднѣе успокоиться, никогда не знаешь, куда себя дѣвать, все измышляешь, какъ бы это такъ сдѣлать, чтобы день прошелъ.

— Кто же мѣшаетъ пристроиться. Изберите опредѣленное занятіе,—отвѣтилъ я банальною фразой.

— Поздно, батюшка, стараго воробья на мякинѣ проводить,—махнулъ онъ рукою.—Ужъ къ какому дѣлу я ни пристройся, а все-таки не могу себя обмануть, что это дѣло—дѣйствительное дѣло, а не то же бездѣлье, да еще бездѣлье-то отупляющее.

— Я васъ не совсѣмъ хорошо понимаю.

— Объяснимтесь. Вы вотъ пишете тамъ что-то и печатаете. А какъ вы думаете, то ли вы именно пишете, что, по вашему убѣжденію, необходимо нужно писать? Не пишете ли вы только того, что вамъ можно и удобно писать? Пишите ли вы только потому именно, что обществу необходимо ваше писанье? Не пишите ли вы только потому, что вамъ самимъ нужно же что-нибудь дѣлать, чтобъ не сидѣть сложа руки и жрать? Подготовлены ли вы вполнѣ къ писанью? Не пишете ли вы иногда и такое, въ вѣрности чего вы не вполнѣ увѣрены? Поразберите-ка все это—и вы увидите, что вы чаще всего бездѣльничаете точно такъ же,

какъ и мы грѣшные, съ тою только разницею, что вамъ за ваше бездѣльничанье платятъ деньги, а намъ не платятъ. И такъ въ каждомъ дѣлѣ: пользы отъ дѣла на грошъ, вреда на рубль, а плата за дѣло—десятки и сотни рублей.

— У васъ удивительно парадоксальный складъ ума,— засмѣялся я.

— Ну, если-бъ мы стали спорить, такъ еще это вопросъ, кому изъ насъ пришлось бы отстаивать свое мнѣніе большими парадоксами: вамъ ли, признающему пользу разныхъ ремесленныхъ занятій людей, или мнѣ, признающему благовидное мошенничество этихъ занятій. Вонъ взгляните на подлыя рожи этихъ гарсоновъ во фракахъ съ салфетками подъ мышкой, какимъ онѣ самодовольно-дѣловымъ видомъ преисполнены. Вѣдь каждый изъ нихъ думаетъ, что безъ него такъ и погибло бы человѣчество, а человѣчество только выиграло бы, если бы ему пришлось самому ходить на кухню за своей порціей обѣда. Во-первыхъ, моціонъ полезенъ, во-вторыхъ, въ кухнѣ тогда не могли бы изъ вонючей провизіи готовить кушанья, въ-третьихъ, не нужно бы было тратиться «на водку», въ-четвертыхъ... ну, положимъ, что, въ-четвертыхъ, въ человѣчествѣ было бы хоть однимъ классомъ меньше людей, дошедшихъ до полнѣйшаго тупоумнаго самодовольства отъ сознанія, что они необходимыя спицы въ колесницѣ общественной жизни.

Намъ подали кофе. Клименко вынулъ портсигаръ, обрѣзалъ кончикъ сигары, закурилъ ее и откинулся на креслѣ.

— Какъ вы думаете, что болѣе всего содѣйствуетъ развитію человѣчества?— спросилъ онъ меня.

— На этотъ вопросъ не легко отвѣтить одной фразой,— улыбнулся я.

— Отчего же нѣтъ,—проговорилъ онъ.—Вы можете сказать: семейная жизнь, дружная общественная дѣятельность... да мало ли, что вы можете сказать. А я на все на это скажу вамъ, что это ложь. Общество двигаетъ впередъ недовольство. Да-съ, недовольство собою и окружающимъ. А кто же недоволенъ собою и окружающимъ? Люди, не ставшіе въ стойло.

— То-есть общество двигаете впередъ вы?—захохоталъ я.

Клименко даже обидчиво нахмурился.

— Ну, да, то-есть, не я одинъ, а мы всѣ, люди безъ стойла,—сказалъ онъ.—Попади мы въ райскій шалашъ семейнаго счастія или въ бѣличье колесо общественной дѣятельности—и конецъ. Мы успокоились бы на мысли, что

мы не даромъ коптимъ небо и что все идетъ отлично. А вотъ какъ бродишь безъ стойла да думаешь, что бы такое начать, что бы такое сдѣлать, такъ и видишь, что и то скверно, и другое гадко, и всѣ-то мы, люди-человѣки, въ сущности дармоѣды, старающіеся надувать другихъ своимъ дѣловымъ видомъ, чтобы за самый этотъ видъ получить побольше окладъ. Укажите мнѣ на любого дѣятеля, и я вамъ скажу, сколько грошей стоитъ его дѣйствительно полезная дѣятельность и сколько тысячъ рублей онъ сдираетъ съ общества своею мошенническиннапускною дѣловитостью... Нашъ братъ, человѣкъ, не попавшій въ стойло, по крайней мѣрѣ, не надуваетъ общества, а такъ-таки и выдаетъ себя за праздношатающагося... Впрочемъ, вы не думайте, что мы такъ-таки ничего и не дѣлаемъ,—нѣтъ-съ, мы наблюдаемъ, анализируемъ, критикуемъ—и притомъ еще безъ всякаго оклада и содержанія.

— Вы бы хоть мемуары писали,—улыбнулся я.

— Дураковъ умнѣе не сдѣлаешь, а мошенники и безъ насъ знаютъ, что они мошенники, — махнулъ рукой Клименко.—Я вотъ больше для саморазвитія наблюдаю. Впрочемъ, если хотите, я могу подѣлиться съ вами моими наблюденіями, вамъ, можетъ-быть, пригодятся, вѣдь вы, писатели, вездѣ свой медъ собираете...

Я поблагодарилъ Клименко за предложеніе. Мнѣ было не безынтересно услышать наблюденія этого «бывалаго» человѣка.

— Только я съ васъ взятку возьму, — добавилъ онъ.— Бросьте свою «срочную» работу сегодня и поѣдемте куда-нибудь на острова убивать время.

Я изъявилъ согласіе.

Мы вышли отъ Балашева и направились къ жилищу Клименко. Ему нужно было переодѣться.

Квартира Клименко была просторная: въ ней былъ нѣкоторый комфортъ, нѣкоторая роскошь, хотя на всемъ лежала печать холостой жизни небѣднаго человѣка безъ опредѣленныхъ занятій и привязанностей. Тутъ были и картины, и бронза, и книги, но все это словно случайно попало сюда, точно купилось отъ нечего дѣлать, отъ скуки, мимоходомъ, мимоѣздомъ, на какомъ-нибудь публичномъ «базарѣ», на какомъ-нибудь аукціонѣ, не потому, что было нужно, а потому, что попало на глаза, подвернулось подъ руку. Намъ отперла двери молодая, краснощекая, здоровая и бойкая служанка «изъ столичныхъ» съ смѣлыми и жи-

выми глазами, одѣтая празднично, нѣсколько пестро и съ претензіей казаться «барышней». Она быстро бросила на меня подозрительный и не совсѣмъ дружелюбный взглядъ.

— А гдѣ Митька?—спросилъ у нея Клименко.

— Извѣстно гдѣ—слоновъ продаетъ на улицѣ,—отвѣтила она и разсмѣялась, показавъ два ряда бѣлыхъ зубовъ.— Что ему больше дѣлать!

— Приготовьте мнѣ переодѣться,—проговорилъ онъ.

— Ѣдете опять куда-нибудь?—спросила служанка.

— Ну да, не съ вами же сидѣть, — сказалъ онъ и попросилъ меня подождать въ гостиной.

Я остался одинъ. Въ сосѣдней комнатѣ началось переодѣванье хозяина.

— Опять на всю ночь къ французенкамъ какимъ-нибудь уѣдете,—послышался не совсѣмъ тихій голосъ служанки.

— Да тебѣ-то что? — съ досадой проговорилъ Клименко пониженнымъ голосомъ.

— Видно чужія-то лучше своей!—съ упрекомъ замѣтила молодая женщина.

— Дура!—тихо проворчалъ Клименко.

— Онѣ-то умнѣе, что ли?—послышался вопросъ, сдѣланный вкрадчивымъ и лукавымъ тономъ.

— Замолчи ты! Не то я тебя выгоню!—сердился Клименко.

— Ну, ну, чего сердитесь! Хорошій мой!

Я ясно услышалъ поцѣлуй и сдержанный смѣхъ молодой дѣвушки.

— Тсс! Отстань!—ворчалъ Клименко, но въ его голосѣ уже слышался не гнѣвъ.

Минутъ черезъ пять онъ вышелъ ко мнѣ расфранченный, беззаботно насвистывая изъ «Прекрасной Елены»:

«Мы всѣ невинны отъ рожденья»...

Его лицо сіяло и точно помолодѣло.

— Ну, вотъ я и готовъ! Поѣдемте злословить! — обратился онъ ко мнѣ, быстро подходя къ зеркалу.—Надѣюсь, не долго задержалъ? У меня вѣдь все мигомъ. Не люблю копаться...

Онъ говорилъ быстро, развязно, точно желая показать, что въ эти минуты переодѣванья не произошло ничего особеннаго между нимъ и его востроглазой служанкой. А она, уже не сердитая и не хмурая, съ ласковой и лукавой улыбкой смотрѣла, стоя въ дверяхъ, какъ онъ охорашивался передъ зеркаломъ, поправляя галстукъ и жилетъ. Въ ея глазахъ было столько ласки и обожанія, что я понялъ все.

«Такъ вотъ оно, его стойло-то»,— подумалъ я и невольно улыбнулся.

Онъ, смотря въ зеркало, замѣтилъ мою улыбку, покраснѣлъ, какъ школьникъ, повернулся какъ-то по-мальчишески на каблукахъ, окинулъ взглядомъ и красавицу-служанку, и меня, быстро взялъ меня подъ руку и повлекъ за собою.

— Вы о чемъ это задумались? — спросилъ онъ меня веселымъ, совсѣмъ молодымъ тономъ.

— О стойлѣ,—отвѣтилъ я.

— О незаконномъ? — захохоталъ онъ и ударилъ меня слегка по рукѣ.—Человѣкъ, батюшка, есмь, и весь на лицо передъ вами...

Мы поѣхали въ «Ливадію». Клименко обѣщалъ мнѣ разсказать нѣсколько исторій объ «отцахъ и дѣтяхъ», такъ какъ вопросъ объ «отцахъ и дѣтяхъ» послужилъ поводомъ къ нашему первому знакомству.

II.

Какъ люди дѣлаются отцами.

Мы—я и Клименко—пріѣхали въ «Ливадію». Прислуга и кассиръ раскланивались съ Клименко, какъ съ почетнымъ посѣтителемъ ихъ увеселительнаго заведенія. Мы взяли билеты и прошли въ садъ. Въ саду уже играла музыка. Клименко окинулъ прищуренными глазами садъ и проговорилъ:

— Мы съ вами здѣсь одни.

— Нѣтъ, народу порядочно,—сказалъ я.

— Я хотѣлъ сказать, что здѣсь нѣтъ никого изъ кружка знакомыхъ мнѣ петербургскихъ шатуновъ,—пояснилъ онъ.— Они, впрочемъ, вообще рѣдко бываютъ здѣсь и по большей части засѣдаютъ въ «Демидрошкѣ»... Вы желаете слушать музыкальныя экзерциціи или болтать за стаканомъ вина на чистомъ воздухѣ?—спросилъ онъ меня.

— Послѣднее, я думаю, будетъ лучше,—замѣтилъ я.

— Вы правы, они разыграютъ свои музыкальныя пьесы такъ же скверно и при насъ, какъ безъ насъ, значитъ, лучше не стѣснять ихъ исполнять ихъ работу, — рѣшилъ онъ и направился со мною на одинъ изъ балконовъ.

Передъ нами развернулся довольно красивый видъ на рѣку; на столѣ появилось бургонское вино; мы закурили сигары и приняли покойныя позы людей, убивающихъ праздный вечеръ на чистомъ воздухѣ. Воздухъ былъ дѣйствительно чистый, теплый, располагающій къ лѣни, къ отдыху.

— Я вамъ хотѣлъ поразсказать объ отцахъ и дѣтяхъ,— началъ въ раздумьи Клименко. — Я, можетъ-быть, затруднился бы въ выборѣ разсказа, если бы этотъ тихій вечеръ не напомнилъ мнѣ почему-то такихъ же тихихъ вечеровъ въ Швейцаріи, гдѣ я лѣчился сывороткою отъ скуки.

— Я и не зналъ, что сыворотка излѣчиваетъ отъ скуки,— улыбнулся я.

— То-есть, она вовсе не излѣчиваетъ отъ скуки, но я-то лѣчился ею отъ скуки по недоразумѣнію. Дѣло въ томъ, что лѣтъ восемь тому назадъ я началъ чувствовать, что здоровье мое серьезно разстраивается: и тутъ ноетъ, и тамъ болитъ, и здѣсь ломитъ, однимъ словомъ, я чувствовалъ, что у меня есть и ноги, и руки, и голова, и сердце, а это уже вѣрный признакъ серьезной болѣзни. Здоровые люди не чувствуютъ, не замѣчаютъ своей грѣшной плоти... Я посовѣтовался съ докторами, и они послали меня сперва полоскаться водами, а потомъ переполаскиваться сывороткой. Я аккуратно исполнилъ ихъ предписанія, переполаскался всякою дрянью и, наконецъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ пришелъ къ убѣжденію, что я вовсе и не былъ никогда боленъ, а что меня грызла скука, продолжавшая грызть меня съ удвоенною силою и въ Эмсѣ, и въ Интерлакенѣ. Вслѣдствіе этого открытія я обругалъ въ душѣ подлецами всѣхъ докторовъ, дѣлающихъ глубокомысленныя физіономіи ученыхъ, чтобы побольше срывать денегъ съ простячковъ, — и махнулъ въ Парижъ...

— Въ Парижъ?—удивился я.

— Ну, да, гдѣ же и лѣчиться отъ скуки, какъ не въ Парижѣ, — пояснилъ Клименко. — Я узналъ свою болѣзнь и принялъ радикальныя мѣры. Черезъ два мѣсяца я былъ, какъ встрепанный, — никакихъ недуговъ и слѣда не осталось. Но дѣло не въ этомъ. Я вамъ сказалъ, что сегодняшній вечеръ напомнилъ мнѣ вечера, проведенные мною въ Швейцаріи...

— Своею скукою?—спросилъ я.

— Нѣтъ, своимъ чистымъ воздухомъ и затишьемъ,—пояснилъ съ легкой усмѣшкой Клименко.—А вмѣстѣ съ этимъ воспоминаніемъ припомнилась мнѣ одна исторія, которая, какъ нельзя лучше, можетъ служить вступленіемъ къ моимъ разсказамъ объ отцахъ и дѣтяхъ. Если бы я вздумалъ писать свои воспоминанія, то я началъ бы именно этой исторіей и назвалъ бы разсказъ о ней разсказомъ о томъ, «какъ люди дѣлаются отцами»... Пожалуйста, не думайте, что я

хочу скабрезничать. Я люблю скабрезныя сцены въ жизни, но не люблю скабрезныя мысли и слова. Картины вообще нужно смотрѣть, а не разсказывать... Но не бойтесь, я болѣе не буду уклоняться въ сторону отъ разсказа...

Клименко налилъ себѣ полстакана вина, сдѣлалъ два глотка, затянулся сигарой и началъ.

— Я сидѣлъ вотъ точно такъ же, какъ теперь, среди вечерняго затишья, за стаканомъ вина, съ сигарою въ зубахъ на балконѣ одного изъ большихъ женевскихъ отелей. Я уже кончилъ въ то время лѣченіе сывороткою и готовился махнуть въ Парижъ, предвкушая всѣ сладости придуманнаго мною радикальнаго лѣченія. Вдругъ ко мнѣ на балконъ вбѣгаетъ какой-то господинъ, длинный, тощій, какъ сухая треска, съ козлиной бородкой, съ длинными, какъ у деревенскаго попа, волосами, въ потертомъ и порыжѣвшемъ бархатномъ пиджакѣ и очень коротенькихъ «невыразимыхъ» свѣтлаго песочнаго цвѣта съ темными коричневыми клѣтками.

— Извините меня, что я васъ безпокою... Вы, кажется, русскій, если я не ошибаюсь?—спрашиваетъ онъ меня прерывающеюся отъ одышки и смущенія фистулою.

— Русскій,—отвѣчалъ я.

— У меня до васъ большая просьба,—съ еще большимъ волненіемъ говорилъ онъ. — Вамъ, можетъ-быть, покажется страннымъ... но что дѣлать... мы въ чужой странѣ... Не можете ли вы быть у меня свидѣтелемъ...

— Ради Бога, избавьте!—перебиваю я.—Я ни въ какія дрязги не вмѣшиваюсь... Я далъ себѣ слово...

— Позвольте!.. Вы меня не поняли... Мнѣ нуженъ свидѣтель и шаферъ... Я вѣнчаюсь и у меня недостаетъ свидѣтеля и шафера,—поясняетъ онъ, окончательно смутившись.

Я такъ и разинулъ ротъ. Если бы онъ пригласилъ меня въ читальщики къ себѣ,—я удивился бы гораздо менѣе, потому что легче было представить его лежащимъ на завтра въ гробу, чѣмъ вообразить его стоящимъ сегодня подъ вѣнцомъ.

— Скажите, вы не откажетесь?—спросилъ онъ, видя, что я не отвѣчаю, и протянулъ мнѣ руку.

Въ его голосѣ, въ его рукопожатіи было что-то молящее, точно я призывался спасти его.

— Не смѣю отказаться, — вѣжливо проговорилъ я.—Но позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить.

— Аполлонъ Александровичъ Невѣкинъ, стипендіатъ императорской академіи художествъ,—отрекомендовался онъ.

— Очень пріятно познакомиться,—промолвилъ я, назвавъ свою фамилію, и тутъ же подумалъ, что ему было бы приличнѣе называться вмѣсто Аполлона—Харитономъ.—Когда же вы вѣнчаетесь?—спросилъ я.

— Сегодня, сейчасъ,—отвѣчалъ онъ торопливо и вдругъ какъ-то неловко замялся.—Только видите ли...—началъ онъ въ смущеніи.—У меня есть еще просьба... извините меня... это такой случай...

— Да вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь,—ободрилъ я его.—Чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ?

Онъ начиналъ меня интересовать.

— Видите ли, у меня здѣсь только одна эта пара платья, а мнѣ не хотѣлось бы... Знаете, все-таки неприлично въ пестромъ...

— Позвольте, насколько я васъ понимаю, то вамъ нужна черная пара платья, и вы, вѣроятно, не можете ее купить...

— Зачѣмъ покупать? Зачѣмъ?—воскликнулъ онъ жидкой фистулой.—Мнѣ только на разъ надѣть... Я никогда не ношу чернаго... Просто одолжите мнѣ на одинъ вечеръ, если у васъ есть...

Я не выдержалъ и расхохотался, взглянувъ на его фигуру. Онъ не столько обидѣлся, сколько смутился отъ моего невольнаго смѣха.

— Вы меня извините,—началъ я.—Но ваша фигура и моя — мы съ вами, можетъ-быть, и изъ одной глины сдѣланы, но въ разныя формы отлиты.

— А, это ничего... это ничего! — заторопился онъ. — На одинъ разъ не важность... было бы черное... а то не бѣда...

Мнѣ оставалось только согласиться. Да, впрочемъ, мнѣ уже и самому очень хотѣлось теперь полюбоваться, какъ будетъ висѣть мое платье на этой жерди. Я даже думалъ, что подобное зрѣлище окажетъ благотворное вліяніе на мое здоровье, доставивъ мнѣ нѣсколько веселыхъ минутъ. Я не ошибся въ своемъ предположеніи и пережилъ въ этотъ день нѣсколько самыхъ веселыхъ часовъ въ своей жизни. Правда, мнѣ за это удовольствіе пришлось обвѣнчать и устроить свадебный пиръ этого скелета, но я не жалѣлъ о потраченныхъ деньгахъ. Въ Парижѣ пришлось еще дороже заплатить за лѣченье отъ скуки. Когда я увидалъ невѣсту,—мнѣ пришлось разинуть ротъ отъ удивленія. Я ожидалъ увидѣть необыкновенную красоту, передъ которой не могла устоять художественная натура Невѣкина, и увидалъ второй скелетъ, только миньятюрный, съ весноватымъ лицомъ,

съ жиденькими, болѣзненно-тонкими волосами, съ доскообразной грудью и красными пятнами на щекахъ вмѣсто румянца. Невѣкинъ смотрѣлъ въ моей «черной парѣ» комичнымъ, его невѣста въ заношенномъ барежевомъ платьѣ смотрѣла жалкою. Оказалось, что жениху и невѣстѣ нечѣмъ было заплатить въ церкви, не на что было устроить угощенія, а изъ гостей, какихъ-то лохматыхъ и чумазыхъ личностей, какъ видно, не пристроившихся ни къ какому стойлу, едва ли хотя одинъ имѣлъ за душою пару франковъ. Такимъ образомъ, мнѣ пришлось женить эту пару на свой счетъ, и я исполнилъ свою обязанность наилучшимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, подъ конецъ вечера всѣ лохматые гости горланили во все горло, точно они были не въ скромномъ женевскомъ пансіонѣ, а гдѣ-нибудь въ гулящемъ трактирѣ, у насъ на святой Руси во время ярмарки. Невѣкинъ расчувствовался и все обнималъ меня, говоря мнѣ уже: «ты».

— Ты не шаферъ у меня, ты мой посажёный отецъ!— взвизгивалъ онъ, утирая слезы и присасываясь ко мнѣ своими тощими губами.

«Молодая» все больше конфузилась и молчала, хотя она была не глупа, получила институтское образованіе, кое-что читала на своемъ вѣку. Какъ я узналъ потомъ, Невѣкинъ получалъ содержаніе изъ академіи художествъ, но не представлялъ никакихъ работъ, шляясь болѣе по тавернамъ, кнейпе, гарготкамъ и кафе за границею, чѣмъ по музеямъ и мастерскимъ художниковъ, и въ послѣднее время ему перестали высылать деньги, вслѣдствіе чего онъ вступилъ въ переписку съ начальствомъ; онъ былъ недалекій малый, мало даровитая личность, плохо образованный человѣкъ, но добрый товарищъ, увлекающаяся натура, bon-vivant, любящій шампанское, сыры, устрицъ и трюфели, но, по недостатку средствъ, замѣнявшій все это сквернѣйшими напитками тавернъ, селедками и печеными каштанами; молодая, Аделаида Ивановна Рошкова, теперь madame Невѣкина, была совсѣмъ бѣдная сирота, поступившая въ Петербургѣ въ гувернантки въ отъѣздъ за границу въ семью какой-то вдовы-генеральши; генеральша повезла своихъ дѣтей и гувернантку на воды и проигралась тамъ въ пухъ и въ прахъ, такъ-что едва могла дотащиться до Женевы, гдѣ жили ея богатые родственники; родственники приняли генеральшу сухо и холодно, намылили ея полусѣдую превосходительную голову за легкомысліе, дали ей денегъ для возвращенія въ Россію въ вагонахъ третьяго класса, а гувернантку — раз-

считали: у несчастной дѣвушки не было сдѣлано съ генеральшею никакихъ формальныхъ условій о возвращеніи въ Россію, и потому ей пришлось покориться судьбѣ; для нея настали тяжелые дни голованья въ чужомъ городѣ, въ чужой скупой Швейцаріи; въ это время ее и встрѣтилъ Невѣкинъ, пріѣхавшій въ Швейцарію «посмотрѣть на природу». Вотъ все, что я узналъ о моихъ «посажённыхъ дѣтяхъ» въ этотъ вечеръ. Что ихъ свело, почему они женились—это оставалось для меня загадкою.

На другой день поутру Невѣкинъ явился ко мнѣ, одинъ, хмурый, какъ осѣнняя ночь, поминутно вздыхая, точно онъ усталъ отъ тяжкой дороги. Послѣ я узналъ, что у него было въ привычкѣ такъ вздыхать, когда ему приходилось плохо. Я встрѣтилъ его радушно и спросилъ о его женѣ.

— Зубы у нея разболѣлись. Она такая слабая, — отвѣтилъ онъ со вздохомъ. — Не знаю, что мы теперь будемъ дѣлать. Мнѣ нельзя уѣхать отсюда, покуда не получу извѣстій изъ академіи, а жить здѣсь дорого. Да и не на что уѣхать, мы остались совсѣмъ на бобахъ. Правда, у жены есть довольно богатые родные, но неловко же ей просить ихъ о помощи теперь или уѣхать къ нимъ тотчасъ же послѣ свадьбы, вѣдь это ужъ выйдетъ чортъ знаетъ на что похоже...

— Извините меня,—замѣтилъ я. — Я не понимаю, какъ вы рѣшились жениться въ такомъ положеніи.

— Да что же было дѣлать, развѣ вы не знаете, какую штуку сыграли съ моей женою?—сказалъ онъ.

— Знаю. Ее бросили здѣсь на произволъ судьбы

— Ну, да... Какъ же было поступить въ этомъ случаѣ? Дѣвушка осталась на чужой сторонѣ одна, безъ средствъ.

— Да, но какъ же вы дошли до мысли, что замужество можетъ поправить ея положеніе?

— Я этого и не думалъ,—наивно сказалъ Невѣкинъ.— Просто вижу, она плачетъ, не знаетъ, что дѣлать; я ее постарался ободрить, утѣшить... Ну, а потомъ и вижу, что мнѣ, какъ честному человѣку, нельзя уже бросить ее, такъ какъ, можетъ-быть, она сдѣлается матерью.

— Позвольте, позвольте, да развѣ она оттого убивалась, что у нея любовника не было, что вы ее этимъ способомъ утѣшали?—воскликнулъ я.

— Нѣтъ... но какъ же иначе?.. Это такъ случилось... Я и самъ не знаю, почему это случилось!—прибавилъ онъ въ недоумѣніи.

Я расхохотался, какъ сумасшедшій. Я даже не извинился передъ нимъ за свой смѣхъ.

— Да, хорошо вамъ смѣяться, а каково теперь намъ,— вздохнулъ онъ.—Хоть въ петлю полѣзай... Положимъ, она еще не въ интересномъ положеніи, но вѣдь и это можетъ случиться...

— Ну, батенька, если каждый мужчина станетъ утѣшать такими средствами первую попавшуюся ему плачущую дѣвушку, такъ, разумѣется, ему придется, какъ честному человѣку, въ концѣ-концовъ, жениться на ней, только едва ли въ подобномъ способѣ утѣшенія въ горѣ есть человѣческій смыслъ,—замѣтилъ я.

— Да вѣдь это такъ само собою случилось... Чѣмъ же мы-то тутъ виноваты?—недоумѣвалъ онъ.

Я только руками развелъ...

Клименко отпилъ вина, затянулся сигарою и продолжалъ:

— Не думайте, что я разсказалъ вамъ исключительный случай. Нѣтъ, повѣрьте моей опытности и моей наблюдательности, — такихъ браковъ заключается сотни, тысячи и десятки тысячъ. Встрѣчаются мужчина и женщина, дѣлаются друзьями или утѣшаютъ другъ друга во взаимныхъ печаляхъ, гуляя при свѣтѣ луны гдѣ-нибудь по саду, просиживая вдвоемъ за интереснымъ чтеніемъ, и трахъ! видятъ, что они подружились, начитались и доутѣшали другъ друга до того, что честь требуетъ законнаго брака. Это смѣшной способъ доказывать другъ другу сочувствіе и участіе, но этотъ способъ въ ходу у людей. Оно бы, пожалуй, и ничего, если бы слѣдствіемъ этого рода утѣшеній не являлись, въ концѣ-концовъ, дѣти. Когда я уѣзжалъ изъ Женевы въ Парижъ, меня сильно интересовалъ вопросъ, какъ выбьются изъ своего положенія Невѣкины, и что за участь ждетъ ихъ дѣтей, если таковыя будутъ. Я даже хотѣлъ попросить Невѣкина писать ко мнѣ, но я врагъ вообще всякой переписки съ той поры, какъ во время моего студенчества два изъ моихъ писемъ вовсе не дошли по адресу и прочлись любознательными людьми, которымъ не слѣдовало читать этихъ писемъ. Вслѣдствіе этого я не заикнулся Невѣкину о перепискѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я совсѣмъ потерялъ его изъ виду...

Прошло около двухъ лѣтъ, и я уже забылъ объ этой странной парѣ, когда въ Петербургѣ мнѣ случайно встрѣтился на Невскомъ мой «посажёный сынъ». Онъ былъ

все такимъ же скелетомъ, былъ все такъ же пестро одѣтъ и все попрежнему вздыхалъ. Онъ по своей привычкѣ шумно обрадовался встрѣчи со мною, объявилъ, что онъ теперь пишетъ портреты, что у него есть уже сынъ... Мы обмѣнялись адресами и разошлись... Я думалъ зайти къ нему, посмотрѣть на его житье-бытье, да какъ-то такъ и не собрался: сегодня у знакомыхъ обѣдъ, завтра чей-нибудь бенефисъ, а тамъ, глядишь, голова болитъ послѣ пикника — вѣдь и у насъ, какъ и у дѣловыхъ людей, есть свои «обязанности» и «дѣла», мѣшающія иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ сходить въ баню или къ обѣднѣ.

Такъ прошло еще мѣсяца три, когда въ одну прекрасную ночь, часовъ въ двѣнадцать, въ моей квартирѣ раздался сильный звонокъ. Я только-что пріѣхалъ изъ театра и собирался лечь спать, когда зазвенѣлъ колокольчикъ... Я веду такой мирный образъ жизни, что не опасаюсь незванныхъ ночныхъ посѣтителей и не вздрагиваю при неожиданныхъ ночныхъ звонкахъ, такъ какъ у меня нѣтъ ни рулетки, ни запрещенныхъ книгъ, ни беззаконныхъ сборищъ, но тутъ, признаться, я вздрогнулъ, такъ былъ рѣзокъ этотъ звонокъ. Такъ звонятъ только власть имѣющіе полицейскіе или не признающіе властей люди въ бѣдѣ. Я пошелъ самъ отпирать двери. Черезъ минуту передо мной стоялъ Невѣкинъ, растрепанный, запыхавшійся, взволнованный.

— Ради Бога, ради Бога, спасите насъ! У мальчика крупъ! У насъ ничего нѣтъ, намъ надо доктора! — заговорилъ онъ, не здороваясь со мною. — Я совсѣмъ потерялъ голову... Былъ у всѣхъ знакомыхъ... все голь... И если бы вы знали, какой ребенокъ! Вчера еще началъ говорить: «папа»... такъ чисто-чисто сказалъ: «папа»...

Онъ и волновался, и плакалъ. Я поспѣшилъ на помощь.

Самъ я давно отказался отъ практики. Но я знаю хорошихъ докторовъ. Я отослалъ Невѣкина домой и поскакалъ за врачомъ. Черезъ часъ врачъ и я уже были въ квартирѣ Невѣкиныхъ. Они жили на Гороховой, въ пятомъ этажѣ, на третьемъ дворѣ большого каменнаго разсадника тифовъ и лихорадокъ. По темной, головоломной лѣстницѣ мы добрались съ докторомъ до квартиры Невѣкиныхъ, и нашимъ глазамъ представилось нѣчто болѣе чѣмъ печальное. Передъ нами были двѣ почти пустыя комнаты, въ которыхъ если и были вещи, то именно такія вещи, которыя вовсе были не нужны для домашняго обихода. Въ гостиной стоялъ мольбертъ, на которомъ висѣли старые мужскіе панталоны и

заношенная женская юбка; у одной стѣны стоялъ на полу портретъ какого-то большебородаго купца, наполовину замазанный сѣрою краскою, какъ негодный и неудавшійся; въ углу красовалась новенькая дѣтская лошадка и игрушечные киверъ и сабля, вещи купленныя, какъ видно, очень недавно, хотя трудно было понять, какой смыслъ имѣла ихъ покупка, когда въ домѣ былъ только одинъ годовой ребенокъ; на подоконникахъ валялась груда фотографическихъ карточекъ актрисъ и актеровъ, ящикъ съ масляными красками и кисти; вмѣсто мебели здѣсь было только два кухонныхъ табурета. Въ спальнѣ, куда ввела насъ Невѣкина, стояла березовая двухспальная кровать съ грязными подушками и простынями и роскошная колыбель съ кисеей и голубыми бантами; тутъ же валялись двѣ бутылки изъ-подъ вина, закапанныя стеариномъ и, очевидно, служившія иногда вмѣсто подсвѣчниковъ; на большомъ столѣ, стоявшемъ между двумя окнами, было нѣчто невообразимое; здѣсь, на грязной скатерти, покрывавшей половину стола, были остатки ужина и грязной посуды, а на другой половинѣ его красовались банки и склянки съ духами, помадой, пудрой и громоздились двѣ картонки со шляпами; одна стѣна въ спальнѣ была вся увѣшана платьемъ или, лучше сказать, обрывками платья. Но среди этого хаоса, несмотря на нищенствующую обстановку въ жилищѣ, были двѣ служанки, одѣтыя гораздо лучше, чѣмъ ихъ господа, а на столѣ виднѣлась недавно опорожненная бутылка изъ-подъ рейнвейна. Докторъ осмотрѣлъ ребенка, хилое, золотушное и некрасивое созданье, и осторожно объявилъ, что его помощь тутъ ни при чемъ. Ребенокъ черезъ часъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ...

Я вамъ не могу передать отчаянія Невѣкиныхъ; они рыдали, то припадали къ трупу ребенка, то падали другъ къ другу въ объятія.

— Вчера еще купилъ ему игрушки,—говорилъ, захлебываясь слезами, Невѣкинъ. — Онъ вѣдь все понималъ, какъ большой... У меня, знаете, вчера были деньги... вотъ попировали передъ горемъ... Вино пили, пріятели были... А теперь!..

Невѣкинъ припалъ къ ребенку.

— Господи, какъ мы его хоронить будемъ! У меня ничего нѣтъ,—плакалъ онъ.

— Не говори, не говори о похоронахъ! Я его не отдамъ, не отдамъ зарыть въ землю моего ангела!—убивалась Невѣкина.

Я далъ имъ денегъ и уѣхалъ.

На другой день Невѣкинъ заѣхалъ пригласить меня на похороны. Я вообще люблю посѣщать всякія церемоніи, кромѣ похоронныхъ, и потому попробовалъ отказаться отъ приглашенія, но Невѣкинъ заявилъ, что я ихъ обижу, что я гнушаюсь ими, и все это говорилось въ такомъ тонѣ, что пришлось согласиться на приглашеніе. На слѣдующій день я былъ у нихъ, и вообразите мое удивленіе. Ребенокъ лежалъ въ бѣломъ глазетовомъ гробу, гробъ стоялъ на траурномъ катафалкѣ и былъ покрытъ парчевымъ покровомъ, гирлянды цвѣтовъ украшали покойника, траурныя свѣчи, выносъ ребенка былъ сдѣланъ со священникомъ, который служилъ наканунѣ панихиды по годовомъ ребенкѣ...

— Вотъ теперь нужно кормилицу разсчитать, выходныя платья ей дать,—говорилъ Невѣкинъ, когда мы возвращались съ похоронъ на поминки, на которыя было приглашено человѣкъ восемь постороннихъ людей. — Похороны пришлось устроить въ долгъ... что мы будемъ дальше дѣлать — я и не знаю... И что это за жизнь! Ни опредѣленной работы, ни опредѣленныхъ средствъ...

Я осторожно и съ подходцами намекнулъ Невѣкинымъ, что имъ было бы удобнѣе на время разойтись, ей принять мѣсто гувернантки, ему нанять комнату отъ жильцовъ.

— Да какъ же это можно! Вѣдь Адель въ такомъ положеніи!—шепнулъ мнѣ Невѣкинъ.—Она будетъ опять матерью.

— Опять!—тихо воскликнулъ я въ ужасѣ, взглянувъ на Невѣкину.

Она стыдливо опустила глаза, понявъ смыслъ нашего разговора.

— Я такъ боюсь, что это потрясеніе повліяетъ на нее,— тихо сказалъ мужъ.—Она уже на четвертомъ мѣсяцѣ беременна... Наша жизнь такъ горько сложилась, что только и ободряемся, сознавая, что мы любимъ другъ друга...

«И утѣшаемъ одинъ другого», чуть не сказалъ я и подумалъ: когда кончатся эти утѣшенія и сколько плодовъ они дадутъ? И хорошо еще, если эти плоды взаимныхъ утѣшеній будутъ погибать такъ же скоро, какъ первый плодъ этихъ утѣшеній. А что будетъ, если дѣти, наперекоръ всему, станутъ выживать?..

Я больше не видалъ Невѣкиныхъ, избѣгая встрѣчъ съ ними. Впрочемъ еще одинъ разъ они промелькнули на минуту передо мною:—я видѣлъ ихъ подъѣзжающими къ «Де-

мидрошкѣ» въ четверомѣстной коляскѣ съ четверыми пріятелями сомнительнаго сорта; Невѣкины были одѣты во все новое; компанія была навеселѣ и безцеремонно шумѣла. Увидавъ меня, Невѣкинъ обрадовался.

— А мы сегодня кутимъ,—сказалъ онъ, потрясая мою руку.—Я получилъ заказъ написать портреты съ одной купеческой семьи, по сто рублей за портретъ и денегъ немного впередъ дали!..

— Есть у васъ дѣти?—спросилъ я.

— Какъ же, какъ же, два мальчика и дѣвочка... Вы заходите къ намъ, посмотрите...

Онъ далъ мнѣ свой адресъ: Гончарная улица, нумеръ дома чуть не сотый, нумеръ квартиры чуть не тысячный... Я понялъ, что мнѣ незачѣмъ идти туда, такъ какъ картина, вѣроятно, представится такая же, какую я видѣлъ и въ Гороховой...

Мы допили съ Клименко нашу бутылку бургонскаго и пошли бродить по саду, гдѣ набралось уже много публики. Клименко встрѣтилъ цѣлую компанію знакомыхъ, представилъ имъ меня и волей-неволей мнѣ пришлось присутствовать на веселомъ холостомъ кутежѣ до поздней ночи. Когда мы на разсвѣтѣ садились въ экипажъ, Клименко замѣтилъ мнѣ:

— Вотъ и убили еще одинъ день въ своей жизни съ спокойной совѣстью, что не сдѣлались и въ этотъ день безсознательными убійцами какого-нибудь будущаго человѣка. А это сознаніе, батенька, не шутка, и немногіе трезвые отцы семейства могутъ сказать то же, засыпая въ эту минуту въ своей супружеской опочивальнѣ...

— О, неисправимый панегиристъ холостого разгула!—засмѣялся я.

— Да, да, толкуйте!—ударилъ онъ меня по колѣнкѣ.—Поживите да посмотрите сами—и вы будете говорить то же.

— Вотъ послушаю еще, что вы видѣли, тогда, можетъ-быть, и перейду въ вашу секту,—пошутилъ я.

— Что-жъ, я не отступаю отъ своего слова и подѣлюсь съ вами своими наблюденіями... А вѣдь признайтесь,—вдругъ обернулся онъ ко мнѣ лицомъ и зорко взглянулъ мнѣ въ глаза:—вы напишете, напечатаете и продадите мой разсказъ, да кстати опишете и меня.

— Еще бы!—улыбнулся я.—Разсказъ настолько же поучителенъ, насколько поучительны и вы сами. Не будь семействъ

въ родѣ Невѣжиныхъ, не было бы и холостяковъ въ родѣ господъ Клименко...

— Пожалуй, что вы и правы,—согласился онъ, удобно откидываясь къ спинкѣ коляски и протягивая впередъ ноги.

— Второй мой разсказъ объ «отцахъ и дѣтяхъ»,—началъ Клименко, спустя минуту, но я остановилъ его движеніемъ руки.

— Не лучше ли поговорить объ этомъ въ другое время,—замѣтилъ я.—Теперь же вы меня завезете домой...

III.

Кукушка стараго времени.

— Вы знаете Макаревскихъ?—спросилъ меня на-дняхъ Клименко, бродя со мною по Невскому проспекту.

— Какихъ Макаревскихъ?—спросилъ я, въ свою очередь.

— Да все равно, какихъ... Я думаю, что всѣ Макаревскіе непремѣнно дѣти Ѳедосьи Андреевны Макаревской,—съ усмѣшкой отвѣтилъ Клименко.—Я вспомнилъ о ней и ея дѣтяхъ совершенно случайно... вѣроятно, вслѣдствіе встрѣчи вонъ съ этимъ господиномъ...

Клименко указалъ глазами на оборваннаго и полупьянаго нищаго въ форменномъ сюртукѣ и въ фуражкѣ съ кокардой, только-что подходившаго къ намъ съ просьбою о милостынѣ «отставному военному, проливавшему кровь»...

— Ѳедосью Андреевну я помню съ самыхъ раннихъ лѣтъ моего дѣтства,—началъ Клименко свой разсказъ, не торопливо проходя подъ руку со мною по Невскому.—Но страннымъ образомъ мое воспоминаніе о ней неразрывно связывается съ воспоминаніемъ о томъ, что у нея крестили ребенка. На свѣтѣ есть много такихъ людей, про которыхъ нельзя вспомнить, не вспомнивъ объ извѣстной обстановкѣ. Такъ, я зналъ одного армейскаго прапорщика, котораго я никогда не могъ вспомнить иначе, какъ запыхавшимся, облитымъ потомъ и ангажирующимъ десятую дѣвицу на галопъ... Ѳедосью Андреевну я тоже не могу вспомнить, не вспомнивъ въ то же время о крестинахъ ребенка. Эта матушка-помѣщица старыхъ временъ была настолько добродѣтельною женой, что неизмѣнно каждый годъ доказывала свою вѣрность мужу рожденіемъ новаго ребенка. Другіе помѣщики изъ нашихъ сосѣдей справляли дни своихъ именинъ и рожденій, когда же насъ приглашали къ Макаревскимъ, то мы такъ и знали, что насъ приглашаютъ на крестины. Я за-

трудился бы теперь назвать вамъ по именамъ всѣхъ дѣтей Ѳедосьи Андреевны; я достовѣрно могу сказать, что всѣ они были Ивановичи и Ивановны, такъ какъ самого счастливаго отца семейства Макаревскихъ звали Иваномъ Ѳедоровичемъ, и такъ какъ дѣти всѣ до одного были несомнѣнно законныя. Впрочемъ, Ѳедосьѣ Андреевнѣ было и недосугъ баловаться при ея плодовитости... Но я обрисовалъ бы вамъ не вполнѣ Ѳедосью Андреевну, сказавъ, что я воспоминаніе о ней соединяю только съ воспоминаніемъ о крестинахъ ребенка. Нѣтъ. Когда насъ звали къ Макаревскимъ, мы знали, что у нихъ крестины. Но когда насъ не звали къ Макаревскимъ—мы тоже напередъ знали, что Ѳедосья Андреевна, вѣрно, отсутствуетъ и хлопочетъ о томъ, куда бы «пристроить» своихъ дѣтей или, какъ она выражалась, «свою мелюзгу».

— Ну, какъ здоровье Ѳедосьи Андреевны?—спрашиваютъ, бывало, у Ивана Ѳедоровича, когда онъ заѣзжалъ къ намъ.

— Не знаю, не знаю... Она уѣхала, хлопочетъ пристроить куда-нибудь нашего мальчика,—заботливо и грустно отвѣчалъ Иванъ Ѳедоровичъ.—Только опасаюсь я за нее... Она, знаете, въ интересномъ положеніи поѣхала въ Петербургъ—мало ли что можетъ случиться... Женщина тоже слабая... Такъ это меня тревожитъ, даже сны нехорошіе вижу... право!

— Куда же вы думаете пристроить ребенка?

— Въ Александровскій корпусъ хлопочемъ. Вотъ дочь въ прошломъ году свезли въ институтъ. Едва успѣешь одного поднять на ноги,—глядишь, Богъ другого дастъ... Столько хлопотъ!

— И дѣйствительно, такъ это и шло у нихъ: то они зовутъ на крестины одного изъ Макаревскихъ, то Ѳедосья Андреевна «пристраиваетъ» другого изъ Макаревскихъ и такъ безъ конца: крестины и пристройка, пристройка и крестины ребятъ. И какъ умѣла Ѳедосья Андреевна пристраивать дѣтей, такъ это и вообразить трудно. Объѣздитъ десятокъ вліятельныхъ лицъ, въ двадцати пріемныхъ комнатахъ продежуритъ, съ сотнею писарей и чиновниковъ переговоритъ, безъ счету прошеній напишетъ, а своего добьется. У нея даже образцы прошеній, написанные чиновниками разныхъ вѣдомствъ, хранились на случай: въ одномъ очень трогательно она называла себя «матерью, удрученною многочисленнымъ семействомъ», въ другомъ она униженно «припадала къ стопамъ», сообразуясь въ каждомъ

случаѣ съ характерами тѣхъ лицъ, къ которымъ приходилось обращаться. И зато были у нея дѣти и въ Александровскомъ корпусѣ, и въ Орловскомъ, и въ Аракчеевскомъ въ Новгородѣ, и въ Елизаветинскомъ, и въ Смольномъ институтахъ, и на Николаевской, и на Александровской половинахъ. Однимъ словомъ, это была вполнѣ «кукушка».

— Позвольте, почему вы ее называете кукушкой?—спросилъ я.

— Да говорятъ, что кукушка въ чужія гнѣзда свои яйца кладетъ для высиживанія,—серьезно отвѣтилъ Клименко.— Самъ я не видалъ этого, но говорятъ, что такъ...

Я разсмѣялся.

— И точно, о своемъ гнѣздѣ, подобно большинству дѣльцовъ и спеціалистовъ, она мало заботилась,—продолжалъ Клименко.—Въ свое гнѣздо она пріѣзжала только рожать, да крестить дѣтей и, оправившись отъ родовъ, съ новымъ доказательствомъ своего супружескаго счастія уже мчалась пристраивать подрастающаго ребенка, такъ что Иванъ Ѳедоровичъ большую часть года вдовствовалъ, оставленный на попеченіе разныхъ ключницъ, нянекъ, дворовыхъ дѣвокъ, поваровъ, кучеровъ и тому подобной челяди. Безъ надзора хозяйки управленіе домомъ шло, надо признаться, довольно плохо, тѣмъ болѣе, что самъ Иванъ Ѳедоровичъ былъ человѣкъ нераспорядительный, любившій болѣе всего предаваться созерцанію. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ ротмистромъ въ отставку, онъ оставилъ всякія дѣла, ожирѣлъ, обрюзгъ, облекся въ халатъ и зажилъ созерцательною жизнью. Въ туфляхъ, надѣтыхъ на босую ногу, съ разстегнутымъ воротомъ рубашки, съ трубкою въ зубахъ, онъ проводилъ дни, или сидя у окна и смотря по цѣлымъ часамъ на давно знакомый ему, заросшій травою или занесенный снѣгомъ дворъ, или любуясь дружескою игрою собаки съ кошкой, или раскладывая «Наполеошку» съ желаніемъ угадать, пристроитъ или не пристроитъ ребенка Ѳедосья Андреевна. Среди этихъ созерцаній онъ не замѣчалъ, по скольку дней не сметались пыль и паутины, какъ готовился ему и дѣтямъ обѣдъ, что выдѣлывали его подростки, иногда доходившіе до такихъ продѣлокъ, что дворня теряла голову и только ждала той минуты, когда «пристроятъ» хоть одного изъ этихъ головорѣзовъ, которыхъ никто не сдерживалъ, никто не наказывалъ, и которымъ только въ крайнихъ случаяхъ говорили:

— Погодите! погодите! вотъ пристроятъ васъ въ корпусъ, тогда крылья-то опустите!

Иванъ Ѳедоровичъ не скучалъ, не тяготился этою жизнью и только иногда съ чувствительнымъ вздохомъ замѣчалъ на вопросъ знакомыхъ о томъ, какъ онъ поживаетъ:

— Вотъ все Ѳедосью Андреевну поджидаю... Безъ нея, знаете, точно вдовецъ.

И когда Ѳедосья Андреевна возвращалась, онъ на-время оживалъ, самодовольно улыбался, смотрѣлъ не то оторопѣвшимъ, не то запыхавшимся, и съ выраженіемъ счастливаго кота ходилъ по пятамъ за своею супругою, поминутно цѣлуя ея «пальчики».

— Измучилась ты, мамочка?—сладко шепталъ онъ.

— Соскучился ты, папочка?—также сладко говорила она.

Они переживали медовый мѣсяцъ, и ужъ тутъ, конечно, имъ было не до дѣтей, тѣмъ болѣе, что нечего было много и думать о дѣтяхъ, такъ какъ ихъ надѣялись скоро «пристроить», и они могли «на послѣдяхъ» дѣлать, что имъ угодно.

Трудно было бы найти болѣе любящихъ супруговъ и болѣе незлобивыхъ простяковъ, чѣмъ Макаревскіе, но я увѣренъ, что они пришли бы въ серьезное негодованіе, если бы общество или государство рѣшилось отказать имъ на просьбу «о пристройкѣ» ихъ дѣтей и предложило имъ самимъ воспитывать ребятъ. Нельзя сказать, чтобы они не любили своихъ дѣтей, но они не понимали, для чего они стали бы воспитывать сами этихъ дѣтей, когда есть казенные корпуса и институты. Зная о существованіи этихъ заведеній, они нисколько не заботились о томъ, сколько у нихъ дѣтей, и не задавались вопросомъ о томъ, во что обойдется воспитаніе этихъ дѣтей. Макаревскіе смотрѣли на дѣтей, какъ на казенную собственность, отъ которой казна должна была непремѣнно избавлять ихъ въ извѣстное время.

Клименко на минуту смолкъ и потомъ обратился ко мнѣ:

— Я думалъ въ нѣсколькихъ словахъ передать вамъ воспоминанія моихъ дѣтскихъ лѣтъ о Макаревскихъ; но теперь вижу, что эти воспоминанія не вполнѣ характеризуютъ Макаревскихъ, и что мнѣ нужно передать вамъ дальнѣйшія мои встрѣчи съ ними. Разсказъ выйдетъ слишкомъ длиненъ, чтобы его передать на улицѣ... Не зайдемъ ли мы позавтракать къ Вольфу? Тамъ я вамъ доскажу остальное...

Я охотно согласился на предложеніе.

— Вотъ тѣ воспоминанія, которыя я вынесъ о Макарев-

скихъ во времена моего далекаго дѣтства,—продолжалъ Клименко, когда мы уже сидѣли въ ресторанѣ Вольфа за завтракомъ.—Потомъ моя семья переѣхала въ Петербургъ, и Макаревскіе потерялись у насъ изъ виду... Прошло нѣсколько лѣтъ, мнѣ уже шелъ шестнадцатый годъ, когда мы случайно познакомились съ одной не особенно богатой вдовой учителя, Амаліей Ѳедоровной Габерштадтъ. Эта женщина существовала небольшой пенсіей, содержаніемъ пансіонеровъ и заработками двухъ дочерей, занимавшихся шитьемъ и уроками. Впрочемъ, главнымъ образомъ, эта семья могла существовать потому, что у нея была великая способность питаться болѣе духовною пищею, чѣмъ матеріальною, и сохранять поэтическіе восторги и порывы, даже питаясь картофелемъ, габерсупами, форшмаками и котлетами изъ селедокъ, смѣшанныхъ съ булкой. При такомъ взглядѣ на жизнь эта семья была вполнѣ весела и счастлива. Въ дни рожденій и именинъ здѣсь члены семьи набирали какихъ-нибудь полевыхъ цвѣтовъ или свѣжихъ березовыхъ, кленовыхъ и дубовыхъ листьевъ, сплетали изъ этой зелени гирлянды и вѣнки, украшали ими комнату и, устроивъ подобный сюрпризъ виновницѣ торжества, проводили день въ самомъ лучшемъ настроеніи духа, хотя бы у нихъ въ этотъ день и не было ни одного лишняго гроша въ карманѣ. Впрочемъ, деньги и не были нужны имъ для веселья: разные Карлы Карловичи и Вильгельмины Карловны, приходившіе поздравить виновницу праздника, приходили въ такой же восторгъ отъ гирляндъ и вѣнковъ, какъ и сами хозяйки, и не требовали ничего, кромѣ возможности пропляcать подъ разбитое фортепіано вальсъ въ три па или французскій кадриль съ самыми затѣйливыми фигурами. Если вдобавокъ ко всему этому подавался чай и бутерброды, то компанія была уже на верху блаженства и уносила съ собой на всю остальную жизнь воспоминаніе о томъ, какъ было весело на именинахъ у мадамъ Габерштадтъ въ такомъ-то году. Присутствуя однажды на такомъ торжествѣ, мы очень удивились, встрѣтивъ здѣсь одного изъ Макаревскихъ, семнадцатилѣтняго кадета. Онъ былъ здѣсь, какъ дома, развязно распоряжался танцами, шумно бѣгалъ въ кухню за бутербродами и за чаемъ для гостей, и, когда всѣ стали разъѣзжаться, остался ночевать у мадамъ Габерштадтъ.

— Вы какъ сюда попали, Коля?—спросила его моя мать.

— Я хожу въ отпускъ къ Габерштадтамъ,—бойко отвѣтилъ юноша.

— Развѣ ваша семья знакома съ мадамъ Габерштадтъ?

— Нѣтъ. Я познакомился съ племянникомъ мадамъ Габерштадтъ и теперь хожу къ нимъ.

— Вы, кажется, не одни здѣсь въ Петербургѣ. Вашъ братъ тоже въ корпусѣ.

— Да, братъ Александръ въ морскомъ корпусѣ, да двѣ сестры въ Смольномъ.

— А вашъ братъ здѣсь же?

— Нѣтъ, онъ ходитъ къ капитану Маевскому, тотъ его очень полюбилъ, въ театры возитъ съ собой, катаетъ, совсѣмъ избаловалъ. Ему счастье! Впрочемъ, я не завидую ему. Мнѣ тоже здѣсь весело. Капитанъ Маевскій холостякъ, а здѣсь барышни, танцуютъ часто. Конечно, онѣ нѣмки, но ничего—веселыя.

Мальчикъ былъ разбитной и угловатый, съ кадетскими взглядами.

— А вы развѣ тоже знаете Колю?—спросила подошедшая мадамъ Габерштадтъ у моей матери.

— Да, наше имѣніе находится по сосѣдству съ имѣніемъ его родителей,—отвѣчала матушка.

— Ахъ, какое почтенное семейство!—восторженно произнесла мадамъ Габерштадтъ.—Матушка Коли такая милая дама!

— Такъ вы и ее знаете?

— Да, какъ же!.. не лично, но по письмамъ, она мнѣ всегда поклоны посылаетъ и поздравляетъ меня въ письмахъ. Вотъ и нынче прислала такое письмо, пишетъ: «берегите, ради Бога, нравственность моего мальчика, какъ мать». О, я понимаю, каково должно быть для матери жить вдали отъ своего ребенка. Я, кажется, не перенесла бы, если бы моя Мальхенъ или Минна уѣхала отъ меня, да и Мальхенъ и Минна не пережили бы этого.

Она взглянула любовными глазами на свою семнадцатилѣтнюю, бѣловолосую и голубоглазую Мальхенъ, танцовавшую кадриль, и та, точно почуявъ этотъ взглядъ, подлетѣла, какъ на крылышкахъ, къ матери, обняла ее, звонко поцѣловала въ голову и снова, вся раскраснѣвшаяся, продолжала кадриль.

— Вы видите, развѣ мы можемъ разстаться! Нѣтъ, мы не можемъ разстаться!—съ увлеченіемъ произнесла мадамъ Габерштадтъ.—И я понимаю, каково должно быть мамашѣ Коли.

— Вы добрая женщина,—проговорила моя мать, знавшая недостаточность средствъ госпожи Габерштадтъ.

— Жаль, что мы не можемъ доставить мальчику какихъ-нибудь удовольствій или быть чѣмъ-нибудь полезными его сестрамъ,—съ грустью вздохнула мадамъ Габерштадтъ. Онѣ, бѣдныя, такъ скучаютъ въ институтѣ. Мамаша Коли просила насъ навѣщать ихъ. Мы бываемъ тамъ. Мои Мальхенъ и Минна носятъ имъ иногда бездѣлицы, конфетъ или яблоковъ... но мы не можемъ многаго... наши средства не позволяютъ...

Моей матери стало какъ-то неловко и тяжело и, возвращаясь отъ Габерштадтовъ домой, она горячо осуждала Макаревскихъ...

— Бросили дѣтей на чужія руки и не заботятся о нихъ,— говорила она отцу.—Хороши отецъ и мать!

Черезъ нѣсколько дней насъ совершенно неожиданно, безъ всякаго приглашенія съ нашей стороны, посѣтилъ Коля Макаревскій.

Онъ разговорился со мною о Габерштадтахъ.

— Нѣмки онѣ добрыя, только такія цирлихъ-манирлихъ,— разбитымъ тономъ говорилъ онъ.—Все у нихъ сентиментальности на умѣ. Выстираютъ мнѣ перчатки къ воскресенью и точно какой-нибудь подарокъ дѣлаютъ, съ такой торжественностью ихъ поднесутъ: «Вотъ вамъ, Коля, и перчатки Мальхенъ приготовила!»—передразнилъ онъ сладкій голосокъ мадамъ Габерштадтъ.—Удивительная невидаль! Если бы мать присылала денегъ побольше, такъ мнѣ бы и въ магазинѣ за гривенникъ вымыли перчатки! А тутъ такъ и видишь, что на благодарность лѣзутъ! Впрочемъ, я Мальхенъ благодарю,—лукаво подмигнулъ онъ.—Она ничего что нѣмка, а аппетитная булка! Я ее разъ такъ затискалъ да расцѣловалъ, что она даже разревѣлась! Жаловаться хотѣла и потомъ двѣ недѣли дулась. Да меня не проведешь! Знаю я, чего онѣ хотятъ, эти вздыхающія дѣвчонки! Небось, вздумай я на ней жениться, такъ съ ручками и ножками выскочитъ. Мать тоже моя изъ ума выжила, пишетъ: «Я очень рада, что ты посѣщаешь скромный семейный домъ, но ради Бога остерегайся, чтобы тебя какъ-нибудь не женили эти люди. Вѣдь эти бѣдныя нѣмки только и думаютъ, какъ бы сдать съ рукъ своихъ дочерей, потому онѣ, можетъ-быть, и тебя прикармливаютъ». Нѣтъ, дудки, меня-то ужъ на кривой не объѣдутъ. Я не какую-нибудь нѣмку безъ состоянія могу подцѣпить въ провинціи, когда въ офицеры выйду. У насъ въ провинціи за офицера любую купеческую дочь отдадутъ,—только бери. Да чего!—вотъ въ про-

шломъ голу вышелъ отъ насъ въ Нижній-Новгородъ Иванъ Реденъ, такъ вѣдь такую невѣсту подцѣпилъ, что—ахъ! А онъ и вышелъ-то въ гарнизонъ, да и самъ маленькій ростомъ и носъ съ пуговку. На такого тоже ужъ не очень невѣста позарится, коли она хоть что-нибудь смыслитъ!

Онъ довольно долго говорилъ въ этомъ тонѣ, изумляя меня словами и понятіями, совершенно еще незнакомыми мнѣ. Потомъ онъ перешелъ къ разсказамъ о своемъ братѣ Александрѣ.

— Гуляка этотъ Маевскій,—объяснилъ онъ мнѣ:—и для брата ничего не жалѣетъ, вмѣстѣ съ нимъ и кутитъ. Они совсѣмъ друзьями сдѣлались. Только споитъ онъ, бестія, Сашку и фанфарономъ сдѣлаетъ. Тотъ уже и теперь фыркаетъ—перчатки не перчатки, часы не часы. Да чего! ему уже въ корпусѣ тяжело жить! «У насъ, говоритъ, даже эта говядка съ душкомъ дается!» Это привыкъ, что Маевскій ему соусы въ разсоляхъ подаетъ, лишь бы онъ не блажилъ. А мать—дура, право, дура—радуется, что Сашка отъ нея теперь денегъ ни на что не проситъ, а потомъ онъ ей глаза протретъ, когда Маевскій наряжать да подкармливать его не станетъ. Теперь онъ и передо мною носъ задираетъ—да мнѣ что! Я знаю, что это не надолго, что ему же хуже будетъ, когда выйдетъ во флотъ. На мичманское жалованье не разгуляешься, въ Кронштадтѣ или въ плаваніи невѣсты богатой не поддедюлишь, а Маевскій теперь его балуетъ, а потомъ и забудетъ. Только и останется у него отъ этой дружбы что пьянство на память. Вотъ такъ же брата Павла въ Орлѣ архіерейскіе пѣвчіе вѣдь совсѣмъ споили. Возжался, возжался съ ними, ходилъ къ нимъ по праздникамъ, матери просвирки посылалъ, а теперь мать же и плачется: «и въ кого это ты, говоритъ, пьяницей сдѣлался». А у него только одинъ ей отвѣтъ: «ты, братецъ, ничего не понимаешь!» Это онъ въ привычку взялъ всѣмъ говорить: «братецъ». Шутъ, совсѣмъ шутъ гороховый вышелъ: пьетъ и канты басомъ выводитъ—вотъ и все, чему научился.

Мнѣ тогда были еще «новы всѣ впечатлѣнья бытія», и потому я не мало дивился и разсказамъ, и жаргону этого кукушкина сына. Впрочемъ, мнѣ не часто приходилось бесѣдовать съ нимъ. Мои отецъ и мать принимали его холодно и сухо, и онъ не могъ найти особеннаго удовольствія въ сближеніи со мною. Мы слышали о немъ только отъ госпожи Габерштадтъ, которая продолжала заботиться о

комъ съ самою искреннею любовью. Однажды она даже чуть не захворала, вслѣдствіе того, что Коля Макаревскій простудился или объѣлся на Рождествѣ и заболѣлъ у нея въ домѣ горячкою. Въ эти дни она совсѣмъ потеряла голову: она боялась отправить его въ корпусную больницу и въ то же время боялась, что онъ заразитъ и ея дочерей, и ея пансіонеровъ, такъ какъ она считала всѣ горячки заразительными. Кромѣ того, у нея въ это время почти не было денегъ, и ей приходилось занимать гроши, чтобы больной не нуждался ни въ чемъ. Добрая душа въ эти дни походила на наседку, которая не знаетъ, что дѣлать со своими цыплятами, находящимися въ опасности. Она была и жалка, и смѣшна. То ей казалось, что больному непремѣнно нужно варенье, то ее смущала мысль, что, съ одной стороны, ея дочерямъ неловко ходить за молодымъ человѣкомъ, и что, съ другой стороны, онѣ могутъ заразиться сами, то ей приходило въ голову, что только молодыя дѣвушки и могутъ, какъ любящія сестры, облегчить страданія «бѣднаго сироты», какъ она теперь называла юношу. Но болѣе всего убивала ее мысль о томъ, какъ должна страдать мать этого юноши, не имѣющая возможности, вслѣдствіе наступившихъ розовъ, пріѣхать къ умирающему сыну. Толки объ этихъ страданіяхъ матери наполняли цѣлые вечера въ семьѣ госпожи Габерштадтъ и принимали иногда чисто фантастическіе размѣры.

— Что, мама, если онъ умретъ раньше, чѣмъ выздоровѣетъ его мамаша!—говорила Мальхенъ.

— О, Мальхенъ, не говори мнѣ этого! —восклицала мать.

— А я, мама, тоже объ этомъ думала сегодня,—замѣчала Минна.

— Дѣти, дѣти, это не къ добру! У меня тоже была всю ночь эта мысль въ головѣ,—восклицала мать.—Если его мама пріѣдетъ, а онъ будетъ лежать у насъ на столѣ,—она не выноситъ этого и упадетъ у его трупа.

— Но, мама, вѣдь у нея грудной ребенокъ теперь, онъ тоже можетъ погибнуть, если она умретъ или сойдетъ съ ума,—соображала Мальхенъ.

— О, да, да! Я именно этого и боюсь! Я нарочно писала ей, что ему лучше, что онъ поправляется! Пусть лучше она не пріѣзжаетъ, думая, что онъ не опасно боленъ.

— Да, а какъ потомъ мы объяснимъ ей, если онъ умретъ?—спрашивала Минна.

— Вѣдь это еще болѣе поразитъ ее,—заявляла Мальхенъ.

— О, я потеряла голову! я потеряла голову!—хваталась руками за голову мать.

И такъ безъ конца шли опасенія, восклицанія, вздохи и слезы, а фантастическія картины все расширялись. Нужно отдать справедливость семейству мадамъ Габерштадтъ, оно нисколько не опечалилось, а даже напротивъ того обрадовалось, когда Коля Макаревскій сталъ поправляться, то-есть, обманулъ всѣ ихъ ожиданія трагической развязки. На это способны очень немногіе люди, дѣлающіе недовольную мину, когда имъ приходится протѣсниться сквозь собравшуюся на улицѣ толпу и увидать, вмѣсто окровавленнаго, раздавленнаго лошадьми человѣка, какую-нибудь пьяную бабу, сидящую въ грязи и ругающую площадными словами городового. Повторяю, семейство мадамъ Габерштадтъ не разсердилось на Колю Макаревскаго, что онъ обманулъ ихъ ожиданія и не умеръ. Добрые люди обрадовались его выздоровленію до того, что готовы были надѣлать всякихъ глупостей подъ вліяніемъ охватившаго ихъ восторга и не только ухаживали всѣ за выздоравливающимъ, но даже готовили ему сюрпризы. Мальхенъ вязала ему какой-то бисерный кошелекъ, Минна вышивала закладку, а сама госпожа Габерштадтъ сшила ему полдюжины «военныхъ галстуковъ».

Къ сожалѣнію, юноша находился еще въ раздражительномъ настроеніи духа послѣ болѣзни и вовсе не былъ тронутъ сюрпризами, а только замѣтилъ:

— Что мнѣ въ этихъ пустякахъ! Вы бы лучше написали моей матери, пока я былъ боленъ, чтобы она прислала денегъ, а то тутъ приходится терпѣть всякія лишенія безъ своего гроша въ карманѣ.

Какія лишенія приходилось ему терпѣть, онъ не сказалъ, но бѣдныя женщины мучились цѣлый вечеръ, придумывая, чего ему недостаетъ. Еще болѣе опечалило ихъ то, что имъ удалось случайно услышать, какъ выздоравливающій юноша говорилъ навѣстившему его брату Александру:

— Хорошо тебѣ, если тебѣ Маевскій ни въ чемъ не отказываетъ! А мое положеніе другое. Тутъ хоть бы и захотѣлъ чего, такъ не дадутъ. Кошелекъ какой-нибудь, пожалуй, свяжутъ, а что нужно, того и нѣтъ.

Впрочемъ, семья мадамъ Габерштадтъ получила и утѣшеніе за свои заботы и хлопоты. Когда Коля Макаревскій совсѣмъ оправился и ушелъ въ корпусъ, онѣ получили письмо и посылку отъ его матери. Она извѣщала ихъ, что

она записала ихъ имена въ свою поминальную книжку, и прислала госпожѣ Габерштадтъ на память собственной своей работы шерстяную, вязанную косыночку.

— Мама, мама, она даже во время болѣзни не забыла о тебѣ,—воскликнула Мальхенъ, примѣривая косыночку на голову и вертясь передъ зеркаломъ.

— И сама вязала! Больная вязала!—растроганно добавила Минна.

Мадамъ Габерштадтъ прослезилась...

Мнѣ было лѣтъ двадцать пять, когда судьба меня опять забросила въ родную глушь и снова столкнула съ Макаревскими, слетѣвшимися со всѣхъ концовъ Россіи въ отчій домъ. Это была стая вороновъ, почуявшихъ падаль. Дѣло въ томъ, что Иванъ Осдоровичъ въ одинъ прекрасный день объѣлся свинымъ саломъ и опился квасомъ, вслѣдствіе чего и отдалъ скоропостижно Богу свою незлобивую душу, не сдѣлавъ никакого распоряженія насчетъ имѣнія. Его дѣти только того и ждали. Боже мой, что эта была за картина! «Подлецъ!» «Я тебѣ морду сверну!» «Я тебѣ зубы выколочу!» стонемъ стояло въ воздухѣ въ домѣ Макаревскихъ. Ѳеодосья Андреевна, сторонѣвшая, растрепанная, въ чепцѣ, съѣхавшемъ на бокъ, не знала, что дѣлать—унимать ли дѣтей, или грабить, подобно имъ, свое собственное имущество.

— Вы мнѣ домъ-то, домъ-то хоть оставьте!—умоляла она.

— Отстаньте вы со своимъ домомъ! Вамъ законную часть выдѣлятъ!—кричали дѣти.

— А серебро-то, серебро вѣдь мое, въ приданое мнѣ дадено,—стонала она.

— Мы были, что ли, при вашемъ вѣнчаньи? Мало ли, что вы выдумаете, что за вами въ приданое дано, такъ-такъ вамъ все и отдать,—бѣсновались сыновья.

— Аспиды вы, аспиды!—кричала мать.

Она бросалась къ предводителю дворянства, къ исправнику, къ губернатору, къ сосѣдямъ.

— Грабятъ меня, собственныя дѣти грабятъ!—рыдала она передъ властями.—Судите ихъ, уголовнымъ судомъ судите за неповиновеніе!

— Позвольте, позвольте,—говорили ей.—Вы растолкуйте, чего вы хотите.

— Подъ судъ, подъ уголовный судъ хочу ихъ отдать!..

— Да за что же?

— За неповиновеніе, за неповиновеніе!

— Да вѣдь вы получаете законную часть имѣнія?

— Что я съ этой частью буду дѣлать! Мнѣ пусть домъ усадьбу отдадутъ, серебро мое отдадутъ. Чѣмъ я жить буду? Я ихъ пристроила, я ихъ на ноги поставила, а они грабятъ.

— Да вѣдь законъ вамъ даетъ право только на извѣстную часть имѣнія.

— Что мнѣ законъ, я не съ закономъ, а со своими собственными дѣтьми имѣю дѣло! Они должны повиноваться! Я мать, я приказываю отдать мнѣ, что мнѣ надо, а они меня грабятъ!

Растолковать ей, что ея дѣтей не за что было отдавать подъ судъ, не было никакой возможности. Она писала прошеніе за прошеніемъ и не унималась. Получивъ вездѣ отказъ на просьбы объ отдачѣ ея дѣтей подъ судъ и объ отобраніи у нихъ въ ея пользу имѣнія, она начала заваливать всѣ присутственныя мѣста и всѣхъ провинціальныхъ «особъ» прошеніями «о понужденіи ея дѣтей содержать мать, находящуюся въ престарѣлыхъ лѣтахъ». Много было съ нею хлопотъ властямъ, но едва ли не больше хлопотъ доставляла она своимъ сыновьямъ и дочерямъ, къ которымъ она поочередно пріѣзжала гостить. На другой же день послѣ своего прибытія къ кому-нибудь изъ своихъ дѣтей, она заводила старую пѣсню о грабежѣ ея имущества неблагодарными дѣтьми и уже черезъ два-три дня была на ножахъ съ тѣмъ изъ дѣтей, у котораго гостила. Черезъ недѣлю она уже бѣжала отъ этого «изверга рода человѣческаго» и подавала на него жалобу «начальству», требуя «понудить его содержать мать, находящуюся въ престарѣлыхъ лѣтахъ».

Мы кончили завтракъ и вышли изъ ресторана.

— Когда-нибудь я вамъ разскажу исторію «кукушки новой формаціи»,—сказалъ мнѣ на прощаньи Клименко. Это тоже интересный типъ, хотя и рѣже встрѣчающійся, чѣмъ кукушки старыхъ временъ,—эти матушки-помѣщицы, плодившія въ нашемъ возлюбленномъ отечествѣ дурочекъ-институтокъ и офицеровъ-бурбоновъ.

IV.

Конторщикъ.

— И куда это онъ могъ затеряться?—говорилъ Клименко, шаря въ ящикѣ письменнаго стола и перерывая бумаги.

— Да вы что ищете?—спросилъ я.

— Вотъ хотѣлъ вамъ подарокъ сдѣлать, — отвѣтилъ онъ.—Рукопись есть одна у меня, подходящая по содержанію къ моимъ разсказамъ, да первый листокъ куда-то затерялся... Впрочемъ, она и безъ этого листка понятна. Въ немъ не было ничего особеннаго, просто говорилось, что авторъ рукописи—одинъ бѣдный знакомый мнѣ юноша—за неимѣніемъ дѣла, сидя одиноко въ конторѣ наканунѣ Рождества, началъ писать свои мемуары. Эти мемуары остались неоконченными, по крайней мѣрѣ, мнѣ попалась въ руки только вотъ эта тетрадь, которою вы и можете распорядиться по своему усмотрѣнію...

— А если я ее напечатаю—авторъ не будетъ протестовать,—спросилъ я, просматривая рукопись.

— Ну, батенька, мертвые не протестуютъ. Авторъ этой рукописи умеръ въ злѣйшей чахоткѣ, оставивъ въ нищетѣ жену и ребенка. Прочитайте ее, уничтожьте или напечатайте—это ваше дѣло.

Я взялъ рукопись, прочелъ и теперь предлагаю ее читателямъ.

...У! какой сегодня морозъ, такъ и видно, что завтра Рождество. Я едва не отморозилъ ушей, сидѣнь въ своемъ легонькомъ пальто въ нашу контору. Къ несчастію, и въ конторѣ парить нынче холодъ, можетъ-быть оттого, что передъ закрытіемъ ее не сочли нужнымъ отопить, зная, что, кромѣ меня, въ нее не придетъ никто. А топить эти комнаты для меня не стоитъ! Что я такое? Простой конторщикъ и больше ничего. Я могу и въ холоду свести послѣдніе счеты, потому что это моя обязанность. Что-жъ—они и не ошиблись: волей-неволей я сдѣлалъ свою работу и теперь только ожидаю, когда явится мой принципалъ, чтобы просмотрѣть эти счеты. Онъ останется ими доволенъ: дѣла за послѣдній мѣсяцъ шли отлично, и онъ вполнѣ радостно можетъ встрѣтить праздникъ. Впрочемъ, онъ, вѣроятно, предчувствовалъ это. Сегодня утромъ, когда я явился сюда, онъ вышелъ ко мнѣ такой веселый, насвистывая какую-то арію изъ итальянской оперы и, безъ обычной своей суровости, любезно заговорилъ со мною:

— Ну, Иванъ Ивановичъ, просмотрите-ка наши книги, какъ идутъ наши дѣлишки,—сказалъ онъ мнѣ, кивнувъ головою.—Авось, дѣтишкамъ на елку что-нибудь перепадетъ.

Вы, надѣюсь, кончите работу къ пяти часамъ? Сегодня никто не помѣшаетъ.

— Я кончу скоро... у меня уже почти все провѣрено,— отвѣтилъ я.

— И отлично, и отлично,—весело проговорилъ онъ.— Вы у меня хорошій помощникъ... Плохо только, что вы все прихварываете...

Я струсилъ при послѣдней фразѣ, мнѣ показалось, что онъ можетъ отказать мнѣ отъ мѣста за то, что я все прихварываю. Про болѣзненныхъ людей всегда думаютъ, что они работаютъ меньше здоровыхъ.

— Я, кажется, не манкирую занятіями,—несмѣло замѣтилъ я.

— Что вы! что вы! Развѣ я объ этомъ говорю!—воскликнулъ онъ.—Мнѣ просто васъ жаль. Вы, вонъ, все кашляете. Вамъ нуженъ бы продолжительный отдыхъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же... Я въ сущности здоровъ... простудился только немного по осени,—пробормоталъ я.

Я боялся всегда, когда рѣчь заходила объ отпускѣ. Отпускъ мнѣ казался переходомъ къ отставкѣ. Уѣду я—меня нужно будетъ замѣнить кѣмъ-нибудь другимъ, тотъ можетъ оказаться способнѣе меня, и, когда я возвращусь изъ отпуска—мнѣ скажутъ:

— Вы уже болѣе не нужны.

Нѣтъ, я не могу разсчитывать на отпуски, на поправленіе здоровья въ отпуску! Да и какая польза выйдетъ изъ того, если я и поправлюсь въ отпуску? Вѣдь послѣ, оставшись безъ мѣста, захвораешь еще сильнѣе отъ холода и голода. Да если даже меня и не замѣнятъ другимъ во время отпуска, то работы въ мое отсутствіе накопится столько, дѣла придутъ въ такой безпорядокъ, что потомъ придется удвоить работу и снова израсходовать тѣ силы, которыя накопишь во время отдыха. Нѣтъ, ужъ лучше тянуть лямку, не снимая ее съ себя ни на минуту! Эти мысли мелькали въ моей головѣ, покуда я перебиралъ книги. Мой принципалъ въ это время сидѣлъ по другую сторону стола, откинувшись головою на спинку кресла, и, покуривая сигару, слѣдилъ пристальнымъ взглядомъ за мною. Мнѣ было какъ-то неловко и тяжело чувствовать на себѣ этотъ взглядъ. Конфузливый отъ природы, впечатлительный и мнительный отъ болѣзненности и бѣдности, я всегда смущался отъ пристальныхъ взглядовъ. И точно, вѣдь если люди пристально смотрятъ на кого-нибудь, то,

значитъ, они находятъ въ немъ что-нибудь особенное, необыкновенное, замѣчательное. А что же могло быть особеннаго, необыкновеннаго, замѣчательнаго во мнѣ? Не моя ли жалкая, сѣрая и болѣзненная фигура? Не мое ли истертое и выношенное платье? Не моя ли растерянная и придавленная физіономія? Нѣтъ, какъ хотите, а скверно сознавать, что люди, обративъ на тебя глаза, могутъ увидать только твое убожество и нравственное, и физическое, и матеріальное.

— Вы, кажется, женаты?—спросилъ меня мой принципалъ сквозь зубы, пуская тонкую струйку дыма.

— Женатъ,—отвѣтилъ я, краснѣя, точно сознавался въ преступленіи.

— И дѣти есть?—спросилъ онъ.

— Да, сынъ шести лѣтъ,—отвѣтилъ я и наклонился къ кассовой книгѣ, дѣлая видъ, что углубляюсь въ занятіе.

Но я чувствовалъ, угадывалъ, что мой принципалъ не спускаетъ съ меня своего взгляда.

— Что вы, вѣрно, по страстной любви женились?—спросилъ онъ.

— Да, по любви,—отвѣтилъ я глухо и сталъ передвигать костяшки на счетахъ.

Принципалъ вздохнулъ.

— Эхъ, молодость, молодость!—проговорилъ онъ съ оттѣнкомъ грусти въ голосѣ.—Вы, должно-быть, были очень молоды, когда женились?

— На двадцать второмъ году,—отвѣтилъ я.

— Ну, да!.. Въ эти годы умѣютъ любить, но не умѣютъ разсчитывать... На бѣдной, конечно?

— Да!

Принципалъ опять вздохнулъ.

— Вы на меня не сердитесь, что я васъ разспрашиваю о вашей внутренней жизни?—спросилъ онъ мягко.

Мнѣ сердиться! Да развѣ я смѣю сердиться на него! Я, краснѣя и запинаясь, пробормоталъ какую-то любезность.

— Я искренно расположенъ къ вамъ, — проговорилъ онъ:—и потому меня интересуетъ ваше положеніе. Вы, кажется, не кончили курса въ университетѣ?

— Да,—отвѣтилъ я.

— И вышли оттуда именно ради этой женитьбы?

Я промолчалъ, стыдясь признаться, что онъ угадалъ правду.

— Къ несчастью, теперь безъ связей или безъ диплома изъ какого-нибудь высшаго спеціальнаго учебнаго заведе-

нія трудно составить себѣ прочное положеніе и карьеру,— продолжалъ онъ.—При томъ же женатому, семейному человѣку представляется менѣе возможности выбирать мѣсто, выжидать, рисковать. Тутъ поневолѣ берешься за первый попавшійся трудъ. Вотъ и вамъ приходится прозябать здѣсь, хотя я знаю, что васъ не можетъ вполнѣ удовлетворить и обезпечить это мѣсто. Вамъ надо подумать о будущемъ...

Я опять начиналъ робѣть, точно онъ уже отказывалъ мнѣ отъ мѣста. Я пробормоталъ что-то въ родѣ того, что я доволенъ своимъ положеніемъ.

— Полноте, можно ли быть довольнымъ пятьюдесятью рублями жалованья, имѣя на рукахъ семью,—промолвилъ онъ, пожимая плечами.—Вамъ надо подумать о будущемъ, семья ваша можетъ прибавиться, нужды возрастутъ, а я, къ сожалѣнію, не могу увеличить ваше жалованье настолько, чтобы удовлетворить вполнѣ вашимъ потребностямъ. Вы знаете, что вы здѣсь не одни, содержаніе конторы обходится и безъ того дорого. Нынче не легко жить!

У меня вертѣлась на языкѣ просьба о томъ, чтобы онъ не заботился о прибавкѣ, но только бы не выгонялъ меня.

— Я къ вамъ привязался, какъ къ симпатичной, скромной личности, и потому меня заботитъ ваше положеніе,— продолжалъ онъ.—Я постараюсь что-нибудь сдѣлать для васъ. Мнѣ было бы тяжело потерять въ васъ хорошаго работника. Но все же я первый посовѣтую вамъ перейти на другое мѣсто, если оно будетъ выгоднѣе. Я самъ готовъ похлопотать объ этомъ...

Онъ посмотрѣлъ на часы, всталъ и потянулся.

— Однако, мнѣ пора! До свиданья!

Онъ вышелъ. Я остался одинъ въ этой просторной, высокой комнатѣ съ желтыми конторками, съ желтыми письменными столами, съ желтою неудобною мебелью, съ бѣловато-сѣрыми, голыми стѣнами, безъ драпировокъ, безъ занавѣсокъ, безъ картинъ, и какое-то жуткое чувство овладѣло мною въ этой неуютной, нежилой и вѣявшей холодомъ обстановкѣ, смотрѣвшей еще непривѣтливѣе въ этотъ сѣрый день, съ снѣжными тучами, безъ грѣющихъ лучей солнца, безъ голубого неба. Опустивъ на лѣвую руку голову, я машинально перевертывалъ правою рукою страницы конторскихъ книгъ, провѣрялъ цифры, итоги, реестры,—но все это было уже мною подготовлено раньше: вчера, третьяго дня, и, въ сущности, у меня не было теперь дѣла. Я могъ бы даже не придти сегодня въ контору, подобно

другимъ моимъ сослуживцамъ—моимъ начальникамъ и моимъ холостымъ товарищамъ—но я пришелъ сюда сегодня, въ этотъ день, о которомъ я уже давно мечталъ, какъ о рѣдкомъ днѣ отдыха,—пришелъ потому, что мой принципалъ сказалъ мнѣ вчера:

— А вы, Иванъ Ивановичъ, зайдите завтра: мы просмотримъ и провѣримъ съ вами книги.

У меня не повернулся языкъ сказать ему, что я уже все кончилъ и что онъ можетъ теперь же пересмотрѣть книги, не безпокоя меня завтра. Я боялся, что онъ сочтетъ мои слова за выраженіе неохоты придти на службу, за желаніе украсть у него лишній день для себя на прогулъ. Я промолчалъ вчера и пришелъ сюда сегодня. И то сказать: отчего бы мнѣ и не придти сюда? отчего бы мнѣ и не сидѣть здѣсь безвыходно? Развѣ я уже не сросся съ этою конторою, развѣ я уже не сдѣлался ея частью, ея принадлежностью, ея недѣлимымъ, какъ эти столы, какъ эти конторки, какъ эти табуреты и стулья? Да, я давно уже превратился въ вещь, въ машину, въ орудіе.

— Иванъ Ивановичъ! занесите это въ приходную книгу! Это надо передѣлать, Иванъ Ивановичъ! Иванъ Ивановичъ, сходите и принесите книги за 1875 годъ! Сдѣлайте справку, Иванъ Ивановичъ, по дѣлу такого-то!

Я все это дѣлаю безмолвно, безотвѣтно, точно, аккуратно. Но бываютъ дни, когда мнѣ не приказываютъ, не даютъ справокъ, не поручаютъ переписокъ,—и я сижу сложа руки, потому что я самъ по своей иниціативѣ, безъ приказанія, безъ указанія, не могу, не умѣю, не имѣю права ничего дѣлать. Я машина, орудіе, третья рука завѣдывающихъ конторою, но я не человѣкъ. Но вѣдь былъ же и я когда-то человѣкомъ... О, да, былъ,—и горе мнѣ, именно потому, что я былъ человѣкомъ, что на память объ этой порѣ осталось мнѣ только одно воспоминаніе—моя семья, теща, жена и ребенокъ... Бѣдный мой мальчикъ, простишь ли ты меня, когда вырастешь, за то, что я осмѣлился быть человѣкомъ?..

Я не помню ни отца, ни матери, ни родныхъ! Чужіе люди меня выкормили, поставили на ноги, воспитали, обучили въ гимназіи. У меня никогда не было своего дома, я постоянно гдѣ-нибудь гостилъ, кѣмъ-нибудь призрѣвался, кому-нибудь одолжался. Вѣроятно, вслѣдствіе этого я сталъ слишкомъ тихимъ, застѣнчивымъ, осторожнымъ, и никогда

моя душа не могла быть нараспашку, такъ какъ я вѣчно боялся сѣсть на чье-нибудь мѣсто, сказать что-нибудь непріятное другимъ, съѣсть кусокъ, предназначенный не мнѣ. Только на семнадцатомъ году я узналъ, что значитъ «свой уголъ», низенькій, холодный, сырой, но все же «свой». Въ это время я сталъ жить уроками. Я бился съ нуждою, я терпѣлъ лишенія, но все же я чувствовалъ, что я имѣю право сидѣть у себя, гдѣ хочу, и ѣсть то, что купилъ на свои деньги. Правда, уроки, которыми я началъ жить, мѣшали мнѣ самому учиться, но я смотрѣлъ на это довольно равнодушно: меня никто не могъ упрекать за то, что я засиживался въ послѣднихъ классахъ гимназіи, меня никто не могъ поторопить поскорѣе кончить курсъ ученія, чтобы не сидѣть на чужой шеѣ. Я мечталъ, что я кончу ученіе двадцати лѣтъ, поступлю въ университетъ, потомъ изберу какую-нибудь спеціальность, не торопясь, не спѣша, не бросаясь на первое попавшееся дѣло. Я только не разсчиталъ одного: я не зналъ, что въ двадцать лѣтъ могутъ пробудиться такія потребности, которыя могутъ перевернуть вверхъ дномъ всѣ мои планы. Когда я кончилъ курсъ въ гимназіи, мнѣ навернулись очень выгодные уроки. Я зарабатывалъ до полутораста рублей въ мѣсяцъ. Это было цѣлое богатство въ моихъ глазахъ, и я, вѣчно томившійся въ нищетѣ, вѣчно страдавшій отъ недостатковъ, позволилъ себѣ нѣкоторыя удобства. Я нанялъ недурную комнату, пріодѣлся получше, сталъ ѣсть не впроголодь, посѣщалъ иногда театры, любилъ принять у себя товарищей.

— Не налюбуюсь я на васъ, что вы за прекрасный молодой человѣкъ,—говорила моя квартирная хозяйка, полная обрусѣвшая нѣмка, вдова какого-то гусара, женщина съ вкрадчивыми манерами, съ предупредительными улыбочками.—Вѣчно-то вы веселы и бодры, и работаете, и веселитесь въ мѣру, не такъ какъ другіе, у которыхъ сегодня густо, а завтра пусто.

Она начала все чаще и чаще заходить въ мою комнату и приглашать къ себѣ на чай. Я любилъ сидѣть съ нею. Она, воспитанная на мѣдные гроши, была не глупа, много путешествовала, много пережила, много видѣла, была хорошая разсказчица. Я узналъ, что когда-то она была богата, что у нея была семейная драма, что мужъ ее бросилъ для любовницы и умеръ, оставивъ съ малолѣтнею дочерью. Все это разсказывалось мелькомъ, съ пробѣлами, съ какими-то умолчаніями, невольно наводившими на мысль, что въ про-

шломъ Маріи Карловны были тоже грѣшки, темныя пятна, преступки. Но что мнѣ было за дѣло до ея нравственности, до ея прошлыхъ грѣховъ: она была моя квартирная хозяйка и веселая собесѣдница—и только. Но меня влекла не одна ея веселая, разбитная болтливость. Мнѣ было пріятно болтать съ нею, видя около себя ея шестнадцатилѣтнюю дочь, съ бѣлыми, какъ ленъ, длинными косами, съ яркимъ молодымъ румянцемъ, съ темными бровями, съ бойкими сѣрыми глазками. Леля—такъ звали дочь Маріи Карловны—не была красавицей, не отличалась правильными чертами, но она дышала свѣжестью, здоровьемъ, бойкостью, шаловливостью. Она, какъ ребенокъ, любила прыгать, хохотать, пѣть,—и съ каждымъ днемъ мнѣ становилось все необходимѣе и необходимѣе слышать этотъ смѣхъ, это пѣніе, эту болтовню. Иногда Леля забѣгала ко мнѣ, и мнѣ казалось, что въ мою комнату врывался лучъ весенняго солнца. Она сошлась со мною, какъ дѣвочка, какъ ребенокъ. Она иногда подкрадывалась ко мнѣ сзади, закрывала руками мои глаза и кричала:

— Угадайте, кто съ вами?

Порой она терзала мои волосы, развязывала мой галстукъ, повязывала его снова затѣйливымъ бантомъ, подставляла мнѣ свою руку къ губамъ, говоря со смѣхомъ:

— Благодарите же за услуги!

Разъ я перелистывалъ какую-то иллюстрированную книжку Леля подошла ко мнѣ и нагнулась черезъ мое плечо, положивъ свою руку вокругъ моей шеи и почти касаясь лицомъ моей щеки. Мнѣ кровь бросилась въ голову.

— Какая вы хорошенькая!—невольно сорвалось у меня съ языка.

— Вы сами тоже хорошенькій!—сказала она.

Она пристально взглянула въ мои глаза, повернувъ руками къ себѣ мое лицо, и вдругъ горячо-горячо поцѣловала меня прямо въ губы.

— Любишь?—съ дѣтскимъ лукавствомъ спросила она.

Я обезпамятѣлъ. Я не помню, сколько разъ покрылъ я поцѣлуями это лицо. Она не противилась, не сознавала, что она поступаетъ неловко или дурно, и крѣпко обвивала руками мою шею.

— Хорошо тебѣ такъ?—спросила она, сидя у меня на колѣняхъ.—Всегда бы такъ быть вмѣстѣ, близко-близко другъ къ другу.

Я терялъ голову.

Лелю зачѣмъ-то кликнула мать. Она убѣжала безъ смущенія, безъ боязни, какъ бѣжитъ ребенокъ отъ своихъ игрушекъ. На другой день, ругая себя, каясь за свое поведеніе, я боялся на нее взглянуть, но она была попрежнему весела и рѣзва, и пришла ко мнѣ, какъ всегда, безъ потупленныхъ глазокъ, безъ дѣвической стыдливости, безъ жеманной застѣнчивости. «Она совсѣмъ дитя»,—подумалось мнѣ. Она опять обвила мою шею руками, поцѣловала меня въ щеку и спросила меня:

— Ты это что дѣлаешь?

Она уже говорила мнѣ «ты», громко, спокойно, не боясь, что кто-нибудь ее услышитъ.

— Лекціи читаю,—отвѣтилъ я.

— Ну, читай, а я сяду къ тебѣ на колѣни и, какъ котенокъ, буду смирно-смирно сидѣть.

Она хотѣла сѣсть, я отстранилъ ее рукою.

— Что это? ты сердишься за что-нибудь?—спросила она.

— Нѣтъ, Леля, но это нехорошо,—отвѣтилъ я.

— Что нехорошо?

— Вы уже не ребенокъ, Леля. Такъ съ мужчинами нельзя обращаться.

— Отчего же? Ты знаешь Александра Васильевича Строгова, того толстаго отставного гусара, что у насъ бываетъ? Онъ вотъ всегда меня цѣлуетъ и сажаетъ къ себѣ на колѣни. Только я не люблю его. Онъ такой толстый, и усищи у него противные. Я теперь даже не хожу къ нимъ. Знаешь, онъ насъ съ мамой пригласилъ разъ къ себѣ на дачу, тамъ пирушка была, мы танцовали, весело было, но меня такъ напоили шампанскимъ, что всѣ смѣялись надо мной, что я пьяна. А потомъ, мы съ мамой тамъ ночевали, и у меня утромъ даже горячка сдѣлалась, думали, что я умру. Съ тѣхъ поръ я на него сердита.

— Какъ это рѣшается ваша матушка возить васъ къ такимъ господамъ,—съ отвращеніемъ замѣтилъ я.

— Да онъ товарищъ папы, и въ то время, когда мы у него были на вечерѣ, онъ за маму большіе долги заплатилъ. Онъ намъ очень помогъ.

— Все же не слѣдуетъ съ такими господами знаться.

— Ну да, Богъ съ нимъ, что о немъ говорить! Ты вотъ не такой, ты хорошенькій, и я тебя очень, очень люблю!

Она прижалась ко мнѣ. У меня кружилась голова. Эти сцены повторялись часто: иногда Леля заставляла меня бѣгать съ нею по комнатѣ, иногда она жаловалась мнѣ,

что мать ее притѣсняетъ, порой она говорила, что ей противно, какъ гадкій старикашка Строговъ все лѣзетъ къ ней съ поцѣлуями. И все это лепеталось и дѣлалось чисто по-дѣтски. Она относилась ко мнѣ, какъ къ подругѣ. Ее не смущало, если я былъ безъ жилета; она не задумывалась прилечь при мнѣ на диванъ; она поручала мнѣ, не краснѣя, завязать ей повыше локтя нарукавники; она изумлялась, когда я говорилъ ей:

— Это неприлично! Что вы дѣлаете, Леля!

— Отчего нехорошо?—спрашивала она.

Изъ ея разсказовъ я узналъ многое, что освѣтило непривлекательнымъ свѣтомъ ея мать. Я узналъ, что одна самая парадная комната въ нашемъ домѣ нанята какимъ-то гвардейцемъ, который пріѣзжаетъ въ нее съ дамой, всегда покрытой вуалью.

— У нея старый мужъ, а она любитъ этого гвардейца, вотъ какъ я тебя, ну, они и пріѣзжаютъ, чтобы быть вдвоемъ,—поясняла Леля.

Потомъ я узналъ, что у ея матери были еще двѣ дочери, но ихъ отецъ отдалъ въ «воспитательный домъ», потому что онъ былъ тогда не женатъ на ея матери.

— Онъ все говорилъ, что это не его дочери,—объясняла она.—А какъ же онѣ не его, если мама была его женою?

Эта дѣтская наивность и въ то же время эта страстность дѣлали Лелю страннымъ существомъ. Я чувствовалъ, что она погибнетъ, какъ только случай сведетъ ее съ человѣкомъ, который воспользуется и ея неопытностью, и ея страстностью. Ея страстность проявлялась во всемъ: въ отношеніяхъ къ матери, къ подругамъ, ко мнѣ. Мнѣ было жаль этого ребенка, и въ то же время я не могъ его удержать въ границахъ приличія, не могъ растолковать ему, что такъ нельзя вести себя.

— Развѣ тебѣ непріятно, что я тебя цѣлую? Развѣ ты сердишься на меня? Что же можетъ выйти дурного изъ того, что я тебя ласкаю?—твердила она.

Иногда дѣло доходило до слезъ, и тогда мнѣ уже самому приходилось ласкать и цѣловать ея заплаканное личико. Я сознавалъ, что мнѣ нужно переѣхать отъ нихъ, иначе я не могъ ни учиться, ни сдерживаться. Я переѣхалъ. Но на другой же день Леля была у меня.

— Леля, какъ вы сюда попали?—воскликнулъ я.

— Да мнѣ скучно безъ тебя,—отвѣтила она.—Мама все ворчитъ, я одна, подругъ нѣтъ,—ну, пошла къ тебѣ.

Она насильно сѣла ко мнѣ на колѣни и какимъ-то дѣтски-полящимъ тономъ прошептала:

— Не гони меня, я тебя очень, очень люблю!

Она быстро наклонилась и поцѣловала мою руку.

— Вѣдь ты любишь меня? Да? Возьми меня къ себѣ. Не все ли равно тебѣ, буду ли я съ тобою жить или нѣтъ? Я вѣдь не стану тебѣ мѣшать. Ты будешь учиться, я буду шить, работать, потомъ вмѣстѣ пойдемъ гулять...

— Леля...

— Не говори, не говори! Я знаю, что ты возьмешь къ себѣ. Гостилъ же у тебя твой товарищъ? Вотъ и я также буду у тебя всегда гостить. Вотъ тутъ и мѣсто мнѣ будетъ на диванчикѣ. Я маленькая, мнѣ немного нужно...

— То товарищъ, мужчина гостилъ...

— Скажите, пожалуйста, точно не все равно! Вотъ я возьму, да и одѣнусь мальчикомъ, тогда и прогнать не посмѣешь, мужчиной буду...

Черезъ мѣсяцъ я былъ женатъ.

Блѣдный, точно похолодѣвшій, смотрѣлъ я куда-то въ сторону на другой день послѣ свадьбы...

— Ваня, ты за что-нибудь сердишься?—спросила Леля, обнимая и цѣлуя меня...

— И ты еще спрашиваешь!—съ горечью проговорилъ я.— Зачѣмъ ты не созналась раньше, что ты уже любила.

— Кого?—спросила она, смотря на меня въ недоумѣніи.

— Я думаю, ты это лучше меня знаешь!—воскликнулъ я.

— Я тебя не понимаю! Кто тебѣ насплетничалъ на меня? Я никого никогда не любила, кромѣ тебя!

— Такъ что же ты продавалась, что ли?—крикнулъ я.

Она смотрѣла на меня недоумѣвающими, откровенными глазами. Я былъ внѣ себя.

— Говори, говори, кто былъ тотъ негодяй, который увлекъ тебя!—кричалъ я, стискивая ея руку.

— Мнѣ больно, Ваня! Я не знаю, за что ты сердишься,—съ дѣтскими слезами проговорила она.

Я выпустилъ ея руки или, лучше сказать, онѣ выпали изъ моихъ рукъ. Въ это время вошла моя теща.

— Что это? Ты плачешь? О чемъ это?—спросила она невиннѣйшимъ тономъ у Лели.

Я не выдержалъ и сталъ упрекать тещу.

— Хорошо вы смотрѣли за дочерью! Вы меня нагло обманули!—кричалъ я, сжимая кулаки.

Но Марья Карловна только удивлялась и клялась, что она ничего не знала о паденіи дочери. Она даже допрашивала дочь, она горько упрекала ее за вѣтренность, за дурное поведеніе, она дѣлала видъ, что теряется въ догадкахъ насчетъ того, кто погубилъ Лелю. Я ушелъ и заперся въ своей комнатѣ, чтобы ничего не видать, чтобы ничего не слыхать. Я перебиралъ всѣ событія изъ прошлаго своей жены. Мало-по-малу и понялъ все, мнѣ припомнился разсказъ объ обращеніи съ нею старика Строгова и его сыновей, вечеринка у него, горячка, сдѣлавшаяся съ Лелей послѣ этой вечеринки, долги моей тещи, заплаченные Строговымъ послѣ этой пирушки. Мнѣ припомнился его радостный видъ на моей свадьбѣ, его обѣщанія позаботиться о насъ, двусмысленныя улыбки его сыновей, двухъ развращенныхъ фатовъ. Я пришелъ къ заключенію, что моя жена дѣйствительно ничего не знала о своемъ паденіи, что она была продана матерью. Но кто же ее погубилъ: Строговъ или его сыновья, или кто-нибудь другой изъ бывшихъ на пирушкѣ? Можетъ-быть, виновникъ былъ не одинъ; во всякомъ случаѣ знали объ этомъ многіе—это теперь мнѣ было ясно, когда я вспоминалъ всѣ физіономіи, всѣ взгляды, всѣ рѣчи развращенныхъ мужчинъ, названныхъ на мою свадьбу матерью Лели. Мнѣ стали противны всѣ эти люди, я боялся теперь встрѣтиться съ ними, боялся увидѣть ихъ двусмысленные взгляды. Я понималъ, что всѣ они, и Строговъ, и его сыновья, и товарищи ихъ, и мать Лели, знали о ея паденіи, и не знала, не помнила этого только она, поплатившаяся горячкою за вечеръ гнусной оргіи. Я рѣшился порвать всякую связь съ ними. Я такъ и сдѣлалъ. Но я не могъ растолковать Лелѣ ни значенія ихъ поведенія, ни необходимости удалиться отъ нихъ. Она смотрѣла на все со своей дѣтски-наивной точки зрѣнія, не понимая ни своего проступка, ни моего положенія обманутаго мужа. Я только теперь началъ понимать, что въ сущности у Лели недоставало одного — какого бы то ни было представленія о нравственности. Она выросла въ той средѣ, гдѣ развратъ практиковался беззастѣнчиво, открыто, свободно, какъ нѣчто нормальное, законное; она не понимала, почему она дѣвушкой не могла сидѣть у меня на колѣняхъ, она не понимала предосудительности свиданій у нихъ въ домѣ молодого офицера съ чужою женой, она не понимала меня, когда я говорилъ ей:

— Я уже оттого не приму къ себѣ ни одного изъ вашихъ

знакомыхъ, что буду подозрѣвать въ немъ твоего минутнаго любовника или буду бояться, что ему извѣстно твое прошлое.

— Да что же я такого дурного сдѣлала, Ваня?—со слезами говорила она.

Я начиналъ понимать, что и теперь, будучи замужемъ, она легко измѣнитъ мнѣ при первой ласкѣ какого-нибудь смазливаго мальчика, измѣнитъ безъ думъ, безъ размышленій, безъ упрековъ совѣсти, просто потому, что этотъ мальчикъ смазливъ, что онъ приласкалъ ее, что ей «не за что не любить его», что, наконецъ, «ей такъ хорошо»—это была та проклятая фраза, которую мнѣ повторяла до замужества Леля, когда я говорилъ ей о неприличіи ея обращенія со мною. Это не была глупость, это не была простая развратность натуры, это было просто полное отсутствіе понятій о нравственности. И то сказать, какія понятія о нравственности могли быть у Лели, выросшей подъ надзоромъ Маріи Карловны и Строгова. Марія Карловна, какъ я узналъ потомъ, существовала, главнымъ образомъ, отдачею комнатъ поденно различнымъ влюбленнымъ парамъ. Отставной гусаръ старикъ Строговъ получалъ главные доходы съ тѣхъ лицъ, которымъ онъ помогалъ въ дѣлахъ любви. Мнѣ приходилось открыть передъ Лелей цѣлый новый міръ этихъ понятій, разъяснить ей все, начиная съ азбуки нравственности. Только теперь понялъ я все это и увидалъ всѣ мелочи, которыя ускользали отъ меня прежде или казались мнѣ слѣдствіемъ дѣтской непорочности. Только теперь я замѣтилъ, что Леля не имѣетъ способности краснѣть отъ застѣнчивости; что ее не приводитъ въ стыдливое смущеніе обнаженное тѣло, что она любитъ его, какъ другіе любятъ цвѣты, наряды, вино, сласти, фрукты. За такой женой нужно было слѣдить.

Не весело пошла моя семейная жизнь, Леля сердилась на меня за то, что я разогналъ ея знакомыхъ, что я почти выгналъ изъ дому ея мать, что ей скучно сидѣть все одной. Рядомъ съ этими жалобами явились и другія жалобы: у меня недоставало средствъ порядочно одѣвать ее, она же не умѣла зарабатывать денегъ и не умѣла хозяйничать. При малѣйшихъ недостаткахъ она говорила мнѣ:

— Вотъ со Строговымъ разошелся, а онъ тебѣ и работу далъ бы, и мѣсто доставилъ бы! Выдумалъ всѣхъ гнать, кто меня любитъ,—теперь и сиди безъ знакомыхъ и безъ хлѣба Жили бы у мамы—такъ и дешевле было бы, и веселѣе. А то тутъ считай каждый грошъ, да думай, чѣмъ накормить тебя...

О продолженіи университетскихъ занятій нечего было и думать. Я уже искалъ мѣста. Наконецъ, мѣсто нашлось здѣсь, въ конторѣ, съ пятьюдесятью рублями жалованья. Это было мало, но что же дѣлать, если другого мѣста я не могъ найти, а на уроки не смѣлъ разсчитывать, какъ на вѣрное средство къ существованію. У насъ же былъ уже ребенокъ. Я сталъ ходить въ контору, я занимался перепискою дома, я лѣзъ изъ кожи, но Леля не благодарила меня за это, не цѣнила моихъ трудовъ, не поддерживала меня: она видѣла только одно то, что у нея нѣтъ такихъ нарядовъ, какъ у встрѣчавшихся съ нею ея подругъ, что мы терпимъ недостатки, что Строговъ могъ бы дать мнѣ лучше мѣсто, что, живя у ея матери, мы были бы обезпеченнѣе, что я не вывожу ее никуда и самъ или отсутствую, или молча сижу за скучною перепиской. Этого было довольно для сотенъ, для тысячъ упрековъ.

— Ты меня не любишь, оттого ничего для меня и не дѣлаешь,—упрекала она меня.

Я говорилъ, что я ничего для нея не дѣлаю по недостатку средствъ,—она говорила:

— Иди къ Строгову! Переѣзжай къ мамѣ!

Я настрѣнъ отказывался отъ этого,—она опять говорила, что я отказываюсь потому, что не люблю ея.

— Мама то же говоритъ,—плакала она.

— Гдѣ ты видѣла мать?—сердито спрашивалъ я.

— Гдѣ? У нея была. Не сидѣть же мнѣ все дома, одной.

— Ты ужъ и къ Строгову не ходила ли?

— А если бы и ходила, такъ что же? Тамъ меня всѣ любили и ласкали. Бывало, захочу въ театръ—сейчасъ ложу берутъ, вздумаю кататься—велятъ экипажъ заложить. Если я и дулась на Строгова, такъ потому, что онъ старый и противный, а Коля и Миша Строговы всегда были мнѣ друзьями, мы росли вмѣстѣ...

— Не смѣй мнѣ говорить о нихъ!—сердился я.

— Ну да, ты вѣдь всѣхъ ненавидишь, кто меня ласкалъ. Чѣмъ же я виновата, что они меня любили? Это ты только такой медвѣдь, что тебя никто не любилъ.

Иногда у насъ дѣло доходило до крупной брани, чаще же я плакалъ и молилъ Лелю понять наше положеніе, отбросить лишнія требованія, жить мирной и скромной жизнью. Но на нее не дѣйствовали ни брань, ни мольбы. «Ты меня не любишь, оттого такъ и держишь»,—вотъ все, что слышалъ я въ отвѣтъ. Оставалось только доказывать ей любовь

удвоеннымъ трудомъ, удвоеннымъ заработкомъ. Но домъ, хозяйство поглащали все, что добывалось трудомъ, и жалобы на недостатокъ развлеченій и нарядовъ слышались постоянно. Наконецъ, должно-быть, Леля утомилась жаловаться: я пересталъ слышать ея жалобы, пересталъ видѣть ея слезы. Я началъ радоваться этой перемѣнѣ; но мнѣ стали бросаться въ глаза новые наряды Лели.

— Откуда у тебя это платье?—спросилъ я однажды.

— Мама сдѣлала,—отвѣтила она.

— Не смѣй брать отъ нея подарковъ!

— Что же мнѣ оборванкой ходить? Сшей мнѣ такое платье, какъ это, вотъ я и не буду просить у мамы. Ты думаешь, мамѣ весело глядѣть, что я обтрепалась? Мама вонъ и то говоритъ, что я на себя стала непохожа. «Тебя, говоритъ, теперь и даромъ никто не возьметъ, если твой благовѣрный умретъ».

— Ты бы хоть не передавала мнѣ того, что говоритъ твоя мать!—подавленнымъ голосомъ молилъ я.

— Да, я вѣдь знаю, что ты не любишь со мной разговаривать!

Она даже перестала теперь ласкаться ко мнѣ. Она, кажется, чувствовала ко мнѣ что-то въ родѣ презрѣнія, отвращенія, гадливости.

И то сказать, я сталъ худъ, сухъ, сгорбился, состарѣлся; здоровье, свѣжесть, силы, румянецъ молодости—все ушло безвозвратно. Это чисто матеріалистическая, чувственная натура не могла уже найти наслажденія въ ласкахъ «скелета». Впрочемъ, нѣтъ! настало время, когда Леля опять начала ухаживать за мною, когда она приблизила опять меня къ себѣ. Но Боже мой! мнѣ даже гадко вспомнить объ этомъ! Это было сдѣлано для того, чтобы я не отрекся отъ *ея* ребенка,—говорю отъ *ея* ребенка, а не отъ *моего*, потому что моимъ ребенкомъ былъ только Саша, первое дитя, подаренное мнѣ Лелей. Да, она начала обманывать меня, она начала развратничать, но неумѣло, жалко, воображая о крупной наживѣ и попадаясь въ разставленныя ей сѣти даромъ, безъ барыша, съ печальною перспективой снова сдѣлаться матерью,—и какой матерью! которая проклинала свое дитя до его рожденія за то, что «ей было больно», какъ выражалась она. Я все это видѣлъ, чувствовалъ, угадывалъ и даже не могъ разстаться съ нею: разъ она сама ушла отъ меня къ матери, но мать черезъ недѣлю же поссорилась съ нею, выгнала ее, и она вернулась снова ко мнѣ, говоря,

что я долженъ ее кормить. Я позволилъ ей жить, я ее кормлю, но я работаю не для нея, а для Саши, для моего ребенка, для моего несчастнаго мальчика. Не будь его—я бросилъ бы работу, запилъ бы, пересталъ бы трусить, что мнѣ откажетъ отъ мѣста мой принципалъ. Теперь же я тяну свою лямку покорно, неустанно, изо дня въ день, чтобы только спасти отъ голода и холода свое дитя...

Я дописывалъ послѣднія строки, когда вернулся мой принципалъ. За нимъ внесли корзинку съ игрушками.

— Сюда, сюда неси, въ гостиную!—говорилъ онъ швейцару и носильщику, указывая имъ на дверь.—Приходится воровскимъ манеромъ черезъ контору все носить, чтобъ дѣти не узнали,—обратился онъ ко мнѣ.

Онъ весь сіялъ счастіемъ. Корзины внесли, черезъ контору въ его гостиную.

— Вы кончили просмотръ книгъ?—спросилъ онъ у меня, давая на водку прислугѣ.

— Да, не угодно ли просмотрѣть,—отвѣтилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ... Чего смотрѣть!.. Все вѣрно—и славу Богу!—отвѣтилъ онъ, наклоняясь надъ корзинами.—Помогите мнѣ, пожалуйста, развязать вотъ это.

Я сталъ развязывать корзины.

— А вашъ мальчуганъ гдѣ-нибудь тоже на елкѣ?—спросилъ онъ, разставляя игрушки.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.

— Ну, такъ вотъ приводите его сегодня къ восьми часамъ... Пусть повеселится... Для дѣтей это лучшій праздникъ... Они тоть ждутъ елки.

Я поблагодарилъ.

— Непремѣнно, непремѣнно приводите!—повторилъ онъ.—Игрушекъ много и для него будетъ...

Черезъ полчаса, окончивъ разборъ игрушекъ, я пошелъ домой. Привести Сашу къ нимъ на елку. Какая радость была бы для него! Но въ чемъ я поведу его? У него нѣтъ даже праздничной одежды. Или привести его въ затрапезной ситцевой рубашонкѣ на посмѣшище нарядныхъ дѣтей? Видѣть, какъ, смотря на него, будутъ дѣлать гримасы и господа, и лакеи? Да и настолько ли онъ выдрессированъ, чтобы умѣть держать себя среди дѣтей, вышколенныхъ гувернантками и гувернерами? Нѣтъ, ему не мѣсто здѣсь. И не будетъ ли ему еще тяжелѣе жизнь, когда онъ посмотритъ на этотъ блескъ, на эту роскошь, на это счастье другихъ

дѣтей? Нѣтъ, нѣтъ, пусть онъ лучше не знаетъ, что онъ несчастливъ, что другіе живутъ лучше!

Съ поникшей головою, съ тоскою въ душѣ вернулся я домой и засталъ Сашу сидящимъ на окнѣ. Онъ обернулъ ко мнѣ свое худенькое, изсиня-блѣдное личико съ мутными глазками и молча поманилъ меня къ себѣ. Я подошелъ.

— Папа, елки!—тихо прошепталъ онъ, указывая грустными глазами на улицу, гдѣ около тротуара была разставлена масса елокъ. Онъ ничего не сказалъ больше, онъ ни о чемъ не просилъ, онъ ни на что не жаловался,—но я чуть не заплакалъ отъ этой фразы, въ которой я слышалъ и мольбу, и жалобу, и упрекъ. Онъ зналъ, что онъ былъ несчастливъ, что другіе живутъ лучше. Да, тамъ были елки, а у него не было елки, и я не могъ купить ему ее, не могъ доставить ему и минуты восторга. Бѣдный мой мальчикъ, ты еще не знаешь, что твой отецъ не только-что елку не можетъ устроить тебѣ, но что онъ не знаетъ даже, откуда возьмутся у него средства, чтобы дать тебѣ образованіе, средства къ добыванію хлѣба, возможность стать на тотъ путь, на которомъ ты могъ бы... устраивать елки для своихъ будущихъ дѣтей... Что-то изъ тебя...

— Скажите, кто авторъ этой рукописи? — спросилъ я у Клименко, кончивъ чтеніе этого недописаннаго отрывка.

— Вамъ нужна непремѣнно фамилія?—усмѣхнулся онъ.— Подите въ коммерческіе и поземельные банки, въ правленія желѣзныхъ дорогъ и въ банкирскія конторы, во всѣ эти мѣста, гдѣ золото, акціи и облигаціи обращаются въ количествѣ милліоновъ, и высмотрите тамъ любого изъ этихъ неокончившихъ курса ученія молодыхъ конторщиковъ, рано женившихся на какихъ-нибудь дочеряхъ квартирныхъ хозяекъ, на какихъ-нибудь швейкахъ, и получающихъ пятьдесятъ, шестьдесятъ рублей жалованья, безъ надежды, безъ умѣнія получить больше и составить карьеру—и спросите у этого юноши, уже страдающаго и гемороемъ, и зародышемъ чахотки, не знаетъ ли онъ фамиліи героя этой исторіи, и когда вамъ назовутъ сотни фамилій подобныхъ «конторщиковъ»—выбирайте изъ нихъ любую.

V.

Не сошлись во взглядахъ и разъѣхались.

Я сидѣлъ съ Клименко въ Демидовскомъ саду за чай-

нымъ столикомъ, когда къ намъ подошелъ какой-то господинъ съ нарядной дамой.

— Докторъ Флигенрингъ! — отрекомендовалъ мнѣ Клименко подошедшаго господина.

Спутницу доктора онъ не счелъ нужнымъ отрекомендовать. Впрочемъ, она и безъ представленія перекинулась съ нами нѣсколькими фразами и въ отвѣтъ на двусмысленную шутку Клименко ударила его китайскимъ вѣеромъ по плечу. Я понялъ, какого сорта была эта дама.

— Соломенный идоволъ! — сказалъ мнѣ Клименко, когда Флигенрингъ отошелъ отъ насъ. — Тоже интересный экземпляръ отца... Я вамъ хотѣлъ разсказать о нашихъ отцахъ старыхъ временъ, но встрѣча съ этимъ новѣйшимъ экземпляромъ охолостѣвшаго отца измѣняетъ мой планъ. Я передамъ вамъ его исторію теперь же, а то послѣ, пожалуй, забуду поразсказать объ этомъ субъектѣ. Къ тому же вѣдь вамъ все равно, въ какой послѣдовательности я буду передавать свои наблюденія и замѣтки, такъ какъ они связаны между собою только одною общею идеею — стремленіемъ изобразить различные типы нашихъ отцовъ и матерей...

— Я васъ слушаю, — сказалъ я.

— Докторъ Флигенрингъ — знаменитость, — съ ироніей началъ Клименко. — Онъ открылъ философскій камень, съ помощью котораго изъ ничего можно дѣлать золото. Вы видѣли его жидовское узенькое личишко съ маленькимъ блѣднымъ лбомъ, съ масляными хитрыми глазами и, вѣроятно, поняли, что въ этой небольшой, сплюснутой съ боковъ головкѣ едва ли есть мѣсто для большого мозга. Оно такъ и есть: онъ не уменъ, не талантливъ, не ученъ, но онъ хитеръ и ворокъ. Этихъ двухъ качествъ совершенно достаточно, чтобы пользоваться успѣхомъ среди тысячи дураковъ, окружающихъ насъ. Въ медицинской академіи онъ сдѣлался извѣстнымъ во время студенчества тѣмъ, что перевелъ нѣсколько медицинскихъ сочиненій, попросивъ профессоровъ проредактировать переводъ. Такимъ образомъ, онъ заслужилъ репутацію человѣка трудящагося, хотя, какъ говорятъ, переводъ дѣлалъ не онъ самъ, а двѣ-три барышни, влюбившіяся въ его глаза и въ его красноречіе. Чѣмъ онъ имъ платилъ — я не стану вамъ объяснять, но, во всякомъ случаѣ, вознагражденіе не было денежное. Такъ какъ на книгахъ стояло имя переводчика, то онъ получилъ извѣстность и въ литературномъ мірѣ, и два-три книгопродавца

поручили ему перевести популярныя сочиненія «о сохраненіи женской красоты» и «о спасеніи отъ болѣзней», о которыхъ не говорятъ вслухъ. Онъ выставилъ на этихъ книжонкахъ свое имя и потерялъ всякую цѣну въ ученомъ мірѣ, но ему былъ уже не нуженъ этотъ міръ, такъ какъ онъ успѣлъ въ это время запастись отъ снисходительныхъ къ нему профессоровъ докторскимъ дипломомъ. Въ финансовомъ же отношеніи онъ выигралъ: во-первыхъ, книжонки, какъ все скабрезное, расходились быстро, а во-вторыхъ, у него явились особаго рода паціенты—увядающія красавицы и юноши въ критическомъ для юности положеніи. Онъ нашелъ нужнымъ, присматриваясь къ своимъ паціентамъ, сдѣлаться изобрѣтателемъ мазей, пилюль и порошковъ, возвращающихъ красоту и силу, или, говоря проще, сталъ изготовлять притиранія, косметики и нѣчто болѣе радикальное, за что однажды чуть не попалъ на скамью подсудимыхъ. Такова первоначальная карьера этого господина. Теперь онъ извѣстенъ въ Петербургѣ особенно тѣмъ семьямъ, гдѣ нужно скрывать невинныя шалости дѣвицъ отъ ихъ будущихъ супруговъ. Вообще, большая часть его доходовъ приносится ему женщинами: онѣ любятъ «милаго доктора», да и онъ не остается безучастнымъ къ нимъ, если онѣ только хотя немного красивѣе макбетовскихъ вѣдьмъ. Но не думайте, что онъ вполнѣ легковѣсный человѣкъ. Нѣтъ, никто лучше его не умѣетъ играть роль серьезнаго ученаго. Щупая пульсъ, онъ, съ сдвинутыми бровями, произноситъ: «о—о!» Потомъ, смотря на языкъ, онъ съ многозначительнымъ покачиваніемъ головою протягиваетъ: «э—э!» Прилегая ухомъ къ груди больной, онъ уже совсѣмъ зловѣще восклицаетъ: «ага!» Одна больная чуть не умерла со страху отъ этихъ роковыхъ междометій, но даже и она, выходя отъ него, не могла не отдать полной признательности его знаніямъ. Вотъ вамъ портретъ во весь ростъ этого «моднаго дамскаго доктора». Я думаю, нѣтъ надобности распространяться о частностяхъ, разсказывать, напримѣръ, что, свидѣтельствуя одну молоденькую барыньку, онъ вздумалъ такъ пощекотать ее, что она потомъ краснѣла при одномъ его имени. Всѣ эти деталй вы можете дополнить своимъ воображеніемъ, вспомнивъ плотоядные глаза и животныя губки этого тусклаго и изношеннаго лица. Но я долженъ упомянуть объ одной особенности этой личности. Какъ вы думаете, кѣмъ онъ слылъ въ свѣтѣ: консерваторомъ или либераломъ?

— Я склоняюсь къ мнѣнію, что онъ примыкалъ къ консерваторамъ или, лучше сказать, къ крѣпостникамъ. Такіе люди должны сожалѣть объ исчезновеніи дворовыхъ дѣвокъ, — усмѣхнулся я.

— Вы не угадали: это либералъ съ легкимъ краснымъ оттѣнкомъ. По крайней мѣрѣ, такимъ онъ старался казаться. Иначе и не могло быть. Ему теперь лѣтъ сорокъ съ небольшимъ, то-есть ему было около двадцати лѣтъ въ началѣ періода реформъ, и онъ могъ сообразить всю невыгодность крѣпостническихъ, ретроградныхъ и консервативныхъ взглядовъ. Онъ даже читалъ «Колоколъ», хотя это онъ дѣлалъ только до тѣхъ поръ, пока ему была нужна помощь разной молодежи по части дешевыхъ или даровыхъ переводовъ и корректуръ. Онъ платилъ этой трудящейся молодежи за ея трудъ радикальными фразами вмѣсто государственной монеты. Впрочемъ, я упомянулъ объ убѣжденіяхъ доктора только потому, что безъ этого вы не поняли бы, какъ онъ могъ жениться на одной изъ самыхъ либеральнѣйшихъ женщинъ петербургскаго общества. Вы, можетъ-быть, слышали что-нибудь о существованіи въ былые годы въ Петербургѣ Эммы Федоровны?

— Кто это такая Эмма Федоровна? — спросилъ я. — Я зналъ одну Эмму Федоровну Шварцъ, содержавшую кухмистерскую...

— Довольно, довольно! — съ комическимъ ужасомъ вскричалъ Клименко. — Не профанируйте этого имени и не выставляйте на видъ своего невѣжества по части общественной и государственной жизни своей родины... Извините мнѣ мою откровенную грубость, но я долженъ замѣтить вамъ, что вы, нынѣшніе литераторы, выказываете удивительное невѣжество во всемъ, что касается нашей, даже недавно прошедшей жизни. Стоитъ пройти двадцати-тридцати годамъ, и вы на вопросъ о томъ, кто была, напримѣръ, Эмма Федоровна, безъ смущенія готовы отвѣтить, что она содержала кухмистерскую!.. Это вѣдь просто непростительно. Этимъ незнаніемъ всѣхъ изгибовъ, всѣхъ пружинъ нашей общественной жизни я только и объясняю ту мелочность содержанія и ту узкость рамокъ, которыя сплошь и рядомъ встрѣчаются въ русскихъ современныхъ романахъ и повѣстяхъ. Всѣ эти повѣсти и романы происходятъ не на дѣйствительной почвѣ, а гдѣ-то въ облакахъ; въ нихъ встрѣчаются русскіе типы, русскія мысли, но русской общественной жизни не ищите въ нихъ — точно эти герои могутъ дѣйствовать и

жить, не завися ни отъ околоточныхъ, ни отъ ростовщиковъ, ни отъ домохозяевъ... Впрочемъ, я уклоняюсь въ сторону и забываю объ Эммѣ Федоровнѣ, которую вы сочли за содержательницу кухмистерской. Нѣтъ, она была нѣмка, но кухмистерской не содержала и вообще стряпней не занималась. Лѣтъ тридцать тому назадъ, въ эпоху сильнѣйшаго блеска Эммы Федоровны, у насъ въ Петербургѣ еще не было рыжеволосыхъ француженокъ-кокотокъ, а вообще были или любовницы изъ крѣпостныхъ дѣвокъ, или содержанки изъ рижскихъ, либавскихъ, ревельскихъ и пернавскихъ благородныхъ, но бѣдныхъ дѣвицъ.

Эмма Федоровна была уроженкой одного изъ этихъ нѣмецкихъ питомниковъ дѣвицъ легкаго поведенія и долгое время была царицею, владычицею, законодательницею петербургскаго полусвѣта. Не думайте, пожалуйста, что это была женщина въ родѣ вонъ этихъ Камидокъ, Альфонсинокъ, Сюзетокъ, и какъ ихъ тамъ еще зовутъ. Это жертвы общественнаго темперамента и болѣе ничего: онѣ, какъ странствующіе фигляры, кочуютъ изъ столицы въ столицу; онѣ, какъ мошенники, выслѣживаютъ богачей; къ нимъ ходятъ не на поклонъ, а только для покупки ихъ продающейся съ аукціона плоти; отъ нихъ не зависитъ ничья участь, но ихъ участь зависитъ отъ случайностей и, рядясь сегодня въ брильянты, большею частью фальшивые, онѣ не могутъ поручиться, что завтра имъ не придется голодать; онѣ записываются въ актрисы театра Берга и Буффъ, чтобъ не получить желтаго билета, а Эмма Федоровна была законною женою дѣйствительнаго статскаго совѣтника, находившагося въ командировкѣ, и ужъ, разумѣется, не могла бояться никакихъ желтыхъ билетовъ. Онѣ и вообразить себя не сумѣютъ въ той роли, которую играла въ теченіе всей своей жизни Эмма Федоровна. Эмма Федоровна умѣла сдѣлаться центромъ, около котораго группировалась масса людей. У нея былъ одинъ изъ самыхъ роскошныхъ салоновъ Петербурга или, вѣрнѣе сказать, у нея была биржа, куда являлось не мало звѣздъ, но вовсе не затѣмъ, чтобы заплатить Эммѣ Федоровнѣ за ея мимолетныя ласки, а затѣмъ, чтобы поклониться Эммѣ Федоровнѣ и обдѣлать черезъ нее свои дѣла и дѣлишки. Въ этотъ салонъ, на эту биржу стекались многіе, такъ какъ здѣсь можно было сойтись съ лицами, къ которымъ не легко было проникнуть въ дома. Но на этой биржѣ, гдѣ обдѣлывались сотни темныхъ и важныхъ дѣлъ, была и своя семейная жизнь. Эмма Федоровна любила сво-

ихъ рожахъ, выводила ихъ въ люди, пристраивала и брала къ себѣ на воспитаніе ихъ дѣтей. Одною изъ ея воспитанницъ была и ея племянница Анета Зейфертъ. Молодая дѣвушка получила въ домѣ тетки блестящее домашнее образованіе. У нея были всевозможные учители, масса русскихъ и иностранныхъ журналовъ и книгъ, и, что важнѣе всего, она пользовалась неограниченною свободою. Эмма Федоровна могла удѣлить племянницѣ сотни и тысячи рублей, но не могла подарить ей ни одного часа въ день, такъ какъ ея дни были полны дѣловыхъ заботъ, визитовъ и оборотовъ. Неограниченная свобода, поклоненіе челяди, ухаживаніе молодежи, чтеніе всевозможныхъ новыхъ книгъ—все это вскружило голову молодой дѣвушки. И вотъ изъ нея вышла либералка, красная, революціонерка съ подкладкой избалованнаго ребенка, съ деспотическимъ характеромъ маленькой кузины, которая не терпитъ возраженій. Да что же иное и могло выйти изъ молоденькой красавицы, не знавшей ни нужды, ни горя, ни препятствій въ то время, когда всѣ либеральничали, когда каждая книжка русскаго журнала приносила планы новыхъ реформъ, когда каждый русскій учитель былъ непремѣнно изъ тѣхъ скоропостижныхъ радикаловъ, которые «стараго Гаврила хлещутъ въ усъ да въ рыло»?

Всѣ эти книги, всѣ эти учителя, вся взлелѣянная на даровыхъ хлѣбахъ молодежь, вертѣвшаяся около молоденькой дѣвушки,—вскружили ей неглупую головку и поощряли ее, рукоплескали ей, когда она высказывала вычитанныя ею наканунѣ ультрарадикальныя мнѣнія, когда она, одѣтая по послѣдней модѣ, стремилась на публичныя лекціи, когда она замышляла открыть какія-то школы и мастерскія, топая въ то же время ногами на горничную, неловко поданную ей платье.

Въ одинъ прекрасный день она совершенно неожиданно вышла замужъ за самаго либеральнаго изъ вертѣвшихся въ домѣ ея тетки юношей и сдѣлала это не ради любви, а чтобы «освободиться отъ семейнаго гнета». Такъ какъ замужество за небогатаго человѣка было вызвано не любовью, не страстью, а желаніемъ «освободиться отъ семейнаго гнета», то Анетъ Зейфертъ смотрѣла на свой поступокъ, какъ на подвигъ, и третировала своего жениха свысока, какъ третировали тѣхъ генераловъ, которые въ старые годы нанимались на свадьбы. Женихъ покорно выносилъ это обращеніе en canaille и даже поощрялъ его, громче всѣхъ толкуя о

великомъ подвигѣ своей невѣсты. Если бы онъ поступилъ иначе, то, конечно, невѣста выгнала бы его отъ себя, какъ безчувственнаго подданнаго, не признающаго великихъ достоинствъ своей повелительницы. Юноша понималъ это очень хорошо и превозносилъ свою повелительницу за то, что она допустила его до своего ложа. Этотъ юноша былъ не кто иной, какъ новоиспеченный докторъ Флигенрингъ. Тетка молодой дѣвушки, конечно, желала не такого брака для своей племянницы, но, тѣмъ не менѣе, не препятствовала ей выйти замужъ за доктора, и даже дала за нею тысячъ пять деньгами, хорошее приданое и назначила ей ежемѣсячное содержаніе въ триста рублей. Молодая чета помѣстилась очень удобно, съ извѣстнымъ комфортомъ, открыла свой салонъ, гдѣ Анна Карловна Флигенрингъ сдѣлалась оракуломъ небѣдной молодежи извѣстнаго сорта и играла въ маленькіе комплоты за ужинами. Было довольно странно видѣть здѣсь тонкія блюда, блестящую обстановку, слыша въ то же время толки о меньшемъ братѣ и анаѳемы сытому довольству «мѣщанства». Но и эти насвистанныя рѣчи, и этотъ привычный комфортъ были въ характерѣ Анны Карловны, выросшей среди блондъ и атласа и среди либеральныхъ книгъ и учителей. Самъ Флигенрингъ вторилъ женѣ, хотя его интересовала одна только сторона ихъ жизни — ужины съ дорогими винами, соусами и устрицами. Такъ прошло года три ихъ супружеской жизни; у нихъ было уже трое дѣтей, когда въ одинъ прекрасный день Эмма Федоровна умерла скоропостижно. Все ея имѣніе досталось ея роднымъ, но не Аннѣ Карловнѣ, такъ какъ Анна Карловна оказалась незаконной дочерью незаконной сестры Эммы Федоровны, подобно многимъ изъ своихъ соотечественницъ, и не имѣла никакихъ законныхъ правъ на имѣніе тетки. Этотъ ударъ былъ очень чувствителенъ для Флигенринга, успѣвшаго при помощи Эммы Федоровны получить выгодное мѣсто, но ожидавшаго ея богатаго наслѣдства. Въ это время между мужемъ и женою произошла первая семейная сцена. Флигенрингъ упрекнулъ жену за то, что они лишились теперь поддержки; жена выразила то мнѣніе, что она очень рада даже, что они будутъ «жить своимъ трудомъ», безъ «этихъ денегъ, нажитыхъ позоромъ». Она говорила это тѣмъ болѣе смѣло, что знала, какъ значительны стали теперь доходы ея мужа.

— Наконецъ, я могу легко заработать переводами, статьями не менѣе денегъ, чѣмъ субсидіи тетки,—рѣшила она.

И дѣйствительно, она принялась за работу: заработала

мѣсяца въ три до двухсотъ рублей, сдѣлала на эти деньги новое черное шелковое платье и устроила пикникъ, а затѣмъ снова начала искать работы, разъѣзжая за нею въ колясках. Толковъ о работѣ у нея всегда было много, хотя и не было самой работы. Флигенрингъ сдѣлался, такимъ образомъ, единственнымъ батракомъ и кормильцемъ семьи, и этого было довольно, чтобы онъ пожелалъ сдѣлаться «главою» въ домѣ. Онъ сразу пересталъ поддакивать женѣ, преклоняться передъ ея умомъ, потакать ея капризамъ. Онъ даже сталъ требовать, чтобы она нѣсколько сократила свои собственные расходы, и сталъ спрашивать у нея отчета, куда уходитъ даваемыя ей на хозяйство деньги. Къ несчастью, именно этого она и не могла сдѣлать: у нея деньги уплывали, какъ вода, но куда - этого она и сама не знала. Она знала только, что у нея теперь никогда не было денегъ.

Мало-по-малу она начала упрекать мужа, что онъ мало даетъ денегъ и среди этихъ упрековъ появился одинъ новый мотивъ: жена упрекала мужъ за то, что онъ развратничаетъ и тратитъ деньги на сторонѣ. Это не было слѣдствіемъ ревности. Нѣтъ, Анна Карловна просто видѣла, что мужъ сталъ относиться къ ней не съ прежнимъ благоговѣніемъ, она теперь осязательно видѣла, что онъ скупится на деньги для нея, и вывела изъ этого только то заключеніе, что у него есть любовница, на которую онъ тратится. Проживъ съ этимъ человѣкомъ нѣсколько лѣтъ, она знала его такъ же плохо, какъ въ день ихъ первой встрѣчи. Флигенрингъ могъ продавать себя, но покупать другихъ—было не въ его натурѣ. Еще черезъ полгода супруга начала замѣчать, что мужъ выживаетъ изъ дому ея либеральныхъ молодыхъ друзей и лизоблюдовъ, и приводитъ въ домъ все больше и больше своихъ пожилыхъ друзей, биржевыхъ купцовъ и крупныхъ промышленниковъ, для которыхъ онъ сталъ чѣмъ-то въ родѣ фактора и ходатая по сердечнымъ дѣламъ.

Произошла новая свалка.

— Ваши баклушники насъ не накормятъ, а у насъ уже трое дѣтей, а тамъ, глядишь, будетъ и четвертый, — говорилъ мужъ.

— Пожалуйста, не бойся,—запальчиво отвѣчала жена.— Я давно желала бы жить съ тобой на разныхъ половинахъ и покончить наши супружескія отношенія. Мы давно уже перестали понимать другъ друга, и намъ нечего носить маску взаимной любви. Слава Богу, я не мѣщанка!

Дѣйствительно, супруги разошлись на разныя половины, и на этихъ разныхъ половинахъ началась разная жизнь. У мужа шелъ откровенный буржуазный развратъ и широкая нажива. У жены шло либеральное фразерство и нищающая праздность. Бурныя сцены повторялись чаще и чаще; мужъ говорилъ женѣ:

— Если ты желаешь быть сытой, живи со мною, какъ съ мужемъ, вытолкай свою свору праздныхъ болтуновъ и принимай любезно моихъ знакомыхъ.

Жена отвѣчала:

— Я никогда не торговала своими убѣжденіями! Я готова выносить лишенія, но не поступлюсь никогда такими взглядами.

Въ сущности она говорила фразы, которыхъ не понимала сама. Она просто привыкла неограниченно приказывать и повелѣвать, и въ этомъ заключался весь ея либерализмъ. Этотъ либерализмъ былъ и у Титъ Титычей, бившихъ зеркала съ криками: «нашему ндраву не препятствуй!» и у матушекъ-помѣщицъ старыхъ временъ, жаловавшихся на стѣсненія и на произволъ правительства, когда настала такая пора, что «даже и своей дѣвкѣ косу не смѣй обрѣзать». Анна Карловна если не била по щекамъ крѣпостныхъ дѣвокъ, за неимѣніемъ таковыхъ, то любила хлестать по лицу идеи и требовала за эту смѣлость рукоплесканій. На половинѣ же мужа приказывать ей было трудно, а прослыть оракуломъ и божкомъ было еще труднѣе, такъ какъ друзья ея мужа если и поклонялись какой-нибудь твари, то только золотому тельцу. Но мало того, что здѣсь она не встрѣчала поклоненій,—она начала встрѣчать здѣсь далеко не тонкіе сарказмы и насмѣшки мужа. Прошло еще года два, и разладъ между мужемъ и женою дошелъ до крайнихъ предѣловъ; что мужъ считалъ бѣлымъ, то жена называла чернымъ, кого принимала жена, того готовъ былъ выгнать въ три шеи мужъ—и наоборотъ.

— Вы на свою шушеру тратите мои деньги!—кричалъ мужъ.

— А вы проживаете сотни рублей со своими эксплуататорами,—шумѣла жена.

— Вы только кричите о трудѣ, а сами пальца о палецъ не умѣете стукнуть,—говорилъ мужъ.

— Не могу же я наживаться тѣми подлыми средствами, которыми наживаетесь вы,—раздражалась жена.

— Однако, до сихъ поръ вы ѣдите мой подлый хлѣбъ,—упрекалъ мужъ...

Вы, вѣроятно, не разъ встрѣчали такія милыя пары. Но вы видѣли, что онѣ все-таки живутъ подъ однимъ кровомъ вплоть до гробовой доски. Можетъ-быть, и Флигенринги жили бы до гробовой доски вмѣстѣ, если бы не одно обстоятельство. Господинъ и госпожа Флигенринги имѣли очень дурную привычку жить гласно, то-есть посвящать своихъ друзей во всѣ свои сокровенныя тайны. Это обстоятельство заставило ихъ разойтись или, вѣрнѣе сказать, оно заставило госпожу Флигенрингъ бросить мужа. Она успѣла такъ очернить своего мужа въ глазахъ своихъ друзей, что они начали говорить ей:

— Но какъ же вы можете жить съ такимъ буржуа, съ такимъ эксплуататоромъ? Вамъ неловко существовать на деньги, добытыя такимъ путемъ. Вамъ опасно оставлять своихъ дѣтей въ такомъ домѣ. Вы должны жить самостоятельнымъ трудомъ.

Говорятъ: noblesse oblige. Здѣсь обязывало къ разводу, если не благородство, то радикальное фразерство, тѣмъ болѣе, что и кругъ пріятелей Анны Карловны нѣсколько измѣнился. Молодые лизоблюды-либералы, изъ породы самодурствующихъ матушкиныхъ сыновъ, уже давно оставили Анну Карловну, увидавъ, что ужины у нея стали поплоше, что она сама поизмялась, что черезъ нее не проникнешь къ Эммѣ Федоровнѣ, такъ такъ Эмма Федоровна сошла съ житейской сцены въ могилу, что, наконецъ, либерализмъ не кормитъ, и имъ можно «баловаться» только въ юномъ возрастѣ. На мѣсто этихъ людей Анна Карловна привлекла къ себѣ разную трудящуюся молодежь, которая, пріѣхавъ изъ провинціи и еще не зная петербургскихъ болтуновъ, была увлечена горячими и смѣлыми рѣчами Анны Карловны и слушала съ полною вѣрою разсказы Анны Карловны о томъ, какъ она, Анна Карловна, «страдала за убѣжденія», какъ она, Анна Карловна, «дѣлала подвиги». Эта смѣлая, честная и искренняя молодежь, бодро шедшая навстрѣчу всѣмъ житейскимъ невзгодамъ, повѣрила словамъ влюбленной въ себя фразерки, повѣрила тѣмъ болѣе, что Анна Карловна жила теперь бѣдно подъ одною кровлей съ богатымъ негодяемъ мужемъ, стыдясь, какъ она говорила, марать руки его позорными средствами. Эта молодежь говорила теперь Аннѣ Карловнѣ, что она, Анна Карловна, сдѣлала бы лучше, если бы вовсе не жила съ мужемъ, а жила бы своимъ трудомъ. Этотъ совѣтъ давался тѣмъ искреннѣе, что сама эта молодежь жила работой, да къ тому же и Анна Карловна

столько трубила этимъ молодымъ людямъ о своей привычкѣ къ труду, о своей нетребовательности, о своей непривычкѣ жить на чужой счетъ, что Анна Карловна должна была сойти со своего пьедестала передъ лицомъ своихъ послѣднихъ поклонниковъ или разойтись съ мужемъ. Сходить съ пьедестала, показать всѣмъ, что она фразерка, покориться супругу уже было невозможно. Супругъ уже откровенно принималъ на своей половинѣ своихъ любовницъ и, слыша за это упреки жены, говорилъ:

— Я еще слишкомъ молодъ, чтобы оставаться цѣломудреннымъ вдовцомъ!

И вотъ Анна Карловна разошлась съ мужемъ, забравъ своихъ ребятъ, о воспитаніи которыхъ она столько твердила, говоря всѣмъ и каждому, что обязанность матери-гражданки воспитать дѣтей-гражданъ. Началась для нея странная жизнь. Въ кружкѣ ея знакомыхъ всѣ только о томъ и говорили, что она сдѣлала подвигъ, отказалась отъ довольства въ домѣ гнуснаго афериста и эксплуататора и рѣшилась своимъ трудомъ поднять дѣтей. Ей начали помогать, ее стали поддерживать, ее стали пристраивать къ работѣ. Къ несчастью, работа плохо шла впередъ, при старой привычкѣ вставать въ полдень, при любви болтать въ обществѣ праздныхъ людей, при стремленіи гнаться за какими-то великими трудами, плюя на мелкое дѣло. Не лучше шло дѣло и въ отношеніи хозяйства, при неумѣніи разсчитать гроши, при наклонности накупить варенья вмѣсто мяса, при полной безпомощности, когда было нужно обойтись безъ кухарки и горничной. Несмотря на всѣ поддержки и пособія своихъ небогатыхъ друзей, Анна Карловна просто нищенствовала въ трехъ пустынныхъ комнатахъ, гдѣ все было перевернуто вверхъ дномъ вслѣдствіе неумѣнья хозяйки даже соблюсти внѣшній порядокъ. Бывали дни иногда, когда Анна Карловна и ея дѣти не ѣли и не пили ничего; бывали зимы, когда у нихъ не было ни полѣна дровъ; бывали времена, когда у дѣтей не было ни одежды, ни сапогъ. И въ эти-то трудныя времена, наивные и честные друзья Анны Карловны болѣе всего удивлялись ея энергіи, ея послѣдовательности, ея радикализму, говоря, что она скорѣе умретъ съ голоду, чѣмъ прибѣгнетъ къ помощи мужа, наживающагося постыдными средствами и портившаго дѣтей. И чего-чего не говорила она въ эти времена въ своемъ домѣ про своего мужа! Вся грязь, которою можно забросать человѣка, забрасывалась въ него. Развратникъ, лицемѣръ, эксплуататоръ, обман-

шикъ, негодяй, всѣ эти эпитеты казались недостаточно яркими, когда дѣло касалось его.

— Да, вы сдѣлали подвигъ, вырвавъ отъ него дѣтей! Какое вліяніе могъ бы онъ имѣть на нихъ!—говорили друзья Анны Карловны, приходя серьезно въ ужасъ отъ ея разсказовъ.

— Да они его теперь презираютъ!—говорила она, задыхаясь отъ злобы.

И дѣйствительно, дѣти презирали отца, потому что Анна Карловна сдѣлала изъ нихъ такихъ же фразеровъ, какъ она сама. Къ сожалѣнію, она ничего не могла дать имъ, кромѣ фразъ. Они были нищими-оборванцами, они были невѣждами. Она не умѣла заработать имъ на хлѣбъ, она не умѣла сама научить ихъ чему-нибудь, она не умѣла пріучить ихъ къ труду. Это обстоятельство послужило къ новому скандалу между супругами. Друзья Флигенринга стали ему говорить, что его дѣтей встрѣчаютъ на улицѣ чуть не босикомъ, что его уже подрастающія дочери сами ходятъ въ мелочную лавку, что его дѣти нигдѣ не учатся. Это бросало тѣнь на него даже въ глазахъ его не особенно щепетильныхъ друзей. Онъ нехотя сталъ хлопотать, чтобы ему отдали его дѣтей. Но госпожа Флигенрингъ уже не могла сдѣлать этого, такъ какъ это значило бы «поступиться своими убѣжденіями», «измѣнить своимъ идеямъ». Вслѣдствіе этого она воспользовалась нѣсколькими добытыми ею гдѣ-то письмами мужа, говорившими о послѣдней степени его безнравственности, и представила его письма въ одно изъ вѣдомствъ, куда обратился ея мужъ съ просьбою «объ отобраніи» у нея дѣтей. Дѣтей рѣшили не отбирать, такъ какъ были явныя улики въ крайней развращенности отца. Тогда Флигенрингъ, побуждаемый толками и настояніями своихъ друзей, попробовалъ доказать, что его жена сумасшедшая. Но и эта попытка не удалась. Флигенрингу не оставалось болѣе ничего, какъ умыть руки, и онъ это сдѣлалъ съ величайшею радостью, такъ какъ теперь онъ вполнѣ оправдалъ себя въ глазахъ своего кружка и избавилъ себя отъ необходимости содержать своихъ дѣтей, которыя только мѣшали бы его любовницѣ, жившей уже у него въ домѣ съ другими его дѣтьми. Такимъ образомъ, дѣти Анны Карловны остались навсегда у нея на голодаѣ, на бездѣльничанье, на неряшество, на фразерство. Ея прежніе наивные знакомые поверхностно называли ее женщиною съ убѣжденіями, горячею матерью, честною гражданкою, а знакомые ея

мужа зовутъ его несчастнымъ отцомъ, страдающимъ за дѣтей, отнятыхъ у него недостойною женщиною. и, такимъ образомъ, оба супруга счастливы по-своему, жена тѣмъ, что сохранила за собою титулъ матери-гражданки, обрекши дѣтей на нищету и невѣжество, а отецъ тѣмъ, что освободился, не набросивъ на себя тѣни въ своемъ кругу, отъ обязанности кормить первую семью, когда у него на рукахъ есть уже вторая семья. А дѣти... А дѣти... кто изъ друзей Анны Карловны и ея супруга задумывается объ ихъ участи?

— Но все-таки она внушитъ имъ болѣе честныя идеи, чѣмъ онъ,—замѣтилъ я.

— Она научитъ ихъ честно говорить,—отвѣтилъ Клименко:—но она не научитъ ихъ честно жить. Чтобы честно жить, нужно вырасти среди трудовой жизни, нужно пріучиться къ труду съ дѣтства, нужно пріобрѣсти средства къ труду, то-есть прочныя знанія, усидчивость, выносливость,—а этого не можетъ дать дѣтямъ какая-нибудь Анна Карловна, не умѣющая усидчиво работать и не имѣющая средствъ дать разностороннее образованіе дѣтямъ. Да этого мало, батенька, а вы подумайте, что будетъ съ ея дѣтьми, если не сегодня, такъ завтра она умретъ, и дѣтямъ волей-неволей придется войти въ домъ отца, котораго они уже ненавидятъ и у котораго есть уже другая семья. А между тѣмъ, у нея чахотка въ послѣднемъ періодѣ...

Мы помолчали, мнѣ было какъ-то не по себѣ.

— А впрочемъ, Флигенринги не сдѣлали ничего особенно возмутительнаго и изъ ряду вонъ выходящаго,—промолвилъ Клименко, вставая.—Они не сошлись во взглядахъ и разъѣхались—вотъ и все.

VI.

„Молодой, полный силъ юноша".

— Прочтите!—сказалъ, расхаживая по комнатѣ, Клименко и подалъ мнѣ старый нумеръ «Полицейскихъ Вѣдомостей», указавъ на одно изъ объявленій.

Я прочелъ:

Примите участіе

въ молодомъ, полномъ силъ юношѣ, лишившемся средствъ къ существованію и потому ищущемъ изъ-за куска хлѣба мѣста секретаря, чтеца или компаньона какой-нибудь почтенной особы. Адресъ: Большая Садовая д. Яковлева, меблированныя комнаты № 13. П. В. Салмановъ.

Я пожалъ плечами и отбросилъ въ сторону нумеръ газеты.

— Постойте, постойте! — закричалъ Клименко подымая газету и аккуратно складывая ее. — Вы не бросайте газеты-то! Я этотъ документъ въ бархатный футляръ вложу и по смерти завѣщаю его Публичной библіотекѣ съ надписью: «Важный матеріалъ для изученія моего времени на память благодарному потомству».

Я улыбнулся.

— Да вы не смѣйтесь! Вѣдь это дѣйствительно знаменіе времени... Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ никому и не снилась у насъ возможность подобныхъ объявленій, а теперь... Господи, сколько, какъ подумаешь, нужно было пережить обществу, чтобы доработаться до подобныхъ изобрѣтеній, чтобы выработать смѣлость къ подобнымъ изобрѣтеніямъ! Вѣдь, право, Галилеи, являвшіеся передъ обществомъ со своими «e pur si muove», не нуждались въ такой смѣлости, какою долженъ обладать этотъ «молодой, полный силъ юноша»...

Клименко махнулъ рукой.

— Да, впрочемъ, что я говорю! Мы пошли даже дальше изобрѣтенія подобныхъ объявленій: мы перестали видѣть что-нибудь странное, что-нибудь необычайное въ этихъ объявленіяхъ. «Ищу мѣста чтеца къ одинокой особѣ», пишетъ одинъ; «обратите вниманіе на молодого человѣка», пропечатываетъ другой; «желаю пристроиться къ одинокому служить за экономку», поясняетъ третья, и все это сопровождается подписями, адресами мѣстожительства, безъ всякаго сознанія со стороны объявляющихъ о томъ, что они выжигаютъ на своихъ лбахъ клейма, которыя въ былыя времена если и выжигались на человѣческихъ рожахъ, то только въ видѣ наказанія черезъ палачей...

Клименко, изходившись по комнатѣ, сѣлъ на кресло.

— Но не станемъ говорить о матеріяхъ важныхъ вообще и о смѣлости этого юноши въ особенности, а поговоримъ о его семьѣ, — проговорилъ онъ, вынимая и закуривая сигару. — Это тоже подходящій сюжетъ для одного изъ моихъ разсказовъ. Я знаю этого мальчугана, я знаю его семейную исторію и сейчасъ передамъ вамъ отрывки изъ моихъ воспоминаній о Салмановыхъ.

— Генералъ-маіоръ Василій Ивановичъ Салмановъ, какъ и всѣ другіе генералы, родился не генераломъ. Онъ происходилъ изъ тѣхъ обнародявшихся дворянъ, у которыхъ только то и осталось дворянскаго, что они непремѣнно

стремились пристроиться куда-нибудь къ казенному мѣсту, не довольствуясь однимъ пристройствомъ къ землѣ. Василій Ивановичъ ничѣмъ не отличался въ юности отъ любого мужика и, пристроившись въ полкъ вольноопредѣляющимся, ничѣмъ не отличался отъ любого солдата, если не считать отличіемъ то обстоятельство, что солдатъ изъ мужиковъ, по большей части, такъ и долженъ былъ умереть солдатомъ, а онъ, солдатъ изъ дворянъ, очень скоро могъ перемѣнить внѣшнюю форму и нарядиться въ офицерскій мундиръ, оставшись и солдатомъ, и мужикомъ въ душѣ. Вы знаете, что ни изъ кого не вырабатывается такого чистокровнаго кулака, міроѣда, самодура, Титъ Титыча, какъ изъ мужика, если ему удастся пойти въ гору. Этотъ же типъ долженъ былъ неизбѣжно выработаться изъ Василія Ивановича, когда ему удалось быстро дойти до чиновъ. Бичъ въ отношеніяхъ къ подчиненнымъ и хищникъ въ отношеніяхъ къ общественнымъ и казеннымъ деньгамъ, онъ проходилъ свой служебный путь, какъ человѣкъ, который думаетъ, что все и всѣ существуютъ на свѣтѣ только для того, чтобы служить ступенями и фундаментомъ для его счастья. Онъ былъ расторопенъ и распорядителенъ, занимая должности квартирмистра, ротнаго и полкового командира, потомъ прикомандированнаго къ комиссаріату лица: онъ былъ отваженъ до безумія и безпощаденъ до звѣрства, когда ему приходилось участвовать въ сраженіяхъ; но вездѣ и всегда и распорядительность, и геройство являлись у него слѣдствіемъ желанія лично отличиться, скорѣе сжать обильную жатву, перешагнуть черезъ ближняго. Подчиненные звали его звѣремъ; товарищи—кулакомъ; начальники—хорошимъ служакой. И тѣ, и другіе, и третьи если не всегда уважали его, то всегда побаивались. Ненавидѣли его многіе тайно; не любилъ его никто ни явно, ни тайно. Въ сущности, это былъ ходячій холодный, животный, дикій эгоизмъ. Высокій ростомъ, прямой, сухой, съ коротко подстриженными щетинистыми усами, съ гладко выбритымъ лицомъ, съ волосами, гладко зачесанными впередъ на вискахъ, съ высокимъ воротникомъ, подпиравшимъ шею, съ формально суровымъ выраженіемъ загорѣлаго лица, онъ оставался солдатомъ и тогда, когда уже былъ маіоромъ. Однимъ словомъ, это былъ чистокровный типъ вырождающагося или, вѣрнѣе сказать, выродившагося теперь бурбонства. Дослужившись до чина маіора, скопивъ не одну тысченку рублей, онъ пожелалъ тоже, какъ и всѣ смертные, жениться, сдѣлаться отцомъ семейства.

Клименко разсмѣялся.

— Не удивляйтесь моему смѣху, — произнесъ онъ. — Мнѣ вспомнилась одна изъ моихъ дѣтскихъ наивностей. Разъ, во времена моей давнопрошедшей невинности, я прочелъ въ одномъ французскомъ романѣ про дочь палача. Я оставилъ книгу и вспелъ къ матери. — «Мамъ, развѣ у палачей бываютъ дѣти?» спросилъ я ее. — «Бываютъ», отвѣтила мать. — «Откуда же у нихъ дѣти?» спросилъ я. — «Отъ ихъ женъ», отвѣтила мать. — «А развѣ палачихи бываютъ?» удивился я и никакъ не могъ себѣ представить, что у палачей могутъ быть обыкновенныя жены, вовсе не палачихи, а такія же простыя и, можетъ-быть, добрыя женщины, какъ и жены всѣхъ остальныхъ смертныхъ. Давно прошли годы моей невинности, но я долженъ признаться, что и до сихъ поръ во мнѣ осталась эта странность: при встрѣчѣ съ нѣкоторыми людьми я никакъ не могу себѣ представить сразу, что и они могутъ быть женаты, могутъ быть отцами. Дѣйствительно, есть такія положенія людей, есть такія лица людей, что трудно себѣ представить этихъ господъ шепчущими нѣжныя слова любви, сжимающими въ объятіяхъ любимую, смущенную женщину, переживающими страстные восторги медоваго мѣсяца и, наконецъ, склоняющимися съ робкой и умиленной радостью надъ колыбелью своего первенца... Василій Ивановичъ Салмановъ принадлежалъ къ разряду именно такихъ людей. Однако, онъ женился, сдѣлался отцомъ. Дослужившись до маіорскаго чина, онъ сдѣлался той «правою рукой» одного изъ своихъ высшихъ начальниковъ, которая должна была совершать все то, чего не должна была знать или, лучше сказать, желала не знать «лѣвая рука». Такими руками обыкновенно дорожатъ, такъ какъ онѣ избавляютъ другія руки отъ необходимости пачкаться разною грязью; такихъ рукъ даже побаиваются, потому что онѣ могутъ, при случаѣ, замарать другихъ прилипшей къ нимъ грязью; но такія руки третируются все-таки свысока даже тѣми, кто ради своихъ выгодъ заставляетъ ихъ, избавляя себя отъ грязныхъ дѣлъ, пачкаться въ грязи. Салмановъ игралъ именно эту роль въ домѣ своего начальника и очень хорошо понималъ и выгоды, и невыгоды своего положенія. Онъ зналъ, что его «терпятъ въ домѣ», покуда онъ нуженъ. Ему захотѣлось сдѣлать такъ, чтобы его терпѣли въ домѣ и тогда, когда онъ будетъ не нуженъ. Сдѣлать это онъ рѣшился при помощи раскованнаго шага женитьбы на двоюродной или троюродной племянницѣ начальника, жившей въ

домѣ этого начальника. Онъ разсчиталъ довольно вѣрно: покуда онъ «очень нуженъ» начальнику,—начальникъ не рѣшится ему отказать въ рукѣ молодой дѣвушки; двадцатипятилѣтняя дѣвушка, не имѣвшая за душой ничего, кромѣ княжеской фамиліи захудалаго рода и привычки къ блеску, едва ли не пойметъ выгодности брака съ человѣкомъ, обладающимъ капитальцемъ и смотрящимъ если не въ генералы, то въ полковники; онъ самъ, Салмановъ, скрѣпитъ прочно при помощи этого союза свою связь съ высшимъ начальникомъ, пріобрѣтетъ вліятельныхъ защитниковъ и покровителей въ лицѣ родныхъ жены и сразу станетъ въ обществѣ въ тотъ кругъ, куда не пройдешь въ качествѣ «своего человѣка» даже и съ генеральскимъ чиномъ. Онъ сдѣлалъ свое предложеніе по-военному, по-солдатски, рѣшительно, быстро, круто и ударъ былъ сдѣланъ настолько вѣрно, что ему сразу дали согласіе, и растерявшійся высшій начальникъ, услышавшій въ этомъ предложеніи чуть не угрозу со стороны своей несовсѣмъ чистой «правой руки», и молодая княжна, угадавшая въ любовномъ объясненіи не столько страстное признаніе, сколько намекъ на выгодность для нея этого дѣла, безъ котораго она, въ концѣ концовъ, можетъ остаться нищею старою дѣвою.

— Ты, Ада, обдумала все?—растерянно говорилъ смущенный дядя, оставшись наединѣ съ княжною.

— Чего же думать, дядя? Мнѣ двадцать пять лѣтъ!—не то съ горечью, не то съ насмѣшливостью отвѣтила бойкая княжна.

— Да, да... какъ время-то идетъ!—говорилъ онъ, потирая рукою лобъ.—Суровъ онъ, неотесанъ... солдафонъ...

Княжна засмѣялась презрительнымъ смѣхомъ.

— Я буду всѣмъ говорить, что всѣ сказочные герои были такими...

— Ты все шутишь... вѣтреница!—вздохнулъ дядя и нѣжно ущипнулъ княжну за подбородокъ.—А какъ же я-то безъ тебя...

Дядя смутился и замялся.

— Я думаю, мой бракъ ничего не измѣнитъ,—отвѣтила холодно и разсѣянно княжна, что-то соображая.—Я вотъ только что думаю: нельзя ли намъ помѣститься на первое время въ твоемъ домѣ... Здѣсь онъ все-таки будетъ... стѣсняться... связанъ будетъ.

— Да, да! Прекрасно!—по-старчески засуетился дядя.—Здѣсь онъ не посмѣетъ... Онъ грубъ, но вѣдь все же я

начальникъ... я, наконецъ, могу ему объяснить предварительно...

— Ахъ, ты меня не понимаешь!—нетерпѣливо перебила княжна.—Ничего ему не надо объяснять, потому что онъ все самъ понимаетъ очень хорошо и со всѣмъ мирится заранѣе... Я просто хочу прожить хоть первое время у тебя въ домѣ потому, что здѣсь легче дрессировать его... C'est un ours mal léché и его все-таки нужно пріучить хоть по-человѣчески жить, если онъ уже не можетъ по-человѣчески смотрѣть.

За семейнымъ обѣдомъ, когда всѣ домашніе генерала Синицына, какъ звали начальника Салманова, были въ полномъ сборѣ, неожиданная новость произвела изумительное впечатлѣніе на всѣхъ: хозяйка дома, заявлявшая о своемъ существованіи только слабостью нервъ, чуть не упала въ обморокъ, молоденькія дочери генерала принципъ ужасъ, а разбитные фатоватые сыновья и племянники генерала въ гвардейскихъ мундирахъ засыпали кузину предостереженіями въ родѣ того, что «Салмановъ отъ жадности закираетъ муху въ сахарнику, чтобъ никто не воровалъ сахара». Княжна съ улыбкой выслушала всѣ вздохи женщинъ и всѣ предостереженія мужчинъ и, смѣясь, заговорила наконецъ:

— Изъ вашихъ словъ я только вижу, что вы его считаете неотесаннымъ мужикомъ и грубымъ солдатомъ. Но вѣдь справляется же съ сотнями неотесанныхъ мужиковъ одинъ образованный управляющій и обуздываетъ же тысячи грубыхъ солдатъ одинъ развитой полковой командиръ... Вотъ и я буду такимъ управляющимъ и такимъ полковымъ командиромъ...

— Но вѣдь онъ уродъ, его нельзя любить,—горячо вскричалъ одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ княжны, зорко взглянувъ на нее.

Она вся вспыхнула и горячо произнесла:

— Клянусь тебѣ, я его вовсе и не думаю любить!.. Неужели ты могъ думать!..

По окончаніи обѣда, двоюродный братъ княжны, замѣтившій объ уродствѣ ея жениха, подошелъ къ ней и тихо началъ, сильно жестикулируя, говорить съ ней.

— Клянусь тебѣ, что это дѣлается просто по необходимости... Ничего не измѣнится... Ты долженъ же понять, что иначе нельзя... Дядя старъ и въ сущности если не бѣденъ, то и не богатъ, и мы не сегодня, такъ завтра можемъ его

лишиться — что же будетъ тогда?.. Если-бъ ты или я были богаты, тогда другое дѣло... Ревность?.. Богъ мой, что за глупости!.. Не ревнуешь же ты меня теперь... И къ кому ревность... къ монстру! — слышались отрывочныя фразы раскраснѣвшейся отъ волненія княжны.

Такъ совершилась женитьба Салманова. Онъ не противился переѣзду въ домъ генерала Синицына, соображая, что это сбережетъ расходы на квартиру и сблизитъ его тѣснѣе съ кружкомъ Синицына. Онъ не поднималъ никакой бури, не дѣлалъ никакихъ сценъ женѣ въ первые дни супружеской жизни за нѣсколько черезчуръ свободную жизнь княжны въ дѣвическіе годы. Онъ даже пробовалъ разыгрывать роль супруга до конца и сталъ говорить ей: «душечка» и «мамочка». Но строгая и твердая княжна сразу поставила его въ границы приличія и дала ему понять, что къ ея лицу не идутъ нѣжности, и что въ ея кругу эти нѣжности между супругами не приняты. Это обстоятельство не внесло, впрочемъ, въ ихъ супружескую жизнь никакой тѣни: они были довольны другъ другомъ, они были довольны сдѣланной аферой. Онъ стоялъ теперь твердо въ домѣ Синицына, не въ качествѣ простой «правой руки», обдѣлывающей грязное дѣльце, а въ качествѣ «своего человѣка», родственника, надѣющагося въ случаѣ невзгоды на защиту и протекцію. Она перестала быть княжною изъ захудалаго рода, боящеюся остаться въ нищетѣ, старою дѣвою, и сдѣлалась самостоятельною женщиною, не пугающеюся печальной возможности сдѣлаться матерью и надѣющеюся въ будущемъ остаться вдовою генерала, съ сотнею тысячъ капитала. Правда, бывали дни, когда взбѣшенный чѣмъ-нибудь Салмановъ пробовалъ наброситься на жену, какъ звѣрь, но въ этихъ случаяхъ жена хладнокровно замѣчала:

— Я позвоню и велю призвать дядю, чтобы онъ выгналъ васъ изъ дома!

Эта угроза усмиряла Салманова, жаждавшаго генеральскаго чина.

— И неужели вы не можете накричаться настолько на прислугу, чтобы приходить ко мнѣ въ болѣе спокойномъ видѣ,—колко усмѣхнулась жена.—Кажется, вамъ есть на кого кричать, кромѣ меня.

Мужъ такъ и дѣлалъ: онъ изливалъ гнѣвъ на другихъ, сердясь на жену. Сердиться же онъ имѣлъ бы причины, если бы можно было предположить, что у него была хоть

капелька любви къ женѣ или хоть частичка чувства чести. Но, къ его счастью, онъ не зналъ, что значитъ любовь, и не понималъ, что значитъ честь: онъ видѣлъ во всемъ только выгоду, а жена безспорно доставляла ему выгоды и потому онъ вовсе даже и не замѣчалъ, какую роль играетъ при его женѣ генералъ Скипинъ и тотъ молодой гвардеецъ, котораго княжна увѣряла передъ свадьбой въ своей нелюбви къ своему жениху. Салмановъ даже восхищался, когда его жена царила въ обществѣ, изумляя свѣтъ своею бойкою находчивостью, своею салонною развязностью, своимъ свѣтскимъ остроуміемъ, блестя, какъ крупный призъ, предназначенный тому, кто поставитъ самую крупную ставку за блестящія фразы и пустозвонную болтовню. Мужъ даже, можетъ-быть, призналъ бы ея превосходство надъ собою, если бы его не грызъ червь самолюбія, постоянно подсказывавшій ему, что онъ, Салмановъ, самый ловкій, самый опытный, самый умный изъ всѣхъ мошенниковъ,—а мошенниками Салмановъ считалъ всѣхъ людей. Только вслѣдствіе этого убѣжденія въ своемъ превосходствѣ надъ всѣми Салмановъ иногда прикрикивалъ на жену и говорилъ:

— Если я сказалъ, что такъ хочу, то такъ и должно быть!

Жена въ этихъ случаяхъ обыкновенно хладнокровно замѣчала:

— Ахъ, не кричите, пожалуйста; у меня голова разболится и мнѣ нельзя будетъ ѣхать на балъ къ графу NN.

Мужъ утихалъ, зная, что на балу графа NN. жена должна сдѣлать выгодное для него, Салманова, дѣло. Но, несмотря на это, онъ все-таки былъ убѣжденъ, что его жена только слѣпое орудіе въ его рукахъ.

Черезъ полтора года послѣ женитьбы Салмановъ сдѣлался отцомъ. Прошло еще полтора года, и у Салманова родился еще ребенокъ. Прошло еще два года—и въ міръ явился еще одинъ носитель фамиліи Салманова. Бѣлокурые, рыжіе и черноволосые ребятишки одинаково называли его «папой», и онъ одинаково игралъ роль «отца» въ отношеніи ихъ. Роль отца онъ понималъ своеобразно: не позволять дѣтямъ шумѣть, распекать ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ, самолично сѣчь ихъ за проступки, кричать при нихъ на нянекъ и гувернантокъ, производить при нихъ всѣ домашнія бури, не стѣсняться при нихъ въ дѣлѣ самыхъ грязныхъ откровеній, однимъ словомъ, смотрѣть на

нихъ, какъ на «щенковъ»—вотъ въ чемъ заключалась вся его педагогическая система. Онъ былъ вполнѣ «откровеннымъ отцомъ». Въ то же время онъ былъ вполнѣ самостоятельнымъ распорядителемъ судьбы дѣтей, такъ какъ его жена вовсе не вмѣшивалась въ ихъ воспитаніе: она, гордая, самолюбивая, вѣчно искавшая только поклоненія, только заботилась, какъ бы поскорѣе родить ихъ, такъ какъ беременность мѣшала выѣздамъ и лишала граціи ея фигуру. При такихъ условіяхъ дѣти Салмановыхъ росли странно: въ отсутствіи отца они пользовались полною разнузданностью и свободою; въ присутствіи отца они ждали ежеминутно окриковъ и иногда порки; безъ отца и безъ матери они подпадали самымъ грязнымъ вліяніямъ лакеевъ, горничныхъ, нянекъ, гувернантокъ; при отцѣ и при матери они слышали всевозможныя некрасивыя соображенія о наживѣ, о выгодахъ, о продѣлкахъ. Было еще третье вліяніе въ дѣлѣ развитія этихъ дѣтей: они стояли очень близко къ младшимъ членамъ семьи Синицына, и эти младшіе отростки генеральской семьи первые открыли этимъ дѣтямъ всѣ тайны «золотой молодежи»...

Однажды Салмановъ, проходя по Невскому проспекту, встрѣтилъ своего одиннадцатилѣтняго сына несущимся на рысакѣ.

— Стой, мерзавецъ!—крикнулъ Салмановъ, бросаясь къ рысачнику, какъ бѣшеный звѣрь.

Кучеръ остановилъ лошадь.

Отецъ стащилъ за шиворотъ сына съ дрожекъ и тутъ же публично надавалъ ему пощечинъ.

— Иди домой, каналья!—крикнулъ онъ, таща сына за руку.

— За проѣздъ заплатите,—остановилъ его кучеръ

— Я тебя, бестію, въ полицію отправлю за проѣздъ!—съ пѣной у рта отвѣтилъ Салмановъ.—Несовершеннолѣтнихъ возить на рысакахъ вздумалъ, ракалія! Запорю тебя на съѣзжей, тогда и узнаешь, что за проѣздъ тебѣ нужно получить, распротоканалья!

Съ этой минуты начинаются похожденія дѣтей Салманова и первыя рытвины на семейномъ пути Салманова. Кромѣ заботъ о карьерѣ и наживѣ, у Салманова является забота «глядѣть въ оба» за дѣтьми и «оппаривать» распротоканалій. Но, на несчастье Салманова, онъ уже былъ въ чинахъ, онъ уже былъ членомъ высшаго круга, онъ уже слылъ чуть не милліонеромъ и никакъ не могъ сдѣлать

такъ, чтобы его дѣти и ихъ товарищи, считали этихъ «шалопаевъ» и солдатскими дѣтьми, и нищими, и голяками. Нельзя же было водить ихъ въ рубищѣ, нельзя же было воспитывать ихъ въ пріютахъ, нельзя же было дать имъ въ товарищи какихъ-нибудь дворовыхъ или уличныхъ мальчишекъ, а въ «благородныхъ пансіонахъ» и среди «дѣтей высшаго круга» его «оболтусы» только тому и могли научиться, какъ «мотать деньги». Положеніе Салманова было поистинѣ трагическое. Сегодня ему приходилось заплатить пятьсотъ-шестьсотъ рублей долгу за сына, предварительно выпоровъ этого сына; завтра этотъ сынъ заявлялъ, что безъ взятки учителю «благороднаго пансіона» онъ, сынъ Салманова, не выдержитъ экзамена, и Салмановъ давалъ взятку учителю «благороднаго пансіона», опять-таки предварительно выпоровъ свое дѣтище. Такъ среди кутежей и пороковъ и росло молодое поколѣніе Салмановыхъ, переходя изъ класса въ классъ при помощи взятокъ, срывая цвѣты любви при помощи векселей и философски относясь къ тѣмъ процентамъ, которые щедро отмѣчалъ на ихъ тѣлѣ отецъ за ихъ посягательства на его капиталъ.

Только теперь Салмановъ иногда сталъ мрачно вглядываться въ своихъ дѣтей и находить, что они не похожи на него. Прежде онъ не придавалъ никакого значенія этому отсутствію въ нихъ сходства съ нимъ, но теперь, когда онъ сталъ платить за нихъ *свои* деньги, онъ часто бормоталъ въ бѣшенствѣ своей женѣ:

— Полюбуйтесь на *вашихъ* дѣтокъ! Опять-съ векселей надавали! Что я батракъ имъ достался, что ли?

— *Мои* дѣти! — презрительно пожимала плечами Салманова. — А развѣ они не *ваши?*

— Чортъ ихъ знаетъ, чьи они! — восклицалъ Салмановъ. — Вы кутили, вы развратничали, а я наживалъ-съ... но не для этихъ... Салмановъ произносилъ одно изъ тѣхъ словъ, отъ которыхъ всегда коробило его жену.

— Что-жъ, не платите за нихъ, — небрежно замѣчала она. — Ихъ посадятъ тамъ въ долговое, что ли, или судить будутъ, и всѣ узнаютъ, что имъ не изъ чего платить долговъ, и что вы тоже не имѣете средствъ платить за нихъ — и больше ничего... выйдетъ скандалъ — вотъ и все...

Салмановъ стискивалъ зубами, потому что теперь его чинъ, его связи, его богатство лишали его возможности производить скандалы.

— Вы и за Ваню кстати не платите долговъ,- язвительно усмѣхалась генеральша.

— Ваня не дѣлаетъ-съ долговъ! Ваня не похожъ-съ на вашихъ негодяевъ! — кричалъ въ бѣшенствѣ мужъ. Не смѣйте никогда сравнивать Ваню съ вашими...

Салмановъ доходилъ до того, что опять разражался нецензурнымъ эпитетомъ и стучалъ по столу кулакомъ на свою супругу.

Ваня былъ послѣдній сынъ Салманова. Онъ родился мѣсяцевъ черезъ девять послѣ того памятнаго дня, когда Салмановъ дошелъ до желанной цѣли всей своей жизни—получилъ при помощи жены чинъ генералъ-маіора. Это обстоятельство до того растрогало Салманова, что онъ впервые почувствовалъ что-то въ родѣ любви къ женѣ и «мучилъ» ее этою неожиданною, странною и грубою любовью въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, «разоряясь» на подарки, какъ страстно любящій женихъ, и являясь передъ нею каждый день въ густыхъ эполетахъ съ стереотипною звучавшею жирнымъ смѣхомъ и полнымъ довольствомъ фразою:

— Что прикажете, ваше превосходительство, своему генералу?

Когда мѣсяцевъ черезъ девять послѣ этого замѣчательнаго событія у Салманова родился сынъ и ему доложили объ этомъ, онъ весь просіялъ и быстро спросилъ у акушерки:

— Но вы думаете, что его превосходительство совершенно здоровъ?

«Его превосходительство», то-есть маленькій Ваня, сдѣлался любимцемъ отца, съ которымъ онъ былъ схожъ, какъ двѣ капли воды. Мальчика звали въ домѣ не иначе, какъ «генеральскимъ сыномъ», докторъ прописывалъ ему рецепты не иначе, какъ «его превосходительству», отецъ называлъ его не иначе, какъ «мой Ванька». Смотря на отношенія Салманова къ Ванѣ, можно было понять, что и звѣри могутъ любить своихъ дѣтенышей, да еще какъ любить!.. Какъ-то разъ я былъ на вечерѣ у Салмановыхъ. Народу было много, ужинъ подали поздно, всѣ подкутили, хозяинъ былъ навеселѣ, что случалось съ нимъ нерѣдко послѣ полученія генеральскаго чина. Послѣ ужина онъ подошелъ ко мнѣ и сталъ мнѣ говорить, отчего я не женюсь.

— Право, хорошо,—говорилъ онъ, дружески хлопая меня по плечу.—Женка хорошенькая, дѣтки будутъ... Вы видѣли моего Ваньку?.. А?.. Пойдемте, я вамъ его покажу...

Онъ повелъ меня въ свою спальню, гдѣ уже спалъ его восемнадцатилѣтній Ваня. Мы вошли въ просторную комнату, гдѣ стояла простая походная кровать генерала и поодаль отъ нея находилась рѣзная съ дорогими кисейными занавѣсками кровать его Вани. Кисейныя занавѣски, голубое атласное одѣяло, подушки съ прошивками, все это сразу какъ не позволяло предполагать, что это ложе мальчика. Скорѣе можно было думать, что здѣсь находится мѣсто отдыховъ какой-нибудь избалованной красавицы. Комната освѣщалась лампой съ синимъ шелковымъ абажуромъ. Генералъ погрозилъ мнѣ пальцемъ, сказавъ: «тише», и на цыпочкахъ, вошагивая, подвелъ меня къ постели сына.

— Каковъ красавецъ? — прошепталъ онъ, улыбаясь и съ умиленіемъ указывая на мальчика.

Онъ простоялъ съ минуту, любуясь мальчикомъ, потомъ наклонился, поцѣловалъ его въ голову, постоялъ еще съ минуту, перешелъ къ другому концу постели и, приподнявъ одѣяло, прильнулъ губами къ ногамъ мальчугана, гладя и лаская ихъ руками. Когда онъ поднялся, я увидалъ на его раскраснѣвшемся отъ вина лицѣ крупныя слезы.

— Вотъ такъ каждый день, каждый день я цѣлую эти ножки, — прошепталъ онъ, уже плача. — Мой сынъ... мои эти ножки... Нѣтъ! да вы не знаете, что это за красота, что это за существо...

Малютка вздохнулъ, и совсѣмъ захмѣлѣвшій генералъ сразу пришелъ въ себя и замахалъ мнѣ рукою:

— Ради Бога, ради Бога, тише!.. Испугать можемъ!..

Когда я читаю, что Омфала заставила прясть Геркулеса, а Самсона покорила Далила, я нисколько не удивляюсь, такъ какъ даже самъ генералъ Салмановъ могъ покориться и не женщинѣ, а мальчику — своему сыну. Чего не бываетъ на свѣтѣ! вспоминая объ отношеніяхъ Салманова къ Ванѣ, я даже иногда думаю, что при другихъ условіяхъ изъ генерала могъ бы выйти и любящій мужъ, и мягкосердечный отецъ съ прислугою. Къ сожалѣнію, онъ не былъ ни любящимъ мужемъ, ни мягкосердечнымъ отцомъ своихъ дѣтей, за исключеніемъ Вани, и это-то различіе его отношеній къ остальнымъ членамъ семьи и къ Ванѣ сдѣлало изъ Вани чортъ знаетъ что. Онъ росъ изнѣженнымъ барчукомъ, привередливой кокеткой и вѣчно жалующимся шпіономъ отца, и отецъ видѣлъ въ этомъ только хорошія стороны.

— Нѣженъ мальчикъ, потому что онъ, слава Богу, не

какой-нибудь прохвостъ, а сынъ генерала,—разсуждалъ отецъ.

— Кокетничаетъ мальчуганшка, потому что знаетъ, шельмецъ, свою красоту. Ничего онъ отъ меня не скроетъ, потому что онъ мой...

Ванѣ не отказывалось ни въ чемъ, и уже шестнадцати лѣтъ онъ блестѣлъ среди золотой молодежи, воспитываясь въ одномъ изъ самыхъ модныхъ пансіоновъ, куда онъ ѣздилъ ежедневно на собственныхъ лошадяхъ, въ блестящихъ экипажахъ, возбуждая зависть товарищей и этими экипажами, и этими рысаками. Его учили рисованію, музыкѣ, пѣнію, всему, что нужно было знать свѣтскому молодому человѣку, желающему играть видную роль въ обществѣ. За нимъ уже увивалась золотая молодежь, какъ увиваются за какой-нибудь красавицей или за какимъ-нибудь матушкинымъ сынкомъ. Отецъ только торжествовалъ, когда слышалъ, что къ сыну его льнутъ какіе-то князьки, такіе-то графчики. Онъ даже не сердился на сына, когда тотъ иногда раздражался и капризничалъ, строптиво восклицая:

— Да развѣ ты не понимаешь, отецъ, что я долженъ не ронять себя въ глазахъ этихъ людей, съ которыми мнѣ придется жить всю жизнь! Я думаю, ты не желаешь, чтобы я знакомился съ какой-нибудь голоштанной сволочью, которая ничего не дастъ мнѣ въ будущемъ.

— Да, да, мальчишка въ меня, понимаетъ, что его ждетъ въ будущемъ!—говорилъ отецъ.—Министромъ будетъ!

И кошелекъ отца открывался передъ безпощадными руками будущаго министра. Надо отдать справедливость сыну: онъ никогда не дѣлалъ долговъ, какъ его братья, которымъ отецъ давалъ очень мало денегъ. Когда у него не было денегъ, онъ хмуро запирался въ свою комнату и грызъ ногти, сидя надъ книгой.

— Ваня, ты дома?—спрашивалъ отецъ за дверями.

— Гдѣ же мнѣ быть, какъ не дома,—отвѣчалъ сынъ, не прекращая своихъ занятій.

— Занятъ чѣмъ-нибудь? — спрашивалъ отецъ, входя въ комнату.

— Читаю отъ скуки,—не оборачиваясь, отвѣчалъ сынъ.

— Дѣловое что-нибудь?

— Нѣтъ, работы никакой нѣтъ.

— Такъ что же ты сидишь одинъ?

— Съ кѣмъ же мнѣ сидѣть?

— Ну, пригласилъ бы кого-нибудь, или поѣхалъ бы куда... въ балетъ тамъ, что ли...

— Странный ты человѣкъ, отецъ! Всѣ эти приглашенія и выѣзды стоятъ много денегъ! Я и такъ обираю тебя...

— Дуракъ, дуракъ!—смѣясь генеральскимъ смѣхомъ отецъ.—Онъ обираетъ меня! А! скажите, пожалуйста! Онъ обираетъ! Не знаешь ты, что ли, что все мое—твое.

Затѣмъ слѣдовали отцовскія щедроты. Когда же сынъ почтительно цѣловалъ отцовскую руку,—отецъ не выдерживалъ, сажалъ сына къ себѣ на колѣни, бралъ въ руки его голову, любовался имъ, цѣловалъ его щеки, глаза, руки. Казалось, онъ переживалъ въ сынѣ снова свою молодость, только эта молодость была полна красоты, блеска и радужныхъ надеждъ на завидное будущее. И точно, на это будущее можно было надѣяться: если онъ, старикъ Салмановъ, начиная съ ничтожества и нищеты, дошелъ до чина генерала и до большого состоянія, то до чего же можетъ дойти этотъ юноша Салмановъ, вступая въ жизнь съ деньгами, съ связями, съ образованіемъ? Но, можетъ-быть, у этого юноши Салманова мало энергіи, мало настойчивости? Нѣтъ, онъ походитъ характеромъ на отца: то же непомѣрное самолюбіе, то же признаніе себя выше всѣхъ, то же самодурство, только все это выражалось въ сынѣ менѣе угловато, менѣе грубо, чѣмъ у отца, и напоминало соотвѣтствующія черты въ характерѣ послѣдняго въ той же степени, въ какой прекрасное лицо этого юноши, напоминало некрасивое лицо этого старика...

Салмановъ былъ совершенно счастливъ, онъ достигъ своихъ цѣлей, онъ даже сталъ кормить на убой своихъ гостей на роскошныхъ обѣдахъ, онъ разжирѣлъ, на воротникѣ его генеральскаго сюртука висѣлъ уже двойной подбородокъ и лоснящійся, облысѣвшій затылокъ, когда случился одинъ казусъ! Генералу вдругъ пришлось «удалиться отъ дѣлъ», когда онъ ожидалъ новой награды, новой ленты, и пришлось даже впопыхахъ переписать всѣ свои дома на имя жены ради предосторожности. Если бы непріятная исторія не произошла слишкомъ неожиданно для самолюбія самодура, то онъ могъ бы сообразить, что переписываніе домовъ на имя жены вовсе не поправитъ дѣла, что его связи помогутъ ему замять скандалъ, что его положеніе въ свѣтѣ вовсе не измѣнится въ будущемъ, такъ какъ свѣтъ прощаетъ все тѣмъ, у кого есть деньги. Но старикъ, недалекій по уму,

самолюбивый до сумасшествія, потерялъ голову, растерялся отъ неожиданной катастрофы и дѣлалъ глупость за глупостью, стараясь спасти свое благосостояніе. Но этого мало: его терзала мысль, что его могутъ притянуть къ суду и опозорить не только его, но и его Ваню, на котораго будутъ смотрѣть, какъ на сына подсудимаго. Въ два, въ три дня онъ состарѣлся на десятокъ лѣтъ, побагровѣлъ, сталъ задыхаться и въ одинъ прекрасный день его нашли мертвымъ въ его кабинетѣ...

Ударъ, поразившій старика, сразу перемѣнилъ отношенія членовъ семьи. Нелюбимыя генераломъ дѣти торжествовали, любимый генераломъ Ваня упалъ духомъ: первыхъ любила мать, послѣдній былъ ей не только чуждъ, но и ненавистенъ, а между тѣмъ имѣніе было теперь въ ея рукахъ. Съ этой минуты начался рядъ возмутительныхъ сценъ между братьями и между матерью и Ваней. Братья продолжали кутить, генеральша продолжала играть блестящую роль въ свѣтѣ, а Ванѣ, котораго третировали теперь en canaille, котораго называли теперь домашнимъ шпіономъ,—Ванѣ отказывали даже въ необходимыхъ учителяхъ, въ карманныхъ деньгахъ, въ тѣхъ мелочахъ, которыя ему были нужны въ качествѣ товарища золотой молодежи. Онъ, восемнадцатилѣтній юноша, уже привыкшій къ кутежамъ, уже тратившій деньги на любовницъ, уже мечтавшій о карьерѣ, долженъ былъ теперь пѣшкомъ отправляться въ пансіонъ, гдѣ онъ кончалъ курсъ. Его не только лишили карманныхъ денегъ, ему не только отказали платить по десяти рублей за уроки пѣнія и музыки, но ему даже не позволяли брать съ конюшни экипажъ и лошадь, чтобы доѣхать до пансіона. Онъ понималъ, что его хотятъ ограбить, что ему могутъ испортить карьеру, что его товарищи отвернутся отъ него, узнавъ его положеніе, что онъ даже не можетъ удержать при себѣ бѣлокурой Армансъ, которая была уже въ его жизни необходимостью.

— Что же, вы намѣрены меня ограбить?—высокомѣрнымъ тономъ говорилъ онъ матери.

— А ты хочешь пожаловаться отцу?—насмѣшливо спрашивала она, смотря на него съ холоднымъ презрѣніемъ.— Ты вѣдь такъ часто прибѣгалъ къ этому средству при его жизни.

— Мнѣ очень жаль, что я не прибѣгнулъ къ другому средству,—со сдержанной злобой говорилъ онъ.

— Къ какому это?

— Къ лишенію васъ всего въ свою пользу,—отвѣчалъ

онъ.—Вы очень хорошо знаете, что все, что у насъ есть, принадлежало отцу и мнѣ.

— Тебѣ?

— Да, мнѣ, а уже, конечно, не *вашимъ* дѣтямъ.

— Иди вонъ!—приказывала мать, блѣднѣя отъ негодованія.—Негодяй!

— Я уйду, но смотрите, чтобы вамъ не пришлось самимъ придти ко мнѣ!—угрожалъ сынъ, закусывая губы и сдвигая брови.

— Я тебя велю вывести!—сурово говорила мать, протягивая руку къ электрическому звонку.

Сынъ уходилъ съ сознаніемъ, что почва ускользаетъ у него изъ подъ ногъ, что ему грозитъ не веселая будущность. Иногда онъ до крови искусывалъ губы, разрывалъ въ клочки свои батистовые платки, въ страшномъ волненіи ходилъ у себя по комнатѣ и придумывая тысячу средствъ спасти себя. Приближалось между тѣмъ время экзаменовъ: онъ всегда отличался талантливостью въ дѣлѣ искусствъ, хорошо пѣлъ, былъ недурнымъ музыкантомъ, понималъ кое-что въ живописи, но науки давалися ему далеко не такъ легко, и экзамены изъ математики, изъ древнихъ языковъ сдавались при помощи «прибавочныхъ уроковъ». Теперь при выпускномъ экзаменѣ, когда нуженъ былъ аттестатъ, «прибавочные уроки» были необходимѣе, чѣмъ когда-нибудь. Онъ заявилъ объ этомъ матери.

— А! изволите лѣниться и думаете, что за васъ будутъ платить сотни и тысячи рублей!—съ презрѣніемъ проговорила онъ.—Ты бы поменьше кутилъ, тогда учеціе и шло бы успѣшнѣе.

— Вы можете сколько угодно упрекать меня, но я попрошу васъ не портить моей карьеры,—сдержанно отвѣтилъ сынъ, которому эта сдержанность стоила не малыхъ усилій.—Аттестатъ мнѣ необходимъ. Иначе мнѣ придется просидѣть въ пансіонѣ еще годъ или выйти изъ него, не кончивъ курса.

— Позаймись хорошенько и выдержишь экзаменъ.

— Я не могу выдержать экзамена.

— Я и не знала, что ты такъ тупъ!

Сынъ чуть не въ кровь закусилъ губы: его смѣла оскорблять эта женщина, которую онъ давно научился презирать и которую онъ теперь начиналъ ненавидѣть такъ же, какъ она ненавидѣла его.

— Вы доведете меня только до того, что я достану деньги на сторонѣ,—сухо сказалъ онъ.

— На сторонѣ? У кого это? — съ усмѣшкой спросила она.

— Мало ли у кого можно добыть деньги въ Петербургѣ!

— Но кто же дастъ *тебѣ?* Ты несовершеннолѣтній и у тебя нѣтъ ничего. Я думаю, что такихъ дураковъ мало, которые бросили бы деньги безъ надежды получить ихъ обратно.

— Ну, это еще вопросъ. Вы тоже не пожелаете скандала. Вѣдь когда вамъ представятъ мои векселя, такъ поневолѣ заплатите, какъ платилъ отецъ за *вашихъ* дѣтей.

— А! Такъ ты вотъ на что надѣешься!—воскликнула мать.— Только ты глубоко ошибаешься! Я не заплачу за тебя ни гроша, хоть бы тебѣ пришлось сидѣть въ долговомъ отдѣленіи или быть высланнымъ. Ты знаешь, *какъ* платилъ отецъ за *моихъ* дѣтей. *Такъ* я не могу платить за тебя и потому не буду платить вовсе.

— Ну, это мы увидимъ,—пробормоталъ сынъ, намѣреваясь уйти изъ комнаты.

— Постой! —остановила его мать.—Я очень рада, что ты мнѣ сказалъ, на что ты надѣешься. Я понимаю, что ты въ состояніи, чтобы только принести мнѣ непріятность, надѣлать десятки тысячъ долговъ. Но я предупрежу тебя. Мнѣ стоитъ только напечатать въ газетахъ, что я не плачу за тебя долговъ.

— Вы не сдѣлаете этого,—воскликнулъ сынъ, блѣднѣя отъ злобы при этихъ словахъ.

— Сдѣлаю, потому что считаю тебя способнымъ на все,— холодно отвѣтила мать.

— Такъ вы хотите открытаго скандала? Да?—пробормоталъ онъ.—Что-жъ, идите на него!... Посмотримъ, кто выиграетъ!..

Онъ быстро повернулся и вышелъ. Въ теченіе какихъ-нибудь шести-семи мѣсяцевъ подобныхъ сценъ произошло множество. Ненависть между сыномъ и матерью, существовавшая всегда, разрослась теперь до послѣднихъ предѣловъ. Оскорбленный, униженный, боявшійся за свое будущее, избалованный юноша готовъ былъ теперь на все, чтобы только побѣдить мать. Ея угроза напечатать въ газетахъ о неплатежѣ за него долговъ была послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія въ душѣ не знавшаго до сихъ поръ никакихъ преградъ своимъ капризамъ самолюбиваго баловня. Онъ ушелъ, но ушелъ не изъ комнаты матери, а изъ ея дома.

— Гдѣ Иванъ Васильевичъ?—спросила генеральша у лакея, не видя сына въ теченіе двухъ-трехъ дней.

— Они уѣхали,—отвѣтилъ лакей.

— Куда?

— Не могу знать-съ.

Генеральша пожала плечами и задумалась: ее начинало тревожить отсутствіе сына. «Не утопился ли? Не застрѣлился ли?..» Пожалуй, оставилъ какую-нибудь компрометирующую ее записку? Отъ него всего можно ждать! Онъ весь въ отца... Что скажутъ въ свѣтѣ?.. Ну да, кто еще прочтетъ его записку! А и прочтутъ, такъ забудутъ, припишутъ помѣшательству. «Да онъ въ самомъ дѣлѣ помѣшанный... Это нужно говорить всѣмъ»... Прошло еще дня три. Ея безпокойство росло и росло: это было безпокойство свѣтской непомѣрно самолюбивой женщины за свое имя, а не безпокойство матери за сына. Нужно было подготовить свѣтъ на всякій случай ко всему, что можетъ произойти. Она стала говорить всѣмъ и каждому, что ея сынъ скрылся, что это волнуетъ ее, что она не спитъ ночей, что она зала знать, чтобы его искали, и вдругъ среди разгара сѣтованій и соболѣзнованій, ей приносятъ газету, гдѣ крупными буквами напечатано объявленіе, которое я вамъ давалъ сейчасъ прочесть. Это былъ ударъ неожиданный, мѣткій, безжалостный. Ея сынъ, юноша, нигдѣ еще не кончившій курса, ищетъ какихъ-нибудь занятій изъ-за куска хлѣба, тогда какъ другіе ея сыновья кутятъ, тогда какъ она принимаетъ сотни людей въ своемъ великолѣпномъ домѣ.

— Что же это такое?—спрашивали ее.

— Онъ сошелъ съ ума, несчастный!—поторопилась объяснить она.

— Но вы уже приняли мѣры, чтобы спасти его?—спрашивали ее знакомые, недоумѣвая, какъ можетъ она сидѣть спокойно дома, если ея сынъ сошелъ съ ума.

— Да, да... Это меня такъ поразило. Я такъ и думала, что смерть отца страшно отразится на немъ... Я уже послала къ нему и сейчасъ ѣду сама.

Она, всегда владѣвшая собою, всегда холодно надменная, теперь потерялась, не зная, что дѣлать, что говорить. Еще сильнѣе смутилась она, когда къ ней въ волненіи заѣхалъ одинъ изъ близкихъ ей родственниковъ.

— Ты знаешь ли, что онъ разсказываетъ *все*,—объяснилъ онъ ей.—Онъ загрязнитъ наши имена, онъ выдаетъ такія вещи, которыя не слѣдовало бы никому знать...

Вечеромъ въ тотъ же день она послала за сыномъ. Лакей нашелъ его въ жалкой комнатѣ и воротился съ словеснымъ

отвѣтомъ, что «Ивану Васильевичу не въ чемъ придти». Генеральша поняла, что скандалъ будетъ только разрастаться, если она станетъ впутывать въ дѣло прислугу и постороннихъ. Она поѣхала къ сыну сама и встрѣтила на слабо освѣщенной лѣстницѣ одного изъ своихъ свѣтскихъ знакомыхъ, который не узналъ ея, благодаря густому вуалю. Она поняла, что ея знакомый шелъ отъ ея сына.

— Скажи, пожалуйста, что ты съ нами дѣлаешь?—воскликнула она, являясь въ комнатѣ сына, сидѣвшаго за книгой.

— А! Пришли!—усмѣхнулся онъ, откидываясь на стулѣ и смѣрилъ глазами мать.—Вы спрашивали, что я съ вами дѣлаю? Ничего. Я ищу мѣста ради куска хлѣба—вотъ и все.

— Но ты...

— Позвольте! Сядьте и не горячитесь,—холодно проговорилъ сынъ.—Вы обобрали все мое имѣніе въ свою пользу и въ пользу *своихъ* дѣтей...

— Не смѣй...

— Если вы будете меня перебивать, я не стану вовсе говорить, и вамъ останется только уѣхать,—сухо остановилъ онъ ее.—Я говорю, что вы обобрали мое имѣніе въ свою пользу и въ пользу *своихъ* дѣтей. Вы лишили меня даже необходимаго, даже возможности кончить мое образованіе такъ, какъ я его началъ...

— У Борелей и Дюссо!...

— И мнѣ осталось только одно средство: искать работы, чтобы существовать,—продолжалъ онъ, не обращая вниманія на ея вставку.—Я счелъ, что удобнѣе было искать работу черезъ газеты: наша фамилія извѣстна половинѣ Петербурга, и я надѣялся, что ко мнѣ явятся сотни знакомыхъ намъ людей, которые и добудутъ мнѣ какое-нибудь мѣсто...

— Ахъ, ты разсчитывалъ на любителей скандаловъ, на свѣтскихъ вѣстовщиковъ!

— Да, на нихъ... Ко мнѣ уже являлись многіе за разъясненіями...

— Разъясненія отъ сумасшедшаго!—перебила мать, пожимая плечами.

— Да, это вы остроумно придумали,—усмѣхнулся сынъ.—Мнѣ уже передали, что вы называете меня сумасшедшимъ. Но я, мнѣ кажется, отпарировалъ ударъ, подробно разсказавъ всѣ обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ я сижу безъ хлѣба.

— А, такъ ты желаешь посвящать весь Петербургъ въ наши семейныя дѣла! Это отлично, это вполнѣ честно! Негодяй!

Сынъ, блѣдный, волнующійся, поднялся съ мѣста. Въ эту минуту онъ походилъ болѣе чѣмъ когда-нибудь на своего отца.

— Я не знаю, зачѣмъ вы пришли сюда,—сдержанно, но злобно проговорилъ онъ.—Я васъ предупреждаю только, что я не вынесу брани и оскорбленій. Вы знаете, кто изъ насъ первый поступилъ подло... сомнѣваетесь вы: подло!.. Я оставляю за собой право разсказывать все, какъ было... Вы можете выдумывать обо мнѣ со своей стороны, что угодно... Я буду указывать на факты, а вы... указывайте на что вамъ угодно... Я могу указать и показать, что имѣнье все принадлежало отцу, и могу сказать, когда и почему оно было переведено на васъ, я могу даже показать письма отца, гдѣ онъ пишетъ и подчеркиваетъ, что я единственный *его* сынъ, тогда какъ другіе... Впрочемъ, что я распространяюсь: нынѣ домой, а завтра, послѣзавтра, черезъ недѣлю до васъ дойдутъ подробные отчеты обо всемъ, что я буду говорить всѣмъ и каждому.

— Прежде чѣмъ ты разскажешь что-нибудь, тебя засадятъ въ домъ умалишенныхъ! Слышишь ты!—произнесла задыхающимся голосомъ мать.

— Что же вы медлите, дѣлайте это скорѣе! Авось, меня и тамъ навѣстятъ ваши добрые знакомые...

Безпредѣльная наглость, безсердечная сдержанность, свѣтская приличность, все то, что прививалось съ дѣтства къ этому барчуку-баловню, къ этому представителю золотой молодежи, къ этому выдрессированному въ салонахъ приличному юношѣ, къ этому рыцарчику, привыкшему обдавать грязью всѣхъ и все, не возмущаясь ничѣмъ, не удивляясь ничему, сказалось теперь ярко, отчетливо, цинично. Онъ былъ невозмутимъ и приличенъ, хотя иногда онъ стискивалъ зубы, точно отъ подавленной боли, и сверкалъ глазами, точно внутри его все горѣло отъ злобы, и если черты его лица и злобное выраженіе его глазъ напоминали его мужиковатаго отца, то его обращеніе и обороты его рѣчи напоминали его свѣтскую мать.

— Чего же ты добиваешься?—воскликнула мать, приходя въ отчаяніе.

— Занятій,—сухо отвѣтилъ сынъ.

— Пожалуйста, не считай меня за дурочку!—воскликнула она.

— А вы думаете, чего я добиваюсь?—спросилъ онъ.

Она нетерпѣливо пожала плечами.

— Ты, конечно, хочешь, чтобъ я тебя выдѣлила,—сказала она.

— Да? Вы такъ думаете?—сказалъ онъ въ формѣ вопроса.—Что-жъ, это будетъ очень хорошо и для меня, и для васъ.

Начался торгъ, возмутительный, циничный торгъ двухъ мошенниковъ. Мать говорила съ брезгливостью, съ омерзеніемъ. Сынъ говорилъ сдержанно, холодно, давая понять, что въ случаѣ надобности онъ не отступитъ ни передъ чѣмъ, скомпрометируетъ и мать, и ея дядю, и ея разныхъ кузеновъ и даже имя своего отца, разгласивъ все, что дѣлалось тайно, что можно еще поднять изъ архивовъ, что можно еще довести до суда.

— Но ты долженъ будешь уѣхать на-время за границу,—сказала, наконецъ, мать.

— За границу? Зачѣмъ?—удивился сынъ.

— Ты понимаешь, что эта исторія... Ты долженъ ѣхать лѣчиться.

— Лѣчиться? Но я здоровъ...

— Да, но все-таки... этотъ скандалъ нужно чѣмъ-нибудь объяснить...

— Ахъ да, я и забылъ!.. Вы хотите, чтобы общество думало, что я сошелъ съ ума? Что-жъ, я, пожалуй, поѣду на-время...

Мать поднялась съ мѣста.

— Ты поѣдешь со мной?—спросила она.

— Хорошо,—отвѣтилъ онъ.

На другой день всѣ близкіе, всѣ знакомые Салмановыхъ уже знали, что несчастный Иванъ Васильевичъ, потрясенный потерей отца, сошелъ съ ума, что онъ ѣдетъ лѣчиться за границу, что несчастная мать страдаетъ за участь любимаго сына...

VII.

Отецъ—добрый малый.

— Кто это?

Я указалъ Клименко на одну изъ дамъ полусвѣта, входившую въ ложу бель-этажа въ Маріинскомъ театрѣ.

— А, это дочь одного добраго малаго,—отвѣтилъ Клименко.—Изъ русскихъ. Она недавно возвратилась въ Петербургъ... Изъ Ташкента, кажется... Да вы, вѣроятно, знали и ея отца, и ее. Онъ еще не очень давно былъ та-

лантливымъ артистомъ въ труппѣ Александровскаго театра, играя роли письмоносцевъ, лакеевъ и безмолствующихъ маркизовъ и грандовъ, а она... да вы ее, можетъ-быть, и не замѣчали въ балетѣ, гдѣ она являлась два-три раза въ годъ для украшенія группъ у воды и выдавалась среди кордебалета великолѣпными брильянтами. Теперь она нѣсколько увяла, ей уже подъ сорокъ, хотя, какъ видите, она все еще довольно стройна, плечи красивы... Ея фамилія Перова. У нея двѣ сестры числились въ кордебалетѣ, одна въ оперномъ хорѣ съ полгода участвовала, и одна три раза въ годъ «гостей» играла въ драматической труппѣ. Онѣ, правда, всѣ не грѣшили талантливостью, но были хороши собой, веселы, бойки и ничего—процвѣтали. Это была цѣлая семья русскихъ... бабочекъ...

Подняли занавѣсъ; Клименко замолчалъ. Въ слѣдующемъ антрактѣ я спросилъ его:

— Вы знаете исторію этой семьи?

— Знаю ли я ихъ исторію? Еще бы!—воскликнулъ онъ, улыбаясь.—Катишь, Пашетъ, Софи, Маруська, Дашурка Перовы—это все были наши увеселительницы, наши милыя спутницы на хлѣстыхъ кутежахъ... Ахъ, молодость, молодость, есть чѣмъ тебя помянуть!

— А исторія ихъ, все-таки, вѣроятно, не весела,—замѣтилъ я.

— Вы ошибаетесь, мой другъ!—проговорилъ Клименко.—Это самая веселая изъ веселыхъ исторій. Въ ней нѣтъ ни бурь, ни трагическихъ столкновеній, ни гамлетовскихъ to by or not to by! Это просто милый водевиль съ канканчикомъ и шансонетками. Все дѣло въ томъ, что у Перовыхъ былъ отецъ—добрый малый, простякъ, весельчакъ, однимъ словомъ, c'était un bon enfant...

Я улыбнулся.

— Но вы, все-таки, разскажете исторію?—спросилъ я.

— Пожалуй, пожалуй... Я люблю вспоминать молодость... Знаете, что,—продолжалъ Клименко, смотря въ бинокль на Перову:—мнѣ даже становится нѣсколько грустно, что я вижу теперь Дашурку отцвѣтающею... Я ея давно не видалъ, и въ моей памяти такъ и сохранился ея образъ въ видѣ живой, вертлявой дѣвчонки, умѣющей, приготовляясь къ канкану, шикарно подхватить спереди одною рукою всѣ фалбалы и воланы подола воздушнаго платья и граціозно засунуть большой палецъ другой руки подъ пазуху, гдѣ нѣту даже и признака рукава... А теперь... да, она видимо

толстѣетъ, обрюзгла и, должно-быть, копитъ деньгу... А прежде... Прежде она ничего не берегла, ничего не прятала, ничего не копила... У нихъ откровенность была въ фамильномъ характерѣ... Да, да, уходятъ годы...

— Прежде чѣмъ я познакомлю васъ съ Перовымъ-отцомъ, я долженъ сдѣлать нѣкоторое «старческое» отступленіе,—не безъ ироніи началъ Клименко свой разсказъ о Перовыхъ.—Дѣло въ томъ, что я сердитъ, очень сердитъ на Петербургъ. Въ Петербургѣ теперь кончилась жизнь: теперь это биржа, канцелярія, общее собраніе акціонеровъ, мѣсто наживы, но не мѣсто для жизни и для прожиганія жизни. Вы мнѣ, пожалуй, укажете на золотую молодежь, на кутящихъ адвокатовъ и биржевиковъ. Полноте! развѣ эти люди живутъ? Они заботятся о фальшивыхъ и настоящихъ векселяхъ, они спекулируютъ на биржѣ и въ судебныхъ процессахъ и, между прочимъ, когда удается загрести большой купъ, просаживаютъ въ нѣсколько минутъ сотую долю изъ того, что успѣли загрести, да и то боятся, что ихъ «обличатъ» за слишкомъ крупный подарокъ какой-нибудь заѣзжей кокоткѣ или за слишкомъ буйное разбиваніе зеркалъ въ какомъ-нибудь петербургскомъ Ташкентѣ... Въ былое время, въ тѣ дни, когда жили Саввы Яковлевы, не такъ жилось: дѣла велись управляющими, а тотъ, кто имѣлъ средства жить, предоставивъ денежные счеты управляющимъ—жилъ, да вѣдь какъ жилъ—во всю ширь русской дикой натуры... Обличеній же вовсе и не было еще изобрѣтено... Но шутки въ сторону... Въ былое время въ Петербургѣ были и семейная жизнь, и мирныя удовольствія развиты полнѣе, вѣроятно, вслѣдствіе того, что тогда еще не было изобрѣтено никакихъ вопросовъ, и никто не думалъ не только-что о точкѣ къ реформамъ, но даже и о самихъ реформахъ. Знаете, я иногда даже жалѣю, что я поздно родился и засталъ это блаженное время уже на кончикѣ. Теперь, правда, все у насъ въ обществѣ шлифованнѣе, цивилизованнѣе, умнѣе, но... но... право же, скучно... Вотъ въ тѣ-то блаженныя времена въ Петербургѣ процвѣтала, напримѣръ, страсть къ охотѣ да не такая страсть, какъ теперь, когда есть и общества охоты, и серебряные знаки отличія у любителей охоты, и охотничьи дома, гдѣ есть и мягкія постели, и французская кухня, и вина по прейсъ-курантy,—а страсть настоящая, способная на труды и лишенія. Возьмите хоть театральный міръ: музыкантъ Вихманъ, сынъ

извѣстнаго балетмейстера Карлъ Карловичъ Дидло, знаменитый Яковъ Григорьевичъ Брянскій, театральный арфистъ и учитель всѣхъ молоденькихъ аристократокъ Карлъ Федоровичъ Пауль, нѣмецкій актеръ Федоръ Карловичъ Гёрцъ, безсмертный сказатель Решетилова—Сосницкій, все вѣдь это были охотники, да еще какіе! И какія охоты устраивались на Круглому островѣ, на Трухтанскомъ островѣ, на Батарейномъ островѣ, на Кирпичахъ, по всему прибрежью отъ Рѣзкаго острова за Шереметевскую дачу и сумасшедшій домъ. Бывало, снуютъ тамъ челны, бѣлѣются палатки, мерцаютъ костры, мелькаютъ фигуры мужчинъ и дѣтей, слышатся выстрѣлы, говоръ, остроты, смѣхъ. А нынче... на откупленныхъ мѣстахъ запустѣнье, такъ какъ богачи не охотятся, а только откупаютъ мѣста, чтобъ ни себѣ, ни другимъ, а все-таки было бы мѣсто на случай разговора объ охотѣ, а на откупленныхъ мѣстахъ только въ воскресные дни идетъ не охота, а пьяная оргія захудалаго гвардейскаго и коломенскаго чиновничества, выѣзжающаго въ прадники ins Grünen и стрѣляющаго по воробьямъ и пичужкамъ... Фи! развѣ это тѣ охоты, о которыхъ весело вспомнить и теперь нашему брату, проведшему лѣтніе дни свѣтлаго своего дѣтства въ этомъ веселомъ кругу истинныхъ охотниковъ? Я какъ сейчасъ помню всѣ фигуры тогдашнихъ охотниковъ, я помню непомѣрно толстаго, но ловкаго и легкаго на ходу Пауля съ серебристыми густыми кудрями, съ вѣчно розовымъ лицомъ, съ вѣчными шутками и прибаутками, громко выкрикивающаго: «гонъ-гонъ», окруженнаго приводившими другихъ въ зависть «польскими собаками», плодившимися у него въ большомъ числѣ. Я помню длиннаго, сухого, всегда сосредоточеннаго Гёрца, добродушнѣйшаго изъ добродушныхъ нѣмцевъ, вѣчно что-то соображающаго и вѣчно возражающаго всѣмъ и каждому, восклицая: «А—а, батюшка мой, это не такъ!» Я помню и дамъ, бывавшихъ здѣсь, хозяйничавшихъ въ палаткахъ, какъ дома, и имѣвшихъ видъ походныхъ бурмъ, которыя не боятся промочить ногъ или сѣсть въ воду въ челнѣ. Всѣ эти люди и селились поближе къ островамъ: кто жилъ въ Волынкиной деревнѣ, кто въ Екатерингофѣ, кто въ Емельяновкѣ. Эти люди составляли своего рода «веселый клубъ охотниковъ», для котораго не существовало никакихъ общественныхъ интересовъ, кромѣ охоты и охоты... Къ сожалѣнію, я, какъ я вамъ уже сказалъ, засталъ эту жизнь «на кончикѣ», когда между компаніей завзятыхъ

охотниковъ стали появляться и люди, сдѣлавшіе изъ охоты промыселъ, и люди, которыхъ интересовали болѣе всего охотничьи доспѣхи, зеленые узоры на сѣрыхъ курткахъ и серебряные свистки на красивыхъ цѣпочкахъ... Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Перовъ. Высокій, стройный, худенькій и моложавый онъ являлся на охоту всегда во всемъ новомъ съ множествомъ зеленыхъ шнурочковъ и серебряныхъ цѣпочекъ, точно на костюмированный балъ. На охотѣ онъ считалъ главною цѣлью добродушно пощеголять, хорошо поѣсть и выпить бутылку-другую вина съ доброй компаніей... Какъ сейчасъ помню, когда я впервые увидалъ его.

— А вонъ и нашъ добрый малый!—воскликнулъ одинъ изъ охотниковъ, завидѣвъ приближающагося Перова.

Я, тогда еще тринадцатилѣтній мальчуганъ, обратилъ на него вниманіе. Онъ легко и граціозно перескакивалъ съ кочки на кочку, пробираясь къ намъ. Онъ держалъ ружье на отвѣсъ съ граціей кордебалетной танцовщицы, переодѣтой стрѣлкомъ, и сіялъ новизною своего костюма и праздничнымъ видомъ своей физіономіи:

— Ба, ба, ба! опять съ новымъ ружьемъ!—встрѣтилъ его Пауль.

— Жена, жена подарила!—отвѣчалъ онъ, показывая щегольское ружье.

— А, батюшка мой, покажите!—сосредоточенно вытянулъ губы Гёрцъ.—Отъ Лежёна?..

Гёрцъ взялъ ружье, методически осмотрѣлъ его, взвѣсилъ на рукахъ, прицѣлился, прищуривъ одинъ глазъ, и рѣшилъ, отдавая назадъ ружье:

— Хорошая вещь!

— А у васъ добрая жена!—замѣтилъ кто-то, смѣясь.

— Катя? Катя у меня ангелъ!—восторженно отвѣтилъ Перовъ.—Нѣтъ, а вы знаете, господа, у меня опять дѣвочка родилась!

Всѣ почему-то разсмѣялись.

— Хорошій стрѣлокъ!—замѣтилъ Пауль.

— Это которая у васъ?—спросилъ кто-то.

— Которая?.. Позвольте?.. Пашетъ, Катишь, Софи, Маруська, Дашурка, Зина... нѣтъ... Зина... Леля, Феничка умерли...—говорилъ Перовъ, считая по пальцамъ.—Теперь это девятая, Зоя... да, точно девятая...

— Онъ, господа, самъ не знаетъ, сколько послало ему небо дочерей,—засмѣялся одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Ха-ха-ха! и вѣль, вранъ, не знаю... Нѣтъ, ей-Богу, кажется, девять... то-есть было девять, но три умерли, значитъ, осталось шесть.

Перовъ говорилъ и хохоталъ, манерно поворачиваясь передъ обществомъ и играя ружьемъ...

Съ этого раза я узналъ Перова. Это былъ франтикъ, весельчакъ, гуляка, воплощенная безпечность. Онъ получалъ въ театрѣ одинъ изъ низшихъ окладовъ, но жилъ хорошо, одѣвался отлично, покучивалъ съ пріятелями. Изъ какихъ средствъ?—спросите вы.

— Моя Катюша такая добрая!—говорилъ онъ про свою жену, числившуюся тоже въ штатѣ артистокъ русской драматической труппы.

Женился онъ на ней случайно: ему посовѣтовало одно изъ вліятельныхъ лицъ жениться.

— Вы, молодой человѣкъ, закутитесь, погибнете въ холостой компаніи, вамъ надо бы подумать о женитьбѣ,—сказала ему особа отеческимъ тономъ.

— Я, ваше превосходительство, готовъ,—отвѣтилъ Перовъ.—Но на комъ же?

— Вотъ на Катеринѣ Ивановнѣ Разсоловой женились бы, дѣвица прекрасная, не нищая,—посовѣтовала особа.

— Я съ величайшимъ удовольствіемъ, ваше превосходительство,—отвѣтилъ Перовъ.—Но Катерина Ивановна почти не знаетъ меня.

— Я буду сватомъ,—рѣшила особа.

Сказано-сдѣлано. У Перова появилось новое платье, новое ружье, новая собака.

— А я, господа, женился,—объявлялъ Перовъ пріятелямъ.

— Женился? На комъ?—удивлялись они.

— На Катеринѣ Ивановнѣ Разсоловой!—отвѣчалъ торжествующій Перовъ.—Вы видѣли, господа, у меня новую собаку? Вотъ такъ ужъ песъ, я вамъ скажу! Что за понятливость, какъ выдрессированъ—изумительно!.. Трезоръ, Трезоръ, умри!—крикнулъ Перовъ своей собакѣ.

Собака перекувырнулась на спину и замерла на мѣстѣ. Перовъ торжествовалъ: если ужъ Трезоръ умѣлъ «умирать» по его приказу—значитъ, «охотничья собака» была отличная.

— Гдѣ же ты добылъ этого Трезора?—спрашивали его.

— Да это она же, Катюша, мнѣ подарила,—пояснялъ Перовъ.

Съ этой поры началась его счастливая жизнь: онъ франтилъ на охотѣ, онъ ѣздилъ съ Катюшей на пикники, онъ познакомился съ знатной молодежью, онъ вѣчно что-то напѣвалъ, насвистывалъ, подплясывалъ, пощелкивалъ пальцами и былъ въ томъ праздничномъ настроеніи, при которомъ человѣкъ «земли подъ собой не слышитъ». Однажды его даже чуть не посадили подъ арестъ за это праздничное настроеніе, такъ какъ онъ, вспомнивъ какой-то эпизодъ изъ своего развеселаго житья, расхохотался на сценѣ въ то время, когда ему нужно было изображать въ пьесѣ мрачнаго и молчаливаго спутника страшнаго злодѣя. Онъ обожалъ свою жену, и, надо отдать ей полную справедливость, она тоже очень любила его. Когда кто-нибудь заговаривалъ съ нимъ о ней, онъ говорилъ:

— Катюша у меня добрая!

Когда кто-нибудь говорилъ съ нею о немъ, она всегда заключала на французскомъ языкѣ нижегородскаго жаргона:

— C'est un bon enfant!

Впрочемъ, стоило только взглянуть, какъ заботливо укутывалъ въ шубу свою Катюшу Перовъ, возвращаясь съ шумнаго пикника, и какъ нѣжно прижималась она къ своему мужу головкой, дремля отъ усталости въ троечныхъ саняхъ, чтобы понять всю силу любви этихъ двухъ супруговъ, не знавшихъ ни ссоръ, ни недоразумѣній и испытывавшихъ младенчески-наивную радость, когда имъ удавалось сдѣлать другъ другу сюрпризъ изъ своихъ заработанныхъ денегъ.

И было же весело въ этой семьѣ: правда, Перовы были оба немного богемы, цыгане; они чуть не каждый мѣсяцъ мѣняли квартиру; у нихъ всегда можно было наткнуться на какое-нибудь валяющееся на полу дорогое бальное платье или сѣсть на лишенный одной ножки стулъ, вышедшій еще недавно изъ мастерской Гамбса; обѣдая у нихъ, вы не были застрахованы отъ утонувшей въ супѣ мухи или зажаренпаго заживо въ ростбифѣ таракана; вы даже могли попасть къ нимъ въ такую минуту, когда Катерина Ивановна, наскоро надѣвая бастовую шляпку съ страусовыми перьями и разрывая въ нетерпѣніи новыя лайковыя перчатки, не влѣзавшія на руку, кричала вамъ: «подождите, подождите меня, я сейчасъ пріѣду, у насъ сегодня ни гроша въ домѣ, а между тѣмъ нѣтъ ни чаю, ни сахару»,—но въ то же время вы нигдѣ не нашли бы такого безпабашнаго веселья, какъ здѣсь. Родилась новая дѣвочка у Перовыхъ—

они задаютъ пиръ; умерла дѣвочка—у нихъ блестящія поминки, напоминающія именинный обѣдъ; для Катюшѣ бенефисъ—они дѣлаютъ балъ; отказали Перову въ прибавкѣ—они съ горя бѣгутъ на пикникъ. Веселились у нихъ всѣ, кто посѣщалъ ихъ, и даже та ветхая особа, которая составляла эту пару, несмотря на свои преклонныя лѣта не могла не веселиться у нихъ:

— А вотъ и мой старикашка!—кричала Катерина Ивановна, встрѣчая особу, и начинала кружиться съ особой, покрывая поцѣлуями дряблыя щеки и беззубый ротъ опалѣвшаго старца.

— Катюша... Катюша... дурочка... умерла,—шамкала особа задыхающимся голосомъ, но сердиться при всей своей важности не могла, потому что на Катюшу сердиться было невозможно.

Также точно любили Катюшу и смѣялись вмѣстѣ съ нею всѣ гвардейскіе подпрапорщики, пажики, лицеисты, правовѣды. Она и ихъ тормошила, трепала имъ волосы, одѣвала ихъ для смѣха въ свои платья, заставляла ихъ надѣвать на нее ихъ платье, приказывала ихъ танцовать съ нею «русскую»,—однимъ словомъ, веселѣе жить, чѣмъ жили Перовы, нельзя... Да, хорошо жить тѣмъ, у кого спокойна совѣсть,—невозмутимо-серьезнымъ тономъ заключилъ Клименко.

Мнѣ было уже восемнадцать лѣтъ, когда я впервые познакомился съ Пашетъ Перовой. Дѣло было на пикникѣ за городомъ. Я явился на пикникъ не особенно смѣло, потому что это былъ первый пикникъ, на который я попалъ и на которомъ я ожидалъ встрѣчи съ «женщинами»,—не просто съ женщинами, а съ «женщинами на пикникѣ». Я вошелъ въ ярко освѣщенный залъ, уставленный цвѣтами, и сразу наступилъ кому-то на платье:

— Pardon, monsieur!—пробормоталъ я и выронилъ изъ рукъ шляпу.

Я нагнулся поднять ее и услышалъ надъ собой хохотъ, да какой! звонкій, заразительный, неудержимый. Я поднялся красный, какъ вареный ракъ, и остановился неподвижно, лицомъ къ лицу съ молоденькою дѣвушкою въ бѣломъ нарядѣ.

— Ахъ, ахъ, какой онъ умерительный! Взгляни, какъ онъ раскраснѣлся! Ха-ха-ха! — заливалась она, указывая

на меня своему кавалеру. — Pardon, monsieur! Это я-то «monsieur»! Ха-ха-ха!

Я чуть не заплакалъ отъ стыда.

— Ну, вы видите теперь, что я не monsieur?— сказала она мнѣ, подходя еще ближе ко мнѣ.

Я видѣлъ только роскошныя бѣлыя руки, восхитительныя плечи и пышную грудь, высоко поднимавшуюся изъ-подъ открытаго лифа, передъ самыми моими глазами, точно именно по этой груди я долженъ былъ рѣшить, «monsieur» ли стоитъ передо мною или нѣтъ.

— Ты меня оставь, я его просвѣщать буду,—сказала она своему спутнику, котораго я не разглядѣлъ въ эти минуты полнаго одуренія.

Она взяла меня подъ руку и пошла просвѣщать. Черезъ полчаса я хохоталъ такъ же громко, какъ она, танцуя, напѣвая, дурачась вмѣстѣ съ нею и не замѣчая, какъ летитъ время.

— Отведите меня теперь къ отцу, я его потеряла изъ виду,—сказала она наконецъ.

— Къ отцу? Развѣ и вашъ отецъ здѣсь?—удивился я.

— Ну, да? Я же съ нимъ ходила, когда вы подошли,— объяснила она.

— Вотъ-то я не думалъ, чтобъ это былъ вашъ отецъ. Какъ же онъ позволилъ вамъ такъ вдругъ уйти со мною?

— Ah, c'est un bon enfant!— засмѣялась она.

— Но когда же мы увидимся опять?—спросилъ я.

— Хоть завтра! Пріѣзжайте ко мнѣ—вотъ и увидимся.

— Но я не знакомъ съ вашей семьей...

— Пустяки какіе! Къ намъ всѣ такъ ѣздятъ. Моя мать добрая женщина, а отецъ...

— C'est un bon enfant!—засмѣялся я, перебивая ее.

— Ну да! ну да! Чего вы смѣетесь? Разумѣется, c'est un bon enfant! Его и мать такъ зоветъ, и мы, и всѣ...

Я повелъ ее къ этому «bon enfant», лаская ея маленькую ручку, лежавшую на моей правой рукѣ.

— Папа, ты посмотри на него, какой онъ хорошенькій!..— вдругъ произнесла моя спутница, когда мы подошли къ ея отцу.

Она безцеремонно взяла меня за подбородокъ и повернула лицомъ къ своему отцу. Я опять покраснѣлъ.

— Шалунья! шалунья!—весело проговорилъ онъ, и только теперь я вспомнилъ и это лицо, и этотъ голосъ, и эту фамилію, и даже самъ удивился, какъ я могъ забыть въ три.

въ четыре года того Перова, надъ которымъ потѣшался кружокъ знакомыхъ мнѣ охотниковъ. Онъ выглядѣлъ и теперь попрежнему юношей, хотя, при тщательномъ изученіи его лица, можно было замѣтить и морщинки подъ глазами, и дряблость кожи, и легкую просѣдь въ волосахъ. Теперь онъ былъ не столько строенъ, сколько худощавъ...

— А я васъ немного знаю,—сказалъ я.—Я, мальчикомъ, видалъ васъ въ кружкѣ артистовъ на охотѣ на Кругломъ островѣ.

— Можетъ-быть... можетъ-быть... Меня половина Петербурга знаетъ,—отвѣчалъ онъ съ небрежной гордостью.

— Ахъ, фатишка, фатишка!—воскликнула дочь. — Онъ у насъ ужасно много мечтаетъ о себѣ. Когда на насъ смотритъ на Невскомъ или въ театрѣ, онъ воображаетъ, что всѣ говорятъ: «вотъ дочери Перова»... замѣтьте: не просто «Перовы», а «дочери Перова»...

Она захохотала опять тѣмъ же звонкимъ, заразительнымъ, неудержимымъ смѣхомъ...

— Да, батюшка, въ наше время «вопросовъ» выводится подобный смѣхъ,—съ комичною грустью вздохнулъ Клименко...

Съ этой поры я сталъ «вхожъ въ домъ» Перовыхъ...

Я былъ всегда довольно подвижнымъ человѣкомъ, а въ тѣ годы и подавно. Но, признаюсь откровенно, иногда я ни ногъ, ни рукъ не чувствовалъ послѣ дня, проведеннаго въ этомъ домѣ. Да этого мало! къ вечеру я даже терялъ способность смѣяться, терялъ способность соображать, что я думаю. Я даже думаю, что я былъ способенъ въ подобныя минуты жениться... а вы вѣдь знаете, что худшей глупости для меня не существуетъ...

У Перовыхъ была въ то время большая, хорошо меблированная квартира. Но она казалась и мала, и не прибрана, такъ какъ въ ней была вѣчная толкотня, и ни одинъ предметъ изъ мебели не оставался на своемъ мѣстѣ. Хлопанье дверей здѣсь не прекращалось цѣлый день, никто никогда не сидѣлъ здѣсь и получаса на своемъ мѣстѣ, не проходило минуты, чтобы кто-нибудь не требовалъ себѣ чаю, кофе, конфетъ, фруктъ. Иногда здѣсь утромъ барышни поѣдали сладкіе пирожки и мороженое, порой въ полдень устраивались танцы. Танцовали здѣсь подъ фортепіано и безъ фортепіано, съ кавалерами и безъ кавалеровъ. Подчасъ здѣсь можно было встрѣтить всю семью, иногда въ теченіе цѣлыхъ недѣль пропадала одна дочь или двѣ-три дочери

Перовыхъ. Здѣсь можно было встрѣтить и студентовъ, и артистовъ, и военныхъ, и стариковъ, и молодежь. Иногда одна изъ комнатъ въ квартирѣ Перовыхъ вдругъ превращалась въ мастерскую скульптора или живописца, «изображавшаго одну изъ барышенъ» во образѣ Венеры или Діаны. Одинъ изъ нашихъ художниковъ, Николаевъ, извѣстный особенно среди богатыхъ кутилъ своими до послѣдней степени скабрезными и очень дорого цѣнимыми акварелями, даже жилъ у Перовыхъ. Переѣхалъ онъ къ нимъ совершенно неожиданно: сначала онъ хотѣлъ написать Софи Перову вакханкой и потому ежедневно пріѣзжалъ къ Перовымъ для рисовальныхъ сеансовъ, потомъ онъ какъ-то прокутилъ у нихъ всю ночь и на слѣдующую ночь разсчиталъ, что ему вовсе и не для чего ходить домой, когда можно оставаться и здѣсь. Въ деньгахъ у Перовыхъ и у Николаева никогда не было недостатка, но, тѣмъ не менѣе, они нерѣдко оставались безъ обѣда, забывъ его заказать и разославъ всѣхъ прислугъ съ различными порученіями и записками. Это, впрочемъ, ихъ нисколько не смущало, такъ какъ они менѣе всего заботились объ обѣдѣ, въ смыслѣ опредѣленныхъ завтраковъ и обѣдовъ, имѣя всегда подъ руками закуски и сласти. Гости у Перовыхъ были чѣмъ-то въ родѣ ихъ покорныхъ рабовъ. Стоило вамъ придти къ нимъ, чтобъ вами тотчасъ же кто-нибудь завладѣлъ. Васъ или уводила къ себѣ въ комнату которая-нибудь изъ барышенъ, или вамъ давали порученіе купить поскорѣе вѣеръ къ вечернему балу, букетъ къ спектаклю, лентъ для пояса, или васъ заставляли разматывать шелкъ и шерсть для вышивокъ, которыя никогда не начинались никѣмъ, или просто васъ заставляли идти гулять, танцовать, кататься. За эту работу вы смѣло могли цѣловать ручки и губки барышенъ и, если угодно, могли также смѣло предложить которой-нибудь изъ нихъ поѣздку на Иматру, въ Павловскъ, въ Петергофъ на день, на два, на неограниченное время.

— Папа, я уѣзжаю съ Иваномъ Ивановичемъ! —говорила, хлопая въ ладони и подпрыгивая, приглашенная дѣвица.

— А-а, ѣдешь? Ну, поѣзжай, поѣзжай,—соглашался отецъ, и самъ хлопоталъ обо всемъ необходимомъ для поѣздки.

Замѣчательнѣе всего было то, что никто не ревновалъ никого къ дѣвицамъ Перовымъ, и онѣ не ревновали одна другую ни къ кому, точно каждый зналъ, что дѣвицъ Перовыхъ достаточно для всѣхъ, а онѣ знали, что на всѣхъ ихъ также хватитъ мужчинъ. Была еще одна оригинальная

черта у нихъ я никогда не видалъ, чтобы у которой-нибудь изъ дѣвицъ Перовыхъ сжималось сердце, когда имъ приходилось возвращаться одинаково въ родительскій домъ послѣ трехъ-четырехъ мѣсяцевъ отсутствія. Онѣ входили въ свой домъ такъ же весело въ этихъ случаяхъ, какъ послѣ прогулки по Невскому, по Морской: одно partie de plaisir кончалось, и онѣ уже ожидали новаго. Кто любилъ ихъ или былъ любимъ ими, тотъ могъ смѣло сказать, что онъ никогда не былъ причиною ихъ слезъ и жалобъ.

— Какой онъ глупый, — говорилъ мнѣ однажды Пашетъ про одного знакомаго. — Разошелся съ Марусей и перестаетъ бывать, точно разсердился на что-нибудь или виноватъ въ чемъ-нибудь. Я непремѣнно надеру ему уши, если встрѣчу его гдѣ-нибудь, дружья такъ не поступаютъ.

— Ему, можетъ-быть, тяжело бываетъ у насъ теперь, — замѣтилъ я.

— Это отчего? Если онъ разлюбилъ Марусю, такъ почему же можетъ быть ему тяжело? Маруся теперь любитъ другого, и онъ можетъ любить другую. Дурного другъ другу они ничего не сдѣлали.

— Но все-таки... воспоминанія...

— Какія воспоминанія? О томъ, что имъ такъ весело было? Это должно радовать. Пришелъ бы, поговорили бы, какъ они хорошо жили, какъ веселились... Нѣтъ, онъ глупый, очень глупый!..

Впрочемъ, такихъ глупцовъ въ числѣ знакомыхъ Перовыхъ было немного. Дѣлались эти знакомые такими глупцами только въ случаѣ женитьбы и то не по своей волѣ, а потому что жены не пускали ихъ къ Перовымъ, боясь, что мужья снова вспомнятъ свои холостыя проказы и увлекутся старыми слабостями. Увлечься же было уже легко потому, что для этого увлеченія не ставилось никакихъ преградъ въ этомъ веселомъ семействѣ, куда входили почти безъ рекомендацій и гдѣ никого не удерживали насильно даже и въ такихъ экстренныхъ случаяхъ, какой произошелъ здѣсь однажды во время моего знакомства съ этой семьей.

Однажды я пришелъ въ домъ Перовыхъ и застаетъ семью въ большихъ хлопотахъ, чѣмъ когда-нибудь. Всѣ бѣгали и суетились.

Я спросилъ у Пашетъ, что произошло.

— У Маруси дѣвочка родилась, — отвѣтила Пашетъ. — Какая хорошенькая, просто прелесть!

— Да развѣ Маруся уже вернулась? Я думалъ, что она навсегда уѣхала...

— Да, она съ Орловскимъ на югъ ѣздила... Пріѣхала къ намъ уже передъ самыми родами.

— Что же вашъ батюшка говоритъ?

— Что же ему говорить? Хлопочетъ насчетъ кормилицы. Маруся не можетъ, бѣдняжка, сама кормить.

— Онъ огорченъ?

— Да, немного. Онъ думалъ, что хоть одинъ мальчикъ у него будетъ,—отвѣтила Пашетъ.

— Только этимъ?—воскликнулъ я.

— А то чѣмъ же? Вѣдь нельзя же, чтобы никогда не было дѣтей. Маруся не какая-нибудь старая дѣва.

Черезъ минуту явился запыхавшійся Перовъ.

— Досталъ, досталъ... въ воспитательномъ домѣ досталъ,— заговорилъ онъ, обращаясь къ Пашетъ. — А и вы здѣсь, — сказалъ онъ мнѣ, пожимая мнѣ руку.—Слышали: опять дѣвочка! Это ужъ, вѣрно, фамильное у насъ, что всѣ Перовы непремѣнно должны быть дѣвочками.

— Кромѣ васъ,—улыбнулся я.

— Ха-ха-ха! вотъ что выдумалъ, шутникъ! Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь родился же я мужчиной, а вотъ теперь всѣ дѣвочки... Это анекдотъ! Разсказывать всѣмъ буду... Перовы всѣ дѣвочки, кромѣ меня... Ха-ха-ха! А кормилица отличная, черноволосая, знаете,—перемѣнилъ онъ разговоръ: — взглядъ такой задумчивый, точно у барыни. Я и кокошникъ вотъ купилъ малиновый съ золотомъ. Это ей будетъ къ лицу. Малиновый сарафанъ, бусы тамъ цвѣтныя, кисейная рубашка... Вотъ-то, какъ выйдетъ съ Оленькой на Невскій, всѣ станутъ спрашивать: «чья?»... А, это внучка Перова, скажутъ... Вотъ помяните мое слово, всѣ будутъ знать, что это моя внучка.

«Да,—подумалъ я:—это, дѣйствительно, un bon enfant».

Но... все измѣняется на свѣтѣ, все проходитъ... Вотъ вы видѣли сегодня, что Дашурка Перова расплываться стала, и слышали мое предположеніе о томъ, что она копитъ теперь деньги,—и я долженъ вамъ сказать, что я имѣю основаніе для такого предположенія...

Какъ-то разъ я встрѣтилъ Перова на улицѣ. Онъ посѣдѣлъ, сталъ солиднѣе, выглядѣлъ важнѣе и серьезнѣе.

— А вы слышали, я бенефисъ выхлопоталъ за двадцатипятилѣтнюю службу, — объявилъ мнѣ тотчасъ же онъ, никогда

прежде не говорившій о деньгахъ.—Нужно будетъ закатить афишу въ простыню длиною, чтобы сборъ былъ получше, теперь времена тяжелыя, все дорожаетъ.

Онъ заботился уже о деньгахъ, у него уже былъ «вопросъ» о тяжелыхъ временахъ, онъ уже зналъ цѣну вещамъ!

— Кто это съ вами?—спросилъ я, указывая на крошечную дѣвочку, шедшую съ нимъ.

— Внучка, внучка,—отвѣтилъ онъ.—Третья дочь Маруси—Катя... Мы еще совсѣмъ маленькій человѣкъ, едва говорить начинаемъ.... Ну, Катюша, скажи дядѣ про курочку,—обратился онъ къ ребенку.

Дѣвочка медленно подняла на меня большіе черные глаза и серьезно, неторопливо и нараспѣвъ проговорила:

— Ку-ло-чка по зел-ну-шку клю-етъ и сита би-ваетъ...

— Только еще и знаемъ, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады,—пояснилъ мнѣ Перовъ.

— Да, это уже былъ не прежній «bon enfant»,—вздохнулъ Клименко:—времена, времена, батенька, другія!.

VIII.

«Кукушка новой формаціи».

Мы говорили про войну...

Сербско-турецкая война была въ самомъ разгарѣ, и потому военные слухи, толки о перевязочныхъ и санитарныхъ средствахъ, разсказы о дѣятельности славянскаго комитета были самою подходящею темою для салонной болтовни. Кружокъ гостей шумѣлъ и спорилъ, когда въ залу вошла, стройная и высокая красавица, съ вьющимися волосами, съ нѣжнымъ розовымъ личикомъ, одѣтая въ черное шелковое платье. Это было лицо ребенка-дѣвушки, ангела съ рафаэлевской картины, и трудно было сказать, сколько лѣтъ этой женщинѣ. Годы не оставляли, повидимому, никакихъ слѣдовъ на этомъ лицѣ, и я счелъ бы ее за очень молоденькую женщину, если бы злодѣй Клименко не успѣлъ мнѣ шепнуть:

— Какова бабенка! Тридцать семь лѣтъ, а все еще ребенкомъ смотритъ.

— Да вотъ, господа, самый компетентный человѣкъ въ вопросѣ о врачебномъ устройствѣ во время войны,—промолвила хозяйка дома, указывая на молодую женщину.—Варвара Павловна Громецкая была сестрой милосердія во время франко-прусской войны...

— Вы—сестра милосердія?—съ изумленіемъ воскликнулъ кто-то, окинувъ глазами эту нѣжную, изящную фигуру съ крошечными ручками, съ выхоленнымъ личикомъ.

— Да, я ходила за больными во Франціи, когда Гамбетта старался спасти отъ позора свою родину,—мелодичнымъ и сладкимъ голосомъ, напоминавшимъ дѣтскій лепетъ, проговорила Варвара Павловна и скромно опустила на глаза свои длинныя рѣсницы.

— Вотъ трудно бы повѣрить, чтобы вы могли выдержать сцены въ больницахъ,—раздалось чье-то замѣчаніе.

— Онъ просилъ меня позаботиться о больныхъ,—послышался нѣжный голосъ Громецкой.

— То-есть кто это васъ просилъ?

— Гамбетта.

— А вы его знали? Какъ вы познакомились съ нимъ?—послышались вопросы.

Варвара Павловна вздохнула.

— Я долго жила въ Парижѣ... Моему сыну нужно было пользоваться тамъ совѣтами докторовъ... Это было въ шестидесятыхъ годахъ, а въ то время Гамбетта впервые бросилъ смѣло перчатку въ лицо гнусному правительству Наполеона III. Я тогда же и увидала великаго оратора и великаго патріота, передъ которымъ нельзя было не преклониться.

Клименко прищурилъ глаза и спросилъ у Варвары Павловны.

— Я, кажется, видѣлъ у васъ локонъ его волосъ?

— Да, я храню эту святыню,—отвѣтила она такъ же дѣтски и просто ласково.—Онъ срѣзалъ этотъ локонъ въ тотъ самый день, когда онъ произнесъ свое знаменитое: «Вы не осмѣлитесь праздновать второе декабря, какъ годовщину національнаго торжества, потому что это годовщина убійства».

— Каждый разъ перевретъ!—шепнулъ мнѣ Клименко.

— Да, это были великія слова,—сказалъ онъ вслухъ.

— Вы были тогда въ засѣданіи?..

— Да, да, я не помнила себя, я бросилась при входѣ Гамбетты къ нему и припала къ его рукѣ... Это, можетъ-быть, было ребячество, дѣтское увлеченіе, безуміе, но я не стыжусь великихъ порывовъ юности!.. «Кто не былъ безумнымъ, тотъ никогда не будетъ честнымъ человѣкомъ»,—сказалъ Берне...

— И опять-таки вретъ!—цинично шепталъ мнѣ Клименко.

— И кто могъ ожидать отъ него такой рѣчи еще наканунѣ, когда мы всѣ упрекали его, что онъ губитъ себя

среди богемы, въ пустыхъ разговорахъ, въ мелкихъ кафе, въ лѣнивомъ прожиганіи жизни. Мы всѣ, конечно, чувствовали, что это геній, что это великая душа, но чего-то недоставало еще ему, чтобы сказаться, чтобъ выступить въ полномъ блескѣ передъ обществомъ...

— Я думаю, нужно было женское вліяніе,—замѣтилъ съ лукавой усмѣшкой Клименко.

— Да... можетъ-быть,—скромно проговорила Варвара Павловна, снова опустивъ свои прекрасныя рѣсницы.—Его до этого времени окружали слишкомъ мелкія женщины, бѣдныя грязетки, умѣющія только отдаваться любимому человѣку, онѣ не умѣли его вдохновить, не умѣли его понять... Ему нужна была подруга-энтузіастка, беззавѣтная натура, развитая личность.

— И пойдетъ, и пойдетъ писать на цѣлый вечеръ,—прошепталъ мнѣ Клименко:—потому что женщиной, сдѣлавшей Гамбетту, она считаетъ себя...

— Да что она съ нимъ точно была близка?—спросилъ я.

— Можетъ-быть, мимоходомъ и онъ ее обласкалъ,—цинично проговорилъ Клименко.

Чрезъ нѣсколько минутъ я слышалъ, какъ Громецкая говорила со слезами въ голосѣ:

— Нѣтъ, вы представьте себѣ, что я нашла ее, почти еще дѣвочку, на чердакѣ, обольщенную, брошенную, голодную, съ ребенкомъ...

Начала разсказа я не слыхалъ.

— Она готова была уже къ самоубійству, потому что другого исхода не было,—продолжала въ волненіи Громецкая.—Мнѣ удалось немного ее успокоить, кое-чѣмъ помочь ей. Но много ли я могу дать? Теперь нужно будетъ собрать ей хоть что-нибудь, чтобъ пріѣдетъ ее, отправить изъ Петербурга съ ребенкомъ... Вѣдь нельзя же такъ оставлять людей на гибель!..

— А вы бы концертъ устроили въ ея пользу,—вмѣшался въ разговоръ Клименко.

— Теперь плохое время для концертовъ,—вздохнула Громецкая.

— Ужъ все равно обирать-то народъ, такъ ужъ лучше съ музыкой,—тихо пробормоталъ мнѣ онъ и, взявъ меня подъ руку, сказалъ:—Пойдемте, а то еще стянетъ что-нибудь и съ насъ въ пользу этой дѣвушки съ ребенкомъ...

— Но отчего же и не дать, если...—началъ я.

Клименко остановился и вытаращилъ на меня изумленные глаза.

— Да вы съ луны, что ли, свалились, что не знаете, на кого собираетъ Варвара Павловна Громецкая?

— На кого же?— спросилъ я.

— Да все на ту же Варвару Павловну Громецкую.

— Полноте!

— Да могу же васъ увѣрить. Она и благотворительные концерты устраиваетъ въ свою пользу, и филантропическія лотереи разыгрываетъ для себя, и добровольныя пожертвованія собираетъ для своей особы... Ахъ, только все не въ прокъ, потому что кукушка не вьетъ себѣ гнѣзда... Это вѣдь кукушка новой формаціи. Пойдемте подальше, я вамъ до чаю разскажу ея исторію, или лучше сказать, эпизоды изъ ея исторіи.

Мы удалились въ угловой кабинетъ хозяина.

Въ 1868 году, въ то самое время, когда Гамбетта такъ очаровалъ Варвару Павловну своей любовью къ отчизнѣ, я проѣзжалъ, однажды, черезъ одну изъ деревушекъ около Парижа и случайно разговорился съ хозяиномъ кузницы, гдѣ мнѣ пришлось остановиться, чтобъ подковать лошадь, потерявшую подкову.

— Вы иностранецъ?—спросилъ меня кузнецъ.

— Да, русскій,—отвѣтилъ я.

— А! У васъ здѣсь есть соотечественникъ,—проговорилъ онъ.—Вонъ этотъ мальчуганъ тоже русскій.

Кузнецъ указалъ мнѣ на грязнаго, оборваннаго, черноволосаго мальчугана, лѣтъ девяти, игравшаго съ дѣтьми на пыльной деревенской улицѣ.

— У тетушки Жиго воспитуется,—пояснилъ кузнецъ.— Привезла его сюда грудным какая-то барыня и бросила. Сначала хорошо платили, а теперь что-то тетушка Жиго все жалуется. Затягиваютъ деньги.

Я подошелъ къ мальчугану. Несмотря на неуклюжій костюмъ, на грязное тѣло, онъ былъ строенъ, хорошъ собою и носилъ на себѣ слѣды южнаго типа. Я заговорилъ съ нимъ; онъ дико посмотрѣлъ на меня и отвѣчалъ односложно, на плохомъ французскомъ народномъ языкѣ. Кто онъ, кто его отецъ, кто его мать—онъ не могъ сказать мнѣ этого. Онъ зналъ только, что онъ «козакъ»,—такъ называли его въ деревнѣ. Минутъ черезъ пять лошадь моя была подкована, и я снова ѣхалъ въ Парижъ.

Черезъ нѣсколько дней, сидя въ кафе на Итальянскомъ бульварѣ, я встрѣтилъ знакомаго мнѣ русскаго профессора изъ Кіева. Это былъ сынъ одного изъ богатыхъ одесскихъ торговцевъ грековъ. Онъ не пошелъ по стопамъ отца и сдѣлался ученымъ. Влеченіе къ наукѣ обошлось ему не дешево. Отецъ разсердился на сына и лишилъ его помощи. Юношѣ пришлось порядочно побѣдствовать, прежде чѣмъ онъ получилъ каѳедру въ университетѣ. Мы обрадовались случайной встрѣчѣ.

— Какъ это вы попали въ такое время въ Парижъ?— спросилъ я его.

— Обстоятельства такія вышли,—вздохнулъ онъ, наморщивъ брови.—Грѣшки молодости отозвались...

— Исторія не для постороннихъ слушателей,—замѣтилъ я.

— Нѣтъ, я даже очень радъ подѣлиться ею съ вами. Она у меня лежитъ камнемъ на сердце. Совѣсть не могу успокоить. Мнѣ нужно, чтобъ кто-нибудь сказалъ мнѣ, что я въ этой исторіи былъ... не совсѣмъ подлецомъ.

Его лицо приняло грустное выраженіе.

— Вспомните, когда я поступилъ въ университетъ?—спросилъ онъ.

— Конечно. На васъ всѣ указывали тогда, какъ на Креза II,—сказалъ я.

— Да,—вздохнулъ онъ.—Къ сожалѣнію, люди не знали, что Крезъ I лишилъ уже престола своего сына. Въ качествѣ будущаго Креза II я былъ очень счастливъ въ друзьяхъ и въ подругахъ.

— Ну, вторыя могли увлекаться вами и помимо вашего богатства! Вы были тогда красавцемъ...

— Къ несчастью та, которая болѣе всего увлекалась мною, едва ли любила меня за мою красоту и за мои нравственныя или умственныя достоинства. Она видѣла во мнѣ будущаго милліонера и только. Разумѣется, я этого и не подозрѣвалъ и отдался ей всей душою... Она была хороша собой, нѣжна, добродушна, а я былъ такъ молодъ...

— Варвара Павловна Громецкая?

— Тогда она называла себя Варварой Павловной Жихаревой...

— Развѣ она была два раза замужемъ?

— Она разъ только была замужемъ, но не за Жихаревымъ и не за Громецкимъ, а за Розановымъ, который живъ и теперь. Она носила фантастическія фамиліи, какъ носитъ фантастическіе наряды во время маскарада,—съ презрѣніемъ проговорилъ онъ.—Вотъ эта-то женщина свела меня съ

собою... Иначе я не умѣю выразить того положенія, въ которое она поставила меня. Я не ухаживалъ за нею, я не признавался ей въ любви, я не давалъ ей клятвъ, я просто увидалъ въ одинъ прекрасный день у своихъ ногъ рыдающую прекрасную и молодую женщину, шептавшую мнѣ: «О, если бы ты зналъ, какъ я несчастна!»—и отдался этой женщинѣ, надѣясь если не сдѣлать ее счастливой, то заставить ее забыть несчастія. Я не сходилъ съ ума отъ любви къ ней, но и не былъ холоденъ къ ней, и моя спокойная, ровная привязанность могла бы продлиться долго. Эта привязанность была слѣдствіемъ сожалѣнія къ безпомощной молодой женщинѣ, которую выдали насильно замужъ на семнадцатомъ году за старика, подагрика и пьяницу, жившаго среди гарема въ своемъ помѣстьи, и которую потомъ соблазнилъ молодой красавчикъ-гусаръ, увезшій ее отъ ненавистнаго мужа и бросившій безъ куска хлѣба въ Петербургѣ. Эта привязанность къ страдающей женщинѣ должна была окрѣпнуть во мнѣ еще сильнѣе, когда я увидѣлъ, что эта женщина скоро будетъ матерью моего ребенка. Но случилось не такъ. Въ семь-восемь мѣсяцевъ нашей любви Варвара Павловна узнала, что я лишенъ отцомъ всякой поддержки, что я въ сущности нищій. Она попробовала уговорить меня отказаться отъ карьеры ученаго и сойтись съ отцомъ. Я отказался наотрѣзъ исполнить это. Тогда она попыталась тайкомъ отъ меня написать трогательное письмо моему отцу и получила отвѣтъ, что онъ не имѣетъ привычки содержать любовницъ своихъ дѣтей, имѣя обыкновеніе содержать только своихъ собственныхъ любовницъ. Тогда Варвара Павловна начала прибѣгать къ другимъ средствамъ: она начала собирать деньги на мнимыхъ бѣдняковъ, пряча эти подаянія въ свой карманъ, она стала жаловаться на то, что я обольстилъ ее и хочу бросить, она стала говорить, что ей грозитъ нищета.

У насъ родился въ это время сынъ, а черезъ нѣсколько недѣлъ я нашелъ у себя письмо Варвары Павловны, гдѣ она говорила, что она не обвиняетъ меня за то, что я, полюбивъ, обманулъ ее насчетъ своихъ денежныхъ средствъ, что она пойдетъ хоть въ каторжную работу для прокормленія нашего ребенка, что она нанялась въ компаніонки, чтобы воспитать его, что она уѣзжаетъ за границу, гдѣ онъ будетъ воспитываться около нея, что, наконецъ, жить со мною она не можетъ долѣе потому, что плодить нищихъ безнравственно и преступно. Письмо заключалось воплями,

слезами и десяткомъ восклицаній: «прости, мой дорогой, прости, мой любимый!» Я растерялся при полученіи этого письма, гдѣ было столько любви ко мнѣ и моему ребенку; гдѣ было столько возвышенныхъ фразъ объ обязанности пожертвовать личнымъ счастьемъ для счастья ребенка и о преступности наслаждаться любовью, плодя нищихъ. Я повѣрилъ всему и былъ радъ, когда отъ времени до времени Варвара Павловна присылала мнѣ письма, жалуясь на недостаточность получаемаго ею жалованья: я отрывалъ отъ себя послѣднія заработанныя деньги и высылалъ ихъ ей. Потомъ я узналъ, что она жила въ это время въ Швейцаріи на содержаніи у стараго генерала Дмитріева, а мой сынъ былъ гдѣ-то брошенъ... Такъ прошло три года. Я выбился на дорогу, отецъ примирился со мною, когда я получилъ золотую медаль, и я сдѣлался не бѣднымъ человѣкомъ.

Теперь я могъ бы снова сойтись съ Варварой Павловной, не боясь наплодить нищихъ, но Варвара Павловна давно уже представилась мнѣ въ настоящемъ свѣтѣ: я узналъ, что старый мужъ, подагракъ и пьяница, былъ плодомъ ея пылкой фантазіи и что въ дѣйствительности господинъ Розановъ былъ очень скромнымъ и далеко не старымъ провинціальнымъ чиновникомъ; я узналъ, что гусаръ, увезшій ее отъ мужа, бросилъ ее точно такъ же, какъ и я, то-есть, она сама ушла отъ него, когда увидала, что онъ не можетъ ее содержать прилично, одѣвать въ шелкъ, охранять отъ труда и позволять ей сорить деньгами безъ разбору направо и налѣво. Но главное, что меня поразило, такъ это то, что у господина Розанова Варвара Павловна бросила своего первенца и что отъ гусарскаго корнета у нея было двѣ дочери, неизвѣстно куда заброшенныя ею. Мнѣ стало страшно за участь моего ребенка и я вступилъ въ серьезную переписку съ Варварой Павловной по этому поводу. Она на всѣ мои обвиненія отвѣчала, что я клевещу на нее, что я хочу отдѣлаться отъ нея, сдѣлавшись богатымъ, что я пользуюсь тѣмъ, что она не имѣетъ права требовать моей женитьбы на ней, что она не отдастъ мнѣ сына, единственнаго ея утѣшенія, что она скорѣе пойдетъ съ нимъ просить милостыню, говоря всѣмъ, что она просить подаянія для сына русскаго богача. Я не имѣлъ никакихъ законныхъ правъ отнять у нея своего ребенка. Я попробовалъ съѣздить за границу, чтобы выкупить свое дитя, но я засталъ Варвару Павловну одну. Она встрѣтила меня словами: «Я васъ ждала! Я угадала чутьемъ изъ вашего письма, что вы при-

ѣдете отнять мое дитя! Но вы его не найдете!» Я предлагалъ выкупъ—она возмущалась, она рыдала, она называла меня варваромъ, готовымъ втоптать въ грязь беззащитную женщину... Ей было выгоднѣе получать по двѣ, по три тысячи въ годъ, чѣмъ получить единовременно десять-пятнадцать тысячъ... Такъ прошло девять лѣтъ... Теперь я снова пріѣхалъ сюда, чтобы попытаться спасти нашего ребенка... Случайно я узналъ, что онъ совершенно брошенъ матерью гдѣ-то около Парижа...

— Я, должно-быть, видѣлъ вашего сына, я могу вамъ указать, гдѣ онъ,—сказалъ я, вспомнивъ о маленькомъ «козакѣ».

— Теперь и я знаю, гдѣ онъ,—сказалъ мой собесѣдникъ.—Онъ живетъ теперь уже у Варвары Павловны, которая хочетъ его везти въ Петербургъ, чтобы начать его образованіе... Я сдѣлалъ условіе: она привезетъ его въ Петербургъ и отдастъ въ пансіонъ, за это я буду платить ей двѣ съ половиною тысячи въ годъ. Если она не согласится на это, я прекращу всякія помощи ей. Я говорилъ такъ серьезно, что она согласилась на мои условія... Теперь, можетъ-быть, онъ будетъ счастливѣе... Но спокойнымъ я, все-таки, не могу быть, и что-то внутри меня говоритъ, что нужно бы поступить иначе...

— Но какъ же поступить иначе?—замѣтилъ я.—Она имѣетъ право не отдавать вамъ ребенка, она, какъ вы сказали, не хочетъ продать вамъ его, что-жъ тутъ подѣлать?

— Почему я знаю?—хмуро проговорилъ онъ.—Убить ее, что ли... мало ли что можно сдѣлать...

Я не на шутку испугался мрачнаго тона моего собесѣдника.

— Я вотъ щажу ее,—въ раздумьи промолвилъ онъ:—а развѣ она щадила, развѣ она будетъ щадить его?.. Вотъ и теперь она отложила свой отъѣздъ въ Россію... Почему?.. Развѣ я знаю...

Варвара Павловна въ это время вертѣлась въ кружкѣ, гдѣ вращался иногда и Гамбетта, и говорила всѣмъ и каждому, что она благотворно вліяетъ на будущаго великаго человѣка. Можетъ-быть, Гамбетта даже и не видалъ ея, даже и не зналъ о ея существованіи, но она уже носилась съ новою исторіею своего сердечнаго романа, разыгрывая роль какой-то вдохновительницы генія. Воображеніе Варвары Павловны не имѣло предѣловъ, и мнѣ кажется, что эта женщина никогда не лгала: она почти постоянно разсказывала то, чего никогда не было, но лгать—нѣтъ, она не умѣла лгать. Въ сущности, это была очень ограниченная

женщина по уму. Плохое пансіонское образованіе, крайне развитое при помощи романовъ воображеніе, крайняя избалованность вслѣдствіе красоты, удивительная способность увлекаться на время всѣмъ и красотой мужчины, и краснорѣчіемъ оратора, и нищетою горемыки, и собственными фантазіями, вотъ тѣ элементы, изъ которыхъ сложился характеръ Варвары Павловны. Она сама вѣрила тому, что ея мужъ и ея любовники притѣсняли, обманывали ее. Она никогда не сознавала, что она обираетъ ихъ, потому что деньги уплывали изъ рукъ, какъ вода, на наряды, на извозчиковъ, на бѣдняковъ, безъ цѣли и смысла, и она всегда нуждалась. Она часто плакала и жаловалась, но чисто подѣтски, утѣшаясь первою ласкою, а ее ласкали очень охотно тѣ, кого поражала ея замѣчательная красота. Обыкновенно ея связь съ мужчиною съ того и начиналась, что онъ выслушивалъ ея жалобы, утѣшалъ ее, бранилъ своего безсердечнаго предшественника и этимъ подливалъ масла въ огонь, такъ что Варвара Павловна, въ концѣ концовъ, считала себя мученицей, перенесшей страшныя страданія. Она отдыхала отъ этихъ страданій въ новыхъ объятіяхъ до тѣхъ поръ, покуда и новый любовникъ не оказывался почему-нибудь извергомъ. Въ это время ея парижской жизни около нея собирался кружокъ молодежи, она являлась на публичныя засѣданія разныхъ собраній, она присутствовала на сходкахъ рабочихъ, она являлась въ Елисейскихъ поляхъ, и всюду и вездѣ за нею тянулся цѣлый хвостъ поклонниковъ. «La belle russe» была модною игрушкою парижанъ. Но еще болѣе вошла она въ моду тогда, когда съ нею появился впервые на гуляньи красавецъ мальчикъ съ черными кудрями, съ загорѣлыми щеками, съ блестящими черными глазами, смотрѣвшій волченкомъ и одѣтый въ черный бархатъ. «Дитя любви!» «Несчастный сынъ злодѣя отца!» «Ребенокъ, украденный и, наконецъ, найденный несчастной матерью!» все это было такъ интересно, романично, трогательно для пылкихъ парижанъ, и ребенку тащили конфеты, бонбоньерки, а матери-красавицѣ жали многозначительно руку, моля ее взглядами дать хоть одинъ часъ таинственнаго свиданія. Ребенокъ дичился, а мать со слезами на глазахъ благодарила друзей за участіе и подавала имъ надежду на успѣхъ...

— Жаль, что вы никогда не видали, какъ плачетъ Варвара Павловна, — замѣтилъ Клименко.

— А что?—спросилъ я.

— Пожалуй, тоже отцомъ бы сдѣлались,—усмѣхнулся онъ.

— Какъ твоя фамилія.

— Николинъ.

— А твоей матери какъ фамилія?

— Громецкая.

— А какъ по фамиліи твой отецъ?

Мальчикъ широко открывалъ глаза, глядя на своихъ пансіонскихъ товарищей, окружавшихъ его, и не зналъ, что имъ отвѣчать. Онъ не зналъ фамиліи своего отца.

— Господа вы знаете, кто мать Николина?

— Нѣтъ.

— Она кокотка! Это вчера моя maman говорила. Она думала, что я не слышу, а я все слышалъ. «У нея было десять мужей»,—говорила она.

— Николинъ, Николинъ, правда, что у твоей матери было десять мужей?

Мальчикъ опять широко открывалъ глаза, смотря на своихъ пансіонскихъ товарищей: онъ не зналъ, сколько мужей было у его матери, и вообще не зналъ, были ли у нея мужья.

Ему было уже пятнадцать лѣтъ: онъ уже былъ въ одномъ изъ старшихъ классовъ моднаго петербургскаго пансіона, онъ уже читалъ не дѣтскія книги, онъ уже задумывался о многомъ.

— Мама, я что-то хочу тебя спросить,—сказалъ онъ, однажды, возвратившись домой изъ пансіона.

— Что, Жоржъ?—спросила мать.

— Что значитъ кокотка?

— Вотъ вопросъ!.. Тебѣ это зачѣмъ знать? Тебѣ ушопки надо надрать за это!—смѣялась мать.

— Мнѣ мама нужно знать!—настаивалъ нетерпѣливо сынъ, и его нервныя ноздри начинали уже раздуваться.

— Нужно?.. Ну, хорошо, я скажу... Это падшая женщина, погибшая, дурная...

Мальчикъ блѣднѣлъ и гнѣвно стискивалъ зубы.

— Что съ тобою?—спрашивала мать.

— Ничего! Я такъ и думалъ!..

Черезъ нѣсколько времени онъ опять спрашивалъ у матери:

— Мама, можетъ быть у кого-нибудь десять мужей?

— Что за глупости ты спрашиваешь?—пожимала плечами мать.

— Нѣтъ, ты скажи: можетъ ли быть у кого-нибудь десять мужей? Я тебя серьезно спрашиваю.

И мальчикъ нетерпѣливо барабанилъ пальцами по столу.

— Конечно, нѣтъ!—отвѣчала мать.

Ее поражали эти странные вопросы, какъ поражалъ иногда и характеръ сына. Мальчикъ былъ горячъ, строптивъ, вспыльчивъ, и въ то же время иногда онъ вдругъ становился мрачнымъ, скучалъ, плакалъ. Онъ то ласкалъ мать съ страстною порывистостью, то вдругъ становился холоднымъ съ нею и вспоминалъ съ тоскою о «mère Gigot». Иногда онъ рѣзвился, какъ ребенокъ, какъ уличный мальчишка, порою же онъ становился сдержаннымъ и серьезнымъ не по лѣтамъ и сидѣлъ около взрослыхъ или углублялся въ чтеніе. Его вспыльчивость, его нетерпѣливая рѣзкость и настойчивость часто доходили до крайнихъ предѣловъ, но зато бывали и такія минуты, когда онъ вдругъ падалъ духомъ, ослабѣвалъ, казался хилымъ и слабымъ. Вообще, онъ напоминалъ дикаго львенка, попавшаго въ клѣтку, которую онъ то хотѣлъ изломать однимъ взмахомъ своей лапы, то считалъ настолько крѣпкою, что забивался тоскливо въ ея уголъ, безъ надежды вырваться изъ нея. Сглаживать эти рѣзкости, подмѣчать эти странности было некому: Варвара Павловна порхала по гостиннымъ, хлопотала о какихъ-то бѣднякахъ, засѣдала въ благотворительныхъ обществахъ и при встрѣчахъ съ сыномъ только осыпала его безчисленными поцѣлуями, гостинцами и подарками; его отецъ видѣлся съ нимъ рѣдко, живя въ Кіевѣ, и, не рѣшаясь назваться его отцомъ, велъ себя съ нимъ сдержанно, какъ добрый знакомый, какъ опекунъ; въ модномъ пансіонѣ воспитательная часть была въ полномъ пренебреженіи, и такъ какъ мальчикъ учился хорошо, то никто и не обращалъ вниманія на его странности. Только товарищи знали, что за характеръ былъ у Юрія Николина, и стали сторониться отъ него и за этотъ характеръ, и за то, что онъ сынъ «кокотки». Но чѣмъ болѣе сторонились отъ него его товарищи, тѣмъ задумчивѣе и сосредоточеннѣе становился онъ, просиживая иногда по цѣлымъ часамъ въ одномъ положеніи, облокотясь на столъ и стиснувъ свою курчавую голову обѣими руками, какъ-будто эта голова готова была треснуть отъ думъ. Однажды послѣ такого прилива тяжелыхъ впечатлѣній онъ, блѣдный и мрачный, отправился къ своей матери.

— Мама,—обратился онъ къ ней дрожащимъ голосомъ:—разскажи мнѣ свою жизнь.

Варвара Павловна съ испугомъ взглянула на него. На немъ лица не было.

— Что за фантазія!—прошептала она въ смущеніи.

— Разскажи, или я не могу жить,—прошепталъ онъ глухо, но твердо на своемъ своеобразномъ языкѣ.

Она заплакала: она поняла все.

— Жоржъ, Жоржъ, ты видишь меня всегда доброй, дѣятельной, заботящеюся о другихъ—это потому, что мнѣ нужно забыть о себѣ, о своихъ несчастіяхъ, о своемъ прошломъ,—заговорила она въ волненіи.

И передъ мальчикомъ полилась горячая, страстная исповѣдь, полная безсознательной лжи и невольнаго обмана. Это былъ цѣлый потрясающій романъ, созданный въ минуту вдохновенія пылкимъ воображеніемъ самой героини этого романа. Ужасы смѣнялись ужасами, подвиги слѣдовали за подвигами и горячія слезы, и горькія рыданія дѣлали еще болѣе потрясающими всѣ эти мрачные эпизоды изъ исторіи мученичества женщины. Передъ юношей предсталъ образъ женщины-мученицы, поруганной, униженной, втоптанной въ грязь мужчинами. Передъ нимъ предсталъ образъ любящей женщины-матери, которая перенесла все, выбилась на дорогу, не потеряла бодрости, чтобы только жить для сына, чтобъ только воспитать его, чтобы только сдѣлать изъ него честнаго человѣка... Когда она кончила, онъ безмолвно упалъ къ ея ногамъ и безъ чувствъ прильнулъ головой къ ея колѣнямъ...

Онъ былъ довольно долго боленъ.

Когда онъ поднялся послѣ болѣзни и явился въ пансіонъ—его трудно было узнать. Онъ вытянулся, его физіономія, его взглядъ, его рѣчи приняли оттѣнокъ надменности и гордости, онъ гордился своей матерью, гордился любовью этой матери. Мечтатель, онъ воображалъ себя теперь средневѣковымъ рыцаремъ, который взялся защищать даму своего сердца. И чѣмъ нѣжнѣе была съ нимъ эта женщина, тѣмъ болѣе поднималась его прелестная голова, а для мягкости и нѣжности Варвары Павловны нѣтъ предѣловъ: она готова обнимать и цѣловать весь міръ, и не сразу приходитъ человѣку въ голову, что она такъ обнимаетъ и цѣлуетъ не его одного, а одинаково всѣхъ и каждаго, кого любитъ, къ кому относится равнодушно, съ кѣмъ враждуетъ. Менѣе всего могъ это замѣтить мальчикъ, являвшійся къ матери въ субботу вечеромъ и уходившій отъ нея въ воскресенье вечеромъ. Если бы онъ подмѣтилъ, что его мать такъ же, какъ его, обнимаетъ и цѣлуетъ еще кого-нибудь, онъ приревновалъ бы ее, онъ не вынесъ бы этого. Онъ любилъ ее теперь

страстно, безумно, какъ можетъ любить только пылкій по натурѣ юноша, росшій лѣтъ до семнадцати безъ родныхъ, безъ любви, безъ ласкъ, среди чужихъ.

Въ одинъ изъ первыхъ весеннихъ дней нынѣшняго года, когда выставились вездѣ вторыя рамы, когда все, что молодо и живо, наслаждалось природой, Жоржу пришлось разыграть роль защитника и охранителя чести этой женщины. Онъ сидѣлъ у открытаго окна въ своемъ пансіонѣ и смотрѣлъ, какъ играли на дворѣ младшіе воспитанники. Подъ окномъ сидѣла группа старшихъ пансіонеровъ изъ золотой молодежи, уже развращенныхъ, уже извѣдавшихъ всѣ прелести разгула, уже мечтавшихъ о полной свободѣ прожигать жизнь и проживать наслѣдственные, купленные потомъ, кровью и честью капиталы.

— Что ты говоришь мнѣ о Сюзеткѣ! Всѣ эти женщины слишкомъ легко достаются! За ними не нужно ухаживать! Тутъ любовь покупается и только! Это надоѣло, пріѣлось,— говорилъ одинъ юноша, нѣкто Юньенъ.

— Такъ ужъ не за замужними ли ухаживать?—замѣтилъ другой.

— Отъ чего же и нѣтъ?.. Впрочемъ, теперь много женщинъ, умѣющихъ дѣлать такъ, что за ними сперва нужно ухаживать, нужно испытать всѣ прелести не легко одерживаемой побѣды, прежде чѣмъ онѣ отдадутся. Это пикантно!.. Что дешево и легко достается, то не можетъ быть намъ дорого... Когда же побѣда достается не легко, она вдвое пріятнѣе... Эти барыни поняли это и ихъ благосклонность нельзя сравнить съ благосклонностью этой французской сволочи... Вотъ хоть бы Громецкая! Это чудо что за женщина, ни одна кокетка не сравняется съ ней по красотѣ, а между тѣмъ ея расположенія всегда можно добиться, но не за деньги, а при помощи ухаживанья... Конечно, деньги и она высосетъ, да это что! Не въ нихъ тутъ дѣло...

— Ну?

— Что, ну? Я это очень хорошо знаю! Теперь ее содержитъ мой братъ. Онъ безъ ума отъ нея. Но я далъ себѣ слово отбить ее у него, какъ только кончу курсъ. Онъ говорилъ мнѣ, что онъ никогда еще не встрѣчалъ женщины болѣе страстной и сумѣвшей сохранить въ себѣ что-то дѣтское, несмотря на годы. Онъ недавно заказалъ съ нея портретъ въ видѣ Евы. Она вѣдь пластична, какъ античная статуя.

Юноша началъ передавать подробности, слышанныя отъ

брата. Прошла минута и передъ группой разговаривающихъ появился безъ фуражки, взволнованный и блѣдный Николинъ. Онъ быстро подошелъ къ юношѣ, говорившему о его матери, и прежде чѣмъ тотъ опомнился, въ воздухѣ раздался звукъ пощечины.

— Ты лжешь, мерзавецъ!—крикнулъ Николинъ задыхающимся, хриплымъ голосомъ.

Оскорбленный юноша вскочилъ и напалъ на Жоржа, но тотъ уже душилъ его за горло. Юноша походилъ въ эту минуту на разъяреннаго дикаго звѣря. Ихъ съ трудомъ розняли и доложили директору заведенія, что Николинъ далъ пощечину старшему воспитаннику и хотѣлъ задушить послѣдняго.

— Отвести его въ карцеръ!—приказалъ директоръ.

Но приказаніе было легче отдать, чѣмъ исполнить. Жоржъ выбился изъ рукъ сторожа, захватилъ фуражку и убѣжалъ изъ пансіона съ намѣреніемъ никогда болѣе не возвращаться сюда.

Онъ быстро добѣжалъ до дому и тревожно позвонилъ у дверей. Ему открыла двери горничная.

— Мама дома?—спросилъ онъ.

— Дома-съ... Какъ это вы?... Откуда?..—въ смущеніи спросила она.

Онъ ничего не отвѣтилъ и только съ удивленіемъ взглянулъ на военную фуражку и военное пальто, находившіяся въ передней.

— У насъ кто-нибудь есть?—спросилъ онъ.

— Господинъ Юньевъ... у мамаши,—съ еще большимъ замѣшательствомъ отвѣтила горничная.

Жоржъ поблѣднѣлъ, его глаза блеснули какимъ-то зловѣщимъ огнемъ. Онъ торопливо прошелъ черезъ залу къ будуару матери и взялся за ручку двери. Дверь была заперта. За нею царствовала такая тишина, какая бываетъ, когда люди притаятся, боясь шевельнуться, чтобы не выдать своего присутствія.

— Мама, это я!—проговорилъ Жоржъ сорвавшимся голосомъ.

— А!.. Ты? Я занята... Потомъ...—послышался отвѣтъ Громецкой.

— Да отвори же... мнѣ тебя нужно,—еще болѣе глухо проговорилъ Жоржъ, нетерпѣливо и порывисто дергая ручку двери.

— Тебѣ говорятъ: потомъ... ступай...—послышался снова отвѣтъ.

— Такъ нельзя?.. нельзя?..—прохрипѣлъ Жоржъ, у котораго горло сжималось отъ спазмъ.

— Ты мѣшаешь,—еще разъ услышалъ онъ голосъ матери.

— Мѣшаю?.. я тебѣ мѣшаю!—съ трудомъ повторилъ онъ, чувствуя, что у него мутится въ глазахъ, что у него зубъ на зубъ не попадаетъ.

Онъ осмотрѣлся кругомъ, сунулъ руку въ карманъ: что-то попалось ему подъ руку, что-то щелкнуло, и черезъ минуту, заливаясь кровью, юноша упалъ во весь ростъ на скользкій паркетъ съ перерѣзаннымъ при помощи перочиннаго ножа горломъ.

Въ ту же минуту быстро отворилась дверь будуара, и на порогѣ появилась встревоженная, смущенная фигура раскраснѣвшейся Варвары Павловны, а за нею, поспѣшно застегивая форменный сюртукъ, стоялъ молодой гвардеецъ Юньевъ, весь еще сіявшій счастьемъ любовнаго свиданія.

Закрывшіеся глаза юноши уже не могли видѣть эту группу...

Мѣсяца два, три тому назадъ я встрѣтился снова съ Клименко.

— А вы слышали новость? Великая городская новость!—спросилъ онъ меня.

— Шевну взяли, что ли?—спросилъ я.

— Нѣтъ, это по гражданской части новость,—засмѣялся онъ.—Варвара Павловна Громецкая вышла замужъ.

— Развѣ Розановъ умеръ?

— Нѣтъ, онъ живъ! Но у него купили ее, заплатили за развод, за все... Говорятъ, тысячъ двадцать за товаръ заплатили... Старикъ Эсперовъ, эта православившаяся іерусалимская знаменитость биржи и промышленности, окончательно влюбился въ нее и сдѣлалъ ее своею законною супругою, открывъ передъ нею настежь двери въ аристократическіе салоны и великосвѣтскіе филантропическіе комитеты.

— Значитъ и кукушка рѣшилась свить гнѣздышко,—улыбнулся я.

— Да, только уже не для высиживанія и призрѣванія своихъ птенцовъ, а для того, чтобы застраховать лично себя отъ холодовъ и непогодъ приближающейся старости...

IX.

«Отецъ по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ».

На-дняхъ я зашелъ къ Клименко. Мнѣ хотѣлось услышать отъ него еще одинъ разсказъ. Я засталъ его дома. Онъ былъ противъ обыкновенія, хмуръ, разстроенъ и взволнованъ.

— Я пришелъ поэксплоатировать васъ,—замѣтилъ я, здороваясь съ нимъ.— Не разскажете ли еще чего-нибудь изъ своихъ воспоминаній объ «отцахъ».

— Вотъ далась вамъ интересная тема терзать отцовъ!— сердито сказалъ Клименко, пожимая мнѣ руку.—Отцы во всемъ виноваты! Ихъ обличать нужно!.. Да, позвольте васъ спросить, родной мой: что такое «отцы»? «Отцы»—это тоже «дѣти», только успѣвшіе отпустить бороду и усы. Вѣдь и ихъ въ свою очередь кто-нибудь да произвелъ же на свѣтъ и калѣчилъ въ дѣтствѣ, не спросивъ ихъ мнѣнія на этотъ счетъ... Или вы думаете, что отцы такъ съ неба и свалились во всей красотѣ своего непристойнаго вида?.. Нѣтъ-съ. Каждый изъ нихъ могъ бы отвѣтить то же на вопросъ о его характерѣ, привычкахъ и убѣжденіяхъ, что недавно вотъ отвѣтилъ на допросѣ въ судѣ одинъ обвиняемый при вопросѣ о вѣроисповѣданіи: «крестили, молъ, безъ моего вѣдома, православнымъ». Да-съ, каждаго отца и создалъ, и сформировалъ, и крестилъ въ ту или другую профессію, въ то или другое ремесло, какой-нибудь другой отецъ, не спрашивая совѣта крещаемаго... Хочу, дескать, чтобы ты, шельмецъ, былъ воромъ,—ну и будетъ!..

Клименко говорилъ сердито, сдвинувъ брови и глядя въ сторону.

— Но вѣдь вы сами взяли на себя въ этомъ дѣлѣ роль прокурора, — замѣтилъ я, удивляясь внезапной перемѣнѣ взглядовъ Клименко на отцовъ.—Вы сами винили во всемъ однихъ отцовъ...

— Мало ли что говорится!.. Ну да, отцы часто очень скверны, очень нелѣпы, да вѣдь нельзя же ихъ винить за это, принявъ во вниманіе то, что и они когда-то были въ свою очередь дѣтьми... А то на! взялъ человѣкъ, да и свалилъ всѣ грѣхи на спину одного поколѣнія...

— Я начинаю сильно бояться, что вы теперь обрушитесь всей силой своего гнѣва на дѣтей,—засмѣялся я.— Вы вѣдь любите парадоксы и, пожалуй, станете краснорѣчиво доказывать совсѣмъ противное тому, что дока-

лавали недавно... Это будетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, забавно...

— Ну, ну, выдумали что!—нетерпѣливо махнулъ рукою Клименко.—Никого я теперь не стану ни оправдывать, ни обвинять, потому что я не прокуроръ и потому что всѣ мы человѣки и всѣ хороши... ой, ой, ой, какъ хороши!..

— Вотъ то-то и скверно, что мы даже тогда, когда мы положительно никуда не годны и по нравственнымъ, и по физическимъ качествамъ, нерѣдко дѣлаемся отцами на гибель грядущихъ поколѣній,—резонировалъ я.

Клименко сердито посмотрѣлъ на меня.

— Да-съ, а если человѣкъ-то по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ вдругъ отцомъ сдѣлается?—проговорилъ онъ.—Что же и тогда онъ, по вашему, виноватъ?

Я невольно улыбнулся.

— По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ сдѣлается отцомъ? переспросилъ я.—Я этого не понимаю...

— Мало ли чего вы не понимаете,—проворчалъ Клименко.—Вонъ у меня былъ въ Кронштадтѣ одинъ знакомый морякъ-запивоха, такъ онъ какъ отцомъ сдѣлался: подпоили его на пирушкѣ, повела его гулять хозяйская дочь въ садъ, посадила его на скамеечку, прижала этакъ нѣжно къ нему головкой, а ея папаша съ мамашей тутъ какъ тутъ съ образомъ—и благословили! Проснулся мой пріятель поутру, ничего не помнитъ, а его сожитель-товарищъ поздравляетъ его съ невѣстой.—«Какъ? Съ какой невѣстой?»—«Да какъ же,—говоритъ пріятель, ты опозорилъ дѣвушку и тебя благословили на бракъ съ нею. Мы и шампанское пили на радостяхъ!» Заметался бѣдняга, туда и сюда, выхода нѣтъ: опозорилъ и конецъ весь. Ну, и женился... И вѣдь знаете, такъ до гробовой доски онъ и пилъ мертвую, додумываясь до разрѣшенія вопроса: опозорилъ ли онъ свою жену, когда она была дѣвушкой, или не опозорилъ...

Клименко комически вздохнулъ.

— Тоже отцомъ многочисленнаго семейства былъ!—жалобнымъ тономъ закончилъ онъ.

Я уже начиналъ узнавать въ немъ того Клименко, какимъ я привыкъ его видѣть: юмориста, шутника, немного циника.

— Ну, слава Богу, вы опять шутите, а я ужъ испугался, что съ вами случилось что-то недоброе,—сказалъ я.

— Шучу?—проговорилъ онъ, опять сдвигая брови.—Нѣтъ-съ, я вовсе не шучу! Не до шутокъ мнѣ теперь.

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Да что съ вами?—серьезно спросилъ я.

Онъ вдругъ остановился передо мною.

— А то-съ, что я самъ въ скоромъ времени сдѣлаюсь отцомъ!.. Вотъ что-съ со мною!..

— Вы? — воскликнулъ я и посмотрѣлъ пристально на Клименко.

Мнѣ показалось, что онъ бредитъ, что онъ помѣшался.

— Ну да, я! — мрачно проворчалъ онъ. — Чего на меня смотрите такими большими глазами? Не видали, что ли?.. Или узоры на мнѣ написаны?.. И кто бы могъ подумать!— бормоталъ онъ, волнуясь. — Ну, подурачились, пошутили и конецъ. Мало ли кто изъ насъ, холостежи, оставляетъ у этихъ модисточекъ, швеекъ, горничныхъ знаки своего расположенія. Все это въ порядкѣ вещей... Все это такъ и остается безъ послѣдствій. А она, изволите ли видѣть, полюбила меня! Она, изволите ли видѣть, была мнѣ вѣрна! Нечего сказать, удружила, обрадовала!.. А я-то, я-то слушалъ, какъ она разсказывала, что то поваръ за ней ухаживаетъ, то швейцаръ за нее сватается и фолишонничалъ, даже и не подозрѣвая, что это она такъ выдумываетъ, чтобъ я, изволите видѣть, ревновать ее сталъ... Ревновать! Ее-то!..

Я ничего не понималъ.

— Да о комъ вы говорите,— спросилъ.

— Да все о ней же, о моей камеръ-юнгферѣ, о моей домоправительницѣ, о моей Дульцинеѣ! — вздохнулъ Клименко.—Вы, я думаю, давно замѣтили, что мы амуничаемъ? Ну да, это такъ и было. Не могъ же я предположить, что она будетъ смотрѣть серьезно на эти отношенія, тѣмъ болѣе, что подобныя отношенія повторялись въ ея жизни не разъ и не два, и серьезно на нихъ не смотрѣли ни ея прежніе друзья, ни она сама...

Клименко походилъ еще по комнатѣ и вдругъ остановился передо мной.

— Нѣтъ, что вы станете дѣлать, — заговорилъ онъ: — у васъ, у холостяка, живетъ молоденькая горничная, швея, экономка или кухарка, она дѣлаетъ вамъ умильные глазки, она заигрываетъ съ вами локоткомъ, она оказывается опытнымъ человѣкомъ въ дѣлѣ легкихъ амуровъ, вы мимоходомъ щипнете ее за подбородокъ, треплете по щекѣ, даже этакъ ей слегка кулакомъ въ бокъ, однимъ словомъ, пошаливаете. Все идетъ заведеннымъ порядкомъ, чинъ-чиномъ,—и вдругъ въ одинъ прекрасный день—трахъ!—вы узнаете, что эта

горничная принимала ваши тычки и щипки въ серьезъ, рѣшилась принадлежать вамъ безраздѣльно «по гробъ» и приносить вамъ скоропѣлый плодъ своей любви и вѣрности?.. Войдите же теперь въ мое положеніе, поймите, что жениться на своей горничной я вовсе не намѣренъ; отдать ребенка въ воспитательный домъ было бы подло, да она и не согласилась бы на это, не согласилась бы на отдачу его въ чужія руки вообще, такъ какъ она уже теперь обожаетъ своего будущаго «барченочка»; воспитать его на рукахъ его глупой матери очень непріятно, такъ какъ это милое дитя въ будущемъ сдѣлается непремѣнно тираномъ своего отца, будетъ его bête noire, его enfant terrible, взять ребенка въ свои руки мнѣ, старому холостяку, жуиру, фланеру—нѣтъ-съ, ужъ за это покорно благодарю!

Клименко опять молча заходилъ по комнатѣ.

— Ну, скажите мнѣ на милость, чѣмъ я тутъ виноватъ?—спросилъ онъ, снова останавливаясь передо мною.— Вѣдь и я человѣкъ, какъ всѣ человѣки! Вѣдь не я первый, не я послѣдній пошаливаю! Да и она не первая и не послѣдняя изъ тѣхъ, которыя дѣлаютъ глазки и мнѣ, и вамъ, и дворнику, и городовому—и вдругъ!..

Онъ даже ногой топнулъ съ досады и зашагалъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, вы представьте себѣ, она еще радуется и съ такой блаженной улыбкой говоритъ мнѣ: «вотъ и папашей будете!..» Нечего сказать, осчастливила!

Клименко помолчалъ.

— Я ужъ и теперь вижу картину, —заговорилъ онъ: — какъ она станетъ пріучать этого пострѣла: «Скажи: папаса!» «Сдѣлай папасѣ ручку!» «Плюздлавь папасеньку съ плазникомъ!..» Это все меня-то утѣшать будутъ!.. И вѣдь избалуетъ она его, шельмеца, не на животъ, а на смерть!.. Она вонъ и теперь каждый день пастилу да конфеты ѣстъ.— «Зачѣмъ?» —спрашиваю.—«Это онъ, говоритъ, требуетъ. Извѣстно, не какой-нибудь простой ребенокъ, а барскій!» А? Какъ вамъ это нравится? Не простой ребенокъ, а барскій, такъ онъ уже въ утробѣ матери пастилы требуетъ!.. А что послѣ-то съ нимъ будетъ? Вѣдь она себя будетъ готова продать, только бы ему угодить да испортить его въ конецъ этими сластями, да поблажками... Ну, и вырастетъ мерзавцемъ, а я радуйся, любуясь на это дѣтище... Онъ гдѣ-нибудь, по своей дѣтской невинности, стекла каменьями вышибетъ,—а папаша заступайся за него и плати... Онъ,

по своей благородной натурѣ, гдѣ-нибудь у Марцинкевича дебошъ учинитъ, — а папаша выручай его въ мировомъ судѣ... Онъ, по своему нѣжному сердцу дворянскаго происхожденія, какой-нибудь горничной руку предложитъ,—а папаша благословляй свое нѣжное дѣтище съ его краснощекой Дульцинеей... Вы только представьте себѣ эту пару: онъ въ короткихъ, клѣтчатыхъ штанахъ гороховаго цвѣта, въ зеленомъ галстукѣ и коленкоровой манишкѣ и она въ шумящихъ накрахмаленныхъ коленкоровыхъ юбкахъ и въ голубой шляпѣ съ цвѣтами съ вербъ попадаются мнѣ на Невскомъ и бросаются къ ручкѣ къ папашѣ... Тьфу!

Я расхохотался надъ комическимъ паѳосомъ Клименко. Онъ посмотрѣлъ на меня и не выдержалъ, расхохотался тоже.

— Нечего сказать, попалъ въ кашу!— проговорилъ онъ.— Вотъ и ораторствуй тутъ противъ «отцовъ», когда у самого этакое дѣтище вырастетъ. И вѣдь если бы я могъ что-нибудь тутъ подѣлать, такъ нѣтъ, ее ужъ теперь ни на что не уговоришь. Отдать на воспитаніе —не отдастъ, воспитать его порядочно — не сумѣетъ, забыть, что онъ барченокъ— помилуйте, она его и теперь именно за то и любитъ, что онъ не какого-нибудь проходимца сынъ, а сынъ барина!.. Нѣтъ, я, кажется, въ Америку эмигрирую, чтобы никогда не встрѣчать эту лакейскую, холуйскую рожу, улыбающуюся мнѣ сыновнею улыбкою,—дамъ имъ денегъ, обезпечу ихъ и экспатрируюсь!..

Я смѣялся отъ всей души. Но Клименко вдругъ измѣнилъ тонъ и уже совсѣмъ серьезно замѣтилъ мнѣ:

— Да, да, веселый сюжетецъ, а у меня, знаете ли, иногда сжимается теперь сердце: не особенно пріятно будетъ мнѣ слышать, какъ этотъ холуй будетъ называть меня «папашей» и писать потомъ ко мнѣ безграмотныя, но умилительныя письма, но каково-то будетъ ему?.. Сдѣлаться отцомъ по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ плохо, но едва ли лучше сдѣлаться сыномъ по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ...

Онъ задумался и потеръ рукою лобъ.

— Значитъ, ваши разсказы объ отцахъ и дѣтяхъ кончены,—замѣтилъ я, спустя нѣсколько минутъ.

— Да, да, кончены, — отвѣтилъ въ раздумьи онъ, тревожно качая головой и вздыхая.

— А мнѣ такъ былъ нуженъ еще одинъ разсказъ,—промолвилъ я.

— Кто-жъ вамъ мѣшаетъ опубликовать мою исторію, —

невесело усмѣхнулся онъ.—Ужъ мнѣ теперь все равно придется быть комическимъ отцомъ, такъ и опоминайте впередъ объ этомъ общество. Пусть пальцами указываютъ. Кстати моя исторія можетъ послужить какъ разъ подходящимъ эпилогомъ къ моимъ повѣствованіямъ объ отцахъ и дѣтяхъ.

Я, какъ видитъ читатель, такъ и сдѣлалъ...

X.

Изъ записной книжки доктора Клименко.

Одинъ неаполитанецъ, по натурѣ простякъ и добрый малый, узналъ однажды, что умеръ папа. Это извѣстіе глубоко тронуло его. На слѣдующій день ему случайно разсказалъ кто-то, что неаполитанскій король только-что испустилъ послѣдній вздохъ. Новая печальная вѣсть совсѣмъ смутила бѣднаго малаго. Онъ пошелъ домой оплакивать смерть папы и короля, какъ вдругъ услыхалъ по дорогѣ, что кто-то говоритъ о внезапной кончинѣ палермскаго архіепископа. Этотъ послѣдній ударъ окончательно поразилъ простяка и онъ провелъ всю ночь въ слезахъ. «Должно-быть,—думалъ онъ,—наступаетъ кончина міра». Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы его горькія размышленія, если бы поутру ихъ не прерывалъ глухой шумъ, раздававшійся неподалеку отъ его жилища.—Что это за шумъ?—спросилъ онъ. Ему отвѣтили, что это его сосѣдъ приготовляетъ макароны.—Какъ,—воскликнулъ онъ,—папа умеръ, неаполитанскій король умеръ, палермскій архіепископъ умеръ, а люди еще дѣлаютъ свои макароны! Неужели же, несмотря на такія потери, въ мірѣ все должно идти по-старому, и люди должны попрежнему заботиться о своихъ макаронахъ!

Онъ задумался надъ этимъ вопросомъ и сдѣлался впослѣдствіи великимъ философомъ...

Я не знаю, къ какимъ философскимъ выводамъ пришелъ онъ, я не знаю даже его имени, такъ какъ исторія не вписала его въ число великихъ людей, но анекдотъ о немъ вспомнился мнѣ недавно и вотъ по какому поводу.

У меня былъ молодой другъ; мы очень любили другъ друга; мы не могли жить одинъ безъ другого; я сознавалъ, что я необходимъ для него. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ, весь сіяющій, весь радостный: онъ влюбился, онъ былъ любимъ, онъ намѣревался жениться. Конечно, онъ долженъ былъ подѣлиться своимъ счастіемъ прежде всего со мною,

конечно, именно я долженъ былъ взять на себя часть хлопотъ по свадьбѣ. Вѣдь я былъ его лучшимъ другомъ. Я былъ въ восторгѣ, что мнѣ пришлось ѣздить съ нимъ покупать мебель и подарки для невѣсты, заказывать офиціантамъ все необходимое для свадебнаго пира и торговаться съ попомъ, хлопотать о букетѣ для невѣсты и держать надъ своимъ другомъ вѣнецъ во время вѣнчанія. Содѣйствовать устройству счастія своихъ ближнихъ всегда отрадно. Послѣ свадьбы у молодыхъ былъ обѣдъ, и они объявили, что они удаляются на лѣто въ деревенскую глушь, чтобы быть совершенно однимъ. Они говорили это такъ весело, такъ радостно, что я подавилъ даже слабый вздохъ, готовый вырваться изъ моей груди, при извѣстіи о томъ, что мнѣ предстоитъ долгая разлука съ моимъ единственнымъ другомъ. «Не слѣдуетъ быть эгоистомъ,—думалось мнѣ.—Не брать же имъ, въ самомъ дѣлѣ, съ собою всѣхъ друзей въ деревню или не оставаться же имъ здѣсь ради того, что безъ нихъ будетъ скучно ихъ друзьямъ». Мы простились. Пошли дни, недѣли, мѣсяцы, а о моемъ другѣ не было ни слуху, ни духу. Я не обвинялъ его за то, что онъ мнѣ не пишетъ, не обвинялъ потому, что онъ въ первый же мѣсяцъ послѣ своего отъѣзда написалъ въ отвѣтъ на мое письмо: «Я счастливъ, счастливъ и счастливъ,—вотъ все, что я могу сказать тебѣ. Если бы я написалъ тебѣ сотню писемъ, то все содержаніе каждаго изъ нихъ заключалось бы только въ этихъ словахъ. Описывать счастье нельзя — его можно только переживать. Вотъ почему, мой добрый другъ, я не пишу тебѣ. Мнѣ нечего писать и некогда писать. Ты спросишь: что я дѣлаю,—я тебѣ отвѣчу: ровно ничего, но, тѣмъ не менѣе, мнѣ некогда взяться за перо. Счастіе поглощаетъ всего человѣка, отбиваетъ у него всѣ другіе помыслы, отнимаетъ у него все время. Чтобы понять это—нужно испытать это. О, какъ я былъ бы радъ, если бы ты влюбился, если бы тебя полюбили, если бы ты женился, если бы въ одинъ прекрасный день ты появился здѣсь со своей молодой женой. Да нѣтъ, ты не пріѣхалъ бы съ нею сюда, ты отыскалъ бы съ нею какую-нибудь такую глушь, гдѣ не было бы никого посторонняго, лишняго, гдѣ былъ бы только ты съ нею, гдѣ была бы только она съ тобою». Прочитавъ эти строки, я порадовался за своего друга и понялъ, что дѣйствительно было бы странно требовать отъ него писемъ. Я сѣлъ писать ему отвѣтъ, но, не кончивъ своего письма, я задумался: у него нѣтъ времени, нѣтъ возможности писать

мнѣ, но есть ли у него время читать мои письма, могутъ ли они теперь интересовать его, не смущаетъ ли его ихъ появленіе на его письменномъ столѣ, напоминая ему о томъ, что на письма все-таки нужно отвѣчать, наконецъ какой смыслъ имѣютъ письма, на которыя нѣтъ отвѣта, не являются ли они чѣмъ-то въ родѣ «самъ съ перчаткой разсуждалъ»? Я оставилъ перо и ушелъ гулять, не дописавъ начатаго письма. Съ этого дня моя переписка съ моимъ другомъ оборвалась. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а я ничего не зналъ о моемъ другѣ. Я уже начиналъ серьезно подумывать, гдѣ бы узнать о положеніи дорогого мнѣ человѣка, какъ вдругъ однажды поздней осенью, совершенно случайно, столкнулся съ нимъ на улицѣ. Я бросился къ нему съ распростертыми объятіями.

— Голубчикъ, вотъ-то неожиданная встрѣча! — воскликнулъ я.—Я думаю, гдѣ-то ты, что-то ты дѣлаешь, а ты въ Питерѣ!

— Да, да, въ прошломъ мѣсяцѣ пріѣхалъ, — отвѣчалъ онъ, цѣлуясь со мною.

— И не далъ мнѣ знать!—упрекнулъ я его.

— Мы еще не устроились, остановились у родственниковъ жены,—отвѣтилъ онъ.—И столько хлопотъ и заботъ.. Вы вѣдь, холостяки, этого не понимаете, а нашъ братъ, семьянинъ, голову теряетъ въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ нахожусь я.

— А что, развѣ что-нибудь случилось? - встревожился я.

— Да, жена въ такомъ положеніи, что нужно найти скорѣе удобную квартиру и поберечь ее, голубку, — отвѣтилъ онъ.—Я очень боюсь за нее, она у меня такая хрупкая...

Онъ вздохнулъ.

— Ты меня извини, я тороплюсь, — проговорилъ онъ. — Мнѣ нужно зайти взглянуть на предлагаемую мнѣ квартиру и посовѣтоваться съ однимъ знакомымъ семействомъ насчетъ акушерки. Я не знаю, какая изъ нихъ надежная женщина, а тоже если что случится, не хотѣлось бы взять первую попавшуюся съ вѣтру...

— Ты заверни ко мнѣ-то, — сказалъ я.

— Хорошо, хорошо, какъ только устроюсь и успокоюсь немного. Ахъ, братъ, ты и представить не можешь, что за чувства испытываетъ человѣкъ, готовясь впервые сдѣлаться отцомъ: тутъ и страхъ, и радость... Ну, однако, прощай, мнѣ некогда...

Онъ торопливо пожалъ мнѣ руку и быстро пошелъ по

своей дорогѣ. Я постоялъ нѣсколько мгновеній на мѣстѣ, провожая его глазами, а потомъ грустно побрелъ домой. Какое-то скверное чувство шевельнулось во мнѣ, не то сознаніе, что между нами порвалась наша прежняя связь, не то зависть, пробужденная чужимъ счастіемъ. Но я подавилъ это чувство и внутренне пожелалъ всего лучшаго моему другу. И то сказать, не могъ же онъ нѣжничать и сентиментальничать со мною въ ту минуту, когда онъ былъ весь поглощенъ страхомъ за жизнь своей жены и за жизнь своего будущаго ребенка. Пройдетъ это время, кончится все счастливо и мы опять вспомянемъ свою дружбу, еще тѣснѣе сойдемся вмѣстѣ, у меня будетъ семейный домъ, гдѣ мнѣ можно будетъ отдыхать.

Прошло еще нѣсколько времени, и я снова вспомнилъ о своемъ другѣ: я шелъ по Литейному проспекту и на подъѣздѣ одного изъ домовъ прочелъ надпись на мѣдной дощечкѣ: «Присяжный повѣренный А. И. Лишинъ». Какъ Лишинъ, мой милый Лишинъ здѣсь живетъ,—надо зайти къ нему. Я позвонилъ у подъѣзда.

— Дома ли господа?—спросилъ я у горничной, отворившей двери.

— У себя, — отвѣтила она.

— Доложите обо мнѣ.

Я сказалъ свою фамилію. Она пошла докладывать обо мнѣ Лишину. Давно ли было то время, когда я могъ являться къ нему безъ всякихъ докладовъ днемъ и ночью, какъ и онъ являлся ко мнѣ...

— Господа просятъ васъ, — сказала мнѣ появившаяся снова предо мною горничная.

Я поднялся по небольшой лѣстницѣ, сбросилъ пальто и вошелъ въ залъ.

— Очень радъ, очень радъ, дружище, что отыскалъ меня,—сказалъ мнѣ Лишинъ, выходя ко мнѣ навстрѣчу.— Я передъ тобою еще виноватъ: не успѣлъ завернуть къ тебѣ. Да вѣдь и то сказать, тебя, я думаю, и съ собаками никогда не сыщешь: знаю я васъ, холостяковъ, то фланируете по Невскому, то въ Буффахъ да у Берговъ, — одна заря изъ дому выгонитъ, а другая домой загонитъ...

Онъ похлопалъ меня по плечу, какъ взрослые родственники похлопываютъ въ шутку пошаливающихъ школьниковъ. Я былъ ровно на пятнадцать лѣтъ старше его.

— Ну, пойдемъ къ женѣ, — сказалъ онъ и, взявъ меня подъ руку, повелъ въ кабинетъ.

Въ кабинетѣ сидѣли — хозяйка дома, какая-то барыня среднихъ лѣтъ и немолодой господинъ.

— Мэри, веду преступнаго прожигателя жизни,—сказалъ Лишинъ, входя меня въ кабинетъ и представляя женѣ.

Она протянула мнѣ дружески руку и улыбнулась.

— Все еще неисправимый холостякъ?—спросила она.

— Да, еще не женился,—отвѣтилъ я.

— Смотрите, не опоздайте совсѣмъ,—сказала она.

— Да онъ ужъ и такъ опоздалъ!—засмѣялся Лишинъ.— Ужъ гдѣ ему теперь жениться: у насъ ужъ тутъ появились знаки отличія за двадцатипятилѣтніе холостые кутежи.

Онъ повертѣлъ рукою надъ своей головой и показалъ глазами на мои волосы, среди которыхъ красовалась лысина.

— Ну, это еще можно прикрыть,—проговорилъ незнакомый мнѣ господинъ.—Была бы охота жениться, а возможность есть всегда, невѣсть на всѣхъ хватитъ.

— Кстати, позвольте васъ познакомить,—сказалъ Лишинъ и отрекомендовалъ меня своимъ гостямъ.

Мы раскланялись и пожали другъ другу руки.

— Такъ вы стоите за то, чтобы не пеленать дѣтей,— обратилась Лишина къ своей гостьѣ, продолжая, повидимому, прерванный моимъ приходомъ разговоръ.—А я думала, что при пеленаньи дѣтей они спокойнѣе спятъ, не кривятся, не разбрасываются?..

— Нѣтъ, пеленанье положительно вредно, оно стѣсняетъ движенія ребенка, мѣшаетъ правильному его развитію, говорила гостья.—Я положительно противъ него. Я много читала объ этомъ предметѣ, говорила съ докторами и акушерками и пришла къ тому убѣжденію, что старая система въ этомъ случаѣ отжила свой вѣкъ.

— Я вамъ очень благодарна за совѣтъ,—сказала Лишина.—Я еще мало знакома съ этимъ дѣломъ и такъ боюсь сдѣлаться неопытной и неумѣлой матерью.

— Да. Мэри часто сѣтуетъ на наше женское воспитаніе, которое не подготовляетъ изъ женщинъ матерей,—замѣтилъ Лишинъ.—Вѣдь въ пансіонахъ и институтахъ вовсе и не думаютъ разъяснять, какъ должна будетъ поступать женщина, сдѣлавшись матерью.

— Щепетильность какая-то ложная, должно-быть, мѣшаетъ,—замѣтилъ гость.

— Нѣтъ, просто все наше женское воспитаніе и образованіе идетъ рутиннымъ образомъ,—сказала гостья.

— Ну, а какъ вамъ понравилась акушерка, которую мы прислали вамъ?—спросилъ гость.

— Ахъ, премилая особа, такая живая, — отвѣтила хозяйка дома: — она меня и моего Алексиса совершенно успокоила.

— Ахъ вы, молодежь, всего-то вы трусите,—засмѣялся гость. — Я вѣдь говорилъ, что все пойдетъ своимъ порядкомъ.

— Ну да, тебѣ хорошо толковать, когда ты теперь привыкъ къ этому,—замѣтила его жена.—А я помню, какъ ты метался по городу, когда я ожидала перваго ребенка. Можете себѣ представить, онъ чуть не выгналъ изъ дому одну акушерку за то, что она смѣла ему сказать, что онъ напрасно тревожится. «Какъ, напрасно тревожусь о здоровьи моей жены, о жизни моего ребенка!» Ахъ, онъ былъ просто уморителенъ въ это время, и едва-едва вразумили его, объяснивъ ему, что опасности никакой нѣтъ.

— Нѣтъ, а мнѣ мама разсказывала, что когда пришло время мнѣ родиться,—замѣтила хозяйка:—то папа заткнулъ себѣ уши и зарылся въ подушки, такъ что его едва-едва подняли, когда я родилась.

Общество, быть-можетъ, еще долго бы предавалось подобнымъ воспоминаніямъ, забывъ о моемъ существованіи, если бы обо мнѣ не вспомнилъ внезапно мой другъ.

— А ты все попрежнему постоянно посѣщаешь Буффъ?—совершенно неожиданно спросилъ онъ.

— Нѣтъ... рѣдко бываю,—отвѣтилъ я и почему-то потупился, точно меня спросили: продолжаю ли я пьянствовать?

— Что же такъ? Скверный составъ труппы, вѣрно?—спросилъ Лишинъ, закуривая папироску.

— Нѣтъ... Но прискучило,—отвѣтилъ я.

— Говорятъ, тамъ какая-то Гарнье или Гранье отличается?—спросила гостья.

— Да, Гранье,—отвѣтилъ я.

— Боже мой, сколько «этихъ дамъ» развелось нынче въ Парижѣ, каждый годъ какую-нибудь новую камелію приглашаютъ къ намъ,—небрежно замѣтила она.

— Гранье очень талантливая артистка,—вступился я за артистку.

— Ну, развѣ можно смотрѣть серьезно на этихъ каскадныхъ барынь!.. Что она такъ же, какъ Шнейдеръ, канканируетъ?—спросила она съ презрѣніемъ.

— Нѣтъ, она не канканируетъ,—отвѣтилъ я.

Наступило неловкое молчаніе.

Барыня немного наклонилась къ хозяйкѣ и спросила ее въ полголоса:

— Вы не устали ли, ma chère? Вамъ нужно избѣгать въ вашемъ положеніи утомленія. Я знаю по опыту, какъ это вредно дѣйствуетъ.

— Нѣтъ, ничего... У меня только немного голова тяжела сегодня,—такъ же тихо отвѣтила Лишина.

— А мужчины курятъ еще!—покачала головой гостья.

Лишинъ поймалъ на лету эту фразу и загасилъ папиросу.

— Да, перейдемте, господа, лучше въ залу, — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и другому гостю.

Я поднялся и взялся за шляпу.

— Вы ужъ и идете?—спросила Лишина.

— Да, мнѣ надо,—отвѣтилъ я.

— Куда-жъ торопишься?—спросилъ Лишинъ.

— Мнѣ пора!—отвѣтилъ я.

Я простился и вышелъ изъ кабинета, Лишинъ проводилъ меня до передней.

— Заходи, дружище,—сказалъ онъ.— Да не считайся визитами. Я теперь невмѣняемъ и выхожу изъ дому только по дѣламъ. Ты понимаешь, что мнѣ не до визитовъ покуда.

— Ну, разумѣется,—отвѣтилъ я.

И точно, прошли еще дни, недѣли, мѣсяцы, а Лишину все было не до визитовъ. Наконецъ, судьба опять свела меня съ нимъ: я встрѣтилъ его у подъѣзда его квартиры. Онъ не замѣтилъ, не узналъ меня и едва не сшибъ съ ногъ. Я окликнулъ его.

— А, здравствуй, здравствуй! — крикнулъ онъ мнѣ на ходу.—Извини, пожалуйста, я торопливъ... У меня вчера родился сынъ...

— Поздравляю,—сказалъ я.

— Спасибо, спасибо! Извини, что не приглашаю теперь къ себѣ... но понимаешь, теперь такое время. Какъ-нибудь заверну къ тебѣ.

Нѣтъ, онъ не завернулъ ко мнѣ. Впрочемъ, можетъ-быть, онъ ожидаетъ теперь дочь уже, и, конечно, вы сами поймете, что въ такое время ему не до визитовъ...

Возвращаясь домой послѣ этой послѣдней встрѣчи съ моимъ бывшимъ другомъ, я вспомнилъ анекдотъ о неаполитанцѣ. Да, если и я, старый холостякъ, испущу свой послѣдній вздохъ, то они, женатые Лишины, будутъ попрежнему приготовлять свои семейныя макароны.

Къ этому выводу долженъ когда-нибудь придти каждый старый холостякъ и вычеркнуть себя изъ числа дѣйствующихъ лицъ человѣческой жизни, перечислившись въ составъ простыхъ зрителей этой жизни.

...На холостяковъ сыплются массы обвиненій. Но чѣмъ же виноваты люди въ томъ, что имъ не удалось, вслѣдствіе тысячъ различныхъ причинъ, вкусить всѣ сладости семейной жизни? Чѣмъ эти люди виновнѣе тѣхъ, которые, очертя голову, женились, лишь бы жениться, и потомъ измучили своихъ женъ, загубили ихъ жизнь, пустили по-міру своихъ дѣтей? Неразумныхъ же и неразсчетливыхъ браковъ, какъ извѣстно, гораздо болѣе, чѣмъ вполнѣ счастливыхъ.

Холостяковъ называютъ черствыми эгоистами. Но гдѣ же вы видѣли сухую воду, холодный огонь и людей не эгоистовъ? Человѣкъ эгоистъ по натурѣ, и когда ему проповѣдывали высшую любовь къ ближнему, то могли сказать только: «возлюби ближняго, какъ самого себя», то-есть признали, что въ человѣкѣ нѣтъ чувства выше любви къ самому себѣ. Но если холостякъ эгоистъ, то онъ только простой эгоистъ, а женатый—это эгоистъ въ квадратѣ, эгоистъ за себя, за жену, за дѣтей, и его не называютъ черствымъ только потому, что эгоизмъ за жену и за дѣтей называютъ уже не эгоизмомъ, а любовью. Но провѣрьте, что значитъ эта любовь въ дѣйствительности, и вы увидите, что она не что иное, какъ эгоизмъ въ квадратѣ, въ кубѣ.

Холостякамъ приписываютъ всевозможные пороки и недостатки: развратъ, пьянство, различныя маніи, подозрительность, сумасшествіе. Положимъ, что все это чаще встрѣчается именно у холостяковъ, но не доводятъ ли до этого холостяковъ общество, семьи, женатые люди, ревниво оберегая отъ нихъ свои дома, ставя ихъ въ положеніе какихъ-то отщепенцовъ, эксплоатируя ихъ при случаѣ въ пользу своей семьи, но не давая имъ ничего взамѣнъ ихъ услугъ, подсмѣиваясь надъ ними, надъ ихъ странностями, бросая ихъ жить и умирать въ чужихъ углахъ? Во всякомъ случаѣ нужно помнить, что жизнь холостяка—печальная жизнь, и что нельзя негодовать и возмущаться, до чего бы она ни доводила холостяковъ. Старые холостяки, при самыхъ счастливыхъ случайностяхъ, превращаются въ комическихъ дядюшекъ, крестныхъ и посажёныхъ отцовъ, то-есть ихъ заставляютъ платить за вѣнчанье, чтобы другіе имѣли возможность вкусить всѣ сладости медоваго мѣсяца;

ихъ заставляютъ платить за крестины, потому что другіе испытывали всѣ радости быть отцами и матерями; имъ отводятъ какую-нибудь комнату окнами на задній дворъ въ семейномъ домѣ, на чердакѣ, у Віардо, потому что отъ нихъ ожидаютъ въ скоромъ времени наслѣдства. Но это еще счастливцы изъ холостяковъ; болѣе несчастные тихо спиваются съ круга или попадаютъ подъ башмакъ старыхъ развратницъ, превратившихся въ квартирныхъ хозяекъ...

Я самъ холостякъ и я давно присмотрѣлся къ этой невеселой жизни холостяковъ.

Многіе говорятъ, что холостяки — народъ безполезный и что ихъ за это слѣдовало бы обложить извѣстной податью въ пользу женатыхъ. Мнѣ кажется, что холостяки далеко не безполезны уже потому, что они лучшіе наблюдатели. Едва ли какой-нибудь женатый человѣкъ, стремящійся пресыщать въ своемъ гнѣздѣ, можетъ скопить такой запасъ наблюденій, какой можетъ скопить любой холостякъ, вѣчно живущій среди толпы, не имѣющій своего уютнаго гнѣзда. Большинство художниковъ, писателей, артистовъ — холостяки или люди женатые, но ведущіе жизнь холостяковъ; геніи рѣдко бываютъ домовитыми людьми, рѣдко играютъ роль семьянина; семейная жизнь приводитъ къ однообразію во взглядахъ, привычкахъ и обстановкѣ. Я, по крайней мѣрѣ, обязанъ своею наблюдательностью исключительно тому, что я окончательно былъ зачисленъ въ ряды старыхъ холостяковъ, т. е. оказался лишнимъ и ненужнымъ въ домахъ разныхъ Лишнихъ: перестанъ быть въ нихъ дѣйствующимъ лицомъ, я сдѣлался въ нихъ зрителемъ.

Чѣмъ дольше я жилъ, чѣмъ больше я присматривался къ жизни, тѣмъ рѣже и рѣже я сталъ посѣщать театры для созерцанія разныхъ пьесъ. И точно, какой интересъ онѣ могутъ имѣть для того, кто, мало-по-малу, привыкъ любоваться великой траги-комедіей, называемой человѣческою жизнью? Она нелѣпѣе самыхъ нелѣпыхъ водевилей, она глубже самыхъ глубокихъ трагедій и никакой самый смѣлый драматургъ не рѣшится создать такихъ оригинальныхъ фигуръ и положеній, какія создаетъ жизнь. Оно и понятно: драматурга могутъ освистать за созданіе физическаго и нравственнаго уродства, за изображеніе нелѣпыхъ и безсмысленныхъ положеній; жизнь же не освищешь, что бы она ни создавала—урода ли, лишеннаго отъ рожденія ногъ или рукъ, или сцену, какъ стремится какая-нибудь жен-

щина, пресытившаяся всевозможными наслажденіями, испытать любовь этого урода. Чѣмъ яснѣе видитъ человѣкъ все разнообразіе и всю неожиданность эффектовъ, создаваемыхъ жизнью, тѣмъ однообразнѣе кажутся ему завязки разныхъ театральныхъ комедій и драмъ, тѣмъ безцвѣтнѣе представляются ему разные сценическіе типы, тѣмъ скучнѣе становится ему смотрѣть на пьесы, конецъ которыхъ онъ угадываетъ при поднятіи занавѣса въ первомъ актѣ, и тѣмъ сильнѣе тянетъ его не въ раекъ или партеръ театра, а въ раззолоченныя палаты богача или въ потонувшій въ грязи уголъ бѣдняка, въ закрытую отъ постороннихъ наблюдателей святая-святыхъ мирной семейной жизни или въ открытые настежь для каждаго встрѣчнаго пріюты гульбы и разврата. Чужіе дома, публичныя гулянья, залы судебныхъ засѣданій, общія собранія клубовъ и акціонерныхъ обществъ, базарныя площади, фабрики и заводы замѣняютъ ему театральные подмостки, и онъ втягивается въ жизнь праздношатающагося наблюдателя или фланера, полную неожиданныхъ наслажденій, странныхъ приключеній и то отрадныхъ, то скорбныхъ волненій.

Какъ завзятые театралы отдаютъ предпочтеніе извѣстнымъ мѣстамъ въ театрѣ, партеру или парадизу, такъ фланера влечетъ всегда въ однѣ и тѣ же мѣстности, на какое-нибудь мѣсто шумныхъ гуляній или на окраину города въ міръ захолустной жизни; какъ истинные театралы любятъ преимущественно пьесы извѣстнаго рода или извѣстныя мѣста въ пьесахъ, такъ и фланеры наблюдаютъ, главнымъ образомъ, за однородными сценами человѣческой траги-комедіи; какъ настоящіе театралы съ теченіемъ времени начинаютъ очень фамильярно по-родственному относиться къ актерамъ, называя ихъ не просто «Патти», а «нашею Патти», не просто «Самойловымъ», а «нашимъ Василіемъ Васильевичемъ», такъ и фланеры дѣлаются друзьями и родными тѣхъ или другихъ дѣйствующихъ лицъ житейскихъ драмъ и комедій, и я зналъ одного очень скромнаго старичка-фланера, который однажды при встрѣчѣ со мною съ волненіемъ разсказывалъ мнѣ, что «вѣдь наша-то бѣдняжка Камилла совсѣмъ разорилась», а эту Камиллу онъ зналъ только потому, что привыкъ ежедневно издали слѣдить глазами на улицѣ за ея экипажами, за ея нарядами, за ея любовниками. Фланеры обыкновенно старые холостяки, не имѣющіе опредѣленныхъ занятій и живущіе на пенсіи, или служащіе гдѣ-нибудь по необходимости, а не по призванію

конторщиками и вовсе не интересующіеся своими сухими занятіями, они по большей части живутъ въ меблированныхъ комнатахъ, обѣдаютъ въ кухмистерскихъ, проводятъ вечера зимою въ прогулкахъ и въ сидѣніи за стаканомъ пива гдѣ-нибудь въ «Медвѣдѣ», у «Доминика», иногда они посѣщаютъ раекъ или партеръ театра, куда ихъ привлекаютъ не столько самыя представленія, сколько желаніе «побыть въ народѣ», потолковать съ кѣмъ попало въ буфетѣ; лѣтомъ они ходятъ и въ «Лѣтній садъ», и въ «Демидровъ», и въ «Ливадію», и въ «Зоологическій садъ», и въ «Екатерингофъ», однимъ словомъ, во всѣ мѣста, гдѣ собирается много народу. Вездѣ у фланера есть знакомые, вездѣ онъ заговариваетъ съ посторонними людьми, вездѣ онъ находитъ предметъ для наблюденій и для размышленій. Я самъ давно привыкъ къ этой жизни и съ каждымъ днемъ убѣждаюсь, что подобные фланеры у насъ все плодятся и плодятся по мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ дороговизны и массы другихъ причинъ, рушится старая семейная жизнь и развивается жизнь холостая, клубная, трактирная, жизнь въ меблированныхъ комнатахъ, съ обѣдами въ кухмистерскихъ, съ вечерами въ «Зимнихъ садахъ» и «Ливадіяхъ». Я уже хорошо заучилъ десятки физіономій, которыя я всегда надѣюсь безошибочно встрѣтить въ томъ или другомъ общественномъ мѣстѣ, и эти общественныя мѣста смотрятъ какъ-то не такъ, когда въ нихъ не видишь ихъ присяжныхъ посѣтителей холостяковъ-фланеровъ. Такъ, напримѣръ, въ «Собраніи художниковъ» мнѣ показалось бы какъ-то пусто, какъ то странно, если бы я не встрѣтилъ тамъ всѣмъ извѣстнаго, нѣсколько лысаго, нѣсколько обрюзгшаго господина, невченковскаго типа съ моноклемъ на глазу, съ загадочно-насмѣшливой улыбочкой и съ произносимыми носовымъ акцентомъ, нѣсколько плоскими шуточками. А «Демидровъ» — развѣ можно его себѣ представить безъ высокаго, плотнаго господина съ густыми черными волосами съ просѣдью, прихрамывающаго на одну ногу, сильно жестикулирующаго руками, пьющаго чай въ обществѣ Егарева и какой-нибудь Альфонсины и оглашающаго воздухъ рѣзкимъ, короткимъ, какъ карканье ворона, смѣхомъ? Всѣ подобныя лица — фланеры, и кто хочетъ знать петербургскую жизнь, тотъ долженъ сближаться съ ними: они познакомятъ васъ съ такими мелочами по своей спеціальности, какихъ вамъ, если вы не холостякъ-фланеръ, при всей вашей наблюдательности, никогда не подмѣтить сразу, съ-налету. Я сказалъ:

«по своей спеціальности», потому что каждый фланеръ непремѣнно спеціалистъ. Спеціальность имъ избирается безсознательно, случайно, даже невольно; иногда фланеръ вплоть до самой гробовой доски и самъ не подозрѣваетъ въ своей простотѣ сердечной, что онъ спеціалистъ, но стоитъ свѣжему человѣку поговорить съ нимъ, и свѣжій человѣкъ тотчасъ же пойметъ, какого конька объѣздилъ его собесѣдникъ. Я зналъ одного фланера-нѣмца, который могъ быть названъ спеціалистомъ по кухмистерскимъ: старый холостякъ, живущій на пенсіи, онъ принужденъ былъ обѣдать въ кухмистерскихъ; пообѣдавъ въ одной, онъ остался недоволенъ обѣдомъ и пошелъ въ другую, въ другой обѣдъ оказался еще хуже, и нѣмецъ пошелъ въ третью; когда и въ третьей обѣдъ оказался неудобосваримымъ, нѣмецъ сдѣлалъ изъ этого «кухмистерскій вопросъ» и, протестуя и агитируя, началъ отравляться во всевозможныхъ кухмистерскихъ поочередно; вы могли заговорить съ нимъ и о политикѣ, и о театрѣ, но можно было впередъ держать пари, что разговоръ непремѣнно кончится имъ «кухмистерскимъ вопросомъ». Интереснѣе всего было то, что этотъ господинъ нашелъ, наконецъ, добрую женщину, кормившую своихъ жильцовъ и двухъ-трехъ постороннихъ посѣтителей очень хорошо, такъ что у нея можно было не отравляться, чѣмъ и воспользовался мой нѣмецъ въ теченіе недѣли, послѣ которой я снова встрѣтилъ его въ одной изъ кухмистерскихъ.

— Что же, развѣ вы не довольны обѣдами мадамъ Нейманъ?—спросилъ я.

— О, нѣтъ! Отлично кормитъ, батюшка мой, я никогда не ѣдалъ такихъ прекрасныхъ обѣдовъ, какъ у нея. Приготовлено чисто и порціи, знаете, такія большія.

Нѣмецъ началъ подробно описывать всѣ прелести обѣдовъ у мадамъ Нейманъ.

— Такъ что же вы не у нея обѣдаете?—спросилъ я.

— А-а,—протянулъ нѣмецъ:—мнѣ, батюшка мой, сказали, что тутъ открылись двѣ новыя кухмистерскія. Надо было попробовать, какъ въ нихъ кормятъ, это интересно,—отвѣтилъ спеціалистъ по кухмистерскимъ.

И пошелъ онъ опять отравляться кухмистерскими обѣдами и агитировать противъ кухмистеровъ. Бѣдняга самъ не понималъ, что онъ просто соскучился у мадамъ Нейманъ, что онъ уже втянулся въ привычку отравляться не въ одномъ мѣстѣ, а въ разныхъ мѣстахъ, наслаждаясь своими протестами и своей агитаціей противъ всевозможныхъ

кухмистеровъ. Агитируя и протестуя, онъ былъ убѣжденъ, что онъ играетъ извѣстную отвѣтственную роль въ житейской комедіи, а не влачитъ свою жизнь простымъ зрителемъ этой комедіи.

Только отъ такихъ холостяковъ-фланеровъ и можно узнать всю петербургскую жизнь со всѣми ея тайнами, со всѣми ея подробностями, со всею ея исторіею. Ни одинъ семейный старожилъ не сообщитъ вамъ того, что могутъ сообщить фланеры-холостяки, способные приносить даже извѣстныя жертвы ради своихъ экскурсій и чувствующіе себя несчастными, когда эти экскурсіи прекращаются по какимъ-нибудь непредвидѣннымъ обстоятельствамъ. Такъ я знавалъ одного стараго отставного профессора-холостяка, жизнь котораго была буквально отравлена пожаромъ «Толкучки». «Толкучка» была мѣстомъ его ежедневныхъ прогулокъ въ теченіе многихъ лѣтъ. На «Толкучкѣ» профессора знали всѣ букинисты и всѣ продавцы древностей. Онъ покупалъ очень мало, но очень долго бесѣдовалъ со всѣми знакомыми торговцами, интересовался ихъ семейной жизнью, пилъ въ лавкахъ чай, а иногда и пиво, разсматривалъ съ видомъ знатока пріобрѣтенныя имъ вещи, однимъ словомъ, былъ здѣсь своимъ человѣкомъ. Когда сгорѣла «Толкучка», почтенный старикъ вдругъ увидалъ, что ему некуда ходить, не съ кѣмъ бесѣдовать. Въ первые дни послѣ пожара онъ еще былъ доволенъ своею судьбою: цѣлые дни толкался онъ среди знакомыхъ купцовъ, рывшихся на мѣстѣ пожара, суетился, толковалъ съ ними, принималъ участіе въ ихъ горѣ и въ ихъ планахъ, точно онъ самъ былъ однимъ изъ пострадавшихъ. Но когда мѣсто пожара опустѣло, когда рынокъ на время сталъ возникать на далекомъ отъ центра города Семеновскомъ плацу, когда нѣкоторые букинисты прекратили торговлю, когда другіе знакомые старику торговцы разсѣялись по разнымъ мѣстамъ, онъ вдругъ почувствовалъ, что городъ не имѣетъ для него никакого интереса, что ему некуда ходить, что у него нѣтъ «занятія», что онъ,—ну да, онъ признался въ этомъ внутренне,—никому не нуженъ. Нѣсколько времени онъ, какъ тѣнь, бродилъ еще по мѣсту пожара, потомъ попробовалъ нѣсколько разъ посѣтить Семеновскій плацъ, потомъ,—потомъ онъ сталъ все чаще и чаще оставаться дома и пить...

Холостяки-фланеры, какъ я уже сказалъ, нерѣдко кончаютъ этимъ. Иногда, утомясь фланерствомъ, чувствуя упадокъ силъ, они ищутъ возможности пріютиться подъ кры-

лышко какой-нибудь «квартирной хозяйки» и кротко прощаютъ ей ея нѣсколько двусмысленное и бурное прошлое, терпѣливо выносятъ строптивость и алчность ея характера въ настоящемъ, и если чего-нибудь боятся въ будущемъ, такъ это только того, чтобы и она не вышвырнула ихъ вонъ.

Невеселая эта жизнь, господа, и долго старается человѣкъ дѣлать видъ, что онъ не живетъ этою жизнью, что онъ еще не вступилъ безповоротно въ ряды старыхъ холостяковъ, что онъ еще не зритель общественной жизни, а дѣйствующее лицо въ этой жизни. Сознается онъ въ этомъ только послѣ цѣлаго ряда сценъ, которыя ясно говорятъ ему, что онъ лишній, лишній и лишній вездѣ и всюду — только тогда онъ покоряется судьбѣ, не строитъ плановъ насчетъ своего будущаго, тупо тянетъ свою лямку, заботясь лишь бы день убить, и сторонясь отъ общей жизни, наблюдаетъ за этою жизнью. Не дешево достается подобное сознаніе, но какъ только начнетъ оно зарождаться въ душѣ такъ тотчасъ является какая-то мнительность, какая-то подозрительность, и человѣкъ отыскиваетъ во всѣхъ отношеніяхъ къ себѣ какой-то двойной смыслъ, ловитъ во всемъ намеки на то, что онъ лишній, ненужный, чужой. Я ничего не знаю хуже этого душевнаго состоянія,—впрочемъ, можетъ-быть, это происходитъ отъ того, что я еще такъ недавно пережилъ тотъ періодъ жизни, когда впервые я сталъ понимать, что умри я хоть сейчасъ, а мои ближніе все-таки, какъ и прежде, ни на минуту не задумываясь о моей смерти, будутъ приготовлять свои семейныя макароны.

Впрочемъ, у меня, какъ и у каждаго стараго холостяка, есть своего рода утѣшеніе: я не боюсь причинить горе или неудовольствіе кому бы то ни было своею смертью.

XI.

Любовный романъ доктора Мазина.

Насъ собралось довольно большое общество на дачѣ. Въ этотъ день газеты разнесли вѣсть объ одномъ романическомъ самоубійствѣ: застрѣлился какой-то молодой человѣкъ, держа въ рукахъ женскій портретъ и оставивъ страстное письмо на имя какой-то отвергнувшей его Лидіи. Естественнымъ образомъ всѣ толки въ нашемъ кружкѣ вертѣлись около этого происшествія дня. Всѣ толковали о несчастной любви, о томъ, до чего она нерѣдко доводитъ людей.

— Начитается человѣкъ въ дѣтствѣ любовныхъ романовъ и живетъ весь вѣкъ съ убѣжденіемъ, что любовныя отношенія людей являются чѣмъ-то высшимъ, неземнымъ. Ну, отвергни или обмани потомъ такого человѣка предметъ его страсти, онъ сейчасъ и сходитъ съ ума или пускаетъ пулю въ лобъ, точно на всемъ земномъ шарѣ и женщинъ нѣтъ больше,—замѣтилъ между прочимъ серьезнымъ тономъ одинъ изъ присутствовавшихъ въ нашемъ кружкѣ мужчинъ.

Это былъ докторъ Мазинъ, господинъ лѣтъ сорока двухъ, еще сохранившій слѣды былой красоты.

— Вы, докторъ, конечно, не сдѣлали бы этого?—замѣтила тономъ ироническаго упрека одна молоденькая женщина.

— Не сдѣлалъ бы-съ,—сухо отвѣтилъ докторъ...

Молодая женщина сдѣлала насмѣшливую гримаску.

— Желала бы я знать, что бы вы сдѣлали, если бы васъ самихъ отвергла любимая вами женщина,—настойчиво продолжала его допрашивать молодая женщина.

— Отвергла бы Марья, пошелъ бы къ Дарьѣ,—уже совсѣмъ грубо отвѣтилъ докторъ.—Не удалось заполучить лакомаго блюда, такъ нужно довольствоваться ржанымъ хлѣбомъ. Гастрономія—пошлая роскошь, нужно только утоленіе голода.

— Фи, это просто цинизмъ!—проговорила молодая женщина, дѣлая опять гримаску.

— Ну, а я считаю цинизмомъ или, если хотите, матеріализмомъ, распущенностью и самодурствомъ тотъ взглядъ на любовь, который существуетъ въ обществѣ,—серьезно сказалъ докторъ.—Если вы отдѣлите любовь, ставящую человѣка выше животнаго, отъ чисто животныхъ побужденій, неизбѣжно присущихъ и человѣку, то вы увидите, что отвергнутыхъ любящихъ людей не можетъ быть, а что бываютъ только отвергнутые любовники. Если мы любимъ человѣка за его нравственныя и умственныя достоинства, то ничто не можетъ развести насъ съ нимъ, мы сумѣемъ его привязать къ себѣ, сумѣемъ подняться до него, сумѣемъ простить его ошибки, сумѣемъ исправить его недостатки и будемъ связаны съ нимъ любовью до тѣхъ поръ, пока не измѣнится онъ, или не измѣнимся мы сами, то-есть до тѣхъ поръ, пока у насъ не порвется окончательно общая умственная и нравственная связь. Эта связь не обрывается вдругъ и потому не сводитъ съ ума и не побуждаетъ къ самоубійству. Но отвергнутыхъ и обманутыхъ любовни-

ковъ бываетъ масса, потому что тутъ связь является чисто физическою, матеріалистическою, животною: человѣкъ можетъ быть очень хорошимъ человѣкомъ и очень плохимъ любовникомъ, онъ можетъ прискучить любовницѣ, она можетъ найти лучшаго, ее могутъ развести съ нимъ посторонніяя причины. Вслѣдствіе этого, если человѣкъ привлеченъ къ женщинѣ только чисто животною страстью, то онъ, конечно, долженъ ждать того, что она отвергнетъ или броситъ его, такъ какъ онъ можетъ не понравиться ей, а измѣнить свою образину не въ его власти, или онъ можетъ показаться ей потомъ хуже, чѣмъ казался прежде, или на его мѣсто можетъ явиться лучшій, но онъ будетъ настойчивый самодуръ, грубый матеріалистъ, пошлый циникъ, или романтикъ, не понимающій, что онъ въ сущности является простымъ слугою животныхъ похотей, если онъ сойдетъ отъ этого съ ума или застрѣлится...

Докторъ говорилъ рѣзко и грубо, такъ что его собесѣдницу нѣсколько покоробило отъ этой бесѣды. Но она не унялась.

— Такъ, по вашему, онъ, если онъ не матеріалистъ, долженъ идти утѣшаться къ другой любовницѣ?—съ ироніей спросила она.

— Да-съ: кушать надо всѣмъ—и идеалистамъ, и матеріалистамъ. Но если не удалось покушать лакомаго блюда, то ѣшь ржаной хлѣбъ, да не сходи отъ этого съ ума и не стрѣляйся, помня, что на свѣтѣ есть много людей, которымъ и ржаной хлѣбъ-то иногда приходится ѣсть съ мякиною, а главное заруби у себя въ памяти одно правило, что человѣкъ только тѣмъ и отличается отъ животнаго, что у него есть, кромѣ простыхъ животныхъ побужденій, нѣчто болѣе возвышенное, что мы называемъ духовными побужденіями, нравственными интересами и такъ далѣе. Животное, видите ли, когда ему нечего жрать, ѣстъ своихъ собратьевъ,—человѣкъ же дѣлаетъ это только въ дикомъ состояніи или въ тѣ времена бѣдствій, когда онъ опускается на степень животнаго...

— Это вы въ анатомическомъ театрѣ придумали такую теорію любви или, лучше сказать, раздѣленія любви на двѣ части?—приставала молодая женщина.

— Да-съ, въ анатомическомъ театрѣ и въ сумасшедшемъ домѣ,—сказалъ докторъ и всталъ:—и я думаю, сударыня, что человѣчество только потому и творитъ столько сумасбродства изъ-за любви, что человѣку не сумѣли внушить

съ дѣтства правильнаго взгляда на его отношеніе къ женщинѣ и вскружили ему голову разными глупыми любовными романами. Если вы просмотрите исторію сумасшествій и самоубійствъ изъ-за любви, то вы увидите, что люди сходятъ съ ума и убиваютъ себя не изъ-за любви къ нравственнымъ и умственнымъ совершенствамъ любимаго существа, потому что тутъ не можетъ быть причинъ для сумасшествія или самоубійства, а изъ-за чисто животныхъ страстей, возбужденныхъ женщиною. Не удовлетворила женщина животнымъ побужденіямъ мужчины, ну, онъ и сходитъ съ ума или самъ убивается сейчасъ. Ну-съ, а это значитъ становиться даже ниже животнаго.

Когда докторъ ушелъ съ балкона, всѣ начали осуждать его, говоря, что онъ самъ прозаикъ, циникъ, брюзга, старый холостякъ... Мнѣ, какъ его другу, пришлось вступиться за него, и я разсказалъ обществу его исторію, которую сейчасъ прочтетъ читатель.

...Съ докторомъ Мазинымъ я познакомился очень давно и довольно оригинально. Прихожу я однажды въ купальню на Фонтанкѣ у Измайловскаго моста и вижу, что какой-то юнецъ въ одеждѣ Адама до грѣхопаденія стоитъ ко мнѣ спиною у противоположной входу стѣны, упершись руками о скамью и прильнувъ лицомъ къ дощатой перегородкѣ. Я вынулъ портсигаръ, закурилъ папиросу и сталъ неторопливо раздѣваться. Наблюдатель, повидимому, не замѣчалъ моего присутствія. Наконецъ я уронилъ, снимая, свой сапогъ, и этотъ шумъ заставилъ очнуться, стоявшаго ко мнѣ спиною, незнакомца. Онъ быстро обернулся и съ застѣнчивой улыбкой взглянулъ на меня. Я увидалъ очень хорошенькое, сильно раскраснѣвшееся личико совсѣмъ молодого человѣка, почти еще мальчика.

— Извините-съ, я васъ совсѣмъ и не замѣтилъ, какъ вы вошли... думалъ, что никого нѣтъ,—заговорилъ онъ торопливо, краснѣя и потупляя разгорѣвшіеся глазенки.—Дамы, знаете, купаются тамъ... любопытно... Сейчасъ жена нашего начальника отдѣленія съ дочерью и гувернанткой пришли...

Онъ говорилъ, и лукаво улыбался, и конфузился въ одно и то же время, какъ пойманный въ шалости школьникъ, еще не знающій, распекутъ ли его за шалость или примутъ участіе въ продолженіи съ нимъ вмѣстѣ этой шалости...

Въ эту минуту въ сосѣднемъ отдѣленіи купальни послышался плескъ воды, и юноша замахалъ мнѣ рукою.

— Постойте, постойте, должно-быть, въ воду бросились,— поспѣшно проговорилъ онъ и снова припалъ лицомъ къ дощатой перегородкѣ.—Плаваютъ! — таинственно прошепталъ онъ, на секунду опять обернувшись ко мнѣ лицомъ.— И дочь, и гувернантка плаваютъ...

Меня начиналъ разбирать смѣхъ.

— Скажите, вы часто здѣсь упражняетесь въ подобныхъ наблюденіяхъ?—спросилъ я его.

— Да... то-есть нѣтъ-съ,—конфузливо отвѣтилъ онъ, отходя отъ перегородки и останавливаясь передо мною.—Въ будни служба не позволяетъ, и тоже иногда здѣсь много народу, неловко... попасться можно, потому что мужья купающихся дамъ могутъ здѣсь присутствовать... обидятся еще и на исторію напорешься... А въ сущности что же... шалость это просто... Только вотъ тутъ неловко... Вы если хотите получше разглядѣть, такъ вотъ на ту балку взберитесь, тамъ есть въ перегородочкѣ сучокъ, вынимается онъ легко... точно пробка...

Юноша указалъ мнѣ то мѣсто въ купальнѣ, гдѣ вынимается сучокъ изъ перегородки.

— Но вѣдь тамъ и удержаться не за что,—замѣтилъ я, взглянувъ на то мѣсто, куда указывалъ юноша.

— Нѣтъ-съ, можно... я добился. Правда, первый разъ соскользнулъ съ балки въ воду, а потомъ приловчился... верхомъ на балку нужно сѣсть и руками за эти вонъ доски держаться... Тутъ гвоздь есть, такъ за него можно уцѣпиться...

— Э, да вы жизнью готовы рисковать для своихъ наблюденій,—засмѣялся я.

— Помилуйте, тутъ не опасно... а оно понятно, я молодой человѣкъ, холостой... ну, и любопытно... Нѣтъ, а вы знаете купца Авдѣева дочерей?—вдругъ обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ.

— Нѣтъ, не знаю...

— Въ Седьмой Ротѣ домъ свой у нихъ, около казармъ, пять барышенъ ихъ,—пояснилъ онъ, едва удерживаясь отъ смѣха:—вотъ-то, я вамъ скажу, конструкція такъ конструкція... на нихъ домъ каменный выстроить можно... Я и мать ихъ знаю, и горничную, что при нихъ состоитъ... Иногда только вотъ досадно, номерную ванну онѣ берутъ... туда никакъ нельзя посмотрѣть... Я, знаете, рядомъ разъ взялъ тоже номерную ванну, думалъ оттуда посмотрѣть,—такъ нѣтъ, доски, знаете, этакія толстыя... правда, подплыть бы

можно, нырнувъ снизу подъ перегородку, да скандалъ можетъ выйти.

Онъ говорилъ скоро, захлебываясь отъ удовольствія, сильно жестикулируя и двигаясь передо мною. Его, повидимому, вовсе не стѣснялъ его адамовскій костюмъ, точно онъ вполнѣ привыкъ быть въ обществѣ въ этомъ воздушномъ одѣяніи. Я раздѣлся и вошелъ въ воду, а мой новый знакомый вынулъ портсигаръ, закурилъ папироску и сталъ прогуливаться подъ навѣсомъ площадки, похлопывая себя по тѣлу и пуская вверхъ колечки дыма. Глядя на него, я подумалъ невольно, что онъ недавно только сошелъ со школьной скамьи и что онъ воспитывался въ закрытомъ заведеніи: его разговоръ напоминалъ школьника на каникулахъ, его безцеремонная прогулка въ адамовскомъ костюмѣ напоминала привычку «полныхъ пансіонеровъ» не стѣсняться въ подобныхъ случаяхъ ничьимъ присутствіемъ.

— Вы бывали въ Парголовѣ?—спросилъ онъ меня.

— Бывалъ,—отвѣтилъ я.

— Вотъ тамъ хорошо... мы на-дняхъ ѣздили туда съ товарищами...

— Пѣшкомъ тамъ,—замѣтилъ я.

— Да мы больше на озерѣ были... Вотъ, знаете, тамъ отлично устроено: ванны просто изъ рогожечекъ понадѣланы, одна подлѣ другой, купаются больше на открытомъ мѣстѣ, ѣдешь это на лодкѣ или самъ въ ванной за рогожкой притаишься и все видно... тамъ, я вамъ скажу, лафа дачникамъ.

Я смѣялся въ душѣ надъ этимъ оригинальнымъ любителемъ подсматривать за купающимися женщинами; мнѣ какъ-то невольно пришло въ голову, что онъ не только былъ полнымъ пансіонеромъ въ закрытомъ заведеніи, но что, кромѣ того, онъ былъ сирота, не имѣлъ семьи, росъ безъ женщинъ.

— Вы, однако, странныя путешествія предпринимаете,— сказалъ я.

— Да вѣдь что же — мы люди молодые... Тоже хочется повеселиться...

— Вы, вѣроятно, недавно еще съ гимназической скамьи сошли?—спросилъ я.

— Нѣтъ-съ, я не въ гимназіи воспитывался... Въ гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ былъ... Тоже восемь лѣтъ отсидѣлъ тамъ...

— Вы точно о тюрьмѣ говорите,—улыбнулся я.

— Да оно такъ и есть, восемь лѣтъ взаперти сидѣлъ. Все среди товарищей, среди мужчинъ, точно въ монастырѣ... Теперь вотъ только на волю попалъ... съ весны... Мы вотъ, знаете, съ товарищами тоже въ Ивановъ день ѣздили на Куллербергъ... Вотъ-то, я вамъ скажу, насмотрѣлись на безобразія...

Молодой человѣкъ, присѣвъ верхомъ на перила, началъ торопливо съ сладкой улыбкой и съ воодушевленіемъ разсказывать, чего онъ насмотрѣлся на Куллербергѣ. Онъ говорилъ, какъ мальчикъ, какъ школьникъ, которому все было ново. Я уже не прерывалъ его и поспѣшно одѣвался. Онъ тоже одѣлся и вышелъ со мною изъ купальни.

— Вы гдѣ живете-съ?—спросилъ онъ меня.

— На Обуховскомъ проспектѣ,—отвѣтилъ я.

— А я на Таракановкѣ. У насъ тамъ, знаете, просто... зимой только скучно... ну, да я переберусь оттуда къ зимѣ куда-нибудь въ центръ города... теперь-то тамъ очень хорошо, Екатерингофъ близко, ѣздилъ вотъ на челнѣ на острова, около Рѣзваго острова тутъ есть рѣчка, тамъ тоже въ праздники...

Я поспѣшилъ прервать его и простился съ нимъ, такъ какъ я впередъ уже угадывалъ, о чемъ онъ начнетъ говорить...

Прошло мѣсяца два послѣ этой встрѣчи съ юнымъ любителемъ наблюдать за купающимися женщинами; я уже совершенно забылъ о немъ, какъ вдругъ случай снова столкнулъ меня съ нимъ. Я обѣдалъ и просматривалъ газеты въ одномъ изъ трактировъ, и былъ очень удивленъ, услышавъ, что кто-то здоровается со мною.

— Вы, можетъ-быть, не узнали меня?—послышался мнѣ вопросъ.

Я поднялъ голову и увидалъ юношу, который такъ изумилъ меня въ купальнѣ.

— Мы съ вами купались вмѣстѣ,—пояснилъ онъ.

— Помню, помню,—улыбнулся я.

— Вы мнѣ позволите за вашъ столъ сѣсть?—спросилъ онъ.

— Пожалуйста,—отвѣтилъ я.

— Скучно, знаете, одному,—пояснилъ онъ.

Онъ усѣлся за столъ и спросилъ себѣ селянки и пироговъ. Онъ былъ попрежнему розовымъ и кругленькимъ мальчикомъ, хотя на этотъ разъ онъ смотрѣлъ какъ-то задумчиво или, лучше сказать, озабоченно.

— Скажите, пожалуйста,—вдругъ обратился онъ ко мнѣ

послѣ продолжительнаго молчанія нерѣшительнымъ тономъ:— васъ не били женщины?

Я разразился неудержимымъ смѣхомъ.

— Вы, пожалуйста, не обижайтесь, — торопливо заговорилъ онъ, смущаясь и краснѣя:—но, знаете, мнѣ очень бы хотѣлось это знать... Что-жъ, мы холостые люди и намъ нечего церемониться между собою...

— Не били,—отвѣтилъ я.

— Странно... очень странно,—проговорилъ онъ въ замѣшательствѣ, покусывая свою едва покрывавшуюся пушкомъ верхнюю губу.

— А васъ?.. вѣроятно...

Я не могъ говорить отъ овладѣвшаго мною смѣха.

— Да-съ, вотъ опять вчера вечеромъ... Третій разъ пощечину даютъ,—говорилъ онъ смущеннымъ и озабоченнымъ тономъ.—Оно, знаете, не больно, но... я, видите, совершенно неопытенъ по этой части... то-есть, я еще не знаю, какъ себя держать съ женщинами... Мнѣ хотѣлось бы только узнать вотъ, какъ это я понимать долженъ...

— То-есть, что же понимать-то?—спросилъ я.

— Да вотъ, если бьютъ,—пояснилъ онъ.

Я снова разразился смѣхомъ.

— Да, вамъ вотъ смѣшно, потому что вы уже опытный человѣкъ, а я,—началъ онъ съ наивнымъ упрекомъ въ голосѣ.—Мнѣ вотъ одинъ товарищъ говорилъ: «э, братъ, женщину тоже не скоро раскусишь; иная такъ тебя отбалуетъ, что искры изъ глазъ посыпятся, а сама влюблена въ тебя, какъ кошка»... Вотъ я теперь и не знаю, какъ же мнѣ быть послѣ того, что она мнѣ дала пощечину. Я, знаете, выходилъ одну горничную тутъ, два мѣсяца ходилъ за нею, глазки ей дѣлалъ, ручки, ну, орѣховъ разъ поднесъ... Я, знаете, человѣкъ совсѣмъ неопытный еще и, къ тому же, робкій... А вотъ вчера попробовалъ обнять, а она мнѣ и дала пощечину... конечно, можетъ-быть, на это не стоитъ обращать вниманія, но тоже, съ другой стороны, если она всегда будетъ такъ... Оно, знаете, все же неловко, я служу, а она все же горничная... Можетъ-быть, сосѣдямъ разсказывать станетъ, прислугѣ, на смѣхъ поднимутъ...

— Охота вамъ ловеласничать, вѣдь это просто пошло,— проговорилъ я.

— Да, какъ же-съ, вѣдь я тоже человѣкъ молодой,—отвѣтилъ мой собесѣдникъ и прибавилъ обидчивымъ тономъ.— Конечно, есть такіе развратники, которые Богъ знаетъ по

какимъ домамъ ѣздятъ и сближаются съ разною сволочью... Но я страдать ради этого баловства тоже не желаю... я тоже дорожу собою... вонъ у насъ одинъ чиновникъ гулялъ такъ-то, да и загубилъ себя. Намъ еще гувернеръ разсказывалъ, какіе ужасы бываютъ отъ этихъ посѣщеній, Богъ знаетъ, какихъ вертеповъ... И мерзость одна это только... пьянство, разнузданность тамъ... говорятъ, тамъ такія нахалки эти женщины, что краснѣть за нихъ надо...

Онъ пустился въ разныя интимныя разсужденія о томъ, какъ опасно молодымъ людямъ развратничать, какъ ему гадко даже смотрѣть на падшихъ женщинъ, какія онѣ бываютъ наглыя, какъ легко въ ихъ кругу запить и замотаться... Все это онъ сообщалъ мнѣ не то съ отвращеніемъ, не то съ застѣнчивостью наивнаго и робкаго мальчугана. Я попробовалъ разъяснить ему, что и его похожденія за горничными тоже очень некрасивы, но онъ стоялъ на одномъ.

— Что же вы прикажете дѣлать, вѣдь я человѣкъ молодой... Конечно, вы скажете, что я могъ бы жениться, но вѣдь мнѣ еще рано жениться, и притомъ, гдѣ же мнѣ найти невѣсту: съ бѣдной я съ голоду умру, а богатая за меня не пойдетъ... А это, что меня ударила горничная, конечно, пустяки... мнѣ только досадно, что я все лѣто на нее ухлопалъ, ходилъ-ходилъ и ни съ чѣмъ отъѣхалъ. Теперь вонъ зима близко, а зимой труднѣе выслѣдить кого-нибудь... всѣ по квартирамъ взаперти сидятъ. И ужъ, видно, я такой неудачникъ, никого знакомыхъ у меня нѣтъ, пріятели все холостяки и безсемейные люди; въ семейныхъ домахъ нигдѣ не бываю, совсѣмъ даже и придумать не могу, гдѣ бы съ барышнями сблизиться...

Почти въ теченіе часа слушалъ я жалобы моего оригинальнаго знакомаго; я узналъ, что онъ круглый сирота, что его зовутъ Дмитріемъ Петровичемъ Мазинымъ или Мазей, какъ называютъ его товарищи, что онъ получаетъ двадцать пять рублей въ мѣсяцъ жалованья, что онъ ведетъ очень скромную жизнь, что онъ любитъ въ товарищескомъ кружкѣ играть на гитарѣ, что онъ даже не пьетъ вина, что онъ больше любитъ конфеты, что онъ въ сущности нравственъ, какъ новорожденный младенецъ. Когда мы разставались, онъ попросилъ у меня позволенія придти ко мнѣ и взять у меня «книжечку почитать». Я далъ ему свой адресъ.

Онъ сталъ ходить ко мнѣ изрѣдка, на минуту, постоянно боясь помѣшать мнѣ, стѣснить меня.

Однажды вечеромъ я сидѣлъ дома, какъ вдругъ послышался робкій звонокъ: черезъ двѣ-три минуты ко мнѣ въ комнату вошелъ Маня. Онъ вошелъ, по обыкновенію, робко, застѣнчиво, краснѣя и извиняясь, что обезпокоилъ меня, и обѣщаясь сейчасъ же уйти, если онъ мнѣ помѣшалъ. Я принялъ его ласково... впрочемъ, я принимаю ласково всѣхъ и каждаго, потому что люди — это мои ходячіе бифштексы: чѣмъ болѣе у меня знакомыхъ, тѣмъ болѣе у меня матеріаловъ для наблюденій, а, значитъ, и для пріобрѣтенія средствъ на бифштексы.

— А вы что-то похудѣли, — замѣтилъ я Манѣ.

— Такая линія вышла, — отвѣтилъ онъ въ смущеніи.

— Видно, за горничными много бѣгаете, — пошутилъ я.

— Нѣтъ-съ, я бросилъ эти пошлости, — отвѣтилъ онъ застѣнчиво. — Удачи мнѣ нѣтъ... даже совсѣмъ напротивъ выходитъ... Я черезъ этихъ самыхъ горничныхъ, скажу вамъ откровенно, какъ другу, даже боленъ былъ...

— Неужели? — изумился я.

— Да-съ, такая подлость, такая подлость вышла, что вотъ ужъ никакъ не ожидалъ, — взволнованно произнесъ онъ и прошелся по комнатѣ.

— Да, что же такое случилось съ вами? — спросилъ я.

Маня осмотрѣлся кругомъ, точно желая удостовѣриться, что мы были одни, и, понизивъ голосъ, сказалъ:

— Я вамъ по дружбѣ готовъ сознаться, только вы, пожалуйста, знаете, никому ни гу-гу... Меня, видите ли, одинъ лакей избилъ...

Онъ перевелъ духъ и заговорилъ скороговоркой:

— Подлецъ, какъ есть подлецъ, хамъ, прямо въ физіономію кулакомъ... такъ и тычетъ, такъ и тычетъ... Намъ, говоритъ, сударь, самимъ эфти дѣвчонки-то самыя нужны .. Двѣ недѣли послѣ того въ должности не былъ.

— Синяки лѣчили? — спросилъ я, сдерживая свой смѣхъ.

— И синяки, и простуду... гардеробъ свой тамъ впопыхахъ оставилъ, ну, и простудился.

Я хохоталъ уже, позабывъ о всякомъ приличіи.

— Да, вамъ хорошо смѣяться, а я вотъ третью квартиру изъ-за этихъ самыхъ горничныхъ перемѣняю, — проговорилъ Маня. — Мизантропія даже какая-то напала, одно время глазъ никуда не показывалъ, такъ противно на людей было смотрѣть... Что-жъ, развѣ я виноватъ, что я застѣнчивъ и неопытенъ? Вотъ другіе — ходоки по этимъ дѣламъ, имъ все удается, такъ имъ, конечно, и смѣшно, а мнѣ...

Онъ омрачился и молча заходилъ снова по комнатѣ.

— Ну, а какъ же теперь-то вы?—спросилъ я.

— Теперь я совсѣмъ бросилъ эти глупыя ловеласничанья и жениться рѣшился... Сваха даже ко мнѣ ходитъ...

— Ну, и что же, нашли невѣсту?

— Нѣтъ еще, неподходящія все покуда навертываются,— грустно отвѣтилъ онъ и, помолчавъ, прибавилъ застѣнчиво:— Вы вѣдь сами видите, что я не очень дуренъ собою, а она какихъ-то уродовъ сватаетъ... Не могу же я, не любя, жениться... И безъ того въ жизни все проза да проза... Одна была хорошенькая, такъ совсѣмъ бѣдная и на шеѣ у нея мать-старуха да бабка... Я не могу взять жену съ матерью и бабкою, мнѣ нужно одну жену безъ матери и бабки.

Онъ помолчалъ съ минуту и потомъ заговорилъ снова.

— А ужъ если бы знали, какъ я теперь жалѣю, что я не пошелъ въ военную службу, такъ это и повѣрить трудно.

— А что?

— Да то, что будь я офицеръ, у меня сейчасъ же домъ каменный былъ бы.

— Неужели?

— Ей-Богу-съ! Тутъ есть чайный торговецъ Шляпкинъ, какъ онъ говоритъ, что посватайся за его дочь офицеръ, онъ ее и съ руками, и съ ногами отдастъ, хоть бы, говоритъ, голый какой навернулся да гвардеецъ... Это онъ потому, что у его брата дочь вышла замужъ за офицера, егерскаго полка, правда, за неказистаго да все же за гвардейца... А у этого Шляпкина домъ за дочерью-то идетъ въ приданое... да и хорошенькая она...

Онъ опять помолчалъ немного.

— Нѣтъ, какъ вы тамъ ни смѣйтесь, а иногда, знаете, просто въ уныніе впадаешь,—заговорилъ онъ.—Жалованье у меня маленькое, едва прожить можно, а не то, что на что-нибудь такое тратить, смѣлости нѣтъ, чтобы что-нибудь съ-налету взять, а между тѣмъ, тоже у меня, какъ и у всякаго, кровь кипитъ, сердце тоже есть... Иногда, знаете, просто, сказать стыдно, плачу дома. Ей-Богу-съ правда! Что-жъ, я сознаюсь въ этомъ, я не скрываю этого, потому что я не виноватъ, что мнѣ судьба такая вышла... Будь я богатъ или какой-нибудь нахалъ безчестный, или развратный гуляка, я нашелъ бы себѣ дорогу, я бы турманомъ закрутился, а то... И на какую я службу поступилъ: у насъ и командировокъ никакихъ нѣтъ куда-нибудь въ Москву или тамъ въ провинцію...

— А командировка-то вамъ на что понадобилась? Забыться хотите, что ли?

— Какое забыться! Будь у насъ командировки, такъ я черезъ мѣсяцъ бы женился... Вѣдь это въ Петербургѣ нашъ братъ не скоро невѣсту богатую подцѣпить можетъ, а въ Москвѣ, или гдѣ-нибудь въ провинціи женихи нужны, тамъ выходить не за кого дѣвушкамъ... Будь у меня теперь хоть тысяча рублей, я бросилъ бы и службу къ чорту и поѣхалъ бы жениться.

— Ну, а если бы вдругъ не удалось?

— Помилуйте, да вѣдь я же теперь вполнѣ мужчина... Тамъ, въ провинціи, даже бы за счастье сочла иная богатая невѣста имѣть такого мужа... Я, конечно, похудѣлъ теперь немного, но это пустяки, откормиться скоро можно... Я ужъ и то думаю публиковать въ газетахъ, что я ищу мѣсто учителя или управляющаго въ отъѣздъ... Мнѣ все равно, куда ѣхать... я хоть въ Сибирь готовъ, только бы отсюда выбраться, потому что я съ моимъ жалованьемъ и съ моимъ характеромъ совсѣмъ здѣсь зачахну... Вы, помяните мое слово, увидите, что зачахну, да этакъ и поглупѣешь совсѣмъ, потому что только объ этомъ и думаешь... Ей-Богу, я, въ концѣ-концовъ, или идіотомъ сдѣлаюсь, или въ какой-нибудь публичный домъ въ пьяномъ видѣ попаду, да тамъ и околѣю...

Мнѣ стало даже жаль его.

Прошло около трехъ лѣтъ послѣ этого визита Мази ко мнѣ: судьба меня забросила въ другія мѣста и заставила потерять на время изъ виду моихъ петербургскихъ знакомыхъ. Когда я снова возвратился въ Петербургъ, мнѣ, разумѣется, и въ голову не приходило, что я встрѣчусь снова съ Мазей. Я зналъ его такъ недолго, такъ мало интересовался имъ, что воспоминаніе о немъ совершенно изгладилось изъ моей памяти. Но случай опять столкнулъ меня съ нимъ: я встрѣтилъ своего стараго знакомаго на улицѣ и прошелъ бы мимо него, если бы онъ не окликнулъ меня совсѣмъ робкимъ голосомъ.

— Извините, можетъ-быть, вамъ непріятно видѣть меня,— сказалъ онъ, остановившись передо мною.

Я взглянулъ на него, узналъ его, протянулъ ему руку. Но меня поразилъ его видъ: Маза былъ худъ, блѣденъ, плохо одѣтъ. Несмотря на зимнее время, онъ былъ въ легонькомъ пальто съ поднятымъ воротникомъ, его панталоны были довольно потасканы, его фуражка была какая-то измятая, потертая, порыжѣвшая...

— Что съ вами, Мазя?—спросилъ я, забывъ его имя и отчество, и прибавилъ: — извините, что я васъ такъ называю, но...

— Ничего, ничего, я очень радъ... очень благодаренъ, я думалъ, вы погнушаетесь, — заговорилъ онъ торопливо, конфузливо, какъ смущенная дѣвушка. — Я плохо одѣтъ... многихъ это теперь смущаетъ... а я... ахъ, если бы вы знали, что со мной дѣлается...

— Успокойтесь,—ласково сказалъ я.—Зайдемте ко мнѣ, потолкуемъ...

Я взялъ его подъ руку и повелъ къ себѣ. У него навернулись на глазахъ слезы.

— Вы... вы... очень, очень добрый человѣкъ!—пробормоталъ онъ и пожалъ мнѣ руку.

Я дошелъ съ нимъ до своей квартиры и ввелъ его въ свой кабинетъ.

— Ну, обогрѣйтесь, отдохните, разсказывайте свои похожденія,—сказалъ я, бросая зажженную бумажку въ печь, гдѣ уже лежали дрова.

Мазя былъ видимо взволнованъ, тронутъ и смущенъ.

— Давно, давно никто меня не принималъ такъ дружески,— сказалъ онъ:—всѣ бросили, всѣ отвернулись, боятся даже...

— Да полноте вы волноваться. Вы еще молоды, перемелется рожь—мука будетъ,—сказалъ я, дотрагиваясь до его плеча.

Онъ вдругъ притянулъ меня къ себѣ и крѣпко поцѣловалъ. Изъ его глазъ хлынули слезы.

— Мазя! что вы! Полноте, голубчикъ!—сказалъ я, взволнованный не на шутку, и погладилъ его по головѣ, какъ ребенка.

— Нѣтъ... ничего... Это пройдетъ! Я не стыжусь, что я плачу... цѣлуюсь... Если бы у меня былъ отецъ, если бы у меня была мать, они не могли бы болѣе обласкать меня, чѣмъ вы сегодня... Всѣ и за человѣка-то перестали меня считать, смотрятъ со страхомъ, помѣшаннымъ считаютъ...

Онъ расплакался навзрыдъ, и въ этихъ слезахъ было что-то женское, ребяческое, нервное. Прошло не менѣе часу, прежде чѣмъ мнѣ удалось совершенно успокоить его и узнать его исторію.

— Вы помните, что я за человѣкъ былъ три года тому назадъ?—спросилъ онъ меня.

— Какъ вамъ сказать, Мазя,—я васъ мало зналъ,— отвѣтилъ я.

— Ну, да, мало знали, а все же видѣли, что я былъ посмѣшный и застѣнчивый, быть-можетъ, немного глуповатый мальчуганъ-пошлякъ, думавшій только о женскихъ юбкахъ.

Я улыбнулся.

— Пожалуй, я зналъ даже и болѣе, я зналъ, что вы любили наблюдать за женщинами безъ юбокъ, но это еще не характеристика человѣка.

— Ахъ, да во мнѣ тогда ничего больше и не было: начитавшійся романовъ, жаждавшій поэзіи любви, напуганный разсказами о послѣдствіяхъ разврата, я вырвался на волю изъ закрытаго заведенія и попалъ въ незнакомый мнѣ городъ, гдѣ были уже не одни мальчики, а и дѣвушки, гдѣ передъ моими глазами совершались любовные романы, гдѣ молодежь только и говорила о любви,—ну, и явилось у меня одно желаніе, одна потребность, одна страсть сойтись съ этими дѣвушками, узнать ихъ, полюбить ихъ и въ то же время было у меня отвращеніе къ простымъ связямъ съ падшими женщинами, которыхъ я боялся. Вамъ нечего разсказывать мои тогдашнія, смѣшныя и пошлыя похожденія: вы ихъ знаете...

— Да, до того времени, когда вы задумали искать невѣсту...

— Вотъ въ это-то время я и узналъ впервые женщинъ или, лучше сказать, одну женщину, другихъ я не зналъ, да, можетъ-быть, и не узнаю. Разъ меня послали съ бумагами къ одному изъ моихъ начальниковъ. Я отнесъ ему бумаги, откланялся и пошелъ изъ его кабинета, какъ вдругъ въ дверяхъ мнѣ встрѣтилась какая-то молодая, прекрасно одѣтая дама. Я сконфузился, покраснѣлъ и далъ ей дорогу.

Я не успѣлъ затворить еще дверей, какъ за мной послышался въ кабинетѣ вопросъ:

— Что это за дѣвочка въ мундирѣ?

— Это нашъ служащій, Мазинъ,—послышался отвѣтъ моего начальника.

Я покраснѣлъ еще болѣе и удалился.

Дня черезъ три начальникъ призвалъ меня къ себѣ и поручилъ мнѣ свезти какой-то свертокъ по данному мнѣ адресу.

На адресѣ я прочелъ: «Большая Морская, домъ № 21, ея высокоблагородію Эммѣ Адольфовнѣ Брезъ».

Я отправился по адресу, нашелъ домъ, нашелъ квартиру госпожи Брезъ и позвонилъ у дверей.

Ко мнѣ вышла горничная, молоденькая и бойкая дѣвушка, и спросила:

— Отъ кого вы?

Я сказалъ.

Меня попросили подождать и минутъ черезъ пять пригласили въ комнату. Горничая провела меня черезъ богато убранную гостиную съ малиновою шелковою мебелью, съ малиновыми шелковыми занавѣсями и портьерами и ввела въ небольшой кабинетъ съ мягкими коврами, съ мягкими диванчиками, съ массой цвѣтовъ и картинъ въ золоченыхъ рамахъ. На одной изъ голубыхъ кушетокъ полулежала вся въ бѣломъ та самая дама, которую я встрѣтилъ у своего начальника: это была еще совсѣмъ юная красавица, какихъ мнѣ еще не удавалось встрѣчать въ жизни.

— А, это вы!—сказала она, кивнувъ своей головой.—Мы уже знакомы. Я видѣла васъ на-дняхъ у Ивана Петровича. Садитесь.

Она указала мнѣ на кресло. Я былъ красенъ, какъ ракъ, и смущенъ до послѣдней степени. Вы вѣдь знаете, какъ я былъ тогда застѣнчивъ. Я поставилъ на кресло свой цилиндръ и сѣлъ на него. Послышался трескъ моей шляпы,—я присѣлъ еще плотнѣе, растерявшись окончательно. Госпожа Брезъ улыбнулась и покачала головкой.

— Вы всегда такой застѣнчивый?—спросила она, кусая губки, чтобы скрыть свой смѣхъ.

Я кое-какъ пробормоталъ:

— Извините, я не бываю въ обществѣ.

— Но вы такъ милы,—откровенно сказала она, осматривая меня съ ногъ до головы.

Я чуть не расплакался отъ смущенія.

— Вы еще совсѣмъ мальчикъ,—сказала она.

— Мнѣ... мнѣ двадцатый годъ,—пробормоталъ я.

— Неужели?.. я не дала бы вамъ и семнадцати лѣтъ... Вы только на три года моложе меня... У васъ есть семья?..

— Нѣтъ-съ, я одинъ.

— Совсѣмъ одинъ?—спросила она, лукаво прищуривъ глазки.

— Да... то-есть родныхъ у меня нѣтъ,—сказалъ я.

— Ну, а, вѣрно, есть какая-нибудь невѣста, подруга жизни?

Я потупился и пробормоталъ:

— Я совсѣмъ одинъ.

Я не помню, о чемъ она спрашивала меня еще, потому

что у меня все спуталось въ головѣ, въ глазахъ ходили зеленые и красные круги, а она все пристальнѣе, все ласковѣе смотрѣла на меня. Наконецъ, я всталъ, чтобы идти; она протянула мнѣ руку, я подошелъ къ ней поближе и, право, не могу вамъ сказать теперь, что сдѣлалось со мной въ эту минуту,—знаю только, что я покатнулся, упалъ передъ нею, прильнулъ губами къ ея рукѣ, къ ея платью, къ ея груди. Какой-то сладкій голосъ шепталъ мнѣ на ухо: «милый, красавчикъ!..» Съ этой минуты для меня началась новая жизнь: я сходилъ съ ума отъ любви, я жилъ только этою любовью, я ходилъ, какъ въ туманѣ, до того часа, когда я могъ предаться этой любви. Я не знаю, какъ любятъ другіе, какъ любятъ другихъ женщинъ, но моя любовь къ Эммѣ походила на сумасшествіе, и сама Эмма, казалось, испытывала то же самое. Она говорила мнѣ, что она впервые въ жизни встрѣтила такого «мальчика», какъ я, что никогда не предполагала, чтобы можно было такъ любить, какъ люблю я, что иногда ей даже становится страшно со мною, хотя она и не знаетъ, почему. И то сказать, вѣдь это была моя первая любовь! Эмма просила меня только не заикаться о нашемъ сближеніи Ивану Петровичу, моему начальнику, и назначала мнѣ свиданія только въ извѣстные часы. Почему я долженъ былъ скрывать свою любовь отъ Ивана Петровича, почему я могъ приходить къ Эммѣ только въ извѣстные часы и то съ чернаго хода, я объ этомъ не спрашивалъ тогда, сумасшествуя отъ любви. Эмма говорила, что Иванъ Петровичъ ея опекунъ и благодѣтель, что онъ будетъ сердиться, если узнаетъ о нашихъ свиданіяхъ, и я не справлялся, не задумывался о дальнѣйшемъ. Да развѣ и могъ я думать о чемъ-нибудь, кромѣ того, что въ такой-то часъ я буду снова счастливъ?

Иванъ Петровичъ, кажется, ничего не подозрѣвалъ и, по странной случайности, какъ мнѣ казалось тогда, самъ посылалъ меня иногда съ письмами къ госпожѣ Брезъ. Только однажды произошла совершенно неожиданная для меня исторія. Разъ я пришелъ къ Ивану Петровичу по его зову. Онъ велѣлъ мнѣ затворить двери въ кабинетѣ и пригласилъ меня сѣсть. Я опустился на кончикъ стула.

— Вы, кажется, не женаты?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ-съ,—отвѣтилъ я.

— И не имѣете въ виду невѣсты?—сдѣлалъ онъ еще вопросъ.

— Нѣтъ-съ,—повторилъ я.

— Оно и хорошо. Съ вашимъ жалованьемъ женитьба не ведетъ къ добру, это только къ расположенію нищихъ ведетъ,—сказалъ онъ.—Но что бы вы сказали, если бы вамъ предложили жениться на женщинѣ богатой?

Я молчалъ: я сознавалъ, что я теперь не женюсь ни на комъ, хотя бы мнѣ предложили милліоны.

— Видите ли, бываютъ такіе случаи, когда женщинѣ нужно непремѣнно выйти замужъ за кого бы то ни было,—небрежно пояснилъ Иванъ Петровичъ.—Но выйти не для того, чтобы жить съ мужемъ, а для того, чтобы имѣть имя и не оставить незаконныхъ дѣтей. Меня просили устроить такую свадьбу, если я найду скромнаго и тихаго бѣдняка изъ благородныхъ. Я остановился на васъ, потому что вы, по отзывамъ вашихъ ближайшихъ начальниковъ, совсѣмъ красная дѣвушка.

Иванъ Петровичъ иронически улыбнулся.

— Кромѣ того, я знаю, что у васъ нѣтъ ни родныхъ, ни близкихъ,—продолжалъ онъ.—Вы бѣдны, и потому вамъ не будутъ лишними нѣсколько тысячъ. Я похлопочу даже о васъ, чтобы вамъ дали лучшее мѣсто въ видахъ полезнаго служенія...

Я молчалъ: я начиналъ бояться, потому что Ивана Петровича могъ разсердить мой отказъ.

— Но вы, пожалуйста, не думайте, что жена стѣснитъ васъ въ чемъ-нибудь,—продолжалъ Иванъ Петровичъ.—Она даже не заглянетъ къ вамъ въ квартиру. Вы обвѣнчаетесь и разойдетесь...

Я рѣшительно не зналъ, что сказать, и, сдѣлавъ надъ собой усиліе, пробормоталъ:

— Но, можетъ-быть, она... то-есть онѣ... не знаютъ...

— Кто это? Mademoiselle Брезъ? Нѣтъ, она видѣла васъ уже раза три и согласна,—сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Mademoiselle Брезъ?—вырвалось у меня невольно восклицаніе.

Иванъ Петровичъ съ удивленіемъ вопросительно взглянулъ на меня.

— Что же это васъ такъ удивляетъ?—спросилъ онъ.—Ну, да, mademoiselle Брезъ. Ей нужно выйти замужъ за дворянина, за чиновника. Конечно, ей все равно, будете ли это вы или кто-нибудь другой, потому что она тотчасъ же послѣ свадьбы уѣдетъ на нѣкоторое время за границу...

— За границу?—повторилъ я безсознательно.

— Да... Впрочемъ, все дальнѣйшее не касается васъ,—

сухо сказалъ Иванъ Петровичъ.—Подумайте и дайте завтра мнѣ отвѣтъ.

Я вышелъ, какъ въ туманѣ, и понесся къ Эммѣ.

— Эмма, Эмма, послушай, вѣдь онъ это лжетъ, вѣдь это неправда?—кричалъ я, бѣгая къ ней.

— Что съ тобой? Кто и что лжетъ?—спросила она, съ изумленіемъ глядя на меня.

— Да Иванъ Петровичъ... Онъ говоритъ, чтобы я женился на тебѣ. Что ты уѣдешь...

— Ну?

— Вѣдь это же неправда? А женюсь на тебѣ, но не затѣмъ, чтобы разойтись, чтобы ты уѣхала... Я не хочу...

— Тише, тише, успокойся!—проговорила она.—Ты совсѣмъ мальчикъ... Ну да, мнѣ нужно выйти замужъ по извѣстнымъ причинамъ, и я выбрала тебя, потому что ты мнѣ понравился... Что-жъ тутъ такого ужаснаго?

— Да, но зачѣмъ же тогда онъ говорилъ о томъ, что намъ надо разойтись, что ты уѣдешь?

— Мы вовсе не разойдемся, а будемъ видѣться, будемъ, пожалуй, жить вмѣстѣ послѣ моего возвращенія изъ-за границы.

— Но если тебѣ нужно ѣхать за границу, то вѣдь и я могу ѣхать съ тобой...

— Ахъ, Богъ мой, ты ничего не понимаешь! Меня повезетъ за границу Иванъ Петровичъ, такъ какъ онъ ѣдетъ туда на полгода лѣчиться. Какъ же можетъ онъ допустить, чтобы ѣхалъ и ты...

— Иванъ Петровичъ!.. Что же намъ до Ивана Петровича?..

— А кто же насъ будетъ содержать?

Я въ недоумѣніи остановился передъ нею. Она покачала головой и притянула меня къ себѣ.

— Ахъ ты, бѣдный мой мальчуганка, бѣдный мальчуганка!—проговорила она, лаская меня.—Ты, точно пансіонерка, ничего не понимаешь!

Дѣйствительно, я ничего не понималъ, покуда она не объяснила мнѣ всего. Дѣло въ томъ, что Эмма была падшая женщина, попавшая на содержаніе къ Ивану Петровичу. Его стѣсняло ея положеніе, и онъ хотѣлъ ее облагородить, поднять. Онъ поискалъ ей жениха изъ нашихъ чиновниковъ, человѣка немолодого и некрасиваго. Она боялась выйти замужъ за этого господина, такъ какъ ей казалось, что онъ захочетъ прибрать ее къ рукамъ и можетъ доса-

ждать ей, пользуясь своими правами мужа. Она пріѣхала къ Ивану Петровичу дать отвѣтъ относительно своего замужества именно въ тотъ день, когда встрѣтила впервые меня. Я поразилъ ее своею красотою и застѣнчивостью, и она сказала Ивану Петровичу, что она гораздо охотнѣе вышла бы замужъ за такого «теленка», какъ я, чѣмъ за старика-пройдоху. Она такъ ясно доказала Ивану Петровичу, что имъ будетъ выгоднѣе имѣть въ видѣ подставного мужа трусливаго и забитаго мальчика, чѣмъ опытнаго дѣльца, что Иванъ Петровичъ рѣшился послать меня къ ней съ порученіемъ и дать этимъ ей возможность убѣдиться, дѣйствительно ли я «простъ и не далекъ». Такимъ образомъ онъ познакомилъ меня съ Эммой. Эмма послѣ перваго же моего визита объявила Ивану Петровичу, что я совершенный дуракъ и мокрая курица.

— Ты не сердись на меня за это,—сказала она мнѣ.—Я это говорила потому, что старикашка мой могъ приревновать меня къ тебѣ, и тогда мнѣ нечего бы и думать сдѣлаться твоею женою. А ты знаешь, что я съ ума схожу отъ тебя!

Потомъ Иванъ Петровичъ, убѣжденный доводами Эммы, согласился съ нею, что такой мужъ, какъ я—робкій, застѣнчивый, бѣдный, глупый и неопытный—будетъ очень удобенъ, и рѣшился объясниться со мною.

— Я тебя не предупредила объ этомъ, потому что я думала, что ты давно понялъ мои отношенія къ Ивану Петровичу,—сказала она.—Я была убѣждена, что ты будешь радъ возможности жениться на мнѣ...

— Ты съ ума сошла!—воскликнулъ я.—Радоваться возможности жениться на тебѣ, когда ты будешь жить съ этимъ негодяемъ!

— Ахъ, полно сумасшествовать! Вѣдь ты же зналъ и прежде, что я не дѣвушка, что, значитъ, я жила или живу съ кѣмъ-нибудь, такъ чего же ты волнуешься? Иванъ Петровичъ нуженъ намъ потому, что и ты, и я нищіе... Ну, женишься, съѣзжу я съ нимъ за границу, а потомъ поселимся вмѣстѣ... Онъ и ѣздитъ-то ко мнѣ не часто...

— Ни за что, ни за что! Слышишь ты, я не хочу, чтобы ты жила съ нимъ! — крикнулъ я.—Если ты меня любишь, такъ и живи со мною! Я женюсь на тебѣ, но женюсь по своей волѣ, а не ради Ивана Петровича, не для него!

— Ну, полно!—тихо сказала она, успокаивая меня, и

вздохнула.—Ты еще лучше такимъ, какимъ ты сталъ теперь,—замѣтила она, лаская меня.—Ты теперь совсѣмъ мужчиной смотришь...

— Такъ ты согласна бросить этого урода?—сказалъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ, этого нельзя,—задумчиво произнесла она: я не могу жить въ бѣдности... Нѣтъ, я ужъ знаю, что значитъ бѣдность. Я уже на шестнадцатомъ году продалась изъ-за куска хлѣба...

— Такъ на что же ты разсчитываешь?—спросилъ я.

— Ну, подождемъ нѣсколько дней, ты одумаешься, поймешь, что намъ иначе нельзя быть, тогда поженимся, я уѣду на время...

— Этого не будетъ и не будетъ!—топнулъ я ногою.—Я не женюсь на чужой любовницѣ, не женюсь за деньги, данныя мнѣ любовникомъ моей невѣсты...

— Злой, злой! Ты хочешь, чтобы я вышла замужъ за того гнуснаго старикашку, котораго сваталъ за меня Иванъ Петровичъ,—проговорила она, почти плача.

— Ты ни за него не выйдешь, ни за кого-нибудь другого!—закричалъ я.—Ты будешь моею женою, бросишь Ивана Петровича, или я...

Я сжалъ кулаки: я готовъ былъ ударить ее въ эту минуту.

— Ну, не сердись!—испуганно сказала она.—А если я его брошу, то ты согласишься жениться на мнѣ?

— И ты еще спрашиваешь!—проговорилъ я.

— Ну, хорошо, милый, хорошо, я подумаю...

Она обвила меня руками, она цѣловала мои глаза, мои руки.

— Какой ты ревнивый!—шептала она.—Я не знала, что ты такой... Красавецъ мой!

Я опять опьянѣлъ отъ ея ласкъ и не замѣтилъ, какъ пролетѣло время.

— Ну, ты ступай теперь,—сказала она, наконецъ, мнѣ, взглянувъ на часы.—Иванъ Петровичъ пріѣдетъ. Я должна объясниться съ нимъ, сказать ему...

— Не принимай его, вотъ и все объясненіе,—сказалъ я.—А завтра я скажу ему, что я отказываюсь отъ его предложенія. Потомъ, когда онъ уѣдетъ за границу, мы и повѣнчаемся.

— Нѣтъ, такъ нельзя,—сказала она.—У меня есть долги, пусть онъ ихъ сначала заплатитъ... Нѣтъ, нѣтъ, такъ нельзя... Намъ надо повѣнчаться до его отъѣзда, тогда онъ все заплатитъ, а то какъ же...

Она въ волненіи заходила по комнатѣ.

— Нѣтъ, ты иди, иди! — бормотала она, потирая свой лобъ.—Ахъ, какъ же это мы будемъ жить... у тебя ничего, у меня тоже... Тебя откажутъ отъ мѣста... Нѣтъ, я совсѣмъ съ ума сошла... Это невозможно...

— Что невозможно?—спросилъ я.

— Да какъ же, у меня три тысячи долгу: если онъ не заплатитъ, то что же я стану дѣлать? А потомъ-то, потомъ-то что? Ахъ, какая я дура, что сказала тебѣ, что я выйду за тебя замужъ... Развѣ я могу?..

Въ передней послышался звонокъ,

— Уходи, уходи! Черезъ черную лѣстницу уходи! — проговорила она, хватая меня за руку.

Я не знаю, что сдѣлалось со мною въ эту минуту. Я забылъ все на свѣтѣ и помнилъ только одно, что эта женщина, которую я безумно любилъ, выталкиваетъ меня, чтобы принять противнаго ей самой любовника. Въ моей головѣ мелькнула мысль, что мнѣ стоитъ только сдѣлать скандалъ, и Иванъ Петровичъ броситъ ее самъ, и тогда—тогда она будетъ поневолѣ моею.

— А вотъ мы увидимъ, что ты сдѣлаешь, когда онъ узнаетъ, что ты и его обманывала! Онъ не то, что я, онъ не проститъ ради любви!—закричалъ я ей въ бѣшенствѣ и, рванувшись отъ нея, побѣжалъ къ парадному ходу.

— А, такъ ты погубить меня хочешь!—задыхающимся голосомъ проговорила она и бросилась за мною.

Въ эту минуту въ переднюю входилъ Иванъ Петровичъ.

— Ахъ, слава Богу, это вы!—воскликнула по-французски Эмма.—Этотъ человѣкъ чуть не убилъ меня... Онъ, вѣрно, пьянъ... Онъ требуетъ, чтобы я прогнала васъ, чтобы я была его любовницей...

— Она лжетъ, она была моею любовницею, она васъ обманываетъ,—закричалъ я.

— Негодяй,—прошептала она задыхающимся отъ злобы и страха голосомъ.

Но Иванъ Петровичъ уже обнялъ одною рукою прижавшуюся къ нему и трепещущую Эмму и съ омерзѣніемъ проговорилъ горничной:

— Уберите его!

Онъ пошелъ съ Эммой въ гостиную; я рванулся за ними, но горничная старалась удержать меня; мнѣ стоило не малыхъ усилій, чтобы вырваться изъ ея рукъ, однако, это мнѣ удалось, и я влетѣлъ въ гостиную, подбѣжалъ къ Эммѣ

и схватилъ ее за горло... Она захрипѣла подъ моими руками.

— Когда я теперь вспоминаю все это, мнѣ кажется, что я вижу страшный сонъ,— съ тяжелымъ вздохомъ кончилъ свой разсказъ Мазя.

— Вы ее задушили?—тихо спросилъ я.

— Гдѣ ужъ мнѣ, тряпкѣ! Силишки не хватило!—безнадежно махнулъ онъ рукою.

Мой гость помолчалъ немного и потомъ снова продолжалъ свой разсказъ:

— Я очнулся въ больницѣ. По тому, какъ со мной обращались, я понялъ, что меня считаютъ за страдающаго душевной болѣзнью. Но это меня нисколько не взволновало. Мнѣ было все равно, какъ на меня смотрятъ. Въ моей душѣ была какая-то пустота, какая-то полная апатія. Я пилъ и ѣлъ, когда мнѣ давали пить и ѣсть; я вставалъ съ постели, когда совѣтовали пройтись по саду. Около меня были сумасшедшіе люди, они говорили разный вздоръ, а я молча смотрѣлъ на нихъ, молча слушалъ ихъ. Прошло не мало времени, когда доктора нашли, что меня можно выпустить на свободу, хотя я и не просилъ ихъ о томъ. Я вышелъ на волю, у меня уже не было ни мѣста, ни денегъ, ни порядочной одежды и не было даже твердой увѣренности, что я дѣйствительно здоровый человѣкъ. Я не умѣю сказать вамъ, какъ я перебивался первое время, и какъ я перебиваюсь и теперь...

— Вы нашли мѣсто?—спросилъ я.

— Нѣтъ, я и не искалъ мѣста, я нашелъ кое-какіе грошовые уроки и поступилъ въ академію...

— Въ академію?—спросилъ я.

— Да, захотѣлось сильныхъ ощущеній, трупы рѣзать, на умирающихъ смотрѣть... Теперь я уже на второмъ курсѣ, но вы не думайте, что я совсѣмъ здоровъ... Я уже два раза чуть-чуть не попалъ снова въ отдѣленіе душевно-больныхъ... Какіе-то припадки со мною дѣлаются... Разъ Эмму опять встрѣтилъ и погнался за ея коляской... Въ другой разъ Ивана Петровича чуть не исколотилъ... Вонъ и сегодня расплакался у васъ... Нервничаю вообще...

Онъ горько усмѣхнулся.

— Ну, это пройдетъ, вы, вѣрно, плохо живете, не досыпаете и не доѣдаете, вотъ нервы-то и разстраиваются еще больше,—сказалъ я.

— Да, всего бываетъ,—вздохнулъ онъ.—Въ колею еще,

знаете, не вошелъ, изъ дурака въ умные превратиться не легко.

По его лицу опять скользнула ироническая улыбка.

— Да ужъ и судьба-то ваша вышла такая необыкновенная,—замѣтилъ я.

— А обыкновенная-то какая бы должна была быть?—спросилъ онъ и прищурился, глядя на меня.—Вотъ насъ вышло не мало въ одно время изъ училища. Одинъ истаскался на Невскомъ и, наконецъ, погибъ въ публичномъ домѣ отъ разврата и пьянства; другой сошелся съ какою-то модисткою и уже пятаго незаконнорожденнаго ребенка отсылаетъ теперь въ воспитательный домъ; третій женился на богатой купчихѣ, которая бьетъ его башмаками по щекамъ, четвертый... ну, этотъ счастливо отдѣлался, не развратился въ разныхъ Эльдорадо, не сдѣлался посѣтителемъ публичныхъ домовъ, не соблазнялъ швеекъ и горничныхъ, плодя незаконнорожденныхъ и населяя воспитательный домъ, не продалъ себя за деньги богатой женѣ, а полюбилъ честно честную дѣвушку и скромно женился на ней... въ чахоткѣ теперь вотъ только; не сегодня, такъ завтра умретъ, а дома голодная жена и трое оборванныхъ ребятишекъ... Я, знаете, теперь иногда предаюсь философскимъ размышленіямъ въ качествѣ умопомѣшаннаго,—съ горькой ироніей продолжалъ Мазинъ:—и все мнѣ хочется найти систему, по которой слѣдовало бы жить бѣднякамъ-юношамъ. Должны ли они развратничать съ падшими женщинами, должны ли они развращать еще не павшихъ женщинъ, должны ли они продавать сами себя, какъ публичныя женщины, должны ли они честно жениться тотчасъ по возмужалости и плодить нищихъ, или есть еще какой-нибудь, покуда неизвѣстный намъ выходъ?.. Я, право, иногда прихожу въ недоумѣніе, когда подумаю, на которомъ изъ этихъ путей скорѣе нравственно гибнетъ человѣкъ и гдѣ онъ приноситъ болѣе вреда обществу, и въ такія минуты все человѣчество представляется мнѣ какой-то массой сумасшедшихъ, поставившихъ себя въ такія условія, изъ которыхъ, какъ ни бейся, какъ ни вертись, не выйдешь ни чистымъ, ни нравственнымъ, ни честнымъ: сближеніе бѣдняка, а изъ бѣдняковъ-то и міръ состоитъ, съ проститутками ведетъ къ пьянству, къ загулу, къ нравственной, а иногда и къ физической гибели, потому что проститутка это отверженное существо, это гуляка, это что-то такое, къ чему можно прикасаться только въ пьяномъ видѣ и что неизбѣжно грязнитъ и губитъ юношу; сближеніе

съ честными дѣвушками ведетъ или къ населенію воспитательныхъ домовъ незаконными дѣтьми, или къ созданію голодающей семьи, къ истощенію собственныхъ силъ въ борьбѣ съ нищетою; сближеніе съ богатыми... ну, ужъ продавать-то себя во всякомъ случаѣ плохо... Я, впрочемъ, невмѣняемъ и потому все вижу въ мрачномъ освѣщеніи.

Слушая Мазина, я не узнавалъ его теперь: изъ глуповатаго или, вѣрнѣе сказать, наивнаго и неопытнаго мальчугана, онъ превратился въ эти шесть лѣтъ въ далеко не глупаго человѣка, но складъ его ума былъ какой-то парадоксальный, какой-то оригинальный; онъ возмужалъ за послѣдніе годы и, повидимому, научился сурово бороться съ невзгодами, но въ то же время онъ былъ способенъ на такія выходки, какъ его выходка при входѣ ко мнѣ; печать чего-то неладнаго, чего-то страннаго лежала на характерѣ, въ поступкахъ, на взглядахъ этого человѣка.

— А знаете ли, что я способенъ былъ бы сдѣлать теперь?—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Я, если бы ко мнѣ пришла теперь Эмма, способенъ бы былъ жениться на ней. Я ее замучилъ бы, истиранилъ бы, билъ бы ее, быть-можетъ, но повѣрьте мнѣ, что никто бы не могъ ее любить такъ, какъ я... Она, впрочемъ, и сама это знаетъ... она боится встрѣчаться со мною...

Прошло еще не мало лѣтъ; случай успѣлъ въ эти годы опять разлучить меня съ Мазинымъ и потомъ снова свести съ нимъ. На этотъ разъ мнѣ уже невозможно было узнать моего стараго пріятель, такъ онъ возмужалъ, такъ сталъ серьезенъ. Въ немъ не было и слѣдовъ ни прежняго розовенькаго мальчугана, ни того изстрадавшагося молодого бѣдняка, какимъ знавалъ я его въ былые годы. Это былъ серьезный докторъ-практикъ съ дѣловымъ видомъ, съ сдвинутыми бровями, съ пристальнымъ, вдумчивымъ взглядомъ. Онъ, напротивъ того, узналъ меня сразу и остановилъ, широко открывъ мнѣ свои объятія.

— Вотъ-то не ожидалъ тебя уже увидѣть еще разъ въ жизни,—проговорилъ онъ мнѣ дружески.

Мы никогда не говорили другъ другу прежде «ты», но это обращеніе на «ты» вышло какъ-то такъ естественно, что мнѣ самому было странно заговорить теперь съ нимъ на «вы»: мы оба и обрадовались другъ другу, и взволновались, точно передъ нами вдругъ воскресло все прошлое.

— Ты свободенъ сегодня?—спросилъ онъ меня.

— Свободенъ,—отвѣтилъ я.

— Ну, значитъ, ко мнѣ!—проговорилъ онъ.

Я не отказывался; я былъ радъ провести съ нимъ время.

— Ты не женатъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, братъ, когда могъ жениться—не женился, а теперь... теперь мнѣ сорокъ лѣтъ.

— Что-жъ, еще можно.

— Нѣтъ, дружище, въ эти годы умные люди не женятся, а развѣ только ихъ женятъ... Ну, меня даже и не женятъ—слава Богу, тертый калачъ...

— Ужъ будто въ сорокъ лѣтъ и нельзя жениться,—сказалъ я.

— Можно и въ шестьдесятъ, да глупо,—отвѣтилъ онъ.—На какой-нибудь тринадцатилѣтней дѣвѣ не радость жениться, а взять дѣвушку лѣтъ семнадцати, восемнадцати, ну, такъ это значитъ украсить себя къ пятидесяти годамъ рогами...

— А вдовы-то на что?—разсмѣялся я.

— Покойниковъ, братъ, боюсь,—пошутилъ онъ:—пожалуй, въ спальню придутъ семейное счастіе нарушать... Нѣтъ, ужъ гдѣ намъ жениться, лучшіе годы изъ-за хлѣба бьешься, а потомъ, глядишь, и поздно поэзіей любви наслаждаться. Да кстати я такую спеціальность въ медицинѣ избралъ, что только прозу любви знаю, ужъ больно непривлекательна эта проза, чортъ ее возьми!

Онъ съ минуту помолчалъ.

— Впрочемъ, я и не раскаиваюсь, что я холостъ,—замѣтилъ онъ:—я думаю, что чаще мужьямъ приходится раскаиваться въ томъ, что они женаты, чѣмъ холостякамъ въ томъ, что они холосты. Я, братъ, недавно у Свифта вычиталъ одно отличное изреченіе. Онъ говоритъ: «у супружества много дѣтей: раскаянье, ссоры, бѣдность, ревность, болѣзнь, сплинъ, отвращеніе и т. д.». Пожалуй, что старикъ-то и правъ! Тоже не глупый былъ человѣкъ.

— А ты все по-старому парадоксы любишь?—замѣтилъ я.

— Да вѣдь знаешь ли, что мнѣ приходитъ иногда въ голову?—задумчиво сказалъ онъ.—Мнѣ кажется, что и вся жизнь человѣчества не болѣе, какъ самый невѣроятный парадоксъ.

Мы дошли до дома, гдѣ онъ жилъ. Онъ ввелъ меня въ свою квартиру. Небольшое, но уютное жилище Мазина было обставлено недурно, вездѣ было видно стремленіе къ удобству, къ комфорту. Каминъ, мягкія кресла, качалка, ковры, все это было удобно, изящно, манило къ отдыху. Хозяинъ оста-

вилъ меня на нѣсколько минутъ, чтобы распорядиться насчетъ обѣда. Я отъ нечего дѣлать сталъ разсматривать альбомы, лежавшіе на столѣ у камина. Въ одномъ изъ альбомовъ, гдѣ были карточки актрисъ, танцовщицъ, извѣстныхъ кокетокъ, мое вниманіе остановила на себѣ карточка неизвѣстной мнѣ красавицы: это была прелестная бѣлокурая женщина лѣтъ двадцати пяти или тридцати: она была снята на карточкѣ въ костюмѣ «Прекрасной Елены», съ большимъ разрѣзомъ на подолѣ, изъ-подъ котораго выставлялась обтянутая въ трико красивая нога; шея, плечи и грудь красавицы были обнажены и поражали красотой линій. Я невольно залюбовался этимъ изображеніемъ.

— На Эмму любуешься?—спросилъ меня Мазинъ, незамѣтно приблизившись ко мнѣ и взглянувъ черезъ мое плечо.

— Это она?—спросилъ я, взглянувъ на него.

— Да... сохранилась еще бабенка,—сказалъ онъ небрежно.—Ей уже за тридцать перевалило, когда она снималась въ этомъ костюмѣ.

Онъ говорилъ о ней совершенно спокойно и равнодушно.

— Ты встрѣчалъ ее потомъ?—спросилъ я.

— Какъ же, встрѣтились какъ-то,—сказалъ онъ.

— Ну, и что же?

— Ничего, съ недѣлю покуралесилъ съ нею,—отвѣтилъ онъ.—Огонекъ у нея еще прежній сохранился, хотя немного и стала расплываться. Только надоѣла она мнѣ потомъ, все ей хотѣлось старую идиллію любви возобновить, да не вытанцовывалось это, ну, я и махнулъ на нее рукой, да тутъ же кстати Марго пріѣхала въ Петербургъ... Ты видѣлъ ее?.. Это, знаешь, такой сорванецъ-дѣвченка, что мертваго расшевѣлитъ...

Романъ доктора Мазина былъ оконченъ и забытъ.

ПАДЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

— Барыня, барыня, изъ лѣчебницы пришли... Старому барину очень худо... Марья Львовна, вставайте!.. Ахъ, Господи, вотъ-то заспалась!..

Тревожные призывы пятнадцатилѣтней дѣвочки-горничной оставались безъ отвѣта. Молодая барыня спала крѣпко сладкимъ предутреннимъ сномъ, по-дѣтски подложивъ ладонь подъ щеку. Горничной на минуту стало жаль будить молодую женщину. Потомъ она рѣшилась дотронуться до обнаженнаго плеча спящей, повторяя все ту же тревожную фразу, что старому барину очень худо. Заспавшаяся женщина открыла, наконецъ, глаза, большіе, голубые, сонные глаза ребенка и, не понимая, что случилось, зачѣмъ ее будятъ, почему въ ея крошечной спальнѣ, напоминавшей дѣтскую, зажжена свѣча, спросила:

— Что тебѣ, Глаша? Еще рано...

— Вставайте, старому барину очень худо,—снова повторила дѣвочка.—Изъ больницы пришли...

Проснувшуюся женщину точно ударило электрическимъ токомъ. Она быстро сѣла на постели, протирая глаза; потомъ заторопилась растерянная, испуганная:

— Какъ, худо? Умираетъ? Господи! Одѣваться, одѣваться, Глаша, скорѣе! Ахъ, папочка, папочка!

Миніатюрная, невысокая ростомъ, она походила на дѣвочку, не вполнѣ сформированную, еще не имѣющую опредѣленной физіономіи. Вздернутый носикъ, маленькій ротъ, пухленькія румяныя щеки, подстриженные на лбу волосы, все это было дѣтскимъ. Никто не сказалъ бы, что это женщина тридцати-трехъ-четырехъ лѣтъ, мать шестнадцати-

лѣтней дочери и пятнадцатилѣтняго сына. Торопливо одѣваясь, толкаясь растерянно изъ угла въ уголъ по маленькой комнаткѣ, она отрывисто разспрашивала объ отцѣ. Кто пришелъ изъ лѣчебницы? Что случилось? Живъ ли онъ? Не обманываютъ ли ее? Можетъ-быть, онъ уже умеръ? Она разспрашивала торопливо, не слушая отвѣтовъ, и перебивала свои разспросы восклицаніями:

— Ахъ, папочка, папочка!.. Глаша, голубушка, скорѣй! Господи, какое несчастіе!

И, кое-какъ, наскоро одѣваясь, то и дѣло отирала слезы, катившіяся по щекамъ, по носу. Горничная жалѣла ее, успокаивала:

— Да вы не плачьте! Что-жъ, вѣдь онъ старичокъ ужъ! Всѣмъ помирать надо!

— Ахъ, Глаша, Глаша, онъ у меня одинъ!—восклицала Марья Львовна, и опять съ ея губъ срывались слова:—Ахъ, папочка, папочка, милый мой, старичокъ мой!

Сморкаясь, на ходу надѣвая шляпку, накинувъ кое-какъ шубку, она уже выходила изъ комнаты въ переднюю, на лѣстницу...

Только на лѣстницѣ она вспомнила о мужѣ и спросила у свѣтившей ей горничной:

— А Юрій Дмитріевичъ дома?

— Еще не приходили-съ,—отвѣтила горничная.

Барыня только вздохнула. Она уже давно привыкла, что мужъ возвращается на зарѣ...

Была еще почти ночь, седьмой часъ въ началѣ. Въ концѣ ноября въ эту пору петербургскія улицы совершенно безлюдны, темны. Молодая женщина и дожидавшійся ее дворникъ изъ дома лѣчебницы едва нашли извозчика, заснувшаго сладкимъ сномъ подъ полостью саней. Когда его разбудили, онъ спросилъ спросонья «двугривенничекъ»; потомъ протеръ глаза, осмотрѣлся, гдѣ онъ, и сталъ просить «полтинничекъ». Марья Львовна повторяла ему только одно:

— Садись, садись!

Онъ сѣлъ и повезъ ее и дворника, сѣвшаго съ нею рядкомъ, но поближе къ краю сидѣнья, изъ вѣжливости.

Она всю дорогу торопила извозчика: «поскорѣй, голубчикъ, поскорѣй!» и все разспрашивала дворника: «очень худо папочкѣ? умираетъ онъ?» Извозчикъ, угождая ей, безплодно стегалъ свою клячонку, называя ее «дохлой» и «одромъ»; дворникъ степенно и обстоятельно повторялъ: «мы насчетъ этого неизвѣстны! Сказала Матрена Савельевна, то-есть

служанка ихняя: «поди, моль, Трофимъ, за барыней, потому, сказать, старому барину очень худо»,—вотъ я и побѣгъ. А больше намъ ничего неизвѣстно. Мы, значитъ, дворники при домѣ». Наконецъ, они дотащились до лѣчебницы, низенькаго двухъэтажнаго зданія, затерявшагося среди окружавшихъ его высокихъ домовъ. Молодая женщина вошла въ прихожую, сбросила шубку: ее встрѣтила сестра милосердія, чинная, серьезная, съ поджатыми губами, точно старый чиновникъ во время отправленія служебныхъ обязанностей.

— Ну, что? Живъ еще? Да?—заговорила молодая женщина.

— Пойдемте,—коротко отвѣтила сестра.

Онѣ прошли въ общую палату, гдѣ лежало человѣкъ пять оперированныхъ больныхъ. Комната была бѣлая, красивая, просторная, напоминавшая скорѣе бальный залъ, чѣмъ больничный покой. Въ ней царствовалъ полумракъ: при свѣтѣ двухъ ночныхъ лампъ едва можно было разсмотрѣть бѣлыя кровати и какихъ-то движущихся, быстро шевелящихъ ногами и туловищами, людей. Слышался легкій стукъ и шарканье ногъ.

— Это у насъ полотеры,—пояснила сестра милосердія.— Въ восемь часовъ уже пріѣзжаетъ главный докторъ. Все должно быть въ порядкѣ.

Марья Львовна, не слушая, устремилась къ огороженной нашими бѣлыми ширмами кровати. Она вдругъ почувствовала, что по ея тѣлу пробѣжала холодная дрожь при видѣ пустой постели.

— Имъ-съ перестилаютъ,—степенно замѣтила сестра милосердія.—Вотъ они теперь здѣсь...

Она указала на середину залы: на полу стояли носилки на высокихъ ножкахъ и на нихъ лежалъ кто-то на спинѣ, какъ покойникъ, весь въ бѣломъ, точно въ саванѣ. Марья Львовна слегка вскрикнула и опустилась на колѣни около носилокъ.

— Папочка, папочка!

Старикъ, съ сѣдыми волосами, съ сѣдой бородой, слегка открылъ глаза. Онъ не сразу заговорилъ, такъ его одолѣвала икота. Собравшись съ силами, онъ поднялъ исхудалую, но все еще широкую и крупную руку, теперь тяжелую, какъ свинецъ, положилъ ее на голову молодой женщинѣ и тихо, прерывисто заговорилъ:

— Потревожилъ... прости!.. Икота началась... А я знаю, что это значитъ... Бѣдная Маня!..

Она, захлебываясь отъ рыданій, осыпала поцѣлуями его руку, его лицо, молча, беззвучно. Онъ не шевелился, не говорилъ, только изрѣдка вздрагивая плечами и грудью отъ тяжелой икоты. По его впалымъ и блѣднымъ щекамъ медленно текли слезы. А около отца и дочери два полотера терли усердно полы, заложивъ за спину руки, кивая въ тактъ головами, точно отплясывая въ полумракѣ какой-то странный и дикій танецъ въ этомъ убѣжищѣ смерти. Сидѣлки перестилали постель умирающаго старика, звонко шлепая ладонями по подушкамъ. На одной изъ кроватей какой-то больной, раздражительно поворачиваясь на бокъ, бормоталъ: «И умереть-то спокойно не дадутъ! Чортъ бы васъ побралъ съ вашей чистотой!» Сидѣлки постлали между тѣмъ постель и обратились къ полотерамъ:

— Помогите поднять носилки...

Старикъ какъ бы очнулся. Его душила еще икота, но онъ пересилилъ себя и прошепталъ дочери:

— Маня, ступай... Благословилъ тебя...

— Папочка, папочка,—такъ же тихо, точно безсознательно стыдясь и стѣсняясь постороннихъ, проговорила она: — я побуду здѣсь...

— Нѣтъ!—махнулъ едва замѣтно рукою отецъ.—Иди... Хотѣлъ только взглянуть... благословить... Иди!.. Здѣсь тяжко...

И по его лицу скользнула чуть замѣтная горькая ироническая усмѣшка.

— У нихъ чистота... порядокъ... А людямъ жутко... отъ этого...

Онъ опять положилъ на ея голову руку, мысленно благословляя ее.

— Ступай, дѣточка!.. Послѣ... днемъ... придешь...

Онъ закрылъ глаза: ему хотѣлось ничего болѣе не видѣть, не слышать. Онъ сознавалъ, что для него все кончено, и жалѣлъ только ее, свою дочь. Останется безъ поддержки, слабая, неопытная, наивная, въ этомъ мірѣ зла и лжи. Она нѣсколько разъ поцѣловала его руку, его лицо и, всхлипывая по-дѣтски, пошла изъ зала. Умирающаго старика подняли на носилкахъ и понесли къ постели, заставленной отъ другихъ больныхъ изящными бѣлыми ширмами. Всѣ знали, что эти ширмы ставятся къ кровати, когда больной долженъ скоро умереть. Старикъ тоже зналъ это. Порядокъ въ лѣчебницѣ соблюдался строго.

II.

Продолжая плакать, Марья Львовна вышла изъ лѣчебницы на улицу, наняла извозчика, доѣхала домой, прошла во дворъ, вся полная мыслью объ отцѣ. Въ другое время ей было бы страшно и подумать, что она можетъ остаться одна на улицѣ въ такую пору. Теперь она ни на минуту не задумалась объ этомъ. Но когда она очутилась одна на темной лѣстницѣ, ведущей къ ея квартирѣ, ее вдругъ охватилъ непреодолимый страхъ. Она вообще боялась темноты, еще болѣе боялась темныхъ лѣстницъ и своей въ особенности. Это была узкая, высокая лѣстница съ широкимъ пролетомъ посрединѣ. Сверху этотъ пролетъ казался бездонной пропастью, и Марья Львовна даже днемъ сторонилась отъ перилъ, чтобы не заглядывать въ него. На нѣсколько секундъ она остановилась внизу. Ей было жутко подниматься наверхъ. Вдругъ кто-нибудь забрался сюда! Въ темнотѣ такъ легко притаиться. Тутъ ужъ никакъ не спасешься отъ недобраго человѣка. Задушитъ и сброситъ внизъ, въ этотъ темный пролетъ, прежде чѣмъ успѣешь крикнуть... Но идти было нужно. Она постаралась пересилить страхъ и начала думать опять объ отцѣ. Теперь ей уже стоило немалыхъ усилій, чтобы дать мысли это направленіе. Она повторяла: «ахъ, папочка, папочка», и вздрагивала всѣмъ тѣломъ, не отъ воспоминаній о немъ, а потому что ей слышался какой-то шорохъ, потому что ею чувствовалось присутствіе на лѣстницѣ кого-то. На третьемъ поворотѣ она уже вполнѣ ясно заслышала чье-то тяжелое дыханіе. Опять ей стало жутко до дрожи. До ея слуха вдругъ долетѣлъ звукъ шаговъ. Разъ, другой... На мгновенье ее охватилъ ужасъ отъ нелѣпой суевѣрной мысли, что это отецъ. У нея подламывались ноги. Но эта мысль тотчасъ же смѣнилась другой: «надо бѣжать!» Не зная, гдѣ засада,—впереди или сзади,—она бросилась впередъ и тутъ же на площадкѣ прямо натолкнулась на человѣка. Она вскрикнула:

— Кто здѣсь?

— Ты? Откуда? Что случилось?—раздался знакомый ей голосъ, прерывавшійся икотою.

— Юрій!—воскликнула она, въ безсиліи прислоняясь къ перилам.—Ахъ, какъ ты меня напугалъ!

Она и обрадовалась, и смутилась: это стоялъ ея мужъ. Онъ сталъ ее успокаивать, разспрашивать. Оправившись, она отрывочно начала объяснять, гдѣ она была, что дѣлается съ отцомъ.

— Подняли съ постели, говорятъ: «очень ему худо». Поѣхала. Умираетъ онъ... Я хотѣла остаться, — говоритъ: «поѣзжай, не оставайся»... Ахъ, Господи, Господи, какое несчастіе!

— Значитъ, совсѣмъ кранкенъ-капутъ? — проговорилъ мужъ.

Отъ него пахнуло водкой, пивомъ.

— Цыпка, подняли тебя ни свѣтъ, ни заря, — продолжалъ онъ съ чувствомъ. — А я отъ пріятелей. Кутнули! Все теплый народъ...

— Пойдемъ же, — заторопилась она.

— Тише только. Опять господа-дѣти встрѣтятъ. Поди, въ гимназіи идутъ...

— Нѣтъ, еще рано... Да и праздникъ сегодня...

— Рано!.. А прошлый разъ встрѣтили, когда они шли въ гимназіи, а я возвращался, говорятъ: «поздно!..»

Онъ захихикалъ пьянымъ смѣхомъ.

— Наставленіе прочли: «ты бы хоть ради насъ покуда поберегъ себя»... Хорошо?.. То-есть: докорми, а потомъ хоть издыхай!.. Эхъ, Маня, Маня, глупы мы съ тобою... А господа-дѣти... современные мудрецы... разсудительные люди. Изъ молодыхъ, да ранніе!..

Онъ шарилъ рукой около нея, чтобы обнять ее за талью въ припадкѣ нѣжности.

— Такъ напахенъ капутъ?.. Цѣльный человѣкъ былъ... герой!.. Плакала ты, цыпка?

Онъ наклонилъ къ ней голову, отыскалъ ея лицо и поцѣловалъ ее въ щеку, оставивъ на ней влажный слѣдъ отъ мокрыхъ усовъ и бороды. Онъ всегда былъ нѣженъ въ пьяномъ видѣ съ нею, съ друзьями, съ горничною, съ первыми встрѣчными, и полуслезливо, полунасмѣшливо жаловался на господъ-дѣтей.

— Пойдемъ же, — торопила она его.

— Пойдемъ, пойдемъ! Пора!

Они поднялись въ верхній этажъ. Тамъ были четыре двери, принадлежавшія двумъ квартирамъ. Однѣ носили названіе парадныхъ, такъ какъ вели въ прихожія; другія именовались черными, такъ какъ вели въ кухни. Мужъ и жена постучали въ двери своей кухни. Двери оказались не запертыми. Кухарка-старуха и дѣвочка-горничная уже не спали и пили кофе. Тѣсная и неряшливая кухня озарялась огаркомъ свѣчи. Сбросивъ верхнюю одежду, мужъ и жена прошли въ коридорчикъ, откуда вели двери въ ка-

бинетъ мужа и въ спальню жены. Молодая женщина вошла въ свою комнату, сбросила шляпку и, снова вспомнивъ объ отцѣ, почувствовала, что ее душатъ слезы. Она, не раздѣваясь, въ изнеможеніи, присѣла на кровать, еще не прибранную, и забылась, качая головой и повторяя безсознательно, безмысленно все то же:

— Ахъ, папочка, папочка!

Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ къ ней вошелъ изъ своего кабинета боковой дверью съ свѣчею въ рукахъ уже успѣвшій раздѣться мужъ.

— Маньша, да ты не легла еще? Плачешь? — проговорилъ онъ и грузно опустился рядомъ съ нею, поставивъ свѣчу на столъ.

— Я не лягу больше — отвѣтила она.

— Ну, вотъ глупости! Подняли чѣмъ-свѣтъ, и не ляжешь... Беречь тебѣ себя надо для твоего Юрочки...

Онъ обнялъ ее и сталъ ласкать.

— Одни мы теперь... Тяжело тебѣ будетъ безъ папахена... Правда, господа-тѣти есть... Что-жъ, они люди современные, новые... разсудка много, страхъ какъ много!.. Имъ твоего ума не нужно... Да ты и сама дитя, за тобой за самой надо ходить, няньчить тебя надо... Я не умѣю и некогда... то-есть не то что некогда, а затрепался я... Инвалидъ я, папочка, инвалидъ шестидесятыхъ годовъ, въ бою не бывавшій... Готовился все къ чему-то, къ великому, къ подвигамъ... Банкомъ кончилъ и радъ, что держатъ...

Онъ началъ говорить все болѣе и болѣе обивчиво и витіевато, немного завираясь. Жена понимала только одно: онъ ей говоритъ, что теперь она, бѣдная, будетъ совсѣмъ одна, и что онъ, понимая это, хочетъ ее утѣшить своими ласками. Плаксивое настроеніе мужа все болѣе и болѣе переходило въ сальничанье, въ вольности, позволительныя только мужу; сожалѣнія отодвигались на второй планъ, а на первый выдвинулась чувственность, животность захмелѣвшаго человѣка. Въ молодой женщинѣ проснулось горькое чувство — чувство обиды на мужа. Ей было противно и то, что онъ пьянъ, когда умираетъ ея отецъ, и то, что онъ любезничаетъ съ нею, думая этимъ утѣшить ее за страшную утрату. Давно уже не испытывала она этого чувства; она даже забыла, что оно охватило ее когда-то, разъ въ жизни, лѣтъ семнадцать назадъ, когда ее, совсѣмъ еще ребенка, впервые обнялъ этотъ и тогда сильно подпившій человѣкъ, оставшись съ ней наединѣ послѣ свадьбы. Тогда она распла-

калась, точно ей нанесли оскорбленіе, точно она вышла за него замужъ не по своей волѣ, а была взята имъ насильно. Потомъ она привыкла и видѣть его пьянымъ въ своей комнатѣ, привыкла и къ его обычному въ пьяномъ видѣ тону, состоявшему изъ плаксивыхъ жалобъ и сальныхъ нѣжностей, привыкла и къ его колоссальной неуклюжей фигурѣ, составлявшей такой рѣзкій контрастъ съ ея миніатюрной хрупкой, дѣтской фигуркой. Теперь, послѣ семнадцати лѣтъ замужества, въ ней снова пробудилось совершенно неожиданно для нея самой отвращеніе къ нему и что-то въ родѣ приниженности передъ нимъ. Ей хотѣлось прогнать его, убѣжать отъ него и не было силъ ни на то, ни на другое. Она даже не смѣла громко говорить, такъ какъ въ квартирѣ уже бродили люди...

Ее заставили вздрогнуть голоса въ коридорѣ. Тамъ говорили съ горничной.

— Вѣрно, опять на зарѣ отецъ пришелъ?—спрашивалъ юношескій голосъ.

— Да, съ часъ какъ вернулись,—отвѣтила Глаша.

— А что-жъ мама Маня? И она еще не вставала?—спросилъ дѣвичій голосъ.

— Къ старому барину ѣздили, очень ему худо,—отвѣтила горничная.—Вернулись вмѣстѣ съ бариномъ Юріемъ Дмитріевичемъ и, вѣрно, започивали. Ужасти, какъ разстроились. Такъ плакали, такъ плакали, что страсть!..

— Это понятно, онъ же ей отецъ,—разсудительно рѣшила дѣвушка.

— Что-жъ, нельзя же маѳусаиловы годы жить,—сказалъ юноша.—Давай чай, не ждать же ихъ, пока они изволятъ проснуться. Мнѣ къ товарищу идти надо...

Въ коридорѣ послышались шаги, хлопанье дверей. Въ квартирѣ, раздѣленной дощатыми перегородками на нѣсколько комнатъ, было слышно все, что дѣлалось въ разныхъ ея углахъ. Молодая женщина затаила дыханіе. Заперта ли дверь въ кабинетъ? не зайдетъ ли туда Сеня? Она взглянула на уснувшаго на ея постели мужа. Господи, хоть бы разбудить его, увести отсюда! Нѣтъ, его теперь не разбудишь... Она осторожно встала, прошла въ кабинетъ, заперла тамъ на ключъ дверь, потомъ вернулась въ свою спальню и тоже заперла дверь на ключъ. Оля можетъ къ ней войти... Въ ея головѣ мелькнула мысль, что она боится своихъ дѣтей. «Господа-дѣти»—припомнился ей горько-насмѣшливый эпитетъ, данный дѣтямъ ея мужемъ.

Да, они господа у нихъ въ домѣ. Они дѣлаютъ сцены, когда имъ чего-нибудь недостаетъ. Они упрекаютъ ее, когда у нихъ на платьѣ прорѣха, оборванная пуговица, неотчищенное пятно. Она мать; она должна содержать все въ порядкѣ; они учатся, и имъ некогда заботиться объ этихъ пустякахъ. Ей вдругъ вспомнилось, какъ строго журилъ ихъ за это ея отецъ—онъ одинъ только и журилъ ихъ. Она передъ ними всегда была какъ виноватая, робѣла, терялась, сознавала, что они разумнѣе ея. Неумѣлая она какая-то, слабая, безхарактерная. Даже знаній у нея менѣе, чѣмъ у нихъ, и они это знаютъ, даютъ ей это понять, говорятъ ей свысока: «ахъ, вѣдь въ твое время можно было не знать этого», а она отъ этого конфузится, теряется передъ ними. А мужъ? Что же онъ—онъ по цѣлымъ днямъ не бываетъ дома или приходитъ въ такомъ настроеніи, когда онъ можетъ или обниматься со всѣми людьми, или иронизировать надъ ними, надъ собой, надъ всѣмъ—надъ личностями и идеями, надъ упованіями и отчаяніемъ... «Сами виноваты! Они вамъ еще на голову сядутъ!»—вспомнились ей слова ея отца. «Сами виноваты»—эту фразу она слышала и отъ дѣтей. Они упрекали ее часто, откровенно и безпрестанно до жестокости. Но что же ей дѣлать, что дѣлать, если она такая неумѣлая? Она задумалась о себѣ, о своей судьбѣ, и ей казалось, что она такая маленькая, такая безпомощная, какъ будто она была слаба не болѣе, какъ ребенокъ...

III.

Замкнувъ двери на ключъ, Марья Львовна, какъ была, полураздѣтая, прилегла на маленькій диванчикъ-раковину, обитый загрязнившимся и полинявшимъ отъ времени розовымъ ситцемъ. Сонъ бѣжалъ отъ ея глазъ, она не знала за что приняться. Тяжелыя думы угнетали ее. Можетъ-быть, впервые она задумалась серьёзно о своей судьбѣ. До этой поры она жила изо дня въ день среди мелкихъ радостей и мелкихъ огорченій, тусклыя отъ однообразія жизненной пошлости. Теперь ей казалось, что съ настоящей минуты, кромѣ огорченій въ ея жизни не будетъ ничего: умретъ ея отецъ, и она останется одна, совершенно одна, безпомощная и беззащитная, какъ ребенокъ. Такимъ ребенкомъ она прожила всю жизнь. За это ее любили и ласкали; за это ее презирали и обижали. Это участь всѣхъ

слабыхъ тѣломъ и духомъ: ихъ любятъ и ласкаютъ, ихъ презираютъ и обижаютъ.

Она не помнила матери. Какъ-то въ дѣтствѣ ее свезли на кладбище и, показавъ ей на одну изъ могилъ, сказали: «здѣсь лежитъ твоя мама». Съ этой поры она узнала, что и у нея была мать. Нянчился съ нею отецъ. Въ крымскую кампанію ей было девять лѣтъ: на видъ ее считали семилѣтней дѣвочкой. Отецъ долженъ быть идти на войну, и ребенка пристроили въ институтъ. Она была такою крошечною и миленькою дѣвочкою, что въ институтѣ съ ней стали нянчиться всѣ: подруги, классныя дамы, начальница, и нянчились тѣмъ заботливѣе, что у нея «папа» на войнѣ, герой. О двухъ его подвигахъ въ самомъ началѣ войны было напечатано во всѣхъ газетахъ; дамы нѣкоторое время носили браслеты, брошки, шляпки à la Сусловъ, и его дочери присылали откуда-то игрушки и конфеты. Потомъ стали носить браслеты, брошки, шляпки à la Дудкинъ и игрушки и конфеты присылались откуда-то двумъ дочерямъ Дудкина, а не Манѣ Сусловой. Затѣмъ героями явились уже не Сусловы, не Дудкины, а безымённая многотысячная масса—севастопольцы—и дамамъ пришлось думать не о томъ, въ честь кого дѣлать браслеты, брошки, шляпки, а о томъ, по комъ носить трауръ. Дочь Суслова и дочери Дудкина были забыты, но Маня была счастлива и такъ: къ ней вернулся ея папа, весь израненный, уволенный въ отставку, не успѣвшій дослужиться до крупныхъ чиновъ, принужденный существовать на небольшую пенсію, но зато увѣшанный орденами. Ей пошелъ шестнадцатый годъ, когда ее пришлось взять изъ института по болѣзни,—на время, какъ говорили сначала,—навсегда, какъ оказалось потомъ. Въ это время въ нее влюбился Юрій Дмитріевичъ Серпуховъ, одинъ изъ дальнихъ родственниковъ ея отца. Это былъ бѣлокурый, высокій и плотный человѣкъ лѣтъ двадцати-восьми. Добродушное широкое лицо, простыя манеры сердечнаго человѣка, горячія рѣчи о томъ, о чемъ тогда горячо говорили всѣ, все это подкупило въ пользу молодого человѣка отца дѣвушки, любившаго по-солдатски прямоту и правду. Дочь стараго служаки не знала, любитъ она или не любитъ Серпухова такъ, какъ нужно любить будущаго мужа, потому что она не знала вообще, какъ нужно любить мужа. Съ Серпуховымъ ей было просто пріятно, какъ и съ отцомъ; ей нравилось даже то, что онъ въ припадкѣ нѣжности иногда называлъ ее фамильярно

«тѣлочкой». Подкупали ее въ его пользу и хорошія слова. Этихъ хорошихъ словъ и хорошихъ фразъ у Сергухова, какъ и у многихъ его сверстниковъ, было много. Онъ ихъ вычитывалъ въ книгахъ, въ журналахъ, въ газетахъ, ловилъ въ собраніяхъ пріятелей, создавалъ самъ въ минуты горячихъ споровъ за бутылкой вина или въ долгіе часы сладкаго бездѣлья и лежанья на диванѣ, среди мечтаній, съ папиросой въ зубахъ, съ глазами, устремленными въ туманную даль.

Она охотно согласилась выйти за него замужъ, какъ соглашалась покататься съ нимъ на лодкѣ или протанцовать на балу... Но когда они повѣнчались, когда на свадебномъ вечерѣ всѣ подпили, когда она осталась одна съ этимъ колоссальнымъ охмелѣвшимъ мужчиной, она почувствовала что-то въ родѣ отвращенія къ нему. Ей казалось, что онъ оскорбляетъ и унижаетъ ее безцеремонностью, наглостью, и она разрыдалась. У нея не было матери, около нея не было близкихъ женщинъ; институтъ, отецъ, холостые друзья отца не дали ей ни малѣйшаго понятія о брачной жизни, о положеніи жены. Но Сергуховъ былъ добръ, мягокъ, нѣженъ, носилъ въ кругу интимныхъ друзей кличку «большой бабы», и молодая жена мало-по-малу привыкла къ нему, къ его поведенію, къ образу его жизни. Эта жизнь была глубоко нелѣпою, но этою жизнью живутъ тысячи людей, и потому нелѣпой она никому не кажется. Самъ Сергуховъ называлъ себя въ шутку, не безъ затаенной горечи, «инвалидомъ шестидесятыхъ годовъ, не бывавшимъ въ бою». Это было мѣткое опредѣленіе и въ то же время безпощадный приговоръ. Онъ проникся всѣми идеями шестидесятыхъ годовъ, но у него не хватило ни характера, ни энергіи, ни силы воли, ни умѣнья примѣнить къ дѣлу хоть одну изъ нихъ или хотя погибнуть за одну изъ нихъ. Онѣ остались у него чѣмъ-то въ родѣ поѣденнаго молью мундира не служившаго, но числившагося по министерству чиновника. Горячо толкуя о необходимости дѣла, онъ самъ долго слонялся безъ всякаго дѣла, все чего-то ожидая, все чего-то отыскивая, въ сущности наслаждаясь бездѣльемъ, и потомъ, проживъ наслѣдственныя крохи, притаился куда-то въ банкъ, чтобы «жрать». Проповѣдуя эмансипацію женщинъ, онъ увлекся дѣвушкою-ребенкомъ, именно, потому только, что она менѣе всего напоминала «ученыхъ профессоровъ въ юбкахъ». Говоря объ обязанностяхъ родителей воспитывать надлежащимъ образомъ дѣтей, онъ въ сущ-

ности вовсе не думалъ воспитывать своихъ дѣтей и еще менѣе могъ надѣяться на воспитательныя способности жены. Возставая противъ роскоши и мотовства, онъ безцѣльно и безалаберно пропускалъ между рукъ очень много денегъ, быстро достигнувъ въ банкѣ до содержанія, доходившаго съ наградами до четырехъ съ половиною тысячъ. Толкуя о послѣдовательности и гармоніи между дѣломъ и словомъ, онъ былъ самымъ чистѣйшимъ представителемъ мертвой вѣры безъ дѣлъ... Жизнь молодой четы потекла чисто по-петербургски: мужъ работалъ въ должности, проклиная эту должность, безъ вѣры въ пользу своего труда; жена хозяйничала дома и возилась съ ребятишками, ничего не понимая ни въ хозяйствѣ, ни въ воспитаніи. Вечеромъ мужъ и жена отправлялись куда-нибудь въ гости или принимали гостей у себя, при чемъ безъ конца, съ запальчивостью по привычкѣ, говорилось и судилось обо всемъ и выпивалось столько, сколько можно было выпить; затѣмъ супруги шли спать, она усталая и скучающая, онъ подшучивающій и пошатывающійся,—шли спать, чтобы на завтра начать то же верченье въ бѣличьемъ колесѣ съ полнымъ яснымъ сознаніемъ, что это именно верченье въ бѣличьемъ колесѣ, а не что-нибудь иное. Юрій Дмитріевичъ съ каждымъ годомъ становился толще и все съ большимъ юморомъ относился «къ грезамъ своей юности».

— Помнишь,—говорилъ онъ иногда кому-нибудь изъ своихъ пріятелей:—какъ мы честныхъ становыхъ хотѣли создать? Жадовы и Надимовы какіе монологи намъ закатывали! А дворцы изъ аллюминія и Рахметовъ, спящій на голыхъ доскахъ? Потѣха!

И затѣмъ начиналось благодушное осмѣиванье всего не сбывшагося. Вспоминались со смѣхомъ наивно горячіе стишки: «Впередъ, безъ страха и сомнѣнья», «Мертвые въ гробѣ почили, дѣло настало живымъ», «Съ честной любовью спокойно живи, какъ бы ни гналъ, ни давилъ тебя свѣтъ»... Въ смѣхѣ слышались цинизмъ и кощунство людей, глумящихся надъ вѣрою за то, что въ награду за нее имъ не посыпалась тотчасъ же сама собою манна съ неба. Потомъ начинали говорить болѣе желчнымъ и ядовитымъ тономъ о нашемъ времени:

— Теперь, братцы, не то! Теперь Гулакъ-Артемовскія, матери Митрофаніи, Юханцевы, Овсяниковы на сцену вышли комедію разыгрывать. Эти-то ужъ знаютъ, гдѣ раки зимуютъ. Они не промахнутся и свое дѣло обдѣлаютъ, хоть

на казенномъ иждивеніи въ тюрьмѣ и посидятъ. Вонъ мы куда махнули теперь отъ Рахметовыхъ-то, отъ спанья на голыхъ доскахъ.

Это говорилось при женѣ; это говорилось при дѣтяхъ.

Жену въ сущности нисколько не затрагивали этотъ смѣхъ надъ собой и это самобичеваніе: у нея въ прошломъ не было грѣхъ, въ настоящемъ не было разочарованій; ея судьба сложилась такъ, что она всегда жила чисто личною жизнью, и посторонніе событія и толки о нихъ имѣли для нея значеніе сновидѣній—сперва снились все свѣтлые сны, теперь снятся все мрачные; это одинаково интересно, это одинаково безразлично, потому что это не измѣняетъ строя личной жизни. На дѣтей это дѣйствовало не такъ: слыша, какъ отецъ глумится надъ своими прошлыми увлеченіями, надъ разными хорошими словами, надъ различными идеальными стремленіями, дѣти быстро сообразили, что, значитъ, все это ерунда, и даже не попробовали вникнуть въ сущность всего этого, такъ какъ стоитъ ли вникать въ ерунду. Отецъ говорилъ объ этой ерундѣ съ горькимъ глумленіемъ обманувшагося человѣка; мать слушала о ней съ безучастнымъ равнодушіемъ человѣка, слушающаго въ мирное время о политическихъ событіяхъ гдѣ-нибудь въ Америкѣ; дѣти поняли, что толки идутъ о выѣденномъ яйцѣ, пожимали плечами, не понимая, какъ можно толковать объ этомъ, и только разсуждали, что вотъ если бы отецъ-то въ молодости не ерундилъ—у него и наслѣдственныя крохи уцѣлѣли бы, и, можетъ-быть, теперь онъ гдѣ-нибудь губернаторомъ былъ бы.

Марья Львовна, быстро уставшая ходить по гостямъ, полюбившая домосѣдство, больше оставалась съ дѣтьми, чѣмъ ея мужъ, и они уже давно начали смущать и огорчать ее. Она съ ними нянчилась, какъ съ куклами, когда они были еще малы. Но у куколъ очень часто разбиваются головы въ рукахъ неосторожныхъ дѣтей. У нея тоже, несмотря на всѣ ея заботы, дѣвочка подъ присмотромъ петербургской няньки гдѣ-то вывихнула ногу и повредила бокъ, такъ что осталась на всю жизнь нѣсколько кривобокой и слегка прихрамывающей, что способствовало развитію въ дѣвочкѣ желчности и злости. Мальчикъ не повредилъ себѣ ничего, но, своенравный и строптивый, онъ выросъ такимъ сорванцомъ и грубіяномъ, что мать часто плакала отъ него. Какъ исправить характеры дѣтей—этого она не знала, а ихъ отецъ, иронизировавшій надъ «нашимъ временемъ»,

иронизировалъ и надъ своими дѣтьми: «господа-дѣти», «современные мудрецы», «разсудительные практики»—точно родителями и воспитателями этихъ дѣтей были не онъ и его жена, а наше время. Дѣти, какъ и слѣдуетъ дѣтямъ, быстро сообразили, что вмѣсто отца и матери у нихъ есть старыя тряпицы, пригодныя для сметанія пыли съ ихъ сапогъ, и воспользовались ими, чтобы смотрѣть щеголеватыми и чистенькими среди другихъ такихъ же щеголеватыхъ и чистенькихъ дѣтей, одѣваемыхъ по журналу, чтобы они не походили на нигилистовъ. Обуздывалъ злую дѣвочку и грубаго мальчугана только дѣдъ, часто говорившій дочери, что во всемъ виноваты она и ея мужъ. Ее смущали эти упреки, и она задумывалась надъ словами отца. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, онъ и правъ; можетъ-быть, ей надо подготовиться къ роли матери? Но какъ же подготовиться? Теперь уже поздно! Неумѣлымъ и неэнергичнымъ натурамъ всегда кажется поздно начать чему-нибудь учиться. Затѣмъ отыскивались оправданія себѣ. И у подготовленныхъ женщинъ не лучше, чѣмъ у нея, выходятъ иногда дѣти. Думая объ этомъ, она всегда вспоминала тетку мужа, Варвару Павловну Романову. Это ли не подготовленная женщина, а между тѣмъ, что вышло изъ ея дочери? Падшая дѣвушка! Времена ужъ вѣрно такія! Это успокаивала и утѣшало...

Ей именно теперь особенно отчетливо вспомнились и тетка мужа, и ея дочь. Вспоминая, что вынесла эта женщина, когда отъ нея ушла дочь, она со страхомъ думала, что же готовятъ ей въ будущемъ ея дѣти. Опять по-дѣтски она заплакала о томъ, что у нея умираетъ единственный ея защитникъ. Да нѣтъ, можетъ-быть, онъ еще выживетъ. Вѣдь недаромъ же доктора увѣряли, что операція ничтожна, что отъ нея умереть нельзя. Ей вспомнилось, какъ знаменитый докторъ-операторъ, пріѣхавъ къ нимъ и не выпуская изо рта дорогой сигары, рѣшительно сказалъ ея отцу: «Черезъ десять дней вы будете въ театрѣ». Другой докторъ, не операторъ и не знаменитость, лѣчившій безъ всякихъ результатовъ ея отца два года, поторопился подтвердить: «Да, да, черезъ десять дней вы будете въ театрѣ». Старикъ даже разсмѣялся отъ радости. Уже два года онъ не только не бывалъ въ театрѣ, а даже на улицу не выходилъ. Значитъ, онъ выздоровѣетъ непремѣнно. Даромъ не стали бы такъ увѣрять его. Въ головѣ молодой женщины мелькнуло воспоминаніе слышанныхъ когда-то отъ кого-то словъ, что на девятый день бываютъ кризисы въ болѣзни.

Она не знала, въ какихъ болѣзняхъ это бываетъ, но помнила, что бываетъ. Сегодня какъ разъ девятый день пребыванія отца въ больницѣ послѣ операціи. Значитъ, это и былъ кризисъ... Она начала дремать, убаюкивая себя мыслью, что отецъ не умретъ, что онъ еще силенъ и крѣпокъ. Сквозь сонъ до нея доносился какой-то смутный говоръ. Грезилось, что въ кухнѣ или въ прихожей кто-то незнакомый что-то разсказывалъ. Она засыпала и не старалась вслушиваться, усталая, измученная. А гдѣ-то тамъ, за стѣной говорили:

— И такъ онъ и не приходилъ въ память, какъ она ушла. Часъ, либо два пролежалъ такъ-то на спинѣ, только вздохи слышались. Потомъ сталъ затихать, затихать и видимъ мы, что кончается...

Голосъ разсказывающей женщины былъ чужой, незнакомый.

— Ужъ и не знаю, будить или подождать,—соображалъ другой голосъ.

Этотъ голосъ походилъ на голосъ Авдотьи, старухи кухарки Серпуховыхъ.

— Да теперь ужъ все равно—часомъ раньше, часомъ позже узнаютъ,—отвѣчала первая изъ собесѣдницъ.

— Не вынесъ, значитъ, пераціи,—соображала Авдотья.

— Не отъ этого онъ умеръ, а гдѣ же семидесятилѣтнему старичку десять дѣнъ вылежать на спинѣ... И хлоромъ это у насъ воздухъ очищаютъ... Здороваго стошнитъ, а больному-то каково дышать?.. Ну, отекъ легкихъ и произошелъ...

Марья Львовна съ усиліемъ приподняла отяжелѣвшія вѣки и стала протирать глаза: она не знала, сонъ ли ей страшный приснился или наяву слышала она все это. Въ окна уже глядѣлъ мутный зимній день. Въ комнатѣ было тихо, только съ присвистомъ храпѣлъ Юрій Дмитріевичъ, навалившись на спину на постели и широко раскрывъ ротъ. Въ коридорѣ тоже все стихло, только откуда-то, изъ зала, должно-быть, достигали звуки фортепиано,—знакомые, надоѣдливые звуки механично выбиваемыхъ гаммъ.

— Нѣтъ, это сонъ,—прошептала въ полуснѣ Серпухова.— Оля играетъ...

Она глубоко вздохнула, съежилась еще больше отъ легкаго озноба и снова заснула, успокоенная мыслью, что если ея дочь играетъ на фортепиано, то, значитъ, ея отецъ не умеръ...

IV.

Въ дверь спальни раздался стукъ. Дѣвочка-горничная повторяла:

— Марья Львовна, барыня, а барыня! вставайте!

Серпухова разомъ очнулась, разомъ поняла все. Она стала торопливо будить мужа.

— Вставай! Юрій, Юрій, проснись! Папочка умеръ!

— Да, да... знаю!—промычалъ, не открывая глазъ, Серпуховъ, повернулся на бокъ и захрапѣлъ снова.

Она сильно толкнула его, точно ударила, въ плечо. Онъ опять промычалъ:

— Да, да, хорошо!.. Оставь!..

Она торопливо отошла отъ него прочь, проговоривъ съ негодованіемъ:

— Пить только умѣетъ!.. И это мужъ!

Въ ней поднялась противъ него злоба, почти ненависть,—чувство, незнакомое ей до этой минуты. Она поспѣшно, на ходу, одѣлась и вышла въ коридоръ. Горничная начала что-то объяснять жалобнымъ тономъ. Серпухова перебила ее.

— Знаю, знаю! Дай скорѣе шубку!

Дѣвочка заторопилась.

— Молодой баринъ дома?—спросила Марья Львовна, пересчитывая въ портмонэ деньги.

— Нѣтъ-съ, сейчасъ ушли,—отвѣтила Глаша.

— Нашелъ время идти въ гости!—отрывисто проговорила Серпухова, сердясь на сына.

Она вошла въ гостиную—эта же комната была и заломъ, и столовой. Здѣсь за роялемъ сидѣла дѣвушка съ непокорно вьющимися золотисто-рыжими волосами, кокетливо перехваченными сзади черной лентой, съ задорно вздернутымъ носикомъ, съ рѣзкими карими глазами, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ.

— Дѣдушка умеръ!—отрывисто заявила мать.

— Знаю, знаю! Не выдержалъ бѣдняга!—проговорила дочь.

Мать сказала торопливо:

— Надо идти къ нему.

— Ко мнѣ сейчасъ придетъ учительница музыки,—отвѣтила дочь.—Послѣ урока.

— Ну, сегодня не до музыки!—перебила ее мать.

— Я же не для своего удовольствія играю, ты знаешь,—

сказала дочь. — Это мой будущій хлѣбъ... И все равно, пришлось бы даромъ заплатить за урокъ. Теперь не приходится бросать деньги на вѣтеръ. У тебя и такъ много расходовъ будетъ... Я приду послѣ на панихиду, тотчасъ послѣ урока.

— Да, но еще нужно прежде распорядиться всѣмъ...

— Ты знаешь, я плохая помощница...

— О, я это отлично знаю!—необычайно желчно отвѣтила мать.

Дочь мелькомъ бросила на нее недоумѣвающій взглядъ, удивляясь этому тону, этой грубости. Потомъ она тотчасъ же соображала, что мать огорчена и потому нервничаетъ, но все же возразила ей, чтобы оправдать себя:

— Я же не виновата, что я плохо хожу, что я калѣка...

Мать взглянула на нее гнѣвнымъ взглядомъ.

— Ты можешь этого не повторять мнѣ по сто разъ на дню. Я довольно этого наслушалась!—запальчиво сказала она.

— Мнѣ же придется это сознавать всю жизнь,—колко замѣтила дочь.

— Тебѣ всю жизнь придется сознавать, что у тебя нѣтъ сердца!

— Вѣроятно, это участь всѣхъ убогихъ...

Дочь пожала плечами и, переломивъ себя въ припадкѣ великодушія, заговорила болѣе мягко:

— Странная ты, право, мама Маня. Я знаю, что ты огорчена смертью дѣда. Но за что же сердиться на людей? Развѣ не я же виновата, что онъ умеръ, что это тяжело тебѣ? Глаша говорила, какъ ты плакала...

Она приподнялась, немного откинувшись туловищемъ и головою на лѣвую сторону; повидимому, она хотѣла подойти къ матери и даже приласкать этого разблаживщагося ребенка... Но мать уже уходила изъ комнаты, съ ненавистью отвернувшись отъ нея. Это чувство охватило всецѣло молодую женщину. Она ненавидѣла въ эту минуту всю свою семью: мужа за его кутежи, дочь за ея холодные, безлушные упреки, сына за то, что онъ равнодушно ушелъ изъ дому, зная, что умеръ дѣдъ...

Серпухова вышла изъ дома и поспѣшно направилась къ лѣчебницѣ, взявъ перваго попавшагося извозчика. Она старалась не думать о своей семьѣ, усиливалась думать только объ отцѣ, о его смерти. Но въ головѣ былъ какой-то

хаосъ, на глазахъ теперь не было слезъ. Ей было страшно тяжело, что она не можетъ плакать. Она пробовала упрекать себя: «папочка умеръ, а у меня хотя бы слезинка». Она чувствовала, что отъ слезъ стало бы легче. Но ихъ не было... Подъѣхавъ къ лѣчебницѣ, она спросила, гдѣ ея отецъ. Помощница попечительницы, сухая и чопорная барыня, вышедшая къ ней въ прихожую, объяснила ей, что его вынесли въ кладовую.

— У насъ нѣтъ мертвецкой... Вы возьмите его скорѣе. Особаго помѣщенія для покойниковъ не устроено, и это насъ стѣсняетъ.

Она говорила такимъ тономъ, точно обвиняла Серпухову за то, что ея отецъ ихъ стѣсняетъ. Умеръ, когда у нихъ нѣтъ мертвецкой.

— Куда взять?—воскликнула ошеломленная Серпухова.—Я не могу...

— Домой возьмите, или въ церковь поставьте,—пояснила помощница попечительницы.—Здѣсь нельзя, это насъ стѣсняетъ...

— Ахъ, что вы мнѣ говорите!—запальчиво крикнула Марья Львовна.—Уморить умѣете, а мѣста нѣтъ для покойника! Души у васъ нѣтъ! Никуда я его не повезу...

— Да, но и мы не можемъ допустить...

— Пожалуйста, не разговаривайте!—снова крикнула Серпухова, раздраженная и негодующая. — Умѣете только деньги брать! Вамъ за мѣсяцъ заплачено. Благотворители!..

Помощница попечительницы поблѣднѣла, но не рѣшилась возражать Серпуховой. Съ дерзкими людьми лучше всего не связываться. Марія Львовна рѣзко спросила:

— Куда пройти?

— Съ другой стороны дома подъѣздъ,—сухо отвѣтила помощница попечительницы, отворачиваясь въ сторону.

Серпухова пошла черезъ дворъ, увязая въ снѣгу, еще охваченная негодованіемъ и раздраженіемъ, не чувствуя ни горя, ни печали. Мелочная ссора вытѣснила на время изъ сердца чувство крупной утраты.

На другой сторонѣ дома было крошечное крыльцо. Войдя въ дверь, Серпухова спустилась по тремъ ступенямъ въ грязныя, низенькія и темныя сѣни. Направо была пустая кухня, грязная, съ разобранной плитой, съ грудами мусора и кирпича; налѣво находилась маленькая комната, служившая обыкновенно кладовой и складомъ разной рухляди. Теперь

маленькая комната была освобождена отъ всякаго хлама, но въ ней еще оставался тяжелый запахъ плѣсени, земли, грязнаго бѣлья. Посрединѣ комнаты стоялъ некрашенный столъ въ родѣ кухоннаго обѣденнаго стола. На столѣ лежалъ полъ короткой, натянутой на него, заношенной простыней человѣческій трупъ. Изъ подвальнаго окна, завѣшаннаго наполовину какой-то помятой тряпкой, проникалъ свѣтъ, падавшій на мертвое тѣло. Отворивъ дверь въ эту подвальную комнату, Серпухова вздрогнула, охваченная прежде всего страхомъ, запаталась и, не дойдя до отца, упала, какъ бы подкошенная разомъ, около этого роковаго стола. На минуту она потеряла сознаніе. Потомъ она пришла въ себя, но не могла подняться, не пробовала подняться, точно ей было легче лежать, не поднимаясь, не шевелясь, на полу. На сыроватыхъ, некрашенныхъ доскахъ этого подвала, утонувшись въ пяхъ лицомъ, она лежала и билась теперь въ слезахъ, обезсиленная, безпомощная. Гнѣвъ, негодованіе на семью, всѣ мелкія обиды, все забылось ею теперь передъ одной великой обидой — передъ смертью отца, лежащаго здѣсь, въ грязномъ подвалѣ, одиноко, хуже послѣдняго нищаго.

— Папочка! папочка! за что? за что? О, Господи, гдѣ же правда? Гдѣ же справедливость?

Глухіе, отрывочные стоны вырывались изъ груди молодой женщины, не сознававшей даже, что она говоритъ. Никогда въ жизни не думала она ни о какой правдѣ, ни о какой справедливости.

— Сударыня, сударыня, позвольте... Голубушка, встаньте! — раздался чей-то сердечный голосъ.

Серпухова почувствовала, что кто-то поднимаетъ ее заботливой, бережной рукой. Она съ трудомъ встала и спрятала лицо на груди поднявшей ее женщины. Она даже не посмотрѣла, кто эта женщина. Ей было все равно. Ей была нужна ласка и только, а кто пришелъ съ этой лаской — это было безразлично. Пришедшая къ ней женщина была простая дѣвушка лѣтъ двадцати восьми, дородная, коренастая, краснощекая. Она была поломойкой, прачкой, служанкой при лѣчебницѣ. Ею помыкали всѣ въ лѣчебницѣ, такъ какъ всѣ остальныя служившія здѣсь женщины считали себя «благородными». Быстро отирая слезы, молодая служанка говорила обидчиво и жалостливо:

— Добрый былъ баринъ. Ни слова отъ него дурного въ эти девять дней не слыхала, а ужъ какъ мучился, одинъ

Богъ знаетъ... А все, бывало, зоветъ: «Матрешъ, Матрешъ», — это онъ меня-то такъ прозвалъ, — а самъ улыбается. Разъ сказалъ: «выздоровлю, тебя къ себѣ въ денщики возьму». Шутилъ!.. А ужъ какъ мучился, какъ мучился!.. Вечера-то да ночи зимнія долгія, посѣтителей у насъ по вечерамъ не пущаютъ, больные дремлютъ, а онъ— сна у него нѣтъ, тоска его томитъ, а въ комнатѣ-то тихо-тихо, только кто-либо простонетъ, либо повздыхаетъ, какъ молъ, — помру, али нѣтъ? Жутко, какъ родной души-то подлѣ нѣтъ, какъ не въ своемъ углу помираешь...

И, перебивая себя, она добавила:

— И не одна эта боль его мучила, а то, что у него дѣвочка какая-то безъ помощи останется... Пуще всего это сокрушало. «Маня, говоритъ, дитя... Какъ она безъ меня останется?.. Маленькая дѣвочка, и одна останется!» Все этимъ и бредилъ въ забытьи...

Серпухова, истерически, громко рыдая, вскричала:

— Это я! Это я!

Она порывисто вырвалась изъ объятій смутившейся отъ ея восклицанія служанки и бросилась къ отцу.

— Папочка, папочка, зачѣмъ ты не взялъ меня съ собою?!

Она разомъ сдернула простыню и припала къ отцу. Онъ, съ обрамленнымъ сѣдыми кудрями ликомъ, съ подвязаннымъ подбородкомъ, съ пятаками на глазахъ, словно оживился, шевельнувшись отъ порывистаго прикосновенія дочери. Незакоченѣвшія еще руки безсильно скатились съ груди. Матреша заботливо стала развязывать платокъ, сняла пятаки съ глазъ покойника, начала поспѣшно приводить въ порядокъ волосы и бороду старика.

— И красавецъ, должно-быть, какой былъ,—проговорила она любовно.—Теперь и то хоть патретъ снимай!

— Ангелъ онъ былъ, ангелъ, а не человѣкъ!—восклицала Марья Львовна, покрывая поцѣлуями холодныя руки и лицо отца.

Матрена опять заговорила:

— А наши хвостотрепки, барышни, фыркали, что онъ зоветъ ихъ. Имъ только бы съ молодыми докторами лясы точить... Больному человѣку съ живой душой побыть хочется, одному-то жутко помирать, а онѣ: «безъ дѣла требуете!»... «Безъ дѣла!»... «Намъ некогда!»... Что же, мнѣ тоже некогда было, ноги-то за день притомчутся, да я ночью къ нему приходила, потому онъ ко мнѣ какъ жа-

достаться быть... Все обспросила: откуда я, есть ли средственность, какъ живу... «Тяжело тебѣ, говоритъ, Матрешъ, очень тяжко»... Жалѣть! А кто насъ, простыхъ людей-то, жалѣетъ?.. Вонъ меня отсюда съ матерью не пожалѣли, съ колыбели выбросили въ воспитательный!.. Они не пожалѣли, тоже чего же ждать отъ другихъ-то, отъ чужихъ-то...

Серпухова точно обрадовалась, что Матреша кого-то бранитъ, вошла въ тотъ же тонъ и почти по-дѣтски начала скоро-скоро жаловаться:

— Да, ужъ люди на свѣтѣ!.. Вотъ и папочку въ подвальную конуру засунули. А онъ герой былъ, на войнѣ за храбрость Георгія получилъ. Едва не былъ убитъ, сколько ранъ получилъ, а его въ подвалъ положили. Лучшаго помѣщенія для покойниковъ не приготовили. Вѣдь мы же не Христа ради держали его здѣсь, платили... За мѣсяцъ получили, а онъ и двухъ недѣль не прожилъ у насъ... Мало имъ, что ли?.. Еще хотѣли они, чтобы я его увезла, по улицамъ таскала, мертваго-то...

Матреша махнула рукой:

— Ну, пусть ихъ брешутъ! Чего на нихъ смотрѣть. Какъ самимъ-то имъ помирать придется...

— Ахъ, тѣмъ все легко, у кого сердца нѣтъ!

— Это точно, что сердца нѣтъ. Ровно стуканы!

Затѣмъ Матреша осмотрѣлась кругомъ:

— А тутъ можно вотъ песочку и ельнику на полъ посыпать. Тоже мѣлки повѣять. Все приглядѣе будетъ. Покровъ тоже получше взять. Оно и ничего станетъ.

— Ты, Матреша, думаешь, что ничего будетъ?

— Ничего! Все уладимъ. Вы не убивайтесь. Хорошему человѣку всѣмъ хорошо. Передъ Богомъ онъ стоитъ.

Напоминаніе о песочкѣ, ельникѣ и покровѣ вернуло Серпухову къ практическимъ соображеніямъ. Торопливо сморкаясь и отирая слезы, она заговорила:

— Да, да, надо распорядиться всѣмъ. Не умѣю только я ничего, не знаю. Одна я, совсѣмъ одна!..

— Что-жъ, вы меня поучите, если что надо. Я буду стараться, — предложила Матреша. — Тоже передавать-то нечего разнымъ кровопийцамъ. Рады драть, гдѣ покойникъ, благо родственники въ безчувствіи. Это есть первое дѣло.

Въ дверяхъ комнаты изъ сѣней кто-то сталъ позвякивать въ руку, перемѣняясь съ ноги на ногу изъ хорошаго.

Обѣ женщины обернулись. Длинная и худая фигура въ долгополомъ сюртукѣ, съ изрытымъ оспою лицомъ, стала отвѣшивать съ порога поклоны.

— Гробовщикъ-съ!..

Матрена махнула рукой.

— Налетѣли! Точно воронье, прости, Господи!

Она тотчасъ же отвела Серпухову въ сторону и поспѣшно стала шептать:

— Вы какой гробъ будете заказывать? Золотой глазетовый? Хорошо! Сами только приказывайте, а торговаться я буду. Я ужъ зубъ за зубъ съ ними!

И, дѣйствительно, она начала торговаться, какъ въ мелочной лавкѣ, стыдя и попрекая гробовщика, взывая къ его совѣсти и страху Божію, перебирая всѣ имѣвшіяся въ ея запасѣ жалкія слова.

— Да войдите вы въ мое положеніе!—повторялъ гробовщикъ.—Хотите, чтобы все прилично, а цѣну Богъ знаетъ какую даете! Подушки тоже для орденовъ требуете...

— Да развѣ мы твои подушки съѣдимъ? Полежать, да къ тебѣ же вернутся...

— У одного полежатъ, у другого,—глядишь и новыя надо дѣлать. Вы этого не соображаете...

— А ты не пой Лазаря и проваливай, если цѣна не подходящая!—рѣшительно проговорила Матреша.—Дерете, благо дѣло спѣшное...

— Да вѣдь дешевле никто не возьметъ. Ко мнѣ же пришлете.

— Ну, ужъ не пришлемъ! Мало васъ, что ли?

Серпухова тихонько дергала ее за юбку и мигала ей:

— Довольно! Значитъ нельзя дешевле! Что-жъ дѣлать!

Но Матреша теперь уже не обращала на нее вниманія и, вся раскраснѣвшаяся отъ волненія, упорно держалась своей цѣны. Гробовщикъ, отирая съ лица потъ грязнымъ клѣтчатымъ платкомъ, махнулъ рукою.

— Ну, ужъ будь по-вашему. Только для перваго знакомства уступаю!

— Типунъ бы тебѣ на языкъ!.. Въ вѣкъ бы съ вами не имѣть дѣла...

— Что-жъ, отъ слова ничего не станется.

— Ну, ну, снимай мѣрку!

Гробовщикъ принялся снимать мѣрку съ покойника.

V.

Гробовщикъ ушелъ.

Матрена заторопила Марью Львовну:

— Поѣзжайте, надо кисеи на саванъ, на покрышку, на занавѣску къ окну. Я здѣсь покуда распоряжусь, чтобы все прибрали. Пошлю въ церковь за покровомъ и шандалами. Тамъ и читальщика найдутъ. Надо къ панихидѣ все приготовить. Къ половинѣ второго все устроимъ.

Серпухова начала просить:

— Матрена, голубушка, ужъ ты сдѣлай все!

— Не безпокойтесь, не безпокойтесь! Поѣзжайте скорѣе за кисеей. Кстати, про туфли-то мы и забыли. Купите. Постойте, я мѣрку сниму...

Она стала снимать мѣрку съ ноги покойника.

— Моя четверть и подошва, — пояснила Матрена.

— Постой, моя рука меньше; какъ же это выйдетъ.

Онѣ стали отмѣривать на столѣ, какъ это выйдетъ, обѣ серьезныя, сильно озабоченныя.

— У бабъ купите, въ Гостиномъ дворѣ стоятъ, — поясняла Матрена. — Торгуйтесь! Черныя плисовыя; болѣе девяти гривенъ не давайте! Полтора рубля запросятъ, половину дайте, потомъ накиньте...

Молодая женщина поспѣшно вышла на улицу, наняла извозчика. Теперь у нея была одна забота, какъ бы поспѣть все сдѣлать во-время. На дорогѣ она вспомнила о деньгахъ, вытащила портмонэ, пересчитала ихъ. Хватитъ! А сколько купить кисеи? Аршинъ восемь? А вдругъ недостанетъ? Какъ дѣлаютъ саванъ: во весь ростъ или нѣтъ? Кажется, кисеей и покрываютъ покойниковъ съ головы до ногъ? Да, да, Матрена и сказала: «на покрышку». Ужъ лучше десять аршинъ купить. Десять достаточно! Въ Гостиномъ дворѣ она почти бѣжала, заглядывая подъ арки и отыскивая бабъ, продавщицъ туфли. Ей все казалось, что она опоздаетъ. Въ лавкѣ пришлось долго спорить: кисею предлагали все съ мушками и увѣряли, что эта кисея моднѣе, а ей надо было непремѣнно безъ мушекъ кисею. Наконецъ, и туфли, и кисея были куплены. Она помчалась обратно.

Въ маленькомъ подвальномъ помѣщеніи уже установили катафалкъ и переложили на него покойника, теперь одѣтаго въ черные брюки и въ сюртукъ, въ тѣ самые, въ которыхъ его привезли въ лѣчебницу. Два мужика расчищали

кухню, шаркая метлами, и посыпали полъ пескомъ. Читальщикъ прилаживалъ близъ изголовья покойника подставку для псалтиря. Матрена, завидѣвъ Серпухову, торопливо сказала:

— Давайте, давайте туфли и кисею!

Она поспѣшно стала надѣвать туфли на ноги покойника, спрашивая въ то же время:

— Сколько содрали? Девять гривенъ? Ну, я такъ и говорила! Кисеи сколько купили? Десять аршинъ. Много! Ну, да ничего, лучше больше, чѣмъ меньше!

И тутъ же она вытащила изъ кармана старыя ножницы и стала рѣзать кисею.

— А я ужъ и иголку съ ниткой приготовила. Собрать саванъ надо. Вотъ такъ, три складочки замечите. Сумѣете? Я покуда края выстригу. Зубчиками надо...

Она сунула въ руки Марьи Львовны иголку съ ниткой и кисею, а сама толкнулась въ сѣни.

— Трофимъ! Трофимъ! Приколоти занавѣску къ окну.

Явился дворникъ, пріѣзжавшій за Серпуховой ночью, и степенно раскланялся съ нею. Это былъ дюжій, краснощекій мужикъ, лѣтъ тридцати.

— Сплошь закрыть окно-то, Матрена Савельевна?—спросилъ онъ, набирая въ ротъ мелкихъ гвоздей.

— А то какъ же? Щелку, что ли, оставлять, чтобы народъ глазѣлъ? У насъ не тіатеръ,—отвѣтила она, выстригая зубцами края савана.

И, опять обращаясь къ Серпуховой, она проговорила:

— Дошили? Да! Ну, такъ помогите покровъ надѣть...

У нея все кипѣло въ рукахъ. Серпухова не успѣвала помогать ей. Пока дворникъ стучалъ у окна молоткомъ, пока читальщикъ разставлялъ шандалы, Матрена уже успѣла надѣть саванъ на голову покойника, покрыла его кисеей, потомъ до половины закрыла покровомъ.

— Ну, вотъ и обрядили нашего старичка!—проговорила она, любуясь покойникомъ.

Въ эту минуту въ дверяхъ изъ сѣней показалась стройная и высокая фигура человѣка въ тепломъ щеголеватомъ пальто съ бобровымъ воротникомъ. На видъ ему было лѣтъ двадцать пять, хотя въ дѣйствительности онъ былъ нѣсколько старше. Онъ несъ огромный роскошный вѣнокъ изъ синихъ иммортелей, окруженныхъ бѣловатыми колосьями.

— Женя... ты!..—вскричала Марья Львовна и вся вспыхнула, увидавъ прелестный вѣнокъ.

Молодой человѣкъ ласково кивнулъ ей головою, положилъ вѣнокъ въ ногахъ покойника около катафалка, слегка перекрестился и потомъ обернулся къ Серпуховой:

— Здравствуй, Маня,—проговорилъ онъ мягкимъ, мелодичнымъ голосомъ, сердечно пожимая ей руку.—Я только-что былъ у тебя, застаръ всѣхъ твоихъ садящимися на экстракъ, узналъ о твоей и моей потерѣ и поспѣшилъ сюда...

Она съ благодарностью сжала его руку.

— Добрый ты, Женя!

Онъ задушевно отвѣтилъ:

— Я такъ любилъ дядю Лёву... Для тебя, Маня, это страшная потеря, я знаю!

Она тихо заплакала, растроганная его теплымъ участіемъ. Она всегда считала его—своего троюроднаго брата Евгенія Александровича Шахова, жившаго много лѣтъ у ея отца,—добрымъ человѣкомъ, хотя его и называла часто вѣтрогономъ

— Полно, Маня, полно! — уговаривалъ онъ ее. — Слава Богу, что тебѣ не въ чемъ упрекнуть себя, ты всегда была доброй дочерью... Это великое утѣшеніе для тебя...

И, желая отвлечь ея мысли отъ горькихъ воспоминаній, онъ сталъ разсказывать:

— А сейчасъ и Варвара Павловна будетъ сюда. Я по дорогѣ заѣхалъ къ ней. Хотѣлось, чтобъ и она была на первой панихидѣ. Она вѣдь была старымъ другомъ дяди Левы...

— Ахъ, Женя, Женя, какой ты добрый! — воскликнула Серпухова.

— Да вѣдь это пріятно, когда около дорогого покойника собираются всѣ любившіе его люди, — ласково сказалъ Шаховъ.

— Ты вотъ это понимаешь, а другіе...

Она не успѣла кончить фразы, какъ въ комнату вошла Варвара Павловна Романова. Одѣтая вся въ черное, сѣдоволосая, худощавая, съ поблекшимъ, но еще сохранившимъ слѣды былой красоты лицомъ, эта женщина сразу поражала строгимъ благородствомъ своей фигуры, своихъ манеръ, своей походки. Она казалась нѣсколько старше своихъ лѣтъ, и ей можно было дать не пятьдесятъ лѣтъ, а гораздо болѣе. Она поцѣловала бросившуюся къ ней навстрѣчу и припавшую къ ея рукѣ Марью Львовну и молча прошла къ покойнику. Ставъ на колѣни и сдѣлавъ земной поклонъ, она медленно поднялась съ пола, взошла на ступеньку катафалка, откинула кисею съ лица покойника и нѣсколько

секундъ пристально вглядывалась въ его лицо. Потомъ она склонила голову и не спѣша поцѣловала покойника въ лобъ, а затѣмъ приложилась къ его рукѣ.

— Какъ живой,—тихо проговорила она, закрывая снова его лицо и сходя съ катафалка.—А гдѣ же твои?—обратилась она къ Марьѣ Львовнѣ.

— Дома.—отвѣтила Серпухова.—Завтракаютъ...

— Они хотѣли сейчасъ же послѣ завтрака придти сюда,—замѣтилъ заступнически Шаховъ. — Они, кажется, поджидали, что ты придешь, Маня...

— А здѣсь все само сдѣлалось бы?

— Значитъ, ты одна всѣмъ распорядилась? — спросила Варвара Павловна.

— Одна,—отвѣтила Марья Львовна.—Вотъ еще эта добрая душа помогла, — проговорила она, желая указать на Матрешу, но той уже не было въ комнатѣ.—Служанка тутъ одна за папочкой ходила... Простая женщина, чужой человѣкъ, приняла участіе, какъ родная...

Она опять разрыдалась, вспомнивъ, что помогла ей чужая женщина, а не своя семья. Они, ея близкіе, завтракаютъ тамъ, не торопятся, поджидаютъ даже ее, чтобы узнать, когда будетъ панихида, чтобы не придти раньше, чтобы не ждать здѣсь, а она, Марья Львовна, со вчерашняго вечера глотка воды не хлебнула. Они придутъ, какъ гости, на панихиду. Вотъ Шаховъ—какая онъ ей родня!—а и тотъ вѣнокъ принесъ ея отцу, извѣстилъ Варвару Павловну. Чутье, сердце есть у человѣка. Варвара Павловна тоже почти чужой человѣкъ, притомъ усталый, надломленный человѣкъ, а тоже поспѣшила пріѣхать, а они... Ей вдругъ захотѣлось, чтобы скорѣй началась панихида, пока не пришли они — мужъ, сынъ, дочь... Она обернулась къ читальщику:

— Батюшка скоро придетъ?

— Они уже идутъ. Дьячокъ здѣсь,—отвѣтилъ читальщикъ, приготовляя свѣчи.

Черезъ двѣ-три минуты пришелъ и старичокъ-священникъ, лысый, съ большой серебристой бородой.

— Можно начинать?—спросилъ онъ, осѣняя пухлой бѣлой рукой крестнымъ знаменіемъ голову Марьи Львовны.

— Да, да, чего же ждать! — торопливо проговорила она, и опять ей хотѣлось только одно, чтобъ панихида кончилась до прихода ея мужа и дѣтей.

— Не подождать ли Юрія,—замѣтилъ мягко Шаховъ.

— Да кто же знаетъ, когда они кончатъ завтракъ, — желчно отозвалась Серпухова.

Священникъ поглядывалъ вопросительно.

— Начинайте, батюшка!—сказала Марья Львовна.

Чтецъ зажигалъ присутствующимъ зажженныя свѣчи. Священникъ началъ панихиду.

Марья Львовна не могла ни плакать, ни молиться. Въ головѣ былъ хаосъ мелочныхъ соображеній, мелочныхъ досадъ. Напоминаніе о завтракѣ пробудило ощущеніе голода; во рту вдругъ стало сухо и чувствовалась потребность выпить чаю или кофе. Мелькали мысли, что вотъ она голодна, томится жаждой, а все же хлопочетъ, а они — мужъ и дѣти — даже и не подумали о ней. Вотъ пусть бы священникъ кончилъ поскорѣе панихиду, чтобы они пришли, когда никого здѣсь не будетъ. Самимъ станетъ стыдно. Есть же и у нихъ совѣсть. Она внезапно очнулась:

— Господи, что же это со мной? Отецъ умеръ, панихиду служатъ, а я о чемъ думаю! О, это все изъ-за нихъ, изъ-за нихъ! Да развѣ они стоятъ того, чтобы о нихъ думать! Ненависть у меня къ нимъ только, и больше ничего...

И снова въ ея головѣ мелькнула мысль, что когда они придутъ, она спроситъ ихъ: «не рано ли вы пришли? Ужъ кстати подождали бы дома до обѣда. Послѣ обѣда могли бы прийти». Пусть бы только панихида поскорѣе кончилась, до ихъ прихода. И снова ее смутили упреки совѣсти за то, что она не молится, не плачетъ. Она торопливо начала креститься, стараясь вслушиваться въ слова священника, силясь вызвать въ душѣ ощущеніе скорби, горя...

Въ комнату неожиданно пахнула струя холоднаго воздуха. Серпухова обернулась и увидала въ дверяхъ свою семью, съ разрумянившимися на морозѣ щеками, съ любопытно смотрящими глазами, въ франтоватыхъ костюмахъ. Въ глазахъ молодой женщины выразилась глубокая ненависть. Въ ту же минуту у нея начало подергивать судорогою брови и губы, въ груди стѣснилось дыханіе, горло перехватило. Шаховъ, стоявшій около нея, увидалъ, что свѣча запрыгала въ ея рукѣ, и наклонился къ ней. Онъ замѣтилъ, что она шатается, загасилъ свою свѣчу и поддержалъ молодую женщину, принявъ ее въ свои объятія. Она лишилась чувствъ...

Панихида между тѣмъ кончилась...

— Странная мама Маня, — обиженно говорила молодая дѣвушка Варварѣ Павловнѣ, пожимая ея руку. — Не за-

ѣхала домой, не дала знать, когда начнется панихида. А мы все сидѣли и ждали... Конечно, она очень огорчена, но все же это непріятно — сидѣть и ждать, когда тутъ все кончено...

— Ахъ, что ты толкуешь, вѣдь не одна же будетъ панихида,—замѣтилъ юноша, перебивая сестру.—Опоздали на эту, будемъ аккуратнѣе при другой. Стоитъ волноваться!

Они пошли посмотрѣть на дѣда, развязные, спокойные, равнодушные, никогда не чувствовавшіе, чтобы ихъ что-нибудь связывало съ этимъ старикомъ, съ этимъ «солдатомъ», какъ они называли его между собою.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Въ небольшомъ деревянномъ домѣ, спрятавшемся за деревьями сада отъ уличнаго шума, еще со двора можно было уловить самые разнообразные звуки, говорившіе о кипучей дѣятельности. Въ одномъ изъ сараевъ, рядомъ съ прачечной, дворникъ кололъ дрова; въ другомъ равномѣрно раздавались гулкіе удары катка; изъ кухни слышалось, какъ скоро-скоро рубили сѣчкою мясо. Въ самомъ домѣ изъ просторной, но низенькой рукодѣльной комнаты достигалъ до прихожей немолчный гулъ дѣтскихъ голосовъ, похожій на суетливое щебетанье птицъ, свивающихъ весною въ лѣсу свои гнѣзда. Все здѣсь говорило о трудѣ, спѣшномъ, неотложномъ, неустанномъ. Рукодѣльная комната была полна дѣвочекъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ было не болѣе четырехъ лѣтъ; другія достигли уже пятнадцатилѣтняго возраста. Одинаково одѣтыя въ сѣренькія холстиковыя платья, въ бѣлыя пелеринки, въ бѣлые нарукавники, одинаково причесанныя, еще недозрѣвшія до характерныхъ и типичныхъ выраженій лицъ, онѣ казались похожими одна на другую, какъ сестры. Однѣ изъ нихъ вязали, другія шили, третьи просто играли. На столахъ были навалены разныя принадлежности шитья и вязанья: коленкоръ, полотно, нитки, бумага. Въ воздухѣ то и дѣло мелькали руки малолѣтнихъ швей, работавшихъ иглою; въ рукахъ младшихъ воспитанницъ быстро шевелились вязальныя спицы. Занятія не мѣшали дѣвочкамъ говорить. У одного изъ большихъ столовъ слышалось, какъ какая-то крошечная дѣвчурка, слезливо картавя, упрекала другую:

— Я мамѣ пожалуюсь. Ты у меня вонь слуга!

— А ты зачѣмъ моихъ солдатиковъ повалила? Я тоже пожалуюсь, — задорно возражала другая дѣвочка, такая же маленькая, какъ и ея подруга.

Онѣ строили домики и изображали солдатъ изъ старыхъ, замасленныхъ игральныхъ картъ.

За другимъ столомъ шелъ горячій споръ.

— Дыхова, ты взяла мою катушку!—кричала одна дѣвочка.

— Ну, ужъ ты, Краснова, не плети на меня, — отзывалась обвиняемая —У тебя сатинной катушки и не было.

— А вотъ сатинная-то и была.

— Не сатинная, не сатинная.

— Ахъ, дѣвицы, слышите вы, какая Дыхова жила! — обратилась вся раскраснѣвшаяся Краснова съ протестомъ къ подругамъ.—Взяла катушку и не отдаетъ.

Подруги вступились за Краснову и клялись, что у нея была сатинная катушка.

Около одного окна, менѣе громко и плавнымъ голосомъ, одна взрослая воспитанница разсказывала тремъ подругамъ:

— И былъ, дѣвицы, самый этотъ графъ Монте-Кристо такъ богатъ, такъ богатъ, что страсть, и самъ изъ себя писанный красавецъ... И полюбилъ онъ, дѣвицы...

— Вотъ, дѣвицы, такого бы жениха!—со вздохомъ перебила разсказчицу одна изъ слушательницъ.

— Ишь, чего захотѣла ты, Козлова!—воскликнули на перебой остальныя подруги.—Богача, да еще и красавца! Этакихъ-то жениховъ и днемъ съ огнемъ поискать надо... Богачамъ и то не всегда такое счастье выпадаетъ... А мы что?.. Да ты не перебивай, пусть Катенина разсказываетъ.

Катенина снова принялась разсказывать про графа Монте-Кристо все тѣмъ же тихимъ и плавнымъ тономъ...

Отъ всѣхъ этихъ споровъ и толковъ, шарканья ногъ и отодвиганья табуретовъ въ рукодѣльной комнатѣ былъ невообразимый шумъ.

Маленькая и толстенькая женщина, учительница и классная дама пріюта, лѣтъ сорока пяти, подвижная и дѣятельная, хотя и страдавшая одышкою, водворяла безплодно тишину, непрестанно переходила отъ одной группы дѣвочекъ къ другой, то и дѣло повторяя дѣтямъ, что она пожалуется «мамашѣ». Ее почти не слушали, очевидно зная, что никому она не пожалуется и что усмиряетъ она ихъ только для того, чтобы чѣмъ-нибудь заявить о своемъ присутствіи въ рукодѣльной

комнатѣ. Присѣвъ около старшихъ воспитанницъ, она просматривала работы дѣтей.

— Москалева,—обратилась она къ одной изъ ученицъ:— ты это для чего выворотнымъ швомъ кофточку начала шить? Распори! Сперва сшей впередъ иголку, потомъ запошей черезъ край. Чище и прочнѣй будетъ, а то посмотри, какіе рты выходятъ, только потяни...

— Валентина Петровна, я не умѣю спускать пятку,— приставала къ ней между тѣмъ маленькая дѣвочка, держа въ рукахъ чулокъ.

— Поди къ Кирпичовой, она покажетъ,— отвѣтила классная дама и крикнула:—Кирпичова, покажи ей, какъ спускать пятку.

— Валентина Петровна, какъ же шить лифчикъ—впередъ иголку или взадъ иголку?—обратилась къ классной дамѣ еще одна изъ воспитанницъ.

— Разумѣется, взадъ иголку, а края потомъ обметать. Впередъ иголку, все разлѣзется.

— Да я вѣдь мелко шью...

— Все равно, разлѣзется...

И, услыхавъ, что между малолѣтними идетъ чуть не драка, Валентина Петровна крикнула:

— Дѣти, дѣти, тише! Катенина, пойди, уйми ихъ! Что у нихъ тамъ?

Катенина, неохотно прервавъ разсказъ о графѣ Монте-Кристо, пошла разбирать ссору малолѣтнихъ дѣвочекъ.

Водворяя порядокъ и просматривая работы воспитанницъ, маленькая и толстенькая классная дама не сразу замѣтила появленіе посторонняго лица — женщины въ глубокомъ траурѣ. Это была Серпухова. Она замѣтно похудѣла и поблѣднѣла за послѣдніе два-три мѣсяца; въ ея глазахъ выражалась не то печаль, не то вдумчивость; въ лицѣ не было и слѣдовъ дѣтской наивности, а замѣчалась нѣсколько тупая недоумѣлая сосредоточенность. Съ выраженіемъ напряженнаго вниманія слѣдила она въ теченіе двухъ-трехъ минутъ за работой и движеніемъ этого человѣческаго улья, какъ бы удивляясь его кипучей дѣятельности, составлявшей такую рѣзкую противоположность съ сонной и вялой жизнью въ ея собственной семьѣ. Взглянувъ на нее, можно было подумать, что она недоумѣваетъ, какъ и для чего попала она сюда. Замедливъ немного на порогѣ рукодѣльной комнаты, она потомъ вдругъ какъ бы очнулась отъ сна и направилась къ Валентинѣ Петровнѣ.

— Марья Львовна!—шепнули классной дамѣ сидѣвшія около нея воспитанницы.

Валентина Петровна быстро обернулась, торопливо отдавая дѣвочкамъ взятыя у нихъ работы.

— Здравствуйте,—проговорила Серпухова, протягивая ей руку.—Тетя дома?

— Простите, Марья Львовна, я и не слыхала, какъ вы вошли,—сказала классная дама, поспѣшно вставая съ мѣста и крѣпко пожимая руку молодой женщины.—Вы о Варварѣ Павловнѣ спрашиваете? Гдѣ же мамашѣ быть, какъ не дома. Возится съ бѣльемъ. Насъ вѣдь здѣсь всего двѣ—она, да я. За всѣмъ свой глазъ нуженъ... Пройдемте къ ней въ комнату. Здѣсь просто столпотвореніе вавилонское. Я сейчасъ скажу мамашѣ...

Она уже хотѣла идти, по привычкѣ спѣша и торопясь. Ей всей-невсей приходилось все дѣлать поскорѣй. Марья Львовна остановила ее, замѣтивъ:

— Такъ я пройду сама къ ней. Я же знаю ходъ въ бѣлевую комнату. Зачѣмъ васъ отрывать отъ дѣла? И такъ находитесь за день...

— Ужъ и не говорите, и не говорите! Ноги всѣ оттоптала!—пожаловалась классная дама.—Точно маятникъ, сную изъ угла въ уголъ. Тутъ надо присмотрѣть, туда надо посмѣть, въ третьемъ мѣстѣ зовутъ—хоть разорвись! Право. А что станете дѣлать? Обязанности!.. Дѣти, дѣти, тише! Ахъ, Господи, вотъ-то неугомонный народъ!

И, понизивъ голосъ, она шепнула Марьѣ Львовнѣ:

— А Варвара Павловна у насъ на себя не похожа. Такъ загрустила сегодня, что смотрѣть тяжело...

— Что-нибудь случилось?

— Нѣтъ, что же можетъ случиться? А вѣдь сегодня день ея рожденія, ну, вѣрно, и вспомнилось все прошлое, вся жизнь...

Валентина Петровна вздохнула.

— Ей вѣдь еще тяжелѣй оттого, что она все одна передумываетъ, отъ всѣхъ все скрываетъ, старается скрыть... А гдѣ же скрыть отъ тѣхъ, кто ее любитъ... Вижу я все, сказать ей только не смѣю...

Серпухова молча вышла изъ рукодѣльной комнаты, прошла по полутемному коридору и очутилась въ узенькой комнаткѣ съ однимъ окномъ, заставленной кругомъ бѣлевыми шкапами. Ее сразу обдало тяжелымъ запахомъ бѣлья, чистаго и грязнаго. Грязное бѣлье лежало безпорядочными

большими ворохами на полу. Чистое было аккуратно разсортировано и разложено по полкамъ открытыхъ шкаповъ. Среди лежавшаго на полу бѣлья сидѣли на корточкахъ двѣ взрослыя воспитанницы: тутъ же на зеленомъ табуретѣ сидѣла начальница пріюта, Варвара Павловна Романова. Воспитанницы быстро перебирали бѣлье, разсматривая его на свѣтъ, сортировали и громко считали: Варвара Павловна аккуратно записывала цифры въ свою записную книжку, раздѣленную на графы.

— Маня!—привѣтливо проговорила она, увидавъ Серпухову и протягивая ей руку.—Здорова ли?

Ея все еще полные жизни, проницательные и зоркіе, хотя въ то же время мягкіе и добрые глаза, пристально взглянули на молодую женщину.

— Ничего, тетя, здорова! А вы?

Марья Львовна поцѣловала Романову въ губы, а потомъ поднесла къ своимъ губамъ ея тонкую, все еще красивую, несмотря на годы, руку.

— Некогда хворать! — коротко отвѣтила Варвара Павловна и торопливо обратилась къ воспитанницамъ:—Ну, дѣти, скорѣй, скорѣй! Сорочекъ для малолѣтнихъ сколько?

— Пятьдесятъ, мамаша,—отвѣтили воспитанницы.

— Всѣ цѣлыя?

— Всѣ.

— Хорошо пересмотрѣли?

— Да.

Романова стала вписывать въ книжку число сорочекъ. Воспитанницы начали перебирать чулки, сортируя ихъ сообразно ихъ цѣлости и величинѣ. Нужно было имѣть очень зоркіе и наблюдательные глаза, чтобы замѣтить гнетущую скорбь на лицѣ Варвары Павловны, старавшейся казаться невозмутимо спокойною. Марья Львовна не отличалась этою наблюдательностью и не замѣтила сразу ничего особеннаго въ выраженіи лица тетки.

— А вы и въ день своего рожденія за работой?—замѣтила она.

Тетка улыбнулась грустной улыбкой.

— Это чтобы весь годъ работать. А ты вспомнила! Спасибо!

И, принявъ опять озабоченное выраженіе лица, она поторопила дѣвочекъ:

— Дѣти, скорѣе, скорѣе!

Потомъ мелькомъ замѣтила племянницѣ:

— Я, признаться, сама-то и забыла, что сегодня день

моего рожденія. Не до празднествъ!.. Валентина Петровна только растрогалась и поднесла сладкій пирогъ... Ты поди во мнѣ, увидишь его... Съ надписью: «доброй матери отъ любящихъ дѣтей»...

По лицу Варвары Павловны, при послѣдней фразѣ, скользнула мрачная тѣнь, и она опять заторопилась:

— Ну, ну, сосчитали, дѣти? Чулокъ сколько? Въ ветошь много ли отложить?

— А гдѣ же Матреша?—спросила Серпухова.—Я покликала ее и не нашла.

— Твоя Матреша измучилась, я думаю, за послѣдніе три-четыре дня.—отвѣтила начальница пріюта.—Узнала, каково у насъ служить. Привезли къ намъ ребенка—я тебѣ и разсказать не могу, въ какомъ видѣ: кору грязи нужно было отмыть, волосики пришлось сбрить, струпья у бѣдной по головѣ пошли... Теперь Матреша повезла ее къ доктору осмотрѣть, что у нея за сынъ... Можетъ-быть, что-нибудь заразительное, а не простая золотуха... Господи, какія несчастныя созданія бываютъ на свѣтѣ! Только, смотря на нихъ, и понимаешь, что всѣ наши мелкія печалишки суще пустяки передъ дѣйствительными страданіями... На эту дѣвчурку смотрѣть больно. Многихъ приводили ко мнѣ въ ужасномъ видѣ, но такой несчастной еще не бывало у насъ...

Она видимо взволновалась при воспоминаніи о положеніи этой несчастной и, опустивъ на колѣни записную книжку, быстро заговоряла по-французски, чтобы не быть понятой воспитанницами:

— Мать у нея падшая женщина самаго послѣдняго сорта; прижила, несчастная, дочь на пятнадцатомъ году; теперь вотъ уже пять лѣтъ, какъ пьетъ безъ просыпу; говорятъ, все прошлое лѣто такъ и провела въ лѣсу на Крестовскомъ островѣ. Ни она сама, ни другіе не знаютъ даже, кто былъ отцомъ ребенка. Проводя цѣлые дни на улицѣ и въ кабакахъ, мать бросила малютку у чужихъ людей, въ углу, въ подвалѣ, и забыла о ней. Эти люди и привели дѣвочку къ Аннѣ Ивановнѣ... ты вѣдь знаешь Тарасову, нашу патронессу?.. Анна Ивановна не хотѣла брать малютку, но эти люди безъ дальнихъ разговоровъ оставили дѣвочку у подъѣзда Тарасовой, вложивъ ребенку въ руки бумаги, и ушли. Бѣдняжка едва не замерла на морозѣ въ своихъ дырявыхъ лохмотьяхъ. Ну, тутъ ужъ волей-неволей пришлось взять несчастную. Анна Ивановна только боится, что мать

дѣвочки явится къ намъ и еще, чего добраго, сдѣлаетъ какой-нибудь скандалъ. Совсѣмъ она падшая, спившаяся съ круга, загубленная женщина и ждать отъ нея всего можно...

Потомъ она опять заговорила по-русски:

— Тутъ я только и оцѣнила вполнѣ твою Матрешу. Очень энергичный человѣкъ и притомъ не безъ сердца. Возится она съ малюткой, какъ самая нѣжная мать, и даже успѣла всплакнуть, что та такая несчастная...

Марья Львовна замѣтила по-французски.

— Она сама незаконнорожденная, и потому...

— Нѣтъ, нѣтъ,—перебила ее тетка:—это не то! Она со всякимъ готова нянчиться, кто несчастливъ, кто безпомощенъ. Помнишь, какъ она за отцомъ твоимъ ухаживала? Это у нея въ натурѣ: избытокъ силъ. И сколько бодрости, сколько энергіи! Отъ нея пышетъ здоровьемъ. Я тебѣ очень и очень благодарна, что ты рекомендовала ее мнѣ. Мнѣ и Валентинѣ Петровнѣ именно такой помощницы и недоставало...

— Пелеринокъ двадцать пять,—сказала одна изъ воспитанницъ.

— Годныхъ?—спросила Варвара Павловна.

— Да.

Романова записала число пелеринокъ. Потомъ, опять обращаясь къ Марьѣ Львовнѣ, она сказала:

— Ты, однако, иди ко мнѣ. Я сейчасъ кончу. Воздухъ здѣсь тяжелъ. Онѣ вонъ и привычны, а вѣчно головы разболятся послѣ счета бѣлья.

Марья Львовна не заставила тетку повторить приглашеніе уйти. Ее уже начинало тошнить отъ тяжелаго запаха тѣснаго и сыроватаго помѣщенія. Разсказъ о несчастной дѣвочкѣ и ея матери поднялъ тоже въ душѣ брезгливое чувство. Какъ можетъ выносить все это, всѣмъ этимъ интересоваться Варвара Павловна?

Серпухова вышла съ отуманенной головой, поднялась по лѣстницѣ во второй этажъ, прошла черезъ рядъ просторныхъ, но низенькихъ спаленъ съ чистыми форменными кроватями, однообразными, какъ выстроенные въ рядъ солдаты въ мундирахъ, и попала въ комнату въ два окна, раздѣленную на двѣ половины зеленой ситцевой драпировкою. Простенькая старомодная краснаго дерева мебель, обитая зеленымъ ситцемъ, дешевые цвѣты на окнахъ, письменный столъ, заваленный массой бумагъ, полочка съ книгами, все это было очень бѣдно и неказисто, хотя чисто, заботливо прибрано. Была Это бѣдность, пріумывшаяся для

тоте, чтобы ее не унижали состраданіемъ и не оскорбили помощью. Серпухова понимала это и съ горечью думала о томъ, что и возможность жить хоть такъ покупается Варварой Павловной неустаннымъ трудомъ. Случись несчастіе, что не станетъ силъ на этотъ трудъ, и Варварѣ Павловнѣ придется идти въ богадѣльню, такъ какъ у нея нѣтъ даже скопленныхъ на черный день копеекъ. Она, Серпухова, давно наложила бы на себя руки, если бы ей пришлось жить такъ. На что такая жизнь? Стоитъ ли ее влачить, какъ цѣпь каторжника? Неужели эта мысль никогда не приходитъ въ голову тетѣ?..

Передъ диваномъ, прислоненнымъ спинкою къ драпировкѣ, стоялъ круглый столъ; на немъ красовался теперь кондитерскій пирогъ съ надписью неуклюжими буквами изъ сахару: «доброй матери отъ любящихъ дѣтей».

Взглянувъ на него, Марья Львовна сразу вспомнила мелочи. «Варвара Павловна сказала, что она и забыла о днѣ своего рожденія. Только Валентина Петровна и напомнила. По лицу Варвары Павловны прошла тѣнь, когда она упомянула объ этой надписи на сладкомъ пирогѣ: «доброй матери отъ любящихъ дѣтей»... Неужели дочь—любимая дочь—забыла даже о днѣ рожденія своей матери? Мои дѣти—о, они могли бы забыть о днѣ моего рожденія... обо мнѣ могли бы даже забыть... Всѣ говорятъ, что я не умѣла ихъ воспитывать, что я сама виновата, а тутъ... Такихъ матерей, какъ Варвара Павловна, немного; такъ любить дочь, какъ она ее любила, могутъ рѣдкія матери... И все же дочь ее забыла!..»

Серпухова въ глубокой задумчивости, съ выраженіемъ тупого недоумѣнія на лицѣ, присѣла у письменнаго стола.

«Гдѣ же правда? Гдѣ же справедливость?»—проносилось въ ея головѣ.

Со времени смерти отца, она часто останавливалась на этихъ вопросахъ. Прежде она никогда объ этомъ не думала. Она и теперь не давала себѣ сколько-нибудь яснаго отчета: какой правды, какой справедливости требуетъ она отъ жизни; но, тѣмъ не менѣе, эти слова засѣли у нея въ мозгу, и она повторяла ихъ постоянно, какъ повторяютъ мотивъ, случайно запавшій въ память...

II.

Мелочи повседневной домашней жизни прошли въ памяти Серпуховой при воспоминаніи о своихъ дѣтяхъ. Эти мелочи заслоняли въ ея умѣ все: отвлеченныя идеи, общественныя

событія, чужія несчастія. Этими мелочами, какъ жалкой крошечной ширмой, она закрыла отъ себя весь необъятный міръ съ его умственной и нравственной, частной и общественной жизнью, съ его радостями и несчастіями, добромъ и зломъ.

Въ самый день смерти ея отца, Сеня сказалъ за обѣдомъ, не обращаясь ни къ кому въ особенности:

— Надо будетъ вынести кровать покойнаго Льва Ѳеодоровича, а мнѣ поставить туда диванъ...

Она вспыхнула, точно ея сынъ впервые назвалъ дѣда за глаза Львомъ Ѳеодоровичемъ, хотя онъ звалъ его такъ всегда, такъ же, какъ онъ звалъ ее фамильярно «мамой Маней» или даже просто «Маней», а отца «нашимъ Юріемъ Дмитріевичемъ», или иногда, когда онъ бывалъ особенно недоволенъ отцомъ, «нашимъ почтеннѣйшимъ Юріемъ Дмитріевичемъ». За это безплодно журилъ его дѣдъ. Она могла давно къ этому привыкнуть. Однако, теперь это ее оскорбило.

— Дай прежде похоронить дѣда, а ужъ потомъ выноси его вещи,—рѣзко замѣтила она.

Сынъ пожалъ плечами.

— Ты думаешь, ему не все равно теперь, когда приведутъ въ порядокъ его комнату?—совершенно основательно разсудилъ онъ.

И опять, не обращаясь ни къ кому въ особенности, онъ прибавилъ:

— Это, вѣдь, у простонародья люди убѣждены, что душа человѣка послѣ его смерти шесть недѣль присутствуетъ тамъ, гдѣ жилъ умершій.

Никто ничего не отвѣтилъ на это. Не могли же отецъ и мать спорить о томъ, присутствуетъ или не присутствуетъ душа покойника въ теченіе шести недѣль въ домѣ, гдѣ онъ умеръ. Они сами были убѣждены, что не присутствуетъ. Мать, огорченная, печальная, сознавала одно: сынъ радуется смерти дѣда, такъ какъ у него теперь будетъ «своя комната». Онъ такъ часто фыркалъ и жаловался, что у него нѣтъ «своего угла». «Проживаемъ чортову пропасть деньжищъ, а у меня своего угла нѣтъ»,—ворчалъ онъ. Прежде онъ спалъ въ гостиной, занимался у отца въ кабинетѣ; теперь онъ будетъ жить въ комнатѣ, принадлежавшей дѣду,—«въ своей комнатѣ». Этому нельзя было не радоваться.

Юрій Дмитріевичъ, чтобы прервать тяжелое молчаніе, спросилъ у жены:

— Ты будешь шить трауръ?

Это его нисколько не интересовало. Но надо же было о чемъ-нибудь говорить.

— У меня есть на первый случай все черное,—отвѣтила она.—Придется только купить креповый вуаль.

— А мнѣ не надо траура,—замѣтила дочь.—Въ гимназію все равно не стану таскать траура, а тамъ к лѣто — жарко будетъ въ черномъ.

Мать молчала. Ей было все равно, будетъ ея дочь носить трауръ или нѣтъ. Она сознавала, что и въ траурѣ, и безъ траура ея дочь будетъ одинаково равнодушна къ смерти тѣла. Такъ пусть ужъ лучше не надѣваетъ маски, не лжетъ...

— Я думаю, очень дорого встанутъ похороны?—спросила дочь, обращаясь къ матери.

— Не знаю,—отвѣтила мать разсѣянно.—Вѣроятно...

Дочь удивилась. Какъ же можно дѣлать расходы и не знать, какъ они будутъ велики. Они же не милліонеры.

— Вѣдь ты же все сама заказывала...

— Заказывала, но не сводила итоговъ...

И, взглянувъ съ горькой усмѣшкой на дочь, Серпухова прибавила, угадывая мысли дочери:

— Я знаю только, что насъ это не разоритъ, потому что деньги на похороны были отложены твоимъ дѣдомъ...

Наступило опять молчаніе.

Послѣ обѣда пошли на вечернюю панихиду. Народу на нее набралось много, и нѣкоторые изъ родныхъ и знакомыхъ завернули прямо изъ лѣчебницы на вечеръ къ Серпуховымъ. Юрій Дмитріевичъ, Сеня и Оля готовы были пренебречь всѣхъ, боясь скучнаго вечера. Идти самимъ въ гости въ этотъ вечеръ имъ казалось неловкимъ и неприличнымъ; у общества есть свои глупые предразсудки и китайскія церемоніи; волей-неволей имъ приходится подчиняться. Тѣмъ не менѣе, остаться дома однимъ, въ своей семьѣ, было бы очень тяжело. Гости могли выручить изъ затруднительнаго положенія, и потому ихъ приглашали всѣ наперерывъ. Такимъ образомъ, въ домѣ Серпуховыхъ устроилось очень оживленное собраніе. Начались обычные толки и сиеры, шумъ и смѣхъ, точно ничего особеннаго и не происходило. Въ сущности, ничего особеннаго и не произошло: умеръ только одинъ человѣкъ, давно никому и ни на что ненужный, вотъ и все.

Марья Львовна волей-неволей хлопотала, распоряжалась закуской, разливала чай. Среди этихъ хлопотъ она нѣ-

сколько разъ, помимо своей воли, впадала въ раздумье, въ какое-то оцѣпенѣніе. Возьметъ въ руки какую-нибудь вещь — стаканъ, чтобы вымыть его, чайникъ, чтобы налить чаю,— и замретъ, неподвижная, съ тупымъ взглядомъ, устремленнымъ въ пространство. Ей грезилось, что вотъ тутъ люди шумятъ и смѣются, а тамъ, въ подвальной каморкѣ, лежитъ на катафалкѣ холодный трупъ ея отца, брошенный, забытый, одинокій. Не ушелъ ли читальщикъ? Пожалуй, папочка тамъ совсѣмъ-совсѣмъ одинъ. Это смущало болѣе всего, что онъ тамъ одинъ. Впрочемъ, нѣтъ, читальщикъ не посмѣетъ уйти,—потому что Матрена, вѣрно, не разъ забѣжитъ взглянуть на своего «старичка». Непремѣнно забѣжитъ и взглянетъ на него—откинетъ кисею, посмотритъ и уйдетъ... Добрая-добрая душа; она лучше всѣхъ этихъ людей, говорящихъ красивыя фразы, разсуждающихъ о высокихъ предметахъ. Иногда ей, Серпуховой, хотѣлось бросить все и уйти туда, въ этотъ подвалъ, къ отцу, къ Матренѣ, опять наплакаться, нарыдаться, лежа на дощатомъ полу, какъ она лежала на немъ утромъ. Да, именно такъ: полежать на полу, заливаясь слезами, по-дѣтски жалуясь...

— Тебѣ страшно тяжело,—тихо сказалъ ей мягкій голосъ.

Она очнулась. Передъ нею стоялъ Евгеній Александровичъ Шаховъ, подавая ей пустой стаканъ. Его добрые, сѣрые глаза засматривали изъ-подъ длинныхъ черныхъ рѣсницъ ей въ лицо съ теплымъ участіемъ.

— Да, хочется плакать... уйти, —проговорила она.

— Ты бы и ушла,—посовѣтовалъ онъ участливо.—Прилегла бы у себя въ комнатѣ и поплакала бы, — это облегчаетъ. Досадно, право, что всѣ мы набрались сюда...

— О, ты-то... Я рада, что ты здѣсь, — ласково проговорила она.—Ты, Женя, одинъ понимаешь меня... одинъ...

Онъ неторопливо взялъ стулъ, придвинулъ его къ ней, присѣлъ и, склонивъ свою кудрявую черноволосую голову, заговорилъ мягко, тихо, почти шопотомъ:

— Я же такъ любилъ дядю Лёву... Помнишь, какъ онъ сердился, что я не иду въ военную службу, а дѣлаюсь «штафиркой»?.. Стыдилъ все, что «приказнымъ» буду... Милый ворчунъ!.. «Кому же идти въ военную службу, какъ не людямъ, имѣющимъ кое-какія средства, могущимъ служить изъ чести? Военная служба не работа изъ-за куска хлѣба—это долгъ чести, что гражданская повинность, и кто имѣетъ средства, тотъ долженъ отбывать эту повинность»... У него были всегда свои опредѣленные взгляды...

Онъ, не спѣша, задумчиво, ласкающимъ тономъ, началъ вспоминать мелочи, пустяки прошлаго, дорогіе для него, дорогіе для нея. Ей казалось, что они опять переживаютъ чудные годы дѣтства, когда они жили всѣ трое вмѣстѣ— она, только-что взятая по болѣзни изъ института, Женя— еще тринадцатилѣтній гимназистикъ, отецъ, только-что оправившійся отъ тяжелыхъ ранъ. Отецъ имъ разсказывалъ о великой войнѣ, о подвигахъ сослуживцевъ, о геройской обороне Севастополя, о русскомъ солдатѣ, а день вечерѣлъ, въ комнатѣ наступали фантастическія сумерки, и имъ, дѣтямъ, было такъ хорошо-хорошо. Входила служанка, кривая Агаѳья, съ вопросомъ: «не подать ли лампу?» Они кричали: «нѣтъ, нѣтъ, еще рано», точно свѣтъ могъ разрушить ихъ иллюзіи, ихъ грёзы объ этой великой эпохѣ геройства и самоотверженія... Чудныя минуты! А эта кривая Агаѳья, эта ражая баба въ мужицкихъ сапогахъ,— развѣ можно имъ, говоря о прошломъ, не вспомнить о ней? Какъ твердо была она убѣждена, что она лучше всякаго «духтора» выпользуетъ Льва Ѳеодоровича, дѣлая ему разныя втиранія грубой и шершавой, какъ у мужика, рукой. А какъ она носила на рукахъ изъ ванны Женю, когда онъ заболѣлъ, и убѣждала всѣхъ и прежде всего самого Женю, отбивавшагося отъ нея, что «рабенокъ не можетъ же самъ послѣ ванночки идтить». Это тринадцати-то-лѣтній гимназистикъ! Какъ все это было давно, какъ все это живо сохранилось въ памяти.

— Евгеній Александровичъ, васъ надо, идите! — вскричала Оля, подходя къ Шахову. — Нужно рѣшить очень-очень важный юридическій вопросъ.

Шаховъ очнулся отъ грёзъ о прошломъ, поднялъ голову, смотря разсѣяннымъ вопросительнымъ взглядомъ, и не безъ легкой ироніи спросилъ Олю:

— А вы, Ольга Юрьевна, думаете, что мнѣ очень интересны разные важные юридическіе вопросы?

Она небрежно пожала узенькими плечиками.

— Дѣло вовсе не въ томъ, интересны или не интересны они для васъ, а въ томъ, что васъ, какъ спеціалиста, просятъ для разрѣшенія одного изъ этихъ вопросовъ, — отвѣтила она, задорно и вызывающе глядя на него. — Идемте!

Она взяла его за рукавъ съ фамильярностью близкой родственницы и чувствующей свою власть надъ нимъ дѣвушки. Онъ медлилъ, лѣниво поднимаясь съ мѣста. Марья Львовна какъ бы очнулась отъ сна, видя, что онъ встаетъ.

— Опять какія-нибудь глупости! — сорвалось у нея съ языка.

— Ахъ, для мамы Мани всякіе практическіе вопросы всегда кажутся глупостями! — засмѣялась дочь. — Неисправимая идеалистка! Не слушайте ее, Евгеній Александровичъ, и извольте идти!

Она потащила за собой, какъ всегда, снисходительнаго Шахова, недовольнаго въ душѣ и старающагося улыбаться. Марья Львовна провожала его печальнымъ взглядомъ, и въ ея душѣ поднялась горечь противъ дочери. Единственный дорогой ей по воспоминаніямъ объ отцѣ человѣкъ подошелъ къ ней—и того у нея отнимаетъ дочь. И съ чего она такъ фамильярничаетъ съ нимъ? Не она ли сама еще съ годъ тому назадъ перешла въ разговорахъ съ нимъ съ «ты» на «вы», говоря, что она уже не ребенокъ и что они не такіе близкіе родственники, чтобы говорить другъ другу «ты», а теперь ея обращеніе съ нимъ черезчуръ развязно, безцеремонно. И что за задорное выраженіе лица у нея? Ужъ не думаетъ ли она, что онъ влюбится въ нее? О, она, Марья Львовна, первая отрезвитъ его, спасетъ его отъ подобнаго союза! Нѣтъ, нѣтъ, пусть кто хочетъ женится на Олѣ, но не Женя! Онъ слишкомъ близокъ самой ей, Марьѣ Львовнѣ, и она спасетъ его отъ этого несчастія. Онъ ей дорогъ, какъ родной братъ...

Эта мысль о стремленіи Оли увлечь Шахова такъ поразила въ тотъ вечеръ Серпухову, что даже среди слезъ и рыданій во время выноса тѣла отца изъ мертвецкой лѣчебницы молодая женщина была какъ-то особенно поражена словами дочери, обращенными къ Шахову. Когда выносили гробъ, Оля подошла къ молодому человѣку, стоявшему около Марьи Львовны, и сказала:

— Евгеній Александровичъ, дайте мнѣ руку. Я хочу пройти за гробомъ дѣда. Маму Маню поведетъ папа.

Шахову пришлось волей-неволей предложить руку молодой дѣвушкѣ. Онъ зналъ, что она станетъ говорить давно извѣстныя ему умныя фразы и что ему отъ этого будетъ очень скучно, но что же дѣлать, если она проситъ его идти съ ней, и если его отказъ идти съ ней можетъ ее огорчить. Онъ старался никого не огорчать, если только это зависѣло хоть немного отъ него...

Въ головѣ Марьи Львовны мелькнула мысль, что ея дочь и за гробомъ дѣда пошла только затѣмъ, чтобы идти подъ руку съ Шаховымъ. Что-жъ, онъ завидный женихъ—молодъ,

красивъ, добръ, умонъ, извѣстенъ въ адвокатурѣ, богатъ... Въ душѣ матери вдругъ пробудилось злое чувство противъ дочери, и она мысленно повторяла: «нѣтъ, никогда я не допущу его жениться на этой горбуньѣ!» Послѣднее слово сразу привело ее въ себя: ей стало стыдно за себя. Горбунья! А кто же виноватъ, что дѣвочка вышла немного кривобокой? Кто виноватъ, что эта дѣвушка сдѣлалась капризной, несправедливой, злой? Развѣ ей, молодой, жаждущей счастья, легко сознавать свое уродство? Правда, она умѣетъ такъ одѣваться, такъ держать себя, что другія даже и не замѣчали бы ея кривого бока, если бы она никогда сама не напоминала объ этомъ. Но, вѣдь, она-то это сознаетъ? Да, сознаетъ и кокетничаетъ этимъ, зная, что ея фигурка имѣетъ особенную пикантность именно оттого, что она откинута немного на лѣвый бокъ, оттого, что ея головка всегда немного вздернута вверхъ. Это ея придаетъ какой-то задорный, вызывающій, почти наглый видъ. Да, наглый: эта черта у ней въ характерѣ. Серпухова опять почувствовала, что она снова обвиняетъ дочь, и опять ее охватилъ стыдъ за себя. И время ли теперь думать объ этомъ, когда она идетъ за гробомъ отца? Не умѣла воспитать дѣтей, и вотъ плоды: они отравляютъ ея жизнь, она отравляетъ имъ жизнь. И снова ей вспомнилась Варвара Павловна. Вѣдь она умѣла воспитывать дочь, а та все же ушла отъ нея, пала? Тутъ-то ужъ нельзя винить мать. Просто времена такія. Всѣ дѣти теперь скверные, черствые эгоисты... Но какъ могла примириться съ этимъ тетка? Никто никогда не слышалъ отъ нея ни жалобъ, ни упрековъ. Даже узнали о паденіи ея дочери стороной, изъ смутныхъ толковъ. Сама же она все попрежнему спокойна, энергична, трудолюбива. Какъ она примирилась со своимъ горемъ?.. Десятки разъ порывалась Марья Львовна задать эти вопросы теткѣ. Ей казалось, что ей самой станетъ легче, когда она узнаетъ, какъ она примирилась съ своею долею. Но каждый разъ вопросы замирали на ея губахъ. Ей было неловко—не бередить раны старухи, но вызвать на откровенность ее, всегда сдержанную, всегда скрытную, всегда какъ бы удерживающую людей въ извѣстномъ разстояніи отъ себя...

Эти мысли и теперь занимали Серпухову,—какъ онѣ занимали и мучили ее ежедневно въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ, когда она все ясніе и ясніе сознавала, какая пропасть легла между нею и ея семьею. Она

безсознательно стала перелистывать лежавшія на письменномъ столѣ Варвары Павловны бумаги. Тутъ мелькали надписи: чулки, сорочки, простыни, пелеринки, накидки, нарукавнички, и при каждой надписи шли цифры, обозначавшія число вещей, годъ ихъ поставки. Далѣе шли мелко разграфленные листы, гдѣ значилось все, что и когда покупалось изъ провизіи на каждый день—масло, мука, крупа, говядина, овощи, мыло, свѣчи; тутъ то и дѣло мелькали четверти и восьмыя доли копеекъ, изъ всѣхъ этихъ дробей составлялись рубли, десятки и сотни рублей въ итогахъ. Нужно было видѣть всю эту мелкую и кропотливую, какъ мозаика, работу, чтобы понять, сколько времени поглощаетъ она. Далѣе шли замѣтки, написанныя Варварой Павловной для себя на памятныхъ листкахъ: «похлопотать о мѣстѣ для Котоминой», «справиться о матери и сестрахъ Кожуховой, чѣмъ и какъ онѣ живутъ», «попросить Анну Ивановну о братьяхъ Петровой». Нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ были уже зачеркнуты; другія имѣли непонятный для посторонняго человѣка смыслъ, напримѣръ: «можно ли выкупать дѣвушекъ изъ п. д.? какъ сдѣлать и черезъ кого?» «можно ли избавить отъ жел. б.? какія формальности?» Серпухова такъ же безсознательно закрыла эти бумаги, какъ она и открыла ихъ, и безцѣльно устремила глаза на окно, на голубое небо съ быстробѣгущими облаками.

«Цѣлый день среди хлопотъ и заботъ,—проносилось въ ея умѣ,—въ головѣ цѣлый рой насущныхъ неотложныхъ вопросовъ, справокъ, цифръ и нѣтъ ни минуты для раздумья о мелкихъ и крупныхъ личныхъ печаляхъ и невзгодахъ...»

Тетка часто при ней повторяла однѣ и тѣ же стереотипныя фразы: «времени у меня нѣтъ скучать», «некогда мнѣ хворать». Иногда молодой женщинѣ начинало казаться даже, что теткѣ некогда слушать ея сѣтованія. Она обижалась на это и по нѣсколько дней сряду досадливо дулась и не ходила къ Романовой. Что-жъ ходить къ ней? Вѣчно она занята. И не старается скрыть, что работы по горло... Даже Матрена теперь не такая, какой она была въ день смерти отца Серпуховой. Начнетъ ей говорить Серпухова, какъ ей тяжело, а Матрена сейчасъ: «Да, ужъ жизть! Съ ногъ собьешься, бѣгамши. А что подѣлаешь? Намъ съ Трофимомъ—жениться онъ все на мнѣ норовитъ—надо копейку сколотить прежде. Ну, и мечешься»... Говоритъ она это и, кажется, вовсе не думаетъ о печаляхъ

Серпухова, занятая своимъ дѣломъ, мыслями о Трофимѣ, сходившимъ кое-чѣмъ, иногда, уходя отсюда, Серпухова давала себѣ слово не ходить болѣе въ пріютъ. Но ее снова тянуло сюда, такъ какъ кому же могла она жаловаться, какъ не этимъ женщинамъ. Жена? Ахъ, если бы онъ былъ теперь въ Петербургѣ. Не было бы ей такъ тяжело! А то вотъ уже почти три мѣсяца, какъ онъ живетъ на югѣ по дѣламъ. Безъ него же нѣтъ никого ближаго кромѣ тетки. Въ первые дни послѣ смерти отца и отъѣзда изъ Петербурга Шахова, она ходила съ выраженіемъ тупой растерянности. Это была не просто утрата любимаго отца, но утрата единственнаго существа, кому она могла жаловаться. Жаловаться на мужа, на дѣтей, вошло у нея въ привычку, какъ у другихъ людей входитъ въ привычку страсть къ нарядамъ, къ картамъ, къ вину, къ разврату. Во все это можно втянуться, такъ что послѣ уже нельзя и отступить. Привычка съ теченіемъ времени дѣлается выше силы воли, выше доводовъ разсудка. Серпухова, безхарактерная уже по самой натурѣ, испытала это на себѣ. Нѣсколько разъ она ходила на могилу отца и, горько плача, не сознавая, что она дѣлаетъ, вслухъ шептала: «Ахъ, папочка, папочка, если бы ты зналъ, каково мнѣ живется! Одна твоя Маня, совсѣмъ одна!» Могила не давала отвѣта, не давала утѣшенія. Тогда молодая женщина стала все чаще и чаще посѣщать тетку и цѣлые часы жаловалась и ей, и Матрешѣ, оговорясь, когда эти женщины, занятыя и озабоченныя своимъ дѣломъ, оставались почти безучастными къ ней. Теперь, сложивъ бумаги тетки, Марья Львовна говорила:

— Такъ вотъ онъ, источникъ ея примиренія со своею долею! Какъ это не приходило мнѣ въ голову прежде!.. Да, да, это такъ!.. Суетится, хлопочетъ и не удосужится подумать о своей личной жизни... Равнодушно смотритъ и на чужія печали, не думаетъ о нихъ... Только этимъ способомъ и можно обмануть себя: быть несчастной и завалить себя такъ работой, чтобы не имѣть времени думать о своемъ несчастіи... Но развѣ не думать о своемъ несчастіи значитъ быть счастливой?.. Все та же жалкая игра въ прятки! Я тоже семнадцать лѣтъ играла съ собой въ прятки: пила, ѣла—и не думала... А теперь...

Она въ волненіи поднялась съ мѣста и заходила по комнатѣ...

Въ эти два-три мѣсяца она точно очнулась отъ долгой спячки. Въ ея жизни все шло, повидимому, по-старому, но

она смотрѣла на все это старое съ новой точки зрѣнія или, вѣрнѣе сказать, она только теперь увидала все это, тогда какъ прежде передъ всѣмъ этимъ она закрывала глаза. Нагрубятъ ей, бывало, дѣти—она идетъ жаловаться къ отцу, и ей легко и тепло около него. Пропадетъ, бывало, мужъ въ должности, спитъ по цѣлымъ вечерамъ, уходитъ къ пріятелямъ на цѣлыя ночи,—ей это все равно, такъ какъ около нея отецъ: онъ читаетъ съ нею, онъ разсказываетъ ей о прошломъ, о своемъ времени; онъ, какъ нянька, баюкаетъ ее, чтобы она не блажила отъ мелкихъ огорченій. Смерть отца разомъ измѣнила все: огорченія были прежнія, но не было возможности забыться отъ нихъ; они глубоко западали въ сердце и помнились долго, потому что никто не стремился загладить ихъ слѣды. Посѣщать тетку Варвару Павловну Серпухова стала какъ-то инстинктивно, ища утѣшенія и ласки. Она чувствовала, что здѣсь ее любили и жалѣли—сама Варвара Павловна и Матрёша, взятая по рекомендаціи Марьи Львовны въ няньки въ пріютъ. Но привѣтливость этихъ женщинъ была не тѣмъ, чѣмъ были ласки ея отца. Озабоченныя, занятыя своимъ дѣломъ, онѣ выслушивали ее, но это было добродушное снисхожденіе, а не горячее участіе. Серпухова сознавала, что ей нужны эти женщины, но что имъ она не нужна, что она иногда даже мѣшаетъ имъ. Она шла сюда за утѣшеніемъ, какъ идетъ нищій за подаяніемъ. Ему бросаютъ это подаяніе и думаютъ: «ну, и уходи скорѣе». Это не высказывается подающимъ, но это угадывается принимающимъ. Серпухова тоже угадывала это, хотѣла не ходить болѣе къ теткѣ и шла къ ней снова, потому что нужно же было кому-нибудь пожаловаться, передъ кѣмъ-нибудь поплакаться. Не то было прежде. Къ отцу она шла съ сознаніемъ, что въ свою очередь она его свѣтъ, его радость, его жизнь. Съ его смертью у нея не стало не только этихъ ласкъ другого человѣка, но не стало, какъ ей казалось, заботъ объ этомъ другомъ человѣкѣ. Явилось сознаніе, что она никому не нужна, никому не приноситъ пользы, для всѣхъ лишняя. Это угнетало...

— Гдѣ же исходъ? гдѣ же исходъ?—безпомощно повторяла она.—Руки на себя наложить?..

III.

— Вотъ и я!—произнесла Варвара Павловна, появляясь въ своей комнатѣ.—Сними же шляпку. Вѣдь ты не съ визи-

томъ? Цѣлый день пробудешь у меня? Дома нѣтъ спѣшнаго дѣла?

Варвара Павловна знала, что у Серпуховой нѣтъ ровно никакого дѣла, ни спѣшнаго, ни неспѣшнаго. Присѣвъ къ письменному столу, она машинально начала подбирать листы съ рядами цифръ. Ея въ это утро хотѣлось работать безъ книгъ, безъ передышки, чтобы только не думать о себѣ.

— Нѣтъ, какое же можетъ быть у меня дѣло?—отвѣтила Марья Львовна, снимая шляпку.

У нея чуть не сорвалось съ языка, что и ждать ее никому дома. Злыя и горькія фразы теперь постоянно вертѣлись у нея на языкѣ.

Старуха покачала головой.

— То-то и горе, что тѣла и обязанностей у тебя нѣтъ...

— Было, тетя, и дѣло, и обязанности были, пока папа былъ живъ,—съ вздохомъ замѣтила Серпухова.

— Ну, Маня,—съ злой замѣтной рѣшимостью сказала Романова:—это еще вопросъ, кто о комъ больше заботился—ты ли объ отцѣ или онъ о тебѣ...

Марья Львовна немного оскорбилась и горячо возразила:

— Вы забыли, тетя, что папа два года хворалъ... Я ходила...

Тетка перебила ее:

— Хворалъ! То-есть сидѣлъ дома, безотлучно при тебѣ, мучился и вздохомъ лишнимъ никого не потревожилъ?... Да? Объ этомъ ты говоришь, что онъ хворалъ?... Я вѣдь знаю эти натуры: геройски живутъ, геройски умираютъ, никому не мѣшая, никого не утруждая...

Она на минуту оставила работу. Ея лицо просвѣтлѣло при воспоминаніи о покойномъ Суслевѣ.

— Я думаю, онъ еще въ себѣ находилъ силы тебя же утѣшать, когда у тебя случались мелкія огорченія,—добавила она.—Ты вѣдь привыкла не скрывать отъ него ничего, дѣлиться съ нимъ своими печалями. Недаромъ же, даже среди предсмертныхъ страданій, его мучили только заботы о тебѣ...

Серпухову смутили эти простыя, безъ всякаго умысла сказанныя слова. Да, отецъ страдалъ и молчалъ, а она ежедневно приходила къ нему съ мелкими жалобами, съ мелкими огорченіями, и онъ же, больной, превозмогающій безсонныя ночи, терзаемый жестокими болями, ублажалъ ее. Матрена говорила, что и передъ смертью онъ терзался мыслью,

что она, его дочь, будетъ несчастна безъ него, что она погибнетъ. Эта мысль отравляла его послѣднія минуты. И эту мысль навѣяла она, жалуясь и плача. Что же, неужели она не любила его, не умѣла любить? Нѣтъ, нѣтъ, она обожала его, но... кому же она могла пожаловаться на свою судьбу, какъ не ему? А если эти жалобы отравляли еще болѣе его жизнь, и безъ того отравленную муками болѣзни? Она сидѣла съ тупымъ, понурымъ выраженіемъ на лицѣ, пораженная новыми для нея мыслями. И рядомъ съ этимъ, гдѣ-то въ глубинѣ души, проснулось раздраженіе на тетку. Зачѣмъ она сказала ей, Марьѣ Львовнѣ, все это? Попрекнуть ее захотѣла? Мало, что ли, у нея и безъ этого горя? Она приходитъ сюда за утѣшеніемъ, а ей вотъ что говорятъ. Намекаютъ, что и отца-то она въ сущности не любила, не умѣла любить. Это жестоко... Нѣтъ, лучше не ходить сюда, гдѣ ее не понимаютъ. Вонъ Женя, тотъ знаетъ, какъ ей тяжело, какъ она любила отца. Добрый Женя! Господи, хоть бы онъ пріѣхалъ скорѣй! Почти три мѣсяца его нѣтъ. За три года они ей показались!... Романова, попрежнему подбирая счеты, не замѣчая выраженія лица Серпуховой, продолжала:

— Хуже всего то, Маня, что ты являешься какимъ-то отрѣзаннымъ ломтемъ въ своей семьѣ...

Марья Львовна подняла голову.

— Что-жъ дѣлать? Этого ужъ не передѣлать, — сказала она, и въ ея тонѣ зазвучала желчность.—Юрій цѣлый день въ должности, а по ночамъ пропадаетъ у пріятелей. Оля точно на врага на меня смотритъ, вѣчно толкуя, что ее, ради ея убожества, ждетъ горькая участь. Сеня — онъ въ глаза отцу говоритъ, что онъ не знаетъ ничего болѣе жалкаго, какъ отживающее поколѣніе идеалистовъ и фантазеровъ; онъ вѣдь практикъ и трется около какихъ-то князьковъ и графчиковъ... да упрекаетъ насъ, что у насъ нѣтъ параднаго хода! Не далѣе какъ вчера опять сдѣлалъ мнѣ сцену. Къ нему заѣхалъ какой-то товарищъ, лицеистъ, а у насъ жаренымъ кофе пахло, не правда ли, какой срамъ и стыдъ! Ну, и пошла исторія...

Марья Львовна начала жалующимся ребяческимъ тономъ передавать вчерашнюю «исторію», торопливо, сбивчиво, раздражительно.

— Манюша, я вѣдь все это уже не разъ слышала, — мягко и грустно прервала ее Варвара Павловна.—Надо не жаловаться, мой другъ, а стараться передѣлать все это...

— Ахъ, теперь ужъ поздно!—воскликнула Серпухова.

Ее точно что-то кольнуло въ самое сердце.

«И зачѣмъ я хожу сюда, зачѣмъ?—мелькало у нея въ головѣ. — Хоть бы притворились, что сочувствуютъ, такъ и того не хотятъ сдѣлать!»

— Да вѣдь ты не пробовала?—послышался вопросъ.

Старуха обернулась къ племянницѣ лицомъ, оставивъ на минуту работу.

— Мы никогда не можемъ впередъ сказать: поздно или не поздно. Надо бѣться со зломъ, а что изъ этого выйдетъ,—скажутъ послѣдствія. Вѣдь вотъ мы съ Валентиной Петровной бьемся же съ этими дѣтьми подваловъ, нищеты, разврата. Неужели ты думаешь, это дѣлается только изъ-за куска хлѣба? Кусокъ хлѣба и я, и она могли бы достать болѣе легкимъ путемъ...

— Вы приносите себя въ жертву доброму дѣлу!—проговорила Серпухова, и въ ея тонѣ послышалось что-то въ родѣ ироніи.

— А исправленіе своихъ собственныхъ дѣтей—не доброе дѣло?—просто спросила Романова.

— Что-жъ дѣлать, если я не вѣрю въ возможность этого.

— И мы во многое не вѣримъ,—съ грустью произнесла Варвара Павловна.—И какъ вѣрить? Вотъ тебѣ примѣръ. На-дняхъ еще пріѣхала сестра Кати Кирпичовой въ голубомъ шелковомъ платьѣ, декольтированная, съ вѣеромъ изъ бѣлыхъ перьевъ. Это къ намъ-то, утромъ-то!.. И смѣшно, и жалко!.. Разумѣется, всѣ воспитанницы всполошились! «Вотъ-то счастливица!.. Вотъ-то нарядъ, дѣвицы!.. Точно княжна!..» Нечего дѣлать, отозвала я ее въ сторону, спросила: «Ты это, Оля, какъ живешь? Откуда это у тебя все?» Застыдилась, смѣшалась, расплакалась. «Меня, говоритъ, мамаша, одинъ плащъ-адъютантъ содержитъ, жениться обѣщаетъ, ей-Богу, обѣщаетъ!» «Ну, говорю, такъ ты ужъ лучше не ѣзди сюда, пока онъ не женится на тебѣ...» Начала руки цѣловать, рыдаетъ: «Я, говоритъ, показаться подругамъ хотѣла. Очень ужъ хорошо онъ меня одѣваетъ...»

Варвара Павловна тяжело вздохнула:

— Что-жъ, это понятно!.. Но что дальше будетъ съ нею, что будетъ съ Катей? Конечно, и Катя пойдетъ по той же дорогѣ. Очень ужъ хорошо одѣваетъ ея сестру плащъ-адъютантъ... Какъ не соблазниться?.. Я вѣдь могу запретить Олѣ ѣздить сюда, а по выходѣ Кати отсюда, я не могу запретить ей идти къ сестрѣ. И всѣхъ ихъ ждетъ то же.

Или горькая участь швей и горничныхъ праздныхъ и развращенныхъ барынь, или паденіе и въ концѣ концовъ та же нищета, тотъ же голодъ...

— Вы, тетя, даже не обманываете себя иллюзіями, что спасете ихъ!— въ недоумѣніи воскликнула Марья Львовна.

Въ минуты негодованія за равнодушное отношеніе тетки къ ея печалямъ, Марья Львовна нерѣдко повторяла: «гдѣ ужъ ей обо мнѣ думать, когда она убѣждена, что она великіе подвиги совершаетъ». И вдругъ сама тетка говоритъ ей, что она не вѣритъ въ величіе этихъ подвиговъ. Какъ же это такъ?

— Я, мой другъ, знаю, что условія жизни выше единичныхъ усилій воспитать людей,—отвѣтила Варвара Павловна, безнадежно махнувъ рукою.

— И все-таки тратите свои силы на воспитаніе ихъ?

— Да,—задумчиво отвѣтила старуха.— Я не Богъ, я не могу измѣнить условій ихъ въ жизни въ будущемъ. Но я могу дать имъ хорошее дѣтство, и этого съ меня довольно. Есть сознаніе, что хоть что-нибудь хорошее сдѣлано. Многія изъ нихъ падутъ, но и послѣ этого хоть изрѣдка онѣ вспомнятъ обо мнѣ и хоть на минуту сдѣлаются лучше. Этой вѣры во мнѣ ничто не убьетъ и это придастъ мнѣ силы... У тебя же и этой вѣры нѣтъ...

— Что-жъ дѣлать, я не виновата, что мои дѣти оттолкнули меня отъ себя.

Старуха укоризненно покачала головой.

— Дѣти оттолкнули, дѣти оттолкнули! Стыдись говорить подобныя фразы! И ты, и Юрій во всемъ сами виноваты, если ужъ нужно искать виноватыхъ.

— Чѣмъ же? — запальчиво воскликнула молодая женщина.—Вы все меня обвиняете... Вы только меня не жалѣете, а другихъ... Я иду къ вамъ, какъ къ единственному близкому человѣку...

Воспитанница принесла въ комнату кофе, прервавъ разговоръ.

— Распорядись. Маня,—сказала Романова, обращаясь къ Серпуховой.—Налей кофе, я сейчасъ кончу...

Она, не торопясь, кончила свое дѣло и подсѣла на диванъ къ Серпуховой.

— Ты спрашивала, чѣмъ вы виноваты,—начала она.— А тѣмъ, что поженились, не смысля ничего въ жизни, въ воспитаніи дѣтей. Для тебя они игрушками были, а Юрій— онъ только на прокормъ денегъ имъ добывалъ, вотъ и все.

Ты не могла имъ внушить какихъ-нибудь твердыхъ правилъ, а Юрій своими шуточками надъ своими прошлыми увлеченіями только научилъ ихъ ни во что не вѣрить. Ну, вотъ и плоды... Это прискорбно, но это такъ...

Какъ ни былъ спокоенъ тонъ Варвары Павловны, въ Серафимовой все точно перевернулось. Она несчастна, она страдаетъ, а ей все повторяютъ, что она сама виновата. Почти то же слышала она въ былые дни и отъ отца. Но его замѣчанія не оскорбляли, не вызывали гнѣва. Теперь она не выдержала и въ пылу раздраженія неожиданно коснулась больного мѣста старухи.

— Тетя, а развѣ вы-то... — начала она прерывающимся голосомъ.—Развѣ ваше отношеніе...

Варвара Павловна бросила на нее холодный взглядъ, заставившій ее замолчать.

— Что ты хотѣла сказать?—послышался вопросъ и, казалось, Варвара Павловна заговорила теперь не своимъ голосомъ.—Ты хотѣла сказать, что я-то умѣла воспитывать и не воспитала Маріанну? Да?

Старуха строго сдвинула брови и рѣзко окончила:

— Я себя никогда и ни въ чемъ не оправдывала. Я потому и говорю тебѣ, что ты виновата, что по опыту знаю, какъ можетъ мать испортить жизнь дѣтей... Я сдѣлала, можетъ-быть, только двѣ-три невольныхъ, но тѣмъ, не менѣе, крупныхъ ошибки, а мое бѣдное дитя заплатило за эти ошибки всею жизнью...

У нея оборвался голосъ, и на глазахъ показались слезы. Она сдѣлала усиліе, чтобы подавить ихъ. Уже съ утра она была тревожна и печальна, когда ей поднесли пирогъ. Воспоминанія о дочери проходили черными тучами въ ея головѣ, не давали ей покоя въ это утро. Она старалась подавить ихъ, заваливъ себя работой, толкаясь все время среди воспитанницъ, ни на минуту не оставаясь одна, чтобы только не думать о себѣ, о дочери... Теперь волей-неволей приходилось говорить объ этомъ. Она не сразу собралась съ силами. Сдѣлавъ надъ собою усиліе, она, наконецъ, заговорила снова:

— Вотъ, мнѣ поднесутъ пироги «матери отъ дѣтей...» А какою бы матерью я ни была для нихъ, никогда я не прощу себѣ того, что я не сумѣла спасти родной дочери отъ ошибокъ.

Старуха замолчала, упорно смотря куда-то въ сторону, слегка постукивая пальцами по столу, очевидно, стараясь

овладѣть собою. Марья Львовна, слабодушная, безхарактерная, смутилась, расчувствовалась, приблизилась къ ней и обняла ее.

— Тетя, тетя, простите, что я васъ огорчила! — воскликнула она, какъ провинившаяся дѣвочка. — Мнѣ же тяжело, когда всѣ повторяютъ, что я сама виновата въ томъ, что мои дѣти мнѣ чужія... Теперь у всѣхъ такія дѣти... Право!.. Вотъ вы... Развѣ вы-то можете обвинять себя! Вы святая женщина.

Тетка остановила ее быстрымъ движеніемъ руки. Въ этомъ движеніи было что-то рѣзкое, нетерпѣливое, досадливое.

— Святая женщина! — отрывисто проговорила она. — Глупости! Пошлая фраза! Не лучше, не хуже другихъ.

Она встала и прошлась по комнатѣ, охваченная тяжелыми воспоминаніями. Ее тяготило сегодня присутствіе Серпуховой, это вѣчное нытье, безплодное и праздное. Ей именно въ этотъ день хотѣлось быть безъ нея, работать безъ устали, чтобы позабыть все, что давило и угнетало ее.

— Ты вотъ обвиняешь Маріанну, — рѣзко начала она, прерывая тяжелое молчаніе. — И всѣ то же дѣлаютъ, всѣ! Самозванные прокуроры! Ужъ если имъ непремѣнно нужно обвинять кого-нибудь, такъ пусть прежде всего обвиняютъ насъ, отцовъ и матерей, хотя и это нелѣпо, но все же это менѣе нелѣпо, чѣмъ стремленіе свалить все на послѣдняго ребенка. Цѣлыя поколѣнія предшественниковъ грѣшили, а виноватъ всегда послѣдній изъ дѣтей! Смотримъ мы на все легко, поверхностно, а нужно брать глубже, вникать во все, тогда...

Она остановилась передъ Марьей Львовной серьезная, строгая, почти суровая, и сказала ей:

— Одна изъ выдающихся женщинъ сказала: все понять — все простить... Я думаю, этого мало; по-моему, все понять — никого не судить... А мы, ничего не понявъ, только тащимъ на скамью подсудимыхъ всѣхъ ближнихъ и изрекаемъ имъ приговоры. А сами?.. О, сами мы всегда въ сторонѣ, сами мы ни въ чемъ не виноваты; жалкіе трусы: въ свою совѣсть заглянуть боимся! Нѣтъ, ужъ если кого нужно судить, такъ это себя, только себя и никого больше, чтобы стать лучше или поправить то, что еще возможно поправить...

Въ ея голосѣ звучали горькія, болѣзненныя ноты:

— Страшнѣе всего, когда вдругъ нежданно-негаданно поймешь всѣ свои вины и поймешь въ то же время, что поправить ничего нельзя... Вотъ ты, Маня, покуда можешь

еще обвинять своихъ дѣтей, —такъ это половина горя. Настоящее горе ты узнаешь тогда, когда ты станешь себя обвинять за нихъ. Хуже этой пытки нѣтъ, а ты ее узнаешь...

Марья Львовна хотѣла что-то возразить; тетка остановила ее:

— Не возражай! Ты молода, ты еще не знаешь жизни. Теперь ты увлекаешься, горячишься, потомъ придетъ старость, безъ любви дѣтей, и, можетъ-быть, въ долгія безсонныя ночи ты иначе, чѣмъ теперь, взглянешь на жизнь и обвинишь себя за то, за что винишь теперь ихъ, особенно если и они будутъ несчастны... Пережить надо это, чтобы понять..

IV.

Варвара Павловна присѣла къ столу, тяжело дыша отъ волненія. Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи. Потомъ она какъ бы очнулась и отрывисто проговорила:

— Ты вотъ обвиняешь Маріанну...

— Я, тетя, только къ слову, — трусливо оправдываясь, начала Серпухова.

— Ахъ, не возражай, не оправдывайся!—рѣзко остановила ее тетка.—Знаю я все, что говорятъ про мою дѣвочку!.. А что она кому сдѣлала? Чѣмъ она провинилась передъ людьми?.. Говорятъ, потому что чернить надо ближнихъ, особенно, если ихъ участь кажется завидной... На себя оглянулись бы...

И, круто оборвавши свою рѣчь, она закончила:

— Не ее нужно обвинять, а меня... Тяжело мнѣ говорить объ этомъ... Но тебѣ хочется узнать это; ты вѣдь не разъ напрашивалась на мою откровенность.

Помолчавъ немного, она отрывисто, точно обрубая фразы, начала разсказывать:

— Мнѣ было двадцать лѣтъ, когда за меня посватался Валерьянъ Сергѣевичъ Романовъ. Онъ былъ богатъ, я была бѣдна; онъ велъ разсѣянную жизнь богатаго человѣка, я существовала уроками. Мнѣ слѣдовало отказать ему. Я не отказала, не сумѣла переломить себя, подавить своего чувства.

— Вы любили его? — робко вставила вопросъ Марья Львовна.

— И я любила, и онъ любилъ,—отрывисто отвѣтила Романова.—Но, тѣмъ не менѣе, хорошихъ послѣдствій отъ этого брака нечего было ждать. Привычки Валерьяна Сергѣевича

не были моими привычками, мои симпатіи не были его симпатіями. Намъ нужно было ломать свои характеры, чтобы сгладить острые углы. Это трудное дѣло. Я-то должна была это знать: двадцатилѣтняя гувернантка вообще не наивная дѣвочка, а я тѣмъ менѣе могла быть наивной — я знала по опыту и роскошь, и разореніе. Дѣтство провела въ кружевныхъ пеленкахъ; въ юности питалась горькимъ трудовымъ хлѣбомъ. Можно было, кажется, понять жизнь и людей. Такъ нѣтъ, тяжела показалась нужда... Мы прожили мирно не болѣе года — мужа тянулъ къ себѣ омутъ безпечальнаго житья; меня коробило отъ этого неразборчиваго прожиганія жизни со всѣми ликующими и праздноболтающими свѣтскими шалопаями. Валерьянъ Сергѣевичъ былъ слишкомъ баринъ, чтобы поднимать мелкія дрязги; я чисто разсудочнымъ путемъ дошла до убѣжденія, что рѣзкими сценами не исправишь никого. Вслѣдствіе этого мы, не объясняясь, не упрекая другъ друга, зажили каждый своею жизнью: я дома посвятила себя своей Маріаннѣ, онъ веселился внѣ дома на праздникѣ жизни. Иногда онъ, какъ бы утомясь разсѣянной и пустой жизнью, возвращался ко мнѣ на нѣсколько дней, и я чувствовала, что онъ еще любитъ меня, и ждала, что годы возьмутъ свое,—пройдетъ молодость, наскучитъ разсѣянная жизнь, и онъ вновь, навсегда, вернется къ своему очагу...

Она горько улыбнулась.

— Я жестоко обманывалась. Жизнь пошлѣе, люди ничтожнѣе въ дѣйствительности, чѣмъ въ нашемъ представленіи. Онъ возвращался ко мнѣ, когда у него выходили размолвки съ его любовницами. Я являлась временной ихъ замѣстительницей. Мною онъ пугалъ ихъ и удерживалъ въ повиновеніи: «надоѣдите мнѣ—вернусь къ женѣ». Въ какіе-нибудь три-четыре года онъ до того погрязъ въ тинѣ этой жизни, что пересталъ даже сознавать, что онъ не имѣетъ права унижать меня: онъ не только сталъ лгать мнѣ, являясь ко мнѣ въ качествѣ нѣжнаго мужа, но и сталъ дѣлать меня предметомъ насмѣшекъ, возвращаясь отъ меня снова къ своимъ любовницамъ... Ты, можетъ-быть, спросишь, какъ я все это узнала? О, что же можетъ быть легче! Влюбленныя въ Валерьяна Сергѣевича женщины не брезгали анонимными письмами. Ухаживавшіе за мною его пріятели приподнимали передо мной кончики завѣсы, прикрывавшей всю эту грязь... Мнѣ стало стыдно за себя, и я рѣшилась сказать ему, что пора ему понять, что между нами нѣтъ ничего общаго, что мы можемъ жить подъ одной кровлей, какъ

стекъ и мать нашего ребенка, но не какъ мужъ и жена...

Она встала и тревожно прошлась по комнатѣ, охваченная волненіемъ. Выраженіе ея лица было почти гнѣвно. Казалось, она снова переживала въ душѣ все прошлое.

— Бываютъ минуты, рѣшающія всю жизнь,—заговорила она снова.—Я пережила тогда такую минуту. Я не знала, за чего палъ Валерьянъ Сергѣевичъ, и не ждала услышать отъ него того, что услышала: «То-есть вы, вѣроятно, желаете, чтобы я, въ качествѣ отца Маріанны, содержалъ васъ и кого-нибудь изъ вашихъ любовниковъ...» Я не знаю, что сдѣлалось со мною тогда. Я помню только, что я взяла Маріанну и, въ чемъ была, ушла отъ мужа искать угла и куска хлѣба...

Наступило тяжелое молчаніе. Варвара Павловна была страшно взволнована. Марья Львовна смотрѣла растеряннымъ глазами. Ея вдругъ представилось, что было бы съ ней, если бы она ушла такъ отъ мужа, «въ чемъ была». Да нѣтъ, она не ушла бы, ни за что не ушла бы!

— Ты скажешь, что мнѣ ничего не оставалось больше, какъ уйти отъ него?—заговорила Романова страстнымъ тономъ.—Да, да, это всѣ скажутъ. А я—сотни разъ я думала потомъ, что я должна была перенести всѣ нравственныя униженія, всѣ нравственныя пытки, быть его любовницей, принимать въ домѣ его возлюбленныхъ, угождать ему и молить его только объ одномъ, чтобы онъ самъ не выгналъ меня изъ дома.

Сергухова сдѣлала движеніе.

— Не возражай, не возражай! И безъ тебя довольно женщинъ говорили мнѣ, что я героиня!—горячо остановила ее Романова, даже не зная, что та хотѣла сказать.—Это низкая, это гнусная роль—жить съ нелюбимымъ и разлюбившимъ мужемъ, но вѣдь это было бы наказаніемъ мнѣ, наказаніемъ за то, что я вышла замужъ, сознавая, какой рискованный шагъ я дѣлаю. Я не захотѣла вынести этой пытки, этого позора и обрекла Маріанну на ту жизнь, которая выпала ей на долю... Дѣвочка была не виновата въ ошибкахъ матери, дѣвочка притомъ не заслужила того, чтобы ее изъ хорошихъ условій жизни поставили въ дурныя... Валерьянъ Сергѣевичъ потребовалъ, чтобы я отдала ему дочь, и объявилъ, чтобы я не разсчитывала, что онъ будетъ давать на ея содержаніе, то-есть на мое содержаніе. Онъ уже потерялъ способность понимать людей: онъ думалъ, что

я возьму что-нибудь у него. Я повела борьбу и добилась, что дочь осталась у меня. Какъ радовалась я, очутившись на свободѣ съ Маріанной! Ты знаешь, какъ я работала, какое воспитаніе я дала моей дѣвочкѣ... Но я никогда, никакими усиліями не могла заставить ее забыть золотой сонъ—ея дѣтство. Она помнила богатство, роскошь, довольство и часто спрашивала меня, просыпаясь ночью: «Мама, ты все еще работаешь?» Я слышала ея тяжелый вздохъ и понимала, что ей тяжело за меня... Я ей говорила о высокомъ значеніи труда, о святомъ долгѣ человѣка служить на пользу ближнихъ, о сладостномъ сознаніи человѣка, что онъ не тунеядецъ, что онъ исполняетъ свои обязанности... Слова, слова, слова—а жизнь сильнѣе ихъ со своими неотразимыми фактами! Она видѣла, что я худѣю, она видѣла мои раскраснѣвшіяся вѣки, она чувствовала на себѣ переносимыя нами лишенія, она—о, это было страшнѣе всего—она, когда я нашла мѣсто въ этомъ пріютѣ, видѣла, что вотъ эти дѣвочки, которымъ я посвятила всю жизнь, отдала всю душу,—въ концѣ концовъ или должны погибнуть въ нищетѣ, или идти на улицу торговать собой. Трудно было, чтобы дѣвочка понимала то, что понимала я, почти старуха. Этого мало: оно усвоила мои взгляды, она выросла глубоко честнымъ и правдивымъ человѣкомъ, но и отецъ оставилъ ей свое проклятое наслѣдіе — какую-то непреодолимую жажду развернуться, пожить широко, насладиться жизнью. Сонъ свѣтлаго прошлаго вѣчно снился ей, преслѣдовалъ ее, манилъ туда, гдѣ люди не чахнутъ отъ непосильнаго труда, не гибнутъ отъ голода... Я никогда не забуду, какое выраженіе восторга и счастія отражалось на ея лицѣ, когда она впервые вернулась домой изъ одного богатаго дома, куда ее пригласили вечеромъ сыграть нѣсколько пьесъ,—она вѣдь у меня музыкантша, крупный талантъ. Она говорила мнѣ съ восторгомъ о блестящемъ собраніи гостей, о нарядахъ, объ обстановкѣ, объ ужинѣ. Я проплакала тогда всю ночь, чувствуя, что моя дѣвочка потеряна для меня...

Варвара Павловна замолчала, подавленная горемъ. Серпухова тихо спросила ее:

— Потомъ она ушла?

— Да, черезъ годъ. Кроль, извѣстный богачъ, влюбился въ нее. Онъ не молодъ, но я знаю, что и она любитъ его. Она не продалась, не въ сдѣлку пошла, но честно полюбила его. Да дѣло не въ томъ. Онъ вѣдь женатъ, у него дѣти. Онъ долженъ былъ уѣхать съ Маріанной за границу,

и теперь они живутъ то въ Дрезденѣ, то въ Парижѣ, то въ Ниццѣ. Онъ хлопочетъ о разводѣ, но его жена и слышать не хочетъ объ этомъ. А у нихъ уже двое дѣтей, незаконныхъ, безъ имени. Про Маріанну говорятъ въ свѣтѣ, какъ про кокотку, обольстившую старика. Это неправда, это клевета, это ложь. Моя дѣвочка честна и правдива, я-то это знаю. Другіе знаютъ только то, что она отняла мужа и отца у жены и дѣтей, что она живетъ въ незаконной связи съ немолодымъ человѣкомъ, что она бѣдна, а онъ богатъ. Какъ же не бросать въ нее грязью?

Сорнухова невольно воскликнула:

— Но она бросила васъ одну!

Романова взволновалась еще болѣе.

— Не обвиняй, не обвиняй ее! Я сама не поѣхала съ ними. Она на колѣняхъ просила. Я не могла. Это я виновата. Я бы должна была ѣхать, чтобы ей было легче. Но силъ не хватило принести эту жертву... Ты этого не поймешь. И многія женщины не поймутъ этого. Это можетъ понять только женщина, переживщая роль обманутой жены. Я ни въ чемъ не виню Маріанну, но видѣть ея украденное счастье, радоваться, что она живетъ мирно съ чужимъ мужемъ, съ отнятымъ у другихъ дѣтей отцомъ, это свыше моихъ силъ. Вѣдь я же сама играла ту же роль, которую играетъ теперь жена Кроли. У меня тоже украли любовь мужа. Вотъ почему я не поѣхала за дочерью, хотя должна была ѣхать за нею... Нѣтъ, нѣтъ, она тутъ не виновата, что я здѣсь одна. Ты бы поняла, какъ она меня любитъ, если бы прочла ея письма...

— А сегодня вы получили отъ нея письмо? — сорвалось съ языка Марьи Львовны.

Она сама въ ту же минуту раскаялась за этотъ вопросъ. На минуту онъ точно пришибъ Варвару Павловну. Она растерялась. Потомъ тотчасъ же оправилась, торопливо заговорила:

— Нѣтъ... Но вѣдь трудно разсчитать, когда придетъ письмо... Они все переѣзжаютъ изъ мѣста въ мѣсто... И, можетъ-быть, моя дѣвочка больна...

Несмотря на всю свою твердость и энергію, Романова вдругъ точно осунулась и опустилась. Только теперь, смотря на нее, можно было понять, какъ много страдала эта женщина. Это поняла даже Сорнухова. «Но если она такъ страдаетъ, зачѣмъ же она это скрываетъ отъ всѣхъ?» — мелькнуло въ головѣ молодой женщины. Ей вспомнились слова

старухи: «что-жъ жаловаться? Этимъ не поможешь. Мы сами по большей части во всемъ виноваты». Ей стало жутко: сами виноваты, жалобами не поможешь, такъ чѣмъ же помочь? Завалить себя работой, чтобы не имѣть времени думать о своемъ несчастіи, играть съ собой въ прятки? Развѣ это значитъ быть счастливой? Нѣтъ, нѣтъ, это не счастіе! Да она, Марья Львовна, и не найдетъ такой работы, чтобы забыть свой семейный разладъ. Она опять думала только о себѣ, а тетка, между тѣмъ, не прерывала молчанія, подавленная своимъ горемъ. Съ самаго утра ее терзала мысль именно о томъ, что ея дочь не прислала ей письма. Въ головѣ бродили мрачныя мысли, вспоминались предыдущія письма, казалось, что въ нихъ было что-то недоговоренное или какая-то холодность. Не скрываетъ ли дочь какого-нибудь новаго горя? Не произошло ли охлажденіе между нею и Кролемъ? Не сѣтуетъ ли она на мать за то, что та оставляетъ ее одну, не ѣдетъ къ ней? Эту пытку мать выносила каждыя двѣ недѣли, каждыя письма отъ дочери. Теперь эта пытка была еще сильнѣе, такъ какъ дочь вовсе не прислала письма въ день рожденія матери.

V.

— Мамаша, мамаша, Анна Ивановна пріѣхали!—звонко крикнула, опрометью вбѣгая въ комнату Романовой, одна изъ воспитанницъ.

Старуха вздрогнула отъ неожиданности, разомъ очнулась отъ тяжелыхъ думъ и, быстро принявъ свой обычный сдержанный видъ, проговорила:

— Хорошо! Чего вы волнуетесь всегда? Вбѣжала, какъ сумасшедшая...

Она встала и неторопливо замѣтила Серпуховой:

— Ты посиди здѣсь, я должна идти туда. Анна Ивановна любитъ осмотрѣть всѣ мелочи... Передѣлки тутъ предполагаются на весну, надо поговорить.

Она подошла къ письменному столу и съ озабоченнымъ выраженіемъ стала просматривать замѣтки въ записной книжкѣ, чтобы ничего не забыть, чтобы ничего не упустить изъ виду, что было нужно сказать попечительницѣ пріюта. Серпухова слѣдила за ней удивленными глазами: это была опять дѣловитая женщина, серьезная, спокойная; на ея лицѣ не было и слѣдовъ приниженности, подавленности...

Она владѣла собой, какъ умѣютъ владѣть собою только немолодые люди, много пережившіе въ жизни самостоятельно,

безъ чужой помощи, самолюбивые и скрытные по натурѣ. Марья Львовна менѣе всего была способна понимать подобные характеры; она не понимала даже того, что любимый ею отецъ былъ изъ этой же породы людей, и, не слыша отъ него ни ропота, ни жалобъ, даже не подозрѣвала, сколько горечи было въ его душѣ...

Прежде чѣмъ Романова успѣла выйти изъ комнаты, на порогѣ появилась женщина лѣтъ сорока: крайне дородная, дебелая, румяная, она напоминала здоровую русскую деревенскую бабу; угловатыя и быстрыя движенія, походка съ раскачкою, сѣрый говоръ съ легкимъ акцентомъ на о дополняли это сходство. Но она была одѣта по послѣдней модѣ, шелкъ, въ кружевахъ, съ крупными бриллиантами въ ушахъ, съ такою же брошкой на груди. Все это, вѣроятно, было выписано изъ Парижа отъ лучшихъ мастеровъ и стоило баснословно дорого. Должно-быть, по привычкѣ, она шла, захвативъ и приподнявъ спереди рукою платье, точно боясь запачкать его или оступиться о слишкомъ длинную юбку.

Это была главная содержательница и попечительница пріюта. Въ городѣ про нее говорили, что лѣтъ двадцать съ небольшимъ тому назадъ она пѣшкомъ пришла въ Петербургъ изъ деревни и попала на Никольскій рынокъ, искать мѣста. Ее взяли на мѣсто; но роль кухарки и няньки, судомойки и прачки въ бѣдной чиновничьей семьѣ пришлась ей не по нутру. Она была не изъ тѣхъ натуръ, которыми другіе помыкаютъ всю жизнь, думая о нихъ меньше, чѣмъ думаютъ о комнатной собачонкѣ. Она работала, какъ ломовая лошадь, и злобно проклинала свою работу, какъ послѣдній каторжникъ. Тутъ подвернулась кума или тетка и объяснила ей, что самое разлюбезное дѣло въ Петербургѣ — торговля селедками, земляникой и другими ягодами, яйцами, мелочнымъ товаромъ. Дѣвка соблазнилась и, «поставленная на ноги» этой тетенькой, начала кричать по улицамъ: «земляника лѣсная, смородина садовая, селедки голландскія». Здоровая, краснощекая, бѣлозубая, она соблазнила какого-то женолюбиваго приказчика въ дровяномъ дворѣ, не пропускавшаго безъ щипка ни одной дѣвки, и такъ какъ у нея горло было широкое, а кулаки были здоровые, то любезничать съ нею незаконнымъ образомъ было трудно, а нужно было обвѣнчаться самымъ законнымъ образомъ, если дѣло хотѣлось довести до взаимной любви. Приказчикъ женился на ней. Годъ черезъ три она попалась на глаза хозяину

приказчика, и тотъ, послѣ разныхъ подходцевъ, оставшихся безплодными, попытался купить ее у приказчика. Приказчикъ долго упирался; очень ужъ странно ему казалось предложеніе продать жену — продать точно такъ же, какъ онъ продавалъ лѣсъ. Въ концѣ концовъ, искушеніе оказалось болѣе сильнымъ, чѣмъ любовь къ женѣ, которая кстати ему уже была нѣсколько въ тягость: вслѣдствіе своего властолюбиваго характера и вслѣдствіе его страсти къ перемѣнамъ предметовъ любви. Онъ, труся и передъ хозяиномъ, и передъ женою, какъ-то мимоходомъ замѣтилъ, что дешево онъ ее не отдастъ. И дѣйствительно, онъ оцѣнилъ ее въ большую сумму—хозяинъ не постоялъ за деньгами, и она повѣнчалась съ нимъ опять-таки законнымъ бракомъ. Новый мужъ былъ коммерціи совѣтникъ, милліонеръ, основатель пріютовъ, богадѣленъ и больницъ, и бывшая селедочница сдѣлалась дамой-патронессой. Она довольно быстро вошла въ свою роль и, какъ шустрый и смѣтливый человѣкъ, переняла манеры и привычки богатыхъ барынь, смотря на нихъ даже немного свысока. Бойкая, практичная, дѣятельная, рѣзкая, она была истиннымъ бичомъ для тѣхъ благотворительныхъ заведеній, гдѣ дѣло исполнялось кое-какъ разными бѣлоручками. Зато пріютъ, находившійся подъ вѣдѣніемъ Варвары Павловны, былъ ея гордостью. Варвара Павловна была приглашена сначала къ Аннѣ Ивановнѣ въ качествѣ учительницы, такъ какъ Тарасовой волей-неволей пришлось кое-чему подучиться, сдѣлавшись важной барыней. Анна Ивановна сразу сошлась съ Романовой, увидавъ въ ней умную и дѣятельную женщину. Романова тоже оцѣнила въ ней хорошія качества «дѣловой бабы» и всегда сердилась, когда ей говорили о частной жизни Тарасовой. Всѣ не лучше живутъ!

Встрѣтившись въ дверяхъ, Романова и Тарасова дружески пожали другъ другу руки. Тарасова быстро заговорила:

— Двухъ зайцевъ убиваю. Пріѣхала васъ поздравить и осмотрѣть все. Что новая дѣвочка? Отмыли ее?

— Сегодня повезли ее къ доктору. Сыпь у нея какая-то.

— Еще бы! Опаршивѣешь въ трущобѣ! Ну, да у васъ отмоется и откормится. Не такъ кормимъ, какъ въ Богоявленскомъ пріютѣ. Я тамъ такія воровства накрыла, что страсть... Да, кстати: у насъ гимнастикой дѣвочки почему не занимаются? Тамъ вонъ ввели ее.

— Гимнастикой?—переспросила Варвара Павловна.—Зачѣмъ же?

— Да говорить, что это нужно...

— У насъ дѣвочки стираютъ бѣлье, посуду чистятъ, полы моютъ, такъ и безъ гимнастики движенія много. Это имъ въ жизни пригодится, а кухаркамъ, швеямъ, да горничнымъ въ гравеніи лазить не придется. Тоже придумаютъ глупости...

— Да? Ну, какъ знаете, такъ и дѣлайте! Это я только такъ сказала, что наши барыни толкуютъ.

— Перестройки намъ прежде всего нужно сдѣлать, вотъ что главное,—сказала Романова.—Низки и душны наши спальни.

— А съ кѣмъ-нибудь изъ архитекторовъ говорили?

— Говорила. Есть уже и смѣты, и планы...

— Ну, давайте планы-то!

Обѣ женщины быстро подошли къ письменному столу. Тарасова присѣла. Романова встала около нея и стала показывать наброски плановъ.

— Вотъ такой бы пріютъ выстроить,—замѣтила она, показывая одинъ набросокъ.—Лишнихъ украшеній нѣтъ, но просторно, воздуху много, практично, всѣ новѣйшія приспособленія есть...

— Да вы меня въ разоръ разорить хотите!—воскликнула Анна Ивановна, хлопнувъ рукой по плану.—Шутка ли, что встанетъ!

— Ну, полноте! Хватитъ денегъ!—усмѣхнулась Романова.

— А вы думаете, у меня ихъ прорва? Вы посчитайте, что у меня выходитъ...

— Ну да, позволяйте воровать больше, такъ еще больше будетъ выходить!

Тарасова даже повернулась на стулѣ лицомъ къ Варварѣ Павловнѣ, задѣтая за живое напоминаніемъ о воровствѣ.

— Ахъ, не говорите вы мнѣ о воровствѣ. Лѣнивый только не воруетъ! Объ домѣ, о приказчикахъ, о подрядчикахъ я ужъ и не говорю. Нѣтъ, а въ богоугодныхъ-то заведеніяхъ нашихъ что дѣлается! Ума помраченіе. Въ Воскресенской богадѣльнѣ вмѣсто лѣкарствъ воду давали больнымъ. Ей-Богу! А я почему знаю—вода это или лѣкарства? Пробовать я, что ли, стану. Фельдшеръ ужъ, спасибо ему и за это, по злобѣ на доктора донесъ, тогда только и узнали. Да толку-то что? Одного подлеца смѣнишь, другого наживешь. Анаѳемы! Точно карты перетасовываешь, а все то же на то же выходитъ. И хуже всего эта де-зин-фе-кція.

— Дезинфекція?—съ удивленіемъ спросила Варвара Павловна.

— Ну да! Некуда показать расходовъ—сейчасъ на де-зин-фе-кцію. Денегъ недостало въ кассѣ—на де-зин-фе-кцію истрачены. Бѣлье не все на лицо—ради де-зин-фе-кціи истребили. А прахъ ее побери! Я ужъ сказала, чтобъ ея не было и въ поминѣ...

Она опять обратилась къ плану новаго зданія пріюта.

— А плантъ-то хорошъ!—сказала она, положивъ на него крупную бѣлую руку.—Только дорого, дорого, а у меня расходы.

— Зато хорошо будетъ,—лучшій пріютъ въ Петербургѣ будетъ.

— Запѣла соловьемъ!—подмигивая Варварѣ Павловнѣ, протянула она.

— Право же такъ,—подтвердила Романова.

— Да у насъ и теперь, почитай, что лучшій. Я такъ всѣмъ и говорю: заѣзжайте ко мнѣ въ пріютъ да и поучитесь, какъ надо содержать пріюты, гроша даромъ не брошено... Да это еще что! А то важно, что они тамъ воруютъ, да и дѣла не дѣлаютъ. Право! Нѣтъ, вы подумайте, въ Богоявленскомъ пріютѣ я сама столы мыла.

— Ну?—недовѣрчиво начала Романова.

— Ей-Богу! Пришла въ кухню — столы хуже грязнаго пола у мастеровыхъ. «Это, говорю, что?» Не отмывается, говорятъ. — «Какъ, говорю,—не отмывается; я вамъ покажу, какъ отмывать нужно». Приказала подать песку, бересты и мыла, да и показала имъ, какъ мыть столы нужно.

Она засмѣялась, показавъ два ряда бѣлыхъ здоровыхъ зубовъ.

— Ужъ на этомъ-то меня не проведешь, это не де-зин-фе-кція!

Ей, какъ ребенку, повидимому, очень нравилось это непонятное для нея слово.

— Ну, а нашу-то чистоту пойдете смотрѣть? — спросила шутливо Романова.

— Ну, у васъ-то все чисто!

— А все же пойдемте. Кстати мнѣ нужно еще передать вамъ цѣлый коробъ просьбъ.

Онѣ поднялись съ мѣста и пошли изъ комнаты, обѣ озабоченныя дѣлами, обѣ оживленныя. Марья Львовна глядѣла имъ вслѣдъ съ полу-презрительною усмѣшкою. Какъ женщина, она не безъ зависти сразу оцѣнила нарядъ Тарасовой и тутъ же подумала: «селедочница!» Можетъ-быть, именно ради этого наряда она припомнила всѣ завистливые и

ехидные толки, ходившіе въ городѣ о будто бы довольно разгульной и легкомысленной частной жизни Тарасовой. «Развратница, а туда же играетъ роль защитницы сиротъ и вдовъ», мелькнуло въ головѣ Серпуховой. И ей стало досадно, что Тарасова даже не кинула ей головой, что Варвара Павловна не представила ихъ другъ другу. «Впрочемъ, что же ей представлять меня, она, я думаю, и о моемъ существованіи забыла среди своихъ великихъ хлопотъ.—опять прочеслась злая мысль въ головѣ Серпуховой.—И для чего я хожу сюда, чего жду отъ этой сухой и черствой эгоистки?» снова спросила она себя. Она начала вспоминать разные факты, мелочи, пустяки. Копошиться въ грязи этихъ будничныхъ мелочей было ея любимымъ дѣломъ. Эти мелочи болѣе всего раздражали ее противъ окружающихъ. Ей вспоминалось теперь, какъ когда-то Варвара Павловна сказала ей обидное слово, какъ въ другой разъ она замѣтила, что у нея тѣла много, и прервала на полусловѣ жалобу Марьи Львовны, какъ въ третій разъ она прямо замѣтила, что «все это пустяки». Черствая женщина, не знавшая истиннаго горя!—Вотъ она, Варвара Павловна, разсказывала о своихъ душевныхъ страданіяхъ. Все это фразы. Если бы страдала, не сумѣла бы такъ скрывать все, что на душѣ. Маскироваться нельзя, когда горе переполняетъ душу. Да вотъ и теперь, только-что разсказывала о своемъ великомъ горѣ, а пришла Тарасова—и все какъ рукой сняло, засуетилась, заговорила о дѣлахъ. И зачѣмъ она лебезитъ передъ этой ничтожной женщиной? передъ этой проданной съ аукціона женой? Старуха, а лебезитъ передъ нею... Никогда она, Марья Львовна, не воображала, что Романова такой человѣкъ. Вотъ ужъ кралу говорятъ, что только въ горѣ узнаешь людей. Всегда считала она Варвару Павловну доброй женщиной, а теперь ни сочувствія, ни участія, ни ласки. Только обвинять умѣетъ, да еще рисуется тѣмъ, что она сама къ себѣ относится, какъ строгій судья. Что же, она-то и точно виновата: вышла замужъ не ребенкомъ, знала на что идетъ; потомъ ушла отъ мужа, потому что тотъ любовницъ заводилъ... Да она, Марья Львовна, должна бы сотни разъ бросить Юрія Дмитріевича, амурничающаго въ пьяномъ видѣ даже съ горничными; а далѣе-то—не пошла за Маріанной, потому что тяжело видѣть краденное счастье дочери;—вотъ тутъ и толкуй о ея любви къ дочери. Ахъ, да что говорить, черствая эгоистка она—и только! Нѣтъ, нечего, нечего ей, Серпуховой, искать здѣсь! Уйти нужно отсюда и никогда не возвращаться

въ этотъ домъ, но гдѣ же искать утѣшенія? Одна она, совсѣмъ одна! И за что ей выпала такая доля? За что она наказана? Никому она не сдѣлала зла! Гдѣ же правда, гдѣ же справедливость? Что-то давило ей грудь; она чувствовала, что ее начинаютъ душить слезы.

Откуда-то, изъ спаленъ дѣвочекъ, донесся громкій голосъ Варвары Павловны, говорившей:

— Пройди, голубчикъ, ко мнѣ. Тамъ Маня. Я сама приду сейчасъ. Подожди.

Серпухову точно что-то подняло съ мѣста. Съ кѣмъ это говоритъ тетка? Неужели это... Ея мысль оборвалась на полусловѣ: дверь отворилась, на порогѣ показался Евгеній Александровичъ. Марья Львовна вскрикнула и бросилась къ нему.

— Женя, Женя, вернулся!

Она обняла его, глотая слезы, задыхаясь отъ нихъ.

— Родная, что съ тобой? Маня, милая, полно!—уговаривалъ онъ, по-братски цѣлуя ее.

— О, Господи, Господи! Какъ я мучилась безъ тебя все это время! Одна я, одна совсѣмъ! Кромѣ тебя никого у меня нѣтъ!

Она порывисто начала говорить. Дома адъ. Мужъ, дѣти—всѣ чужды. Близкаго никого. Варвара Павловна... Чужое горе, если это не голодъ, не холодъ, кажется ей пустяками. Очерствѣла она. А такъ жить безъ близкой живой души нельзя, силъ нѣтъ. Лучше ужъ руки на себя наложить.

— Тебя я ждала каждый день, каждую минуту. Ты одинъ еще понимаешь меня, любишь меня попрежнему. Да, вѣдь?

Онъ, мягкій и привѣтливый, усадилъ ее рядомъ съ собою, взялъ ея маленькую руку, положилъ ее къ себѣ на колѣни и, глядя ее, сталъ неторопливо говорить успокоительныя фразы—тѣ пустыя фразы нѣжности и доброты, словеснаго участія и утѣшенія, которыя были такъ нужны ей. Только ихъ она и жаждала. Ему было пріятно сознавать, что онъ можетъ утѣшить ее, что онъ добръ и ласковъ. Это чувство походило на ощущеніе вполнѣ здороваго человѣка, чувствующаго, что у него ничего не болитъ, когда другіе жалуются на ноющіе зубы, на желудочный катаръ, на разстроенную печень. Расположеніе духа дѣлается отличнымъ, въ душѣ проявляется бодрость, все существо проникается благодушіемъ, хочется утѣшать, ублажать, успокаивать ближнихъ: «зубная боль—о, это скоро проходитъ; потерпите, вотъ-вотъ сейчасъ вамъ станетъ легче, дайте я потру вашу

щеку,—и мягкая рука нѣжно гладитъ больное мѣсто, и больному кажется, что ему, дѣйствительно, какъ будто легче...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Въ окружномъ судѣ разбиралось уголовное дѣло. Дѣло было въ сущности ничтожное и пустое. Девятнадцатилѣтній мальчишка въ пьяномъ видѣ ранилъ изъ ревности другого такого же мальчишку, обнявшаго, тоже въ пьяномъ видѣ, его пьяную любовницу. Обо всемъ этомъ былъ составленъ протоколъ; при протоколѣ были вещественныя доказательства—большой перочинный ножъ, прорѣзанная имъ и окровавленная дырявая сорочка и т. п. На слѣдствіи было вполнѣ выяснено, что всѣ были пьяны, что рана нанесена дѣйствительно Петру Иваномъ, а не Ивану Петромъ, что орудіемъ преступленія былъ не топоръ, не кинжалъ, а именно перочинный ножъ. Возникъ только глубокомысленный вопросъ, почему явился у преступника этотъ ножъ, и съ какой цѣлью, и когда онъ былъ купленъ, но и этотъ вопросъ рѣшился очень просто словами преступника: «какъ же безъ перочиннаго ножа? У каждаго человѣка безпремѣнно есть перочинный ножъ!» Противъ этого возражать было трудно, и было рѣшено, что перочинный ножъ у преступника былъ потому, что у каждаго человѣка можетъ быть перочинный ножъ... Такія дѣла не возбуждаютъ ничьего вниманія, о нихъ не печатаютъ отчетовъ даже въ малой прессѣ въ самое трудное для розничной газетной продажи время. Тѣмъ не менѣе, на это дѣло устремилось множество дамъ, такъ какъ защитникомъ подсудимаго долженъ былъ явиться Евгеній Александровичъ Шаховъ. Какъ и гдѣ узнали онѣ объ этомъ обстоятельствѣ—это ихъ дѣло, но фактъ тотъ, что онѣ узнали объ этомъ. Дамы знали, что Шаховъ красивѣе самаго красиваго изъ итальянскихъ теноровъ и что его голосъ мелодичнѣе самаго мелодичнаго голоса любого изъ французскихъ актеровъ. Однѣ говорили, что, вѣроятно, онъ защищаетъ подсудимаго по назначенію; другія предполагали, что онъ взялся за это дѣло для того, чтобы коснуться жгучихъ вопросовъ о паденіи нравственности въ низшихъ классахъ столичнаго общества. Объ этомъ спорили вкривь и вкось въ залѣ засѣданія, въ мѣстахъ, отведен-

ныхъ для публики. Эти споры и толки объ Евгеніи Александровичѣ вызывали яркій румянецъ на щекахъ одной изъ зрительницъ. Вся въ черномъ, она сидѣла на первой скамьѣ и съ лихорадочнымъ волненіемъ ловила каждое слово, касавшееся Шахова. Она одна въ залѣ суда знала настоящую причину, заставившую Шахова взяться за это дѣло. Онъ взялся защищать преступника ради нея, онъ будетъ говорить для нея...

Это была Марья Львовна Серпухова...

Послѣ встрѣчи съ Евгеніемъ Александровичемъ у тетки, она какъ бы ожила. Шаховъ сдѣлался для нея тѣмъ же, чѣмъ былъ для нея отецъ, то-есть заботливой нянькой. Онъ почти ежедневно посѣщалъ семью Серпуховыхъ, иногда бралъ ложу въ театрѣ для Марьи Львовны и ея дѣтей, иногда устраивалъ катанья за городъ. Эти развлеченія и еще болѣе сказанныя украдкой слова утѣшенія и ласки или мимолетное дружеское пожатіе руки бодрили Марью Львовну. Мало того, чѣмъ чаще бывалъ у Серпуховыхъ Евгеній Александровичъ, тѣмъ менѣе было у Марьи Львовны причинъ жаловаться на дѣтей. Онъ умѣлъ говорить и занимать общество, онъ доставлялъ много удовольствій Сенѣ и Олѣ, онъ своею мягкостью сглаживалъ ихъ рѣзкія выходки, умѣя остановить ихъ такъ, что они даже не замѣчали того, что ихъ останавливаютъ. Братъ и сестра были очарованы Шаховымъ не меньше самой Марьи Львовны. Сеня говорилъ своимъ разсудительнымъ тономъ сдержаннаго взрослаго человѣка:

— Вотъ такъ жить, какъ живетъ Евгеній Александровичъ, это я понимаю. Ни пошлыхъ кутежей, ни пьянства, а между тѣмъ жизнь идетъ весело и разнообразно.

— Я болѣе всего цѣню въ немъ его тактъ. Онъ умѣетъ быть снисходительнымъ даже съ мамой Маней, хотя ужъ, конечно, между ней и имъ нѣтъ ничего общаго.

Братъ свысока подшучивалъ надъ нею:

— Ну, да; вѣдь онъ для тебя только и бываетъ у насъ!

Сестра дѣлала гримаску.

— Я этого не говорю. Но, разумѣется, ты еще мальчикъ передъ нимъ, папа вовсе не подходитъ къ нему по складу своего характера, а мама Маня... Ахъ, я думаю, ему иногда очень скучно слушать ея наивное щебетанье...

Сеня, задѣтый за живое напоминаніемъ, что онъ еще мальчикъ, дразнилъ ее уже не безъ злости:

— Ты еще не объяснилась ему въ любви?

Она пренебрежительно пожимала узенькими плечиками:

— Ты напрасно стараешься дразнить меня этимъ, мой милый. Я вовсе не намѣрена сердиться на тебя. Я очень хорошо знаю, почему и для чего ѣздитъ къ намъ такъ часто Евгеній Александровичъ.

Говоря такъ о Шаховѣ между собою, братъ и сестра, сами того не замѣчая, сильно заискивали въ немъ. Они чувствовали, что подъ его вліяніемъ, въ какой-нибудь мѣсяцъ или два, они зажили новою жизнью—именно такою жизнью, о какой они часто мечтали: полною разнообразія и веселья.

Изъ всѣхъ этихъ лицъ самымъ счастливымъ чувствовалъ себя самъ Шаховъ. Никогда до этой поры не ощущалъ онъ такъ ясно, какъ теперь, что онъ и его доброта въ такой степени нужны кому-нибудь. Онъ чувствовалъ, что онъ сталъ нужнѣе воздуха для Марьи Львовны, что Оля вся вспыхиваетъ отъ удовольствія, когда онъ привозитъ билетъ въ театръ или везетъ ее на прогулку, что Сеня теряется, краснѣетъ и смѣшно расшаркивается передъ нимъ, когда онъ говоритъ ему: «тебѣ, братъ, не нужно ли презрѣннаго металла? Я вѣдь знаю, что въ твои годы неловко спрашивать денегъ на иныя вещи у отца и матери? Мы не чужіе, и ты со мной не церемонься». Сознавать себя добрымъ и видѣть, что другіе чувствуютъ его доброту, это было болѣе всего пріятно Евгенію Александровичу. Онъ не гордился, не рисовался, а наслаждался этимъ. Когда онъ думалъ о томъ, какъ онъ добръ, его прекрасное лицо озарялось свѣтлой улыбкой, онъ ощущалъ какое-то упоеніе, нѣчто въ родѣ ощущенія, испытываемаго красавицей, стоящей передъ зеркаломъ и не находящей въ себѣ ни одной заслуживающей упрека черты. Вотъ онъ поѣдетъ къ Серпуховымъ—и всѣ они точно оживутъ при его появленіи; онъ, какъ солнце, однимъ своимъ появленіемъ разсѣиваетъ всѣ ихъ заботы. Когда его нѣтъ, они только о томъ и думаютъ: скоро ли придетъ Евгеній Александровичъ? Чѣмъ больше онъ для нихъ дѣлалъ, тѣмъ болѣе онъ привязывался къ нимъ, тѣмъ болѣе хорошаго находилъ онъ въ нихъ. Въ сущности, они очень хорошіе и добрые люди; ихъ мелкіе недостатки развились вслѣдствіе нелѣпо устроенной самимъ Серпуховымъ жизни. Евгеній Александровичъ не питалъ вражды ни къ кому и потому не питалъ ея и къ Серпухову. Напротивъ того, онъ отъ души жалѣлъ его, жалѣлъ болѣе даже, чѣмъ остальныхъ членовъ семьи, говоря,

что этотъ человѣкъ былъ созданъ для жизни богемы, для жизни холостяка-забулдыги, для жизни добраго-малаго, кутилы, а судьба толкнула его играть роль отца семейства. Что-жъ мудренаго, что онъ плохо справляется съ этой ролью? Онъ сдѣлалъ несчастными жену и дѣтей и еще болѣе несчастнымъ себя. Но кто же застрахованъ отъ подобныхъ ошибокъ въ молодости? Самъ Серпуховъ нерѣдко интимничалъ съ нимъ и говорилъ въ этомъ духѣ: «Плохой я, братъ, мужъ, плохой отецъ, да что подѣлаешь, если талантовъ на это не дано». Это говорилось, конечно, подъ пьяную руку и чаще всего тогда, когда нужно было перехватить деньжонокъ у «Женьки», какъ въ этихъ случаяхъ звалъ Серпуховъ Шахова. Деньжонки же перехватывались потому, что у «Сеньки вонъ свѣжихъ перчатокъ нѣтъ, ну, онъ и фыркаетъ», или «у Олюшки шляпка изъ моды вышла, ну, она и хохлится». И къ этому онъ шутливо прибавлялъ, что «бѣда, когда провинишься передъ господами-дѣтьми». Иногда же, занимая деньжонки, онъ просто сознавался: «прокутился вчера, а у Манюши братъ изъ хозяйственныхъ суммъ неловко; тоже сейчасъ слезы начнутся».

Шаховъ сознавалъ, что его собственная жизнь—праздная жизнь имѣющаго собственныя средства присяжнаго повѣреннаго—стала полнѣе и содержательнѣе съ той поры, какъ онъ сошелся ближе съ Серпуховыми. Онъ любилъ и прежде эстетическія наслажденія, писалъ даже рефераты объ искусствѣ вообще и о драматическомъ искусствѣ и Шекспирѣ въ особенности. Но посѣщать одиноко театръ, эрмитажъ и выставки художественныхъ произведеній далеко не такъ пріятно, какъ въ обществѣ близкихъ людей. Тутъ чувствуется всегда потребность подѣлиться впечатлѣніями. Даже самая обстановка его квартиры стала ему какъ будто милѣе и дороже съ той поры, когда Сеня съ горящими глазами и раскрытымъ ртомъ остановился надъ дорогой копіей Амура и Психеи Кановы, а Оля не могла оторвать глазъ отъ филиграновыхъ серебряныхъ вещей, вывезенныхъ Шаховымъ изъ Венеціи. Прежде все это разставилось на своихъ мѣстахъ и забылось имъ, приглядѣвшись ему; теперь онъ все это могъ показывать своимъ близкимъ людямъ и объяснять достоинство всѣхъ этихъ вещей, не боясь прослыть хвастуномъ и вызывая неподдѣльный восторгъ своихъ друзей. Артисты и эстетики не обладаютъ, по большей части, качествами скряги: скряга прячетъ отъ другихъ свои сокровища и тѣмъ болѣе наслаждается ими, чѣмъ непроницаемѣе они

скрыты; артистъ и эстетикъ нуждается въ одобреніи его сокровищъ со стороны другихъ, и чѣмъ сильнѣе восторгъ этихъ другихъ передъ его сокровищемъ, тѣмъ дороже ему эти сокровища. Такимъ человѣкомъ былъ и Шаховъ. Природа его самого создала какъ бы для выставки. Въ годы его дѣтства никто не проходилъ мимо его, не сказавъ: «какой прелестный ребенокъ». Онъ мало-по-малу привыкъ цѣнить красоту въ самомъ себѣ и во всемъ окружавшемъ его, сталъ заботиться о своихъ нарядахъ, о своей обстановкѣ. Избранная имъ карьера дѣлала его еще болѣе человѣкомъ выставки: успѣхъ защиты всегда зависитъ отъ производимаго защитникомъ впечатлѣнія. Выставка же имѣетъ смыслъ, когда есть зрители, и Шаховъ былъ тѣмъ счастливѣе, чѣмъ восторженнѣе были эти зрители. Серпуховы были именно такими зрителями, и онъ чувствовалъ себя счастливымъ среди нихъ. Даже въ театрѣ,—въ русской оперѣ,—онъ какъ будто впервые понялъ вполнѣ всю прелесть нѣкоторыхъ оперъ, разъясняя нѣкоторыя мѣста музыкальныхъ красотъ Серпуховымъ...

Именно въ это время произошелъ памятный для Марьи Львовны случай.

Какъ-то разъ въ кухнѣ Серпуховыхъ послышался плачъ, и начались причитанія кухарки Авдотьи: «Разбойникъ! Душегубецъ! На что я тебя на свѣтъ породила! Пропала моя бѣдная головушка!» Серпухова вышла въ кухню. Никакого душегубца и разбойника въ кухнѣ не было. Была тамъ только кума Авдотьи и что-то, горячо и сильно жестикулируя, разсказывала. Авдотья мотала головой и вопила. Глаша стояла тутъ же съ вытаращенными отъ удивленія глазами и только всплескивала руками, повторяя: «ахъ-ты, батюшки-свѣты!» Оказалось, что сынъ Авдотьи и былъ именно тотъ злосчастный юноша, котораго ревность, а, можетъ-быть, и не ревность, а просто сивуха заставила взяться за ножъ. Въ разсказѣ кумы, какъ и слѣдовало ожидать, перочинный ножъ превратился въ «ножище», и преступникъ не просто ткнулъ имъ противника, а «распологсовалъ» послѣднему бокъ. Марья Львовна сейчасъ же успокоила кухарку, сказавъ, что она попроситъ взяться за дѣло Евгенія Александровича. Кухарка повалилась ей въ ноги, прося ее быть «родной матерью» и заступиться за «безталаннаго». Серпухова расчувствовалась, подняла ее и даже рѣшительно объявила ей, что ея сыну ровно ничего не будетъ, если Евгеній Александровичъ похлопочетъ за него. Евгеній Александровичъ свой человѣкъ

у нихъ и ни въ чемъ имъ не откажетъ. Она вернулась въ гостиную въ сильномъ волненіи и тутъ же разсказала о случившемся и о своемъ намѣреніи просить защиты Шахова.

— Мама, что тебѣ пришло въ голову!—воскликнула Оля.— Станетъ Евгеній Александровичъ защищать какого-то пьянаго мальчишку!

— Ты бы еще захотѣла, чтобы онъ распинался за какого-нибудь мелкаго воришку,—замѣтилъ пренебрежительно Сеня.—Это было бы еще лучше!

Серпуховъ-отецъ засмѣялся:

— Ай, ай, Манюша, какъ ты опрометчива! Господа адвокаты съ именемъ могутъ распинаться только за крупныхъ мошенниковъ, не компрометируя себя. А ты вздумала просить Евгенія Александровича защищать какого-то пьянюшку-мальчугана? Развѣ это возможно!

Марья Львовна растерялась, не сообразивъ сразу, кто изъ нихъ говоритъ серьезно и кто шутитъ, и понимая только одно, что просить у Шахова этой защиты значитъ—просить принести жертву.

— Но, можетъ-быть, для меня...—сконфуженно начала она.

— Для тебя!—воскликнула Оля.—Ну, нѣтъ! Ни для кого онъ не пойдетъ тратить свое краснорѣчіе на защиту этой мелкой дряни. Я даже не рѣшилась бы попросить его объ этомъ.

Марья Львовна вспыхнула, услышавъ особое удареніе, сдѣланное дочерью на словѣ «я».

— Ты не рѣшилась бы, а я попрошу и увѣрена, что для меня онъ это сдѣлаетъ,—рѣзко сказала она и тоже подчеркнула слово «для меня».

— Ну, ужъ и не разсчитывай!—запальчиво возразила дочь.

— А вотъ увидимъ!—горячилась мать.

Онѣ всегда спорили въ этомъ родѣ.

Въ душѣ Марьи Львовны поднялась цѣлая буря. Ее уже заботила не кухарка со своимъ сыномъ. Ей хотѣлось доказать дочери, что для нея, для Марьи Львовны, Шаховъ сдѣлаетъ все, все... Она попроситъ его, и онъ возьмется за защиту. Да, для нея онъ принесетъ и эту жертву. Она такъ и говорила мысленно: «жертву». Теперь ей даже казалось, что это очень крупная жертва. По крайней мѣрѣ ей хотѣлось этому вѣрить.

Вечеромъ явился Евгеній Александровичъ. Она въ волненіи начала разсказывать ему исторію сына кухарки и закончила произнесенной не безъ мольбы и паѳоса просьбой:

— Спаси его, Женя!

Онъ засмѣялся добрымъ, веселымъ смѣхомъ.

— Маня, да его можетъ спасти любой помощникъ присяжнаго повѣреннаго изъ начинающихъ.

— Значитъ, ты не хочешь? — печально начала Марья Львовна.

— Вовсе нѣтъ,—перебилъ онъ ее, тронутый ея печалью.— Кого хочешь буду защищать, но зато накажу и тебя. Поѣзжай слушать меня. Я буду говорить для тебя.

У нея щеки покрылись румянцемъ. Оля сдѣлала гримасу.

— Ахъ, я и не знала, что вы такой непозволительный баловникъ!—воскликнула она.—Вѣдь это дѣло недостойно вашего таланта.

Онъ мягко улыбнулся.

— Я постараюсь раздуть его, Ольга Юрьевна, въ крупный общественный вопросъ,—сказалъ онъ шутливо:—и главнымъ образомъ для того, чтобы подольше промучить маму Маню. Проговорю цѣлый день безъ передышки...

— Да, да, это ей по-дѣломъ! Пусть проголодается,—со смѣхомъ сказала Оля.

Марья Львовна даже не разсердилась на дочь, такъ она была счастлива. Она даже снисходительно предложила дочери, не хочетъ ли и та ѣхать слушать Евгенія Александровича. Дочь отказалась. Она вовсе не намѣрена голодать въ судѣ. Она только попросила Шахова говорить какъ можно скучнѣе, чтобы мамѣ Манѣ спать захотѣлось. Это будетъ урокъ мамѣ Манѣ. Евгеній Александровичъ шутливо обѣщалъ говорить такъ скучно, что самъ предсѣдатель заснетъ. И Шаховъ не безъ юмора началъ проектировать длинную, убійственно скучную рѣчь. Въ столовой Серпуховыхъ раздавался всеобщій смѣхъ...

Несмотря на всѣ шутки, Серпухова чувствовала, что побѣда на ея сторонѣ, что жертва приносится ей.

Это сознаніе утвердилось въ ней еще сильнѣе теперь, когда она услышала въ залѣ суда, какъ популяренъ Шаховъ, какъ цѣнятъ его, какъ бѣгутъ посмотрѣть на него. Ловя отрывочныя фразы этихъ дамъ, бѣгающихъ въ судъ посмотрѣть на того или другого адвоката, какъ онѣ бѣгаютъ въ театръ для тѣхъ или другихъ актеровъ, тоскаясь по грязи около ихъ каретъ, она гордилась тѣмъ, что Евгеній Александровичъ ея родственникъ, ея другъ. Никогда она не воображала, что онъ такая знаменитость. Когда онъ вошелъ въ залу и, окинувъ всѣхъ присутствующихъ глазами, кивнулъ

ей чуть замѣтно головой, Серпухова вся вспыхнула. На нее покосились сосѣдки. Кто-то замѣтилъ, что Шаховъ сталъ еще красивѣе. Гдѣ-то слышался шопотъ о его бархатныхъ глазахъ. Марья Львовна невольно взглянула на него, точно до этой минуты она никогда не видала его. Дѣйствительно, онъ былъ очень хорошъ собою. Изъ-подъ густыхъ черныхъ рѣсницъ смотрѣли мягкіе и ласковые сѣрые глаза, слегка окруженные тѣнью. Матовая, какъ бы прозрачная, блѣдность кожи, бросавшаяся въ глаза еще сильнѣе при густыхъ черныхъ волосахъ, придавала его тонкому лицу то особенное выраженіе, какимъ любятъ надѣлять художники на картинахъ лица юныхъ поэтовъ-мечтателей и молодыхъ монаховъ-аскетовъ. Тутъ было мало мяса, животности, прозаичности, тутъ лежала печать осмысленности, воздержанности, поэтической мечтательности. Когда его тонкіе бѣлые пальцы слегка откинули съ чистаго блѣднаго лба прядь вьющихся черныхъ волосъ, Серпухова, затаивъ дыханіе, облокотилась на барьеръ, подперла лицо руками и какъ бы застыла въ этой позѣ, впившись глазами въ Шахова. Она впервые увидала его играющимъ роль...

II.

Скучный допросъ свидѣтелей былъ коротокъ. Очень ужъ ясны были и безъ того обстоятельства дѣла. Не длинна была и рѣчь прокурора, какъ бы стѣснявшагося метать громы и молніи въ плюгавенькаго мальчишку, заслуживавшаго развѣ только щелчка. Тѣмъ не менѣе, рѣчь защитника съ первыхъ же словъ обѣщала превратиться въ блестящій монологъ... Картину страшной драмы—драму паденія, разврата, животной жизни среди подвальныхъ угловъ, кабачной атмосферы, падшихъ женщинъ—рисовалъ опытный ораторъ. «Оставьте всякую надежду, попавшіе въ этотъ омутъ», слышались его роковыя слова, а въ этотъ омутъ попадаютъ люди съ колыбели, мальчики и дѣвочки, скученные вмѣстѣ, взаимно развращающіе другъ друга, продаваемые взрослыми, прошедшими уже стезю личнаго разврата и развращающими другихъ, чтобы добыть этимъ способомъ деньги на косушку водки, необходимую имъ, чтобы дожить жизнь въ скотски-безсмысленномъ состояніи. Отрезвиться вполнѣ въ этой средѣ значитъ дойти до самоубійства: жить въ ней можно только въ вѣчномъ туманѣ, въ вѣчной безсознательности, въ вѣчномъ бреду. Наши лошади, собаки, кошки, коровы и свиньи живутъ въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ этотъ людъ, носящій

названіе «отребья общества». А между тѣмъ, это наши ближніе, наши сестры и братья!..

Рябенькій, безусый и безбородый, пятнадцатилѣтній на видъ и девятнадцатилѣтній въ дѣйствительности мальчишка, кліентъ Шахова, подпирая языкомъ щеку, усердно и сосредоточенно расковыривалъ въ это время на ней какой-то прыщъ, изрѣдка позѣвывая отъ скуки. На него никто не обращалъ вниманія, хотя у дамъ и были на глазахъ слезы отъ рѣчи защитника. Предсѣдатель сидѣлъ, уставившись глазами въ столъ, съ тоскливымъ видомъ человѣка, рѣшившагося претерпѣть до конца, и только два раза пошепталъ что-то членамъ суда, пожимая плечами и видимо говоря: «и чего онъ распинается за этого подлеца?» Одинъ изъ членовъ тоже пошепталъ ему что-то на ухо, указавъ глазами на мѣста для зрителей, послѣ чего предсѣдатель тоже посмотрѣлъ туда, какъ разъ въ то мѣсто, гдѣ сидѣла Марья Львовна, и съ усмѣшкою опять пожалъ плечами, какъ бы сказавъ: «развѣ только ради барынь».

Наконецъ, пренія кончились, предсѣдатель обратился къ подсудимому, не имѣетъ ли онъ чего сказать.

— Ничего-съ,—отвѣтилъ вяло и безсвязно подсудимый.— Извѣстно, драка. Не къ своей онъ приставать сталъ. Всѣ выпимши были.

Онъ больше ничего не сказалъ и на слѣдствіи. Да больше было и нечего сказать ему, какъ и всѣмъ остальнымъ участникамъ этого судебнаго разбирательства.

Присяжные ушли совѣщаться, а черезъ десятокъ минутъ былъ вынесенъ оправдательный приговоръ. Гдѣ-то послышались аплодисменты, конечно, не подсудимому, а защитнику. Предсѣдатель позвонилъ, угрожая очистить мѣста для публики. Кухарка Серпуховыхъ уже называла при всѣхъ своего сына и убивцемъ, и кровопивцемъ, и разбойникомъ. Пристава бѣгали, чтобы размять ноги. Шаховъ, отбившись отъ Авдотьи, ловившей его руку для поцѣлуя, пробирался къ Марьѣ Львовнѣ. Она, еще горящая яркимъ румянцемъ, еще со слезинками на глазахъ, сжала крѣпко его руку. Она не могла говорить отъ охватившаго ее волненія. Онъ предложилъ ей руку, и они пошли среди толпы женщинъ и мужчинъ, наполнявшихъ коридоръ, какъ мужъ съ женой, рука объ руку, оба сіяющіе, оба счастливые. Онъ, добродушный и мягкосердый, радовался, какъ всегда, что могъ доставить кому-нибудь удовольствіе. Она сіяла отъ счастія, что идетъ съ нимъ подъ руку среди этихъ людей, только-что восхищавшихся имъ.

— Ты къ намъ?—спросила она.

— Нѣтъ. Надо переодѣться и отдохнуть,—отвѣтилъ онъ.— Впрочемъ, я тебя завезу.

— Зачѣмъ же. Я заѣду къ тебѣ на минуту. Можно?

Его поразилъ ея тонъ, смущенный и робкій. Она сама почувствовала, что она страшно робѣетъ, и не знала отчего. Онъ сдѣлался для нея внезапно «чужимъ мужчиной» и притомъ мужчиной-красавцемъ, мужчиной-знаменитостью.

— Отчего же нельзя?—съ улыбкою проговорилъ онъ.

Она, охваченная этою непонятною ей робостью передъ нимъ, только тихонько сжала его руку у локтя, безмолвно благодаря его за позволеніе.

Они спустились съ лѣстницы, надѣли верхнюю одежду, вышли изъ зданія суда. Ихъ охватило мягкимъ и теплымъ апрѣльскимъ воздухомъ. Изъ трубъ бѣжала вода, кое-гдѣ сочились канавки, въ воздухѣ чирикали птицы, все сверкало и блестѣло, озаренное яркими лучами солнца. Шахова ждала лошадь. Онъ сѣлъ съ Марьей Львовной въ щегольскія дрожки, и рысакъ нанимаемаго помѣсячно извозчика понесъ ихъ, выбивая копытами шлепки жидкой грязи.

— Я болѣе всего люблю у насъ въ Петербургѣ апрѣль,— замѣтилъ Евгеній Александровичъ, съ наслажденіемъ дыша полною грудью.—Въ этотъ мѣсяцъ вполнѣ чувствуется весна. «Весна, отворяется первая рама и въ комнату шумъ ворвался,—и благовѣстъ ближняго храма, и говоръ народа, и стукъ колеса»... Да, чудное время! Въ маѣ здѣсь всегда уже хуже—дождливѣе и холоднѣе. Теперь же... взгляни, на небѣ ни облачка!

Марья Львовна очнулась.

— Облачка?—растерянно проговорила она.—Да, да, облаковъ нѣтъ...

— Что съ тобой? Ты сама точно упала съ облаковъ?— пошутилъ онъ.

— Какъ ты говорилъ!.. Какъ ты говорилъ!.. Я никогда не думала, что ты можешь такъ говорить,—сказала она, глядя куда-то въ пространство.

— Да развѣ я никогда не говорилъ при тебѣ?—спросилъ онъ, смѣясь.

— Нѣтъ, говорилъ, но сегодня... точно музыка...

У нея недоставало словъ для выраженія пережитыхъ ею ощущеній. Онъ опять пошутилъ:

— Вотъ подожди, я въ оперу опредѣлюсь!.. Первымъ баритономъ буду...

Дрожки подъѣхали къ дому, гдѣ жилъ Шаховъ. Онъ и Марья Львовна поднялись до бель-этажа. Лакей отворилъ дверь. Покуда онъ снималъ съ Марьи Львовны калоши и верхнюю одежду, Шаховъ прошелъ въ свою спальню и замѣнилъ фракъ домашней жакеткой. Онъ вышелъ въ кабинетъ и встрѣтился тамъ съ Серпуховой. Его опять поразило смущенное, стыдливое выраженіе ея лица. Она, миніатюрная, граціозная, напоминала конфузливую дѣвочку и была очень мила съ опущенными внизъ длинными рѣсницами, съ румянцемъ на полненькихъ щекахъ. Онъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Что же ты не снимаешь шляпки?

— Я на минуту, — отвѣтила она тихо, машинально начавъ снимать шляпку.—Хотѣла поблагодарить за это утро...

— Ну, благодари!—смѣясь, сказалъ онъ.

Она протянула ему руку, несмѣло, смущенно, точно чего-то боясь.

— Только-то?—проговорилъ онъ, продолжая шутить.—Я думалъ, что ты расцѣлуешь меня.

Онъ безпечно, безъ всякой задней мысли, какъ близкій родственникъ, имѣющій право фамильярничать, наклонилъ къ ней лицо, прекрасное, улыбающееся, ласковое. Она не выдержала и страстно, порывисто обвила его шею руками. Кровь прилила ей къ головѣ, передъ глазами все кружилось, она походила на пьяную, охваченную на минуту чисто животнымъ чувствомъ.

— Маня, что съ тобой, милая?—озабоченно спрашивалъ онъ, замѣтивъ, наконецъ, что она плачетъ.

— О, ты станешь меня презирать!.. Но это выше моихъ силъ! – шептала она въ слезахъ, скрывая раскраснѣвшееся лицо на его груди.

Эти фразы она вычитала когда-то въ какомъ-то романѣ. Онѣ теперь сами собой пришли ей въ голову, сами собою сорвались съ ея языка. Въ сущности, она не сознавала, за что онъ можетъ ее презирать и что такое свыше ея силъ. Она, за недостаткомъ своихъ собственныхъ словъ, часто произносила подобныя, гдѣ-то и когда-то вычитанныя фразы, смысла которыхъ она вовсе не понимала, — произносила ихъ потому, что онѣ подходили къ тому или другому случаю въ ея жизни.

— За что же? — сказалъ онъ въ недоумѣніи. — Полно, полно плакать, малютка. Ты все преувеличиваешь. Что случилось, скажи?

Онъ усадилъ ее на диванъ; ласковый и нѣжный, онъ утѣшалъ ее, какъ ребенка. Она безсвязно, со слезами, жаловалась, что она никогда не любила, что все время ея замужества было какимъ-то тяжелымъ сномъ, рядомъ униженій, что онъ — ея первая любовь, что она ничего отъ него не проситъ, кромѣ позволенія его любить. Она знаетъ вполнѣ, какъ онъ знаменитъ, какъ блестяща его будущность; не такая женщина, какъ она, можетъ составить его счастіе. Но что же ей дѣлать, если она не въ силахъ скрывать своихъ чувствъ. Нельзя же вѣчно страдать и страдать, не имѣя права даже на одну минуту счастія. Вѣдь она же не преступница, за что же это наказаніе? Преступниковъ и тѣхъ наказываютъ на время, а она обречена страдать всю жизнь. Она говорила сбивчиво, безтолково, путаясь и плача по-дѣтски, точно ее обидѣли большіе, взрослые люди. Растроганный ея наивностями и ея слезами, отуманенный ея мольбами и ласками, онъ самъ плохо отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ. Онъ прежде всего хотѣлъ только одного: успокоить ее, осушить ея слезы. Его всегда разстраивали и волновали чужія слезы — слезы молодыхъ женщинъ, такъ какъ въ томъ кругу, гдѣ онъ вращался, онъ только и видѣлъ эти слезы; униженныхъ и оскорбленныхъ, безпомощныхъ сиротъ и голодныхъ въ этомъ кругу не было, и потому ихъ слезъ ему не удавалось видѣть. Онъ поднялъ ея голову и, съ лаской смотря ей въ глаза, поцѣловалъ ее въ губы долгимъ поцѣлуемъ.

— Ну, о чемъ же плакать? — спрашивалъ онъ ее тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ съ плачущими и утѣшаемыми дѣтьми. — Развѣ любовь несчастіе? Вѣдь ты счастлива теперь, моя крошка? Да?

— Ты не обвинишь меня, не будешь презирать за мое паденіе?—шептала она, робко ласкаясь къ нему.

— Маня, зачѣмъ эти горькія фразы? Развѣ я не понимаю твоего положенія? Развѣ ты виновата? Любовь сильнѣе разсудка. Нельзя же заставить человѣка весь вѣкъ добровольно дѣлать изъ своей жизни адъ. Твоя жизнь такъ не сладка. Нужна же и тебѣ хоть минута, если не счастія, то забытья... Бѣдная моя малютка!

Онъ говорилъ шопотомъ, стараясь успокоить ее, волнуясь въ свою очередь, въ какомъ-то чаду. Ея признаніе застало его врасплохъ. У него не было времени что-нибудь обсудить, обдумать... Она же говорила о счастіи, бла-

годарила его, смотрѣла блаженными глазами. По мѣрѣ того какъ прояснилось ея лицо подъ вліяніемъ его словъ и поцѣлуевъ, и у самого у него становилось все свѣтлѣе на душѣ. Давно не испытывалъ онъ такой полноты душевнаго довольства, какъ теперь, слушая ея нѣжныя рѣчи, ея шопотъ о счастіи. Онъ сознавалъ только одно то, что онъ внесъ лучъ свѣта въ безрадостную жизнь этой женщины-ребенка. И какъ мало нужно было для ея счастія — немного ласки, немного участія, немного нѣжности. Бѣдная, какъ пусто и безцвѣтно прошла вся ея юность. Всѣ остальныя соображенія ушли куда-то на послѣдній планъ, не смущали его въ эту минуту.

Весенній день уже близился къ концу, яркій свѣтъ солнца уже угасъ и начинались легкія, прозрачныя сумерки...

— А какъ же дома? — вдругъ съ испугомъ прошептала Марья Львовна, какъ бы очнувшись отъ сладкаго сна.

— Вѣдь тамъ же не знаютъ, когда кончилось засѣданіе,—также шопотомъ отвѣтилъ Шаховъ.—Хочешь, я поѣду съ тобой?

— Нѣтъ, нѣтъ!—торопливо отвѣтила она.—Не сегодня!.. Завтра, послѣ... Сегодня я не въ состояніи видѣть тебя тамъ... при нихъ... Я выдамъ себя...

Онъ еще разъ горячо обнялъ ее.

— Малютка моя!..

И опять шутливымъ тономъ прибавилъ, заглядывая ей въ глаза:

— Такъ сегодня нельзя?

— Нѣтъ, нѣтъ!—повторила она.

— Значитъ завтра?

— Да!

Она уже собиралась уйти, какъ вдругъ ее встревожила новая мысль:

— Но Авдотья... Ахъ, Боже мой, мы о ней и забыли!.. Вѣдь она уже вѣрно пришла домой... сказала, что дѣло кончилось... Господи!..

— Да, это правда! — согласился Шаховъ, спокойно, не волнуясь. — Въ такомъ случаѣ просто скажи, что заѣхала обѣдать ко мнѣ...

Онъ засмѣялся.

— Только ужъ дома не спрашивай обѣда... Мы о немъ и позабыли... О, непростительная вѣтренность!

Потомъ, принявъ снова серьезный тонъ, онъ добавилъ:

— Вообще, даже лучше не придумывать ничего, а такъ и сказать, что ты была у меня... И зачѣмъ ложь?.. Кажется, ты-то имѣешь право бывать у меня...

Онъ проводилъ ее до передней, заложивъ руки въ карманы панталонъ, принявъ такой видъ, какъ будто ничего не случилось особеннаго, посмотрѣлъ, какъ лакей надѣлъ ей калоши и ватерпруфъ, пожалъ ей еще разъ руку, крѣпко, по-братски, и кивнулъ головой:

— Кланяйся своимъ... Завтра заѣду къ вамъ...

Она, конфузливо глядя куда-то въ сторону, торопилась уйти.

— Бѣдняжка! — со вздохомъ прошепталъ Шаховъ, проводивъ ее.

Онъ вернулся въ свой кабинетъ, немного потянулся, легъ въ мягкую качалку, потеръ лобъ, точно стараясь придти въ себя, не вполнѣ отдавая себѣ отчетъ, какъ все это произошло, потомъ дотронулся до пуговки воздушнаго звонка и лѣниво проговорилъ явившемуся юношѣ-лакею:

— Чего-нибудь подай сюда, Гриша... Вина... сладкаго...

Онъ чувствовалъ себя въ какомъ-то полузабытьи, его охватывала истома, хотѣлось дремать, ни о чемъ не думать, качаясь на качалкѣ, глотая небольшими глотками вино, подслащая его чѣмъ-нибудь сладкимъ. Въ памяти проходили смутные образы — оправданный мальчишка, его мать, цѣлующая на-лету руки «отца-благодѣтеля», Марья Львовна, переходящая отъ слезъ къ блаженной улыбкѣ и тоже въ порывѣ благодарности ловящая его руку, подносящая ее къ своимъ губамъ.

— Ахъ, бѣдные люди, бѣдные люди! — съ тихимъ вздохомъ шепталъ онъ, забываясь сномъ.

III.

Марья Львовна ѣхала домой, охваченная обаяніемъ нѣжности Шахова, не думая ни о чемъ, кромѣ его. Для нея не существовало ни прошлаго, ни будущаго, ничего, кромѣ этого дня.

Въ какомъ-то чаду она подошла къ дверямъ своей квартиры, позвонила. Дверь открыла Оля.

— Мама, гдѣ ты пропадала?—послышался вопросъ.

Серпухова точно упала съ облаковъ на землю. Она растерялась и скороговоркой заговорила:

— Обѣдала... у Евгенія Александровича... у Жени... Проголодалась, онъ пригласилъ...

Дочь заторопилась вопросами:

— Ну, какъ онъ говорилъ? Хорошо, я думаю. О, онъ умѣетъ говорить! Ты, кажется, плакала, мама? Да, плакала? Сознайся!

Мать раздражилась:

— Не я одна плакала, всѣ плакали!

— Я знаю! — просто сказала дочь. — Авдотья говорила. Я даже пожалѣла, что я не поѣхала.

Марья Львовна какъ будто испугалась, точно дочь собиралась ѣхать въ судъ и помѣшать ей.

— Ты еще слишкомъ молода, чтобы ѣздить въ судъ, — быстро отвѣтила она. — И вовсе нечего тебѣ тамъ дѣлать.

Дочь засмѣялась.

— Да, теперь нечего уже дѣлать, когда процессъ кончился. Но въ другой разъ непремѣнно поѣду.

Марья Львовна ничего не отвѣтила и торопливо прошла въ свою спальню.

Оставшись одна, она прилегла на диванчикъ, не раздѣваясь, усталая, охваченная истомой, но вполнѣ счастливая и безмятежная. Даже вопросы Оли взволновали ее только на мгновеніе. Потомъ это волненіе тотчасъ же стихло, улеглось, и ее опять охватило ощущеніе блаженства. Ей было даже нѣсколько странно, что она такъ спокойна. Она перечитала въ жизни сотни романовъ и представляла себѣ чѣмъ-то ужаснымъ «паденіе» женщины. Теперь это казалось ей такъ просто: никакихъ угрызеній совѣсти, никакихъ раздирающихъ душу колебаній, никакихъ ужасовъ и страховъ. Ей вспомнились слова утѣшавшаго и успокаивавшаго ее Евгенія Александровича: «Все это въ книгахъ раздуваютъ въ драмы и трагедіи; дѣйствительная же жизнь проста; кто же не увлекался и не дѣлалъ ошибокъ въ жизни. Было бы лучше, если бы можно было избѣжать ихъ, но человѣкъ не всегда владѣетъ собой». Въ ея воображеніи воскресъ образъ Шахова, спокойный, ласковый, нѣжный; въ чертахъ его лица, въ выраженіи его глазъ не было ни колебаній, ни сомнѣній, ни боязни; онъ приласкалъ ее, какъ приласкалъ бы ребенка. Все въ его поведеніи казалось ей такъ естественно и просто; онъ и самъ говорилъ ей, что въ жизни все совершается такъ естественно и просто. Все это разсѣивало въ ней и безъ того слабые слѣды тревоги за совершенный проступокъ; все это заглушало и безъ того слабые укоры совѣсти. Она думала не о томъ, что она сдѣлала, а о томъ, когда и какъ бу-

детъ она встрѣчаться съ глазу на глазъ съ Евгеніемъ Александровичемъ. Лучше всего у него на квартирѣ — его квартира настоящій уголокъ рая: роскошь, уютность, просторъ, тишина.

— Мама, Евгеній Александровичъ будетъ у насъ сегодня!—спросила Серпухову черезъ дверь дочь.

Серпухова вздрогнула. Опять она, Оля!

— Нѣтъ, сегодня онъ не придетъ, — отрывисто отвѣтила мать.

Дочь еще разъ спросила:

— Ты навѣрное знаешь?

— Да говорятъ же тебѣ!

— Ну, такъ я пойду къ подругѣ, если онъ не будетъ. А то бы неловко, такъ какъ и папа, и Сеня ушли...

Оля пошла отъ дверей.

У Марьи Львовны тревожно забилось сердце. Дочь идетъ къ подругѣ, потому что Евгеній Александровичъ не пріѣдетъ; если бы онъ пріѣхалъ, она не пошла бы. Точно безъ нея ему нечего здѣсь и дѣлать. Неужели она точно влюблена въ него, разсчитываетъ на него? Что, если это такъ? А онъ? Не можетъ онъ любить ее, горбатую. «Ахъ, что я говорю, что я обманываю себя! — съ досадой воскликнула она. — Я-то знаю, что у нея скривленъ бокъ, что у нея одна нога короче другой, а другіе говорятъ, что у нея пикантная фигурка! И при томъ молода она, свѣжа, вызывающій видъ. Повѣсится сама на шею, тогда...» Она почти съ ужасомъ остановилась теперь на мысли, что «паденіе совершается такъ легко и просто». Что, если и Оля, какъ сама она, Марья Львовна, придетъ къ нему вымаливать любви? Что, если онъ не устоитъ? Оля—дѣвушка, отъ нея не отдѣлаться такъ, какъ можно отдѣлаться отъ замужней женщины. Эта мысль опять отозвалась болью въ сердцѣ Серпуховой. Отдѣлаться отъ замужней женщины! Неужели онъ будетъ стараться отдѣлаться отъ нея? Нѣтъ, нѣтъ! Да и она сама ничего не потребуетъ отъ него; не станетъ поперекъ его дороги. Она будетъ вѣчно, вѣчно благодарна ему и за ту долю любви и счастія, которую удѣлилъ онъ ей. Что же ему отдѣлываться отъ нея, когда онъ ничѣмъ не связанъ? И съ чего это идутъ въ голову такія мысли, когда она такъ счастлива, впервые въ жизни такъ счастлива. Это все изъ-за Оли; Оля всегда чѣмъ-нибудь огорчитъ ее, встревожитъ... Мысль о дочери только на минуту встревожила ее. Она опять начала думать о

Шаховѣ, о его красотѣ, о его нѣжности, какъ бы стараясь убаюкать себя. Ее охватила сладкая дремота—дремота набѣгавшагося и налазившагося ребенка. Смотря на нее теперь, никто бы не повѣрилъ, что эта женщина только-что обманула своего мужа, что эта женщина сошлась съ человѣкомъ, въ котораго, какъ ей казалось, влюблена ея дочь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Евгеній Александровичъ проспалъ въ своемъ роскошномъ кабинетѣ, лежа въ качалкѣ, болѣе двухъ часовъ. Это былъ сладкій, безмятежный сонъ здороваго человѣка. Когда слуга—красивый, щеголеватый юноша лѣтъ восемнадцати—сталъ его будить, напоминая ему, что онъ собирался ѣхать въ гости, онъ открылъ глаза и, слегка сладко потягиваясь, спросилъ мягкимъ и ласковымъ голосомъ:

— Развѣ пора, Гриша?

— Пора, Евгеній Александровичъ, — отвѣтилъ слуга. — Жаль было будить-съ, очень ужъ сладко спали.

— Да, утомился немного сегодня,—отвѣтилъ Шаховъ.— Пожалуй, лучше и не ѣхать никуда, а напиться чаю и на боковую. Затолкаешься еще больше на народѣ.

— Значитъ, и къ вамъ никого не принимать? — спросилъ лакей.

— Да, не принимать!..

— Такъ я, Евгеній Александровичъ, спущу занавѣси у оконъ, чтобы съ улицы не было видно свѣта. А то какъ разъ кто-нибудь на огонекъ зайдетъ. Покою вамъ нѣтъ. Все народъ, все народъ.

Юноша зажегъ лампу и пошелъ спускать у оконъ тяжелыя шелковыя занавѣси, заботливо соединяя ихъ вмѣстѣ, чтобы не оставить ни малѣйшей щелки, сквозь которую могъ бы проникнуть свѣтъ на улицу.

— Я вамъ и чай сюда подамъ, — продолжалъ онъ говорить, — чтобы вамъ не тревожиться. Да не затопить ли каминъ? Свѣжо у васъ что-то. Къ вечеру-то на улицѣ холоднѣе стало...

— Да, затопи, пожалуй!

— Рамы поторопились мы открыть...

Онъ сталъ на колѣни около камина и началъ чиркать

спичками о бока спичечницы. Шаховъ слѣдилъ съ мягкой улыбкой за его движеніями. Ему всегда доставляло удовольствіе сознаніе, что Григорій его любитъ, наивно разыгрывая роль заботливой няньки. Впрочемъ, кто же не любилъ Евгенія Александровича? «Прелестный ребенокъ», «прекрасный юноша», «очаровательный молодой человѣкъ», «добрый товарищъ», «нѣжный другъ», «сердечный человѣкъ», «ласковый баринъ», «человѣкъ-рубашка», всѣ эти и множество другихъ подобныхъ эпитетовъ прилагались въ жизни къ Евгенію Александровичу Шахову съ самой колыбели. Даже самые злые языки смолкали, когда разговоръ касался его, или подтверждали, что это точно «хорошій человѣкъ». Онъ самъ привыкъ сознавать это съ дѣтства и именно въ этомъ сознаніи видѣлъ лучшее наслажденіе въ жизни. Онъ вовсе не представлялъ себя въ своихъ глазахъ идеаломъ, но онъ былъ доволенъ тѣмъ, что онъ лучше многихъ изъ окружающихъ его. Никогда не испытывалъ онъ того, что называется упреками совѣсти, хотя порою онъ и высказывалъ мысли, говорившія, что онъ сознаетъ, что онъ могъ бы быть еще лучше. Это сознаніе вызывало въ душѣ элегическое настроеніе, и въ такія минуту онъ казался еще симпатичнѣе, охваченный мягкою грустью. Чаще всего его хвалили за его доброту. Онъ же постоянно сѣтовалъ слегка на то, что именно его доброта не заслуга.

— Мнѣ всегда было такъ легко не быть злымъ, — говорилъ онъ очень близкимъ людямъ.—Ни горя, ни нужды, ни враговъ, ничего этого не было у меня. Странно было бы сдѣлаться злымъ въ такихъ условіяхъ. И все же добрымъ человѣкомъ я не имѣю права себя считать. О, будь я вполнѣ добрымъ, не жилъ бы я въ довольствѣ!.. Истинная доброта послѣднюю рубашку отдастъ ближнимъ.

Это говорилось такимъ тономъ, какимъ послѣ хорошаго обѣда говорятъ настоящіе гастрономы о томъ, что бываютъ еще лучшіе обѣды. Это не порицаніе его, не признаніе его плохимъ, но подтвержденіе того факта, что на свѣтѣ нѣтъ ничего такого хорошаго, лучше чего и представить ничего нельзя. Друзья Шахова утѣшали его, что такая доброта, о какой онъ говоритъ есть подвижничество, что она есть уже исключительное явленіе, что, наконецъ, она едва ли даже плодотворна, такъ какъ, не спасая въ сущности никого, она доводитъ самаго добраго человѣка до сумы. Они и не подозрѣвали, что все это Шаховъ и самъ твердилъ себѣ не разъ, въ минуты легкаго недовольства собою, ища себѣ оправданій.

— Господа, все это софизмы, оправданія себѣ, подыскиваемыя нами, чтобы замаскировать свой эгоизмъ,—замѣчалъ онъ со вздохомъ утѣшавшимъ его друзьямъ.— Всѣ мы, такъ-называемые добрые люди, отдаемъ въ сущности только то, что не идетъ намъ самимъ въ горло. Мало того, наша доброта распространяется только на идущихъ къ намъ съ просьбой о помощи; мы сами не идемъ искать бѣдняковъ, униженныхъ и оскорбленныхъ; мы отзываемся на громкіе вопли, но не прислушиваемся чуткимъ ухомъ—не слыхать ли гдѣ-нибудь подавляемыхъ рыданій.

Въ его словахъ слышалась искренняя горечь, и близкіе люди, понимая справедливость его словъ, понимали въ то же время, что такія мысли можетъ высказывать только «хорошій человѣкъ». Всѣ знали, что онъ оказывалъ помощь какимъ-то бѣднымъ вдовамъ-старухамъ, что онъ давалъ стипендіи двумъ-тремъ студентамъ, курсисткамъ, что къ нему то и дѣло обращались за пособіемъ люди съ улицы. Вслѣдствіе этого на его сѣтованія о недостаткѣ въ немъ дѣятельной доброты, люди все же замѣчали ему съ улыбкой, что знаютъ они, какъ онъ не добръ: кто ни придетъ съ просьбой—всѣмъ онъ поможетъ; ему и выискивать бѣдняковъ не приходится, такъ какъ отъ нихъ и такъ отбою нѣтъ; однимъ этимъ приходящимъ сколько онъ передавалъ.

— Чтобы только отдѣлаться отъ жалобъ и слезъ!—добавлялъ онъ и даже немного раздражался, стараясь убѣдить всѣхъ, что это не доброта.—Просто баричъ я, не любящій непріятныхъ сценъ. Придутъ, хнычутъ, жалуются — ну, и даю, чтобы отвязаться отъ непріятнаго впечатлѣнія.

И онъ при этомъ полугрустно, полушутливо разсказывалъ, какъ какой-то проходимецъ ухитрился сдирать съ него ежемѣсячно десятка по два рублей, угрожая повѣситься съ голода.

— Зналъ я, что онъ дрянцо, а напишетъ, что онъ принужденъ повѣситься, ну, и начнетъ меня мутить: «а что если точно повѣсится? Да я потомъ всю жизнь буду мучиться упреками совѣсти, что человѣкъ лишилъ себя жизни, вслѣдствіе моего отказа дать ему двадцать рублей». И такъ пять мѣсяцевъ содержалъ я этого проходимца... Эхъ, господа, что это за доброта.

Въ его жизни было много такихъ случаевъ, и онъ не скрывалъ ихъ, не боялся повредить своей репутаціи хорошаго человѣка, разсказывая эти факты. Онъ сознавалъ, что лучше быть обманываемымъ, чѣмъ обманывающимъ...

Друзья молча удивлялись, чего онъ еще хочетъ отъ себя. Идти на распятіе, что ли, за людей? И безъ того когда-нибудь онъ разорится на другихъ. Въ этомъ они были убѣждены почти всѣ, такъ какъ изъ нихъ не было ни одного, не взявшаго у него хотя десятка рублей въ долгъ безъ отдачи. Впрочемъ, усиленныхъ возраженій съ ихъ стороны было и не нужно: Шахову хотѣлось бы быть добрѣе, но это вовсе не значило, что онъ считалъ себя злымъ человѣкомъ и страдалъ упреками совѣсти. Нѣтъ, онъ зналъ, что если онъ не представляетъ идеала доброты, то другіе еще менѣе подходятъ къ этому идеалу. Именно съ этой точки зрѣнія и ни съ какой больше смотрѣлъ онъ на всѣ поступки людей вообще и на свои въ особенности. Сравнивая себя съ окружающими людьми, онъ сознавалъ, что онъ лучше ихъ, и старался по силѣ возжности быть лучше ихъ. Въ этомъ сознаніи было его главное наслажденіе. Иногда, недовольный своими ошибками и проступками, онъ успокаивалъ себя мыслью: «а другіе-то развѣ то дѣлаютъ?» И ему вспоминалась жизнь этихъ другихъ, такихъ же свѣтскихъ молодыхъ людей, какъ и онъ. Ихъ закулисная жизнь была сплошною грязью облагороженныхъ насилій, грабежа, распутства. Иваны, не помнящіе родства, давно были бы сосланы въ мѣста не столь отдаленныя за половину тѣхъ продѣлокъ, которыя безнаказанно сходили съ рукъ этимъ джентльменамъ. Рѣдкій изъ не былъ достоинъ сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ. Онъ, Шаховъ, былъ чище этой грязи. Какъ неглупый человѣкъ, онъ ловилъ себя на словѣ и съ горечью говорилъ себѣ: «горжусь тѣмъ, что самъ немного чище грязи». Но это настроеніе смѣнялось другимъ: «что-жъ, не сравнивать же себя съ ecce homo, съ идеаломъ человѣка, съ несуществующимъ призракомъ». Это опять дѣйствовало на душу успокоительно. Сравненіе возможно только съ существующимъ; стараться быть лучше этого существующаго, вотъ все, чего можно требовать отъ человѣка. Снисходительный къ другимъ, онъ былъ снисходителенъ и къ себѣ.

Теперь, въ этотъ вечеръ, онъ особенно сильно ощущалъ приливъ благодушія. Легкое утомленіе, комнатное тепло, усердные хлопоты Гриши и пришедшей ему на помощь ключницы Аграфены Матвѣевны, потрескиваніе дровъ въ каминѣ, знакомая пѣсня самовара на столѣ — все располагало къ благодушію. Перекидываясь отдѣльными фразами съ старухой Аграфеной Матвѣевной и съ Гришей, Шаховъ

какъ-то невольно остановился на мысли, что ему было бы еще лучше, если бы тутъ въ его кабинетѣ была молодая жена и играли маленькія дѣти. Мечты о молодой любящей женѣ все чаще и чаще посѣщали его. Онъ чувствовалъ, что онъ будетъ хорошимъ семьяниномъ, мужемъ и отцомъ; это ему говорили и окружающіе, даже прислуга. Его манили картины мирнаго семейнаго счастія. Да, надо, наконецъ, обзавестись семьей, безъ нея жизнь не полна! Одиночество и въ золотой клѣткѣ все же одиночество, и самые преданные друзья и слуги не замѣнятъ любящей семьи. Вонъ какъ страдаетъ Маня, чувствуя себя одинокой; чувствуя, что у нея нѣтъ семьи. Мысль о Марьѣ Львовнѣ напомнила ему событія этого дня.

— Бѣдная, бѣдная женщина: она пришла, какъ нищій за подаяніемъ, за участіемъ, за сочувствіемъ, за лаской!— пронеслось въ его головѣ.

На минуту, охваченный тихой грустью, онъ закрылъ глаза, полный воспоминаній всѣхъ мелочей случившагося. Что сказали бы моралисты, если бы знали, что произошло здѣсь два-три часа тому назадъ? О, они обрушили бы на него громы упрековъ! Жалкіе люди — живутъ кабинетными теоріями, предъявляютъ жизни теоретическія требованія, не знаютъ, что жизнь сложнѣе теорій. Развѣ онъ могъ поступить иначе, оттолкнуть ее? Ему вспомнились разные герои русскихъ романовъ, читающіе съ легкой руки Онѣгина наставленія влюбленнымъ въ нихъ дѣвушкамъ. Что-жъ, они правы, передъ ними стояли дѣвушки неопытныя, не знающія жизни. А тутъ—какъ жалокъ и смѣшонъ,—нѣтъ, даже болѣе, какъ безсердеченъ и жестокъ показался бы онъ Марьѣ Львовнѣ, если бы онъ вмѣсто утѣшенія прочелъ ей проповѣдь нравственности... Было бы, можетъ-быть, лучше, если бы этого не случилось вовсе, если бы она не приходила къ нему вовсе, это безспорно; но разъ она пришла вымаливать его участія и ласки—онъ даже не могъ вспомнить, какъ и что говорилъ онъ ей, жалующейся, плачущей на его груди. Въ такихъ случаяхъ трудно, почти невозможно владѣть собою. И нужно ли тутъ вообще владѣть собою? Кого это спасаетъ, что поправляетъ? Цѣломудренные Іосифы всегда смѣшны, и никакія жены Пентефріевы не обращались ими на путь истины. Правда, ей, бѣдняжкѣ, будетъ, можетъ-быть, еще тяжелѣе послѣ, особенно, когда онъ женится. Но что же дѣлать — это должно неизбѣжно случиться. Не можетъ же онъ отдать ей всего своего бу-

дущаго. Да она и не потребуетъ отъ него этой жертвы. Ничего она отъ него не потребуетъ... Онъ вспомнилъ ея молящій видъ, ея робкія ласки, ея трогательную благодарность. Она, казалось, просила не его любви, а только позволенія любить его. Нищая, пришедшая за милостыней. Онъ опять повторялъ:

— Бѣдная, бѣдная женщина!

О ея мужѣ, о ея дѣтяхъ онъ даже и не думалъ. При чемъ были они тутъ? Ея паденіе,—если это можно назвать паденіемъ, — было похоже на минутную потерю сознанія: закружилась у человѣка голова, потемнѣло въ глазахъ, и что съ нимъ произошло, онъ и самъ не знаетъ. Шахову вспомнились разные преступники, Богъ знаетъ что творившіе въ минуты невмѣняемости; ихъ оправдывали самые строгіе присяжные засѣдатели. Серпухова и онъ пережили именно такой моментъ невмѣняемости. Теперь имъ нужно быть насторожѣ... Въ его головѣ мысли начинали развиваться все лѣнивѣе и лѣнивѣе. Сладкая лѣнь охватывала все его существо...

— Постель готова, Евгеній Александровичъ, — сказалъ Гриша, прерывая раздумье Шахова.

— А, хорошо!.. Спасибо!—проговорилъ очнувшійся Шаховъ, поднимаясь съ мѣста.

Онъ опять сладко потянулся и направился въ сопровожденіи Гриши въ свою спальню, чувствуя, что онъ уснетъ крѣпкимъ, здоровымъ сномъ...

II.

На слѣдующій день Евгеній Александровичъ завернулъ къ Серпуховымъ во время обѣда. День былъ воскресный, и вся семья была въ полномъ сборѣ. Лицо Марьи Львовны залилось яркимъ румянцемъ при появленіи Шахова. Это была краска стыда; казалось, молодой женщинѣ было стыдно теперь взглянуть на него при всѣхъ, точно всѣ окружающіе знали вчерашнее. Шаховъ, по обыкновенію привѣтливый и благодушный, былъ спокоенъ, смотрѣлъ ясно. Мужчина, молодой и красивый, вращающійся въ легкомысленномъ и распущенномъ обществѣ, онъ смотрѣлъ на эти мимолетныя связи легко, какъ на нѣчто заурядное и привычное. Пожимая руку Марьи Львовны, онъ, казалось, хотѣлъ ободрить ее этимъ дружескимъ рукопожатіемъ, какъ бы говоря ей: «не смущайся, милая; что же дѣлать, что такъ случилось; мало ли какія увлеченія бываютъ въ жизни».

Всѣ сейчасъ же заговорили о вчерашнемъ процессѣ. Оля съ полунасмѣшливой шутливостью замѣтила:

— А вы достигли вчера своей цѣли и замучили маму Маню своимъ краснорѣчіемъ.

Шаховъ хотѣлъ что-то возразить, но Оля поторопилась перебить его:

— Она пріѣхала домой усталая, разсердилась на меня за то, что я замѣтила ей, что она плакала, потомъ весь вечеръ не выходила изъ своей спальни.

Марья Львовна сидѣла, какъ на горячихъ угольяхъ. Опять ей казалось, что всѣ знаютъ то, что случилось наканунѣ. Она сознавала, что никто ничего не знаетъ; и все же ей казалось, что всѣ это знаютъ.

— И прекрасно сдѣлали, что надоѣли ей своимъ краснорѣчіемъ,— продолжала подтрунивать Оля:— по крайней мѣрѣ, не станетъ другой разъ навязываться къ вамъ съ такими дѣлами...

У Марьи Львовны блеснули на глазахъ слезы. Поискавъ что-то въ замѣшательствѣ на столѣ, она вышла торопливо изъ комнаты. Шахову стало сердечно жаль ее. Если бы ей, бѣдной, жилось лучше въ семьѣ, не увлеклась бы она такъ легко. Онъ мягко и задушевно замѣтилъ Олѣ:

— Оля, неужели вамъ доставляютъ удовольствіе эти вѣчныя шутки надъ мамой?

Она широко открыла глаза, задѣтая за живое сердечно высказаннымъ упрекомъ, и, не найдясь сразу, что отвѣтить, сказала задорно:

— Что это вы, Евгеній Александровичъ, опять, кажется, переходите со мной на ты?

— Простите,— ласково отвѣтилъ онъ: — я считаю себя настолько близкимъ ко всѣмъ вамъ, что постоянно сбиваюсь. Но дѣло не въ этомъ, Ольга Юрьевна. Вы же добрая дѣвушка, а слушая васъ, видя ваши отношенія къ вашей...

Онъ не кончилъ, такъ какъ вошла Марья Львовна. Шаховъ обратился къ Юрію Дмитріевичу:

— Я сначала шутя взялся за это дѣло, а когда поговорилъ съ обвиняемымъ, оно меня заинтересовало. Оно дало такой богатый матеріалъ для указанія на нашу бездомническую, бродяжническую, безсемейную жизнь въ низшихъ слояхъ столичнаго общества. Ничего святого, никакихъ привязанностей съ дѣтства, ни родного очага, ни родственныхъ связей, ничего нѣтъ!

И онъ сталъ горячо и увлекательно говорить объ этомъ

преступникѣ, бездомномъ, безсемейномъ, выросшемъ, такъ сказать, на улицѣ для улицы.

— Семья, братъ, и въ другихъ слояхъ общества распадается,—вставилъ лѣниво свое слово Юрій Дмитріевичъ.

— Да, это такъ; потому-то и нужно ее спасать теперь, болѣе чѣмъ когда-либо,—проговорилъ Шаховъ.—Сердца, не согрѣтыя любовью къ семьѣ, въ родительскомъ домѣ, никогда не могутъ обѣщать прочнаго счастья и своей будущей семьѣ, мужьямъ, женамъ, дѣтямъ. Это что-то въ родѣ кукушекъ: они сознаютъ, что они высижены въ чужихъ гнѣздахъ; они бросаютъ и свои яйца въ чужія же гнѣзда.

Юрій Дмитріевичъ лѣниво проговорилъ:

— Духъ времени, братъ! Ничего тутъ не подѣлаешь! Попробуй прать противъ рожна, стѣну лбомъ прошибать...

— А ты думаешь, лучше ничего не дѣлать?—горячо спросилъ Шаховъ и прибавилъ: — Впрочемъ, ты, можетъ-быть, и имѣешь право равнодушно смотрѣть на дѣло: у тебя есть уже семья. Что же касается меня, то я страшно озабоченъ этимъ вопросомъ: мнѣ-то вѣдь придется создать еще себѣ семью и было бы горько, если бъ пришлось обмануться, вмѣсто семьи устроить въ домѣ облагороженный танцъ-классъ, клубъ, кабакъ.

— Ужъ ты не задумалъ ли жениться?—спросилъ Серпуховъ.

— Я объ этомъ никогда не переставалъ думать,—отвѣтилъ Шаховъ.—Очень ужъ пусто въ домѣ.

Марью Львовну точно что-то кольнуло въ самое сердце.

— Вамъ хорошо, за васъ всякая пойдетъ,—разсудительно замѣтилъ Сеня.—Богаты, имя есть.

Евгеній Александровичъ обернулся къ нему.

— Нѣтъ, Сеня, это не облегчаетъ, а затрудняетъ выборъ: бѣднякъ и безъ имени легче можетъ убѣдиться въ томъ, любятъ его или нѣтъ. Мнѣ же нужно очень хорошо узнать душевныя качества дѣвушки, чтобы быть увѣреннымъ въ искренности ея любви. Вотъ погоди, когда наживешь самъ и деньги, и имя, тогда то же скажешь, что и я.

Онъ потрепалъ юношу по плечу.

— А теперь, Сеня, тебѣ лучше и не разсуждать объ этихъ вопросахъ притворства и лжи, расчетовъ и соображеній, примѣшиваемыхъ къ любви. Юность должна чувствовать только поэзію любви, помнить, какъ говорится у поэта: «люби меня безъ думъ, безъ размышленій». Да кромѣ того тебѣ и вообще рано думать объ этихъ предметахъ.

И, впадая въ совершенно шутливый тонъ, онъ прибавилъ:

— Но ты не сердишься на меня, что я тебя зову все Сеней, а не Семеномъ Юрьевичемъ.

Сеня вспыхнулъ:

— Я очень радъ!

Шаховъ ласково замѣтилъ:

— Мы вотъ выпьемъ когда-нибудь брудершафтъ. Да?

Сеня кивнулъ головой съ улыбкой радости на лицѣ. Евгеній Александровичъ даже не замѣтилъ, что Оля сидѣла все время молча, какъ въ воду опущенная. Онъ упрекнулъ ее за то, что она подшучиваетъ надъ матерью, а потомъ заговорилъ о негодности людей, не чувствующихъ привязанности къ родителямъ. Это былъ намекъ въ ея сторону. Плохія дѣти не могутъ быть хорошими родителями. Неужели онъ именно такого мнѣнія о ней? О, онъ жестоко ошибается, если думаетъ, что она вовсе не любитъ матери. Она такъ легко относится къ матери, просто потому, что мама Маня сама не умѣла поставить себя. Молодая дѣвушка мысленно старалась оправдать себя за свои отношенія къ матери... Шаховъ, между тѣмъ, заговорилъ, что погода сегодня превосходная, хорошо бы прокатиться послѣ обѣда на острова. Кстати, гдѣ будутъ жить лѣтомъ Серпуховы? На островахъ или думаютъ забраться куда подальше? Сеня небрежно воскликнулъ:

— Ну, ужъ что это за дачи — острова! Этакъ и въ Гавань можно переселиться и сказать, что живешь на дачѣ. Вонъ разсказываютъ анекдотъ, что одинъ чиновникъ на садкѣ жилъ и говорилъ, что живетъ на дачѣ.

— Видишь, какой критиканъ!—сказалъ съ ироніей Юрій Дмитріевичъ и подшутилъ надъ Олей: — А она вонъ такъ даже скажетъ, что и неприлично жить на островахъ, если нѣтъ своей собственной дачи и своихъ лошадей.

Онъ засмѣялся и махнулъ рукой:

— Ну, да мнѣ что! Гдѣ хотятъ, тамъ и поселятся. Я, по обыкновенію, въ Питерѣ буду...

— Одинъ?—спросилъ Шаховъ.

— Не привыкать стать!

И снова подшучивая, онъ иронически-серьезно продолжалъ:

— Иначе и нельзя: дѣти занимаются всю зиму, нужно имъ и подышать чистымъ воздухомъ послѣ усиленныхъ занятій и утомительныхъ уроковъ; острова же то же болото;

это и дачей нельзя назвать. Ну, а мнѣ,—видишь, какой я слонъ,—мнѣ на что дача? Мнѣ и здѣсь хорошо. Развѣ какой-нибудь маленькій катаръ отъ кухмистерской кухни наживу.

— Ну да, подшучивай,—серьезно замѣтилъ Шаховъ.—Сегодня маленькій катаръ, а завтра большой параличъ.

— Что-жъ, въ животѣ и смерти Богъ воленъ,—проговорилъ Серпуховъ.

— Ну, когда семья на рукахъ — съ жизнью шутить не приходится,—сказалъ Евгеній Александровичъ и спросилъ:—Отпускъ думаешь получить?

— Нѣтъ, дѣла лѣтомъ у насъ по горло. Хочешь получать хорошій окладъ, такъ и тяни хорошо свою лямку.

Онъ усмѣхнулся.

— Мнѣ, знаешь, иногда даже смѣшно смотрѣть на себя,—продолжалъ онъ.—Ужъ я ли не байбакъ, не лѣнтяй, а работаю, какъ волъ. Впрочемъ, говорятъ, что и волы лѣнивы по натурѣ, а запрягутъ ихъ — самому ретивому коню не наработать столько, сколько они наработаютъ. Иногда только такъ тошно становится, что не смотрѣлъ бы на эту проклятую бухгалтерію...

И опять подшучивая и глумясь, онъ прибавилъ:

— Еще хорошо, что запить не могу съ горя и усталости. Вонъ Оля разъ и то замѣтила, что я долженъ себя беречь для нихъ. Это я, знаешь, кутнулъ, наработавшись до одуренія. Хорошо, что хоть кто-нибудь воздерживаетъ...

Лицо Оли покрылось яркимъ румянцемъ и, сердясь на отца и въ то же время желая оправдаться, она заговорила:

— Тебѣ же это вредно... Я для тебя... Работаешь весь день и еще не спишь ночи...

— Да я развѣ упрекаю тебя, голубчикъ!—перебилъ ее Юрій Дмитріевичъ своимъ обычнымъ тономъ.—Я вѣдь знаю, что ты изъ участія ко мнѣ. Я потому и говорю, что хорошо, когда хоть кто-нибудь удерживаетъ человѣка отъ кутежей. А то что бы было: день-денской гнетъ человѣка горбъ надъ работой, да еще послѣ веселиться желаетъ. Нѣтъ, ужъ нужно что-нибудь одно...

Оля стиснула зубы, охваченная раздраженіемъ противъ отца. Шаховъ поторопился напомнить о хорошей погодѣ и прогулкѣ на острова. Но именно въ этой торопливости Оля угадала желаніе замять непріятный разговоръ. Въ го-

лѣвѣ ея проносились мысли: «что онъ обо мнѣ думаетъ теперь? Подшучиваю надъ матерью, читаю нравоученія отцу за то, что онъ ищетъ развлеченій послѣ тяжелой работы?» И вдругъ ей стало досадно на себя за то, что она остановила Шахова, когда онъ назвалъ ее по-старому Олей. Зачѣмъ? Ей было бы легче говорить съ нимъ откровенно, по-родственному, дружески, если бы онъ продолжалъ называть ее Олей, а не Ольгой Юрьевной. Взрослую церемонную барышню вздумалось разыгрывать, а это только охладило отношенія. Она думала и даже не замѣтила того, что Глашу уже послали за коляской.

— Что же ты не одѣваешься?—спросилъ ее братъ.— Не станутъ же всѣ тебя ждать, когда пріѣдетъ коляска.

Она очнулась.

— Развѣ мы ѣдемъ?—спросила она.

— А ты гдѣ была, что не слыхала? Или ѣхать не желаешь?

Ей внезапно пришло въ голову, что вѣроятно Евгеній Александровичъ смотритъ на нее, какъ на пустую дѣвчонку, у которой на умѣ только удовольствія и больше ничего. Что — если она откажется отъ прогулки? Какъ онъ отнесется къ этому? Какое-то непонятное ей самой чувство задора подталкивало ее отказаться отъ прогулки. Она рѣшительно подняла голову и сказала брату:

— У меня много занятій: я не поѣду...

Она искоса бросила взглядъ на Шахова. Онъ, вовсе не думавшій все это время о ней, обернулся къ ней съ выраженіемъ участія.

— Вѣрно, завтра экзаменъ?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣтила она, краснѣя.

Никакого экзамена на завтра у нея не было.

— Ну, тутъ ничего не подѣлать,—проговорилъ онъ и съ обычною ласковостью прибавилъ: — Приходится слѣдовать пословицѣ: люби кататься, люби и саночки возить.

И тутъ же онъ началъ разспрашивать ее, скоро ли кончатся экзамены, много ли ей еще придется заниматься. У нея чуть не навернулись слезы отъ этихъ участливыхъ вопросовъ. Она капризничаетъ, а онъ такъ сердечно относится къ ней! И съ чего это ей пришло въ голову отказаться отъ прогулки? Теперь она сама не понимала причины своего каприза.

—Да не вѣрьте вы ей!—вдругъ выпалилъ Сеня.— Просто мы надулись...

Шаховъ вопросительно взглянулъ на нее. Она почти со слезами, вся зарумянившаяся отъ гнѣва на брата, перебила его:

— Что съ тобой? Ты съ ума сошелъ!

— Ахъ, эти дѣвчонки, эти дѣвчонки!—пренебрежительно воскликнулъ гимназистъ, вздергивая плечи и натягивая бѣлыя перчатки. — Ихъ и не поймешь! Придетъ блажь въ голову—сейчасъ и дуться...

— Ты лжешь! ты лжешь! — загорячилась молодая дѣвушка.

— Да не кричи, я не испугаюсь,—отвѣтилъ братъ.

Шаховъ, ничего не понимая, остановилъ его:

— Полно, Сеня! Что за охота вѣчно дразнить сестру? Неужели такъ пріятны эти ссоры?

И благодушно прибавилъ:

— Погоди, будетъ время, когда узнаешь, какое счастіе имѣть сестру и знать, что она тебя любитъ... Родныхъ, братъ, никакіе пріятели не замѣнятъ...

Глаша доложила, что коляска пріѣхала. Всѣ ужъ были готовы. Юрій Дмитріевичъ и Марья Львовна удивились, узнавъ, что Оля не ѣдетъ съ ними. Отецъ не могъ не подшутить:

— О, она у насъ разсудительный человѣкъ: ни для какихъ пустяковъ не броситъ серьезнаго дѣла. Выработанный характеръ!

— Что-жъ, это и хорошо,—серьезно сказалъ Шаховъ.— Гулянья не уйдутъ, а экзамена не отложить въ дальній ящикъ.

Сеня не выдержалъ и фыркнулъ. Его очень забавляло, что сестра раскапризничилась съ чего-то и наказала сама себя.

— Желаю тебѣ вызубрить все къ завтрашнему экзамену,— проговорилъ онъ, дѣлая гримасу Олѣ.

Евгеній Александровичъ дружески пожалъ ей руку. Она съ опущенной головой, смущенная, осталась стоять на серединѣ комнаты. Двери залы затворились, раздались шаги въ передней, послѣдовало хлопанье дверей, въ комнату вбѣжала Глаша съ возгласомъ:

— А васъ и не взяли, барышня? Мѣсто вѣдь было въ коляскѣ... Четырехмѣстная...

Оля очнулась вся въ слезахъ.

— Я сама не поѣхала,—отрывисто отвѣтила она, отворотившись въ сторону.

III.

Оля сидѣла у окна своей комнатки, то и дѣло отирая слезы и сморкаясь. Она почти никогда не плакала, и ей было крайне досадно на себя за то, что въ настоящую минуту она не находила въ себѣ силъ совладать съ собою. Она старалась, ни о чемъ не думая, смотрѣть въ окно, на эти крыши, возвышавшіяся на другой сторонѣ двора, на голубей, бродившихъ по этимъ крышамъ, на облака, бѣгущія по небу, но все это не останавливало на себя ея вниманія, и думы, странныя, новыя для нея думы, толпились въ головѣ. Она была еще вполнѣ дѣвочка, не совсѣмъ сформировавшаяся, съ неустоявшимся характеромъ. Играть роль большой, своевольничать, свысока относиться къ матери, къ отцу, капризничать изъ-за пустяковъ, все это усвоилось ею давно, благо все это позволялось дома. Но все это не вошло въ плоть и въ кровь и, можетъ-быть, не вошло именно потому, что дома жилось вовсе не дурно. Если баловать дѣтей и потакать имъ во всемъ далеко не безопасно, то все же и въ этой системѣ воспитанія есть своя хорошая сторона: при ней дѣти рѣдко выходятъ злыми и ожесточенными, хотя это и не мѣшаетъ имъ дѣлаться своевольными и своенравными, часто очень эгоистичными существами, рѣзкими и грубыми на видъ. Именно такой дѣвочкой была Оля. Капризы, дерзкія выходки, упорное стремленіе поставить на своемъ, все это ежеминутно проявлялось въ ея поведеніи. Иногда она топала ногами, сжимала кулаки, рвала зубами носовые платки въ минуты капризныхъ вспышекъ, но, не встрѣчая сопротивленій, она быстро утихала, и эти вспышки не превращались въ озлобленіе. Когда же она начала считать себя взрослой и серьезничать, ея выходки приняли иной характеръ—характеръ нестерпимой непогрѣшимости. Съ напускной холодностью и величавостью царицы она говорила: «это должно такъ быть», «я такъ хочу». Нельзя было безъ улыбки смотрѣть на это со стороны, но имѣвшіе съ дѣвочкой дѣло выходили отъ этого тона изъ терпѣнія. Все это нерѣдко заставляло Марью Львовну плакать, дуться или браниться съ дочерью, какъ бранятся дѣвочки: «а вотъ будетъ по-моему», «а вотъ не будетъ», «а вотъ будетъ». Когда онѣ такъ спорили между собою, ихъ обѣихъ хотѣлось поставить въ уголъ. Верхъ въ спорахъ обыкновенно брала Оля. Она вообще умѣла командовать и укро-

щать непокорныхъ. Отецъ—тотъ даже и не протестовалъ, когда она требовала чего-нибудь, а просто оставлялъ дочь хоть на головѣ ходить, и только иногда подшучивалъ: «ужъ не папой ли римскимъ хочешь быть, тотъ вѣдь непогрѣшимъ». Мать не стремилась, отецъ не удосуживался поискать, нѣтъ ли у дочери подъ этой оболочкой своенравія любящаго сердца. Впрочемъ, это нисколько не огорчало Олю, и она совершенно равнодушно выслушивала изъ устъ матери эпитеты: «капризная дѣвчонка», «злая дѣвчонка», «безсердечная дѣвчонка», точно въ этихъ названіяхъ не было ровно ничего обиднаго. И вдругъ теперь въ ея сердцѣ отозвалось болью все, что ей пришлось выслушать и перечувствовать въ этотъ день.

Шаховъ удивился, что она, будучи доброй, находитъ удовольствіе дразнить мать. Отецъ при Шаховѣ разсказалъ, что она посовѣтовала ему не кутить и беречь себя для дѣтей, тогда какъ ни разу она не позаботилась о томъ, что онъ черезъ силу работаетъ, ради удобствъ этихъ же дѣтей. Ей пришла капризная фантазія отказаться отъ прогулки подъ предлогомъ экзаменовъ, а братъ обличилъ передъ Шаховымъ, что экзамена у нея никакого нѣтъ, и что это просто ея капризъ, что она обозлилась и надулась на ласковое замѣчаніе Шахова... Съ братомъ она просто погрызлась при Шаховѣ, какъ кухарка... Что подумаетъ о ней Шаховъ? Онъ такой мягкій, снисходительный, добрый, какъ противна должна ему казаться злость въ человѣкѣ. Онъ будетъ презирать ее, Олю, вообразивъ, что и точно у нея нѣтъ ни души, ни сердца. Это все потому, что отецъ и мать не умѣли ее воспитывать, не умѣли держать себя съ дѣтьми: мать, точно дѣвочка, плакала, дулась и грызлась зубъ за зубъ съ дѣтьми; отецъ подтрунивалъ только надъ дѣтьми. Вотъ и сдѣлали изъ дѣтей нравственныхъ уродовъ. Эти мысли пробудили въ ней гнѣвъ, она заходила по комнатѣ, теребя свой носовой платокъ, стискивая зубы и сжимая кулаки. Это имъ не пройдетъ даромъ, она имъ все выскажетъ, она сдѣлаетъ имъ сцену. И отцу, и матери! О, они еще увидятъ, что значитъ раздражать ее!.. Что-то они отвѣтятъ? И она начала представлять себѣ, что они отвѣтятъ. Мать расплачется, отецъ махнетъ рукой и скажетъ: «ты бы выпила воды — это успокаиваетъ». А что если они скажутъ не это, а крикнутъ: «молчать!» или «вонъ отъ насъ!» Она внезапно остановилась, пораженная новою, никогда не приходившею ей въ голову мыслью. «Вѣдь бы-

ваютъ и такіе отцы и матери». Мало ли что бываетъ! Это нравственные уроды. Отцы и матери обязаны кормить и воспитывать дѣтей. Да, да, обязаны! Нажили дѣтей и обязаны кормить и воспитывать ихъ. Она еще пробовала храбриться, но въ душѣ былъ уже какой-то упадокъ энергіи. Въ воспоминаніи проходили образы другихъ родителей, которые кормили и воспитывали дѣтей, но у которыхъ дѣти пикнуть не смѣли. Откуда-то въ памяти воскресъ разсказъ одной дѣвочки, что ее сѣкли до десяти лѣтъ и каждый разъ послѣ сѣченья заставляли цѣловать сначала розгу, а потомъ руки у отца и матери. Тираны! тираны! Да если бы съ ней сдѣлали когда нибудь что-нибудь подобное,—она убѣжала бы, утопилась бы!.. Она, взволнованная, возбужденная, опять присѣла къ окну и разрыдалась. Въ ушахъ точно удары молота раздавались слова Шахова: «неужели вамъ доставляютъ удовольствіе шутки надъ матерью» и слова отца о томъ, что онъ работаетъ, какъ волъ... Нравственнымъ уродомъ считаетъ ее теперь Шаховъ! «Ну, и пускай считаетъ, пускай считаетъ! Она и есть физическій и нравственный уродъ! Пусть всѣ, всѣ это знаютъ! Переродиться нельзя! Да, да, нельзя! Какая есть, такой и останется!» Ее душили истерическія рыданія. Чисто по-дѣтски она думала, что все уже непоправимо, что никогда не исправятся ея отношенія къ семьѣ, что никогда Шаховъ не перемѣнитъ о ней мнѣнія.

Измученная, обезсиленная, она прилегла на постель и, всхлипывая, забылась мало-по-малу сномъ.

IV.

Серпуховы и Шаховъ вернулись съ прогулки въ восемь часовъ и одновременно съ ними къ Серпуховымъ завернули двое знакомыхъ. Въ воскресенья, по вечерамъ, у Серпуховыхъ обыкновенно собирался кружокъ пріятелей и друзей.

Олю разбудила Глаша, сказавъ ей, что собрались гости. Молодая дѣвушка не сразу очнулась отъ тяжелаго сна. Она подошла къ зеркалу, чтобы пригладить волосы, и увидала, что ея глаза еще красны отъ слезъ. Она торопливо стала умываться. Она любила, когда къ нимъ собирались гости, такъ какъ она недурно играла, умѣла болтать обо всемъ съ бойкостью дѣвочки, считающей себя умной и начитанной, привыкшей съ дѣтства вмѣшиваться въ разговоры взрослыхъ и городить всякій вздоръ, считая его за нѣчто глубокомысленное; но теперь она была бы рада

спрятаться отъ гостей, отъ Шахова, отъ отца, матери и брата. Совершенно незнакомое чувство охватило ее. Ей было стыдно. Именно этого чувства она не знала никогда, — самоувѣренная, она всегда была убѣждена, что всѣ ея поступки, всѣ ея фразы, всѣ ея остроты — превосходны. Это была храбрость избалованной и еще совершенно неопытной дѣвочки, не подозрѣвавшей даже, что она по временамъ, очень часто, дѣлаетъ и говоритъ глупости; но незнакомые могли счесть эту храбрость за безстыдство, беззастѣнчивость и наглость. Эта храбрость вдругъ исчезла въ ней. Теперь ей казалось, что все то, что она передумала въ этотъ день о себѣ, давнымъ-давно ясно уже всѣмъ другимъ. Она щеголяла передъ людьми своей нѣсколько укороченной ногой и своимъ чуть-чуть кривымъ бокомъ, очень весело говоря всѣмъ: «я, вѣдь, уродъ» и сознавая при этомъ въ душѣ, что она очень пикантна со своимъ уродствомъ, что будучи такимъ уродомъ, можно вскружить не одну голову. Теперь впервые ей пришло на умъ, что люди дѣйствительно видятъ въ ней урода, но урода нравственнаго, дочь безъ сердца, дочь, платящую глумленіемъ безпомощно слабой матери, дочь, совѣтующую отцу не развлекаться послѣ труда, чтобы у него подольше хватило силъ тянуть для дѣтей тяжелую лямку. Это нравственное уродство, конечно, ясно всѣмъ, знакомымъ, отцу, матери, Шахову. Она какъ будто взглянула въ первый разъ на себя со стороны. Но вѣдь другіе-то давно смотрятъ на нее со стороны... «И Сеня еще станетъ подшучивать», пронеслось въ ея головѣ. Она дорого бы дала, чтобы хоть его не было теперь дома.

Она вошла въ гостиную какъ-то незамѣтно, боясь насмѣшекъ брата. Но его не было въ гостиной, когда она вошла туда. Гости и хозяева были заняты разговоромъ о вчерашнемъ процессѣ. Оля поздоровалась со всѣми и сѣла немного поодаль, взявъ со стола альбомъ и начавъ пересматривать карточки. Ей хотѣлось, чтобы на нее не обращали вниманія, чтобы съ ней не говорили сегодня. Къ ея счастію, бесѣда шла очень оживленная и, какъ это всегда бывало у Серпуховыхъ, вертѣлась около разныхъ «проклятыхъ» вопросовъ.

— Это дѣло что, пустяки!—горячился кто-то изъ гостей.— Подрались мальчишки, одинъ пырнулъ другого въ бокъ— вотъ и все. Нѣтъ-съ, а вы читали ли процессъ отца, убившаго сына. Это фактъ замѣчательный. Отецъ—крестьянинъ,

скромный, непьющій, смирный, работящій; сынъ—пьяница, гуляка, изъ современныхъ пакостниковъ. Онъ все дѣлалъ, чтобы насолить отцу за то, что тотъ попрекалъ его за дурное поведеніе, стараясь наставить его на путь истины. Въ концѣ концовъ онъ сталъ отбивать у отца работу, чтобы только досадить отцу. Бралъ гроши за трудъ, сбивалъ цѣну и отецъ оставался безъ работы, несмотря на все свое трудолюбіе, на все свое умѣнье. Наконецъ, старикъ не выдержалъ и убилъ его. Каковы отношенія? И гдѣ же?... Въ простомъ народѣ, въ деревнѣ!

— Что-жъ, нравственные уроды были и будутъ всегда,— замѣтилъ Шаховъ.—Это ничего не доказываетъ...

Разсказчикъ загорячился:

— Нѣтъ-съ, это знаменіе времени. Нравственность наша находится въ страшномъ положеніи. Человѣкъ-пакостникъ народился. Всѣ разнуздались, палки нѣтъ.

— А вы думаете, палка помогла бы? — съ усмѣшкой спросилъ Шаховъ.

— Помогла бы, да-съ! Да я бы такого-то сына не только что палкой, я бы его въ каторгу упекъ, я бы его...

Говорившій даже захлебнулся отъ волненія, не зная, куда еще упечь такого сына.

— Вы бы убили его? — спросилъ съ легкой усмѣшкой Шаховъ. — Но вѣдь это и его отецъ сдѣлалъ. Очень ужъ это радикальныя мѣры, только, къ сожалѣнію, не ведутъ онѣ ни къ чему.

«Съ чего это они опять объ отцахъ и дѣтяхъ разговорились?» — мелькнуло въ головѣ Оли. Впрочемъ, что же она удивляется. Развѣ у нихъ въ домѣ не говорилось объ этомъ постоянно? Но почему чаще всего говорятъ именно объ этомъ? О, она теперь знаетъ почему! Объ этомъ говорилось потому, что всѣ понимаютъ ея отношенія къ отцу и матери. Да, да, всѣ понимаютъ и всѣ стоятъ на сторонѣ отца и матери. Да какъ же и не стоять на ихъ сторонѣ? Въ сущности трудно сыскать болѣе снисходительныхъ людей, чѣмъ ея отецъ и мать, — главное, отецъ; онъ слова рѣзкаго не сказалъ никогда дѣтямъ, затягивается для нихъ въ работѣ, а они...

— Ну, приготовилась къ экзамену? — неожиданно раздался надъ ухомъ Оли нестерпимо насмѣшливый вопросъ брата.

Она вспыхнула и, стиснувъ его руку, снова охваченная приливомъ гнѣва, прошептала:

— Замолчи!

— Ахъ, все еще изволите капризничать! — со смѣхомъ произнесъ онъ.—Правду Евгеній Александровичъ сказалъ, что лучше тебя не трогать.

— А! Вы обо мнѣ всю дорогу говорили! Обо мнѣ! По косточкамъ меня разобрали!—гнѣвно прошептала Оля.

— Интересно очень о тебѣ говорить!—съ гримасой отвѣтилъ братъ, намѣреваясь отойти отъ нея.

Она съ силой удержала его за руку.

— Нѣтъ, ты не уйдешь, ты не уйдешь! Говори, что вы говорили обо мнѣ! — она встала и повлекла его въ другой конецъ комнаты. — Говори! Жаловались всѣ на меня, ты, мать, отецъ...

— Станетъ нашъ Юрій Дмитріевичъ жаловаться! — пренебрежительно отвѣтилъ братъ.—Просто сказалъ мнѣ Евгеній Александровичъ, зачѣмъ я пристаю къ тебѣ, вотъ и все. Понялъ, видно, что ты злючка.

— А ты и обрадовался, началъ сплетничать! Мама тоже захныкала. Папа сейчасъ: «что-жъ, извѣстно, господа-дѣти». Вы всѣ, всѣ рады Богъ знаетъ что про меня сказать!

Она задыхалась отъ гнѣва. Казалось, она могла бы ударить человѣка въ эту минуту. Братъ точно холодной водой ее облилъ, сказавъ:

— Вотъ бы теперь показать тебя Евгенію Александровичу: все лицо даже перекосило отъ злости! Хороша барышня!

Она безпомощно выпустила его руку, точно онъ ее ударилъ. Братъ продолжалъ убійственно-небрежнымъ, наставительнымъ тономъ:

— Ужъ быть тебѣ старой дѣвкой! Тѣ всѣ такіе аспиды. Шипѣть только и умѣютъ. Нѣтъ, ужъ это Евгеній Александровичъ напрасно говорилъ, что у тебя, вѣроятно, доброе сердце, а что только вспыльчивый характеръ. Дудки! Самъ онъ добръ, такъ по себѣ и о другихъ судитъ. Вотъ что. Нашелъ гдѣ искать доброе сердце!

Оля опять точно обезсилила и, не слушая брата, вся въ слезахъ пошла изъ залы. У нея кружилась голова, все какъ бы вертѣлось передъ глазами. Въ коридорѣ она столкнулась съ отцомъ. Онъ увидалъ, что она плачетъ, и удивился. Никогда онъ не видалъ ее плачущею съ той поры, какъ она начала считать себя взрослою. Ея слезы были слишкомъ необычайнымъ явленіемъ, чтобы не вызвать его удивленія. Онъ спросилъ ее мелькомъ:

— Что случилось, Оля?

Она растерялась и пробормотала:

— Нездорова... худо...

— Нездорова? Такъ надо за докторомъ...

Онъ повернулся, нѣсколько озабоченный, назадъ.

— Я сейчасъ пошлю...

Она остановила его съ испугомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ... не надо... Это такъ... пройдетъ...

— Ну, да, пройдетъ... Съ здоровьемъ шутить нельзя... То-то ты давеча и не поѣхала съ нами.

Онъ неуклюже, неловко положилъ ей на лобъ широкою ладонью свою крупную руку.

— Головка болитъ? Да? Точно, горяча.

Онъ совсѣмъ не умѣлъ говорить со своими дѣтьми, стѣсняясь съ ними, какъ чужой. Тѣмъ не менѣе, его лицо было озабочено, и въ неуклюжемъ ощупываніи головы дочери была ласка.

— Пройдетъ, папа, пройдетъ... Не заботься, голубчикъ!— проговорила Оля и, всхлипывая, вытащила изъ кармана платокъ и начала отирать слезы и сморкаться.

Юрій Дмитріевичъ совсѣмъ растерялся и, не зная, что дѣлать, какъ нужно поступить въ данномъ случаѣ, взялъ дочь за плечи.

— Я тебя вотъ доведу... Ахъ, ты Боже мой... Съ чего это...

Ему уже казалось, что она шатается и не можетъ идти. Онъ придерживалъ ее и велъ въ ея комнату.

— Ты сядь, ты сядь... Гдѣ у тебя свѣчка? А вотъ она...

Онъ усадилъ дочь, зажегъ свѣчу, торопясь и толкаясь въ комнатѣ, не зная все еще, что нужно дѣлать. Зачѣмъ-то онъ подошелъ къ постели и сталъ откидывать одѣяло и простыню, неловко, неумѣло. Потомъ, точно что-то вспомнивъ и сообразивъ, онъ проговорилъ:

— Тебя раздѣть надо. Я сейчасъ кликну Глашу и маму... И какъ на грѣхъ тутъ еще гости, чортъ бы ихъ всѣхъ побралъ!

— Не зови, не зови никого!.. Не говори никому! —испуганно проговорила она.— Прошу тебя, папа, не заботься... И стоитъ ли... стоитъ ли изъ-за меня...

Онъ въ недоумѣніи остановился при послѣднихъ ея словахъ. Она, рыдая, начала сбивчиво бранить себя. Злая, дурная она, неблагодарная. Для нея работаютъ, ее балуютъ, а она только злится, капризничаетъ. Правду говоритъ, что она нравственный уродъ. Кто это про нее говорилъ?—этого

она и сама не знала. Вообще она плохо сознавала, что срывалось у нея теперь съ языка. Но это были горькія слова упрековъ себѣ. Это былъ тотъ же припадокъ каприза, но она уже капризничала противъ самой себя. Лицо Серпухова, круглое, обрюзгшее, точно осунулось отъ этихъ словъ. Окончательно растерявшійся, онъ былъ теперь увѣренъ вполнѣ, что у его дочери начинается тифъ. Это ясно доказывалось ея бредомъ. Этотъ крупный человѣкъ, охваченный страхомъ, походилъ теперь на мокрую курицу. Онъ подошелъ къ дочери и какимъ-то жалкимъ тономъ прошепталъ:

— Дѣточка... что же это... опомнись!

Онъ былъ и смѣшонъ, и жалокъ, и трогателенъ въ роли неумѣлаго отца, успокаивающаго дочь. Что она говорила ему, что онъ говорилъ ей — это оба они плохо сознавали. Но говорили они долго и много, нѣсколько разъ онъ подносилъ къ своимъ губамъ ея руку, а она цѣловала его руку. Она въ первый разъ въ жизни каялась въ своихъ грѣхахъ, а Юрій Дмитріевичъ въ первый разъ въ жизни нашелъ слушателя, чуть не плакавшаго отъ его жалобъ на то, что онъ инвалидъ шестидесятыхъ годовъ, не бывавшій въ бою. Только когда онъ уложилъ ее въ постель и укрылъ ее одѣяломъ, когда онъ ушелъ отъ нея, давъ ей слово никому не говорить о ея нездоровьи, ей вдругъ стало необыкновенно легко, радостно, весело, она мысленно повторяла: «Господи, какой онъ добрый! Господи, какъ онъ меня любитъ!» А Юрій Дмитріевичъ, съ лицомъ, покрытымъ потомъ, съ осовѣвшими глазами, съ выраженіемъ недоумѣлаго страха, совсѣмъ растерянный, явился въ гостиную, и ему показалось какъ-то странно, что тамъ люди попрежнему закусываютъ, пьютъ, спорятъ о пустякахъ и хохочутъ; всѣ они стали точно чужими, незнакомыми ему, человѣку внезапно понявшему, что онъ отецъ...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

— А что Оля?—озабоченно спросилъ у Марьи Львовны Серпуховъ, выходя на слѣдующій день въ десятомъ часу къ чайному столу.

— Ушла въ гимназію, — разсѣянно отвѣтила Марья Львовна.

Она была поглощена думами объ Евгеніи Александровичѣ, желаніемъ повидаться съ нимъ безъ свидѣтелей, планами, какъ устроить свиданіе.

— Значитъ, ничего... здорова сегодня? — продолжалъ Юрій Дмитріевичъ.

Марья Львовна подняла на него немного удивленные глаза.

— Съ чего это ты? Развѣ она была больна?

Онъ нѣсколько смутился. Вчера онъ далъ слово дочери никому не говорить о ея слезахъ, о ея нездоровьи... Надо было сдержать это слово и не проговариваться. Онъ постарался принять равнодушное выраженіе лица.

— Нѣтъ, я такъ... Вчера вотъ она не поѣхала... потомъ вечеромъ рано легла спать, такъ я и думалъ, что не захворала ли, — пробормоталъ онъ, тяжело опускаясь на стулъ.

— Капризничаетъ много! Въ кого это у нея такой характеръ? Ужъ, кажется, не въ меня! Зла, какъ я не знаю кто, — раздражительно проговорила Марья Львовна.

— Полно, Манюша, всѣ люди съ ошибками, а молодежь... не уходилась еще дѣвчурка... вотъ и все...

Какая-то трогательная нотка нѣжности зазвучала въ его голосѣ. Наканунѣ впервые онъ почувствовалъ, что онъ отецъ. Его мягкое сердце было глубоко тронуто ласками дочери. Вспомнивъ теперь о ней, онъ, казалось, еще испытывалъ сладость ея ласки, порывистой, искренней, взволновавшей его обычную сонливость. Именно лаской онъ не былъ избалованъ. Марья Львовна удивилась еще болѣе его тону, его заступничеству за дочь и рѣзко замѣтила мужу:

— Ужъ не кажется ли тебѣ, что ее еще мало балуютъ? Скоро и такъ дѣти намъ на головы сядутъ. Они только этого и ждутъ!

Сергуховъ не нашелъ сразу, что ей отвѣтить, и только замѣтилъ неопредѣленно:

— Такъ ли, Маня?

Она изумлялась все болѣе и болѣе, совершенно не понимая, что съ нимъ дѣлается, и рѣзко замѣтила:

— Ты же самъ первый толковалъ: «господа-дѣти», «господа-дѣти»! А теперь...

Она не договорила начатой фразы и взглянула на него, смущеннаго, растеряннаго, смѣшного въ своемъ замѣшательствѣ.

Ей вдругъ пришла въ голову странная мысль, и она не воздержалась, высказала эту мысль:

Точно мокрая курица смотришь!..

Онъ не разсердился, не обидѣлся.

— Да я и всегда такъ смотрю,—добродушно проговорилъ онъ и принялъ обычный ироническій тонъ: — говорятъ, сильные люди боятся своей силы, осторожно съ ней обращаются, ну, вотъ потому, вѣрно, и я все опасался, какъ бы кого не раздавить,—и превратился въ мокрую курицу.

И уже совсѣмъ шутливо онъ приподнялъ свою огромную руку.

— Вонъ лапища какая — не остерегайся пускать ее въ ходъ, такъ чортъ знаетъ чего натворишь.

Марью Львовну охватилъ какой-то безотчетный страхъ. точно мужъ угрожалъ ей. Онъ, между тѣмъ, допилъ чай, всталъ и, проговоривъ: «однако, пора и въ должность», направился къ дверямъ. Это былъ точно Геркулесъ по росту и по сложенію, немного мѣшковатый и неловкій по манерамъ, тяжело ступавшій крупными плоскими ногами. Марья Львовна смотрѣла ему вслѣдъ съ растеряннымъ видомъ напуганной трусихи.

Въ первый разъ въ эти три дня ей пришла въ голову мысль: что будетъ, если онъ все узнаетъ? Еще драться вздумаетъ. Отъ него всего можно ждать. Онъ тихъ-тихъ, а въ сущности это дикій звѣрь, если взбѣсится. Ну, ужъ нѣтъ, она лучше умретъ, а терпѣть притѣсненій не станетъ! Да, руки на себя наложитъ, а не позволитъ ему пальцемъ до нея дотронуться. Довольно и того, что онъ сгубилъ ея молодость, унижалъ ее семнадцать лѣтъ своими мужицкими ласками, своими сальными нѣжностями въ пьяномъ видѣ. Она содрогнулась отъ брезгливаго чувства... И какъ она вынесла все это, какъ не покончила съ собою давно? Мученица она! Только теперь она узнала счастіе! Надолго ли? Что будетъ, когда Женя найдетъ невѣсту?.. Ей вспомнилось, что онъ вчера говорилъ о желаніи жениться. Женится—и броситъ ее. Тогда лучше и не жить...

II.

Послѣ разговора съ мужемъ Марья Львовна долго волновалась, все думая о томъ, что будетъ, если мужъ узнаетъ о ея связи съ Шаховымъ, и чѣмъ болѣе она волновалась, тѣмъ сильнѣй ей хотѣлось поскорѣй увидѣть Евгенія Александровича. Надо же ему сообщить свои тревоги. Съ кѣмъ же ей дѣлиться всѣмъ, что ее волнуетъ? Она увѣряла себя, что только для того она и хочетъ поскорѣй его видѣть. Это былъ первый попавшійся предлогъ, которымъ она старалась

оправдать себя въ своихъ глазахъ, рѣшившись зайти въ этотъ же день къ Шахову. Она иногда заходила къ нему и прежде, такъ просто въ гости. Это, конечно, не удивляло никого, ни Шахова, ни ее, ни постороннихъ. Теперь же этотъ визитъ нѣсколько смущалъ ее. Удобно ли идти къ нему безъ приглашенія? Вѣдь они видѣлись еще вчера. Не подумаетъ ли Женя, что она навязывается? Но вѣдь она идетъ затѣмъ, чтобы сказать ему, что произошло между нею и мужемъ. Что же произошло? Ахъ, ну, взволновалась она, пришло ей въ голову, что будетъ, если мужъ все узнаетъ. Надо же объ этомъ поговорить... Она пошла.

Въ дверяхъ квартиры Евгенія Александровича ее встрѣтилъ Гриша словами:

— Барина нѣтъ дома.

— Можетъ-быть, онъ не приказалъ принимать? — сорвалось у нея съ языка.

— Помилуйте-съ, —отвѣтилъ Григорій: —я знаю-съ, кого можно и кого не слѣдуетъ принимать.

Она сконфузилась. Что ей пришло въ голову сказать эту глупую фразу? Не станетъ же Женя прятаться отъ нея.

— Прикажете что-нибудь передать барину? — спросилъ Гриша.

— Нѣтъ, нѣтъ... что же... кланяйся...

Она совсѣмъ растерялась и опустила глаза передъ Григорьемъ. Ей внезапно пришло въ голову, что, можетъ-быть, Григорій все знаетъ.

Сконфуженная, она пошла домой, досадуя на себя, зачѣмъ она заходила къ Шахову. Она испытывала странное чувство: ей было стыдно теперь передъ Евгеніемъ Александровичемъ. Вотъ онъ придетъ домой, Григорій скажетъ, что она была. Что подумаетъ Шаховъ? Подумаетъ, что она преслѣдуетъ его. Вчера видѣлись, а сегодня опять прибѣжала. Онъ вѣдь не знаетъ, что она приходила только затѣмъ, чтобы подѣлиться съ нимъ своими тревогами. Надо было подождать, пока онъ самъ придетъ къ нимъ, къ Серпуховымъ. Теперь онъ, пожалуй, подумаетъ, что она будетъ дѣлать къ нему ежедневные набѣги... Она почти со страхомъ ждала появленія Шахова у нихъ. Онъ завернулъ къ нимъ въ тотъ же день вечеромъ. Марья Львовна была дома одна съ Олей. Шаховъ поздоровался съ ними и, пожимая руку Марьи Львовны, спросилъ:

— А ты, Маня, заходила ко мнѣ. По дѣлу?

Она торопливо тревожными, испуганными глазами ука-

зала ему на Олю. Онъ, повидимому, не понялъ этого взгляда и продолжалъ:

— А я по дѣламъ ѣздилъ. Предложили быть защитникомъ въ одномъ процессѣ. Очень интересное дѣло.

Оля начала разспрашивать. Какое дѣло — уголовное или гражданское? Шаховъ отвѣтилъ: политическое. Оля заинтересовалась: кто и за что будетъ судиться? Какихъ результатовъ ждетъ Шаховъ отъ своей защиты? Евгеній Александровичъ заговорилъ серьезно и обстоятельно, удовлетворяя любопытство молодой дѣвушки. Марья Львовна уже сердилась на дочь... Чего она разспрашиваетъ? Ей-то что за дѣло до этого процесса? Вѣчно хочетъ быть выскочкой и играть роль всѣмъ интересующейся дѣвушки. Хоть бы выпроводить ее какъ-нибудь. Надо же объясниться съ нимъ сейчасъ же, какъ можно скорѣе. И какъ онъ опрометчивъ, сказалъ, что она, Марья Львовна, была у него! Вѣдь Оля могла спросить ее: «зачѣмъ ты ходила, мама?» Отъ Ольги всего можно ждать. Ей все нужно знать. Наконецъ, Серпухова не выдержала и сказала:

— Оля, прикажи приготовить чай!

— Еще рано, — отвѣтила Ольга, мелькомъ взглянувъ на стѣнные часы.

— Вовсе не рано! — рѣзкимъ тономъ замѣтила мать. — Поди и прикажи ставить самоваръ, да распорядись насчетъ булокъ.

Оля вспыхнула, заслышавъ рѣзкія ноты въ голосѣ мамери, хотѣла что-то возразить, но сдержалась, закусивъ нижнюю губу. Она поднялась съ мѣста и вышла изъ комнаты.

— Ахъ, какъ ты неостороженъ, Женя! — воскликнула торопливо Марья Львовна. — Сказалъ при ней, что я была у тебя.

— Что-жъ тутъ необыкновеннаго? — спросилъ онъ. — Развѣ ты не имѣешь права бывать у меня?

— Это можетъ возбудить подозрѣнія... Я была, чтобы сказать тебѣ, какъ напугалъ меня сегодня Юрій... Онъ былъ такой странный, какъ никогда...

Оля вернулась въ комнату и прервала разговоръ на полусловѣ. Ее немного удивило наступившее при ея появленіи молчаніе. Въ головѣ молніей мелькнуло подозрѣніе, что говорили въ ея отсутствіи именно о ней. Мать, конечно, опять жаловалась за что-нибудь на нее. Она искоса окинула взглядомъ присутствующихъ, точно желая угадать ихъ мысли.

— Принеси мнѣ мою работу,—обратилась къ ней мать.

— Какую работу?—отрывисто спросила Ольга, чувствуя, что ее выпроваживаютъ.

«Не дожаловалась!»—мелькнуло въ ея головѣ.

— Мое вязанье... кружево,—отвѣтила Серпухова.

— Почему же я знаю, гдѣ оно у тебя.

— Гдѣ! гдѣ! Извѣстно, въ моей комнатѣ, на этажеркѣ или въ швейномъ столѣ.

— Такъ ты и сходи сама. Что я буду рыться...

— Дѣлай, что тебѣ велятъ!—запальчиво приказала Марья Львовна.

Лицо Оли покрылось пятнами. Она уже не владѣла собою. Мысль, что мать хочетъ въ ея отсутствіи еще нажаловаться на нее, охватила ее всю.

— Ты бы ужъ лучше прямо сказала, что я тебѣ мѣшаю!—гнѣвно сказала она.—Это было бы хоть честно!

— Оля! Что вы говорите!—невольно сорвалось съ языка Евгенія Александровича.—Кому вы можете...

Она не дала ему кончить фразы и вспыльчиво отвѣтила:

— Ахъ, оставьте, пожалуйста! Развѣ я дѣвочка! Развѣ я ничего не вижу, не понимаю?

Марья Львовна, трусливая по натурѣ, сидѣла теперь блѣдная, растерянная, не имѣя силъ говорить. Она думала, что дочь угадала истину, поняла ея отношенія къ Шахову. Ее охватилъ малодушный страхъ. Оля, между тѣмъ, вся въ слезахъ, уже направлялась къ двери. Когда дверь затворилась за нею, Евгеній Александровичъ проговорилъ:

— Маня, Маня, можно ли такъ дѣлать! Зачѣмъ тебѣ понадобилось удалить ее? Къ чему это подливанье масла въ огонь?

Марья Львовна, почти плача, воскликнула:

— Шпіонитъ за мной, точно соглядатаи кругомъ, минуты нѣтъ спокойной!

Шаховъ заходилъ по комнатѣ.

— Такъ, Маня, нельзя жить!—заговорилъ онъ мягко.—Семейное счастіе дороже всего, и его нечего отравлять пустяками. Ты была не права теперь. Чѣмъ могла помѣшать Оля? Зачѣмъ было выпроваживать ее? Поговорить со мною съ глазу на глазъ было нужно? Минута нашлась бы и послѣ. А теперь — и сама ты взволновалась, и она раскапризничалась...

Онъ подсѣлъ къ Серпуховой и дружески взялъ ея руку. Въ его голосѣ зазвучала особенная задушевность.

— Ты знаешь, родная, до чего тебя довели эти вѣчныя семейныя дрязги и ссоры, — началъ онъ. — Не будь ихъ, не сдѣлала бы ты того шага, который тебя такъ пугаетъ теперь своими послѣдствіями. Не боялась бы ты никакихъ намековъ и угрозъ мужа, не мерещилось бы тебѣ шпіонство дочери тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ... Я много думалъ въ эти два дня о твоемъ положеніи. Такъ дѣла не могутъ продолжаться, или ты дойдешь Богъ вѣсть до чего... Надо позаботиться объ улучшеніи ихъ... Ты знаешь, я всегда былъ сердечно привязанъ къ тебѣ, къ твоему мужу, къ твоей семьѣ, а теперь — теперь мнѣ кажется, что я принялъ на себя обязательство уладить такъ или иначе ваши дѣла...

Онъ ласково улыбнулся.

— Я вѣдь тоже немного виноватъ передъ тобою, передъ Юріемъ... Положимъ, что и ты, и я, мы оба увлеклись въ минуту невмѣняемости, но все же увлеклись. Этого уже не вычеркнешь изъ жизни. Теперь надо только заботиться, чтобы въ будущемъ тебѣ жилось легче, чтобы не являлось этой потребности забыться, такъ сказать, запивать съ горя... Вѣдь, въ сущности, всѣ вы и добрые, и хорошіе люди, и только какъ-то не умѣете спѣться, уступокъ не дѣлаете другъ другу, не стараетесь войти въ интересы другъ друга. Точно маленькіе козлята, всѣ хотите бодаться...

Онъ заговорилъ тихо, плавно, тѣмъ задушевнымъ и ласковымъ, немного пѣвучимъ тономъ, какимъ говорятъ добрыя няньки съ дѣтьми, вразумляя ихъ. Взявъ снова руку Марьи Львовны, онъ гладилъ эту руку своею мягкой и нѣжной рукой. Глаша принесла вязанье Марьи Львовны со словами:

— Барышня приказали отдать!

Шаховъ замѣтилъ Серпуховой:

— Ну, вотъ, вѣрно, теперь плачетъ дѣвочка. Ты тоже нахохлилась. Ахъ, дѣти, дѣти! Сами набѣдокурятъ и сами же каются!.. Такъ всю жизнь жить, голубка, нельзя! Ты взгляни на меня. Неужели ты думаешь, что мой путь усѣянъ однѣми розами? Нѣтъ, милая, нѣтъ! У меня есть тоже и огорченія, и столкновенія съ людьми. Но я дѣлаю все, чтобы сгладить острые углы жизни. Ты спроси моихъ домашнихъ, Гришу, Аграфену Матвѣевну, сколько разъ они были виноваты предо мною, и много ли рѣзкихъ выговоровъ, много ли бурныхъ сценъ вышло изъ-за этого. Иногда хочется раскричаться, поднять бурю, но вспомнишь, что и самъ дѣлаешь ошибки, что всѣ не безъ грѣха, сдержишься

на минуту, и потомъ все уладится болѣе разумно и болѣе мирно. А вѣдь Гриша какой-нибудь мнѣ не сынъ, какая-нибудь Аграфена Матвѣевна мнѣ не дочь...

Онъ еще осторожнѣе и ласковѣе сталъ выяснять Марьѣ Львовнѣ, какъ должна она относиться къ своимъ дѣтямъ.

— Вспыльчивы они, капризны, задору у нихъ много, я это знаю. Но пережидай въ извѣстныя минуты: пусть пройдетъ вспышка, и тогда, не сердясь, не горячась, укажи имъ, что они не правы. Я знаю, что это не легко, потому что ты несчастна, но вѣдь постоянно повторяющіяся дрязги дѣлаютъ тебя еще болѣе несчастною, и потому выбирай изъ двухъ золъ меньшее... Нѣтъ, погоди, я самъ возьмусь за устройство вашего семейнаго очага. Ты увидишь еще, какъ я васъ всѣхъ примирю и передѣлаю: тебя первую. Да, да!

Онъ шутилъ дружески, родственнымъ тономъ. Она сидѣла точно пришибленная, точно приниженная, не зная, что отвѣчать ему. Въ головѣ былъ какой-то хаосъ. Зачѣмъ онъ толкуетъ о ея семейномъ счастіи, о примиреніи съ дѣтьми, объ устройствѣ мирнаго семейнаго очага. Ей хотѣлось крикнуть: «не надо мнѣ семейнаго счастія!» «не говори мнѣ о немъ!» «не того я прошу у тебя!» Но въ то же время ее охватывалъ стыдъ, слова замирали на языкѣ. А Шаховъ продолжалъ ей говорить дружескія успокоительныя слова. Всегда онъ, какъ братъ, горячо заботился о ней, теперь же ея счастіе и счастіе ея семьи стало ему еще ближе, послѣ ихъ увлеченія. Онъ теперь чувствуетъ себя какъ бы обязаннымъ всѣхъ ихъ примирить, всѣхъ ихъ сдѣлать счастливыми. Къ этому обязываетъ его сдѣланный имъ проступокъ. Послѣ этого проступка она стала какъ бы вдвойнѣ дорогою ему... У нея билась кровь въ вискахъ, и въ головѣ стучала молоткомъ одна фраза: «не любитъ онъ меня, не любитъ!» Она не ошиблась: онъ не только не любилъ ее тою любовью, какой хотѣлось ей, но даже не вѣрилъ, что и она серьезно любитъ его такою любовью; онъ просто думалъ, что они оба въ минуту неумѣнаемости «увлеклись» и что повторять эти увлеченія, поддерживать и раздувать на минуту вспыхнувшій огонекъ, это значило бы просто-на-просто развратничать. Ошибки всегда простительны, порокъ всегда кладетъ на человѣка пятно...

Когда Шаховъ ушелъ отъ Серпуховыхъ, Марья Львовна бросилась на постель и проплакала почти всю ночь.

III.

Евгеній Александровичъ уговорилъ Серпуховыхъ жить въ Павловскѣ. Самъ онъ каждое лѣто жилъ тамъ. Сообщеніе удобное. Юрій Дмитріевичъ можетъ каждый день ѣздить домой изъ должности. Это избавитъ его отъ жизни лѣтомъ на холостую ногу. Шаховъ даже предложилъ Юрію Дмитріевичу осторожно свою помощь, если у Серпухова не хватитъ средствъ для дачи или для ѣзды на дачу. Вообще онъ такъ участливо относился теперь ко всѣмъ членамъ семьи Серпуховыхъ, какъ будто это была его собственная семья. На Марью Львовну онъ смотрѣлъ съ трогательною озабоченностью, какъ матери смотрятъ на неосмотрительнаго ребенка, причинившаго себѣ вредъ своею неосторожностью. Эта заботливость, это попеченіе о Серпуховыхъ доставляли Шахову безконечное наслажденіе, наполняя пустоту холостой праздной жизни и доставляя возможность проявлять свою доброту. Иногда Марья Львовна, смотря на него, всегда нѣжнаго и ласковаго, увлекалась и, улучивъ свободную минуту, обнимала его. Онъ нѣжно цѣловалъ ее въ лобъ, гладилъ рукою по головѣ, какъ ребенка, и говорилъ:

— Милая, ты теперь покойнѣе? Ты замѣчаешь, что ваша семейная жизнь стала ровнѣе? Погоди, я увѣренъ, что всѣ углы сгладятся окончательно...

И онъ указывалъ ей на то, что Серпуховъ вовсе не кутитъ, что капризныя выходки Оли становятся рѣже, что Сеня сталъ менѣе грубымъ. Она слушала его и не смѣла сказать ему, что все это вовсе не интересуетъ ее, не смѣла сказать, что ей мало его братскихъ ласкъ. Она чутьемъ угадывала, что ея горячія ласки не пробуждаютъ въ немъ отвѣтной страсти. Ее охватывала тоска, щемящая, ноющая тоска. Въ то же время каждый разъ, приласкавшись къ Шахову и встрѣтивъ съ его стороны только чисто братскую нѣжность, она испытывала чувство стыда, приниженности. Плача тайкомъ, она боялась хоть намекомъ высказать ему правду; ей все казалось, что если она скажетъ правду, — онъ станетъ ее презирать, броситъ ее совсѣмъ. Она съ непривычною для нея внимательностью вслушивалась въ разныя его фразы объ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ. Онъ допускалъ и прощалъ минутныя увлеченія; тутъ человѣкъ не владѣетъ собой и является неотвѣтственнымъ за свои проступки. Но онъ строго осуждалъ разныя тайныя связи замужнихъ женщинъ и женатыхъ мужчинъ: разъ мужчина и

женщина серьезно любятъ другъ друга — они должны сходиться открыто, хотя бы пришлось для этого одному изъ нихъ бросить семью. Связь замужней женщины съ мужчиной тайкомъ отъ мужа — это развратъ, такъ какъ эта связь является явнымъ свидѣтельствомъ, что не обѣ стороны одинаково любятъ и что не обѣ стороны убѣждены въ прочности своей любви. Онъ говорилъ объ этихъ вопросахъ нерѣдко при ней, говорилъ безъ стѣсненій, безъ заднихъ мыслей, какъ думалъ, какъ былъ убѣжденъ. Порой это приводило ее въ отчаяніе, но она не смѣла даже мысленно упрекать его: онъ такъ добръ, искренеиъ, честенъ; развѣ онъ виноватъ, что онъ ее любитъ только, какъ сестру. Она плакала о себѣ. Потомъ мелькалъ слабый лучъ надежды: можетъ-быть, онъ еще полюбитъ ее иной любовью. Она дѣлала все, что могла, чтобы онъ полюбилъ ее именно такъ. Она старалась изучить его вкусы, стремилась пріодѣться болѣе къ лицу, употребляла всѣ усилія, чтобы предупредить всѣ его желанія. Бывали минуты, когда она добивалась того, что у Шахова снова кружилась голова. Но послѣ этихъ минутъ ее охватывалъ стыдъ подъ вліяніемъ словъ Евгенія Александровича о томъ, что эти вспышки страсти не счастіе, что было бы лучше, если бы ихъ не было, если бы взаимная привязанность его и Марьи Львовны была чище. Иногда ей казалось, что кромѣ униженія она не испытывала ничего въ эти минуты. И вдругъ, раздражаясь, доискиваясь причины всего своего несчастія, она останавливалась на мысли: «что было бы, если-бъ она была не замужемъ или вдовою?» Тогда, можетъ-быть, все пошло бы иначе, у нея на дорогѣ не стоялъ бы Юрій. Ради его такъ остороженъ съ нею Женя. Будь она свободна, ничто не мѣшало бы ему любить ее. Она почти съ ненавистью глядѣла въ такія минуты на Серпухова...

Какъ-то разъ онъ вернулся на дачу поздно и порядочно навеселѣ. Онъ встрѣтилъ Марью Львовну и началъ нѣжничать съ нею. Она брезгливо отстранилась отъ него.

— Что это? Ты опять пьянъ? — рѣзко сказала она. — Поди, проспись!

— Кутнулъ, кутнулъ, Манюша! — проговорилъ онъ кающимся тономъ. — Кто Богу не грѣшенъ! Ну, да теперь, цыпка, я, вѣдь, рѣдко. Ни, Боже мой, чтобы часто! Женька облагораживаетъ, тонкими винами угощаемся и въ пропорціи пьемъ. Благородство великое дѣло!

Онъ иронизировалъ и шутилъ, не замѣчая выраженія

лица жены. Его руки и губы опять потянулись къ ней. Мужъ и жена стояли въ коридорчикѣ, гдѣ каждую минуту кто-нибудь могъ застать ихъ. Пьяное лицо и сальныя заигрыванія могли вызвать въ трезвомъ человѣкѣ только отвращеніе. Къ этому присоединилась еще мысль о томъ, что этотъ пьяный человѣкъ стоитъ поперекъ дороги къ счастью. Марья Львовна вышла изъ терпѣнія.

— Я тебѣ говорю: оставь меня! Всю жизнь унижалъ меня пьяной любовью, всю жизнь!—почти крикнула она.— Теперь довольно!

Она рѣзко оттолкнула мужа отъ себя.

— Маня! Манюша! Что съ тобой?—заплетающимся языкомъ проговорилъ онъ, ловя ея руку.—Обидѣлъ? Свинья... обидѣлъ свою женку!

— Оставь! Оставь! Я не падшая женщина, которую каждый можетъ за деньги обнимать въ пьяномъ видѣ! Всю жизнь топталъ меня въ грязь! Мнѣ за себя стыдно. Отвращеніе, а не любовь возбуждалъ ты во мнѣ...

Она торопливо пошла отъ него по коридору. Онъ, ошеломленный, начавшій смутно понимать смыслъ ея словъ, стоялъ, грузно прислонясь къ стѣнѣ, съ широко открытыми пьяными глазами.

— Оскорблялъ... пьяными ласками... Къ падшимъ женщинамъ такъ можно относиться... Отвращеніе, а не любовь пробуждалъ...

Онъ бормоталъ эти безсвязныя фразы, шатаясь около стѣны.

— Мужъ... жену превратилъ въ падшую женщину... Хорошъ мужъ!.. Дѣти есть — господа-дѣти — придутъ и увидятъ... Пьяный отецъ!.. Олечка придетъ... скажетъ: «папа, зачѣмъ ты пьешь?..» ласково скажетъ...

Онъ почувствовалъ, что по его щекамъ текутъ слезы. Онъ пошарилъ машинально въ карманѣ и, не найдя платка, махнулъ рукой.

— Инвалидъ... старый инвалидъ...

Онъ, пошатываясь, сталъ около стѣны пробираться въ свою комнату, за что-то зацѣпилъ по дорогѣ, что-то съ шумомъ упало на полъ.

— Т-съ!.. не тронь... никто не долженъ знать... дѣти не должны знать!..

Его голова отказывалась ему служить. Мысли путались. Кое-какъ добравшись до своей комнаты, онъ свалился въ одеждѣ на свою кровать и захрапѣлъ.

IV.

Проснувшись поздно утромъ, Юрій Дмитріевичъ осмотрѣлъ мутными глазами комнату, потомъ себя. Онъ понялъ, что съ нимъ случилось наканунѣ. На полу валялись шляпа и трость; самъ онъ лежалъ въ пальто, въ сапогахъ на постели. Значитъ, вернулся домой пьянымъ и заснулъ, ничего не помня. Онъ поморщился. Не видалъ ли его кто-нибудь изъ домашнихъ въ этомъ видѣ? Оля не видала ли? Опять огорчится... Внезапно ему вспомнилось, что кто-то упрекалъ его. Оля? Нѣтъ,—жена! Онъ сталъ съ усиліемъ припоминать все происшедшее, отдѣльныя фразы. Въ памяти воскресло все... Онъ быстро спустилъ ноги на полъ, сѣлъ. Впервые въ жизни онъ созналъ вполнѣ свое нравственное паденіе и то, до чего оно довело его въ отношеніяхъ къ женѣ. Да, онъ былъ не мужъ, а любовникъ, приходящій пьянымъ къ женѣ, какъ къ падшей продажной женщинѣ. Какое омерзеніе долженъ онъ былъ внушать ей. И почему она молчала прежде, раньше? Семнадцать слишкомъ лѣтъ молчала. А вчера вдругъ высказалась. Чаша, вѣрно, переполнилась. Вотъ и Оля тоже молчала, а недавно вдругъ все вылилось изъ души... Ему вспомнилась почему-то одна фраза Оли: «что обо мнѣ подумаетъ Евгеній Александровичъ!» Евгеній Александровичъ! Онъ пробудилъ въ Олѣ сознаніе ея недостатковъ. Не подъ его ли вліяніемъ прозрѣла и Маня? Онъ часто говоритъ о супружескихъ отношеніяхъ, говоритъ честно и правдиво... «красно говоритъ»,— закончилъ мысленно Серпуховъ, и по его лицу скользнула усмѣшка. Много онъ наслушался и наговорилъ самъ этихъ рѣчей!.. Что-жъ, Евгеній Александровичъ могъ заставить Маню задуматься о ея собственныхъ супружескихъ отношеніяхъ, и она поняла всю ихъ грязь. Онъ постучалъ кулакомъ по лбу.

— Старый распутникъ! старый распутникъ!—проговорилъ онъ злобно.

Онъ чувствовалъ омерзеніе къ себѣ самому. Въ воспоминаніи воскресли мелочи: грязь супружескихъ отношеній, исторія въ родѣ сцены въ день смерти отца жены, отрывочныя фразы Марьи Львовны: «оставь!» «иди къ себѣ!» выраженіе лица жены въ извѣстныя минуты. Онъ грузно поднялся и сталъ раздѣваться, чтобы умыться. Снимая верхнее платье, онъ не безъ отвращенія смотрѣлъ на залитую чѣмъ-то и выпачканную грязью одежду... Все лѣто

почти онъ не пилъ, благодаря вліянію Шахова и какой-то безсознательной стыдливости передъ Олей, и это былъ его первый кутежъ послѣ долгаго воздержанія. Отъ прежнихъ кутежей онъ почти не отрезвлялся вполнѣ, ходя постоянно въ какомъ-то вѣчномъ туманѣ, не проходящемъ угарѣ; теперь онъ былъ вполнѣ трезвъ и ощущалъ только горечь во рту, да что-то тяжелое и непріятное во всемъ тѣлѣ, точно оно все было исколочено и покрыто синяками. Онъ не сразу рѣшился выйти въ столовую, конфузясь и стѣсняясь, какъ провинившійся школьникъ. Когда онъ входилъ въ столовую, онъ дѣйствительно имѣлъ видъ мокрой курицы. Марья Львовна сидѣла за чайнымъ столомъ и мыла чашки. Мужъ подошелъ къ ней и взялъ ея руку.

— Извини, Маня,—тихо сказалъ онъ, поднося ея руку къ губамъ.

Она вырвала у него свою руку и отвернулась.

— Пожалуйста, безъ нѣжностей!—сказала она капризно.

— Не сердись, голубка!—покорно проговорилъ онъ и наклонился, чтобы поцѣловать ее.

Она отстранилась.

— Я тебѣ говорю: оставь меня!—рѣзко воскликнула она.—Кажется, пора перестать нѣжничать...

Онъ остановился.

— Маня, я же каюсь въ своихъ прегрѣшеніяхъ,—произнесъ онъ.—Согрѣшилъ, ну, и каюсь...

Ему хотѣлось обратить все въ шутку, какъ-нибудь замять все. Но шутка не удалась. Серпухова встала.

— Чего вамъ отъ меня нужно?

— Маня, на «вы»-то съ чего говорить?—началъ онъ.

Она, не слушая его, продолжала.

— Вы оскорбляете меня ласками въ пьяномъ видѣ и еще хотите мучить въ трезвомъ видѣ.

— Мучить?—машинально повторилъ онъ.

— Да, да, мучить!—запальчиво крикнула она.—Пора вамъ понять, что вы во мнѣ все, все убили. Для васъ я и первая публичная женщина, продажная проститутка были одинаково милы; которая первая попалась навстрѣчу, къ той вы и шли съ объясненіями въ любви. И вы думали, что за это можетъ васъ полюбить жена!.. Теперь довольно! Вы просите прощенья, чтобы имѣть право завтра же придти ко мнѣ опять въ пьяномъ видѣ...

— Маня!—воскликнулъ онъ.

— Да, да, я васъ знаю! Никогда вы меня не любили,

не уважали! Я семнадцать лѣтъ была въ роли вашей любовницы — и только! Да, да! Теперь я не могу, не хочу играть этой роли. Слышите?

— Какъ же не слыхать, ты такъ громко кричишь,— съ горечью проговорилъ онъ, самъ не сознавая, что онъ говоритъ.

— А! вы еще насмѣхаетесь! вы еще глумитесь! Да и то сказать, что вамъ за дѣло до моихъ мукъ, до слезъ! Сегодня же пьяный вы попробуете опять ворваться ко мнѣ. Но нѣтъ, я не позволю...

Онъ очнулся и съ упрекомъ покачалъ отрицательно головою:

— Этого не бойся!

Въ этой фразѣ было что-то горькое, вырвавшееся изъ глубины души.

Она быстро вышла изъ комнаты, хлопнувъ дверью. Онъ стоялъ съ опущенной головой. «Что-жъ, она права, она права! Возражать даже нечего. Оправдываться? Оправданія всему можно найти, но развѣ отъ этого легче». Эти мысли смутно проходили въ его головѣ. Этотъ Геркулесъ, неуклюжій и неловкій, съ растеряннымъ выраженіемъ лица, съ понурой головой, былъ жалокъ. Онъ не зналъ, за что приняться, что дѣлать.

— Папа, что съ тобой? — послышался позади него голосъ Оли.

Онъ очнулся. По его лицу скользнула жалкая усмѣшка.

— Голову намылили твоему папѣ — и по дѣломъ! — сказалъ онъ, цѣлуя дочь въ голову.

— Опять подкутилъ? — спросила она.

— Да, согрѣшилъ...

— Ай, ай! какъ не стыдно!

Онъ тяжело опустился на кресло, осунувшійся, какъ бы недомогающій. Она изумилась выраженію его лица.

— Папа, да ты боленъ? — тревожно воскликнула она.

— Боленъ... вотъ такъ, какъ ты была больна... помнишь, тогда...

Она кивнула утвердительно головой, пристально вглядываясь въ лицо отца.

— Жилъ, жилъ чуть не до пятидесяти лѣтъ и ни разу не задумался о томъ, что я негодяй! — проговорилъ онъ. — А теперь вотъ вдругъ...

— Папа, полно! — воскликнула Оля.

Онъ точно очнулся, провелъ рукой по глазамъ и сказалъ:

— Ничего, это пройдетъ... Странно только: десятки лѣтъ

ведешь извѣстный образъ жизни и только вдругъ случайно взглянешь на себя со стороны и ужаснешься.

Онъ поднялся съ мѣста съ недоумѣвающимъ, растеряннымъ видомъ и пошелъ къ себѣ. Дочь провожала его озабоченнымъ взглядомъ. Она не понимала, что съ нимъ случилось. Не могъ же его такъ перевернуть простой кутежъ. Ужъ не надѣлалъ ли онъ чего-нибудь въ банкѣ? Теперь въ банкахъ идутъ разныя упущенія, кражи. Можетъ-быть, отца запутали какіе-нибудь недобрые люди. Надо узнать. Лучше всего переговорить съ Евгеніемъ Александровичемъ. Онъ такой добрый и умный. Онъ сумѣетъ все разузнать у папы, если папа и захочетъ что-нибудь скрыть. При воспоминаніи о Шаховѣ ея лицо покрылось румянцемъ. Этотъ человѣкъ, какъ она сама сознавалась передъ собою, сдѣлалъ въ ея душѣ переворотъ. Она теперь далеко не та, чѣмъ была нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, или лучше сказать, она старается быть иною. Онъ и на папу даже повліялъ благотворно. Папа чаще остается дома и не кутитъ...

Она тихо вышла на террасу и встала у перилъ, глядя куда-то безцѣльно въ пространство, охваченная сладкими грёзами. Ей подвернулся подъ руку цвѣтокъ. Она сорвала его и стала машинально ощипывать его лепестки. Оборвавъ ихъ до половины, она выпустила цвѣтокъ изъ рукъ и задумчиво съ легкимъ вздохомъ прошептала:

— Но полюбитъ ли онъ-то когда-нибудь?...

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Въ одномъ изъ лѣтнихъ нумеровъ газеты появилось объявленіе въ траурной рамкѣ, извѣщавшее родныхъ и знакомыхъ о смерти Каролины Карловны Кроль. Это коротенькое и сухое извѣстіе породило цѣлую массу самыхъ разнородныхъ чувствъ и толковъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ петербургскаго общества и въ особенности въ родственномъ кружкѣ Серпуховыхъ. Юрій Дмитріевичъ, чувствовавшій себя все время послѣ сцены съ женою въ самомъ скверномъ настроеніи и бродившій въ домѣ съ видомъ напроказившаго школьника, прочиталъ это объявленіе за утреннимъ чаемъ. Оно такъ сильно поразило его, что онъ замѣтилъ Марьѣ Львовнѣ, дувшейся на него и почти не говорившей съ нимъ въ послѣдніе дни:

— Знаешь, Маня, кто умеръ? Каролина Карловна Кроль.

Марья Львовна, несмотря на негодованіе на тирана-мужа, взволновалась, точно ее кольнуло что-то въ самое сердце.

— А! Интересная новость!—воскликнула она.—Теперь Марианна можетъ торжествовать!

— Да, это для нея развязка... счастливая развязка,—задумчиво проговорилъ Юрій Дмитріевичъ, покачивая головой.—Хотя, конечно, не легко знать, что личное счастье покупается чужою смертью. Не такъ-то легко шагать къ счастью черезъ чужіе трупы!..

— Ахъ, очень ее заботитъ смерть какой-нибудь Кроль! благо дорогу очистила!—рѣзко сказала Серпухова.

— Маріанна человѣкъ съ сердцемъ,—коротко замѣтилъ мужъ.

— Съ сердцемъ, съ сердцемъ! Что ты мнѣ говоришь! Съ сердцемъ или не съ сердцемъ, а все же будетъ рада—отъ врага избавилась!

И, вся охваченная завистливымъ чувствомъ къ счастливой женщинѣ, освободившейся отъ соперницы, она продолжала уже не безъ ядовитости:

— И я думаю, какъ голову подниметъ! Сперва въ грязь ее топтали, теперь вѣдь кланяться будутъ. Еще бы: милліонершей станетъ, законной супругой виднаго человѣка. Забудутъ даже, что она была просто его содержанкой...

Юрій Дмитріевичъ поднялъ на нее удивленные глаза, не сразу сообразивъ причину ея злобной выходки.

— За что ты-то бросаешь въ нее грязью?—спросилъ онъ.—Мало ли кто оступался въ жизни и падалъ? Пусть бросаютъ тѣ въ нее камни, кто самъ безъ грѣха, а мы...

Онъ махнулъ рукой.

Она вдругъ смолкла и растерялась. Ей опять показалось, что онъ намекаетъ на ея проступокъ. Намеки на это она ловила теперь вездѣ и всюду, какъ трусиха, не увѣренная въ томъ, что ея проступокъ легко сойдетъ ей съ рукъ.

— Къ теткѣ Варварѣ надо бы съѣздить,—въ раздумьи произнесъ Серпуховъ.—Она, вѣроятно, сильно потрясена этою смертью.

Марья Львовна, давно уже охладѣвшая къ Романовой и сердившаяся за ея черствость, опять загорячилась.

— Потрясена? Что ты выдумываешь! Все у тебя какія-то драмы! Она тоже, я думаю, только объ этомъ и молилась... Тоже самолюбіе страдало отъ мысли, что дочь живетъ на содержаніи...

— Плохо ты, Маня, знаешь людей,—коротко отвѣтилъ Серпуховъ недовольнымъ тономъ и добавилъ:—Поставь себя на ихъ мѣсто: неужели у тебя хватило бы духу радоваться въ подобномъ положеніи? Кто говоритъ,—будетъ время, когда онѣ обѣ вздохнутъ свободнѣе, но теперь... Я увѣренъ, что теперь имъ обѣимъ очень тяжело...

И принимая шутливый тонъ, въ которомъ звучала, однако, какая-то робость провинившагося шалуна, пробующаго шутить съ недовольнымъ имъ наставникомъ, онъ добавилъ:

— Вотъ ты уже недѣлю какъ дуешься на своего тирана Юрія Дмитріевича, ну, а стала бы ты прыгать отъ радости, если бы онъ взялъ да и умеръ? А вѣдь ужъ на что тиранъ: выпиваетъ и лѣзетъ съ пьяными ласками къ женѣ. Чего хуже! Ну, а умеръ бы онъ и всплакнула бы, потому что какъ никакъ, а все же человѣкъ онъ былъ, старался баловать свою женку...

Онъ поднялся съ мѣста, подошелъ къ ней и приподнялъ ея голову за подбородокъ.

— Скоро перестанешь дуться-то?—спросилъ онъ ласково.

Ему хотѣлось воспользоваться удобной минутой, полусерьезно, полушутливо выругать себя, помириться съ женой и вздохнуть свободнѣе. Его всегда тяготило, когда на него кто-нибудь дулся. Она капризно отстранилась отъ него.

— Ахъ, оставь! Дѣти мы, что ли, чтобъ нѣжничать.

Онъ вздохнулъ, сдѣлался снова серьезнымъ.

— Не дѣти и даже не молодые люди, Маня, потому и стыдно капризничать... У насъ у самихъ дѣти, и мы имъ должны примѣръ подавать. Увидятъ, что мы капризничаемъ, подумаютъ, что и имъ можно брать примѣръ со старшихъ.

Его лицо приняло необычайно серьезное выраженіе. Въ голосѣ зазвучали новыя нотки если не строгости, то твердости.

— И безъ того много мы упущеній сдѣлали относительно ихъ,—продолжалъ онъ.—Имъ придется еще расплачиваться за это въ жизни. Оля вонъ и теперь переживаетъ внутреннюю ломку. Ты, конечно, замѣтила, какъ не ровенъ сталъ въ послѣднее время ея характеръ?

— Всегда была дрянная, капризная дѣвчонка!—воскликнула Серпухова.

Онъ раздражился, задѣтый за живое. Она назвала дрянною дѣвчонкою ту, которая въ послѣднее время пробудила въ немъ столько новыхъ хорошихъ чувствъ. И еще матерью называется!

— Стыдись такъ говорить о дочери!—оборвалъ онъ ее.—

Не она виновата, а мы! Если между собою мы капризничали, если на нее мало вліяли, такъ не откуда было ей научиться быть лучшей... Да дѣло не въ томъ, что сдѣлано, а въ томъ, что дѣвочка именно теперь переживаетъ внутреннюю ломку. Вотъ о чемъ я говорю.

— Что ты выдумываешь!—послышалось восклицаніе Марьи Львовны.—Откуда ты взялъ это!

— Плакать она часто начала,—съ особеннымъ ударенiемъ отвѣтилъ Юрій Дмитріевичъ:—вотъ что.

— Плакать?—переспросила жена.

— Ну да! Прежде никогда не плакала, а теперь вѣрно и ты замѣтила, какъ часто у нея красны глазенки. Этого трудно было не замѣтить...

— Она отъ злости зубами платки носовые грызла! Что же мудренаго, что и реветъ иногда?

Серпуховъ раздражительно махнулъ рукой.

— Ахъ! Что ты за мать!—проговорилъ онъ съ досадой.

Впервые въ жизни въ немъ шевельнулось презрѣніе къ этой женщинѣ, въ которой онъ первый разъ во все время супружеской жизни вздумалъ поискать любящаго материнскаго сердца. Въ тонѣ его восклицанія было много горечи и рѣзкости, поразившихъ и оскорбившихъ Марью Львовну. Она не привыкла къ подобнымъ окрикамъ мужа и не могла хладнокровно вынести этой первой рѣзкой выходки съ его стороны.

— Ахъ, если не могъ заигрываніями и заискиваніями заставить меня забыть моихъ униженій, такъ хочешь теперь грубостями извести меня,—запальчиво вскрикнула Марья Львовна, и въ ея голосѣ прозвучали визгливыя, рѣжущія слухъ нотки.—Ты бы еще ругаться началъ, топать ногами на меня сталъ. Ужъ заодно бы, чего стѣсняться!

Онъ, точно его облили холодной водой, сразу стихъ и посмотрѣлъ на нее грустными глазами. Минутная вспышка уже прошла въ его сердцѣ и тамъ была одна горечь.

— Ты знаешь, что я даже на тѣхъ не умѣю кричать, на кого всѣ кричатъ,—мягко сказалъ онъ.—Кажется, хоть съ этой-то стороны ты могла меня узнать въ семнадцать лѣтъ и не дѣлать нелѣпыхъ упрековъ...

И, дѣлая надъ собой усиліе, усмѣхаясь горькой улыбкой, онъ закончилъ, какъ бы утѣшая самого себя:

— Впрочемъ, ты и знаешь это. Еще бы! Сама же мокрой курицей какъ-то назвала.

Онъ прошелся по комнатѣ и заговорилъ снова:

— Если я серьезно заговорилъ съ тобой объ Олѣ, такъ это потому, что ты, какъ мать, скорѣе могла бы заглянуть въ ея душу, чѣмъ я, и помочь ей въ тяжелое для нея время. Вѣдь она уже невѣста.

— Невѣста? Чья? Чья?—воскликнула Серпухова, и съ ея лица сбѣжала краска.

Серпуховъ взглянулъ на нее изумленными глазами. Съ чего это она такъ взволновалась? Что за глупый вопросъ задала?

— Ничья! Чьей же невѣстой ей быть? Шахова, что ли?—спокойно отвѣтилъ онъ.—У насъ молодежи кромѣ его нѣтъ никого. Ну, а онъ еще покуда не дѣлалъ предложенія... Просто я хотѣлъ сказать, что она переживаетъ тотъ возрастъ, когда дѣвушки выходятъ замужъ. Вотъ и все.

Марья Львовна сидѣла съ растеряннымъ выраженіемъ лица. Въ ея головѣ все спуталось. Оля невѣста. Кромѣ Шахова у нихъ нѣтъ молодыхъ людей. Онъ еще не сдѣлалъ покуда предложенія. Значитъ, думаютъ, что можетъ сдѣлать. Кто это думаетъ—ея мужъ или ея дочь? Можетъ-быть, у нихъ есть основанія такъ думать, разсчитывать на это? Ольга вѣдь способна насильно женить на себѣ человѣка. И слишкомъ ужъ мягокъ Женя. Серпухова почувствовала что-то въ родѣ раздраженія и негодованія на Шахова за то, что онъ слишкомъ мягокъ. Не замѣчая ея растеряннаго вида, ея глупо вопросительнаго взгляда, Серпуховъ продолжалъ:

— Кстати о Женькѣ. Не нравится мнѣ, что онъ балуетъ Сеню. Правда, мы сами пріучили мальчишку играть роль взрослаго и франтить. Но Женька, кажется, ссужаетъ его деньгами и даетъ ему возможность кутить. Благо самъ можетъ прожигать жизнь, такъ и другимъ потворствуетъ.

— Кто это тебѣ сказалъ, что Женя прожигаетъ жизнь?—запальчиво сказала Серпухова, вступаясь за Шахова.

— Никто не говорилъ, самъ знаю,—равнодушно отвѣтилъ мужъ.—Еще бы! Богатъ, дѣла нѣтъ, молодъ, ну, и соритъ деньгами, куда попало. Да пусть что хочетъ, то и дѣлаетъ, хоть всѣхъ француженокъ содержитъ, это до насъ не касается. Надо только попросить его не давать подачекъ Сенѣ. И теперь ужъ мальчишка фатомъ смотритъ. Pince-nez завелъ, хлыстики какіе-то, кривляется передъ павловскимъ beau-monde. И смѣшно, и жалко смотрѣть на этихъ безусыхъ хлыщей. Право, неумытые разгильдяи нашего времени были все же лучше. Тѣ могли на полу слѣды грязи оставить, а эти

того и глядишь изъ чужихъ кармановъ и изъ чужихъ сундуковъ деньги воровать станутъ. Нужно же на наряды, да на пусканье пыли въ глаза. Вотъ почему я боюсь за Сеньку. Привыкнетъ жить не по средствамъ—ему же хуже будетъ. Я могу умереть, тогда...

Онъ совсѣмъ нахмурился. Его лицо приняло непривычно-озабоченное выраженіе.

— Покоя мнѣ не даетъ эта мысль нынче,—заговорилъ онъ.—Ничего не скопили. Сковырнись я—и ума не приложу, что будетъ съ дѣтьми, съ тобою. Проклятая эта частная служба безъ пенсій, безъ эмеритуръ...

Онъ тревожно потеръ рукою лобъ.

— Нѣмцамъ на ней, да жидамъ служить, а не русскимъ. Тѣ скопятъ, а мы—десятокъ тысячъ намъ въ годъ дай, мы и то слопаемъ, да еще безъ удобствъ, безъ комфорта, а такъ, зря слопаемъ... Дѣти еще не стоятъ на своихъ ногахъ, а ты—гдѣ же тебѣ работать. Къ этому привычка нужна. Люди же—сегодня друзья-пріятели, а случись бѣда—и не найдешь никого. Всѣ хвостомъ вильнутъ. Вонъ и Женька, теперь швыряетъ деньги Сенькѣ, а женится, такъ тогда хоть въ нуждѣ Сенька будь—гроша не дастъ...

Не замѣчая тревожныхъ взглядовъ жены, онъ продолжалъ въ раздумьи:

— Да, плохо, когда все счастье семьи зависитъ отъ одного человѣка, когда сегодняшніе достаточные люди завтра могутъ нищими сдѣлаться. Мало мы о черномъ днѣ думали, а вотъ теперь, когда то тутъ, то тамъ покалывать стало, и пришла забота...

Серпухову охватилъ ужасъ. Что если въ самомъ дѣлѣ мужъ умретъ? Она искоса бросила на него взглядъ. Какъ онъ измѣнился за послѣднее время. Что съ нимъ? Ужъ въ самомъ дѣлѣ не боленъ ли онъ? Что будетъ, если вдругъ умретъ? Еще недавно она думала, что она была бы счастливѣе, если была бы свободна. Теперь мужъ показалъ ей оборотную сторону медали: пока онъ былъ живъ, она могла жить въ полномъ довольствіѣ; умри онъ, и она останется нищею. Ей вспомнилось, что ей говорила Варвара Павловна объ ужасахъ нищеты. Ее охватилъ страхъ. Она пробовала утѣшать себя. Женя поможетъ. А если онъ женится? Да онъ и женится непремѣнно. Что можетъ его удержать отъ женитьбы? Ужъ не любовь ли къ ней, къ Марьѣ Львовнѣ? Она съ горечью скривила лицо въ гримасу. Развѣ онъ любитъ! О, никогда, никогда онъ не любилъ ея и не полю-

битъ! Она испугалась этой мысли, мелькнувшей въ умѣ какимъ-то злымъ упрекомъ Шахову, и стала опять утѣшать, обманывать себя. Чего ей еще надо? Женя ей преданъ, онъ позволяетъ ей любить его. Онъ никогда ея не броситъ, даже когда женится, и тогда не броситъ. Она утѣшала себя и не вѣрила въ то, что думала...

II.

Серпуховъ въ одинъ изъ слѣдующихъ дней заѣхалъ въ Петербургѣ къ Варварѣ Павловнѣ. Сначала онъ, подъѣхавъ къ жилищу Романовой, подумалъ, что онъ не туда попалъ, такъ все здѣсь измѣнилось. На мѣстѣ, гдѣ стояло старое зданіе пріюта, шла спѣшная постройка новаго зданія. Лѣса, груды кирпичей, масса рабочихъ, все это было такъ не похоже на то, что здѣсь было еще ранней весной. Деревья сада были запылены и нѣкоторыя изъ нихъ стояли съ поломанными вѣтвями. Проникнувъ во дворъ, Серпуховъ остановилъ какого-то мужика, въ синей поддевкѣ. Это былъ десятникъ. Десятникъ, озабоченный хлопотами по постройкѣ, наскоро сообщилъ Юрію Дмитріевичу, что пріютъ перебрался еще съ весны на дачу, и что Варвара Павловна съ Тарасихой только иногда заѣзжаютъ сюда посмотрѣть на работы. Ѣхать на дачу было далеко, и Серпуховъ отложилъ эту поѣздку...

Дней черезъ пять, садясь въ вагонъ, чтобы ѣхать въ Павловскъ, Серпуховъ услышалъ знакомый голосъ, окликнувшій его. Онъ обернулся и увидѣлъ Романову. Она сидѣла въ углу вагона. Онъ не узналъ бы ея, встрѣтивъ ее на улицѣ, такъ осунулось ея лицо. Она точно сгорбилась, какъ бы опустилась. Онъ пожалъ ея руку и сѣлъ рядомъ съ нею.

— Ты, конечно, все знаешь?—спросила она тихо.

— Да, да,—отвѣтилъ онъ.—Я заѣзжалъ къ вамъ въ городѣ дней пять тому назадъ. На дачу къ вамъ не могъ проѣхать. Дѣла по горло... Вы къ намъ?

— Къ Маріаннѣ,—коротко отвѣтила Романова.

— Она развѣ здѣсь?

— Вчера пріѣхала. Въ Павловскѣ поселилась.

Они помолчали. Варварѣ Павловнѣ, очевидно, было тяжело говорить.

— Узнать трудно, такъ измѣнилась,—наконецъ, проговорила она со вздохомъ.

— Вы, тетя, тоже на себя не похожи,—сказалъ Серпуховъ.

— Не легко, голубчикъ, все это переживается, — отвѣтила старуха. — Конечно, потомъ все улягется, все забудется, время все исцѣляетъ, а теперь...

Она тихо закончила:

— Стыдишься даже своей радости у гроба того, кто былъ помѣхой... Знаешь, что мнѣ сказала Маріанна: «Я, говоритъ, кажется, вдругъ перестала любить Адольфа, когда получилось это извѣстіе». Я это понимаю, вполнѣ понимаю... Пройдетъ, пройдетъ это все, а теперь тяжело. Маріанна даже не хотѣла ѣхать тотчасъ же въ Петербургъ. Онъ-то только очень ужъ просилъ. Ему тоже тяжело, жутко. Дѣти его отъ жены возстановлены противъ него, одинокъ онъ здѣсь былъ бы безъ Маріанны, безъ ея дѣтей!..

И внезапно она оживилась, вспомнивъ о дѣтяхъ.

— Но дѣти, дѣти ея — это прелесть. Сущіе херувимы. И меня, никогда не видавъ, любятъ, обрадовались. Милая моя дѣвочка научила любить. Полюбили прежде, чѣмъ увидали... За одно это все, все ей простится...

Она отвернулась къ окну, стараясь скрыть градомъ катившіяся по ея лицу слезы. Юрій Дмитріевичъ тихо взялъ ея руку и сжалъ ее. Онъ былъ глубоко тронутъ, взволнованъ.

— Дай Богъ вамъ всѣмъ скорѣе отдохнуть, — проговорилъ онъ съ чувствомъ. — Я зналъ, чувствовалъ вполнѣ, какъ вы всѣ встрѣтите эту смерть.

На его лицо набѣжала тѣнь. Онъ вспомнилъ о женѣ. Она не угадала чутьемъ, какъ эти женщины, Варвара Павловна и Маріанна, встрѣтятъ извѣстіе о смерти госпожи Кроль. Вообще ничего не подсказываетъ его Манѣ ея сердце, нѣтъ у нея чуткости женской. Вотъ и на Олю она какъ смотритъ, и на него тоже какъ глядитъ. Видитъ все дурное, преувеличиваетъ это дурное, а хорошее все ускользаетъ отъ ея пониманія. Ему стало еще тяжелѣе.

— Я къ вамъ на минуту, можетъ-быть, зайду, — сказала Варвара Павловна.

— Нѣтъ, нѣтъ, тетя, зачѣмъ же? Вамъ дороги минуты свиданья, — торопливо замѣтилъ онъ, испугавшись, что Марья Львовна выскажетъ какую-нибудь безтактную фразу въ этотъ день. — Я самъ забѣгу взглянуть на васъ, на кузину. Давно я ея не видалъ...

Онъ спросилъ адресъ. Романова сказала, гдѣ помѣстилась Маріанна.

— Заходи же, — проговорила она. — Маріанна будетъ рада. Ей нужны друзья, нравственная поддержка.

И, снова охваченная щемящею грустью, она прибавила:

— Сегодня она мнѣ сказала, какой страхъ охватилъ ее при пріѣздѣ сюда. Тамъ, за границей, среди чужихъ, она чувствовала себя легко, свыклась, не боялась, не смущалась, а здѣсь—жутко ей вдругъ стало. И то сказать, въ свой городъ пріѣхала, гдѣ столько близкихъ и знакомыхъ и гдѣ столько лѣтъ клеветали на нее, вооружали противъ нея. Еще хорошо, что родные со стороны Кроля за нее всегда были..

На дебаркадерѣ Юрій Дмитріевичъ распростился съ Романовой, еще разъ сказавъ ей, что черезъ часъ или два онъ будетъ у ея дочери. Онъ пріѣхалъ домой, взволнованный встрѣчею съ теткою. Онъ понималъ тяжелое положеніе Маріанны и близко принималъ его къ сердцу. Въ молодости ему такъ много приходилось говорить о женскомъ вопросѣ, о положеніи женщинъ въ такъ-называемомъ гражданскомъ бракѣ, и всѣ эти толки и споры припоминались ему теперь. Онъ мелькомъ замѣтилъ женѣ за обѣдомъ:

— Маріанна здѣсь.

— Поторопилась!—не безъ ироніи сказала Марья Львовна.

— Не она поторопилась, а обстоятельства поторопили.— отвѣтилъ онъ лаконично и прибавилъ:—Я сейчасъ собираюсь къ ней.

Оля обратилась къ нему:

— Ты опять, значитъ, въ Петербургъ, папа?

— Нѣтъ, Маріанна поселяется въ Павловскѣ.

Марья Львовна нахмурилась, но промолчала. Ей было досадно, что эта женщина будетъ жить здѣсь, бокъ о бокъ съ нею. Дача, вѣроятно, какъ дворецъ. Нарядами удивлять всѣхъ станетъ... Непонятное, безотчетное чувство вражды къ этой «содержанкѣ» богача, какъ она мысленно называла Маріанну, охватывало ее всю. Оля начала съ любопытствомъ разспрашивать у отца о своей дальней родственницѣ, которую она знавала въ дѣтствѣ, но теперь почти не помнила.

— Я не знаю, чѣмъ она стала теперь,—сказалъ Юрій Дмитріевичъ:—но прежде она была очень красива, умна, талантлива.

— Носъ очень поднимала,—рѣзко вставила Марья Львовна.

— Просто не позволяла, чтобы ей наступали на ногу,— сухо сказалъ Серпуховъ:—и держала себя съ достоинствомъ.

Марья Львовна засмѣялась ироническимъ смѣхомъ.

— Держала себя съ достоинствомъ! Должно-быть, потому и навязалась первому встрѣчному старику.

Юрій Дмитріевичъ разсердился.

— Ну, не тебѣ ее судить!—рѣзко сказалъ онъ.

И, не замѣчая выраженія испуга на лицѣ жены, онъ продолжалъ:

— Она сдѣлала ошибку, за которую и отвѣтила сама... Во всякомъ случаѣ, и она любила Кроля, и онъ любилъ ее...

— Она будетъ бывать у насъ, папа?—спросила Оля.

— Не знаю. Вѣроятно,—отвѣтилъ Серпуховъ.

— А если не будетъ, ты познакомишь меня съ нею?

— Конечно! Она, вѣроятно, не забыла тебя...

— Я ее едва помню... Очень она хороша собою?

— Очень хороша. Прекрасно держитъ себя.

— Кокетка и больше ничего,—вспылила Марья Львовна.— Я думаю теперь старухой стала. Всѣ эти восточные типы рано старѣются. Впрочемъ, реставрируетъ, можетъ-быть, свою красоту. Въ ея положеніи это нужно.

Оля съ любопытствомъ смотрѣла то на мать, то на отца. Она не понимала, съ чего это мама Маня такъ сердится на кузину Маріанну, и почему папа такъ снисходительно смотритъ на проступокъ кузины Маріанны. Она, вѣчно волнующаяся, живая по темпераменту, казалось, была готова хоть сейчасъ побѣжать къ этой кузинѣ, взглянуть на нее, выспросить ее.

Юрій Дмитріевичъ, между тѣмъ, смущенный выходками жены, поспѣшилъ перемѣнить разговоръ и торопливо кончилъ обѣдъ. Послѣ обѣда онъ тотчасъ же собрался на дачу Кроля.

III.

Дача Кроля принадлежала къ числу тѣхъ немногихъ павловскихъ дачъ, гдѣ не пахло городомъ, гдѣ не замѣчалось соглядатайства сосѣдей, гдѣ чувствовалось, что этотъ домъ никогда не отдавался ни съ мебелью, ни безъ мебели сегодня одному, а завтра другому жильцу, имѣвшимъ право разводить въ немъ своихъ тараканов и свою грязь, пропитывать его запахомъ чеснока или постнаго масла. Это была барская дача, построенная хозяевами для себя, окруженная большимъ садомъ, съ видомъ на самое живописное мѣсто парка. Чахоточная госпожа Кроль никогда не жила на этой дачѣ, предпочитая морской воздухъ Ораніенбаума, гдѣ она и окончила свое сварливое, полное внѣшняго блеска и бѣдное внутреннимъ счастьемъ существованіе. Тѣмъ не менѣе, эта дача, возникшая по прихоти богатыхъ людей,

остававшаяся необитаемой, была всегда готова къ пріему хозяевъ и посѣтителей, содержалась заботливо, украшалась цвѣтами.

Серпуховъ по указанію лакея прошелъ черезъ рядъ богато убранныхъ комнатъ и очутился въ просторной гостиной, казавшейся при первомъ взглядѣ на нее какимъ-то чуднымъ уголкомъ богатаго сада, гдѣ среди массы тропическихъ растеній, широколистныхъ латаній, стройныхъ алетрусовъ, музъ и драценъ, густыхъ пандануcовъ и причудливо извивавшихся филодендроновъ были какъ бы разбросаны мягкіе козетки, пуффы и качалки, обтянутые темной зеленой матеріей, мягко сливавшейся съ разнообразными тонами окружающихъ растеній. Въ одномъ углу сидѣла группа людей: женщина въ гладкомъ, темно-сѣромъ платьѣ и двое мужчинъ. При входѣ Серпухова женщина поднялась съ мѣста и пошла ему навстрѣчу, еще издали протянувъ ему дружески руки. Онъ поторопился, горячо сжалъ эти руки и поднесъ ихъ къ губамъ.

— Благодарю!—ласково произнесла она.—Не забылъ.

— Развѣ ты могла думать!—отвѣтилъ онъ.

Онъ окинулъ ее взглядомъ. Это была высокая и стройная фигура. Такъ держалась, должно-быть, въ молодости и Варвара Павловна, немного надменно, съ сознаніемъ своего собственнаго достоинства. Матово-блѣдное, нѣсколько продолговатое, лицо смотрѣло спокойно и было прекрасно, несмотря на нѣкоторую худощавость. Каждая черта этого лица, выраженіе этихъ черныхъ, бархатистыхъ глазъ, едва замѣтная улыбка, скользившая иногда по красиво очерченнымъ губамъ, говорили, что эта женщина много пережила, перечувствовала, передумала и научилась владѣть собою въ тяжелой житейской школѣ. Ей приходилось постоянно быть на-сторожѣ, чтобы оберечь отъ пересудовъ и сплетенъ свою и безъ того двусмысленную репутацію незаконной жены богатаго старика. Отъ ея сдержанности иногда вѣяло холодкомъ недовѣрія къ людямъ.

— Позволь представить тебя моимъ друзьямъ,—сказала она Юрію Дмитріевичу, подводя его къ сидѣвшимъ около круглаго стола мужчинамъ:—Мой кузенъ Юрій Дмитріевичъ Серпуховъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кроль, Альфредъ Альфредовичъ Кроль.

Высокій старикъ съ сѣдыми, коротко подстриженными волосами, съ такими же подстриженными бакенбардами, и щеголеватый молодой человѣкъ, бѣлокурый и голубоглазый,

поднялись съ мѣстъ и поздоровались съ Серпуховымъ. Это были братъ и племянникъ Адольфа Ѳедоровича Кроля, довольно крупные представители биржевого и банковаго мірка съ серьезными лицами не то сановниковъ, не то дипломатовъ, немного деревянные и сухіе, точно затянутые въ тѣсные корсеты.

Всѣ снова сѣли на свои мѣста. Серпуховъ придвинулъ себѣ мягкое кресло.

— Жена, дѣти, всѣ здоровы?—спросила Маріанна.

— Благодарю, здоровы,—отвѣтилъ Серпуховъ.

— Оля, я думаю, уже невѣста? Сеня тоже большой? Ахъ, какъ давно, давно я никого не видала. Они-то меня, вѣроятно, совсѣмъ забыли.

— Оля сегодня готова была идти со мною къ тебѣ,— сказалъ Серпуховъ.

— Милая!—тихо произнесла Маріанна.

Она взглянула на Серпухова какъ-то особенно:

— Ты вѣдь познакомишь насъ?

— О, конечно, конечно! Она еще надоѣстъ тебѣ!—поторопился онъ сказать, уловивъ въ ея тонѣ нерѣшительность.— Она у меня немножко съ душкомъ, капризничать любитъ, но добрая дѣвочка.

— Я рада увидѣть всѣхъ, всѣхъ,— проговорила она:— за границей жила очень одиноко, хотя народу было много кругомъ.

— У васъ въ Парижѣ было избранное общество,— серьезно и степенно замѣтилъ старшій Кроль.

— Да, все мужчины: артисты, литераторы, политическіе дѣятели—для ума было много работы, а для сердца очень ужъ мало. Впрочемъ, я все же многимъ обязана моимъ парижскимъ друзьямъ, пришлось передумать многое, о чемъ прежде и не думалось...

Разговоръ сдѣлался общимъ, коснулся литературы и искусства, общественной и политической жизни. Маріанна говорила серьезно и толково; видно было, что она интересовалась всѣми животрепещущими вопросами и много читала объ этихъ вопросахъ. Ея блѣдное лицо нѣсколько зарумянилось и стало еще прекраснѣе. Серпуховъ залюбовался ею. Особенно понравилось ему, когда она серьезно и горячо заспорила со старшимъ Кролемъ о томъ, что французы еще дождутся возмездія, отплатятъ за пораженія начала семидесятыхъ годовъ, хотя буржуалія въ сущности боится и думать объ этомъ и хочетъ всего достигнуть не

войной, а дипломатіей. Такъ вѣдь дешевле! Кроль былъ обрусѣвшій нѣмецъ, и его очень мало заботили Германія и Бисмаркъ; онъ даже нѣсколько будировалъ на нихъ за нашу промышленность и за нашъ курсъ. Маріанна толково указала на то, что если въ республикѣ и не все безупречно, то все же это не времена второй имперіи, что стремленіе собраться съ силами, организоваться прочнѣе, развиться всестороннѣе, замѣтно въ обществѣ. Она указала, между прочимъ, на лигу патріотовъ, на дѣятельность этого общества, обѣщающаго въ будущемъ дать хорошіе плоды отчизнѣ. Это не однѣ мальчишескія выходки, а серьезная, медленная работа подъема духа въ странѣ. Младшій Кроль, соглашаясь съ нею, что такія начинанія, какъ лига патріотовъ, вполнѣ почтенны, все же указалъ на нѣкоторыя неприглядныя стороны въ новѣйшей литературѣ, особенно въ отдѣлѣ беллетристики Франціи, какъ на проявленіе того, что старый Вавилонъ остался все тѣмъ же Вавилономъ, гдѣ люди жаждутъ скандала и гдѣ всякія сальности встрѣчаются успѣхомъ.

— А не говорите этого, — горячо вступилась Маріанна за французовъ. — Я согласна, что многое очень не приглядно, особенно у второстепенныхъ представителей французскаго натурализма и реализма. Но отбросьте это, и передъ вами явится новая школа — люди, такъ или иначе, стремящіеся внести въ беллетристику серьезное направленіе. Это крайне важно, если даже исполненіе задачи не всегда соотвѣтствуетъ самой задачѣ. Иногда же и исполненіе задачи вполнѣ достойно самой задачи, и уже теперь можно указать на нѣкоторыя произведенія, которыя служатъ не однимъ времяпрепровожденіемъ, а наводятъ на серьезныя размышленія. Этого нельзя отрицать... Хорошо уже и то, что стремленіе къ серьезности въ беллетристикѣ заставило Францію обратить вниманіе, напримѣръ, на крупныхъ представителей нашей русской беллетристики. Вѣдь ужъ наши-то выдающіеся романисты стоятъ внѣ подозрѣній въ томъ, что свой успѣхъ они покупаютъ склонностью къ скандалу, къ скабрезности, къ сальностямъ, а между тѣмъ эти люди уже находятъ цѣнителей во Франціи...

Она закончила:

— Можетъ-быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что романъ въ настоящее время во Франціи стоитъ гораздо выше, по своимъ задачамъ, романа въ Англіи и Германіи. Я, ко-

нечно, говорю не о базарной литературѣ, которая вездѣ одинаково мелка и пошла...

Она перешла къ другой сторонѣ французской жизни и указала на слабую ея сторону, на женское образованіе, которому можно многаго и многаго желать.

— Особенно въ настоящее время, когда рядомъ съ Франціей, въ Италіи идетъ такое сильное движеніе по тому вопросу, за который стоитъ сама королева...

И вдаваясь въ подробности этого вопроса, она указала, гдѣ и что сдѣлано для высшаго женскаго образованія, гдѣ и куда допущены женщины въ высшія сферы общественной дѣятельности.

Въ гостиную вошла Варвара Павловна, ведя за руки двухъ малютокъ, дѣвочку и мальчика. Она сказала правду, это были хорошенькіе, какъ херувимы, ребятишки, одѣтые со вкусомъ въ бѣлые лѣтніе костюмы. Маріанна поцѣловала ихъ, поцѣловала руку матери и познакомила дѣтей съ Серпуховымъ. Романова, очевидно, не могла налюбоваться на нихъ, они тоже ласкались къ ней, какъ къ той доброй феѣ, о которой имъ разсказывала мать, прибавляя, что они скоро ее увидятъ. На Серпухова это обстоятельство произвело какое-то щемящее впечатлѣніе. Эта женщина не только умѣла привязать къ себѣ своихъ дѣтей, но даже пріучила ихъ любить свою мать, никогда не виданную еще дѣтьми. А его Маня...

«Бѣдная, бѣдная, у нея такъ мало развитія, — со вздохомъ подумалъ онъ. — И умъ, и сердце, все застыло въ состояніи первобытнаго неосмысленнаго дѣтскаго эгоизма. Много онъ самъ виноватъ передъ нею. Не сумѣлъ развить, поднять ее... Какъ она встрѣтится съ Маріанной? Ей все будетъ чуждо въ этой женщинѣ, вполнѣ сформировавшейся, всесторонне развившейся, все будетъ вызывать только раздраженіе и мелкія пошлыя выходки безсмысленной вражды»...

А разговоръ, прерванный приходомъ дѣтей, снова оживился и увлекъ Серпухова. Онъ давно уже не былъ такъ возбужденъ, не касался такихъ вопросовъ, какіе обсуждались здѣсь. Ему казалось, что онъ помолодѣлъ на два десятка лѣтъ. Ему припомнились тѣ давно минувшіе годы, когда онъ засиживался за полночь въ кругу пріятелей, горячась и споря, доказывая и протестуя.

Часовъ въ девять явился неожиданно Шаховъ

— Женя! вотъ-то сюрпризъ! — воскликнула Маріанна и радушно пожала руку Евгенію Александровичу.

— Не могъ утерпѣть, чтобы не явиться. Услыхалъ, что ты здѣсь, и бросился къ тебѣ.

Онъ обернулся къ Романовой.

— И вы здѣсь, тетя! Маріанна, представь же меня молодому поколѣнію! Они, я думаю, забыли уже меня...

Онъ расцѣловалъ дѣтей.

— И все по-старому ты вѣтрогонъ? Все такъ же не знаешь, куда пристроить свои привязанности? Все тотъ же мальчикъ, ищущій къ кому бы приласкаться? — съ улыбкой разспрашивала его Маріанна, представивъ его Кролямъ, съ которыми, какъ оказалось, Шаховъ былъ уже знакомъ.

— Ну, ну, пойдетъ журить! — засмѣялся Евгеній Александровичъ. — Она меня и за границей въ третьемъ году журила такъ же.

— Да какъ же не журить?

Она обернулась къ присутствующимъ:

— Вотъ человѣкъ, у котораго нѣтъ никакихъ привязанностей.

— У Жени-то,—воскликнулъ Серпуховъ.—Да онъ всѣхъ и все любитъ. Это ходячая привязанность...

— Кто любитъ всѣхъ и все, тотъ не любитъ никого и ничего,—отвѣтила Маріанна.

И съ улыбкой она добавила:

— Въ Швейцаріи я видѣла одну дѣвочку, дочь князя Горлицына...

Шаховъ перебилъ ее со смѣхомъ:

— Пощади! Пощади!—и онъ обернулся къ присутствующимъ. — Господа, я ужъ лучше самъ разскажу!.. Она видѣла эту дѣвочку и удивлялась, что та одинаково охотно брала въ руки душистые цвѣты и комья грязи, одинаково шла на руки къ своей нянькѣ и къ трубочисту. Она, Маріанна, спросила у няньки, что это значитъ. Нянька отвѣтила ей: она идіотка у насъ...

Шаховъ снова разразился веселымъ и безпечнымъ смѣхомъ:

— Господа, она, жестокосердая Маріанна, приравняла меня къ этой княжнѣ!

Серпуховъ расхохотался. По лицамъ Кролей скользнули сдержанныя улыбки.

— Да я же, ей-Богу, не идіотъ!—сказалъ Евгеній Александровичъ, продолжая задушевно смѣяться.

— Но согласись, что отзывчивость твоего сердца похожа на отзывчивость сердца этой бѣдной княжны, — сказала Маріанна.

— Ужъ ты бы лучше сравнила меня съ мотылькомъ, стремящимся одинаково и къ лучамъ солнца, и къ огню.

— Нѣтъ, нѣтъ, — протестовала Маріанна: — мотылекъ стремится только къ свѣту, а ты ко всему безъ разбора.

Шаховъ, махнувъ рукой, заговорилъ серьезно съ младшимъ Кролемъ. Старшій Кроль взглянулъ на часы и сказалъ, что ему пора ѣхать. Онъ всталъ и отошелъ съ Маріанной къ окну, передавая ей что-то въ полголоса по-англійски. Серпуховъ, опустивъ на руку голову, задумался, глядя на дѣтей, игравшихъ съ Варварой Павловной. Маленькая дѣвочка приставала къ старухѣ:

— А мама была маленькая? А ты, бабушка, была и тогда большая? Ты ей тоже разсказывала сказки? Да? Мама сама говорила. Разскажетъ сказку и говоритъ: «мнѣ моя мама это разсказывала». Но ты лучше мамы разсказываешь...

Серпуховъ безсознательно сжалъ голову обѣими руками, облокотившись на столъ. Ему думалось: «кто и какія сказки разсказывалъ моимъ дѣтямъ? Что они будутъ говорить своимъ дѣтямъ о своихъ мамѣ и папѣ?» Маріанна проводивъ старика Кроля, подошла къ Юрію Дмитріевичу и тихо спросила:

— О чемъ задумался?

Онъ вздрогнулъ, повернулъ голову и, невольно поцѣловавъ ея руку, тихо сказалъ:

— Приласкай мою Олю, Маріанна!

Она пристально взглянула на него, вспомнила все, что ей писала мать о его женѣ, вспомнила свои давно прошедшія мимолетныя встрѣчи съ этой женщиной, и угадала чутьемъ все. Она тихо сказала ему:

— Я рада, что ты позволяешь мнѣ приласкать ее...

Онъ недоумѣло взглянулъ на нее.

— Она же почти невѣста... а я—ты знаешь мое общественное положеніе,—сказала она.

— О!—воскликнулъ онъ.—Если бы Олѣ пришлось жить у тебя, я и тогда былъ бы за нее болѣе покойнымъ, чѣмъ...

Онъ не договорилъ, стыдясь докончить фразу, стыдясь даже намекнуть на то, какъ мало онъ уважаетъ свою жену.

IV.

Юрій Дмитріевичъ возвращался домой въ невеселомъ настроеніи. Онъ добрелъ до дачи, ни на что не обращая вниманія, какъ-то машинально отперъ калитку своего садика, заперъ ее снова, прошелъ на террасу.

— Это ты, папа?—окликнула его Оля.

— Оля, ты еще не спишь? — изумился онъ и обезпокоился.—Опять головка болитъ? Да?

Онъ пощупалъ ея голову, горячую, съ бившимися на вискахъ жилками. Его лицо близко склонилось къ лицу дочери: впотьмахъ ему хотѣлось разсмотрѣть ея глаза, не красны ли они отъ слезъ.

— Я, папа, здорова,—коротко отвѣтила она.—Сядь, разсказывай.

— О чемъ?

— Какой нашелъ ты кузину Маріанну? Что говорили? Ахъ, все, все разсказывай!..

Она усадила его, сѣла рядомъ съ нимъ на ступени террасы, готовая слушать. Что онъ могъ ей разсказать? Маріанна похудѣла, поблѣднѣла, но все хороша попрежнему. Умственно она развилась еще болѣе, много читала, много думала, много пережила. Тяжелыя уроки житейской школы пошли въ прокъ. Держитъ себя серьезно и съ достоинствомъ и въ то же время сердечна, ласкова, просила познакомить ее съ ней, съ Олей. Вотъ и все.

— Такъ вѣдь это же низко, низко! — топнувъ ногой, вскрикнула Оля.—Какъ она смѣетъ ругать Маріанну? Какъ смѣетъ?

Она вышла изъ себя, горячась и волнуясь.

— О комъ ты, о комъ? — допрашивалъ растерявшійся Серпуховъ.

— Ахъ, о комъ же, какъ не о мамѣ Манѣ!—отрывисто отвѣтила дочь.—Меня называютъ злючкой, ну да, я злючка, нравственный уродъ, а она... О, она хуже, хуже меня!

Она вскочила и быстро заходила по террасѣ, теребя конецъ своей косы. Ее душилъ приливъ негодованія.

— Да ты успокойся, не горячись, не злись! — сказалъ Серпуховъ.—Что случилось?

— А вотъ что, — страстно отвѣтила Оля. — Пришелъ Евгеній Александровичъ; мама сейчасъ же заявила о пріѣздѣ Маріанны. Онъ, конечно, заволновался: «надо идти навѣстить ее, повидать». Мама сейчасъ осатанѣла...

— Оля, что за выраженіе! — остановилъ ее Серпуховъ съ упрекомъ.

— Ну да, ну да, осатанѣла, осатанѣла! — топая ногой, крикнула Оля.—Какъ же иначе сказать, когда она начала ругать невиннаго человѣка? Содержанка, развратница, старуки продалась...

Она остановилась передъ отцомъ съ вызывающимъ видомъ:

— Папа, это правда?

Онъ, тяжело переводя духъ, отвѣтилъ твердо:

— Нѣтъ!

Ему было тяжело сказать своей дочери, почти дѣвочкѣ, что онъ ни за что не обвиняетъ Маріанну.

— Ну, я такъ и знала, такъ и знала, что она лжетъ! — вскричала Оля, тяжело дыша. — Это низко, низко!

— Оля, погоди! — тихо остановилъ онъ дочь. — Слушай...

Онъ удержалъ ее за руку, посадилъ рядомъ съ собою, началъ говорить. Онъ старался, неловко и неумѣло, выяснить дочери, въ чемъ виновата Маріанна, въ чемъ у нея есть оправданія. На языкъ навертывались такія слова, что ихъ какъ будто неловко было произносить передъ дочерью-дѣвочкой: онъ спохватывался, поправлялся, путался еще болѣе. Ему казалось, что онъ говоритъ что-то безнравственное. Потомъ казалось еще болѣе безнравственнымъ оставлять безъ оправданія ту женщину, которую онъ уважалъ. Но все же... пойметъ ли Оля сущность дѣла? не истолкуетъ ли она его слова въ другомъ смыслѣ? Его лицо покрылось потомъ, точно онъ прошелъ длинный путь съ тяжелой ношей. Совсѣмъ онъ не умѣлъ играть роль отца. Ольга слушала его молча, внимательно, съ разгорѣвшимися щеками, кивая головой въ знакъ согласія и прибавляя:

— Я такъ и думала, такъ и думала!

И, опять загорячившись, она, наконецъ, перебила разсказъ отца:

— А она ругала, ругала ее, и когда Евгеній Александровичъ, многозначительно указывая на меня глазами, старался, остановить и образумить ее, она даже расплакалась...

— Расплакалась? — съ удивленіемъ спросилъ Юрій Дмитріевичъ, сдвинувъ брови. — О чемъ?

— Ну да, какъ же! Вы, мужчины, видишь ли, къ падшимъ женщинамъ всегда готовы бѣжать. Честныя женщины для васъ, мужчинъ, ничего не значатъ. Маріанну теперь мужчины на рукахъ будутъ носить, благо это богатая кокотка, съ которой можно повѣсничать! Ахъ, какая низость!

Серпуховъ тихо прошепталъ:

— И это все при тебѣ говорилось или... подслушала ты?

— Да за кого ты меня считаешь? — гнѣвно крикнула дочь.—Ты... ты тоже...

Она капризно отвернулась отъ него.

— Шпіонку нашелъ!..

И вдругъ, что-то сообразивъ, она расплакалась:

— Впрочемъ, шпіонка и есть!.. Передаю все, что слышала... сплетничаю... ябедничаю... Что-жъ, развѣ я виновата, что мнѣ не съ кѣмъ поговорить, душу отвести?.. Тебѣ стану говорить... сплетничать значитъ... наушничать... а то кому же сказать?.. Кто у меня есть... дуры-гимназистки, такія же ничего несмыслящія, какъ я?..

Она плакала горькими слезами. Онъ взялъ ее руками за голову, склонилъ эту голову къ себѣ на грудь и сталъ цѣловать ее въ волоса.

— Ну, полно, полно, дѣточка!—успокаивалъ онъ ее. — Никто тебя ни въ чемъ дурномъ не подозрѣваетъ...

Подъ вліяніемъ его ласкъ, она мало-по-малу успокоилась, осушила слезы и заговорила своимъ обычнымъ тономъ — немного резонирующимъ тономъ взрослой дѣвочки:

— И на Евгенія Александровича мнѣ было досадно. Очень онъ ужъ нянькой смотритъ. Ублажать сталъ, размякъ. О, если бы я была мужчиной! Сейчасъ бы сказала: «Вамъ-то что за дѣло, сударыня? Куда хочу, туда и иду!» А онъ: «неловко, надо зайти, что скажутъ Маріанна и тетя Варя, если узнаютъ». Совсѣмъ не мужчина. Я очень, очень теперь сердита на него. Нѣсколько дней буду показывать, что дуюсь на него...

Далеко за полночь Серпуховъ проводилъ дочь въ домъ, а самъ снова вернулся на террасу и сѣлъ на ступени, охваченный тяжелыми думами. Съ чего это Маня такъ взволновалась и расплакалась, узнавъ, что Шаховъ идетъ къ Маріаннѣ? Вѣдь отпустила же она туда его, Серпухова?.. Нелѣпая, какъ ему показалась самому, мысль пришла ему въ голову: «ужъ не влюблена ли Маня въ Шахова? не ревнуетъ ли». Онъ усмѣхнулся. Десятки лѣтъ Шаховъ бываетъ у нихъ, росъ онъ съ Маней, и вдругъ представить себѣ, что Маня влюбилась въ него! Какъ это глупо! Завидуетъ просто она Маріаннѣ, что та будетъ богата, съ положеніемъ въ свѣтѣ... Ну, да это пройдетъ. У Маріанны много такта. Она обойдетъ острые углы. Только бы она приласкала Олю. Олѣ нужна развитая и опытная подруга-руководительница. Бѣдная дѣвочка, какъ у нея неровенъ характеръ, какъ она одинока и заброшена... Слова тоже какія сры-

ваются съ языка, грубыя, вульгарныя. Воспитанія не видно... А у нея есть чутье. Какъ она вдругъ угадала характеръ Шахова. Почти то же сказала, что Маріанна. Да, тряпка онъ человѣкъ... Тряпка? А онъ, Серпуховъ, развѣ не тряпка-человѣкъ? Большинство мужчинъ теперь такіе... Ничтожные, опошлившіеся, утратившіе все среди кабаковъ и кокотокъ... И это руководители...

Начинало свѣтать, когда Серпуховъ поднялся съ мѣста и пошелъ спать, болѣе спокойный, но все же задумчивый и озабоченный. Что-то новое назрѣвало въ его жизни, онъ это угадывалъ чутьемъ, смутно и неопредѣленно, но все же угадывалъ съ безотчетной и щемящей тревогой въ сердцѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда, никогда я не буду играть такъ, какъ ты,—говорила Оля, волнуясь и горячась.

Она ходила взадъ и впередъ по большой залѣ на дачѣ Кроля, раскраснѣвшаяся, съ сверкающими глазами. Маріанна, только-что окончившая одну изъ трудныхъ пьесъ Листа, сидѣла у рояля и задумчиво слѣдила за каждымъ угловатымъ движеніемъ молодой дѣвушки.

— Никакихъ талантовъ, никакихъ способностей, характеръ отвратительный и ко всему вдобавокъ—уродъ! О, зачѣмъ я живу, зачѣмъ живу?—страстно и гнѣвно продолжала Оля, сдвинувъ брови и теребя въ рукахъ носовой платокъ.— Быть вѣчно ничѣмъ, полнѣйшимъ ничтожествомъ, не возбуждать ни въ комъ ни симпатіи, ни любви...

Маріанна не прерывала ее, зная, что маленькая буря скоро утихнетъ. Она давно уже успѣла привыкнуть къ этимъ вспышкамъ «своей дѣвочки», какъ она прозвала Олю. Наконецъ, Оля замолчала, какъ бы обезсиливъ отъ этого порыва. Тогда Маріанна подняла голову и тихо спросила ее:

— Ну, ты все высказала?

И, не дожидаясь отвѣта, позвала ее:

— Теперь поди сюда!

Оля очнулась, подошла къ ней, уже смущенная и покорная.

— Что тебѣ?—спросила она.

Маріанна, взявъ ее за руку, привлекла ее къ себѣ и обняла за талью.

— Сядь вотъ тутъ.

Оля сѣла рядомъ съ нею.

— Такъ тебя никто не любитъ?—съ улыбкой сказала Маріанна.—Отецъ не любитъ? Я не люблю?

Оля горячо обняла ее.

— За что?—съ улыбкой спросила Маріанна.—Вѣдь я же тебя не люблю.

— Ты всѣхъ любишь! —воскликнула Оля.

— Да? — спросила Маріанна, заглядывая ей въ лицо.— Всѣхъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, не всѣхъ,— торопливо отвѣтила Оля, качая отрицательно головою, и опять стала ее цѣловать.

— Дѣвочка, задушишь!—съ улыбкой проговорила Маріанна. — Но тебя хотя и можно полюбить, а журить надо. Съ чего ты опять волнуешься? Оттого, что я хорошо сыграла Листа? Вѣдь не оттого? Не такъ ли? Вѣдь ты еще успѣешь научиться такъ играть. Ты это знаешь. Способности есть. Успѣхи замѣтны. Ну, разсказывай, кто тебя обидѣлъ?

Она заглянула ей въ лицо.

— Вѣдь обидѣли?

— Да,—тихо проговорила Оля, кивнувъ утвердительно головой.

Она начала жаловаться. Мать опять сдѣлала ей сцену при Шаховѣ. Опять изъ-за пустяковъ. Она начала распрашивать Евгенія Александровича о заинтересовавшихъ ее при чтеніи одной статьи вопросахъ, а мать сказала: «Когда ты перестанешь надоѣдать Женѣ? Ужъ не въ профессора ли ты готовишься? Покуда еще для васъ, къ сожалѣнію, каѳедръ не открыли! Нечѣмъ щеголять, такъ хоть ученой хочетъ прикинуться». И потомъ опять попробовала удалить ее изъ комнаты, чтобы остаться съ Шаховымъ вдвоемъ. Ей это нужно, чтобы жаловаться на всѣхъ, на папу, на Сеню, на нее. Она, Оля, вышла изъ терпѣнія, нагрубила матери, а онъ, Шаховъ, такъ посмотрѣлъ на нее, съ такимъ упрекомъ, что ей хотѣлось провалиться сквозь землю. Ну да, она опять скверныхъ словъ наговорила, какъ кухарка разругалась. Что-жъ дѣлать? Зачѣмъ мать выводитъ ее изъ терпѣнія при немъ? Ну, пусть бы дразнила безъ него. А то заставляетъ ее выйти изъ себя, а онъ будетъ думать, что она и въ самомъ дѣлѣ такъ дурна, такъ зла, такой нравственный уродъ. Маріанна слышала подобныя жалобы уже не разъ въ два мѣсяца своего пребыванія въ Павловскѣ и чутьемъ женщины угадывала, что это начало любви молодой дѣвушки къ Шахову. Передъ нимъ ей хотѣлось являться

въ лучшемъ свѣтѣ, его осужденія она болѣе всего боялась для него ей хотѣлось исправиться. Это было очевидно. А онъ? Любитъ ли онъ Ольгу? Можетъ ли онъ вообще полюбить кого-нибудь страстно, а не такъ, какъ онъ любитъ всѣхъ. Маріаннѣ было грустно, что она не можетъ спросить прямо Шахова о его чувствахъ къ Олѣ. Вмѣшиваться въ это дѣло преждевременно было рискованно. Вѣдь покуда и сама Оля не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что она любитъ молодого человѣка. Если бы она отдавала себѣ въ этомъ отчетъ, она сказала бы все Маріаннѣ. Маріанна знала каждую ея мысль, каждое ея ощущеніе... Она начала успокаивать «свою дѣвочку»: никто не подумаетъ о ней ничего дурного, ея строптивость, ея капризы, ея раздраженія — просто свойства ея молодости; это не злость, а вспыльчивость, неумѣнье владѣть собою; отъ этого нужно отвыкать, нужно переспилить себя, но никто ее за это не возненавидитъ, не осудитъ особенно строго, тѣмъ болѣе, что причины вспышекъ ясны для всѣхъ... Утѣшая ее, Маріанна незамѣтно перешла къ болѣе серьезнымъ вопросамъ:

— Но тебѣ нужно побольше работать, заниматься музыкой, читать, развивать себя. У тебя много пробѣловъ не въ одномъ характерѣ, а и въ образованіи...

— Да, да, я знаю! Прежде этого мнѣ никто не говорилъ, потому и не знала, а ты вотъ указала... Господи, какая я неразвитая, необразованная, глупая. А туда же во всѣ разговоры мѣшалась, о важныхъ вопросахъ судила и рядила. Посмѣшищемъ была. Тоже потѣшала общество своимъ бренчаньемъ на фортепіано. Воображала, что это музыка. Теперь вспомнить стыдно.

И вдругъ, взволновавшись еще болѣе, она закончила:

— А онъ, Евгеній Александровичъ,—онъ ни разу даже не намекнулъ, что я похожа на шутиху со своимъ самомнѣньемъ. Это вѣдь дурно, очень дурно съ его стороны. Правда?

Она схватила за руку Маріанну:

— Да? Правда? Правда?

— Онъ, можетъ-быть, боялся, что ты обидишься,—мягко сказала Маріанна.

— О, развѣ онъ могъ это думать!—воскликнула Ольга.

Она неожиданно спросила Маріанну.

— Ты же вотъ не побоялась, что я обижусь?

— Онъ мужчина...

— Нѣтъ, нѣтъ, это у него дурная черта, — перебила

Оля.—Онъ не говоритъ правды въ глаза, никогда не говоритъ!

— Для этого нужно имѣть особенное мужество, Оля, и главное—быть увѣреннымъ, что правда не сочтется за дерзость или обиду...

Оля задумалась.

— А когда любишь кого-нибудь?—въ раздумьи спросила она и тотчасъ же прибавила:—Вотъ я теперь люблю папу, тебя, такъ я все, все вамъ въ глаза скажу и не побоюсь, что вы разсердитесь. Никогда, никогда не побоюсь!

Маріанна улыбнулась.

— Что же ты мнѣ ничего, никакой правды не сказала до сихъ поръ въ глаза?

Оля взглянула на нее влюбленными глазами.

— Я тебѣ одно, одно только скажу.

— Что?

— Сердце мое!

Она обвила ее своими руками и начала горячо цѣловать ея лицо, ея руки...

Она до этой поры не знала, что значитъ страстная привязанность, обожаніе. Теперь она вполнѣ испытывала это чувство, и оно дѣлало ее такой счастливой, что иногда она какъ бы замирала отъ блаженства, любуясь Маріанной. Каждый жестъ, каждая фраза, каждый поступокъ этой женщины вызывали ея восторгъ. Ея страстная натура, жаждавшая привѣта, любви, ласки, сказалась теперь вполнѣ;—сказалась такъ полно, можетъ-быть, уже и потому, что встрѣча съ Маріанной совпала со временемъ первой любви, еще не вполнѣ сознанной, еще не высказанной. Молодыя дѣвушки, начиная любить мужчину, часто дѣлаются страстными въ отношеніяхъ къ избраннымъ подругамъ. Это было и съ Олей. Какъ бурно проявлялись ея капризы и гнѣвныя выходки, такъ бурно проявлялась теперь и любовь.

II.

Маріанна не могла бы объяснить, какъ она завоевала симпатію Оли. Это сдѣлалось само собою. Серпуховъ привелъ Олю къ Маріаннѣ, и та сразу обласкала дѣвушку, отнеслась къ ней, какъ сестра, не свысока, не покровительственно, а какъ равная къ равной. Она знала изъ писемъ своей матери, что дѣти Серпухова несчастны, плохо воспитаны, испорчены въ отношеніи характеровъ, и это заставило ее еще теплѣе отнестись къ этому «бѣдному ребенку». Оля, отчасти подкупленная въ пользу Маріанны разсказами отца,

отчасти проникнувшаяся мыслью на ало матери отнестись хорошо къ кузинѣ, при первомъ же визитѣ къ Маріаннѣ обошлась съ ней любезно, принявъ немного комичный покровительственный тонъ взрослой барышни, желающей показать подругѣ, что она будетъ съ ней въ хорошихъ отношеніяхъ, «несмотря на свѣтъ и его толки». Но эта напускная нотка комичнаго по своей наивности покровительства быстро исчезла подъ вліяніемъ обаятельной простоты молодой женщины.

Въ этотъ же день перваго свиданія съ Маріанной у Оли сорвалось съ языка признаніе:

— Я вѣдь капризная, капризная!

Маріанна, привѣтливо улыбаясь ей, отвѣтила:

— Счастливица!

— То-есть почему это? — удивленно спросила Оля.

— Потому что можешь капризничать... Я вотъ тоже, покуда жила только съ мамой, капризничала... А потомъ — чужіе люди научили сдерживаться, смиряться, молчать...

Она вздохнула:

— Одиночество тяжело, а чужіе люди уйдутъ и бросятъ, если не сумѣешь ладить съ ними.

— Такъ значитъ ради того, чтобы имѣть около себя людей, нужно сносить всякія глупости и подчиняться всякимъ нелѣпымъ требованіямъ? — запальчиво воскликнула Оля.—Это ужъ подло!

Маріанна улыбнулась, качая отрицательно головой.

— Надо вырабатывать умѣнье подчинять себѣ людей,— отвѣтила она.—Капризы отпугиваютъ ихъ, извѣстный тактъ подчиняетъ ихъ намъ. Жизнь, Оля, среди чужихъ — суровая школа. Въ ней учатъ не любовью, не лаской, не кротостью, а цѣлымъ рядомъ щелчковъ, уколовъ, щипковъ...

Это былъ ихъ первый серьезный разговоръ. Потомъ онѣ проводили цѣлые вечера, цѣлые дни вмѣстѣ. Оля неожиданно узнала, что она вовсе не знаетъ музыки, что ея французскій выговоръ отвратителенъ, что общественные вопросы, о которыхъ она судила вкривь и вкось, для нея нѣчто совершенно неизвѣстное, что ея умъ въ сущности остается въ дѣтскомъ состояніи, а ея манеры такъ рѣзки и выраженія подчасъ такъ вульгарны, что могутъ всегда вызвать въ отвѣтъ дерзость, что въ сущности она покуда ничто, и что ей нужно много, безконечно много трудиться, чтобы быть чѣмъ-нибудь для людей. Людское уваженіе не дается даромъ, оно берется съ бою, завоевывается медленно, упорнымъ трудомъ, постоянной работой надъ собою. Иногда

Оля доходила чуть не до криковъ, чуть не до топанья ногами въ разговорахъ съ Маріанной, указывавшей ей на ея недостатки. Маріанна пережидала эти вспышки, потомъ подзывала Олю къ себѣ, усаживала ее рядомъ и спрашивала:

— Теперь ты накричалась на меня? Можно, значитъ, говорить по-дружески? Да?

Оля сконфуженно кивала головой и иногда прятала свое вспыхнувшее румянцемъ стыда лицо на плечѣ молодой женщины и безмолвно цѣловала ея руки.

Отъ вниманія Юрія Дмитріевича не ускользнули отношенія Маріанны и его дочери, не могли уже ускользнуть, потому что Оля только и говорила ему о Маріаннѣ. Онъ, какъ-то улучивъ удобную минуту, горячо сталъ благодарить молодую женщину за то, что она приласкала его дѣвочку.

— Я буду счастлива, если сдѣлаю что-нибудь хоть для нея,—отвѣтила грустно Маріанна.—Ты, Юрій, конечно, не ошибаешься на мой счетъ и не считаешь меня счастливицей, которая не понимаетъ чужого горя.

Она ласково взглянула на него. Онъ какъ-то осунулся, постарѣлъ и опустился въ послѣднее время. Этотъ сильный по внѣшности и слабый по натурѣ человѣкъ, прозванный пріятелями «большой бабой», переживалъ то, чего онъ никогда не переживалъ прежде. Онъ увидалъ, что его семейнаго счастья въ сущности не существовало никогда; только теперь это стало ему очевиднымъ. Сперва онъ только подтрунивалъ надъ господами-дѣтьми, теперь онъ видѣлъ, что эти дѣти могутъ погибнуть, если ихъ не поддержать во-время. Впервые его глаза открылись, когда расплакалась передъ нимъ Оля; потомъ пошли дни мелкихъ ссоръ съ женою, заставившіе его попристальнѣе взглядѣться въ свои отношенія къ женѣ; далѣе его начало смущать, особенное поведеніе сына - хлыщеватость, фатовство мальчугана, стремившагося обратить на себя вниманіе своимъ щегольствомъ и проматываніемъ денегъ. Отдѣлываться шуточками и пропіей уже было трудно; нужно было перевоспитывать этихъ людей. Но какъ? Этого-то и не умѣлъ сдѣлать онъ, неумѣлый мужъ, неумѣлый отецъ. Когда Маріанна приняла подъ свое крыло Олю, онъ обрадовался, точно сознавая, что хоть одна личность изъ его семьи нашла спасенье. Маріанна угадывала его чувства и откровенно разговорилась съ нимъ, какъ со старымъ другомъ. До этого времени онъ чутьемъ неглупаго и добраго человѣка угадывалъ и отчасти зналъ изъ отрывочныхъ разсказовъ тетки, что̀ пережила въ по-

слѣдніе годы Маріанна. Но только послѣ интимныхъ бесѣдъ съ нею онъ увидалъ, какъ глубоко прочувствовала эта женщина пережитое ею. Когда она, жаждавшая блеска и роскоши, увлекшаяся любовью Кроля, уѣхала за границу, она быстро отрезвилась отъ своихъ золотыхъ грёзъ и увидала ложность своего положенія. Ей пришлось замкнуться въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ, ей приходилось строго слѣдить за собою, чтобы завоевать уваженіе тѣхъ, кто посѣщалъ ее, и заставить ихъ забыть, что она не болѣе, какъ любовница чужого мужа. Когда-то она мечтала о сценѣ піанистки, ей пришлось отказаться и отъ этихъ грёзъ, избѣгая публичности, газетныхъ толковъ и слуховъ. Замкнувшись у себя дома и видя у себя почти исключительно мужчинъ, она стала заботиться о своемъ умственномъ развитіи, много читала, многимъ интересовалась, но иногда ее охватывала такая щемящая тоска, что, несмотря на любовь къ Кролю, порою ей хотѣлось взять дѣтей и, бросивъ все, бѣжать въ Россію къ матери и трудиться, какъ трудится ея мать. У нея недоставало дѣла, когда былъ избытокъ силъ. Теперь, можетъ-быть, для нея настанетъ новая жизнь. Кроль богатъ, у него есть пріюты, богадѣльни, можетъ-быть, хотя на этомъ поприщѣ ей удастся примѣнить свои силы...

— Нянчиться мнѣ теперь съ кѣмъ-нибудь надо, надо поднять себя въ своихъ собственныхъ глазахъ, надо наполнить свою жизнь, — говорила она Серпухову.—Вотъ почему, Юрій, я такъ рада, что могу хотя что-нибудь сдѣлать для твоей дочери.

Когда Серпуховъ уходилъ отъ нея въ этотъ день, онъ былъ спокоенъ за Олю, твердо вѣря, что ея судьба въ хорошихъ, заботливыхъ рукахъ.

III.

Маріанна, сильная по натурѣ, заботливо воспитанная матерью, пережившая тяжелый искусъ незаконной жены богатаго старика, вращавшаяся въ избранныхъ кружкахъ мужского европейскаго общества, была такой рѣзкой противоположностью ничему не учившейся и ничему не научившейся, слабой и безхарактерной Марьи Львовны, что нечего было думать о ихъ сближеніи или дружбѣ. Но обстоятельства сложились такъ, что прежде встрѣчи съ Маріанною Марья Львовна почувствовала въ ней почти ненависть: она въ ней видѣла только падшую женщину и завидовала ея богатству, но эта мелочная зависть быстро

превратилась въ болѣе страстное чувство враждебности, когда не только Серпуховъ, но и Шаховъ стали часто посѣщать Маріанну, видя въ ней одну изъ тѣхъ не часто встрѣчающихся женщинъ, которыя, не утрачивая своей обаятельной женственности, могутъ говорить съ мужчинами серьезно и основательно не объ однѣхъ модахъ, театрѣ, свѣтскихъ удовольствіяхъ и тому подобномъ. Вслѣдъ за Серпуховымъ и Шаховымъ потянуло въ домъ Маріанны Олю и Сеню, первую влекла сюда чарующая ласка молодой кузины; второго привлекала блестящая обстановка ея дома, ея гости—родные Кроля, казавшіеся юношѣ если не представителями самаго высшаго общества, то представителями самаго богатаго круга Петербурга, съ которыми было пріятно раскланиваться на музыкѣ въ Павловскомъ вокзалѣ и говорить потомъ товарищамъ: «это мой пріятель, сынъ банкира», или «это нашъ добрый знакомый, директоръ желѣзныхъ дорогъ». Почти незамѣтно, въ какой-нибудъ мѣсяцъ Марья Львовна почувствовала себя одинокой въ своемъ домѣ, а если она была не одинока, то въ ея присутствіи только и говорили, что о Маріаннѣ. Это раздражало. Но этого было мало: встрѣтившись съ Маріанной, Марья Львовна сразу почувствовала сама, что она является какой-то маленькой дѣвочкой передъ этой вполнѣ сформировавшейся и всесторонне развившейся женщиной, что она даже не можетъ чувствительно уязвить эту женщину, давно привыкшую сдержанно и холодно выносить всякіе нападки враговъ, обезоруживая ихъ своимъ тактомъ и своимъ спокойствіемъ. Маріанна не подала Марьѣ Львовнѣ ни малѣйшаго повода разгорячиться, не отвѣтила ни одной рѣзкостью на ея колкости, ни на одну минуту не потеряла своего самообладанія, сразу увидавъ, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Отъ нея повѣяло такимъ холодомъ, когда она говорила съ Серпуховой, что той самой стало неловко и какъ бы жутко. Это окончательно вывело изъ себя Серпухову и, послѣ первой встрѣчи со своей родственницей, она иначе не говорила о ней дома, какъ съ раздражительно-насмѣшливыми прозвищами: «трагическая актриса», «театральная царица», «самозванная повелительница». Юрій Дмитріевичъ, услышавшій всѣ эти пошлыя прозвища и немного раздраживщійся на жену, оборвалъ ее наконецъ словами:

— Не всѣмъ же женщинамъ кухарками смотрѣть!

Марья Львовна вышла изъ себя и сдѣлала пошлую

сцену. Ужъ не ее ли это онъ величаетъ кухаркой? Этого только недоставало! Можетъ-быть, если бы и она стала продажною женщиною, то и ей не пришлось бы по кухнямъ бѣгать, а тоже сидѣла бы, какъ царица, въ разволоченныхъ хоромахъ. Серпуховъ съ грустью замѣтилъ:

— Маня, не унижай себя этими пошлостями!

Она начала почти кричать. Какъ онъ смѣетъ такъ обращаться съ нею? Кто ему позволилъ говорить ей дерзости? Юрій Дмитріевичъ смолкъ, видя, что каждое его новое слово только подольетъ масла въ огонь. Послѣ этой сцены, когда Серпуховъ, нетерпѣливо пожавъ плечами, вышелъ изъ комнаты, она начала жаловаться пришедшему Шахову на мужа, на Маріанну, на всѣхъ. Раскраснѣвшаяся, взволнованная, она говорила запальчиво, сбивчиво, не выбирая выраженій. Впервые Евгеній Александровичъ видѣлъ ее въ такомъ состояніи и что-то пошло-вульгарное поразило его теперь въ этой женщинѣ. Онъ коротко спросилъ ее:

— Да что она тебѣ сдѣлала, что ты на нее сердишься?

Марью Львовну точно обожгло чѣмъ-то.

— Ахъ, за что мнѣ сердиться на нее!—воскликнула она.— И какъ смѣю я осуждать ее, содержанку чужого мужа, дѣвушку, обольстившую старика, живущую на его счетъ, когда передъ ней преклоняются всѣ мужчины!

Въ голосѣ Марьи Львовны послышались пошловато-колкія нотки. Шаховъ досадливо замѣтилъ ей:

— Маня, полно! Кто же не ошибался, не падалъ.

— А ты хочешь меня попрекнуть? въ меня грязью бросить?—воскликнула она. — Я не продавалась, я не за деньги полюбила, я... О, будь я такой, какъ она, на своихъ лошадяхъ я ѣздила бы!

Онъ остановилъ ее, немного смутившись отъ ея криковъ:

— Полно, тише, ради Бога!.. Твои могутъ войти...

— Ахъ, что мнѣ за дѣло!—такъ же громко продолжала она и съ язвительностью добавила: — Можетъ-быть, и за мной будутъ ухаживать, когда узнаютъ, что я падшая женщина. Вѣдь вамъ, мужчинамъ, честныя женщины не нужны!.. Вамъ кокотки нужны!..

Евгеній Александровичъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Съ тобой сегодня нельзя говорить! Лучше уйти.

Онъ взялся за шляпу. Всякія вульгарныя сцены, всякіе

скандалы были ему противны. Приличность и порядочность были у него всегда на первомъ планѣ. Марья Львовна при его движеніи къ дверямъ опомнилась, испугалась, начала его просить не уходить. Онъ недовольнымъ, нѣсколько брезгливымъ тономъ замѣтилъ ей:

— Неужели ты не понимаешь, что вѣчные капризы и сцены не привязываютъ, а только отталкиваютъ?.. Ты вотъ часто жалуешься на Олю, что она отравляетъ тебѣ жизнь своими выходками. Ты ради этого чуть не врагомъ ея сдѣлалась, а между тѣмъ сама дѣлаешь точно то же, что дѣлаетъ она. Или ты думаешь, что твоему мужу или мнѣ очень пріятно слышать только упреки, какія-то мелкія придирки не изъ-за чего, какіе-то нападки на ни въ чемъ неповинную женщину? Нѣтъ, такъ жить нельзя...

Она смотрѣла на него растерянными глазами. Онъ впервые упрекалъ ее, впервые читалъ ей нравоученіе. Она хотѣла что-то сказать въ свое оправданіе, но онъ продолжалъ, увлекаясь своей любимой ролью—ролью резонера, ролью добродушнаго ментора:

— Ты вотъ бросаешь грязью въ Маріанну, а между тѣмъ у нея ты могла бы поучиться такту. Повѣрь мнѣ, что она и года не прожила бы съ Кролемъ, если бы вздумала дѣлать ему вотъ такія сцены; но мало этого, она никогда бы не завоевала себѣ уваженія, если бы относилась къ людямъ, какъ ты.

И еще мягче, еще ласковѣе, совсѣмъ по-отечески, какъ онъ говорилъ своему Гришѣ, когда тотъ подкучивалъ, онъ добавилъ:

— Взгляни, Маня, вокругъ себя: гдѣ твои друзья? Ты всѣхъ вооружила безъ нужды, безъ толку! Ну вотъ хоть бы меня за что ты попрекнула сегодня? За то, что я не бросаю грязью въ Маріанну? Да? А что было бы, если бы каждый сталъ бросать грязью въ женщину, сдѣлавшую ошибку?

Онъ наклонился къ ней, заглядывая ей въ лицо.

— Легко было бы тебѣ? Вѣдь у Маріанны есть оправданія: молодость, свобода, а вѣдь мы, Манюша, не можемъ оправдываться и этимъ...

Ей казалось, что онъ бьетъ ее по лицу, мягко, безъ злобы, но все же бьетъ, какъ иногда бьютъ перчаткой или носовымъ платкомъ по мордѣ комнатную собачонку, стыдя ее за то, что она украла кусокъ сахару. Это не больно, но это мучительно обидно. Она сидѣла, не шевелясь и тихо плача. Послышались чьи-то шаги.

— Не плачь же, не плачь! Сюда идутъ,—поспѣшно сказалъ онъ.

Не плакать! Развѣ она могла не плакать? Она торопливо встала и вышла изъ комнаты. На минуту она почти возненавидѣла Шахова. Гдѣ-то въ глубинѣ души шевельнулось смутное сознаніе, что если мужъ унижалъ ее пьяными ласками, то предъ Шаховымъ унижается она сама, прося его ласкъ насильно, навязываясь ему. Ея лицо всыхнуло румянцемъ стыда при этой горькой мысли и тотчасъ же, рыдая, она воскликнула: «Да что же мнѣ дѣлать, если я люблю! Ну, пусть бьетъ, пусть бьетъ, только не отталкиваетъ!» Если бы Шаховъ вошелъ къ ней въ эту минуту, она бросилась бы къ его ногамъ, стала бы цѣловать его руки.

IV.

Юрій Дмитріевичъ все яснѣе и яснѣе сознавалъ, что въ его семьѣ происходитъ что-то неладное. Неладное было въ его семьѣ и прежде, но онъ этого не замѣчалъ. Теперь это стало ему понятно. Но этого мало. Онъ смутно, какъ-то чутьемъ угадывалъ, что неладное, бывшее прежде, и неладное, явившееся теперь, не одно и то же, что теперь назрѣло что-то новое, небывалое. Жена прежде капризничала и дулась, но это были пустяки, мимолетныя вспышки, а теперь у нихъ точно оборвалась связь, выступила наружу какая-то враждебность. Въ душѣ Оли тоже происходитъ что-то непонятное, необъяснимое: это уже не простые капризы, не разыгрыванье непогрѣшимой взрослой дѣвушки, а горькія слезы и стремленіе перелѣлать себя, сдѣлаться другимъ человѣкомъ. А Сеня—Сеня болѣе всего теперь смущалъ Юрія Дмитріевича: иногда отцу становилось грустно, когда онъ видѣлъ сына съ помятымъ лицомъ, съ синевой подъ глазами, съ отпечаткомъ преждевременнаго развитія мужчины въ мальчикѣ; иногда отецъ возмущался хлыщеватостью и бахвальствомъ мальчугана, такъ какъ именно эти качества были самыми антипатичными для самого Серпухова. Разгильдяй по натурѣ, человѣкъ, выросшій въ то время, когда внѣшности придавали менѣе всего значенія, подневольный работникъ, не имѣвшій ни времени, ни нужды заботиться о своемъ туалетѣ, онъ смутно угадывалъ, къ чему можетъ привести сына это стремленіе къ блеску, къ франтовству, къ пусканью пыли въ глаза. «Мы были нерахи, способные вызвать гримасу на лицѣ брезгливаго и

щепетильнаго человѣка,—повторялъ онъ:—а эти франты,—карманы отъ нихъ оберегать нужно, потому что они на все пойдутъ, лишь бы щегольнуть своимъ нарядомъ и широко пожить». Раза два онъ попробовалъ мелькомъ замѣтить сыну, что онъ недоволенъ его поведеніемъ, его щегольствомъ. Изъ этого ничего не выходило.

— Ужъ не хочешь ли ты, чтобы я въ нечесаннаго нигилиста превратился?—рѣзко отвѣтилъ ему однажды Сеня.—Ихъ время прошло. У насъ и въ гимназіи отличаютъ только тѣхъ, кто умѣетъ порядочно себя держать. Нашъ директоръ сердится, когда мы въ грязныхъ перчаткахъ ходимъ, и говоритъ, что мы гимназисты, а не питомцы нищенскаго комитета...

— Что ты мнѣ глупости говоришь!—прикрикнулъ Серпуховъ.—Не мыться тебѣ запрещаютъ, а фанфаронить. У меня нѣтъ средствъ давать тебѣ денегъ на франтовство.

— Я, кажется, не прошу у тебя,—началъ сынъ.

— Не у меня просишь, такъ у кого-нибудь другого христарадничаешь,—перебилъ отецъ.

— Что-жъ, тебѣ жаловался кто-нибудь, что я его обираю?—запальчиво проговорилъ Сеня, и его смазливое личико залилось яркимъ румянцемъ.

— Никто не жаловался,—сказалъ Серпуховъ, не безъ удивленія замѣтивъ эту краску стыда на лицѣ сына.—Но вѣдь деньги ты откуда-нибудь берешь же на свои прихоти.

Сынъ рѣзко отвернулся въ сторону, избѣгая взгляда отца.

— Что ты знаешь! Можетъ-быть, я уроками достаю. Вѣрь ты не справлялся...

И, опять принявъ грубый тонъ, онъ добавилъ:

— Будь спокоенъ, я не ворую ни у тебя, ни у другихъ.

— Этого только недоставало!—сказалъ Серпуховъ, и какъ-то безсознательно остановилъ взглядъ на лицѣ сына.

Сеня стоялъ профилемъ къ нему, смотря въ окно: лучи солнца били ему въ лицо. Серпухова поразило что-то особенное въ лицѣ сына: его красиво очерченный, слегка вздернутый носикъ былъ точно покрытъ какимъ-то легкимъ бѣловатымъ налетомъ. Юрій Дмитріевичъ даже сощурилъ глаза, чтобы убѣдиться, не обманывается ли онъ. Нѣтъ, точно это пудра.

— Ты бриться началъ?—спросилъ Юрій Дмитріевичъ.

— Я?—спросилъ Сеня, оборачиваясь съ удивленнымъ видомъ къ отцу.—Что мнѣ брить?

Онъ разсмѣялся и небрежно добавилъ:

— Вотъ, упрекаешь меня за какіе-то наряды, а даже лица моего хорошенько не знаешь. О бритьѣ спрашиваешь, точно у меня есть усы или борода...

Юрій Дмитріевичъ сконфузился—сконфузился, какъ мальчишка, но не оттого, что его уличилъ сынъ въ незнакомствѣ съ физіономіей сына, а оттого, что онъ теперь ясно увидѣлъ не только слѣды пудры на этомъ лицѣ, но—брови у сына были подкрашены. У него точно упало сердце, въ груди что-то защемило. Онъ хотѣлъ сказать сыну, что онъ увидалъ, и не могъ, охваченный такимъ стыдомъ за него, что на языкѣ замирали слова. Глядя куда-то въ сторону, онъ проговорилъ только:

— Я потому это... у тебя лицо чѣмъ-то запачкано... мука, что ли...

Сеня весь вспыхнулъ, побагровѣлъ, охваченный стыдомъ. Онъ даже былъ не въ состояніи отвѣтить дерзостью отцу. На минуту ему стало стыдно за самого себя, за эти притиранья. Въ молодой душѣ его было сознаніе, что это пошло, скверно. Не было только силъ удержаться на покатой плоскости, ведущей къ полному паденію, къ продажѣ стыда, совѣсти, чести, ради мелкихъ удовольствій и наслажденій. Юрій Дмитріевичъ, точно разслабленный, поднялся, кряхтя, съ мѣста и тихо на ходу замѣтилъ ласковымъ тономъ сыну:

— Ахъ, Сеня, Сеня, губишь ты себя!

Онъ вышелъ изъ комнаты грузными шагами. Казалось, у него вдругъ налились ноги свинцомъ. Можетъ-быть, онъ долженъ бы былъ прикрикнуть на сына, разругать его,—самъ онъ не зналъ, что надо было сдѣлать. Онъ былъ неспособенъ въ эту минуту ни на что. Онъ былъ весь охваченъ стыдомъ за сына. Не фатъ, не хлыщъ, а кокотка, вотъ чѣмъ былъ его сынъ. И какой сынъ—почти ребенокъ. Какіе негодяи — мужчины или женщины — пріучили его къ этому? Кто подсказалъ ему, что мальчики этимъ путемъ могутъ добывать деньги?

— Кто же отвѣтитъ, если отецъ самъ этого не знаетъ?—прошепталъ онъ, грузно опускаясь на кресло у своего стола.—Вѣдь я-то, отецъ, зналъ, что въ обществѣ бываютъ всякіе негодяи? Я-то могъ предостеречь, предохранить, оберечь?

Онъ закрылъ руками свое лицо.

Въ его головѣ проносились отрывочныя мысли. Все онъ передумалъ, все обсудилъ, міровые вопросы рѣшалъ. Цѣлые вечера и ночи убивалъ на это по портернымъ, по трактирамъ, по клубамъ. Все слова, слова и слова. На дѣлѣ, на практикѣ не сдѣлано ничего. Восемнадцать лѣтъ былъ мужемъ и отцомъ и только сумѣлъ на прокормъ добывать кое-какія деньги. Больше ничего не сдѣлалъ для своей собственной семьи. Зналъ, когда имъ были нужны тряпки, ложа въ театрѣ, дача лѣтомъ, а больше ничего не зналъ. Они вѣдь болѣе ничего не просили, а онъ самъ не подумалъ, что у человѣка есть еще что-то—душа, сердце, умъ. Туда, въ эти тайники близкихъ онъ не заглядывалъ. И они жили, не подозрѣвая, что имъ нужно еще что-то, кромѣ этихъ тряпокъ, этихъ ложъ, этихъ дачъ, и ничего не требовали у него болѣе. Теперь вотъ сама жизнь указала имъ на что-то иное, и они, безпомощные, очутились на краю пропасти: жена увидала въ немъ врага, дочь мучится непонятными ей самой порывами стать другимъ человѣкомъ, сынъ... Господи, кому онъ хочетъ продать себя, кому онъ продается?.. Надо спросить Шахова, много ли тотъ даетъ Сенѣ. Можетъ-быть, онъ его балуетъ, а это... Юрій Дмитріевичъ даже мысленно не могъ произнести того, что онъ думалъ о сынѣ... это, можетъ-быть, такъ. просто безцѣльно кокетничаетъ мальчуганъ. Бѣдный, онъ не знаетъ даже, можетъ-быть, какъ это дурно, какую это тѣнь бросаетъ на него. Онъ по наивности прихорашивается, безъ всякой особенной задней мысли, а люди могутъ подумать всякія мерзости. Вотъ онъ—отецъ, а подумалъ Богъ вѣсть что. Серпухову стало безмѣрно жаль Сеню. Онъ готовъ былъ идти къ сыну и просить у него извиненія за то, что онъ мысленно оскорбилъ его грязными подозрѣніями. На его лицѣ появилось выраженіе какой-то старческой слабости, къ глазамъ подступали слезы. Никого онъ теперь не винилъ, кромѣ себя, одного себя. Онъ довелъ всѣхъ домашнихъ до того, до чего дошли они; онъ долженъ и исправить все самъ. Надо съ Шаховымъ поговорить. Не пришелъ ли онъ къ нимъ? Пойти посмотрѣть Онъ поднялся съ мѣста, тяжело вздыхая и покачивая головой, весь охваченный тяжелымъ чувствомъ пораженнаго внезапной бѣдой и еще ничего не сообразившаго человѣка. Онъ прошелъ нѣсколько комнатъ и дошелъ до гостиной.

Здѣсь ждало его то, чего онъ никогда бы не могъ предугадать, чему онъ не повѣрилъ бы, если бы услышалъ объ этомъ отъ постороннихъ...

V.

Юрій Дмитріевичъ отворилъ дверь гостиной и смутился: онъ увидалъ, какъ Марья Львовна склонилась лицомъ къ рукѣ Шахова; онъ ясно услыхалъ раздражительнымъ тономъ произнесенныя Шаховымъ слова:

— Полно, Маня! Зачѣмъ ты это дѣлаешь!

Это было дѣло одной минуты. И Шаховъ, и Марья Львовна отшатнулись другъ отъ друга, точно ихъ кто-то отбросилъ въ разныя стороны однимъ ударомъ. Растерявшійся Серпуховъ, съ оторопѣлымъ взглядомъ, съ открытымъ ртомъ, пробормоталъ что-то о томъ, что онъ не мѣшаетъ, что онъ искалъ Олю, и торопливо, какъ-то бокомъ, мелкими шажками, глядя въ сторону, скрылся. Онъ былъ и смѣшонъ, и жалокъ въ своемъ смущеніи, въ своей мѣшковатой суетливости. Въ первую минуту онъ ощущалъ нѣчто въ родѣ стыда за сдѣланную имъ ошибку, за крупный совершенный имъ проступокъ. Никакого другого ощущенія онъ не испытывалъ, какъ будто онъ ворвался не къ своей женѣ, цѣловавшейся съ любовникомъ, а къ совершенно чужой и незнакомой ему нѣжно воркованшей парочкѣ, за которой онъ слѣдилъ и подсматривалъ въ щелку. Растерянный и сконфуженный, онъ торопливо прошелъ обратно въ свою комнату, зачѣмъ-то началъ усердно рыться въ бумагахъ, никакъ не могъ сообразить, чего онъ ищетъ, потомъ разомъ грузно опустился на кресло у письменнаго стола и безсмысленнымъ тономъ проговорилъ вслухъ:

— Вотъ оно что!.. вотъ оно что!..

Онъ сталъ нервно барабанить пальцами по столу, чувствуя, что его что-то давитъ, душитъ, гнететъ. Голову давило какъ бы желѣзное кольцо. Онъ просидѣлъ такъ съ полчаса, подавленный тысячами разнородныхъ ощущеній, сознаніемъ униженія, бѣшенствомъ на кого-то, подступавшими къ глазамъ слезами. Мысль не останавливалась ни на чемъ, работала скачками, мелькала отрывочными образами. Казалось, онъ постарѣлъ въ эти нѣсколько минутъ, такимъ осунувшимся сдѣлалось его лицо, такъ сгорбилась его фигура. Наконецъ, онъ всталъ, заходилъ по комнатѣ, медленно, въ раздумьи.

— Что-жъ, этого надо было ждать рано или поздно,—

проговорилъ онъ.—Не Шаховъ, такъ кто-нибудь другой. Иначе не могло кончиться... иначе.

Онъ внезапно опустился на стулъ, припалъ лицомъ на руки и разрыдался, вздрагивая всѣмъ своимъ массивнымъ тѣломъ...

Въ гостиной въ это время тоже растерявшіеся и перепуганные Марья Львовна и Шаховъ стояли другъ передъ другомъ и безсмысленно спрашивали одинъ другого: «Что ты надѣлала?» «Что же будетъ?» «Что теперь дѣлать?» Прежде чѣмъ они нашли отвѣты на эти вопросы, въ комнату пришла Оля. Марья Львовна, готовая вытолкнуть ее въ спину, отрывисто сказала ей:

— Тебя искалъ отецъ!

— Зачѣмъ?—спросила Оля.

— Почему я знаю!—отвѣтила мать.— Ступай къ нему.

Ей хотѣлось только, чтобъ она ушла. Оля торопливо вышла, недоумѣвая, почему мать и Шаховъ такъ взволнованы, такъ красны. Она пошла искать отца, прошла въ нему въ кабинетъ и увидала его, склонившагося лицомъ на ладони рукъ, вздрагивающаго всѣмъ тѣломъ отъ рыданій.

— Папа! папа! что съ тобой?—воскликнула она, бросаясь къ нему и опустившись передъ нимъ на колѣни.

Онъ очнулся, осмотрѣлся мутными глазами кругомъ, не сознавая вполнѣ, что случилось, какъ попала сюда его дочь. Нужно было пересилить себя, подавить въ себѣ все, чтобы не возбудить никакихъ подозрѣній въ душѣ дочери. Онъ взялъ ее за голову, поцѣловалъ ее въ лобъ и тихо проговорилъ:

— Худо мнѣ что-то... Скверно... дѣточка...

Она подняла на него испуганный взглядъ.

— Такъ надо за докторомъ?..

— Нѣтъ, нѣтъ!.. это пройдетъ!

— Папа, но ты плакалъ?.. Значитъ же ужъ очень, очень худо?

Въ ея голосѣ была тревога.

— Нѣтъ, дѣточка... Было худо... Потомъ мнѣ лучше стало...—путался онъ въ объясненіяхъ.—Но... видишь ли, мучитъ меня вопросъ... все думается, что будетъ съ вами, если умру... Жаль стало... ну, вотъ...

Онъ пересилилъ себя, постарался улыбнуться.

— Бабой я совсѣмъ сталъ... Слезы вѣдь бабье утѣшеніе. Такъ? да?..

Она пытливо смотрѣла ему въ лицо, не вѣря его очевидной лжи.

— Правда это, папа? —спросила она тихо.

Онъ растерялся, заторопился увѣрить ее:

— А то какъ же? О чемъ мнѣ еще плакать? И вообще смѣшно это, когда такой старый быкъ рюмитъ... Да?..

Она, продолжая смотрѣть на него испытующимъ взглядомъ, серьезно замѣтила ему:

— Не шути, когда не до шутокъ...

И, опять вспомнивъ о службѣ отца, тревожно спросила его:

— По службѣ у тебя нѣтъ непріятностей?

— Какія же такія непріятности могутъ быть!

— Нынче вѣдь въ банкахъ все растраты...

— У насъ нѣтъ...

Онъ опять пошутилъ:

— Ужъ ты не думаешь ли, что я растратилъ?

— Нѣтъ, папа,—перебила она его, качая головой. - Но скажи мнѣ, почему ты совсѣмъ другимъ сталъ?.. Ты на себя не похожъ... Ты самъ этого не замѣчаешь, а ты совсѣмъ, совсѣмъ другимъ сталъ...

Она что-то внезапно вспомнила:

— Мама знала, что тебѣ худо, что ты плакалъ?

Онъ растерялся и торопливо сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, никто не зналъ, и не надо.

— Но она вѣрно поняла,—перебила его Оля.—Я ее сейчасъ видѣла. Она тоже встревожена, все лицо разгорѣлось у нея. Она и послала меня къ тебѣ. Евгеній Александровичъ тоже...

— А, ну ихъ!—вдругъ сорвалось съ языка Сергухова злобное восклицаніе.

Онъ тотчасъ же спохватился и заговорилъ обливчиво, что, вѣроятно, они замѣтили его разстроенный видъ, что онъ съ утра уже разстроенъ, что этого нельзя было не замѣтить. А въ головѣ его проносилась одна мысль: «надо сказать имъ, что они могутъ все, что имъ угодно, дѣлать, но если это узнаетъ Оля, то...». У него сжались съ угрозой кулаки, точно онъ мысленно грозилъ убить этихъ людей, если ихъ связь, ихъ грязное поведеніе станетъ извѣстно его дочери...

VI.

Шаховъ былъ чистоплотный человѣкъ, эстетикъ, прилично воспитанный господинъ. Изящная и приличная форма облагораживала въ его глазахъ многое, если не все. Онъ съ отвращеніемъ отвертывался отъ пьянаго оборыша, обнимающаго такую же пьяную оборванку у дверей кабака, но могъ бы

съ наслажденіемъ засмотрѣться на обнаженную натурщицу, полюбоваться на которую созвалъ изящныхъ гостей въ изящную мастерскую художникъ. Огласка, скандалъ, вульгарная перебранка, все это внушало ему отвращеніе, и можно бы сказать страхъ, если бы только можно было заподозрить его въ трусости, какъ мужчину. Если въ немъ и была доля трусости, то это была не трусость мужчины, а трусость эстетика. Вслѣдствіе этого и открытіе, сдѣланное Серпуховымъ, испугало его только съ одной точки зрѣнія: не сдѣлаетъ ли Юрій Дмитріевичъ скандала? Онъ хорошій и добрый человѣкъ, но онъ плохо воспитанъ, не отесанъ, не приличенъ. Отъ него можно ждать самыхъ дикихъ выходокъ. Евгеній Александровичъ не зналъ, какъ ему нужно поступить, чтобы предупредить скандалъ. Мысли объ этомъ отравили ему два дня, и хуже всего было то, что эти мысли не привели ни къ чему и были нелѣпы. Дуэль, разводъ, полный разрывъ съ семьей Серпуховыхъ, все это въ концѣ концовъ оказывалось или никуда не пригоднымъ, или вызывающимъ толки. Волненіе было настолько сильно, что даже Гриша замѣтилъ Евгенію Александровичу, что онъ вѣрно нездоровъ, такъ какъ «они ничего не кушаютъ». Шаховъ только грустно вздохнулъ, говоря, что «аппетитъ что-то пропалъ».

На третій день послѣ памятной сцены въ домѣ Серпуховыхъ, выходя изъ вагона перваго класса, Шаховъ столкнулся лицомъ къ лицу съ Серпуховымъ на дебаркадерѣ въ Павловскѣ. Съ перваго раза Евгеній Александровичъ такъ растерялся, что не зналъ, какъ ему быть: здороваться или не здороваться съ Юріемъ Дмитріевичемъ? сказать ему «вы» или «ты»? Серпуховъ, осунувшійся и сгорбившійся, въ мѣшковатомъ пальто, въ измятой шляпѣ съ большими полями, коротко сказалъ:

— А! я радъ, что столкнулись...

Потомъ онъ прибавилъ:

— Тутъ ресторанъ... у станціи... надо зайти...

Шаховъ въ знакъ согласія кивнулъ головой, смотря въ сторону и чувствуя, что у него вдругъ пересохло въ горлѣ. На минуту онъ испыталъ чувство самой мальчишеской трусости.

Они пошли пѣшкомъ до ресторана, не говоря ни слова, смотря разсѣянно и безцѣльно въ пространство. Сбросивъ пальто въ прихожей, они прошли въ отдѣльный номеръ. Серпуховъ мелькомъ сказалъ лакею:

— Два обѣда!

И, обращаясь къ Шахову, пояснилъ:

— Не такъ же сидѣть...

Онъ подошелъ къ окну, пока лакеи накрывали на столъ, принося приборы и закуски, и сталъ барабанить пальцами по стеклу. Шаховъ усердно раскуривалъ папиросу, сосредоточивъ на ней все свое вниманіе. Лакеи спрашивали между тѣмъ о винѣ, предлагая прейсъ-курантъ винъ. Приходилось отдѣлываться отъ нихъ, приказавъ подать того вина, которое прежде всего вспомнилось. Когда подали закуску, нужно было выпить и закусить, такъ какъ эти люди ждали окончанія этого обряда, чтобы начать подавать обѣдъ. Серпуховъ даже замѣтилъ что-то о водкѣ: «хороша она здѣсь, въ ресторанѣ». Шаховъ согласился съ этимъ вполнѣ. Когда первое блюдо обѣда было подано, Серпуховъ сказалъ прислугѣ, что ее позовутъ, когда будетъ надо. Лакеи вышли. Тогда Серпуховъ обернулся къ Евгенію Александровичу и, глядя на него въ упоръ, проговорилъ:

— Теперь мы одни...

Шаховъ взглянулъ куда-то въ сторону, по направленію къ окну. Тамъ качались полуголыя вѣтви деревьевъ съ осыпающимися пожелтѣвшими листьями. Евгеній Александровичъ все думалъ о томъ, какъ начать, и все молча смотрѣлъ на эти вѣтви, не зная, какъ начать. Въ головѣ, при видѣ качающихся вѣтвей деревьевъ, мелькала глупая мысль: «точно головой качаютъ»... Онъ даже разсердился на себя и отвернулся отъ окна.

— Ты меня извини, что я завелъ тебя сюда,—началъ Серпуховъ нѣсколько ироническимъ тономъ, наливъ себѣ вина и глотая его большими глотками.

Шаховъ очнулся.

— Ты въ правѣ требовать отъ меня отчета,—сказалъ онъ глухо.—Я самъ хотѣлъ... всѣ эти дни...

— Отчета?—спросилъ Серпуховъ и горько усмѣхнулся.— Въ чемъ? Что ты живешь съ моей женой? Это я уже и такъ знаю. Чего же еще?

Онъ взглянулъ съ презрѣніемъ на Евгенія Александровича. На мгновеніе его охватила злоба на этого человѣка, потомъ онъ ему показался такимъ ничтожнымъ. Маленькій, хрупкій по сравненію съ Юріемъ Дмитріевичемъ, онъ, дѣйствительно, казался теперь довольно жалкимъ, несмотря на все свое изящество и на свою красоту. Шаховъ уловилъ этотъ взглядъ, смутился, сталъ торопливо говорить:

— Все же ты долженъ знать, какъ это случилось... Я ви-

новатъ, я поступилъ неосторожно, но все же... ты понимаешь...

Серпуховъ прервалъ его сбивчивую рѣчь.

— Да ты чего боишься? что я вызову тебя на дуэль? Или того, что я подброшу тебѣ ее?

Евгеній Александровичъ растерялся еще болѣе.

— Что-жъ, я готовъ...

— Ни къ чему ты не готовъ!—рѣзко и отрывисто отвѣтилъ Юрій Дмитріевичъ.

И прибавилъ съ горькой ироніей въ голосѣ:

— Или, можетъ-быть, я ошибаюсь, ты ее любишь? Ну, что-жъ! Драться я за нее не могу, у меня дѣти могутъ остаться нищими. Значитъ остается одно: уступить. Бери ее; ты не бѣденъ, содержать есть чѣмъ, а дѣтямъ я сумѣю объяснить...

Наступило молчаніе. Серпуховъ испытывалъ совершенно новое для него чувство—чувство злорадства при видѣ замѣшательства Шахова. Онъ угадывалъ истину, зналъ, что Евгенію Александровичу давно не нужна эта женщина. Даже больше: онъ угадывалъ, что и никогда не была она нужна Шахову. Онъ самъ, столько разъ, въ былые годы, бывалъ въ такомъ положеніи. Подвернулась бабенка—отчего не воспользоваться ею? Воспоминаніе о мелкихъ интригахъ молодости снова заглушило въ немъ злобу на Шахова. Въ эти два дня—тяжелые и мучительные для него—онъ передумалъ все, и каждый разъ, когда его охватывало бѣшенство на Шахова, какой-то внутренній голосъ подсказывалъ ему: «а ты самъ поступалъ не такъ, лучше?» И онъ опускалъ низко голову. Вмѣсто ненависти онъ чувствовалъ презрѣніе къ Евгенію Александровичу, къ себѣ, ко всѣмъ собратьямъ.

Шаховъ прервалъ первый молчаніе.

— Я глубоко виноватъ передъ тобою,—началъ онъ, запинаясь:—но ты не далъ мнѣ объясниться... я долженъ...

Серпуховъ очнулся, налилъ себѣ еще вина, сгорая отъ жажды, не обращая вниманія на то, что это не вода, и съ горечью проговорилъ:

— Чего объясняться тебѣ передо мною! Все я знаю. Ты такой же пакостникъ...

Евгенія Александровича точно по лицу ударили. Его блѣдныя щеки вспыхнули. Въ вискахъ застучала кровь.

— Я не позволю!—крикнулъ онъ запальчиво, швырнувъ на столъ салфетку и поднимаясь съ мѣста.

И тотчасъ же прикусилъ языкъ подъ вліяніемъ внезап-

ной мысли о скандалѣ, присѣлъ, съежился, хмуря брови. Съ ужасомъ онъ увидалъ, что Юрій Дмитріевичъ уже довольно много отпилъ изъ бутылки вина.

— Чего?—перебилъ его Юрій Дмитріевичъ:—не позволишь наносить оскорбленіе? Такъ, ты мнѣ нанесъ уже большее оскорбленіе, а я...

Серпуховъ тяжело передохнулъ.

— Я даже не въ силахъ сердиться на тебя,—закончилъ онъ.—Да, не въ силахъ, потому что ты не лучше меня, я не лучше тебя! Пакостники! Всѣ мы таковы, мужчины... Легкомысленная бабенка, чужая жена заиграла, почему же и не имѣть ее? Это удобнѣе, чѣмъ ловить женщинъ съ улицы, просить рекомендовать ихъ за деньги... Нѣтъ, гдѣ ужъ Серпуховымъ сердиться на Шаховыхъ! И изъ-за кого? Изъ-за Марьи Львовны!

По его лицу скользнула горькая усмѣшка.

— Но у меня дѣти. Они ничего не должны подозрѣвать. Слышишь? Продолжайте творить, что вамъ угодно, но мой домъ долженъ быть для тебя святъ!

— О, неужели ты думаешь, что въ будущемъ...—началъ Евгеній Александровичъ.

Его лицо даже просвѣтлѣло. Онъ не могъ скрыть радости при мысли, что скандала не будетъ. «Легко отдѣлался, легко», проносилась въ его головѣ пошлая мысль. Онъ постарался принять серьезный видъ.

— Развѣ ужъ надоѣла?—спросилъ съ насмѣшкой Серпуховъ.—Скоро! Впрочемъ, это ваше дѣло. Я рѣшился держать эту женщину въ своемъ домѣ, а какъ она будетъ вести себя—это не мое дѣло. Лишь бы не было скандаловъ. Я не выгоняю ее, потому что я виноватъ передъ нею, не умѣлъ сдѣлать ее порядочной женщиной, не разсчиталъ, что могутъ повернуться такіе мужчины, какъ ты.

Евгенія Александровича опять передернуло, но Юрій Дмитріевичъ продолжалъ:

— Такой, какъ ты, какъ я, какъ всѣ остальные, не хуже, не лучше... Я даже попрошу тебя,—онъ сдѣлалъ сильное ударение на словѣ «попрошу»:—продолжать посѣщать нашъ домъ, хотя отъ времени до времени, чтобы Олѣ и Сенѣ не бросилось въ глаза твое отсутствіе. Я только о нихъ теперь и заботусь...

Онъ сдвинулъ брови и опять отпилъ вина.

— Кстати, я хотѣлъ съ тобой и объясниться вовсе не о ней, не о Марьѣ Львовнѣ. Что мнѣ она! Я хотѣлъ по-

просить тебя прекратить свою щедрость относительно Сени. Не знаю, ради какихъ видовъ, вѣроятно, просто ради того же общаго намъ всѣмъ нравственнаго разгильдяйства, ты даешь мальчишкѣ деньги, ты водишь его съ собой на концерты и въ театръ въ первые ряды, ты—извини меня за откровенность—знакомишь его съ какими-то жуликами...

Шаховъ оборвалъ его:

— У меня нѣтъ такихъ знакомыхъ, я не позволю...

— Ахъ, кто у тебя спрашиваетъ позволенія; что ты лѣзешь на скандалъ. Я называю жуликами всѣхъ этихъ прожигателей жизни, которые носятъ названіе золотой молодежи, приличныхъ молодыхъ людей, торгующихъ собой и покупающихъ другихъ. Понялъ? Они не пара моему сыну, который можетъ очутиться чуть не нищимъ послѣ моей смерти. Я вовсе не желаю видѣть его на скамьѣ подсудимыхъ, обвиняемымъ за подлоги.

Лакей, не дождавшись зова, вошелъ въ комнату. Шаховъ и Серпуховъ суетливо принялись за холодный супъ и, глотнувъ его немного, отставили тарелки. Серпуховъ налилъ еще въ стаканъ вина и, съ усмѣшкой глядя на Шахова, проговорилъ уже не особенно твердымъ голосомъ:

— Что-жъ, нужно хоть выпить...

— Да,—отвѣтилъ Евгеній Александровичъ:—меня что-то знобитъ.

— Пора въ городъ,—сказалъ Серпуховъ.—Ты не думаешь за границу?

— Не могу. Два дѣла надо кончить. Впрочемъ, я постараюсь, поторопнюсь,—прибавилъ Евгеній Александровичъ, думая, что Серпуховъ «предлагаетъ» ему скорѣе уѣхать.

— Зачѣмъ же торопиться?—спросилъ Юрій Дмитріевичъ:—пожалуйста, не думай, что я сживаю тебя.

Онъ тяжело вздохнулъ.

— Повѣрь мнѣ, что во мнѣ все покончено: ревность, злоба, упреки.

По его лицу прошла какая-то тѣнь.

— Въ эти два дня, въ эти сорокъ восемь часовъ я передумалъ то, чего иной не передумаетъ въ годы: ты, я, всѣ мы, мужчины, одно и то же. Дѣвушка, чужая жена, мать семьи—намъ все равно кого взять, лишь бы она не оттолкнула... Тутъ не нужно ни любви, ни привязанности, лишь бы была не противна намъ и лишь бы не нужно употреблять грубаго насилія... Ну, а потомъ... Вотъ я—была минута, что я готовъ былъ убить жену, опозорить ее, вы-

гнать ее... А самъ—я еще хуже съ ней поступилъ, чѣмъ ты: дѣвчонкой ее взялъ за себя ради ея неопытности; пьяный къ ней приходилъ по ночамъ, если не застрѣвалъ случайно гдѣ-нибудь у другихъ женщинъ... Ну, а измѣнила... будь это раньше, а не теперь, убилъ бы ее... А ты—что тебя въ ней прельстило?.. Ничего, ничего!.. Женщина она—ѣстъ и все, и взялъ, и поигралъ, и надоѣла...

Шаховымъ начиналъ овладѣвать страхъ: онъ видѣлъ, что Серпуховъ пьетъ стаканъ за стаканомъ и уже говоритъ, не обращая вниманіе на присутствіе въ комнатѣ слугъ.

— Да что она!... Не о ней я только думалъ,—продолжалъ Юрій Дмитріевичъ.—Вообще о женщинахъ... Что пришлось пережить Маріаннѣ? Какъ злословили? Какъ сторонились? А Кроль—его никто не обвинялъ, къ нему всѣ шли, отъ него никто не бѣжалъ. Брось онъ ее, да ее въ грязь втоптали бы, а про него сказали бы: «слава Богу, у него нашлось столько силы воли, чтобы вернуться къ законной семьѣ»... Двѣ мерали, двѣ нравственности—одна для женщинъ, другая для мужчинъ...

— Да вѣдь иначе и быть не можетъ,—замѣтилъ Евгеній Александровичъ и тотчасъ же раскаялся за сорвавшуюся фразу, такъ какъ она могла затянуть ораторство Серпуховъ.

— Знаю! знаю!—крикнулъ Юрій Дмитріевичъ, стукнувъ кулакомъ.—Должно бы быть иначе: не будь мужчина пакостникомъ, не была бы такой и женщина. А мы сами соблазняемъ въ развратъ, сами развращаемъ ее и потомъ бичуемъ... Кто мы? Сильные, образованные, развитые, повелители? Да? А она? Слабое созданіе, неразвитый мозгъ, безправное существо, ребенокъ и игрушка... Какъ же мы смѣемъ развращать ребенка и ломать игрушку и потомъ ругать ихъ за то, что ребенокъ развращенъ, а игрушка сломана?

Онъ пошатнулся на стулѣ и крикнулъ:

— Кто? А? Кто смѣетъ обвинять?.. Ребенокъ и игрушка...

Онъ откинулся на стулъ и опустилъ голову на грудь. Евгеній Александровичъ сталъ натягивать перчатки и кашлянулъ. Юрій Дмитріевичъ приподнялъ голову и уставился въ него оловянными глазами. Въ его взглядѣ, мутномъ и несоловѣломъ, была насмѣшка.

— Ну, и что же?—спросилъ онъ.

— Пора домой,—нерѣшительно сказалъ Евгеній Александровичъ.

— Что-жъ, иди...—отвѣтилъ Серпуховъ—Поди, со мной

теперь идти тебѣ стыдно? А?.. Съ пьянымъ человѣкомъ идти стыдно? Да?.. Съ чужой женой обманывать мужа не стыдно? А?.. Ты гдѣ пойдешь съ пьянымъ человѣкомъ? По городу Павловску? А?.. А гдѣ обманывалъ мужа? Въ четырехъ стѣнахъ? Да? Пакостники...

Шаховъ, кусая губы, конфузясь прислуги, не зная, что дѣлать, обернулся къ лакею какимъ-то минорнымъ и заискивающимъ тономъ:

— Колясочку бы...

Онъ взглянулъ озабоченно въ окно: на дворѣ уже смеркалось. Мелькомъ онъ бросилъ взглядъ на Серпухова, тотъ спалъ. Лакей доложилъ, что извозчикъ пріѣхалъ. Шаховъ велѣлъ подождать. Онъ разсчитывалъ, что скоро совсѣмъ стемнѣетъ, и онъ довезетъ Серпухова къ себѣ, незамѣченный никѣмъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

Марья Львовна пережила три такіе дня, какихъ она не переживала еще никогда.

Юрій Дмитріевичъ, застигнутый врасплохъ сдѣланнымъ имъ открытіемъ, не показывался въ эти дни на глаза никому изъ домашнихъ, придумывая, что дѣлать и какъ быть. Онъ боялся встрѣтиться съ женою, сознавая, что одна неосторожная выходка съ ея стороны разбудитъ въ немъ звѣря. Ему хотѣлось собраться съ силами, успокоиться и тогда дѣйствовать такъ, какъ подскажетъ холодный разсудокъ. Теоретически, «для другихъ», онъ давно уже рѣшилъ, какъ долженъ дѣйствовать въ подобныхъ случаяхъ порядочный мужъ: разъ связь порвалась между мужемъ и женою, они должны миролюбиво разойтись, не насилуя чужой свободы. Но это была теорія; на практикѣ, «на себѣ», осуществить ее было ему не легко. Тутъ примѣшивалось и чувство злобы на жену и Шахова за то, что они навязали ему, Серпухову, неприглядную роль обманутаго мужа, и горькое сознаніе того, что открытый разрывъ съ женою можетъ имѣть дурное вліяніе на дѣтей, послужитъ имъ недобрымъ примѣромъ, и гдѣ-то въ тайникѣ души шевелилось сожалѣніе въ отношеніи къ ней, загубленной имъ самимъ женѣ-ребенку, которая останется безъ куска хлѣба, безъ пріюта, на мостовой, если ее «освободитъ» мужъ,—въ под-

держку Шахова Юрій Дмитріевичъ не вѣрилъ, ни на минуту не обманулъ себя какой-нибудь идеализацией отношеній Марьи Львовны и Евгенія Александровича. «Пакостникъ, какъ и всѣ мы», повторялъ Юрій Дмитріевичъ про Шахова и твердо вѣрилъ, что пакостникъ могъ поиграть съ чужой женой, но навязать ее себѣ на шею не могъ.

Но не одинъ Серпуховъ избѣгалъ въ эти дни встрѣчи съ Марьей Львовной. Евгеній Александровичъ, испугавшійся мысли о скандалѣ, тоже не заглядывалъ къ Серпуховымъ и ждалъ какого-нибудь случайнаго исхода этой исторіи.

«Уѣхать бы куда-нибудь на время,—малодушничалъ онъ, дѣлая гримасы.—Да, такъ и уѣдешь, когда навязалъ себѣ два крупныя дѣла? И зачѣмъ? Точно безъ нихъ жить нечѣмъ? Нѣтъ, нѣтъ, надо наконецъ покончить эту жизнь по вѣтру и по теченію обстоятельствъ».

Онъ гримасничалъ и капризничалъ на самого себя, упрекая себя въ недостаткѣ характера и силы воли, въ привычкѣ поддаваться обстоятельствамъ, а не управлять обстоятельствами, идти по вѣтру и по теченію, и сидѣлъ дома, ожидая, какъ уладится дѣло само собою, то-есть согласно съ тѣми же «обстоятельствами».

Кромѣ этихъ двухъ лицъ никто не зналъ о происшедшемъ, не могъ, значитъ, прибѣжать къ Серпуховой съ разспросами «ну, какъ?» «уладили ли?» «что думаете дальше дѣлать?» и Марья Львовна вдругъ почувствовала весь ужасъ одиночества. До этой поры она даже и не подозрѣвала, что она такъ одинока. Всѣ посторонніе это знали, для нея это было новостью. Есть люди, постоянно говорящіе другимъ о всякихъ своихъ душевныхъ невзгодахъ, о всѣхъ мелочныхъ грязгахъ въ своемъ домѣ, о каждомъ безпокоящемъ ихъ прыщикѣ и воображающіе, что эти другіе интересуются ими, потому что тѣ изъ вѣжливости или любви къ сплетнямъ слушаютъ ихъ сѣтованія, стараясь иногда скрыть изъ приличія зѣвоту. Это натуры ограниченныя, неспособныя задать себѣ вопроса, ради чего люди могутъ интересоваться ими, и не сознающія, что серьезно интересоваться ближними люди могутъ только тогда, когда эти ближніе отличаются чѣмъ-нибудь особеннымъ, богатствомъ, талантомъ, высокимъ положеніемъ, выдающимися добродѣтелями или даже выходящими изъ ряда вонъ пороками. Марья Львовна принадлежала къ числу такихъ личностей, которыхъ жалобы иногда выслушиваютъ, но которыхъ никогда не спрашиваютъ объ ихъ внутренней жизни. Кругъ выслушивающихъ ея

жалобы людей все суживался, и послѣ смутившей ее исторіи она вдругъ увидала, что она одна—мужъ и любовникъ не показывались, а кромѣ ихъ ей не съ кѣмъ было говорить о себѣ, некому было повѣрить свою первую тайну. Въ эти три дня къ ней зашелъ кое-кто изъ знакомыхъ, но никто изъ нихъ не интересовался даже спросить ее, почему она смотритъ такою растерянною. Не замѣтили этого и ея дѣти, никогда не обращавшія вниманіе на выраженіе лица, на настроеніе мамы Мани. Смотритъ она хмурой—значитъ капризничаетъ. У нея вѣдь всегда есть предлоги для капризовъ: Глаша не угодила—цѣлый день дуется на всѣхъ, дождливые вечера начались—жалобамъ конца нѣтъ. Предположить, что у нея есть серьезное горе, это показалось бы просто смѣшнымъ и Олѣ, и Сенѣ...

Необходимость переживать всѣ ощущенія и думы одной была для Марьи Львовны тѣмъ болѣе тяжела, что Серпухова давно привыкла, такъ сказать, думать о себѣ вслухъ. Если она ничего не могла разсказывать о себѣ, то она передавала кому попало видѣнный ею ночью страшный сонъ и то, какое впечатлѣніе произвелъ онъ на нее. Передумывая теперь въ одиночествѣ, что будетъ дальше, она приходила къ самымъ нелѣпымъ и чудовищнымъ выводамъ. То ей казалось, что мужъ побьетъ ее, истиранитъ, запретъ дома; то она была увѣрена, что произойдетъ дуэль, и кто-нибудь будетъ убитъ; то, наконецъ, она рѣшала, что мужъ выхлопочетъ разводъ и тогда, что она будетъ дѣлать, если ее оттолкнетъ и Женя? Затишье, царствовавшее въ домѣ, настраивало еще мрачнѣе мысли Марьи Львовны. Ей казалось, что именно это-то затишье и предвѣщаетъ бурю. Человѣкъ банальныхъ фразъ и прописныхъ истинъ, она знала изреченіе, что «затишье всегда бываетъ передъ бурей». Этого было довольно, чтобы тревожно ждать бури. Но когда же раздастся первый ударъ этой бури? Ужъ лучше бы скорѣе. Какъ бы ни была она страшна, она все же лучше томительнаго ожиданія. Иногда среди этого ожиданія Марья Львовна точно застывала въ неподвижной позѣ, съ отсутствующимъ взглядомъ; порой она разражалась въ своей спальнѣ слезами и въ отчаяніи ломала руки. Три дня показались ей цѣлою вѣчностью. На четвертый день Марья Львовна проснулась съ головной болью, точно разбитая, Она вышла по обыкновенію въ столовую къ чаю и сѣла около самовара. Оля и Сеня поздоровались съ нею, увидали, что мама Маня и нынче «кислая», отвернулись отъ

кая и стали перебрасываться между собою отрывочными словами. Онъ молчалъ, въ раздумьи мѣшая ложечкой въ чайной чашкѣ. Въ сосѣдней комнатѣ послышались тяжелые шаги. Въ столовую вошелъ Юрій Дмитріевичъ съ обрюзгшимъ лицомъ, постарѣвшій на нѣсколько лѣтъ, немного сгорбившійся. Выраженіе его лица было сосредоточено, серьезно, озабочено. Онъ поздоровался съ сыномъ и дочерью и взялъ свою большую чашку, не бросивъ даже взгляда на жену. Дѣтей это не удивило; они не знали, видѣлся ли отецъ утромъ съ матерью или нѣтъ.

— Ты, папа, здоровъ?—спросила Оля.

— Такъ себѣ: здоровъ, какъ можно быть здоровымъ въ мои года,—отвѣтилъ Серпуховъ.

Онъ, чтобы перемѣнить разговоръ, спросилъ дочь, была ли она у кузины Маріанны. Оля отвѣтила утвердительно и замѣтила, что кузина скоро переѣдетъ въ Петербургъ.

— И намъ пора съ дачи,—проговорилъ Юрій Дмитріевичъ.—Мнѣ тяжело ѣздить, и у тебя пропадаетъ много времени,—обратился онъ къ сыну.

— Ну, у насъ теперь еще идутъ занятія спустя рукава,—отвѣтилъ Сеня.

— А надо, чтобы они шли не спустя рукава,—серьезно произнесъ Серпуховъ.—Засиживаться въ классахъ не приходится, когда надо скорѣе кончить курсъ при жизни отца. Умру я, безъ угла останешься.

Въ его голосѣ не было раздраженія, но была сухая серьезность. Сеня ничего не отвѣтилъ. Отецъ мелькомъ бросилъ взглядъ на его лицо. Сеня уловилъ этотъ взглядъ и вспыхнулъ до ушей. Онъ понялъ значеніе этого взгляда. Серпуховъ какъ будто немного успокоился, не видя на лицѣ сына слѣдовъ пудры и подкрашиванья бровей.

— Но когда же ты думаешь, папа, перебраться въ городъ?—спросила Оля.

— Во вторникъ,—отвѣтилъ Юрій Дмитріевичъ.

Въ комнату вошла Глаша. Серпуховъ обратился къ ней:

— Глаша, скажите Авдотьѣ, что мы послѣзавтра переѣзжаемъ въ городъ. Уложить все нужно.

Онъ допилъ чай и всталъ изъ-за стола.

У Марьи Львовны сорвалось съ языка:

— Мы не успѣемъ...

Мужъ точно не слыхалъ ея голоса, не обернулся, не возразилъ ничего, вышелъ изъ столовой.

«Ахъ, дуться вздумалъ!—мелькнуло въ ея головѣ.—Ждетъ,

чтобы я первая заговорила, чтобы сдѣлать потомъ сцену. Ну, этого удовольствія онъ не дождется».

На минуту ей стало легче, какъ будто какой-то гнетъ упалъ съ сердца. Ей казалось, что она теперь нашла разгадку того, что будетъ, вышла изъ заколдованнаго круга неизвѣстности и гадательныхъ предположеній. Мужъ будетъ дуться, отмалчиваться, вызывая ее на рѣзкости, чтобы потомъ наговорить ей въ свою очередь грубостей. Но она сама умѣетъ молчать и промолчитъ до тѣхъ поръ, пока онъ не «остынетъ». Онъ вѣдь въ сущности не золъ, у него отходчивое сердце. Надо только переждать, чтобы все забылось наполовину. Женю бы увидѣть, сказать бы ему, какъ все складывается. «Онъ тоже, вѣроятно, волнуется, не зная, что будетъ; боится скандала!,. Даже не справился, какъ провела я эти дни, не убилъ ли мужъ». Въ душѣ шевельнулось непріязненное чувство противъ Шахова. Но это было только на минуту. Жажда поговорить хоть съ кѣмъ-нибудь о себѣ тотчасъ же стала ее подталкивать идти скорѣе къ Евгенію Александровичу.

Марья Львовна улучила свободную минуту и направилась къ Шахову. Евгеній Александровичъ встрѣтилъ ее съ смущеннымъ видомъ и въ душѣ раздражился на нее. Послѣ свиданія съ Серпуховымъ ему внезапно представилось, что все, все кончено—кончено не съ однимъ Юріемъ Дмитріевичемъ, но и съ нею, съ Марьей Львовной. Онъ самъ не понималъ, почему это ему такъ кажется, но тѣмъ не менѣе испытывалъ сладкое ощущеніе отъ этой мысли. Кончить было давно пора. Было только неловко—не то совѣстно, не то жаль ее. Теперь же разрывъ дѣлался почти неизбѣжнымъ... И вдругъ Марья Львовна снова явилась передъ нимъ. Впервые въ его головѣ мелькнула мысль: «навязывается».

Она торопливо начала ему говорить, какъ томилась она въ эти три дня, какъ, наконецъ, сегодня Юрій Дмитріевичъ явился въ столовую, что онъ ей не сдѣлалъ еще никакой сцены, что онъ рѣшился отмалчиваться, что...

— Ахъ, что ты знаешь!—воскликнулъ нетерпѣливо Шаховъ, перебивая ее. — Я съ нимъ вчера видѣлся, объяснился...

— Ты?—вскричала съ изумленіемъ Серпухова.—Ты видѣлся съ нимъ? И что же? Что же?

— Что? — съ усмѣшкой повторилъ Шаховъ: — позволилъ продолжать намъ разыгрывать роль аркадскихъ пастушковъ...

Сказалъ, что не выгонитъ тебя ради дѣтей, чтобы они не знали, какъ ведетъ себя ихъ мать...

Что-то непривычно жесткое прозвучало въ его голосѣ, помимо его воли. Она смотрѣла на него недоумѣвающимъ, растеряннымъ взглядомъ. Онъ заходилъ по комнатѣ, говоря въ раздумьѣ, стараясь быть сдержаннымъ, подавить рѣзкость.

— Что-жъ, онъ правъ. Другого выхода онъ не могъ найти; дуэль, разводъ, все это ведетъ къ скандалу, все это можетъ послужить дурнымъ примѣромъ дѣтямъ. Я только не думалъ, что онъ такъ равнодушно отнесется къ тебѣ; ни раздраженія, ни злобы, а только...

Онъ вдругъ оборвалъ фразу, опомнившись, вспомнивъ, что онъ не одинъ въ комнатѣ, а съ ней. Она не поняла, что онъ не досказалъ слова «презрѣніе», и потому не сообразила, что ее начинаетъ презирать и этотъ мужчина, — начинаетъ презирать именно потому, что ее уже презираетъ другой мужчина.

Ему хотѣлось теперь только скорѣе отдѣлаться отъ нея. Въ головѣ проходили мысли, что она крайне безтактна. Чуть не вчера ихъ накрылъ мужъ, а она все же пришла къ нему, къ Шахову, сегодня. Положимъ, Серпуховъ сказалъ, что ему теперь все равно, будутъ или не будутъ продолжаться ихъ отношенія. Но это, можетъ-быть, однѣ пустыя фразы. Онъ можетъ узнать, что его жена ходитъ къ Шахову, и обозлится, взбѣсится помимо своей воли. Съ ролью обманутаго мужа примиряются не легко. Она смѣшна и потому раздражаетъ. Положимъ, Серпуховъ уже не любитъ жену, она лично ему не нужна, онъ можетъ равнодушно смотрѣть на ея развратъ, но онъ въ то же время можетъ бояться, что ея поведеніе станетъ извѣстно всѣмъ, вызоветъ толки. Это его можетъ раздражить, и потому нужно же быть осторожнымъ, не афишировать связи. Неужели ей, Марьѣ Львовнѣ, это и въ голову не приходитъ? Чуткости въ ней вовсе нѣтъ. Нравственной опрятности нѣтъ. Ей все равно, что будутъ говорить. Она привыкла выносить на базаръ, на показъ всю свою внутреннюю жизнь... Уходила бы она скорѣй...

Онъ принялъ озабоченный видъ и сталъ искать перчатки, говоря на ходу, что ему надо по дѣлу ѣхать, что онъ можетъ опоздать. Ему было стыдно выгнать ее и, въ то же время, онъ мысленно увѣрялъ себя, что такъ надо поступить. Она встала. У нея въ головѣ былъ какой-то хаосъ, предъ глазами стоялъ туманъ. Ее поразила одна мысль: не будетъ ли

дуэли, ни развода. Мужъ не сердится; не выгоняетъ ее— что же будетъ? Еще нѣсколько дней тому назадъ она отвѣтила бы: «буду жить съ Женей». Теперь эта мысль ни на минуту не приходила ей въ голову, точно у нея вдругъ порвалась всякая надежда на связь съ этимъ человѣкомъ. Прежде она часто останавливалась на мысли, что Женя ее не любитъ, и все же она униженно, со слезами просила его ласкъ. Теперь, въ эту минуту, она не дѣлала даже этого; ее охватило какимъ-то холодомъ, ее точно что-то пришибло? Что? Она сама не знала. Впереди была какая-то пустота, какое-то мрачное одиночество. Она машинально встала и пошла, жалкая, приниженная, подавленная, съ сухими глазами, растерянно смотрѣвшими въ пространство.

II.

Юрій Дмитріевичъ какъ бы переродился: это былъ тотъ же мягкій и добрый по натурѣ, хотя и искалѣченный нравственно человѣкъ, но въ немъ исчезли послѣдніе слѣды его иронизированія надъ всѣмъ и всѣми; его лицо было вѣчно озабочено и сосредоточено; кутежи не только прекратились, но онъ даже сталъ бояться намека на нихъ, какъ человѣкъ, сознающій себя слабымъ по характеру. Онъ боялся «прорваться», можетъ-быть, именно потому, что теперь въ его головѣ нерѣдко мелькала мысль: «напиться бы до зеленаго змія». Онъ самъ пугался этого желанія. Въ его головѣ теперь была забота только объ одномъ: нужно хотя поставить на ноги дѣтей, если нельзя ихъ обезпечить. Смерть не ждетъ, и до ея прихода надо сдѣлать для дѣтей все, что можно. Оля, несмотря на всю его горячую любовь къ ней, менѣе заботила его, чѣмъ Сеня. У Оли была сильная покровительница и руководительница въ лицѣ Маріанны; Оля не могла остаться безъ куска хлѣба; Маріанна ее всегда пріютитъ у себя, да кромѣ того дѣвочка усердно занялась музыкой и поступила на педагогическіе курсы, она пробьетъ себѣ дорогу къ куску хлѣба. А Сеня? Какъ къ нему подступить, какъ его наставить на путь истины? Не совсѣмъ же испорченъ мальчуганъ, повліять на него можно. Но какъ взяться за дѣло? На что нужно обратить вниманіе прежде всего, чтобы его перевоспитать? По какому скользкому пути идетъ мальчикъ и до какого омута онъ дошелъ?

Ничего Серпуховъ не зналъ и только видѣлъ, что въ мальчуганѣ что-то неладно. А что это «что-то»? Отвѣта не было. Иногда Серпуховъ приходилъ просто въ отчаяніе отъ

сознанія своего неумѣнія быть отцомъ. Въ эти минуты онъ колотилъ себя кулакомъ по лбу, твердя: «Туда же отцомъ жениться, старый богема!» И тутъ же ему приходило въ голову: «Богъ съ Олей все само собой уладилось». Въ глубинѣ души онъ жаждалъ только одного, чтобы все само собой уладилось и съ Сеней, и въ то же время сознавалъ, что подобныя случайности не повторяются.

Сеня дѣлался все болѣе и болѣе страннымъ. Порою онъ запирался въ своей комнатѣ на цѣлые вечера, и никто не слыхалъ его голоса; порою онъ бушевалъ, крича на всѣхъ домашнихъ за то, что у него не вымыты перчатки, когда ему надо ѣхать въ гости, прибавляя при этомъ, что если не даютъ денегъ на новыя перчатки, то могли бы хоть старыя мыть. Бывали минуты, когда при одномъ взглядѣ отца на его лицо, онъ вспыхивалъ отъ стыда и отворачивался въ сторону почти со злобой, но зато въ другіе дни онъ не только нагло улыбался при этихъ взглядахъ, а еще старался сказать что-нибудь дерзкое и рѣзкое, чтобы вызвать отца на брань. Серпуховъ одинаково смотрѣлъ на сына во всѣхъ этихъ случаяхъ — съ щемящимъ сердце состраданіемъ и думалъ только одно: «худѣетъ, блѣднѣетъ, синяки подъ глазами». Гдѣ же тутъ было отвѣчать рѣзкостями на дерзости, когда сердце ныло. Сеню это выводило изъ терпѣнія. Онъ сносилъ прежде иронію и насмѣшки отца, отвѣчая на нихъ дерзостями; теперь, когда отецъ смотрѣлъ на него участливыми глазами, ему приходилось только умолкать, нагрубивъ отцу и не вызвавъ упрека.

Разъ онъ строптиво сказалъ сестрѣ:

— Что это отецъ нынче мокрой курицей смотритъ? Ходитъ точно поджавши хвостъ!

— Какъ ты смѣешь такъ говорить о немъ? — оборвала его Оля. — Онъ для насъ все дѣлаетъ, онъ на себя не похожъ сталъ отъ работы и заботъ, а ты смѣешь издѣваться надъ нимъ!

— Давно ли ты-то сама стала на колѣняхъ предъ нимъ стоять? — грубо замѣтилъ братъ.

— Давно или недавно — это все равно, — отвѣчала Оля: — а только знаю я, что онъ объ однихъ насъ и думаетъ.

Сеня пришелъ чуть не въ бѣшенство:

— Онъ думаетъ о насъ? Да первый встрѣчный, можетъ-быть, больше бы о насъ думалъ, если бы зналъ насъ. Что онъ насъ кормитъ, да одѣваетъ, такъ ты это называешь заботами о насъ? Это онъ обязанъ дѣлать. Не сталъ бы этого

дѣлать,—такъ его заставили бы черезъ полицію. Наплодятъ дѣтей, такъ нельзя же ихъ на улицу выбрасывать.

И уже глумливымъ тономъ онъ прибавилъ:

— Впрочемъ, можетъ-быть, онъ и заботится о тебѣ; ты, можетъ-быть, сумѣла подъѣхать къ нему. Ну, а я кланяться не стану, пулю скорѣе пущу въ лобъ, а ужъ не поклонюсь...

Оля воскликнула:

— Что ты говоришь! Съ чего тебѣ пулю въ лобъ пускать! Очень ужъ ты напускаешь на себя мрачности!

Онъ не безъ злости взглянулъ на нее.

— Въ моей бы шкурѣ посидѣла!—коротко отвѣтилъ онъ.

Она серьезно спросила его:

— Да что-нибудь и точно случилось?

Онъ отвернулся.

— Стану я тебѣ разсказывать всякія мерзости!

Онъ вышелъ изъ комнаты, оставивъ сестру въ тревогѣ. Она не могла понять, что съ нимъ дѣлается. Не предупредить ли отца? Но, можетъ-быть, все это пустяки, и братъ только рисуется. Всегда у него было много фатовства. Самолюбіе у него развито непомѣрно. Щеголять передъ всѣми, казаться изящнѣе и умнѣе всѣхъ, обращать на себя вниманіе всѣхъ, задирать носъ передъ всѣми, вотъ все, что ему нужно. Она покраснѣла, вспомнивъ, что и она сама еще недавно была почти такою же. Тоже капризничала и самодурствовала не хуже Сени. Можетъ-быть, и у него это пройдетъ. Не зачѣмъ безпокоить отца изъ-за пустяковъ и передавать ему сегодняшній разговоръ. Лучше прежде послѣдить самой за Сеней, вывѣдать, выспросить...

III.

Благія намѣренія Юрія Дмитріевича и Оли относительно Сени такъ и остались одними благими намѣреніями, не выразившись покуда ничѣмъ на дѣлѣ. Причиною этого былъ отчасти самъ Сеня, отчасти обстоятельства.

Присматриваясь къ внѣшней жизни мальчугана, его отецъ и его сестра увидали, что мальчуганъ «образумился». Правда, онъ былъ попрежнему дерзокъ и рѣзокъ, отличался неровностью характера, часто былъ хмурымъ, но, тѣмъ не менѣе, въ его поведеніи произошла рѣзкая перемѣна: онъ сталъ усерднѣе заниматься въ гимназіи, проявилъ даже нѣкоторое упорство въ этомъ отношеніи, просиживая иногда далеко за полночь за уроками; кромѣ того, онъ набралъ себѣ частныхъ

уроковъ и сталъ упорно отказываться отъ денегъ отца, говоря: «у меня есть свои деньги». Послѣднее обстоятельство и огорчало Юрія Дмитріевича, и радовало. Ему было грустно, что сынъ какъ-то холодно и немного заносчиво отказывается отъ его денегъ, и въ то же время онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что мальчуганъ сталъ работать, пересталъ бить баклуши, началъ серьезнѣе относиться къ жизни. Но какой психическій процессъ произвелъ въ юной душѣ этотъ переворотъ — этого отецъ не зналъ, не могъ знать. Сынъ сторонился отъ отца, и послѣдній былъ не въ состояніи уловить разныхъ тонкостей въ настроеніи и поведеніи юноши. Онъ не могъ замѣтить, что юноша былъ точно въ лихорадкѣ: въ его прилежаніи, въ его стремленіи добыть деньги своимъ трудомъ было что-то болѣзненное, порывистое, нервное; это не было прилежаніе привычнаго къ упорному труду человѣка; въ этомъ сказывалось скорѣе заносчивое стремленіе юноши показать другимъ, что онъ умѣетъ работать не хуже другихъ, что онъ не нуждается въ чужой помощи, что онъ самъ пробьетъ себѣ путь. Нужно было хорошо знать его, чтобы понять это. Отецъ же вовсе не зналъ его.

Кромѣ того, вопросъ о Сенѣ отодвинулся на второй планъ, такъ какъ въ семьѣ назрѣли другія событія, поглотившія все вниманіе Юрія Дмитріевича.

Уладивъ дѣло съ Евгеніемъ Александровичемъ, Юрій Дмитріевичъ не могъ побѣдить въ себѣ полнаго охлажденія къ женѣ, полнаго отчужденія отъ нея. Онъ попрежнему видѣлся съ нею ежедневно, но не говорилъ съ нею вовсе. Въ крайнихъ случаяхъ онъ отвѣчалъ ей односложнымъ «да» или «нѣтъ», приказывалъ сдѣлать то-то и то-то и дальше не шелъ въ сношеніяхъ съ нею. Быть-можетъ, одинъ ея шагъ къ примиренію, одно ея слово о прощеніи измѣнили бы все. Сергуховъ размякъ бы, расплакался бы, самъ сталъ бы просить у нея прощенія, наговорилъ бы ей жалкихъ словъ о томъ, что оба они загубленныя средою и обстоятельствами личности, что и всѣ люди такіе загубленные, что оба они виноваты и не виноваты, какъ и всѣ люди, однимъ словомъ, высказалъ бы то, что онъ передумалъ и перечувствовалъ. Но Марья Львовна была не изъ тѣхъ натуръ, которыя сознаютъ свои ошибки и каются. Въ ея глазахъ всѣ были виновными, и только одна она была правою или, вѣрнѣе сказать, о другихъ она только тогда и думала, когда ихъ можно было за что-нибудь обвинить по отношенію къ ней. Увидавъ, что мужъ «дуется», она стала тоже «дуться» и

незамѣтно для самой себя воздвигла между собой и мужемъ какую-то китайскую стѣну. Въ какія-нибудь двѣ-три недѣли дѣло дошло до того, что у мужа и жены языкъ не поворачивался для разговоровъ другъ съ другомъ, и когда они говорили одинъ другому какія-нибудь короткія фразы, ихъ голоса становились помимо ихъ воли какими-то глухими, сиплыми, отрывистыми, враждебными, точно у обоихъ что-то перехватывало горло. Иногда Юрію Дмитріевичу какъ-то смутно хотѣлось сдѣлать первый шагъ, если не къ примиренію, то къ болѣе нормальнымъ отношеніямъ, но, при взглядѣ на жену, отворачивавшуюся отъ него, хранившую на лицѣ выраженіе холодной враждебности, онъ чувствовалъ, что слова замираютъ на его языкѣ и голосъ хрипнетъ при произнесеніи самыхъ обыденныхъ фразъ. Въ свою очередь Марья Львовна хотѣла порою вызвать мужа на объясненіе, чтобы избавиться отъ тяготившаго ее молчанія, но какъ только появлялась передъ нею его колоссальная, теперь сгорбившаяся, отяжелѣвшая фигура, такъ тотчасъ же ее охватывала ненависть къ нему, и въ головѣ мелькала злая мысль: «еще подумаетъ, что хочу прощенья просить! самъ загубилъ меня, а думаетъ, что я виновата передъ нимъ!» — и она глядѣла на него со злобой. Мысль о томъ, что онъ загубилъ ее, все сильнѣе и сильнѣе охватывала ее, такъ какъ именно теперь она сознавала весь ужасъ своего положенія: ей не у кого было искать утѣшенія, отдыха, ласки. Евгеній Александровичъ все рѣже и рѣже бывалъ у Серпуховыхъ, и уже не трудно было догадаться, что онъ тяготится Марьею Львовною; что онъ сторонится отъ нея. Ихъ связь держалась, покуда это было чѣмъ-то въ родѣ тайныхъ школьническихъ продѣлокъ. Теперь же, когда имъ позволилъ самъ мужъ продолжать ихъ отношенія, у Евгенія Александровича родилась масса довольно странныхъ соображеній, ни разу не приходившихъ ему въ голову прежде. Какую роль онъ будетъ играть въ глазахъ Серпухова, живя съ его женой: любовницамъ обыкновенно платятъ, ихъ содержатъ, а тутъ любовница живетъ на счетъ мужа, тогда какъ принадлежитъ она не мужу, а любовнику? Можно ли теперь скрывать отъ Сёни и Оли свои отношенія къ ихъ матери, когда ихъ отецъ относится такъ сухо къ нему, къ Шахову, когда самъ Шаховъ теряется въ ихъ домѣ и не знаетъ, какъ держать себя, когда въ каждой фразѣ Серпухова Шаховъ слышитъ какія-то оскорбительныя ноты, намеки! Тутъ даже и бывать въ домѣ неловко. Сознавая это,

Шаховъ вовсе не обвинялъ Серпухова за то, что послѣдній не считаетъ нужнымъ маскироваться. Напротивъ того, Шаховъ находилъ это вполнѣ естественнымъ, оправдывалъ Серпухова въ душѣ, не замѣчая того, что отъ оправдываемаго поведенія Серпухова вѣяло чѣмъ-то въ родѣ радости: если бы Серпуховъ продолжалъ быть любезнымъ и съ женою, и съ нимъ, съ Шаховымъ, то Шаховъ не имѣлъ бы лишней отговорки при вопросѣ, почему онъ рѣдко бываетъ у Серпуховыхъ. Рядомъ со всѣми другими соображеніями шли вопросы: что приноситъ ему, Евгенію Александровичу, эта связь, кромѣ тревогъ, когда Марія Львовна вѣчно раздражена, вѣчно жалуется, вѣчно плачетъ—и подъ вліяніемъ злобы, огорченій и слезъ блекнетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе? Нельзя же жить съ женщиною, когда не чувствуешь къ ней любви, когда нѣтъ даже того увлеченія, которое свело ихъ вмѣстѣ, на время опьянивъ ихъ и заглушивъ въ нихъ доводы разсудка. И какъ бы конфузясь самого себя, Евгеній Александровичъ принималъ грустный видъ, вздыхалъ и печально говорилъ себѣ: «хуже всего то, что ей, бѣдняжкѣ, даже нечѣмъ пособить; ея судьба испорчена въ конецъ, да и сама она тоже въ конецъ изломана». Послѣднее было ясно и Серпухову такъ же, какъ Шахову. Оба они находили теперь, что у Марьи Львовны нѣтъ симпатичныхъ чертъ, что въ ней много отталкивающаго. Но ни тотъ, ни другой не задавали себѣ вопроса: «зачѣмъ же ты взялъ ее въ жены? зачѣмъ же ты взялъ ее въ любовницы?» Правда, Юрій Дмитріевичъ упрекалъ себя теперь постоянно за то, что онъ не сумѣлъ воспитать жену: «взялъ ребенка и не умѣлъ его воспитать». Тѣмъ не менѣе, онъ не могъ побѣдить себя и быть ласковымъ съ нею, какъ мы иногда бываемъ ласковы со своими дѣтьми, даже испорченными, даже падшими. Этой всепрощающей отеческой любви не могло быть у мужа. Евгеній Александровичъ со своей стороны даже не задумывался вовсе о томъ, что многое несимпатичное въ этой женщинѣ явилось вслѣдствіе того, что она не нашла въ немъ того, что искала. Сходясь съ нимъ, она все же смутно ожидала отвѣтной любви, а нашла только готовность поразвратничать съ ней и то тогда, когда она ужъ очень сильно навязывалась. Встрѣчая угрюмое молчаніе мужа, видя плохо скрываемое или даже нескрываемое вовсе отчужденіе любовника, Марья Львовна переживала тяжелые дни. Ея характеръ, мелочный и капризный, портился не по днямъ, а по часамъ. Неразвитый умъ не

давалъ ей возможности даже надѣть маску, прикрыться личиною, казаться лучшей, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Сѣтуя въ душѣ на Евгенія Александровича, она даже не замѣчала, что она сама теперь гонитъ его отъ себя. Не разъ, когда онъ мягко и ласково начиналъ говорить ей какое-нибудь нравоученіе, она обрывала его:

— Ахъ, оставь эти нѣжности! Если у насъ нѣтъ ничего общаго, такъ нечего и говорить: «Манюша!» «Милая!» Знаю я, насколько я тебѣ мила.

А когда онъ уходилъ, она въ отчаяніи плакала и ломала руки, но при новой встрѣчѣ съ нимъ кромѣ раздраженія ничего не находила въ своей душѣ. Она своими руками душила свою любовь и оплакивала эту любовь горькими слезами...

А рядомъ съ нею было еще одно существо, испытывавшее не меньшія муки. Это существо была Оля. Отъ ея наблюдательности не укрылось то, что въ ихъ домѣ происходитъ что-то неладное: папа и мама въ ссорѣ. Изъ-за чего? Когда началась эта ссора? Скоро ли они перестанутъ дуться? Эти вопросы проносились въ головѣ и оставались безъ отвѣта. Прежде всего она почувствовала, что «на нихъ, на папу и маму, скучно смотрѣть». Даже чужихъ отвадили отъ дома. Вотъ и Евгеній Александровичъ почти пересталъ бывать у нихъ. Еще бы! Развѣ весело смотрѣть на хозяевъ, не говорящихъ другъ съ другомъ? Эти простые вопросы смѣнились другими, болѣе тревожными. Но развѣ онъ ходилъ только ради веселья? Если онъ чувствуетъ, что на эту семейную распрю тяжело смотрѣть ему, постороннему, то долженъ же онъ понять, каково смотрѣть на это ей, дочери? Да, онъ долженъ понять это и долженъ придти къ ней на помощь, если любитъ ее. Но любитъ ли онъ ее? Онъ никогда не говорилъ объ этомъ. Но что же значатъ слова. Можно и безъ словъ угадать, кто кого любитъ. Ей вспомнились мелочи: его ласковые взгляды, его заботливыя рѣчи, его объясненіе ей ея сомнѣній, вопросовъ, его прогулки съ ней въ Паловскѣ, его чтеніе съ ней вслухъ. На память приходили отрывочныя фразы: «Оля, вы добрая дѣвушка, зачѣмъ же вы дразните маму?» Съ этой именно минуты она начала исправляться, благодаря ему. Потомъ онъ ей замѣтилъ разъ по поводу разговора объ одной книгѣ: «вы удивительно ясно схватываете идеи». Она тогда вся вспыхнула отъ счастья и стала читать еще прилежнѣе. Онъ даже наружностью ея интересовался, такъ какъ разъ замѣтилъ ей: «о, какая вы

сегодня эффектная». О, да, онъ любитъ ее!.. Она даже и не подозрѣвала, что точно такія же фразы онъ говорилъ десяткамъ другихъ женщинъ и дѣвушекъ, такъ какъ онъ былъ добрымъ человѣкомъ и желалъ сдѣлать для каждаго что-нибудь пріятное. Когда даже рѣшительно не за что было хвалить человѣка, онъ говорилъ, что это «все же симпатичная личность». Оля опять останавливалась на вопросахъ: но почему же онъ вдругъ почти бросилъ ихъ семью? Не разсердился ли онъ на нее, на Олю? За что? Она просиживала цѣлые часы въ раздумьи, она перебирала въ умѣ всѣ свои промахи и ошибки, она плакала, мучимая неразрѣшимыми сомнѣніями и вопросами. Юрій Дмитріевичъ замѣчалъ съ тревогою, что его «дѣвочка» худѣетъ и блѣднѣетъ, и доискивался причины этого. Онъ ласкалъ ее, спрашивалъ, не больна ли она, не тяжело ли ей на педагогическихъ курсахъ, и распространялся съ желчностью о современномъ переутомленіи мозга, о чрезмѣрныхъ занятіяхъ молодыхъ дѣвушекъ, не понимая, подобно большинству, что причины всякихъ нервныхъ разстройствъ и худосочій лежатъ поглубже, вовсе не въ томъ, что люди стараются вырасти не дураками и не невѣждами. Отвѣтъ на его вопросы получался одинъ: «я здорова, папа». Но чаша горечи все переполнялась, и, наконецъ, Оля не выдержала.

Какъ-то разъ отецъ зашелъ къ ней и засталъ ее въ слезахъ. Онъ встревожился, началъ ее разспрашивать. Она, не отвѣчая на разспросы отца, спросила его въ свою очередь:

— Папа, что сдѣлалось съ Евгеніемъ Александровичемъ?

Юрій Дмитріевичъ смутился.

— Ничего... Я видѣлъ его вчера... здоровъ...

— Ахъ, не то, не то!—нетерпѣливо перебила его дочь.— Почему онъ почти не ходитъ къ намъ?

— Дѣла, вѣрно... дѣла!—началъ разъяснять Серпуховъ.— Въ судѣ теперь работа... извѣстно, зимою...

— Въ прошломъ году тоже была работа въ судѣ, но онъ ходилъ... Все это пустяки!—перебила Оля, волнуясь и раздражаясь.

Она какъ-то смутно угадывала, что отецъ говоритъ сознательно неправду.

— Ну, можетъ-быть, просто надоѣло одно и то же, гдѣ-нибудь теперь веселѣе, чѣмъ у насъ,—неловко пояснилъ Серпуховъ.

— Что ты говоришь? — воскликнула Оля, хватая его за руку. — Гдѣ-нибудь веселѣе, чѣмъ у насъ. Ты что-нибудь знаешь? Влюбился онъ? Женится? Да говори же!

Она дергала его за руку, побуждая говорить, не помня себя.

Юрій Дмитріевичъ совсѣмъ растерялся, все еще не понимая причины ея волненія.

— Дѣточка, да намъ-то что до этого?—простодушно спросилъ онъ.—Хочетъ—ходитъ, не хочетъ—Богъ съ нимъ!

Она закрыла лицо руками.

— Господи, Господи, я такъ его люблю! — воскликнула она, заливаясь слезами.

Серпуховъ, блѣдный, ошеломленный, пробормоталъ почти въ ужасѣ:

— Ты? ты? Любишь ею?

Онъ поднялся съ мѣста и заходилъ по комнатѣ, охваченный самыми разнородными чувствами, жалостью къ дочери, ненавистью къ Евгенію Александровичу, боязнью высказать дочери правду про ея мать и про этого человѣка.

— Дѣточка, дѣточка... что же это такое... Полно... нѣтъ, нѣтъ, это ты такъ... Показалось тебѣ...

Онъ самъ не понималъ, что онъ говорилъ.

— Ну, да, да, люблю... Не могу я больше скрывать,— отрывисто говорила она сквозь слезы. — Какъ ты не замѣтилъ этого раньше... Ахъ, ничего ты не видишь, не понимаешь!.. Мама Маня и та замѣтила.

Онъ быстро схватилъ ее за руку: выраженіе его лица сдѣлалось какимъ-то дикимъ.

— Мать знала? Мать знала?—крикнулъ онъ внѣ себя.

Олѣ стало даже больно, такъ онъ сжалъ ея руку. Она взглянула на него изумленными глазами, не понимая ничего.

— Ну да, знала. Я не разсказывала ей, но она сама постоянно говорила, что я вѣшаюсь ему на шею, что я навязываюсь ему...

— Знала, знала! — уже безпомощно шепталъ онъ, опять ходя по комнатѣ и качая головой.—И не предупредила, не сказала...

Онъ оборвалъ рѣчь на полусловѣ, очнувшись. У него сжимались кулаки отъ злобы на жену. Она казалась ему теперь омерзительно низкою женщиною. Знала, что дочь любитъ этого человѣка, и сама сошлась съ нимъ.

— Чего не сказала?—спросила Оля, глядя на него удивленными глазами.

— А того, что это ничтожный и пустой человѣкъ, того, что съ такими людьми не можетъ быть счастлива дѣвушка,

того, что онъ никогда не могъ любить тебя, не могъ сдѣлаться твоимъ мужемъ,—какъ-то залпомъ, задыхаясь, проговорилъ Серпуховъ.

— Не клевещи, не клевещи на него!—крикнула Оля, и все ея лицо покрылось румянцемъ.—А! я теперь понимаю! Ты поссорился съ нимъ и злишься на него, чернишь его! Это низко, низко!

— Молчи! что ты знаешь!—крикнулъ Юрій Дмитріевичъ, раздраженный ея словами и забывшій, что съ нимъ говоритъ страдающая дочь.

— То я знаю, что прежде ты самъ его хвалилъ!—въ свою очередь крикнула она.—На «ты» были, первые друзья были, дня не проводили другъ безъ друга, а теперь повздорили, такъ онъ и негодяемъ сталъ! Зачѣмъ же ты его принималъ прежде, зачѣмъ ласкалъ, если онъ негодяй? Предупредилъ бы меня, если зналъ. Нѣтъ, нѣтъ, это низко, этого я отъ тебя не ждала! О-о!

Онъ опять упалъ духомъ. Какъ объяснить ей все? Что сказать? Нельзя же выдать ей ея мать съ головою? Тогда нужно ужъ прямо выгнать эту мать изъ дома. Онъ собрался съ силами, присѣлъ около дочери, говоря ей:

— Успокойся! успокойся!

Потомъ онъ началъ говорить нѣсколько сбивчиво, многословно, дыша съ трудомъ. Она дѣвушка, она многаго еще не понимаетъ. Онъ не можетъ даже вполнѣ объяснить ей всего. Но дѣло въ томъ, что онъ недавно только узналъ, что у Евгенія Александровича есть связи, незаконныя, нехорошія.

— Какая-нибудь падшая женщина связала его?—перебила дочь.

— Оля! Оля! зачѣмъ такъ говорить!—остановилъ ее отецъ.—Можетъ-быть, та, съ которой онъ сблизился, и не виновата... но онъ-то во всякомъ случаѣ виноватъ...

— Почему онъ, онъ, а не она?—воскликнула Оля.

— Мужчины всегда виноваты больше, чѣмъ женщины... Но дѣло не въ томъ, не въ томъ... Главное то дурно, что онъ не предупредилъ никого, что онъ вводилъ въ заблужденіе... Вотъ хоть бы и ты... Ты вѣдь не полюбила бы, если бы знала, что онъ не свободенъ... Онъ долженъ былъ держать себя съ тобою осторожнѣе... ну, сказать, что ли, что онъ женихъ... или что-нибудь такое... Я за это и сержусь на него...

— Но ты же не зналъ, что я его люблю?—сказала она.

Юрій Дмитріевичъ спохватился, понялъ свою оплошность. Онъ поспѣшилъ увернуться, неумѣло и неловко:

— Не зналъ, не зналъ... я же сказалъ тебѣ, что не зналъ... Чего мнѣ врать?.. Но видишь ли, я, какъ отецъ, видя, что онъ часто бываетъ у насъ, что вы читаете вмѣстѣ, что... ну, однимъ словомъ, я иногда думалъ, что ты можешь увлечься... ты же молода... онъ тоже... Это же такъ естественно... Вотъ я, узнавъ, что онъ связанъ, и разсердился... то-есть не то, что разсердился, а постарался отдалить его отъ тебя, чтобы...

— А!—проговорила Оля, и ей точно стало легче.—Такъ это не онъ самъ сталъ отдаляться, а ты его отдалилъ... Ну, слава Богу!.. Можетъ-быть, онъ и не любитъ вовсе ту... можетъ-быть, это просто недостойное его увлеченіе, простая ошибка.

Серпуховъ опять съ испугомъ почувствовалъ, что онъ теряетъ почву подъ ногами... Онъ принялъ серьезный видъ и съ упрекомъ сказалъ дочери:

— Оля, не смотри на людей такъ безсердечно. Тебѣ отказаться отъ него еще легко, ты ничѣмъ не связана съ нимъ, тебѣ онъ не давалъ повода увлечься, а та женщина... Она, можетъ-быть, обольщена имъ... навѣрное обольщена... иначе и быть не можетъ... Мужчины всегда сумѣютъ обольстить... Ну, вотъ, ея жизнь испорчена навсегда... Неужели же ты рѣшилась бы купить свое счастіе несчастіемъ другой?

Оля сидѣла съ опущенной на грудь головой. Въ ней происходила тяжелая борьба. Юрій Дмитріевичъ подсѣлъ еще поближе къ ней, нѣжно сталъ гладить ея голову, говоря мягко, любовно, какъ старая нянька, ублажающая и вразумляющая капризное и больное дитя. Онъ говорилъ о значеніи испорченной жизни женщины, о мужчинахъ, неосторожно увлекающихъ женщинъ, о страшной участи опозоренной и брошенной дѣвушки, о жестокости тѣхъ женщинъ, которыя ради своего счастья дѣлаютъ на всю жизнь несчастными другихъ обольщенныхъ женщинъ. Оля слушала молча, кротко, иногда только кивая головой въ знакъ согласія. Чѣмъ дольше продолжалось ея молчаніе, тѣмъ легче становилось на душѣ у Юрія Дмитріевича. Онъ понималъ, что его дѣвочка добра, мягка, несмотря на внѣшнюю рѣзкость, что она никогда не перешагнетъ ни чрезъ кого къ личному счастью, что теперь все улажено. Когда онъ кончилъ, Оля подняла голову и рѣшительно проговорила:

— Да, ты правъ, папа!

Онъ вздохнулъ широкимъ облегчающимъ вздохомъ, чувствуя, что выигралъ сраженіе. Оля продолжала тѣмъ же тономъ:

— Я должна узнать ее, увидать ее, и если онъ загубилъ ее, то...

Она покачала головой:

— Я скорѣе сама умру, чѣмъ буду причиной ея несчастія...

Юрія Дмитріевича точно пришибло.

IV.

Въ былые годы Юрій Дмитріевичъ за кружкой пива обсуждалъ съ пріятелями всякіе отвлеченные вопросы, общественныя событія, людскія отношенія; жизнь ему казалась такой простой штукой, гдѣ можно было все перевернуть и передѣлать по-своему. Теперь, когда онъ столкнулся съ мелкими событіями въ своемъ семейномъ муравейникѣ, жизнь ему показалась такой сложной задачей, которую не въ состояніи распутать никто. Чтобы распутать эту задачу, нужно было прежде всего начать жить съ начала.

Послѣ объясненія съ дочерью онъ проходилъ по кабинету почти всю ночь, перебирая въ умѣ, что дѣлать. Онъ понималъ, что Оля теперь станетъ всѣми средствами узнавать, кто та, которую любитъ Шаховъ. Удержать ее отъ этого не было никакой возможности, если не пуститься на какія-нибудь хитрости, то-есть именно на то, на что онъ былъ менѣе всего способенъ. Онъ сознавалъ, что онъ долженъ дѣйствовать, что-то предотвратить, чему-то помѣшать, но какъ? Сказать Шахову, что Оля влюблена въ него и что потому Шаховъ долженъ объявить ей самъ, что онъ уже женихъ? Это было очень просто. Но въ душѣ Юрія Дмитріевича поднялось какое-то особенное чувство, ему казалось, что онъ доставитъ этимъ признаніемъ новое торжество Евгенію Александровичу, что онъ унизитъ этимъ свою дѣвочку. «Гордиться еще, подлецъ, станетъ, что сперва мать соблазнилъ, а теперь и сердцемъ дочери можетъ поиграть», мелькало въ головѣ Серпухова. Онъ сдвинулъ брови при этой мысли и какъ-то вдругъ рѣшилъ: «прикажу ему убраться изъ Петербурга». Онъ даже повеселѣлъ отъ этой неожиданно пришедшей въ голову мысли. Да, онъ можетъ приказывать Шахову, можетъ заставить его уѣхать. Тотъ не посмѣетъ противиться и протестовать. На минуту шевельнулось злорадное сознаніе, что онъ имѣетъ власть надъ этимъ человѣкомъ,

глубоко оскорбившимъ его, внесшимъ въ его домъ позоръ. Это ощущеніе быстро разсѣялось и смѣнилось другимъ. «А онъ, я думаю, только того и ждетъ, чтобы улизнуть», опять пронеслась новая мысль въ головѣ Серпухова. «Ну, и чортъ съ нимъ,—рѣшилъ онъ.—Обрадуется или нѣтъ, дѣло не въ томъ, лишь бы уѣхалъ». Какой же предлогъ выдумать, чтобы удалить Евгенія Александровича? Просто можно сказать, что натянутость ихъ взаимныхъ отношеній бросается въ глаза дѣтямъ, что Серпуховъ не желаетъ наводить ихъ на подозрѣнія, что они уже не малолѣтки, и шила отъ нихъ въ мѣшкѣ не утаишь. Этого объясненія вполнѣ достаточно. Наконецъ, нужны ли даже вообще пространныя объясненія? Довольно того, что онъ, Серпуховъ, потребуетъ отъѣзда и въ случаѣ отказа пригрозитъ Шахову скандаломъ.

Серпуховъ опять усмѣхнулся брезгливой улыбкой: «не откажется». Вѣдь и самъ онъ, Юрій Дмитріевичъ, не отказался бы на его мѣстѣ... Но какъ перенесетъ Оля отъѣздъ Евгенія Александровича? Поплачетъ, потоскуетъ и забудетъ. Вѣдь все равно ей не быть его женою, и чѣмъ скорѣе она увидитъ невозможность сближенія съ нимъ, тѣмъ лучше. Ей даже будетъ легче забыть его, когда онъ не будетъ у нея на глазахъ. Даже самый ударъ будетъ ей мало чувствителенъ, такъ какъ сначала можно сказать, что Евгеній Александровичъ уѣзжаетъ на короткій срокъ. Онъ вѣдь каждый годъ уѣзжаетъ за границу на мѣсяцъ, на два. Никого не поразитъ и нынѣшній его отъѣздъ...

Юрій Дмитріевичъ былъ очень доволенъ своимъ планомъ и чувствовалъ, что онъ сваливаетъ съ себя тяжелое бремя. Нужно только торопиться. Затягивать нечего и не для чего. Оля—человѣкъ горячій; она привыкла тотчасъ же приводить въ исполненіе всѣ свои рѣшенія. Сказала, что желаетъ узнать предметъ любви Евгенія Александровича, и узнаетъ. Это нужно предупредить.

— Эхъ, дѣла, дѣла!—вздыхалъ Юрій Дмитріевичъ, предвкушая впередъ всю горечь объясненія съ соперникомъ.

Не откладывая въ дальній ящикъ этого дѣла, Серпуховъ на слѣдующій же день завернулъ къ Евгенію Александровичу и засталъ его лежащимъ въ кабинетѣ. Около Шахова валялся на полу французскій романъ, очевидно выпавшій изъ рукъ во время нагнавшаго дремоту чтенія. Шаховъ не сразу очнулся при входѣ Юрія Дмитріевича, но, увидавъ его, сразу поднялся съ мѣста. Въ его головѣ мелькнула тревожная мысль: «не случилось ли чего особеннаго?..»

Серпуховъ не бывалъ у него послѣ объясненія въ Павловскѣ, въ ресторанѣ; даромъ онъ не могъ придти. Это взволновало Евгенія Александровича.

— Я тебѣ не помѣшалъ?—спросилъ Серпуховъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣтилъ Шаховъ, идя ему навстрѣчу.— Читалъ отъ скуки... Тоска такая. Не знаешь просто, куда бѣжать отъ пустоты жизни... Вотъ времена-то настали...

Онъ вздохнулъ и, видя озабоченное выраженіе лица Серпухова, не отвѣтившаго ничего на его жалобы на времена, тотчасъ же заволновался:

— Садись, пожалуйста... Сигару не хочешь ли?.. Что скажешь?.. Ты, вѣроятно, по какому-нибудь дѣлу...

Юрій Дмитріевичъ на торопливую и сконфуженную рѣчь хозяина отвѣтилъ коротко:

— Разумѣется, не безъ дѣла.

Онъ сѣлъ и нѣсколько замялся, не зная, какъ заговорить о дѣлѣ. У него были придуманы всѣ необходимыя фразы, но онѣ вдругъ какъ-то неожиданно выскочили изъ головы. Очень ужъ скверно было у него на душѣ отъ необходимости говорить о томъ, о чемъ хотѣлось бы не думать, не вспоминать. Обманутые мужья всегда чувствуютъ себя болѣе стѣсненными съ любовниками женъ, чѣмъ любовники съ ними.

— Видишь ли что,—началъ онъ, закуривая папиросу и сосредоточенно глядя, какъ она раскуривается.—Я тебѣ тогда, въ Павловскѣ, сказалъ, что мнѣ все равно, въ какихъ отношеніяхъ ты будешь стоять къ Марьѣ Львовнѣ...

— Я увѣряю тебя,—тревожно перебилъ его Евгеній Александровичъ, желая оправдаться:—мы теперь съ нею...

Юрій Дмитріевичъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.

— Постой, не перебивай!.. Мнѣ и точно нѣтъ никакого дѣла до вашихъ отношеній... Ты понимаешь, что меня не занимаютъ подробности, и потому избавь отъ нихъ... Контролировать я васъ буду, что ли?.. Дѣло не въ томъ... вовсе не въ томъ... Но покуда ты здѣсь, я не могу быть покоенъ.

Шаховъ вопросительно взглянулъ на него, сообразивъ что-то.

— Увѣряю тебя, что я стараюсь,—началъ онъ снова.— Отказки или чего-нибудь...

— Знаю, знаю, что стараешься все порвать,—проговорилъ досадливо Серпуховъ, не давъ ему кончить фразы.— Но дѣло не въ томъ. Наши отношенія натянуты. Ты бываешь у насъ изрѣдка, мы встрѣчаемся у Маріанны, дѣ-

лаемъ кислыя мины другъ другу... Нельзя же принудить себя любезничать... Это было бы ужъ слишкомъ... Ну, а при существующихъ между нами отношеніяхъ дѣти видятъ, какъ мы смотримъ другъ на друга.

— Ты хочешь, чтобы я не бывалъ у тебя, у Маріанны?— спросилъ Евгеній Александровичъ.

— Я хочу, чтобы ты уѣхалъ изъ Петербурга,—рѣзко сказалъ Юрій Дмитріевичъ.

Ему стало точно легче послѣ этой фразы.

Евгеній Александровичъ всталъ съ мѣста, заходилъ по комнатѣ. Его охватила радость, точно школьника, которому неожиданно объявили объ отпускѣ на каникулы. Давно уже ему хотѣлось удрать изъ Петербурга. Что его удерживало тутъ—онъ и самъ не зналъ. Привязанность къ Марьѣ Львовнѣ? Нѣтъ, она уже тяготила его, мѣшала ему жить такъ, какъ онъ любилъ жить—въ мирѣ со всѣми, въ вѣчно благодушномъ настроеніи, съ сознаніемъ, что всѣ довольны имъ и онъ доволенъ всѣми. Но что же, если не она, удерживало его здѣсь? Дѣла? Они были кончены, да если бы и не были кончены, ихъ было бы можно передать другому адвокату. Нѣтъ, не дѣла удерживали его. Было что-то иное, связывавшее его. Это что-то плохо поддавалось опредѣленію, но оно существовало. Какъ-то смутно сознавалъ онъ, что, безъ разрѣшенія Серпухова, онъ не можетъ уѣхать, то-есть можетъ, но очень ужъ это неловко, очень постыдно, точно бѣгство. Повидимому, это было странно, но это было такъ. Покуда Серпуховъ ничего не зналъ—Евгеній Александровичъ могъ бы уѣхать и непремѣнно уѣхалъ бы съ легкимъ сердцемъ отъ надоѣвшей ему женщины. Но разъ Серпуховъ все узналъ—Евгеній Александровичъ конфузился бѣжать. Съ любовницей онъ не поцеремонился бы, съ ея мужемъ онъ стѣснялся. Теперь онъ сознавалъ, что онъ не только *можетъ* уѣхать, но что онъ *долженъ* уѣхать. Онъ не въ силахъ былъ даже скрыть своей радости, она ясно выражалась на его лицѣ, въ его живой и легкой походкѣ. Его охватило какое-то мальчишеское оживленіе.

— Ты говорилъ, что у тебя дѣла,—началъ вдругъ Юрій Дмитріевичъ.

— Какія же дѣла?—воскликнулъ Евгеній Александровичъ.—Дѣла есть, но... что же дѣлать, если ты считаешь мой отъѣздъ необходимымъ... Ты знаешь, что я готовъ искупить какой бы то ни было цѣной мой проступокъ... Это мой долгъ, моя обязанность...

Юрій Дмитріевичъ, слушая его торопливую, оживленную рѣчь, уже понималъ, что тотъ радуется возможности удрать. Самъ онъ переживалъ когда-то, давно, эти минуты радости, когда можно было подъ благовиднымъ предлогомъ удрать отъ надоѣвшей чужой жены. Точно изъ карцера, точно изъ тюрьмы убѣгаютъ въ этихъ случаяхъ люди. У Серпухова пробудилось чувство гадливости къ Шахову, къ себѣ, ко всѣмъ, какъ онъ теперь часто выражался, «пакостникамъ». Шаховъ инстинктивно мелькомъ взглянулъ на Юрія Дмитріевича, уловилъ на его лицѣ презрительную, ироническую улыбку, угадалъ ея причину, устыдился своей радости и, принявъ серьезный видъ, озабоченно обратился къ Серпухову:

— Но ты не торопи меня... мнѣ надо еще... Ты понимаешь, я не отказываюсь... Это мой долгъ... Но не торопи... Такъ вдругъ нельзя...

Онъ путался, чувствуя на себѣ насмѣшливый взглядъ Серпухова. Оба они теперь читали въ душѣ другъ у друга, какъ въ открытой книгѣ, и обоимъ было скверно. Если бы имъ разсказали о подобной сценѣ между какимъ-нибудь другимъ мужемъ и какимъ-нибудь другимъ любовникомъ, они посмѣялись бы отъ души. Теперь было не до смѣха, когда эту сцену приходилось разыгрывать самимъ.

— Нѣтъ, ужъ ты не откладывай дѣла,—коротко сказалъ Серпуховъ.—Впрочемъ, ты и не отложишь.

Въ тонѣ послѣдней фразы была иронія. Юрію Дмитріевичу было пріятно произнести ее. Евгеній Александровичъ закусилъ нижнюю губу и мысленно ругнулъ Серпухова: «деликатности ни на грошъ; для него же дѣлаешь снисхожденіе, а онъ»... Впрочемъ, раздраженіе было только минутное; радостное чувство подавляло всѣ ощущенія. Юрій Дмитріевичъ взялся за шляпу и тяжело поднялся съ мѣста. Повременному озабоченный, сосредоточенный, немного сгорбившійся, онъ могъ вызвать участіе. Шаховъ взглянулъ на него, уловилъ скорбное выраженіе его обрюзгшаго лица и расчувствовался. «Тяжело ему, бѣдному. Все же онъ, Шаховъ, виноватъ передъ нимъ. Немудрено, если въ его словахъ иногда слышится раздраженіе. Другой на его мѣстѣ, Богъ знаетъ, что натворилъ бы».

— Грустно мнѣ, Юрій, что все такъ сложилось,—началъ онъ, вдругъ проникнувшись мягкой и нѣжной признью къ этому дававшему ему свободу человѣку.

Онъ теперь былъ готовъ обнять и его, и перваго встрѣч-

наго, зная, что не сегодня, такъ завтра онъ будетъ свободенъ, какъ птица.

— Что же, у тебя друзей и пріятелей много,—отвѣтилъ Юрій Дмитріевичъ и, пожавъ ему руку, глядя въ сторону, пошелъ изъ кабинета.

На порогѣ онъ что-то вспомнилъ, остановился и обернулся.

— Да, забылъ,—отрывисто и глухо проговорилъ онъ.— Скажи тамъ у насъ, что ѣдешь ненадолго, на мѣсяцъ, что ли... а то еще обморокъ сдѣлается.

У него перехватило горло. Объ этомъ ему было тяжело говорить. Но предупредить было необходимо. Онъ махнулъ рукою.

— Самъ понимаешь...

Шаховъ понялъ его положеніе и началъ увѣрять его, что онъ все уладитъ. Не слушая торопливыхъ увѣреній Евгенія Александровича о томъ, что все будетъ сдѣлано такъ, чтобы не было никакихъ сценъ, Серпуховъ вышелъ. Гадко ему было говорить любовнику своей жены, что она можетъ упасть въ обморокъ, узнавъ объ отъѣздѣ этого возлюбленнаго. Но предупредить его было надо не ради Марьи Львовны, а ради Оли. Съ послѣдней могъ сдѣлаться обморокъ отъ неожиданнаго удара. Это нужно было предотвратить.

Юрій Дмитріевичъ шелъ домой невеселый, понурый, несмотря на то, что въ головѣ мелькала мысль о разрубленномъ гордіевомъ узлѣ. Ему было тяжело это объясненіе. Онъ повторялъ себѣ сотню разъ, что у него все порвано, все покончено съ женою, и каждый разъ при встрѣчѣ съ Шаховымъ его охватывало какое-то гадкое ощущеніе. Онъ самъ опредѣлилъ мысленно это ощущеніе такъ: «все кажется, что этотъ человѣкъ мнѣ далъ когда-то пощечину, а я при всемъ желаніи не могъ ему отвѣтить тѣмъ же». «Потомъ и непривычка много значитъ,—горько иронизировалъ онъ надъ самимъ собою.—Впервые въ этомъ амплуа являюсь. Прежде самъ въ первыхъ любовникахъ состоялъ. Втянешься въ свою роль, такъ, можетъ-быть, и ничего станетъ, легко»... Кромѣ этого непріятнаго ощущенія, испытаннаго имъ снова въ это утро, у него какъ-то особенно ныло сердце: его заботила его дѣвочка. Какъ приметъ она извѣстіе объ отъѣздѣ Евгенія Александровича за границу? Надо самому предупредить ее, чтобы она услышала объ этомъ отъ него, отъ отца, а не отъ Шахова. Еще расплачется при Шаховѣ, если не будетъ предупреждена. Онъ не долженъ знать, что она его любитъ. Узналъ бы—сталъ бы еще рисоваться,

ломаться передъ нею, разъяснять ей, какъ ему больно, что онъ ее дѣлаетъ несчастною. Отъ пошляковъ и пакостниковъ всего можно ждать. Вотъ радости даже не могъ скрыть, что ему отпускъ даютъ, что его освобождаютъ отъ надоѣвшей любовницы. Еще бы! Предлогъ теперь у него есть сказать и мнѣ, и ей, что онъ порвалъ связь не по своей волѣ, а по принужденію. Принесъ жертву! На минуту въ головѣ мелькнула злая мысль: «навязать бы ее теперь ему: вези ее, мол, за границу лѣчиться: мнѣ самому некогда». И тотчасъ же съ брезгливостью онъ добавилъ: «а, ну ихъ!» Его занималъ теперь только вопросъ объ Олѣ. Надо ее подготовить къ печальному для нея извѣстію.

Онъ вернулся домой и тотчасъ же прошелъ въ комнату Оли. Она сидѣла въ своей узенькой комнаткѣ за чтеніемъ лекцій, наклонясь надъ письменнымъ столомъ. Отецъ поцѣловалъ ее въ лобъ и началъ разспрашивать ее о разныхъ мелочахъ, о разныхъ пустякахъ, заглянулъ даже въ ея лекціи, точно онѣ его интересовали. Среди разговора, продолжая перелистывать лекціи, онъ мелькомъ, какъ бы случайно, не измѣняя тона, заговорилъ:

— А я сейчасъ Евгенія Александровича встрѣтилъ.

— А! ну, что же?—живо спросила она.

— За границу съѣздить опять собирается,—равнодушно отвѣтилъ Серпуховъ.

Оля поблѣднѣла.

— Уѣзжаетъ?

— Да, вѣдь онъ каждый годъ ѣздитъ ненадолго.

Она взглянула на отца пристальнымъ взглядомъ.

— Точно... ненадолго?

— Да, вѣроятно... Я не разспрашивалъ... говоритъ: «надо съѣздить...» Конечно, какъ всегда... на мѣсяцъ, на два... Отчего не рыскать, когда деньги есть.

Она тяжело вздохнула и опять принялась за лекціи, уже не слушая отца и стараясь подавить слезы. Юрій Дмитріевичъ посидѣлъ еще немного и тихо, крадучись, точно отъ постели больной, вышелъ изъ комнаты. Онъ боялся продолжать разговоръ, боялся сказать какое-нибудь неосторожное слово. Да что же и говорить? Предупредилъ, ну, и конецъ. Теперь не распачется хоть при Шаховѣ...

V.

На слѣдующій день завернулъ къ Серпуховымъ во время ихъ обѣда самъ Шаховъ. Онъ старался быть развязнымъ,

говорилъ много и какъ-то особенно небрежно замѣтилъ, что ѣдетъ на короткое время за границу, совершенно такъ же, какъ наканунѣ Серпуховъ о томъ же сообщалъ Олѣ. Марья Львовна поблѣднѣла, какъ полотно. Она сразу чутьемъ угадала, что это разрывъ. Онъ поспѣшилъ пояснить, что онъ ѣдетъ ненадолго, очень ненадолго, что нынѣшній годъ онъ и такъ засидѣлся въ Петербургѣ, что обыкновенно онъ раньше уѣзжалъ за границу. Марья Львовна, не слушая его, думала только объ одномъ: «бѣжитъ, отъ меня бѣжитъ». Онъ даже попробовалъ пошутить, сказавъ, что его всегда томитъ тоска по Италіи и Франціи, точно по родинѣ.

— Ты бы уже лучше навсегда поселился тамъ, если здѣсь такъ скучно,—глухо проговорила Марья Львовна, чувствуя, что ее душитъ злоба на него, и не смѣя много говорить съ нимъ при мужѣ.

— Ну, вотъ еще!—сказалъ онъ.—Просто нужно на мѣсяцъ встряхнуться, на другую жизнь, на другихъ людей взглянуть... Очень ужъ тошно нынче у насъ въ Петербургѣ живется... Всѣ точно сонные бродятъ, оживленія нѣтъ... Я просто не понимаю, что съ нами сдѣлалось за послѣдніе годы... Ни интересовъ, ни оживленія, ни общественной жизни...

— Опрохвостились,—коротко сказалъ Серпуховъ.

— Ну, это не объясненіе,—возразилъ Шаховъ.

— А по-моему: объясненіе. Опрохвостились, вотъ и нѣтъ интересовъ...

Онъ махнулъ рукой: въ послѣднее время онъ всегда обрывалъ на полусловѣ всякіе разговоры объ общественныхъ вопросахъ.

Оля смотрѣла въ тарелку, боясь расплакаться. Въ головѣ мелькало: «и никого ему не жаль, никто ему не дорогъ; скучаетъ здѣсь, тоскуетъ по Италіи и Франціи, какъ по родинѣ». Въ комнатѣ воцарилось тяжелое молчаніе. Серпуховъ, чувствуя, что нужно что-нибудь говорить, сталъ разспрашивать Шахова о его знакомыхъ въ Парижѣ, въ Италіи. Шаховъ началъ говорить пространно и многословно, стараясь замаскировать неловкое положеніе всѣхъ. Среди разговора онъ вдругъ встрѣтился съ парой глазъ, смотрѣвшихъ на него съ какой-то нескрываемой, открытой злобой. Это были глаза Сени. Шаховъ немного смутился, уловивъ этотъ взглядъ. Онъ съ нѣкоторыхъ поръ сталъ ясно замѣчать, что Сеня внезапно превратился изъ его друга въ его врага. Неужели это изъ-за того, что онъ пересталъ давать Сенѣ

денетъ? Нѣтъ, въ этой враждебности было что-то другое, коренившееся глубже. Но что бы ни вызывало враждебность, Шахова она смущала, такъ какъ онъ привыкъ только къ пріятельскимъ и дружескимъ отношеніямъ. Онъ невольно отвернулся въ сторону отъ Сени, оборвавъ разсказъ о своихъ многочисленныхъ заграничныхъ друзьяхъ и пріятеляхъ.

— Много же у васъ тамъ друзей. А пріятельницъ вѣрно ужъ и не перечесть, что о нихъ не говорите!—вдругъ рѣзко и грубо произнесъ Сеня.

Всѣ какъ-то вдругъ невольно взглянули на него, точно онъ всѣхъ ихъ ударилъ разомъ. Всѣ поняли, что онъ хотѣлъ сказать, и никто не рѣшился поднять этого вопроса, заговорить объ этомъ предметѣ. Даже Серпуховъ не прикрикнулъ на сына.

Разговоръ сразу упалъ. Всѣмъ казалось, что обѣдъ тянется какъ-то особенно долго, всѣмъ хотѣлось поскорѣе встать, разойтись. Тотчасъ послѣ обѣда Шаховъ заторопился домой, говоря, что онъ заѣдетъ еще проститься передъ отъѣздомъ. Хлопотъ у него много, надо все скорѣе кончить. Ненадолго ѣдетъ, но все же нельзя такъ бросить дѣла. Онъ уѣхалъ и вздохнулъ облегчающимъ вздохомъ, попавъ на улицу. Олю мучила мысль о томъ, что онъ не сказалъ ей ни слова привѣта, не намекнулъ даже, что ему грустно разлучаться съ близкими людьми. Да! вѣрно, онъ ее вовсе не любитъ, никогда не любилъ.

И то сказать: за что ему ее любить? Что въ ней можетъ привлечь человѣка? Несчастный она, искалѣченный человѣкъ. Еще такъ недавно она кокетничала тѣмъ, что она «уродъ», теперь она съ глубокой тоской повторяла себѣ: «и могъ ли онъ влюбиться въ меня?» Ее охватила мучительная, сжимающая сердце скорбь. Въ душѣ не было ни бурныхъ вспышекъ, ни строптивой злобы, ни страстныхъ упрековъ кому бы то ни было, а царила только одна эта все подавляющая скорбь. Она прошла къ себѣ въ комнату, подавленная, огорченная. Присѣвъ къ столу, она расплакалась неутѣшными, тихими слезами. Какъ мелкій дождь, такія слезы бываютъ продолжительны...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

Отъѣздъ Шахова походилъ на бѣгство.

Получивъ отъ Серпухова разрѣшеніе ѣхать за границу,

Евгеній Александровичъ внезапно почувствовалъ, что въ послѣднее время онъ запутался въ какія-то сѣти, что дольше нельзя было такъ жить, что въ отъѣздѣ за границу все его спасеніе. Все проклятая снисходительность и доброта надѣлали. Друзья и пріятели окончательно стали считать его карманъ своимъ и начали просто нагло обирать его. Марья Львовна за его минутную слабость вообразила себя въ правѣ тиранить его и помыкать имъ, то дѣлая ему сцены, то принуждая его продолжать связь съ нею. Юрій, въ качествѣ оскорбленнаго мужа, дѣлалъ ему невыносимыя дерзости, зная очень хорошо, что онъ, Шаховъ, врагъ всякихъ публичныхъ скандаловъ, переходящихъ нынче тотчасъ въ печать. Даже какой-нибудь Сеня и тотъ началъ говорить дерзости ему, когда онъ пересталъ давать мальчишкѣ деньги; пожалуй, еще узналъ кое-что про мать и думаетъ шантажничать этимъ, чтобы выманивать деньги..

— А, да ну ихъ!—вдругъ воскликнулъ онъ.—Мнѣ-то что за дѣло до нихъ теперь? Уѣду—и всему, всему конецъ!

На минуту онъ закрылъ глаза. Въ его воображеніи мелькали картины заграничной жизни, полной оживленія и блеска, картины роскошной природы, картины музеевъ, художественныхъ галлерей, театровъ. Тамъ, на праздникѣ жизни, въ гостяхъ у чужихъ, забудется все здѣшнее, всѣ эти пошлыя дрязги и волненія.

— Да, да, все это надо стряхнуть! — проговорилъ онъ, вздыхая.

Онъ позвалъ Гришу.

— Я дня черезъ три уѣзжаю, Гриша. Надо все уложить...

— Надолго-съ ѣдете, Евгеній Александровичъ?—спросилъ Григорій.

— На полгода; можетъ-быть, дольше пробуду...

Гриша опечалился.

— А какъ же-съ здѣсь,—началъ онъ.

— Какъ здѣсь? Все останется по-старому. Не заколачивать же домъ.

И, ласково взглянувъ на своего слугу, онъ добавилъ:

— Смотри только, не закути отъ бездѣлья. Старайся вести себя порядочно. Я тобой всегда былъ доволенъ и буду радъ, если въ мое отсутствіе ты не испортишься. Твоя жизнь впереди, и потому старайся остаться порядочнымъ человѣкомъ...

Гриша бросился цѣловать его руку. Евгеній Александровичъ расчувствовался.

— Ну, хорошо, хорошо!.. Я знаю, что ты мнѣ предашь... А теперь за работу... Все надо сообразить, что слѣдуетъ взять... Надо вотъ чахлы еще надѣть на мебель... Книжные шкапы задернуть бумагой, а то книги запылятся, да и выгорають переплеты.

Онъ началъ хлопотать, какъ бы инстинктивно желая всецѣло отдаться одной мысли объ отъѣздѣ, о свободѣ. Ни на минуту онъ не присаживался на мѣсто, говорилъ, не умолкая, даже тогда, когда нечего было говорить. Ему было пріятно видѣть безпорядокъ въ своей квартирѣ — эти клочья оборванной газетной бумаги, эти открытые ящики шифоньерокъ и шкаповъ, эти чемоданы и дорожные мѣшки, однимъ словомъ, все, что напоминало объ отъѣздѣ. Это не было стремленіемъ заглушить какие-нибудь упреки совѣсти, раскаянія. Нѣтъ, онъ ни за что не упрекалъ себя, сознавая, что если у него и есть пороки, то эти пороки чуть не добродѣтели: онъ слишкомъ снисходительный и добрый человѣкъ — вотъ и все. За это онъ платился болѣе всего, прежде всего самъ. Но ему хотѣлось не разстраивать себя воспоминаніями о разныхъ мелкихъ непріятностяхъ, о разныхъ грязненькихъ продѣлкахъ людей, чтобы не возбуждать желчи, недовольства людьми. Постоянная мысль о близости отъѣзда поддерживала въ немъ свѣтлое настроеніе. Онъ не чувствовалъ подъ собою ногъ, носясь по комнатамъ, потомъ разъѣзжая по городу за паспортомъ, за покупками, съ прощальными визитами. Онъ смотрѣлъ на людей какъ-то сверху внизъ, съ чувствомъ сожалѣнія: они вотъ остаются тутъ, а онъ уѣзжаетъ, они будутъ продолжать купаться въ грязи будничной жизни, а передъ нимъ рядъ праздничныхъ дней съ праздничной обстановкой. Ничто не дѣлаетъ человѣка такимъ мелочнымъ, грязненькимъ, пошленькимъ, какъ эта вѣчная жизнь «дома», гдѣ перемываютъ свое грязное бѣлье, гдѣ грызутся изъ-за пропавшей копейки, гдѣ толкаются другъ съ другомъ въ домашнихъ халатахъ и туфляхъ.

Къ Серпуховымъ онъ заѣхалъ на минуту, умышленно опять во время обѣда, чтобы «застать всѣхъ въ сборѣ», какъ онъ сказалъ самъ, а въ сущности для того, чтобы не очутиться съ глазу на глазъ съ Марьей Львовной. Единственно, что его страшило, такъ это объясненіе съ ней: очень ужъ она изнервничалась за послѣднее время и притомъ стала вульгарна. Не понимаютъ женщины, что вѣчные капризы неизбѣжно ведутъ къ отталкивающей вульгарности!..

Вся семья была какъ-то невесело настроена, и потому настроеніе Шахова еще сильнѣе било въ глаза. Оля слѣдила за нимъ, и какое-то нехорошее чувство, помимо ея воли, пробудилось въ ней. Она почувствовала почти непріязнь къ Евгенію Александровичу за его радость. Среди разговора онъ спросилъ Сеню:

— Чего тебѣ привезти изъ Парижа?

Сеня сухо отвѣтилъ:

— Мнѣ ничего не нужно!..

— Ну, вотъ еще! Ну, да я самъ придумаю... А вамъ, Ольга Юрьевна, что прикажете привезти? Конечно, книгъ, книгъ и книгъ? Какихъ?

Она подняла голову и бросила на него какой-то странный, холодящій взглядъ, немного смутившій его.

— Вы знаете, что я не люблю подарковъ отъ чужихъ, — проговорила она.

— Да развѣ же мы чужіе?—спросилъ онъ, смѣясь.

Она подавила слезы и отвѣтила:

— А вы этого не знали?

Онъ пошутилъ:

— О, недобрая, даже на прощанье хотите ссориться.

Она опять взглянула на него тѣмъ страннымъ взглядомъ, точно стараясь договорить этимъ взглядомъ то, чего не могла сказать словами.

— Во всякомъ случаѣ сегодня нельзя поссориться съ вами, — произнесла она. — Вы такъ празднично настроены, что пропустите все мимо ушей...

И съ невыразимой горечью въ голосѣ она добавила:

— Впрочемъ, что же можетъ быть отраднѣе возможности уйти отъ людей, когда хотѣлось бы не смотрѣть на нихъ...

Юрій Дмитріевичъ бросилъ на нее тревожный взглядъ, боясь, что вотъ-вотъ она заплачетъ.

— А! нѣтъ, не говорите этого, — возразилъ Шаховъ: — когда любишь людей...

Оля неожиданно перебила его:

— А вы любили кого-нибудь?

Всѣмъ вдругъ стало неловко, точно Оля спросила Шахова, любилъ ли онъ Марью Львовну. Шаховъ въ замѣшательствѣ произнесъ глупую фразу:

— Такъ вы меня безсердечнымъ считаете?—И, торопясь, всталъ, говоря, что ему пора.

Прощаясь со всѣми, онъ шутливо замѣтилъ Олѣ:

— А съ вами мы еще поспоримъ, когда вернусь.

Она пожала плечами.

— Зачѣмъ?

Она очень сухо простилась съ нимъ и поторопилась уйти, чтобы наплакаться вволю тайкомъ отъ всѣхъ. Ей было бы теперь стыдно плакать о немъ при комъ-нибудь.

II.

Медленно и вяло потянулись дни въ квартирѣ Серпуховыхъ. Всѣхъ охватило одно чувство — чувство глубокаго, подавляющаго уныния. Даже Марья Львовна не капризничала, а смотрѣла на все апатично, охваченная горькимъ сознаніемъ, что она брошена,—брошена навсегда. Никакія увѣренія Евгенія Александровича насчетъ краткости срока разлуки не могли поколебать въ ней увѣренности, что это былъ разрывъ навсегда. Ея видъ порою смущалъ самого Серпухова, и онъ какъ-то мимовольно думалъ: «бѣдная, какъ она страдаетъ». Въ душѣ пробуждалось смутное желаніе подойти къ ней, сказать: «полно, Маня». Но тутъ же вспоминались ея слова, что никогда она его не любила, что всегда онъ только унижалъ ее своими ласками, что онъ вселялъ ей отвращеніе. Оброненныя въ запальчивости, необдуманныя фразы казались ему выраженіемъ ея настоящихъ чувствъ. У него недоставало хладнокровія, чтобы обсудить ихъ и понять, что жена высказывала не то, что она серьезно передумала, а то, что навернулось на языкъ въ минуту раздраженія. Никогда она не принадлежала къ числу думающихъ женщинъ; она жила только минутными чувствами и ощущеніями, поднимавшимися въ душѣ подъ вліяніемъ событій, какъ поднимаются на морѣ волны подъ вліяніемъ вѣтра. Юрію Дмитріевичу не приходило это въ голову. Кромѣ того, жена менѣе заботила теперь его, чѣмъ дочь. Онъ видѣлъ, что Оля худѣетъ и блѣднѣетъ, безмолвно переживая свое горе, свою обманутую любовь. Онъ безпокоился бы меньше о ней, если бы она переживала свое горе болѣе бурно, болѣе тревожно: вспышки у нея проходили быстро, а эта тихая скорбь, казалось, совсѣмъ можетъ извести ее. И точно, молодая дѣвушка не находила покоя. Ее уже мучило не то, что Евгеній Александровичъ не былъ влюбленъ въ нее. Нѣтъ. Она чувствовала какое-то разочарованіе въ этомъ человѣкѣ: добрый, мягкій, ласковый, онъ вдругъ предсталъ передъ ней въ другомъ свѣтѣ. У него не дрогнуло лицо при прощаніи, у него не нашлось слова привѣта близкимъ, онъ не выразилъ сожалѣнія о нихъ. Весь

онъ сіялъ, занятый только собой, своимъ веселымъ путешествіемъ. Простой пріятель и тотъ иначе бы простился съ друзьями. Что же онъ такое? Неужели онъ не таковъ, какимъ она его считала? Еще вполнѣ чистая, она могла бы перенести то, что любимый человѣкъ не отвѣчаетъ на ея любовь такою же любовью; вѣдь обожаютъ же институтки учителей даже тогда, когда послѣдніе являются вполнѣ «жестокими»; вѣдь не отворачиваются же вѣрующіе отъ своихъ кумировъ даже и тогда, когда тѣ не отвѣчаютъ на ихъ молитвы; но разочароваться въ первомъ идеалѣ было ужъ слишкомъ тяжело. А тутъ, какъ на зло, какъ только уѣхалъ онъ, всѣ стали говорить о немъ. Какъ говорить? Маріанна сдержанно и серьезно замѣтила, что онъ представитель «салоннаго человѣчества»: все въ немъ на показъ вылощено, выглажено, прилично, модно; внутри — бѣлая страница, ни семейныхъ добродѣтелей, ни твердыхъ дружескихъ связей, ни горячо любимыхъ идеаловъ, за которые люди иного закала идутъ въ огонь и въ воду, на казнь и на войну. Услышавъ этотъ приговоръ, Оля вспыхнула, хотѣла что-то возразить и промолчала: ей вспомнилось, что почти то же Маріанна говорила въ глаза Шахову, вызывая въ отвѣтъ только легкомысленный смѣхъ, и что эти мысли теперь приходили въ голову самой ей. Олѣ, терзая ее, какъ можетъ терзать человѣка открытіе, что тотъ, кому онъ поклонялся, не что иное, какъ образецъ дрянности, ничтожества, грязи. Но слова Маріанны всегда были спокойны и сдержанны. Не то стала замѣчать Оля въ замѣчаніяхъ матери относительно Евгенія Александровича. Подавленная и апатичная, Марья Львовна вдругъ дѣлалась ѣдкой, когда при ней говорили о Шаховѣ. Она не умѣла даже скрыть своей ненависти къ этому человѣку. Разъ она замѣтила, что Шаховъ, если бы онъ увидалъ раздавленнаго человѣка, прежде всего подумалъ бы о томъ, чтобы не запачкать какъ-нибудь въ крови своихъ лакированныхъ сапогъ. Эта фраза вышла такой болѣзненной, точно съ кровью вырвавшейся изъ сердца, что Оля съ испугомъ взглянула на мать. Никогда мама Маня не произносила подобныхъ фразъ. У нея все было мелко, и огорченія, и злоба, и гнѣвъ. Тутъ же прозвучало какое-то глубокое чувство. Что это значитъ? съ чего она такъ возненавидѣла Евгенія Александровича? Или бранитъ его, потому что другіе бранятъ? Нѣтъ, не можетъ-быть; очень ужъ много горечи въ ея словахъ; такъ не говорятъ съ чужого голоса... А отецъ — о, объ отцѣ нечего и говорить. Онъ

вѣчно находитъ сказать что-нибудь дѣлкое насчетъ Шахова. Но онъ вѣдь хочетъ этимъ возстановить ее противъ Евгеніи Александровича, думаетъ, бѣднякъ, что ей будетъ легче, когда она разочаруется въ этомъ человѣкѣ. Онъ и не подозрѣваетъ въ простотѣ душевной, что ей мучительнѣе всего именно это разочарованіе. Какъ часто она проводила у себя въ комнатѣ цѣлые часы, плача тихими слезами именно отъ этого разочарованія и повторяя себѣ, что она не вѣритъ, не хочетъ вѣрить, что Шаховъ такое ничтожество. Гдѣ же тогда хорошіе люди? Гдѣ тѣ, передъ кѣмъ можно преклониться? Въ какія истины, въ какія идеи вѣрить? Отецъ самъ осмѣивалъ всѣ свои юношескія идеи и увлеченія; съ дѣтства пріучилъ ее не вѣрить въ серьезное значеніе этихъ идей. Она такъ и росла, ни во что не вѣря, ни передъ чѣмъ не благоговѣя. Тогда явился Шаховъ, онъ толковалъ съ ней о высокихъ предметахъ, о возвышающемъ значеніи искусства, о возвышенныхъ чувствахъ, о сладости доброты и благородства; она начала вѣрить, что въ жизни есть что-то хорошее, облагораживающее, и вдругъ передъ нею сталкиваютъ въ грязь ея кумиръ, — мало того, она смутно сознаетъ сама, что онъ достоинъ лежать въ грязи. Какъ же тутъ было воздержаться отъ слезъ?..

Въ одну изъ такихъ минутъ тяжелыхъ слезъ ее засталъ братъ. Сильно выросшій и похудѣвшій за послѣднее время, онъ смотрѣлъ по обыкновенію хмуро, точно чѣмъ-то взбѣшенный и старающійся скрыть свое бѣшенство. Онъ удивился, что она плачетъ, и отрывисто спросилъ:

— Чего ты?

Потомъ, какъ бы сообразивъ причину ея слезъ, онъ грубо проговорилъ:

— Охота тоже о всякомъ негодяѣ плакать!

Она очнулась, охваченная внезапнымъ приливомъ гнѣва, пробудившагося отъ грубости этого тона, отъ рѣзкости этихъ словъ.

— Какъ ты-то смѣешь ругать его?—крикнула она, какъ уже давно она не кричала ни за кого. — Кто вамъ всѣмъ далъ право нападать на него? Точно сговорились всѣ! Что онъ вамъ-то сдѣлалъ? Мало онъ вамъ давалъ, что ли? Когда уѣхалъ, всѣ вдругъ напали, а прежде друзьями были, молчали...

Она точно обрадовалась, что въ ней снова пробудился бурный порывъ, и дала ему вполнѣ волю. Братъ давно привыкъ къ этимъ вспышкамъ и не придавалъ имъ особаго значенія.

— Ну, да, знала бы его жизнь, — началъ презрительно онъ, передергивая плечами: — не то бы запѣла...

— Я знаю, знаю все! — запальчиво перебила она.

— Знаешь? — съ удивленіемъ спросилъ онъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Ну да, ну да! — горячо воскликнула сестра. — Думалъ удивить меня, насплетничать на него хотѣлъ. Ошибся, безъ тебя все знаю!.. У него есть любовница, такъ что же? Всѣ мужчины имѣютъ любовницъ!

Сеня остановился передъ нею съ широко открытыми глазами.

— Да ты знаешь ли, кто его любовница? — съ мрачнымъ видомъ спросилъ онъ.

— Не знаю, но непремѣнно узнаю... непремѣнно, — повторила она. — Я должна это знать...

Сеня покачалъ головой.

— Ужъ лучше не разузнавай! Довольно того, что я знаю! Мерзавецъ, даже писемъ не умѣлъ прятать отъ меня...

— А? ты чужія письма читалъ, вотъ что! Шпіонилъ! — закричала Оля. — Это тебѣ дѣлаетъ честь! Нечего сказать, хорошъ другъ. Вотъ отецъ говоритъ, что ты исправляешься! А разсказать бы это ему...

Онъ ее схватилъ въ запальчивости за руку, крѣпко, до боли.

— Не смѣй ни слова говорить отцу! — закричалъ онъ какъ бы въ испугѣ. — Понимаешь ли ты, что изъ этого можетъ выйти? Глупая дѣвчонка! И чортъ меня дернулъ сказать тебѣ...

Онъ тревожно заходилъ по комнатѣ, кусая себѣ губы.

— А! боишься отца, стыдно, что онъ узнаетъ, каковъ ты! — продолжала кричать она, точно радуясь возможности побушевать снова послѣ многихъ дней подавленной сдержанности. — Чернить другихъ это твое дѣло, а когда про самого хотятъ правду сказать — такъ чуть не дерешься. Не я скверная дѣвчонка, а ты, ты самъ скверный мальчишка! Только меня ты не испугаешь, я молчать не стану...

Онъ ходилъ по комнатѣ, сдвинувъ брови, съ серьезнымъ и мрачнымъ выраженіемъ лица. Въ его душѣ теперь происходила борьба; не сказать сестрѣ всего — она можетъ все выболтать отцу; тотъ заподозритъ его въ подлости, если не знаетъ истины, или встанетъ передъ нимъ въ «дурацкое» положеніе, если знаетъ истину; кромѣ того, «сестренка», очевидно, все еще не на шутку любитъ этого негодяя, а

одно слово можетъ сразу убить эту любовь. Лучше разомъ все выяснить, чѣмъ стоять самому въ ложномъ положеніи и оставлять въ такомъ же положеніи сестру. Она продолжала все горячиться и упрекать его, когда онъ внезапно остановился передъ нею и рѣзко сказалъ:

— Онъ съ нашей матерью жилъ.

— Господи!—мучительнымъ стономъ вырвалось изъ груди Оли восклицаніе.

Гнѣвъ на брата, сомнѣнія въ правдѣ его словъ, стремленіе защитить Евгенія Александровича, все вдругъ отошло на послѣдній планъ. Слова брата были какъ бы отвѣтомъ на всѣ смутные вопросы, недоумѣнія и сомнѣнія Оли. Вотъ почему мать постоянно отстраняла ее отъ Шахова, вотъ почему отецъ почти съ бѣшенствомъ говоритъ иногда о немъ, вотъ почему теперь мать съ такой болѣзненной ненавистью отзывается объ этомъ человѣкѣ... Въ груди ея не было ни злобы, ни проклятій, была только тупая боль, точно кто-то сильно ударилъ ее въ эту грудь, и она не могла оправиться отъ удара, вздохнуть широкимъ вздохомъ. Сеня, видя, какое впечатлѣніе произвели его слова, почти испугался, подсѣлъ къ сестрѣ, сталъ разсказывать ей подробности. Онъ часто ходилъ къ Евгенію Александровичу, тотъ ласкалъ его, давалъ денегъ. Онъ вѣдь всѣхъ ласкаетъ, всѣмъ благодѣтельствуетъ. У него вертѣлись разные пріятели-шалопаи, шла веселая жизнь, велись холостые разговоры. Тоже бабенки разныя къ нему таскались. Еще бы! душка-адвокатъ! За ними, какъ за актерами, разныя хвостотрепки бѣгаютъ. Раза два Сеня видѣлъ ясно въ передней у Шахова ватерпруфъ матери, но ни въ гостиной, ни въ столовой, ни въ кабинетѣ ея не было; Евгеній Александровичъ бывалъ въ эти визиты Сени сконфуженъ и, давъ ему денегъ, выпроваживалъ его. Сенѣ казалось это страннымъ, но онъ не останавливался на вопросахъ: «точно ли онъ не ошибся? точно ли это верхняя одежда его матери? точно ли это не случайное совпаденіе цвѣта и покроя верхней одежды его матери и какой-нибудь другой женщины?» Тогда еще у него, у Сени, не было причинъ для подозрѣній, и онъ не придавалъ значенія тому, что случайно бросалось въ глаза. Потомъ вдругъ Шаховъ пересталъ давать ему денегъ; это случилось какъ разъ передъ ихъ переѣздомъ изъ Павловска, когда Шаховъ почти пересталъ бывать у Серпуховыхъ. Въ это время начались и натянутыя отношенія между отцомъ и матерью, между Шаховымъ и

ихъ семью. Не замѣтить этого было нельзя; вѣроятно, это и Олѣ бросилось въ глаза. Но Сеня все еще не подозрѣвалъ ничего. Деньги ему были нужны до зарѣзу. Онъ рѣшился идти за ними къ Шахову, хотя ему и было тяжело выпрашивать. Прежде выпрашивать не приходилось, Шаховъ самъ давалъ, насильно навязывалъ свои подачки. Онъ не засталъ Шахова дома, прошелъ въ его кабинетъ, чтобы написать записку, и увидѣлъ письмо матери. Онъ и прежде видѣлъ двѣ-три ея записочки, гдѣ говорилось, что она ждетъ Шахова, такъ какъ она будетъ одна, но онъ не придавалъ тогда этому значенія. Извѣстно, что мама Маня не любитъ сидѣть одна. Кому же ей жаловаться, если никого нѣтъ подъ рукою? Шаховъ имъ родственникъ, значитъ не удивительно, что мать приглашаетъ его развлекать ее въ часы одиночества. Въ этой же запискѣ прямо говорилось, что онъ, Шаховъ, хочетъ ее бросить, хочетъ отъ нея отдѣлаться. Записка была полна горькихъ упрековъ. Сомнѣваться было уже невозможно.

— Вотъ они, отецъ и мать, бери съ нихъ примѣръ, — злобно проговорилъ онъ, окончивъ разсказъ.—Отецъ пропьянствовалъ наше дѣтство; мать падала, когда мы выросли, хорошій примѣръ нравственности... Пусть бы они попробовали упрекнуть меня теперь за то, какъ я провелъ три-четыре мѣсяца въ этотъ годъ, я бы нашелъ, что имъ отвѣтить...

Онъ всталъ, охваченный злобой, и заходилъ по комнатѣ.

— Отецъ туда же вздумалъ глядѣть съ мелодраматическимъ видомъ на мою физіономію. Ну, что же, каждому хочется пожить во всю, когда всѣ кругомъ такъ живутъ. Онъ первый. Не понималъ я, что ли, что онъ вчера кутилъ, сегодня кутилъ, завтра будетъ кутить? Ему можно, а мнѣ нельзя? Конечно, я глупостей надѣлалъ, чортъ знаетъ въ какой омутъ едва не затянулся. Такъ почему же я зналъ, какія подлости творятся въ свѣтѣ. Раньше бы онъ предостерегъ. Такъ нѣтъ. За ними щенками больше наблюдаютъ, чѣмъ за нами наблюдали. Сами еще толкали въ омутъ. Мнѣ же давали деньги, чтобы я безобразничалъ и не мѣшалъ Евгенію Александровичу въ его шашняхъ.

Оля сидѣла съ опущенной головой, не слушая брата. На что ей были подробности, когда она уже знала сущность дѣла? Братъ еще съ полчаса разсказывалъ ей о всякой грязи, въ которую онъ втянулся за это лѣто и которую въ общежитіи просто называютъ кутежами и шалостями бало-

напыхъ матушкиныхъ сынковъ, веселей холостой жизнью богатой молодежи. Сеня окунулся въ этотъ омутъ внезапно, неожиданно и опомнился, осмотрѣлся въ немъ чисто случайно. Если бы не задѣли его самолюбія, если бы не оскорбили его, прежде чѣмъ онъ втянулся въ эту жизнь, прежде чѣмъ она сдѣлалась для него привычкою, второю натурой,— онъ, можетъ-быть, и совсѣмъ погибъ бы. Къ счастію, ему прямо сдѣлали такое предложеніе, что онъ ясно понялъ, какъ на него смотрятъ,—какъ на кандидата въ «красавца-мужчину», въ «Альфонса», «въ продажную тварь». Тутъ нечему удивляться; это такъ и бываетъ въ томъ кружкѣ, гдѣ онъ вращался по милости Евгенія Александровича: у кого нѣтъ денегъ, чтобы покупать другихъ, тѣ продаютъ себя; одни являются патронами, другіе ихъ прихвостнями... Ему точно пощечину дали, когда онъ понялъ это,—понялъ, что онъ можетъ быть только продающимъ себя, а не покупающимъ другихъ. Его спасло отъ этой роли непомѣрно развитое самолюбіе и самомнѣніе. Онъ пришелъ въ ярость, когда сообразилъ все, до чего онъ можетъ дойти.

— И то сказать,—глухо проговорилъ онъ.—Самъ накупился на все. Щеголялъ и прихорашивался до того, что пудриться сталъ да брови подтемнять началъ. Ну, и увидали, что товаръ лицомъ продается... Я вѣдь не одинъ такой-то. Иные корсеты носятъ, чтобы стройнѣе казаться, иные...

Онъ плюнулъ.

— Говорить то мерзко!.. Ну, и стало отвратительно, когда на одну доску съ этими продающими себя съ аукціона тварями поставили...

Вотъ почему онъ сразу засѣлъ за уроки, за заработокъ. Отецъ, кажется, подозрѣвалъ его въ томъ, что онъ уже сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ Альфонса или преднамѣренно хочетъ этимъ сдѣлаться. Еще бы: отецъ его вовсе не знаетъ. Увидалъ пудру на лицѣ и вообразилъ ни вѣсть что! Самъ привыкъ въ молодости ходить разгильдяемъ, такъ думаетъ, что и теперь молодые люди тогда и хороши, когда нерахами ходятъ. Теперь времена другія, теперь нельзя щеголять тѣмъ, что Стенькой-растрепкой ходишь. Отецъ этого не понимаетъ, таращитъ глаза на него, на Сеню, если тотъ приваридится. Ну, и пусть! Онъ еще докажетъ отцу, что онъ стоитъ повыше многихъ, что у него есть честь, что онъ выбьется самъ на дорогу... Вся его рѣчь была самой невообразимой смѣсью наивностей и цинизма. Онъ съ омерзеніемъ

говорилъ о томъ, что онъ никогда не будетъ торговать собою; но въ то же время онъ считалъ очень естественнымъ покупать другихъ. Его возмущала не безнравственная сущность видѣнной имъ жизни, но то, что онъ могъ, какъ онъ выражался, играть въ этой жизни унизительную роль. Онъ говорилъ обо всемъ рѣзко и грубо, ни на минуту не вспомнивъ, что онъ говоритъ съ дѣвушкою, съ сестрою. Впрочемъ, она не слышала и половины изъ того, что высказалъ онъ. Когда онъ кончилъ и ушелъ, Оля очнулась не сразу. Наступившая въ комнатѣ тишина заставила ее оглядѣться. Ей стало страшно въ этой пустой комнатѣ съ этой пустотой въ душѣ. Въ груди все точно порвалось. Ощущалась какая-то тупость. Отецъ, недальновидный, неумѣлый, обманутый, былъ ей теперь жалокъ, но и только; ей казалось, что она даже не любитъ его, а только можетъ равнодушно жалѣть. Мать сдѣлалась врагомъ и внушала только презрѣніе: она отдаляла умышленно дочь отъ любимаго тою человѣка, чтобы самой занять при немъ мѣсто любовницы! Любимый еще такъ недавно человѣкъ былъ забрызганъ грязью и внушалъ отвращеніе. Братъ со своимъ уродливымъ самолюбіемъ, со своимъ цинизмомъ сталъ ей вполнѣ чужимъ. Никого, никого нѣтъ у нея близкихъ! Ей вспомнилась Маріанна. Маріанна—о, это добрая, умная, честная женщина, но развѣ можетъ Оля теперь быть попрежнему откровенною съ нею, можетъ ли она разсказать ей про мать?..

Въ столовой послышался звонъ посуды. Оля нервно вздрогнула. Сейчасъ надо идти обѣдать. Какъ она взглянетъ на отца, на мать? Какъ бы ей хотѣлось не видать ихъ, уйти отъ нихъ. Теперь она будетъ каждую минуту бояться проговориться отцу или матери насчетъ того, что она все знаетъ. Если бы не встрѣчать ихъ!

II.

Тяжелые дни потянулись своей чередой надъ семьею Серпуховыхъ, и разладъ принялъ тотъ хроническій характеръ, который страшнѣе всего въ этихъ случаяхъ. Никогда еще эта семья не пользовалась такимъ затишьемъ, какое воцарилось въ ней теперь. Смотря на внѣшній ходъ ея жизни, можно было подумать, что это примѣрная, вполнѣ спѣвшаяся семья, правда нѣсколько скучная и скучающая, но зато не сварливая, не поднимающая бурь, не дѣлающая сценъ. Нужно было глубоко заглянуть въ душу каждаго члена этой семьи, чтобы понять вполнѣ, что въ этомъ за-

тишѣ сказывалась боязнь полнѣйшаго разрыва. Всѣ какъ бы сознавали, что починить, поправить нельзя ничего, что сегодня будетъ похоже на завтра, завтра на послѣзавтра и такъ вплоть до могилы, если только не послѣдуетъ роковаго, чисто случайнаго столкновенія. Всѣ сознавали, что столкновеніе можетъ сразу повести къ окончательному разрыву, къ невозможности жить подъ одною кровлею. По винѣ всѣ даже стали покойнѣе, въ взаимныхъ отношеніяхъ чувствовалась какая-то инстинктивная осторожность, осмотрительность: иногда эти люди перебрасывались другъ съ другомъ отрывочными фразами, нарѣдка вмѣстѣ выходили въ гости, къ Варварѣ Павловнѣ, къ Маріаннѣ, но каждый чувствовалъ, что они разошлись другъ съ другомъ и никогда не сойдутся.

У всѣхъ явилось желаніе забыться въ спасительной работѣ. Оля прилежно училась на курсахъ, усердно занималась музыкой; у нея вдругъ оказалось крайне много занятій, и она всецѣло отдалась имъ. Онъ боялась остаться вдвоемъ съ отцомъ или съ матерью, боялась потому, что не могла поручиться за себя: заговорить—и выскажетъ все, что накипѣло въ душѣ... Юрій Дмитріевичъ сталъ особенно ретиво работать на службѣ, имѣя постоянно озабоченный видъ, принуждая себя думать о дѣлахъ и только о дѣлахъ. Онъ тоже желалъ поменьше сталкиваться съ женой и не желалъ «мозолить глаза» своей «дѣвочкѣ», которой, какъ ему казалось, лучше всего одной пережить свое горе; разговоры объ этомъ предметѣ только разбередятъ больное мѣсто, а не говорить ему съ ней объ этомъ предметѣ нельзя, оставаясь съ глазу на глазъ, значитъ лучше на время не оставаться наединѣ съ нею. Убѣжденный въ томъ, что надо дѣйствовать именно такъ, онъ даже и не замѣчалъ, что его дѣвочка сторонится сама отъ него. Впрочемъ, если бы онъ это и замѣтилъ, то истолковалъ бы это по-своему, понялъ бы, что и она желаетъ не говорить о своемъ горѣ... Сеня проводилъ цѣлые дни въ гимназіи и на урокахъ, появляясь дома только къ обѣду или къ чаю, почти не говоря ни съ кѣмъ... Даже Марья Львовна просиживала цѣлые часы надъ книгой, или за шитьемъ, или входила въ какія-то хозяйственныя распоряженія. Въ этомъ сказывалось безсознательное, инстинктивное стремленіе подавить всякія думы о Шаховѣ, о мужѣ. Попрежнему она почти не говорила съ послѣднимъ и сознавала, что если она заговоритъ съ нимъ теперь, то ихъ связь порвется окончательно

она чутьемъ угадывала, что онъ игралъ активную роль въ дѣлѣ отъѣзда Шахова, и не могла простить ему этого, хотя въ то же время и проклинала въ душѣ Евгенія Александровича и повторяла себѣ, что она его ненавидитъ.

Нерѣдка семьею переживались особенно тяжелыя минуты. То Марья Львовна, усердно перешивая что-нибудь, почувствуетъ на себѣ пристальный взглядъ дочери и подниметъ глаза, чтобы тотчасъ же опустить ихъ, въ смущеніи уловивъ какое-то враждебное или презрительное выраженіе во взглядѣ дочери. И проносится въ ея головѣ: «за что она меня стала такъ ненавидѣть? ужъ не подозрѣваетъ ли она чего-нибудь? пожалуй, Юрій Дмитріевичъ все разсказалъ; отъ него это станется». Въ головѣ проходитъ цѣлая вереница мрачныхъ мыслей: онъ испортилъ всю ея жизнь, онъ, вѣроятно, и Шахова удалилъ изъ Петербурга, онъ поставилъ ее не только въ положеніе несчастной жизни, но и въ положеніе постыдно брошенной любовницы... То Юрій Дмитріевичъ замѣтитъ особенно грустное выраженіе глазъ Оли и смутится: ему тоже кажется, что дочь что-то подозрѣваетъ, что она какъ-то особенно непріязненно относится къ матери, что она недаромъ на его какое-то случайно сорвавшееся съ языка замѣчаніе о Шаховѣ отвѣтила съ болѣзненнымъ раздраженіемъ: «не говори мнѣ объ этомъ низкомъ человѣкѣ»,—и стыдно становится ему передъ нею. Онъ старается пріободриться и увѣряетъ себя, что его дѣвочкѣ не откуда было узнать правды о матери, что это она *такъ*, безъ всякой причины смотритъ непріязненно на мать... То вдругъ ни съ того, ни съ сего всѣ смутятся, и Серпуховъ, и Серпухова, и Оля, услыхавъ, какъ ихъ знакомые и пріятели говорятъ съ презрѣніемъ о «пошаливающихъ бабенкахъ» и подсмѣиваются надъ «добродушными рогоносцами мужьями». Этотъ разговоръ заминается Серпуховыми, но такъ неловко, съ такимъ замѣшательствомъ, что имъ самимъ кажется, что люди могутъ замѣтить эту неловкость и заподозрить ея причины. И каждый разъ въ этихъ случаяхъ въ головѣ у всѣхъ мелькаетъ мысль, что такъ будетъ до гробовой доски,—можетъ-быть, будетъ еще хуже, но уже никакъ не лучше. Надеждъ на просвѣтъ не было ни у кого, такъ какъ всѣ упали духомъ, были точно придавлены.

Но та сложная и мудреная задача, передъ которою въ послѣднее время съ такимъ смущеніемъ остановился Юрій Дмитріевичъ и которая называется жизнью, всегда готовитъ

неожиданности и опрокидываетъ вверхъ дномъ всѣ наши самыя точныя «предварительныя смѣты». Какія бы выкладки мы ни дѣлали, соображая, что должно быть въ болѣе или менѣе отдаленное завтра, мы непремѣнно упустимъ изъ виду какую-нибудь ничтожную «случайность», и эта ничтожная случайность измѣнитъ все, что должно было случиться и что, тѣмъ не менѣе, не случилось. Одинъ изъ членовъ семьи Серпуховыхъ почти не игралъ въ ней вовсе никакой роли, и потому, думая о своемъ будущемъ, никто не вспоминалъ даже о немъ, не принималъ его въ расчетъ. Это былъ Сеня.

Прежде Сеня хоть грубилъ и этимъ заявлялъ о своемъ существованіи. Въ послѣднее время не было и этого. Семья видѣла его рѣдко, на минуты, и то только видѣла, такъ какъ онъ почти не говорилъ ни съ кѣмъ, смотрѣлъ хмуро и озабоченно. Всѣ понимали, что онъ спѣшитъ окончить курсъ въ гимназіи, потомъ пойдетъ въ университетъ и, можетъ-быть, даже переѣдетъ отъ отца. Это былъ отрѣзанный ломоть. Все, что онъ могъ въ видѣ перемѣны внести въ семейную жизнь, такъ это развѣ то, что онъ въ близкомъ будущемъ «очиститъ комнату». Всѣ его поступки, всѣ его отношенія къ семьѣ уже вполнѣ ясно носили одинъ характеръ: это былъ «сынъ-жилецъ». Такихъ «сыновей-жильцовъ» вы нерѣдко встрѣтите въ современныхъ семьяхъ. Въ своемъ семейномъ домѣ онъ жилъ, какъ живутъ въ меблированныхъ комнатахъ со столомъ и прислугою, не интересуясь внутреннею жизнью своихъ хозяевъ, не посвящая ихъ въ свою внутреннюю жизнь. Правда, онъ не платилъ никуда семьѣ за комнату и столъ, но только этимъ онъ и отличался отъ чужого жильца. Вслѣдствіе этого, задумываясь о своемъ будущемъ, члены семьи никогда не брали въ расчетъ Сеню и въ то же время не старались заглянуть въ его душевный міръ. А этотъ міръ представлялъ нѣчто очень любопытное и оригинальное. Это была смѣсь самыхъ противорѣчивыхъ элементовъ, выработавшихся самостоятельно, безъ разумныхъ руководителей, безъ какихъ бы то ни было правилъ. Иногда въ жизни встрѣчаются чистыя и наивныя созданія, души которыхъ принято сравнивать съ бѣлою страницею; порой намъ попадаются люди, про души которыхъ не безъ основанія говорятъ, что это сборники прописныхъ истинъ и ходячей морали; душу Сени, придерживаясь этихъ же сравненій, можно было бы сравнить съ грязновой тетрадью, куда записывалось все, что

взбрело на умъ совершенно неопытному и своевольному мальчику. Своеволіе, самомнѣніе, самонадѣянность были покуда основными чертами его характера, развитыми его воспитаніемъ; но то же воспитаніе на всемъ готовомъ, съ исполненіемъ малѣйшихъ его капризовъ, безъ всякихъ лишеній, развило въ немъ полнѣйшую практическую неумѣлость и невыносливость. Подобно своей матери, онъ могъ чувствовать себя несчастнымъ отъ неимѣнія чистыхъ перчатокъ или невозможности ѣхать на балъ, когда хотѣлось ѣхать туда; подобно ей же, онъ могъ пользоваться подачками отъ отца, отъ Шахова, отъ перваго встрѣчнаго, если для этого не нужно было «унижаться», а по его понятіямъ униженіе состояло не въ самомъ принятіи подачекъ, но въ необходимости «просить» ихъ. Ему слишкомъ многое давали даромъ, чтобы онъ могъ остановиться надъ вопросомъ: не милостыня ли все это? Онъ, по привычкѣ всѣхъ баловней, задиралъ носъ передъ всѣми и ни разу не задумался о томъ, за что они должны уважать его, и какъ сдѣлать такъ, чтобы они сами стали смотрѣть на него снизу вверхъ. Формально разгульнымъ или развратнымъ онъ не былъ вплоть до послѣдней весны, хотя у него и не было никакихъ нравственныхъ идеаловъ, никакихъ выработанныхъ взглядовъ на то, какъ слѣдуетъ жить, если не брать въ расчетъ желанія пожить вволю, попировать на пиру жизни. Онъ не кутилъ, потому что еще не чувствовалъ въ этомъ внутренней потребности,—можетъ-быть, по натурѣ, можетъ-быть, по молодости. Сближеніе съ Евгеніемъ Александровичемъ сразу открыло ему двери къ той средѣ, гдѣ живутъ вволю. Шаховъ ни на минуту не задалъ себѣ вопроса: «не рано ли открывать мальчугану входъ въ эту среду?» и мальчуганъ весело окунулся въ этотъ омутъ, гдѣ все дышало новизной, неизвѣданнымъ. Какъ-то разъ изъ театра Шаховъ заѣхалъ съ пріятелями въ ресторанъ и взялъ туда съ собой Сеню. Это была случайность: ѣхали на одномъ извозчикѣ, кто-то, проѣзжая, крикнулъ:

— Евгеній Александровичъ, заѣзжай въ Малый Ярославецъ!

Шаховъ заѣхалъ вмѣстѣ съ Сеней. Отчего же юношѣ не поужинать въ кругу хорошихъ людей? Здѣсь шла дружеская бесѣда за ужиномъ, за доброй рюмкой вина; мало-помалу ужинъ перешелъ незамѣтно въ попойку, а послѣ попойки кто-то предложилъ прокататься за городъ. Всѣ были настолько выпивши, что даже не спросили: «а какъ же

этотъ гимназистикъ?» Въ загородномъ ресторанѣ явились въ кругу кутящей молодежи и женщины. Одну изъ нихъ очень забавляли шалости съ Сеней, раскраснѣвшимся и растерявшимся отъ смущенія. Онъ какъ-то особенно ежился и стѣснялся съ дурачившеюся съ нимъ красавицей и смутился еще болѣе, когда Шаховъ шепнулъ ему:

— У тебя, можетъ-быть, нѣтъ денегъ?

Съ этого вечера Сеня «началъ жить», какъ онъ самъ выражался. По поводу этого же вечера, Шаховъ дружески бесѣдовалъ съ нимъ о томъ, что въ его годы эта «правильная» жизнь является необходимостью, что онъ, Шаховъ, всегда готовъ помочь ему деньгами, которыя въ извѣстныхъ случаяхъ неловко просить у отца. То, что Шаховъ называлъ «правильною жизнью», постепенно превратилось въ кутежи, въ мотовство, въ стремленіе щеголять и нарядами, и ловкостью, и красотой. Явилась потребность держать себя такъ, какъ графъ такой-то, одѣваться, какъ князь такой-то, стричься, какъ лицеистъ такой-то. Сеня началъ особенно кланяться, щелкая каблуками и наклоняя одну голову, такъ какъ такимъ образомъ кланялся кто-то изъ лицеистовъ; онъ началъ, имѣя вполнѣ здоровые глаза, носить pince-nez, потому что такъ ему казалось больше «шику»; онъ началъ немного подводить брови, потому что его физіономію, какъ ему казалось, портятъ однѣ слишкомъ свѣтлыя брови, онъ сталъ говорить немного въ носъ и щеголялъ тѣмъ, что кричалъ слугѣ вмѣсто «человѣкъ» — «чеожъ». Все это было и смѣшно, и грустно, какъ пошловатая карикатура.

И вдругъ послѣдовало два удара разомъ: Евгеній Александровичъ прекратитъ подачки, а одна отталкивающая по виду личность сдѣлала мальчугану очень недвусмысленное предложеніе купить его. Это былъ финалъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ безпутнаго житья безъ оглядки на то, къ чему оно ведетъ...

Въ послѣдніе дни жизни въ Павловскѣ и въ первые дни осенняго сезона въ Петербургѣ, Сеня сразу увидалъ, что ему надо уйти изъ того кружка, гдѣ онъ вращался въ теченіе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, или жить на счетъ всѣхъ этихъ графчиковъ, князьковъ, лицеистиковъ. Можетъ-быть, онъ не задумался бы брать и отъ нихъ подачки, какъ онъ бралъ ихъ отъ Шахова, но эти люди не были Шаховыми: Сеня не былъ глупцомъ, онъ видѣлъ, какую роль играютъ ихъ лизоблюды, ихъ прихвостни, ихъ приживалки. Шаховъ давалъ деньги, не требуя за это ничего; тѣ давали подачки,

требуя процентовъ холопства и гаерства; Шаховъ давалъ деньги, потому что онъ хотѣлъ въ каждомъ человѣкѣ имѣлъ пріятеля; тѣ давали деньги, потому что имъ хотѣлось надъ кѣмъ-нибудь тѣшиться и кому-нибудь по праву плевать въ лицо. Сеня со злобой, съ оскорбленнымъ самолюбіемъ, съ жаждой «показать всѣмъ еще себя», заперся дома, ухватился лихорадочно за ученье и за даванье уроковъ. У него было теперь только одно стремленіе: скорѣе доучиться и скорѣе сколотить денегъ, чтобы потомъ «показать себя». Другихъ болѣе возвышенныхъ стимуловъ для трудолюбія покуда не было. Онъ хотѣлъ «показать себя» и только. Въ его представленіи понятіе о жизни вообще соединялось въ одно съ понятіемъ о показываніи себя. Только тотъ и счастливъ, кто можетъ показать себя, то-есть швырять деньгами, ѣздить на рысакахъ, наступать другимъ на ноги, обрызгивать другихъ грязью. Ему снилось уже, какъ онъ «покажетъ себя», какъ онъ «развернется», какъ онъ «утретъ всѣмъ носъ». Онъ иногда по цѣлымъ часамъ разсчитывалъ, гдѣ выгоднѣе служить: въ инженеры идти или въ присяжные повѣренные? Онъ мысленно сокращалъ до minimum'а срокъ своего искуса и увеличивалъ до maximum'а размѣры будущей наживы. При этомъ онъ дѣлалъ презрительныя гримасы, если въ голову приходила мысль «украсть бы два милліона, какъ Юханцевъ». Насмѣхаясь въ душѣ надъ всякими возвышенными идеями, о которыхъ онъ слышалъ ироническіе разсказы отца, онъ въ то же время съ гордостью говорилъ себѣ: «воровать могутъ только идіоты, такъ какъ въ Сибирь угодить тоже не радость». Но онъ, тѣмъ не менѣе, разсчитывалъ и разспрашивалъ, какіе законные и косвенные доходы имѣются у инженеровъ, и съ сверкающими глазами слушалъ, какія суммы давались за защиту Овсянниковыми и тому подобными господами...

Среди этихъ грёзъ онъ порою скрежеталъ зубами отъ злости на то, что за уроки получаются въ сущности гроши, и на то, что иногда онъ «срывался» въ гимназіи, обезсиленный черезмѣрною работой. Чѣмъ больше онъ затягивался въ работѣ, чѣмъ болѣе разстраивались его нервы, чѣмъ сильнѣе развивалось малокровіе, тѣмъ чувствительнѣе отзывался на немъ каждый сколько-нибудь неудовлетворительный баллъ. Онъ же думалъ не о томъ только, что этакъ можно засѣсть еще на годъ и отдалить такимъ образомъ время привольной жизни. Нѣтъ. Его бѣсило и то, что можетъ подумать о немъ отецъ: скажетъ, что онъ онъ лѣнтяй, что

неспособный, что ему надо репетиторовъ и помощниковъ. Его волновало и то, что онъ очутится въ гимназіи ниже своихъ сотоварищей, что онъ потеряетъ въ ихъ глазахъ свое значеніе, что учителя будутъ смотрѣть на него съ насмѣшливыми улыбками. Это были муки Сизифа, поднимающаго въ гору не по силамъ тяжелый камень и ждущаго каждую минуту, что вотъ-вотъ этотъ камень сорвется. Въ этой упорной борьбѣ изъ-за хорошихъ отмѣтокъ почти никакой роли еще не играло сознаніе, что все изучаемое нужно ему для развитія ума, для пріобрѣтенія дальнѣйшихъ познаній: если бы можно было получить на экзаменахъ хорошія отмѣтки, не бравши книги въ руки, онъ никогда бы не открылъ ни одного учебника. Его презрѣніе въ наукѣ равнялось его презрѣнію къ «идеямъ». Все это глупости, счастіе жизни вовсе не въ этомъ. Ученостью или идеями, что ли, создались капиталы разныхъ Елисѣевыхъ, Кокоревыхъ, Губонниныхъ, Овсянниковыхъ, Поляковыхъ? А развѣ эти люди помѣшались бы участью съ первѣйшими учеными и проповѣдниками разныхъ идей? Все дѣло въ томъ, чтобы умѣть нажить деньгу законнымъ образомъ. Для этого только дипломы разные и нужны тому, кто долженъ служить... А время экзаменовъ все близилось и близилось, тяжелая зима уже приходила къ концу...

Сидя въ своей узенькой комнаткѣ, Оля хорошо знала, какъ работаетъ братъ. Иногда далеко за полночь раздавалось за тонкой стѣной его бормотанье. Онъ по привычкѣ учился почти всегда вслухъ, и это зубреніе наводило на нее тоску. Ей порою казалось, что рядомъ за стѣной читаютъ по покойникѣ псалтирь. Иногда вдругъ раздавался звукъ, ясно говорившій, что тамъ за стѣной швырнули книгу на полъ, и тогда начиналось быстрое хожденіе изъ угла въ уголъ. Что-то нервное, нетерпѣливое сказывалось въ этомъ торопливомъ шаганьи по комнатѣ изъ конца въ конецъ. Оля угадывала, что вѣрно брату не удается вызубрить учебникъ. «Точно отъ зубной боли мечется», мелькнуло разъ въ ея головѣ, и впервые ей стало жаль брата. Она уже по опыту знала, что значатъ эти нервныя боли, заставляющія насъ не находить мѣста. «И зачѣмъ онъ такъ себя утомляетъ, ну, сорвется на экзаменѣ, что за бѣда?» Помимо воли, подъ вліяніемъ его безпокойства, она сама начала безпокоиться о немъ.

Какъ-то разъ братъ отрывисто спросилъ ее черезъ двери:

— Ты не легла?

— Нѣтъ, — отвѣтила она.

— Можно придти?

— Приходи.

Онъ вошелъ къ ней, блѣдный, съ всклоченными волосами, съ покраснѣвшими отъ долгаго чтенія глазами.

— Что съ тобой?—спросила она его тревожно.

— Чортъ знаетъ что!.. Потерялъ всякое сознанье, знаю или не знаю,—отрывисто отвѣтилъ онъ своимъ грубоватымъ тономъ.—Зубрилъ, зубрилъ и вдругъ... ну, ничего не знаю, ровно ничего...

— Усталъ, вотъ и все...

Онъ походилъ, покусывая губы, стѣсняясь сказать сразу, зачѣмъ онъ пришелъ. Наконецъ онъ отрывисто проговорилъ:

— Спроси что-нибудь, прослушай...

Она взяла учебникъ, придвинула свѣчу и стала задавать ему вопросы по исторіи. Онъ, продолжая ходить, началъ отвѣчать. Она торопливо слѣдила по учебнику.

— Ты же отлично отвѣчаешь,—наконецъ проговорила она.

— Еще, еще, изъ другого мѣста,—торопливо сказалъ онъ.

Она спросила его еще и еще. Онъ отвѣтилъ безъ запинки, поспѣшно, почти не переводя духа. Ему стало легче отъ сознанія, что онъ не забылъ ничего.

— Тебѣ бы лучше всего приготовляться съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей,—замѣтила она.

— Гдѣ они у меня?—отрывисто сказалъ онъ.

Этотъ отвѣтъ страшно поразилъ Олю. Она тоже въ послѣднее время чувствовала свое одиночество и тосковала о томъ, что у нея не было подругъ. Какъ странно сложилась ея жизнь и жизнь ея брата. У нихъ не было настоящей семьи, не было и друзей-сверстниковъ. Серпуховы жили всегда такъ, какъ живутъ холостые, у Юрія Дмитріевича была знакомая холостежь, а Марья Львовна вовсе не стремилась сблизиться съ семейными женщинами. Имъ семейные дома были не по вкусу, а о томъ, что семейные люди нужны для дѣтей, они и не думали. Но, не имѣя съ дѣтства сверстниковъ-друзей, Оля и Сеня и въ гимназіяхъ не сумѣли сойтись ни съ кѣмъ. Теперь это тяжело отзывалось на нихъ. Они вступали въ жизнь одинокими, не извѣдавъ еще сладости дѣтской дружбы. Грустныя думы Оли объ этомъ были прерваны голосомъ Сени:

— Не везетъ мнѣ,—какъ-то отрывисто заговорилъ онъ.— На прошлой недѣлѣ на экзаменѣ попался вопросъ именно тотъ, на который я менѣе всего былъ готовъ отвѣтить. А зубрилъ чортъ знаетъ сколько. Вотъ и теперь все знаю, ка-

жется, а спросятъ вѣрно то, что хуже всего подготовлено. Не повезетъ ужъ если, такъ ничего не подѣлаешь.

— Очень ужъ ты волнуешься,—замѣтила Оля.—Прежде всего нужно спокойствіе на экзаменахъ.

— Ахъ, что ты говоришь! Какъ это насильно будешь спокойнымъ?

— Да я не знаю, чего волноваться? Ну, даже если сорвешься...

— Что-о?—воскликнулъ Сеня.—Да я пулю въ лобъ пущу, если сорвусь!

Она нетерпѣливо проговорила:

— Зачѣмъ ты говоришь глупости! Изъ-за дурного балла стрѣляться—много будетъ! Этакъ всѣ перестрѣляются.

— Не знаю, перестрѣляются ли всѣ, а я...—началъ онъ и, оборвавъ фразу, продолжалъ нервнымъ тономъ:—Я только и думаю объ одномъ, какъ бы скорѣе вырваться изъ гимназіи, какъ бы скорѣе вышвырнуть эти книги. Ты думаешь, мнѣ легко долбить и долбить? На что все это мнѣ? аттестатъ зрѣлости получить—вотъ и все. Люблю я, что ли, всю эту латынь, всѣ эти греческія спряженія и склоненія? Или нужно это мнѣ будетъ при защитѣ кліентовъ, если сдѣлаюсь адвокатомъ, или при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, если сдѣлаюсь инженеромъ? А чего мнѣ стоитъ зубрить? Сорвись я—все пропало: начинать тянуть ту же лямку, которую тянулъ въ эту зиму, силъ не хватитъ. Я себя знаю. Мнѣ разъ довольно оступиться, чтобы не подняться.

Онъ смолкъ и продолжалъ ходить по комнатѣ, мрачный, какъ осенняя ночь. Оля пристально вглядывалась въ него: она только теперь замѣтила вполнѣ, какъ онъ исхудалъ и осунулся. Ей стало страшно за него. Въ душѣ пробудилась глубокая, почти материнская жалость къ нему. Это ощущеніе впервые закралось ей въ душу. Она хотѣла что-то сказать ему, но онъ вдругъ круто повернулся и, проговоривъ глухо: «прощай», вышелъ изъ комнаты. Ее странно поразилъ звукъ его голоса, глухой, дрожащій. Черезъ минуту она услышала, какъ Сеня вошелъ въ свою комнату, прошелъ къ своему письменному столу, тяжело опустился на стулъ. Она затаила дыханіе, прислушиваясь къ звукамъ. Въ сосѣдней комнатѣ все было тихо. Потомъ послышалось, что Сеня сморкается, долетѣло что-то въ родѣ всхлипыванья. «Бѣдный, бѣдный», пронеслось въ головѣ Оли. Впервые она слышала, что онъ плачетъ. Ей хотѣлось бѣжать къ нему, обнять его, приласкать. И въ то же время ей было точно стыдно чего-то.

Никогда они не стояли въ такихъ отношеніяхъ, чтобы выказывать другъ другу нѣжность. Идти къ нему и утѣшить его—это было слишкомъ непривычно для нея. Она медленно раздѣлась и легла. Но сонъ бѣжалъ отъ глазъ. Какія-то мрачныя думы проходили въ головѣ—думы о томъ, что у обоихъ ихъ испорчена жизнь, что Сеню не доведутъ до добра его мысли о самоубійствѣ, что съ такими мыслями легко при малѣйшей неудачѣ дѣйствительно пустить пулю въ лобъ. Въ сосѣдней комнатѣ что-то щелкнуло. Оля быстро поднялась на постели и стала прислушиваться, широко открывъ глаза, точно желая сквозь стѣну увидать, что дѣлается въ сосѣдней комнатѣ. Кругомъ все было тихо. Послышалось, какъ Сеня заперъ ящикъ стола, всталъ и началъ раздѣваться. Оля легла опять, но ея сердце билось тревожно, точно пойманная птица. Ей все казалось, что вотъ-вотъ раздастся выстрѣлъ, и Сеня покончитъ съ собой.

Уже весеннее утро стало заглядывать въ комнату молодой дѣвушки, когда она, усталая, забылась тревожнымъ сномъ...

III.

Былъ уже бѣлый день, когда проснулась Оля. Она быстро сѣла на постели, протирая глаза и осматриваясь кругомъ. Ей хотѣлось скорѣе очнуться отъ тяжелаго кошмара, мучившаго ее во время сна. Первое, что ей вспомнилось,—это былъ братъ. Опять въ головѣ пронеслось: «бѣдный, бѣдный мальчикъ». Мягкая, нѣжная жалость къ нему охватила ее всю. Это было такое сладкое чувство, какого она не испытывала давно. Все послѣднее время она ходила въ какомъ-то отупѣніи, не думая, не заботясь ни о комъ, какъ чужая среди чужихъ. Даже строптивой злобы, даже бурныхъ порывовъ не пробуждалось въ ней уже давно. Все въ ней точно замерло—и любовь, и ненависть. Теперь она опять волновалась за брата, и это волненіе точно придало новый смыслъ ея жизни. У нея явилось существо, о которомъ она могла заботиться, думать, горевать. Если бы кто-нибудь могъ заглянуть въ ея душу теперь, тотъ, не ошибаясь, могъ бы сказать: «изъ этой дѣвушки выйдетъ впослѣдствіи глубоко любящая женщина».

Она торопливо умылась, одѣлась и вышла въ столовую. Первымъ ея вопросомъ было:

— Гдѣ Сеня?

— Въ гимназію ушелъ... гдѣ же ему быть,—коротко отвѣтила Марья Львовна

Оля раздражилась на мать:

— Я потому спрашиваю, что мало ли что можетъ случиться... Цѣлыми днями учится, да и по ночамъ занимается...

— Извѣстно, экзамены. Нельзя же баклуши бить,—равнодушно сказала Марья Львовна.

— Ужъ его-то, кажется, нельзя упрекнуть нынѣшній годъ за баклушничество,—вступилась Оля за брата.

— Довольно набездѣльничался! — проговорила Марья Львовна.

— Ну, за это не его надо винить, а...—Оля не кончила фразы.

Она отвернулась отъ Марьи Львовны, боясь продолжать разговоръ чувствуя, что она можетъ наговорить матери кучу дерзостей, невольно упомянуть о Шаховѣ. Въ ней все возмущалось противъ этой женщины. Когда она узнала, что ея мать была близка съ Шаховымъ и потому отстранила ее отъ этого человѣка, ее точно что-то пришибло, подавило. Но ни на минуту ей не пришло тогда въ голову сдѣлать матери бурную сцену. Почему? Въ этомъ она сама не отдавала отчета, но это было такъ. Какая-то безсознательная женская стыдливость удерживала ее отъ грязной сцены. Теперь же стоило Марьѣ Львовнѣ сказать рѣзкое слово, и Оля наговорила бы ей самыхъ непозволительныхъ дерзостей. Ее возмущала женщина, не чувствующая никакой любви къ дѣтямъ. Въ ея головѣ проносились мысли о томъ, что вся ихъ семейная жизнь именно потому и искалѣчена, что эта женщина никогда не умѣла быть ни женой, ни матерью. И друзей у нихъ нѣтъ, потому что мать не любила общества всѣхъ этихъ «кухарокъ и нянекъ», какъ она брезгливо называла замужнихъ женщинъ, матерей и хозяекъ. И съ Шаховымъ она сошлась, потому что въ ней материнскаго чувства не было и слѣда. И враждебность къ ней, къ Олѣ, появилась у нея потому, что она видѣла въ ней прежде всего не дочь, а соперницу и только соперницу. И Сеня вотъ гибнетъ изъ-за нея, выросши безъ вліянія мягкой материнской ласки. Развѣ онъ бросился бы въ первый попавшійся омутъ, если бы дома было тепло и уютно, если бы ему было дорого родное гнѣздо?... Цѣлый рядъ новыхъ для нея идей, смутно бродившихъ прежде въ головѣ подъ вліяніемъ чтенія книгъ, разговоровъ съ Шаховымъ и Маріанной, знакомства съ жизнью, сложился теперь въ нѣчто цѣлое. Умъ работалъ уже далеко не по-дѣтски...

Допивъ чай, она вернулась въ свою комнату, взялась

за книгу и, распахнувъ окно, усѣлась около него. Но лекціи не шли на умъ. Глаза поминутно отрывались отъ листковъ тетради, устремлялись вдаль, скользили по видневшимся напротивъ крышамъ, слѣдили за бѣгущими въ небѣ облачками. Въ головѣ у молодой дѣвушки роились все новыя и новыя мысли. Почему отецъ съ такимъ презрѣніемъ относится къ мамѣ Манѣ? Не за то ли, что она его обманула? Нѣтъ. Вѣдь, говорятъ, у многихъ женщинъ бываютъ подобные романы, но потомъ мужья мирятся съ ними, прощаютъ ихъ. А папа не простилъ, хотя онъ мягокъ и добръ... Онъ и раньше не уважалъ ее. Ей вспомнились теперь мелочи, пропускавшіяся прежде почти безъ вниманія и встававшія теперь въ памяти. Да, къ уважаемой женщинѣ такъ не относятся. А Шаховъ? Онъ поигралъ съ ней и бросилъ ее. За что? Значитъ, не любилъ и не уважалъ ее, какъ слѣдуетъ? Если бы любилъ и уважалъ—не бросилъ бы. Да и кто же ее любитъ и уважаетъ? Никто! рѣшительно никто! Но почему же, почему же? Она мучительно добивалась отвѣтовъ на эти вопросы. Она встала и заходила въ волненіи по комнатѣ, охваченная жаждой разрѣшить эту загадку. «Потому что она пала? — спрашивала онъ себя. — Да вѣдь это не всѣмъ же извѣстно? И уважаютъ же Маріанну всѣ, знающіе ее? А Маріанна тоже пала: любовница Кроля, а не жена». Она вдругъ нетерпѣливо перебила сама себя и, точно протестуя противъ кого-то, воскликнула:

— Да она лучше всякой законной жены!

Да, да, она именно жена, мать, въ полномъ смыслѣ этихъ словъ.

— Женщина вполнѣ,—тихо прошептала Оля, останавливаясь въ раздумьи у окна.

Эта фраза пришла ей внезапно на память. Сколько разъ она ее слыхала отъ Маріанны, говорившей ей, что прежде всего надо стараться быть «вполнѣ женщиной». Когда Оля слышала прежде эту фразу отъ Маріанны, она не вполнѣ понимала ее. Развѣ же женщина можетъ быть не женщиной? Чтобы понять значеніе этихъ словъ, ей нужно было пережить тяжелые дни обманутой любви, негодованія на мать, критическаго отношенія ко всему окружавшему ее. Теперь вдругъ ей все стало необыкновенно ясно: мама Маня не умѣла быть настоящей женщиной; въ ней пала женщина, вотъ почему никто ее не любитъ и не уважаетъ, вотъ въ чемъ ея настоящее паденіе. Женщина, не умѣющая быть женой и матерью, не женщина. Ее никогда не

будутъ уважать ни мужъ, ни дѣти, ни близкіе, смотря на нее сверху внизъ, забавляясь съ нею, если она интересна, но и только. Олѣ вспомнилось, какъ Маріанна, десятки разъ укрощая ея вспышки, —говорила ей:

— Работай надъ собою, надъ своимъ характеромъ. Подумай, каково будетъ тому, кто полюбитъ тебя и кого ты полюбишь, если ты каждую минуту будешь дѣлать ему сцены. А дѣти — чему они научатся, если ихъ мать будетъ умѣть только капризничать. Для семейной, для домашней жизни мало быть умной, развитой, талантливой; прежде всего нужно быть хорошей женщиной, вполнѣ женщиной...

И она прибавляла:

— А кто не завоюетъ любви и уваженія въ своей семьѣ, тому нечего и думать о любви и уваженіи въ обществѣ.

Цѣлые часы проводили онѣ въ этихъ разговорахъ, и теперь Оля поняла вполнѣ значеніе этихъ бесѣдъ.

Въ самой себѣ она чувствовала пробужденіе именно «женщины», чувствовала потребность любить кого-нибудь по-матерински, няньчиться съ кѣмъ-нибудь, быть чьей-нибудь опорой. Это чувство пробудилось не вдругъ, оно сказывалось уже смутно, въ мелочахъ и прежде. Полюбивъ Шахова, она старалась угодить ему, говорить о томъ, о чемъ онъ любитъ говорить, читать тѣ книги, которыя нравились ему, передѣлать себя такъ, какъ хотѣлось ему. Потомъ, когда она сблизилась съ отцомъ, — ее стало заботить все, касающееся отца: его работы, его здоровье, его огорченія. Всегда ей хотѣлось знать, почему онъ смотритъ невеселымъ, почему онъ смотритъ усталымъ. Той же тревожною и заботливою любовью она любила и Маріанну, и ея лицо сіяло счастіемъ, когда эти люди откликались на ея любовь. Теперь то же чувство пробудилось въ ней и по отношенію къ брату. Онъ не выходилъ теперь у нея изъ головы.

Она перешла передъ обѣдомъ въ столовую и встала у окна, чтобы увидѣть, когда онъ пройдетъ по двору. Въ ея сердцѣ была тревога, въ головѣ проносились опасенія, выдержитъ ли онъ сегодня экзаменъ, не сорвется ли. Ее такъ заботило это, точно ея личное счастье зависѣло отъ этого. Въ такомъ положеніи засталъ ее отецъ. Онъ тревожно взглянулъ на нее, не зная причины ея задумчивости, походилъ по комнатѣ, наконецъ, подошелъ къ ней:

— Что ты, Оля, такъ задумалась? — тихо спросилъ онъ ее.

Она вздрогнула, услышавъ его голосъ.

— Сеня что-то запоздалъ, — отвѣтила она.

— Экзаменъ вѣрно затянулся...

— Не сорвался ли,—проговорила она.

— Ну, что-жъ за бѣда!—мягко сказалъ Серпуховъ.—Годъ лишній просидитъ, это не важность...

— Ахъ, что ты говоришь! —отрывисто проговорила она.— На себя онъ не похожъ сталъ...

— Утомляетъ себя черезчуръ. Все у него крайности.

— Не то, не то, папа!—раздражительно перебила она.— Мысли у него мрачныя... Вотъ что пугаетъ меня... Онъ, кажется, на все способенъ, если не выдержитъ экзамена.

Отецъ изумился, не совсѣмъ понявъ ее.

— То-есть, на что это?—спросилъ онъ.

— Съ собой покончитъ!—отвѣтила она.

— Что-о?—переспросилъ отецъ съ испугомъ.

— Тссъ! — махая рукой, прошептала она, заслышавъ звонокъ.

Въ комнату вошелъ Сеня. Она бросилась къ нему.

— Ну что, что?

— Ничего, свалилъ одну гору съ плечъ,—отвѣтилъ онъ:— скорѣй бы конецъ!..

Всѣ сѣли за столъ. Серпуховъ тревожно вглядывался въ лицо сына. Худое, пожелтѣвшее, осунувшееся, оно было не весело. Юрій Дмитріевичъ осторожно и вскользь, какъ бы конфузясь, замѣтилъ сыну:

— Очень ужъ ты утомляешь себя...

— Что-жъ дѣлать, если способностей нѣтъ, — отрывисто отвѣтилъ сынъ, и въ его тонѣ послышалось раздраженіе.

Юрій Дмитріевичъ былъ озадаченъ этимъ отвѣтомъ, зная хорошо безграничную самонадѣянность сына, и проговорилъ въ замѣшательствѣ:

— То-есть, какъ же нѣтъ? Ты же всегда...

— На всякія гадости только былъ способенъ, — совсѣмъ грубо отвѣтилъ Сеня.

— Ну, братъ, у тебя нервы,—началъ Серпуховъ и смолкъ, не кончивъ фразы.

Оля сильно толкнула его подъ столомъ ногою и, торопливо предупреждая стычку, заговорила съ улыбкой, обращаясь къ брату:

— А я-то, Сеня, сегодня чуть не до полудня проспала и на курсы даже не пошла. Совсѣмъ разлѣнилась.

Сеня что-то пробормоталъ, опять нахмурясь и глядя въ тарелку. Оля начала говорить быстро, о чемъ попало, заботясь не столько о смыслѣ своихъ словъ, сколько о томъ,

чтобы отецъ не вызвалъ опять брата на рѣзкость. Когда обѣдъ кончился, она прошла въ комнату брата.

— Что тебѣ?—спросилъ онъ отрывисто, не глядя на нее.

— Вотъ мило принимаешь!—засмѣялась она.

— Усталъ я,—коротко сказалъ онъ.

— Ну, такъ ложись. Я посижу у тебя.

Онъ пожалъ плечами, не говоря ничего; разстегнулъ мундиръ и прилегъ. Она сѣла около него на постель и взяла его руку.

— Разсказывай, какъ сошелъ экзаменъ?

Онъ началъ разсказывать неохотно, отрывисто. Ласка, чья бы то ни было, была для него непривычнымъ дѣломъ; она почти стѣсняла его: ему было неловко отъ нея. Но нервы были настолько расшатаны, упадокъ духа былъ такъ силенъ, что онъ не протестовалъ противъ присутствія сестры въ его комнатѣ, не пробовалъ подшутить надъ ней: «съ чего ты разминдальничалась»; онъ полудремотно слушалъ ее, когда она стала увѣрять его, что и другіе экзамены сойдутъ хорошо, что все это пустяки, если бы даже они и дурно сошли... Онъ задремалъ подъ ея рѣчи. Ея тонкая, худая рука покоилась въ его рукѣ. Задумчиво гладя эту руку, Оля всматривалась въ лицо брата, и ея сердце сжималось отъ тоски. Это лицо было прекрасно, оно принято во время сна спокойное, привлекательное выраженіе. Никто не сказалъ бы, что это физіономія испорченнаго въ конецъ или дурного человѣка. Но сразу можно было сказать, что это измученный человѣкъ. Истощеніе, худоба, малокровіе сказывались въ каждой чертѣ. Смотря на эти черты, проникнутыя чувствомъ глубокаго сожалѣнія къ брату, охваченная невеселыми думами, Оля не замѣчала, какъ летѣло время. Прошло около получаса. Сеня полуоткрылъ глаза и тихо проговорилъ полусонным голосомъ:

— Ты еще здѣсь?

Онъ безсознательно сжалъ ея руку и прошепталъ:

— Ступай. Мнѣ ничего теперь...

Потомъ повернулъ на бокъ голову и снова заснулъ, тяжело вздохнувъ. Оля тихо поднялась съ мѣста и, наклонившись къ нему, поцѣловала его въ голову. Ей стало какъ-то особенно легко. Въ душѣ была смутная свѣтлая надежда, что она замѣнитъ мать «бѣдному мальчику».

IV.

Въ этотъ же вечеръ Юрій Дмитріевичъ улучилъ свобод

ную минуту и зазвалъ дочь къ себѣ въ кабинетъ. Онъ задалъ ей вопросъ о томъ, что она передъ обѣдомъ хотѣла сказать о братѣ. Оля передала все, что знала: учится онъ черезъ мѣру, чтобы только не сорваться; говоритъ онъ, что руки на себя наложитъ, если сорвется; онъ это способенъ сдѣлать, такъ какъ нервы у него расшатаны до послѣдней степени. Иногда ей жутко становится, когда она слышитъ, какъ онъ цѣлый вечеръ читаетъ вслухъ или ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Всю зиму онъ черезъ мѣру работалъ. Все доказать хотѣлъ, что у него есть силы и способности. Это совсѣмъ надорвало его. Хватитъ ли силъ довести до конца дѣло — это вопросъ. Онъ вѣдь самъ на себя не похожъ теперь. Юрій Дмитріевичъ слушалъ ее, шагая изъ угла въ уголъ. Въ душѣ поднимались упреки совѣсти: изъ жены онъ не умѣлъ сдѣлать любящей матери; самъ онъ не умѣлъ быть нѣжнымъ отцомъ, хотя и работалъ для дѣтей черезъ силу и баловалъ ихъ безъ разбору. Росли они, не зная грѣющей ласки; не пріучилъ онъ ихъ дѣлиться съ нимъ горемъ и радостью. Что въ томъ, что они ходили чистенькими и исполняли всѣ свои прихоти; не въ этомъ дѣло, не въ этомъ счастье. Сиротами они были и остались, имѣя отца и мать. Лучше бы имъ черствый хлѣбъ было ѣсть, да быть согрѣтыми въ нѣжныхъ родительскихъ объятіяхъ. Поздно додумался онъ до этого, додумался не самъ, а вотъ потому, что дочь, наученная горькимъ личнымъ опытомъ, открыла ему глаза, потому что сынъ очевидно измучился и гибнетъ. Но что же дѣлать? что дѣлать? Идти къ сыну и сказать: перестань мучить себя, брось ученье и прежде всего отдохни! Нѣтъ, такъ нельзя; теперь нельзя. Надо исподволь дѣйствовать. Вотъ Оля будетъ слѣдить покуда за братомъ. Авось, ему удастся выдержать экзамены. Всего ихъ четыре осталось. Потомъ онъ, отецъ, объяснится съ сыномъ, подниметъ духъ мальчугана, укажетъ ему лучшій путь. По лицу Юрія Дмитріевича скользнула жалкая, горькая улыбка: раньше-то онъ чего думалъ указывать на этотъ лучшій путь? Ничего святого не пробудилъ въ душѣ сына и убилъ въ ней даже возможность святыхъ упованій! Оглядывалъ передъ нимъ свое прошлое за то, что по щучьему велѣнью міръ не перевернулся. Въ головѣ Серпухова былъ какой-то хаосъ. Ему казалось, что вокругъ него все рушится, гибнутъ всѣ близкіе, а онъ не можетъ имъ помочь, не можетъ спасти ихъ. Онъ какъ-то безпомощно проговорилъ дочери:

— Олюша, ты ужъ наблюдай за нимъ... какъ мать съ сыномъ...

Онъ вздохнулъ.

— Самой тяжело тебѣ, а тутъ еще...

Она взглянула на него ясными глазами:

— Я, папа, вполнѣ спокойна теперь за себя...

Она вышла изъ комнаты отца и прошла къ себѣ въ комнату.

Вечеромъ, послѣ чая, Сеня опять зашелъ къ ней и спросилъ ее, занята ли она. Оля отвѣтила, что нѣтъ.

— Ну, такъ я буду у тебя заниматься. Можно?

— Разумѣется!—отвѣтила она.

Она не спрашивала, что̀ ему пришло въ голову заниматься у нея въ комнатѣ; онъ не счелъ нужнымъ разсказывать ей, что на него напало въ этотъ вечеръ что-то странное, не то безотчетный страхъ, не то безпредметная тоска. Ему то слышался шорохъ въ его комнатѣ, то мысль вдругъ останавливалась на одной фразѣ: «пулю въ лобъ, и конецъ всякимъ тревогамъ». По спинѣ пробѣгалъ холодокъ, и весь онъ вздрагивалъ, оборачиваясь назадъ, точно надѣясь увидѣть какой-то призракъ, стоявшій за спиной. Онъ не понималъ, что съ нимъ дѣлается. Въ комнатѣ Оли эти ощущенія прошли, и къ концу вечера онъ уже зубрилъ вполнѣ спокойно. Когда онъ кончилъ и всталъ, потягиваясь и зѣвая, чтобы идти спать, онъ мелькомъ замѣтилъ сестрѣ:

— Утомилъ я тебя. Ужъ поздно!

— Ну, вотъ еще! Я рада, когда ты у меня, — отвѣтила Оля. — Вѣдь кромѣ тебя у меня никого нѣтъ...

Она приблизилась къ нему и поцѣловала его. Онъ точно сконфузился. Но тотчасъ же принялъ раздражительно шутливый тонъ, увидавъ на ея глазахъ слезы.

— Ого! и тебя заразилъ своими нервами!—проговорилъ онъ, стараясь быть грубоватымъ. — Сейчасъ готова разрюмиться.

— Не смѣйся надъ тѣмъ, что ты мнѣ дорогъ,—сказала она тихо.

Онъ опять немного сконфузился и пробормоталъ:

— Что-жъ, я такъ... Я очень тебѣ благодаренъ... Тоже несладко вѣкъ прожить, какъ дворовому псу...

И, круто отвернувшись, вышелъ вонъ.

На другой день онъ уже безъ ея позволенія снова занимался въ ея комнатѣ...

Въ день слѣдующаго экзамена Оля застала въ столовой

отца стоящимъ у окна. Онъ, очевидно, съ тревогой ожидалъ сына, поглядывая на дворъ. Когда Сеня вернулся, Юрій Дмитріевичъ и Оля вздохнули свободнѣе, увидавъ, что онъ довольно веселъ. Юрій Дмитріевичъ довольно неумѣло и наивно сталъ шутить насчетъ того, что не бѣда, если бы и всѣ экзамены не удались. Онъ вотъ самъ въ молодости въ двухъ классахъ по два года сидѣлъ, а Сеня ни въ одномъ не засиживался. Перещеголялъ отца. Эта напускная развязность отца была слишкомъ непривычна для Сени, и онъ хмурился, слушая Юрія Дмитріевича. Ему нужно было сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы не нагрубить отцу, чтобы не сказать ему: «чего ты со мной паясничаешь?»

Тотчасъ же послѣ обѣда онъ грубо замѣтилъ Олѣ:

— Чего отецъ подлѣзаетъ ко мнѣ сегодня?

— Сеня, какъ тебѣ не грѣхъ! — упрекнула она. — Онъ вѣдь любитъ тебя...

— Ахъ, не говори ты чепухи! — крикнулъ онъ чуть не съ бѣшенствомъ. — Любитъ! любитъ! Когда это я видѣлъ его любовь? Я не говорю, что онъ былъ тираномъ. Попробовалъ бы ломаться, я бы давно сбѣжалъ. Но ужъ любовь-то... водку онъ больше, чѣмъ насъ, любилъ.

Она грустно вздохнула.

— Что-жъ спорить и браниться, — коротко замѣтила она. — Не умѣлъ онъ проявлять любовь, вотъ и все. Ты такой же... Ты вѣдь вотъ смѣешься, когда и я рѣшаюсь быть ласковой съ тобой...

Онъ повернулся къ ней спиною и вышелъ, сильно хлопнувъ дверью.

У нея защемило сердце. Теперь онъ разсердился и не придетъ къ ней вечеромъ. Надо будетъ самой къ нему идти, если онъ не придетъ... Однако, она ошиблась. Вечеромъ Сеня, сердито стуча ногами и хлопая дверьми, появился въ ея комнатѣ. Его лицо было угрюмо. Онъ отрывисто спросилъ сестру:

— Не мѣшаю?

— Нѣтъ же! чего ты спрашиваешь, голубчикъ!

— Ну, ну, безъ нѣжностей!—прикрикнулъ онъ нетерпѣливо.—Въ самомъ дѣлѣ, точно передъ смертью хотятъ ублажить меня...

Онъ отодвинулъ съ шумомъ стулъ, сѣлъ къ столу и началъ заниматься. Оля притихла и не шевелилась. Ее поразило что-то необычайное въ тонѣ брата. Онъ, зажавъ руками голову, бормоталъ въ полголоса, читая учебникъ, повторяя

все одно и то же мѣсто какъ-то безсмысленно, точно помѣшанный. Наконецъ, онъ быстро вскочилъ, швырнулъ книгу въ сторону, и, запустивъ руку въ волосы, крикнулъ:

— Не могу я, не могу! Чортъ знаетъ, что со мной дѣлается нынче!

Оля подбѣжала къ нему; онъ безпомощно опустилъ голову ей на плечо и расплакался, какъ ребенокъ.

— Что съ тобой! что съ тобой!—шептала она въ страхѣ.

— Не знаю, не знаю! Съ ума я схожу! Хочется размозжить себѣ голову! Задушить кого-то! Бѣжать куда-то отъ себя, отъ людей... Почему я знаю!..

Онъ опустился на ея постель, опершись локтями въ колѣни, опустилъ голову на руки и какъ бы застылъ въ этомъ положеніи. Оля не знала, что ей дѣлать. Она присѣла около брата, начала что-то говорить, какія-то слова утѣшенія и ласки. Наконецъ, онъ очнулся, встряхнулъ головой и, махнувъ рукою, проговорилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь!.. Это пройдетъ!.. Надо провѣтриться... Я пройдусь...

Онъ быстро вышелъ, переодѣлся, ушелъ изъ дому.

Было десять, пробило одиннадцать, ударила полночь— Сеня все не возвращался. Было уже два часа, когда Оля, перепуганная, поблѣднѣвшая, услышала его шаги въ коридорѣ. Она не узнала его походки. Шаги было невѣрные. Дойдя до своей комнаты, Сеня долго шарилъ у двери, очевидно, отыскивая ручку дверей. Наконецъ, онъ отперъ дверь, вошелъ въ свою комнату, и тотчасъ же Оля услыхала его паденіе на постель. Она вся похолодѣла. Неужели онъ напился? Или дурно съ нимъ? Не пойти ли къ нему? Послышалось храпѣніе, прерываемое икотою. Да, пьянъ, пьянъ! Ее била лихорадка...

На слѣдующій день онъ не показывался никому изъ домашнихъ, вечеромъ не пришелъ заниматься въ комнату сестры. Она даже не слыхала, чтобъ онъ занимался у себя въ комнатѣ...

Сеня, дѣйствительно, не занимался. Онъ не зажегъ даже лампы, а легъ на постель и закутался съ головой въ одѣяло. Его охватилъ внезапно необъяснимый приливъ малодушія. Съ утра онъ ушелъ изъ дому и машинально прошелъ на Петербургскую сторону, свернувъ съ Троицкаго моста направо. Черезъ нѣсколько минутъ онъ очутился въ маленькомъ домикѣ Петра. Только передъ самымъ входомъ въ этотъ домъ въ его головѣ мелькнула мысль: «Не поможетъ!»

Однако, онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, вошелъ въ часовню: здѣсь, въ полной тишинѣ, озаренные свѣтомъ горящихъ восковыхъ свѣчей, безмолвно молились люди, тихо вздыхая, плача, шепча молитвы. Сеня всталъ въ уголокъ, опустился на колѣни, бормоча что-то и торопливо крестясь. Въ головѣ же, точно какой-то злой духъ повторялъ одно слово: «не поможетъ, не поможетъ». Сенѣ начинало дѣлаться страшно; онъ смотрѣлъ какими-то растерянными, широко открытыми глазами на темный ликъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ. Глаза Христа, рѣзко выдѣляющіеся на образѣ, казалось, глядѣли на него съ укоромъ, точно спрашивали, зачѣмъ онъ пришелъ сюда. Сеня вдругъ разомъ поднялся съ полу и пошелъ... Вдругъ ему стало ясно, что онъ не выдержитъ экзамена, что изъ него ничего не выйдетъ, что жизнь кончена. Считали всегда пустымъ малымъ, ни на что негоднымъ, кромѣ распутства, таковъ онъ и есть. На носу экзамены, а онъ напился пьянъ. Были бы деньги— и опять напился бы. Да, да, напился бы! Все равно погибать-то! Вонъ и о Богѣ вспомнилъ когда; обмануть его вздумалъ! Въ головѣ былъ хаосъ: вспоминались грязныя сцены развратца, являлась потребность завихриться въ омутѣ разгула, тутъ же приходила въ голову мысль, что не стоитъ; откуда-то выплывали сожалѣнія, что онъ раньше не сблизился съ сестрой; отца вдругъ стало жаль почему-то; явилось сознаніе, что всѣ люди не виноваты, всѣ впотьмахъ бродятъ—и, покрывая всѣ другія думы и грёзы, повторялась безсознательно фраза: «смерть—вѣчная тьма!» То чувствовалъ онъ жажду жить какимъ-то перерожденнымъ, другимъ человѣкомъ, хотя представленія объ этомъ другомъ человѣкѣ не было никакого; то сознавалась невозможность перерожденія, вѣдь не могъ же отецъ до сѣдыхъ волосъ переродиться, какимъ-то недодѣланнымъ и исковерканнымъ всю жизнь прожилъ; поклонялся чему-то, чтобы потомъ плевать въ это что-то; судилъ и рядилъ, что всѣ живутъ не такъ, какъ надо, а самъ менѣе всѣхъ другихъ умѣлъ жить такъ, какъ надо; и томило одно желаніе: скорѣй, скорѣй покончить все. Онъ закрывалъ глаза, закутывалъ голову, точно въ этомъ положеніи можно было спастись отъ думъ. Одного только не приходило ему голову, что нужно позвать доктора...

Утромъ онъ пошелъ въ гимназію похожимъ на мертвеца. Инспекторъ, встрѣтивъ его въ коридорѣ, спросилъ, не боленъ ли онъ? Онъ отвѣтилъ: «нѣтъ», и подумалъ: «а вѣдь

и точно я болѣть». Вдругъ ему пришло желаніе: «упасть бы въ обморокъ на желѣзнѣ,—вотъ и спасся бы». «Вотъ-то хорошо бы, вотъ-то хорошо бы!»—повторялъ онъ мысленно и на минуту даже убѣдился, что съ нимъ точно сдѣлается дурно. Однако, въ обморокъ онъ не упалъ...

Оля и Юрій Дмитріевичъ ходили, какъ на раскаленныхъ угольяхъ, поджидая Сеню. Они даже не говорили другъ съ другомъ, такъ охватилъ ихъ какой-то непреодолимый страхъ. Сеня все не шелъ. Марья Львовна приказала, наконецъ, подать супъ, мелочно замѣтивъ, что не до ночи же ждать сына. Оля и Юрій Дмитріевичъ, не протестуя противъ этого распоряженія, почти не сознавая, что они дѣлаютъ, машинально сѣли за столъ. Вдругъ раздался звонокъ. Колокольчикъ какъ-то жалобно звякнулъ нѣсколько разъ. Отецъ и дочь вздрогнули.

— Господи, какъ трезвонитъ! — проговорила Марья Львовна.

Послышались шаги. Сеня, блѣдный и осунувшійся, прошелъ черезъ столовую въ свою комнату, на ходу сказавъ:

— Я не хочу обѣдать!

Его голосъ былъ глухъ и хрипъ...

Оля широкимъ взглядомъ взглянула на отца. Испугъ, мольба сказались въ этомъ взглядѣ. Юрій Дмитріевичъ, тяжело дыша, съ раскрытымъ ртомъ, быстро бросилъ салфетку на столъ, сорвался съ мѣста и поспѣшно бросился за сыномъ.

— Что съ нимъ?—спросила Марья Львовна въ недоумѣніи.

— Что? что?—воскликнула Оля, почти выкрикивая слова.

Она не успѣла договорить: въ сосѣдней комнатѣ раздался выстрѣлъ. Оля бросилась туда. Юрій Дмитріевичъ, поддерживая падающаго сына, опускаясь вмѣстѣ съ нимъ, отрывистой скороговоркой, почти радостнымъ тономъ говорилъ:

— Помѣшалъ, помѣшалъ!.. Живъ, живъ!.. Ничего, ничего... Сенюша, милый!.. Это я, папа твой... Ахъ, глупенькій, глупенькій...

И, опустившись на полъ, съ трясущейся головой, истерически плача, какъ женщина, онъ безпомощно, надрывающимъ душу голосомъ, проговорилъ столпившимся въ дверяхъ домашнимъ людямъ:

— Доктора, доктора!.. Господи! что же вы?.. Вѣдь это мой сынъ!..

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

I.

Комната покойнаго Льва Ѳеодоровича, перешедшая по наслѣдству въ обладаніе Сени, была довольно просторна. Въ ней все осталось въ прежнемъ видѣ: орѣховаго дерева мебель, обитая синей шерстяной матеріей, письменный столъ у одной стѣны, кровать у другой, тотчасъ у двери, окно съ не пропускающей свѣта синей съ узорами шторой, вывезенной когда-то старикомъ изъ Выборга. Эта штора была теперь спущена. Комната едва озарялась лампой, покрытой синимъ стеклянным колпакомъ, изъ-подъ котораго свѣтъ падалъ только на письменный столъ, на разложенныя на немъ бумаги, бросавшіяся въ глаза яркими бѣлыми пятнами среди полутьмы. Надъ этими бумагами склонился Юрій Дмитріевичъ, занятый дѣлами. Его крупная фигура совершенно заслоняла свѣтъ отъ человѣка, лежавшаго у противоположной стѣны на постели. Этотъ человѣкъ былъ Сеня. Несмотря на поздній часъ вечера, онъ не спалъ и пристально смотрѣлъ на массивную фигуру отца, слѣдя за движеніемъ его руки, перебиравшей осторожно костяшки на счетахъ, записывавшей на бумагахъ цифры, водившей карандашомъ по цѣлымъ столбцамъ этихъ цифръ. Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ Сеня ежедневно видитъ по вечерамъ у себя въ комнатѣ эту фигуру; онъ засыпаетъ гораздо ранѣе, чѣмъ отецъ кончаетъ свои занятія. Окончивъ занятія, отецъ неизмѣнно каждый день осторожно подходитъ къ нему, посмотритъ на него, тихо вздохнетъ и безъ шуму, раздѣвшись только на половину, ложится спать на диванъ. Уже много дней онъ и занимается, и спитъ въ этой комнатѣ, всегда готовый придти на зовъ сына... Ни одна сидѣлка не могла бы сравниться въ заботливости, въ нѣжности, въ осторожности съ этимъ неуклюжимъ человѣкомъ. Въ уходѣ за больнымъ сыномъ онъ выказалъ и ловкость, и терпѣніе, и выносливость, точно онъ съ дѣтства привыкъ ходить за страждущими. Сначала, во время остраго періода болѣзни, Сеню раздражало это постоянное присутствіе отца при немъ, точно присутствіе этого человѣка усиливало его боли, и Сеня капризничалъ, дѣлалъ досадливые жесты, болѣзненно кривилъ губы; потомъ, изнуренный болѣзнью, безпомощный и слабый, онъ началъ пассивно относиться ко всѣмъ заботамъ отца, даже самъ звалъ его: «поправь подушку», «подними

головy», «дай пить»; сегодня же онъ смотрѣлъ на него съ страннымъ, совершенно новымъ для него чувствомъ. Это было чувство спасеннаго, страстно желающаго жить человѣка, смотрящаго на того, кто спасъ ему жизнь... Охваченный этимъ чувствомъ, онъ всматривался въ фигуру отца...

Прежде всего Сеню поразило, что у отца слегка трясется голова. Онъ замѣчалъ это и въ другіе дни своей болѣзни, но именно сегодня это явленіе пробудило какое-то щемящее чувство въ его душѣ. Въ этотъ день впервые Максимъ Максимовичъ Богословскій, немолодой докторъ, старый пріятель его отца, сказалъ ему:

— Ну, теперь совсѣмъ молодцомъ смотришь.

И Сеня ощутилъ безконечную радость отъ этихъ словъ. Только услыхавъ ихъ, онъ понялъ вполнѣ, какъ страстно ему хотѣлось жить.

— Впередъ, братецъ, будешь осторожнѣе съ огнестрѣльнымъ оружіемъ,—продолжалъ наставительно докторъ.—Хорошо, что Юрій выходилъ тебя, а другой разъ и не выходитъ...

Потомъ докторъ замѣтилъ, что полежать придется еще нѣсколько дней, а тамъ и подняться будетъ можно.

— Докторъ, нельзя ли окно отворить, душно здѣсь очень,— сказалъ Сеня.

— Минутъ на десять можно, теперь же кстати солнечный день,—отвѣтилъ докторъ.

Окно отворили: яркій полуденный свѣтъ, ворвавшійся въ комнату, шумъ со двора, струи свѣжаго теплаго воздуха, сознаніе близости полнаго выздоровленія, все это вызвало праздничное настроеніе въ юношѣ. На дворѣ звонко кричалъ разносчикъ: «редиска молодая», и слышались гортанные звуки: «халаты», «халаты». Откуда-то доносились звуки церковнаго благовѣста, чистые и радостные, какъ показалось Сенѣ, словно говорившіе веселыми, болтливыми языками о жизни, призывавшіе къ ней. Онъ готовъ былъ расплакаться отъ радости; онъ готовъ былъ смѣяться подѣтски отъ счастія. Жажда жизни наполняло все его существо.

— Очень я опасно былъ боленъ?—спросилъ онъ доктора.

— Да, нечего сказать, чуть-чуть не угодилъ въ сердце.

Сеня вспомнилъ смутно, какъ помѣшалъ ему во время выстрѣла отецъ. Не будь отца—и конецъ бы, лежалъ бы онъ теперь въ сырой темной могилѣ. Его охватилъ жуткій страхъ передъ этой могилой, точно въ ней ему пришлось бы лежать живому, чувствуя и эту сырость, и эту тьму.

— И сколько разъ говорили вамъ, молодежи, что ре-

вольверы—плохія игрушки,—продолжалъ уже ворчливо докторъ. -Такъ нѣтъ, какъ можно. Что же, молъ, я за мужчина, если у меня и револьвера нѣтъ. Ну, вотъ и поигралъ! Не умѣете обращаться съ револьверами, такъ и держать ихъ не слѣдуетъ...

— Не ворчите, докторъ; теперь ужъ дѣло прошлое,— сказалъ Сеня, съ улыбкой смотря на доктора.

— Да, прошлое,—продолжалъ докторъ.—А небось, какъ пришлось плохо, такъ только отъ тебя и слышали: «Докторъ, спасите», «докторъ, неужели я умру», «докторъ, мнѣ хуже»... Душа, видно, въ пятки ушла отъ этой игры съ револьверчикомъ...

Сеня продолжалъ улыбаться.

Его радовало теперь даже то, что докторъ распекаетъ его. Значитъ, ужъ рѣшительно никакой опасности нѣтъ, если распекаетъ. И какой онъ хорошій, этотъ Максимъ Максимовичъ! Такой же увалень, такой же неотесанный по виду, какъ отецъ, и такой же добрякъ, какъ тотъ.

— Охъ, ужъ будь я на мѣстѣ твоего отца, задалъ бы я тебѣ баню по выздоровленіи,—все еще не унимался докторъ:—до новыхъ вѣниковъ не забылъ бы...

— Ничего бы вы, докторъ, не задали,—отвѣтилъ Сеня и не безъ лукавства спросилъ:—А вы, Максимъ Максимовичъ, тоже очень, очень рады, что опасность миновала?

— Да, да, скажи, пожалуйста, я только объ этомъ и думалъ!—воскликнулъ докторъ, дѣлая гримасу.

Онъ всталъ съ мѣста и замѣтилъ:

— Ну, однако, довольно! Окно можно и закрыть. Завтра подольше оставимъ его открытымъ. А теперь довольно. Тоже разболтался, какъ отлегло...

Онъ самъ закрылъ окно и, кивнувъ головой Сенѣ, ушелъ...

Къ радостному сознанію, что онъ будетъ жить, у Сени примѣшалось впервые сознаніе, что онъ будетъ жить только благодаря приходу отца во время выстрѣла, только благодаря уходу за нимъ отца во время болѣзни. Жажда жизни теперь подавляла въ немъ всѣ другія чувства, и его наполняла глубокая благодарность къ отцу за спасеніе. Цѣлый день онъ только и думалъ, что объ отцѣ. Сколько тревогъ пережилъ изъ-за него отецъ, какъ онъ терпѣливо ходилъ за нимъ, какую глубокую любовь выказалъ къ нему. Въ тяжелыя минуты поразившаго его несчастія онъ нашелъ въ себѣ силы солгать, чтобы выгородить сына,—выдумалъ исторію о неосторожномъ обращеніи съ револьверомъ чтобы

сыну не пришлось ни краснѣть, ни объясняться по поводу этого происшествія. Онъ нетерпѣливо ждалъ прихода отца, чтобы поблагодарить его за все, за все...

Къ вечеру, однако, онъ заснулъ отъ усталости,—заснулъ въ какихъ-то сладкихъ грёзахъ и не слыхалъ, какъ вошелъ въ его комнату отецъ. Открывъ глаза, Сеня увидалъ отца уже сидящимъ за столомъ и не могъ теперь оторвать отъ него глазъ, пораженный утомленіемъ и болѣзненностью, сказывавшимися во всей одряхлѣвшей фигурѣ отца. Въ головѣ Сени проходили мысли: «Спасъ меня, а на что самъ похожъ? Съ какого времени это у него стала трястись голова? Неужели съ того проклятаго дня? Да, раньше этого не было. Дорого обошлась ему моя жизнь»... Юношу охватили глубокое раскаянье за совершенный имъ поступокъ, благодарность за спасеніе ему жизни, жалость къ отцу.

Онъ былъ теперь неузнаваемъ, онъ сталъ какъ бы новымъ человѣкомъ. Потеря крови, долгая болѣзнь, испытанный имъ страхъ передъ смертью, радостное сознаніе возможности еще жить, все это какъ бы переродило его. Физическія и нравственныя страданія, вынесенныя имъ за эти дни, совершили въ немъ переворотъ: въ немъ не было и слѣда прежней строптивости и грубости, прежняго самомнѣнія и отношенія свысока ко всему и ко всѣмъ, начиная съ отца. Въ памяти во все время болѣзни вставали не картины послѣднихъ событій его жизни, а картины далекаго дѣтства, выплывавшія откуда-то изъ мрака прошлаго и точно поражавшія его своею новизною. Вотъ онъ видитъ себя верхомъ на колѣняхъ у улыбающагося блаженной улыбкой отца, потряхивающаго его и изображающаго изъ своей ноги скачущую лошадь. Вотъ отецъ, запыхавшійся, весь въ поту отъ хлопотъ и усталости, привозитъ ему цѣлый коробъ игрушекъ и устраиваетъ ему и его сестрѣ елку, вмѣстѣ съ нимъ и съ Олей сидя на полу и тѣшась ихъ радостью. Вотъ отецъ, сидя за позднимъ обѣдомъ послѣ службы, въ отвѣтъ на капризныя замѣчанія сына о необходимости сшить новое пальто, новый мундирчикъ, такъ какъ у нихъ въ гимназіи очень сильно обращаютъ вниманіе на одежду, какъ-то растерянно убѣждаетъ его: «погоди, погоди, все будетъ», и на другой же день исполняетъ его прихоть, навязывая себѣ новый долгъ у портного... Внутренній же голосъ подсказываетъ: «и ради всего этого онъ гнулъ горбъ, какъ гнетъ его и теперь». «Но что обошлась ему и эта моя болѣзнь?»—спрашиваетъ себя Сеня. Онъ вспоминаетъ,

что у его постели перебывало трое докторовъ, что одинъ изъ этихъ докторовъ спеціалистъ и знаменитость. Сколько, должно-быть, было имъ переплачено? Сколько нужно работать, во сколькомъ нужно отказать себѣ, чтобы покрыть всѣ эти затраты! И все это ради него? Ради того, что онъ изволилъ съ чего-то попробовать пустить въ себя пулю. Съ чего это онъ рѣшился покончить съ жизнью? Онъ старался припомнить, какія обстоятельства и какой душевный процессъ довели его до этого проступка. Память начала воскрешать мелочныя событія недавно минувшихъ дней и пережитыя имъ ощущенія. Но, припоминая свои ощущенія, онъ не переживалъ ихъ снова; они не затрагивали въ немъ никакихъ чувствительныхъ струнъ, онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на что-то чужое ему; они казались ему почти какимъ-то бредомъ, умопомѣшательствомъ, нелѣпымъ сыномъ. Онъ вспоминалъ ихъ и не ощущалъ отъ нихъ волненія: прежняго напряженія, прежней лихорадочной взволнованности, прежнихъ больныхъ нервъ уже не было; была только та сладкая спокойная слабость, которую ощущаютъ молодые больные, переживая послѣ опасной болѣзни періодъ выздоровленія. Все прошлое — гнѣвъ, капризы, неудачи, проступки,—казалось такимъ ничтожнымъ и пустымъ въ сравненіи съ радостнымъ сознаніемъ: «я еще буду жить!»...

II.

Юрій Дмитріевичъ окончилъ свою работу, сложилъ бумаги, облокотился на столъ руками, сжавъ ладонями лобъ. Онъ просидѣлъ такъ нѣсколько минутъ, наконецъ глубоко вздохнулъ и осторожно поднялся съ мѣста. Онъ тихо подошелъ къ постели сына взглянуть, по привычкѣ, спитъ ли тотъ. Сеня проговорилъ:

— Я не сплю!

Юрій Дмитріевичъ немного встревожился.

— Я разбудилъ? или хуже опять?

— Нѣтъ, нѣтъ,—поторопился отвѣтить Сеня.—Я себя чувствую отлично.

Онъ высвободилъ руку изъ-подъ одѣяла и, взявъ руку отца, безмолвно поднесъ ее къ своимъ губамъ. Юрій Дмитріевичъ сразу чутко угадалъ, что его мальчикъ переживаетъ минуты душевнаго волненія—и обрадовался, и растерялся, вспомнивъ, что докторъ предписывалъ ему еще вчера спокойствіе.

— Сеньшка, Сеньшка, лежи смирно! — заговорилъ онъ торопливо.—Ахъ, какой ты, право!.. Такъ же нельзя!..

Сеня смотрѣлъ на него, не выпуская его руки, и это лицо съ растеряннымъ выраженіемъ, съ слезинками на глазахъ, съ безграничной любовью во взглядѣ стало ему безмѣрно дорого и мило. Никогда еще никто не любилъ такъ Юрія Дмитріевича, какъ любилъ его въ эту минуту сынъ. Юноша испытывалъ теперь совсѣмъ особое ощущеніе: отецъ сталъ ему дорогъ со всѣми своими ошибками, со всей своей неумѣлостью быть отцомъ, со всѣми своими несчастіями въ родѣ разочарованія въ своихъ идеалахъ, исторіи съ женой, причиненныхъ дѣтьми непріятностей. Онъ видѣлъ передъ собою не какое-нибудь исключительное недосягаемое существо, къ которому можно относиться только съ благоговѣніемъ, почти со страхомъ, смотря снизу вверхъ. Нѣтъ, ему казалось, что онъ вдругъ понялъ все въ отцѣ, и что все это ему близкое, родное, человѣческое, что все это хотя отчасти такъ или иначе присуще каждому мужчинѣ. Все, что пережилъ отецъ, можетъ-быть, придется пережить и ему...

— Сядь.—сказалъ Сеня, продолжая любовно смотрѣть на отца:—сюда, на постель...

Онъ слегка подвинулся къ стѣнѣ. Юрій Дмитріевичъ присѣлъ на постель и, полный одной мыслью о необходимости для своего мальчика полнаго спокойствія, хотѣлъ опять предупредить сына, чтобы тотъ не волновался. Сеня угадалъ его мысль и сказалъ:

— Да ты не бойся! Максимъ Максимовичъ сказалъ сегодня, что я совсѣмъ здоровъ... Право!.. Много я тебѣ горя и хлопотъ надѣлалъ...

— Ну, вотъ! ну, вотъ!—испуганно заволновался Юрій Дмитріевичъ, замахавъ рукою.—Такъ я и зналъ, что глупости станешь говорить... Максимъ Максимовичъ говоритъ, что волноваться...

Сеня разсмѣялся.

— Да ты оставь ужъ доктора-то въ сторонѣ,—весело проговорилъ онъ. — Не бойся. Я не волнуюсь. Очень ужъ я счастливъ сегодня. Все благодаря тебѣ... Я такъ, такъ тебя люблю теперь, что мнѣ даже точно и не стыдно передъ тобою, что я надѣлалъ тебѣ столько горя.

Онъ не могъ вполнѣ ясно высказать своихъ чувствъ, своихъ мыслей, но онъ сознавалъ, что отецъ понимаетъ, его угадываетъ недосказанное.

— Я даже не прошу прощенья у тебя. Вѣдь ты не сердишься?.. Да?..

Юрій Дмитріевичъ опять торопливо замахалъ рукой, перебивая его:

— Полно, полно!..

Сеня слегка кивнулъ головой и продолжалъ:

— Но повѣрь мнѣ, отецъ, что никогда въ будущемъ ты не пожалуешься на меня... никогда...

Юрій Дмитріевичъ уже не перебивалъ его. Онъ, не отирая текущихъ по щекамъ слезъ, только пожималъ его руку, весь охваченный страннымъ чувствомъ совершенно непривычнаго для него полнаго счастія. Они начали говорить, оба взволнованные, оба растроганные. Такія минуты чувствительности, когда говорятся другъ другу ласкательныя уменьшительныя имена, когда рѣчь походитъ на дѣтскій лепетъ, когда холодный разсудокъ уступаетъ мѣсто одному чувству, переживаются почти каждымъ человѣкомъ. Иногда «трезвые» люди стыдятся этихъ минутъ, какъ проявленія слабости, потомъ краснѣютъ за высказанныя «глупости» и «сентиментальности», — но это бываетъ только потомъ. Все, что говорилъ Серпухову сынъ, испыталъ за эти дни и онъ самъ. До катастрофы у него были какія-то тяжелыя угрызенія совѣсти передъ сыномъ; ему все хотѣлось выяснить сыну, что онъ, Юрій Дмитріевичъ, виноватъ передъ нимъ и вообще передъ семьей въ томъ, что не умѣлъ быть отцомъ, но что въ этомъ виноваты и всѣ люди. Что же касается любви, то онъ всегда любилъ свою семью... Цѣлыя рѣчи придумывалъ онъ для выясненія сыну всего. Ни одинъ адвокатъ не могъ бы такъ проанализировать всѣ обстоятельства, доведшія преступника до скамьи подсудимыхъ, какъ анализировалъ и взвѣшивалъ ихъ Юрій Дмитріевичъ, желая оправдать себя. Логическое развитіе мыслей въ этихъ подготовляемыхъ въ головѣ рѣчахъ было изумительное, а форма ихъ была чисто книжная, точно имъ суждено было попасть въ печать. Это была чисто головная работа, повторявшаяся въ мозгу Серпухова все послѣднее время передъ катастрофой и иногда доводившая Серпухова до того, что онъ начиналъ говорить на улицѣ вслухъ, разводилъ руками и останавливался на дорогѣ, обращая на себя вниманіе проходящихъ. Словивъ себя на этомъ, онъ смолкалъ и съ сконфуженнымъ выраженіемъ лица прибавлялъ шагу, куда-то спѣша и стараясь ни на кого не глядѣть. Тѣмъ не менѣе, изъ всѣхъ придуманныхъ рѣчей не выходило ничего. То онѣ казались неясны

ему самому, то онъ убѣждалъ себя, что надо отложить объясненіе до окончанія экзаменовъ у сына, то онъ въ глубокомъ раздумьи останавливался надъ вопросомъ: «да такъ ли я это обдумалъ? нельзя ли какъ-нибудь иначе поправить наши отношенія и спасти мальчугана?» Онъ бродилъ, какъ потерянный, сомнительно покачивая головой, бормоча что-то, жалкій, смѣшной, симпатичный въ своемъ безплодномъ стремленіи выступить въ роль безупречнаго отца... Послѣ катастрофы всякое копанье въ своей собственной душѣ и въ своемъ прошломъ, всякое желанье объясниться съ сыномъ и высказать послѣднему причины всего происходящаго въ ихъ семьѣ, все отошло на послѣдній планъ. Явилась одна дѣятельная любовь отца, подталкивавшая сдѣлать все, сотворить чудо, чтобы только спасти сына. Онъ не разсуждалъ, что скажетъ сынъ по выздоровленіи, какъ отблагодаритъ его, не станетъ ли за что-нибудь упрекать его. Самъ онъ, въ свою очередь, въ это время ни разу не упрекнулъ мысленно сына, не подумалъ даже того, что онъ прощаетъ сыну его проступокъ. Онъ просто чувствовалъ, что онъ страстно любитъ этого мальчика, что онъ его и всегда такъ любилъ, но только не умѣлъ этого выразить, не находилъ случая выразить. Какъ отплатятъ ему за эту любовь—это ему было все равно или, вѣрнѣе сказать, онъ безъ всякой видимой причины вдругъ сталъ вѣрить, что и сынъ его любитъ и любилъ такъ же беззавѣтно и только не умѣлъ, въ свою очередь, этого выразить. Онъ пріободрялся отъ этого убѣжденія и ждалъ весело выздоровленія сына, вѣря, что послѣ этого выздоровленія уже не будетъ прежнихъ недоразумѣній. Это была именно отцовская любовь, не чувство дружбы, не чувство братства, а любовь отца, беззавѣтная, самоотверженная, безкорыстная.

Выслушавъ Сеню, Юрій Дмитріевичъ, совсѣмъ повеселѣвшій, все еще пожимая руку сына, заговорилъ:

— Да, братъ, оба мы накуралесили не мало. Вотъ какъ чуть не достукались до смерти, такъ за умъ и взялись. Ну, да теперь ничего, все прошло, впередъ будемъ умнѣе. Урокъ хорошій былъ данъ...

Онъ началъ шутливо и весело вспоминать всѣ мелочи взаимныхъ недоразумѣній. Все это заставило ихъ пережить много горькихъ минутъ, все это теперь казалось комичнымъ, когда явилась увѣренность, что это уже не вернется снова. Юрій Дмитріевичъ не забылъ даже и того, какъ онъ приготовлялъ оправдательныя рѣчи для себя

— Это передъ тобою-то, передъ сыномъ-то хотѣлъ адвокатствовать за себя!—закончилъ онъ, смѣясь и чувствуя, что изъ глазъ текутъ слезы.

Онъ въ эти минуты наивныхъ признаній и грустныхъ подшучиваній надъ собою былъ неотразимо симпатиченъ и трогателенъ. Только теперь Сеня вполнѣ понялъ этого человѣка, и на мгновеніе ему стало невыразимо больно, что онъ причинилъ столько горя именно этой доброй душѣ. Юрій Дмитріевичъ, между тѣмъ, окончивъ разсказъ, вздохнулъ и задумался, положивъ на колѣни руку сына и машинально гладя ее. Только заговоривъ о прошломъ, онъ вполнѣ понялъ это прошлое, этотъ сплошной рядъ ошибокъ, неумѣлости, проступковъ, недоразумѣній. Кто изъ отцовъ не переживалъ ихъ и кто, дѣлаясь отцомъ, можетъ сказать, что онъ застрахованъ отъ нихъ?

— Я вотъ здѣсь у твоей постели многое передумалъ, то передумалъ, чего прежде и въ голову не приходило,— въ раздумьи заговорилъ онъ.—Горе людей въ томъ, что чуть не съ пеленъ они все общими вопросами занимаются, чужую жизнь по косточкамъ разбираютъ, цѣлыя государства на словахъ иные пересоздаютъ, а изъ себя для своего обихода не умѣютъ выработать ничего—ни хорошихъ сыновей, ни хорошихъ мужей, ни хорошихъ отцовъ, а, между тѣмъ, это-то прежде всего и нужно. Это тотъ хлѣбъ насущный, которымъ только и живъ человѣкъ, безъ котораго жить нельзя, а мы прежде всего о разныхъ трюфеляхъ думаемъ...

Онъ вдругъ какъ бы опомнился, вспомнивъ, что докторъ предписывалъ его сыну спокойствіе, и быстро закончилъ:

— Ну, да когда-нибудь послѣ объ этомъ! Тебѣ пора спать.

Онъ хотѣлъ подняться. Сеня удержалъ его.

— Отецъ, посиди. Мнѣ такъ хорошо! Мы вѣдь никогда такъ не говорили съ тобой...

Юрій Дмитріевичъ опять присѣлъ на старое мѣсто. Ему самому было такъ хорошо теперь, что онъ охотно бы просидѣлъ всю ночь на этой постели, говоря безъ умолку, вознаграждая себя за долгіе дни молчанія. Въ эти дни ему нерѣдко казалось, что онъ сходитъ съ ума отъ своихъ одинокихъ думъ, казалось, что сынъ умретъ, когда онъ могъ бы начать жить новою жизнью...

— Такъ ты говоришь, что это главная причина всякаго горя?—спросилъ Сеня.

— Да, да. Я перебралъ въ умѣ вотъ, ходя за тобой, всѣ факты изъ своей жизни, изъ жизни близкихъ, изъ жизни людей вообще... Какихъ, какихъ людей не встрѣчалъ я: и ретроградовъ, и революціонеровъ, и либераловъ, и простыхъ ханжей. Всѣ судили вкривь и вкось объ общественныхъ вопросахъ и явленіяхъ, и старики и мальчишки, правда, ничего почти не дѣлая для измѣненія этихъ вопросовъ и явленій, и всѣ жили совершенно одинаково. Проповѣдуютъ то или другое, въ бараній рогъ совѣтуютъ согнуть всѣхъ или распустить всѣмъ поводья, а живутъ точно родные братья, точно уставъ у всѣхъ одинъ—клубы, карты, кутежи, пьянство, семья безъ единенія, безъ воспитанья, безъ руководства, дѣти, не любящія, не уважающія родителей, судьи отцовъ и матерей... Ну, что-жъ мудренаго, что у всѣхъ идетъ несчастная домашняя жизнь и растетъ поколѣніе, изъ котораго выйдутъ впослѣдствіи такіе же точно отцы...

Онъ усмѣхнулся.

— Прежде и я самъ жилъ такъ, и не думалъ почти объ этомъ, а вотъ теперь, какъ все это случилось, когда пришлось передъ лицомъ грозившей тебѣ смерти дать во всемъ отчетъ, припомнилъ я странныя вещи...

Сеня немного перемѣнилъ позу. Юрій Дмитріевичъ быстро оборвалъ свою рѣчь.

— Ну, ну, спать!—проговорилъ онъ.—Утомишься еще..

— Да нѣтъ же,—удержалъ его сынъ.

— Ахъ, говорю я тебѣ, утомишься ты!

Юрій Дмитріевичъ покачалъ головой, а самого такъ и подмывало говорить, говорить безъ конца.

— Ну, что ты сталъ разсказывать?—спросилъ сынъ.

— Такъ, исторія, въ родѣ анекдота,—отвѣтилъ Юрій Дмитріевичъ:—вспомнилась она мнѣ вдругъ... Знаешь, я вотъ часто по разнымъ трактирамъ съ пріятелями кутилъ—тебѣ примѣръ подавалъ,—шутливо вставилъ онъ.—Такъ вотъ у Доминика постоянными моими собесѣдниками были одинъ докторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, и одинъ отставной интендантскій чиновникъ, тоже получившій при отставкѣ генеральскій чинъ. Ихъ всѣ такъ и прозвали генералами-Аяксами, потому придетъ докторъ, сейчасъ басомъ спрашиваетъ: «генералъ здѣсь?» Въ свою очередь интендантъ придетъ и тоже первый басовитый вопросъ: «генералъ здѣсь?» Оба были въ сущности пренаивные люди, оба индѣйскими пѣтухами смотрѣли, и на дѣлѣ—простота до глупости... Какъ они сойдутся—сейчасъ споръ. Докторъ всѣхъ предла-

галъ перевѣшать и разстрѣлять—и Рошфора, и Луизу Мишель, и даже тургеневскаго Базарова, потому, видишь ли, что всѣ эти люди всякія основы подрываютъ.

Сеня улыбнулся.

— Ну, а отставной интендантскій чиновникъ былъ другого мнѣнія: онъ, напротивъ того, говорилъ, что нынѣшняя французская республика плевка не стоитъ, что ее надо упразднить, а выдвинуть на сцену не коммуну даже, а анархію, такъ какъ все спасеніе Франціи въ анархіи,—будетъ анархія, значитъ, не будетъ основъ, и человѣчество заживетъ по-новому.

— Интендантъ-то!—воскликнулъ Сеня.

— Да, его за полоумное сумасбродство сперва при какомъ-то архивѣ въ интендантствѣ держали, а потомъ и оттуда отставили, поврежденнымъ немного онъ всегда былъ. У Доминика его всѣ знали. Ну, такъ вотъ оба эти человѣка, какъ сойдутся со мною, такъ и начнется у нихъ баталія, они сцѣпятся, а я подускиваю. Привести бы въ исполненіе ихъ программу—ни одного человѣка въ живыхъ не осталось бы. Все человѣчество упразднили бы, — одинъ за крамольничество, а другой за буржуазность. Потѣха! А если бы ты взглянулъ, какъ они живутъ: оба одинаково играютъ по цѣлымъ ночамъ въ винтъ, оба пьянствуютъ по трактирамъ, оба въ долгу, какъ въ шелку, и ни тотъ, ни другой пальца о палецъ не стукнули для осуществленія своихъ идеаловъ, не говорю, въ общественной жизни, а хоть въ воспитаніи дѣтей. Куда тутъ! Они и не знаютъ, гдѣ бываютъ, что думаютъ, что дѣлаютъ ихъ дѣти. Смотришь на нихъ, видишь, что оба они родные братья, одного поля ягоды, и только дивишься, когда одинъ говоритъ: «нигилистъ—это негодяй», а другой: «консерваторъ—это мерзавецъ». Почему?—этого они не знаютъ. Болтаютъ, потому что языки привѣшаны—вотъ и все. А что они-то сами такое? Объ этомъ они, вѣроятно, ни разу не подумали даже... И таковы мы почти всѣ. Чтобы другими мы стали, нужно вотъ, чтобы...

Онъ только рукой махнулъ, не договоривъ фразы. Онъ хотѣлъ сказать: «нужно, чтобы сынъ застрѣлился», а Сеня, глядя въ раздумьѣ на него, подумалъ: «нужно, чтобы голова отъ горя да тяжелыхъ думъ начала трястись».

Была уже глухая ночь, когда Юрій Дмитріевичъ замѣтилъ, что его мальчуганъ начинаетъ дремать. Онъ осторожно поднялся съ мѣста, раздѣлся и, загасивъ лампу,

заснулъ. Послѣ многихъ безсонныхъ ночей онъ спалъ теперь сладкимъ сномъ, не волнуемый никакими опасеніями за будущее.

III.

Съ этого вечера, памятнаго для Серпуховыхъ, отца и сына, въ домѣ пошла совершенно новая жизнь. Праздничное настроеніе охватило и Юрія Дмитріевича, и Сеню, и Олю. Они не только чувствовали, въ своей средѣ, спасеннаго отъ смерти человѣка, но и сознавали, что это спасеніе сблизило, сплотило ихъ. Имъ хотѣлось какъ можно больше быть вмѣстѣ, точно они желали вознаградить себя за то время, когда они жили врозь. Только иногда лица Оли и Сени омрачались, когда какъ-то случайно и инстинктивно оба они взглядывали на отца и заставали его врасплохъ сгорбившимся, съ слегка трясущейся головой, съ выраженіемъ тяжелой озабоченности на лицѣ. Онъ смотрѣлъ совсѣмъ старикомъ. Но, уловивъ ихъ взглядъ, онъ пріободрялся, лицо озарялось улыбкой, и въ рѣчахъ слышалась шутливость. Онъ старался быть развязнымъ и веселымъ, инстинктивно обманывая себя и семью напускною бодростью. Въ его характерѣ теперь появилась новая черта—онъ еще попрежнему подшучивалъ иногда надъ многимъ, но это уже не была прежняя легкомысленная иронія; въ этой шутливости была мягкая грусть, какая-то всепрощающая снисходительность къ людямъ. Этой снисходительностью были теперь проникнуты всѣ его отношенія къ ближнимъ. Онъ походилъ на грѣшника, чувствующаго, что ему отпустились его великіе грѣхи, и что онъ долженъ уже ради этого прощать чужіе грѣхи или, вѣрнѣе, не судить никого. Онъ пришелъ къ сознанію, что и всѣ виноваты, и никто въ сущности не виноватъ, что великая задача жизни не въ осужденіи другихъ, а въ исправленіи себя. Эта черта, уже начинавшая давно проявляться въ немъ, совершенно ясно сказалась послѣ катастрофы съ сыномъ, и сказалась главнымъ образомъ въ отношеніи къ Марьѣ Львовнѣ...

Марья Львовна была страшно перепугана выстрѣломъ, и испугъ подавилъ въ ней всѣ другія чувства. Нельзя сказать, что ей было вовсе не жаль сына, что она безучастно ждала результатовъ перваго докторскаго изслѣдованія, что она не обрадовалась надеждѣ на выздоровленіе сына. Нѣтъ, она испытывала всѣ эти чувства. Но яснѣе всего она сознавала и помнила инстинктивно то, какъ она испугалась: холодъ,

пробѣжавшій по тѣлу, подкосившіяся ноги, дыханіе, спершееся въ груди, все это было для нея яснѣе всего остального. Объ этомъ она со слезами разсказывала десятокъ разъ и Варварѣ Павловнѣ, и Маріаннѣ, и своимъ Авдотьѣ и Глашѣ, точно именно въ этомъ и былъ для нея весь ужасъ катастрофы.

— Услыхала я выстрѣлъ,—разсказывала всѣмъ и каждому она: — бросилась въ комнату къ Сенѣ, а по тѣлу морозъ пробѣжалъ, ноги подкосились, дышать не могу, такъ и замерла у двери. Вижу, Юрій падаетъ съ Сеней на полъ. Кругомъ всѣ бѣгаютъ, суетятся, а я точно въ ледяную статую превратилась, и шевельнуться съ мѣста не могу, вздохнуть не могу... И какъ меня вывели, какъ привели въ чувство, ничего не могу вспомнить...

Это было ея постоянное отношеніе къ явленіямъ жизни: она улавливала прежде всего не ихъ самихъ, а именно то, какъ они отражались на ней, она говорила послѣ веселаго собранія не о томъ, что это было веселое собраніе, а о томъ, что ей тамъ было весело; она, разсказывая о несчастномъ случаѣ, говорила не о томъ, что это большое несчастіе, а о томъ, что оно очень грустно повліяло на нее. Вглядитесь попристальнѣе въ жизнь, и вы встрѣтите массу именно такихъ натуръ. Но относясь такъ же и къ несчастію съ сыномъ, Серпухова, тѣмъ не менѣе, хлопотала, посылая къ доктору Авдотью и Глашу и торопя ихъ; она разспрашивала доктора, что надо сдѣлать, не надо ли бинтовъ и корпіи; она безъ устали ходила по залѣ, покуда доктора возились около больного; наконецъ, вечеромъ она вошла въ его комнату, гдѣ уже сидѣли Юрій Дмитріевичъ и Оля, и готова была остаться здѣсь на всю ночь. Какъ разъ при ея входѣ въ комнату Юрій Дмитріевичъ сказалъ Олѣ:

— Ступай, Олюша, я останусь при немъ. Нужно будетъ, позову.

Марья Львовна замѣтила мужу:

— Я могу посидѣть...

Онъ обернулся къ ней.

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ же, Маня? Ты и Оля—вы женщины, силъ у васъ меньше. Я ужъ сумѣю дежурить. Ступайте. Господь съ вами.

Въ его голосѣ была мягкость, ласка. Онъ, послѣ многихъ мѣсяцевъ холодныхъ и сухихъ отношеній, снова говорилъ одинаково ласково и съ дочерью, и съ женой. Марья Львовна, ничего не возражая, вышла съ Олей.

На слѣдующій день Юрій Дмитріевичъ зашелъ рано утромъ къ женѣ и обратился къ ней:

— Маняша, съѣзди къ доктору. Хуже, кажется, нашему Сенѣ. Ты ужъ сама съѣзди, голубушка. Оля тутъ мнѣ нужна. А прислуга безъ толку сдѣлаетъ все.

Она начала торопливо одѣваться, а онъ разъяснялъ ей, что нужно сказать доктору, прося ее дрожащимъ голосомъ ничего не забыть, разсказать все. Его убитое выраженіе лица, его опустившаяся фигура, его трясущаяся голова, его молящій голосъ глубоко поразили Марью Львовну; ее удивила перемѣна, происшедшая за ночь въ мужѣ: можно было подумать, что она не видала его десятокъ лѣтъ.

— Ты на себя не похожъ! — воскликнула она невольно, охваченная изумленіемъ.

— Ну, пустяки! — махнулъ онъ рукою. — Когда тутъ о себѣ думать!.. Такъ ты, голубушка, ужъ поторопись, все разскажи, не худо бы было консиліумъ... Умъ хорошо, а два лучше...

Онъ опять началъ просить ее исполнить все толково, аккуратно, ничего не забыть.

— Хорошо, хорошо, ничего не забуду!—отвѣтила она.

Всю дорогу она думала о томъ, съ чего онъ такъ измѣнился. Испугъ на него подѣйствовалъ? Такъ вѣдь она испугалась еще больше: онъ мужчина, а она слабая женщина. У нея вотъ вчера точно все тѣло оледенѣло, дыханіе сперлось въ груди, ноги подкосились, не помнитъ она, какъ ее вывели изъ комнаты сына... Боится онъ, можетъ-быть, за жизнь Сени? Такъ вѣдь докторъ сказалъ, что онъ выживетъ. Нельзя же не вѣрить доктору?.. Или это безсонная ночь такъ утомила его? Такъ вѣдь не разъ же въ жизни онъ проводилъ безсонныя ночи? Она даже вздохнула, вспомнивъ о безсонныхъ ночахъ: сколько ихъ провелъ мужъ гдѣ-то въ ресторанахъ, у пріятелей, Богъ вѣсть въ какихъ домахъ... При больномъ онъ развѣ тяжело сидѣлъ? Но вѣдь онъ не разъ просиживалъ ночи у ея постели? Онъ всегда такъ и говорилъ въ шутку, что сидѣлкой рожденъ... Ни на одну минуту не пришла она къ вопросу: «а что передумалъ Юрій Дмитріевичъ за эту ночь?» Эта мысль не могла придти ей въ голову, потому что она сама ничего не передумала въ эту ночь: докторъ сказалъ, что Сеня не умретъ, и она спокойно заснула, вполнѣ вѣря его словамъ.

Когда она вернулась домой съ докторомъ и вышла распорядиться насчетъ обѣда въ кухню, Авдотья замѣтила ей:

— Охъ, баринъ-то нашъ плохъ! Краше въ гробъ кладутъ...

— Крови много потерялъ,— сказала Марья Львовна.

— Я не о Семенѣ Юрьевичѣ, а про Юрія Дмитріевича,— отозвалась Авдотья.—Совсѣмъ ровно мертвецъ. На ногахъ едва держится, и голосъ упалъ. Этакіе-то, какъ онъ, дубы разомъ валятся.

Марья Львовна испугалась.

— Что ты! что ты! Ночь онъ просидѣлъ у Сени, утомился...

Она вдругъ почувствовала невыразимый страхъ. Что если Сеня-то выздоровѣетъ, а Юрій Дмитріевичъ-то умретъ? Что она будетъ безъ него дѣлать? Чѣмъ тогда жить? По-міру идти придется. Да нѣтъ, это такъ, преувеличиваетъ Авдотья. У этихъ бабъ всегда привычка все разукрасить. Хотя точно и ей самой показался нехорошимъ видъ Юрія Дмитріевича...

Она прошла въ столовую съ оторопѣлымъ выраженіемъ лица, точно что-то потерявъ. Въ головѣ была она мысль: «что я стану дѣлать, если онъ свалится?» Въ столовой она столкнулась съ Олей.

— Ты видѣла... папу?—прерывисто сказала она.—Онъ совсѣмъ... на себя не похожъ.

— Да,—проговорила Оля.—Потрясло это его страшно...

— Господи, да вѣдь докторъ увѣряетъ, что Сеня будетъ живъ... А онъ... точно мертвецъ...

Марья Львовна заплакала. Оля тихо вышла: она была не въ силахъ ни утѣшать мать, ни объясняться съ нею.

Въ этотъ же день Марья Львовна попробовала посовѣтовать Юрію Дмитріевичу отдохнуть и сказала:

— Ну, я, Оля, посидимъ за тебя. Можно сидѣлку взять...

— Нѣтъ, Манюша, нѣтъ, я же не усталъ,—отвѣтилъ Серпуховъ.—Мнѣ легче, когда я около него... Вотъ довелъ до чего... Ну, а теперь выхожу... выхожу сынишку...

Онъ говорилъ, глотая слезы, какъ-то дѣтски безпомощно, и торопливо мелкими шажками ушелъ къ больному. Этотъ тонъ ежедневно, во все продолженіе остраго періода болѣзни, смущалъ Марью Львовну. Можетъ-быть, при полномъ отсутствіи чуткости она пропустила бы безъ вниманія нравственное состояніе Юрія Дмитріевича. Но другіе открыли ей глаза.

— Юрій совсѣмъ измучаетъ себя упреками совѣсти,—замѣтила ей Маріанна, навѣстившая Серпуховыхъ.—Старайся его ободрить... У него вѣдь точно idée fixe теперь убѣжденіе, что онъ всю семью погубилъ... Очень мнѣ это не понравилось въ немъ...

Марья Львовна смотрѣла на свою кузину растерянными, широко открытыми глазами, плохо понимая ее. О какихъ упрекахъ совѣсти говоритъ она? Въ чемъ обвиняетъ себя Юрій Дмитріевичъ? Какъ же онъ погубилъ Сеню, когда онъ сидѣлъ за обѣдомъ въ то время, какъ тотъ рѣшился сдѣлать покушеніе на свою жизнь? Не погубилъ онъ, а спасъ Сеню.

— И всегда это такъ съ истинно-добрыми людьми бываетъ,—замѣтила Маріанна:—именно они-то вѣчно и упрекаютъ себя за недостатокъ доброты и заботливости по отношенію къ ближнимъ... Я, было, попробовала пошутить даже надъ нимъ, чтобы ободрить его,—хуже еще вышло... «Не шути, говоритъ: ты не знаешь всего»...

Она покачала головой.

— Разумѣется, тутъ не до объясненій. Но ты, Мари, не давай ему падать духомъ... Сохрани Богъ, если онъ еще свалится...

— Ахъ, что ты пророчишь!—воскликнула Марья Львовна, почти съ негодованіемъ въ душѣ на Маріанну.

— Не пророчу, но обращаю твое вниманіе на него,—отвѣтила Маріанна.

На минуту въ душѣ Марьи Львовны вспыхнулъ гнѣвъ на молодую родственницу: «она предупреждаетъ! развѣ безъ нея никто не замѣтилъ, что Юрій Дмитріевичъ на себя не похожъ».

Но этотъ гнѣвъ прошелъ подъ вліяніемъ другого, болѣе сильнаго чувства—чувства страха за жизнь Юрія Дмитріевича. Что станетъ дѣлать она, Марья Львовна, если онъ умретъ? За помощью придется идти къ людямъ. Къ кому? Къ той же Маріаннѣ? О, да лучше руки на себя наложить, чѣмъ идти къ ней! А къ кому же больше? Она одна изъ всѣхъ богата. Вонъ теперь и законною женой Кроля сдѣлалась. Милліонерша! Только не приведи Богъ кланяться ей! А если не къ ней идти за помощью, то къ кому же?.. Къ чужимъ не пойдешь... «Къ Евгенію Александровичу развѣ?» съ горечью проговорила Марья Львовна, и все точно перевернулось въ ея душѣ. Она ощущала теперь глубокую ненависть къ этому человѣку...

Охваченная тупымъ паническимъ страхомъ передъ тѣмъ, что будетъ, если умретъ мужъ, Марья Львовна слѣдила теперь за нимъ съ озабоченно-испуганнымъ видомъ. Никогда еще не заботилась она о немъ такъ, какъ теперь. Несмотря на всю свою озабоченность, онъ замѣтилъ это и

былъ тронутъ участіемъ жены. Нѣсколько разъ она спрашивала его: здоровъ ли онъ? не усталъ ли онъ? Она совѣтовала ему беречь себя. Онъ коротко отвѣчалъ:

— Что мнѣ дѣлается! Ты, Манюша, не тревожься!

Онъ со своей стороны менѣе всего думалъ о состояніи своего здоровья, объ отдыхѣ, объ удобствахъ. «Выходить сына»—вотъ все, что занимало его мысль.

IV.

Сеня началъ уже бродить по комнатѣ; докторъ торопилъ Юрія Дмитріевича перебраться на дачу, доказывая, что воздухъ — лучшее лѣкарство для мальчугана. Серпуховъ каждый разъ растерянно отвѣчалъ ему:

— Да, да, вотъ на этихъ дняхъ отыщу дачку!

И ломалъ себѣ голову, гдѣ бы добыть денегъ. Болѣзнь Сени обошлась дорого и истощила всѣ средства; въ кассѣ служащихъ банка было занято столько, на сколько имѣлъ кредита Юрій Дмитріевичъ. Кредита на сторонѣ не было. Волей-неволей ему пришлось обратиться къ Маріаннѣ. Она тотчасъ же предложила ему переѣхать къ ней на дачу; въ саду былъ совершенно свободный флигель.

— Да вотъ, прежде направо и налѣво бросалъ деньги, а насталъ черный день—приходится другихъ стѣснять,— со вздохомъ замѣтилъ Юрій Дмитріевичъ, благодаря ее.

Въ его душѣ снова поднимались угрызенія совѣсти за прошлое безпутное бросанье денегъ. Теперь все на каждомъ шагу затрагивало въ его душѣ эти струнки раскаяній и упрековъ себѣ.

— Полно, Юрій! Когда это ты перестанешь обвинять себя за все! — сказала она и пошутила: — Право, я скоро ссориться съ тобой начну. Кто же не дѣлалъ ошибокъ въ жизни...

— Да, да, это, конечно, такъ... Плохо то, что за наши ошибки другіе платятся... Тоже вотъ ты... Я тебѣ очень благодаренъ за твое предложеніе... но твой мужъ... скажетъ: вотъ, только вышла замужъ и уже своихъ родственниковъ навязываетъ...

Она покачала головой съ упрекомъ.

— Какъ тебѣ не стыдно такъ думать о немъ. Ему и въ голову не придетъ ничего подобнаго. Онъ слишкомъ любитъ меня, чтобы тяготиться тѣмъ, что пріятно мнѣ. Да и что ему за дѣло, кѣмъ будетъ занятъ флигель?..

И перемѣняя тонъ, она весело прибавила:

— А ужъ я-то какъ буду рада, что моя дѣвочка будетъ около меня и что тебя можно будетъ распекать ежедневно, какъ только вздумаешь захандрить...

Онъ поцѣловалъ ея руку.

— Добрая ты, добрая душа!—произнесъ онъ, вздыхая.

Дѣло было такимъ образомъ почти улажено, тѣмъ не менѣе, возвращаясь домой, онъ былъ нѣсколько смущенъ. Онъ боялся за то, какъ приметъ предложеніе Маріанны Марья Львовна. Не доволенъ ея Маріанну. Тяжело ей будетъ на этой дачѣ. Осторожно и съ оговорками, онъ сталъ разъяснять женѣ, что у нихъ нѣтъ лишнихъ денегъ на дачу, а Сенѣ необходимъ отдыхъ на чистомъ воздухѣ. Всѣмъ этотъ отдыхъ нуженъ, и Олѣ, и самой ей, Марьѣ Львовнѣ. О себѣ онъ не упомянулъ. Маріанна вотъ предлагаетъ занять у нея флигель.

— Совсѣмъ отдѣльный... въ сторонкѣ отъ дачи... Ты, Маняша, можешь и не заглядывать туда, въ большой домъ...

Марью Львовну точно что-то кольнуло.

— Изъ милости будемъ жить,—проговорила она.

Онъ ждалъ, предвидѣлъ, что она что-нибудь возразитъ, но все же оторопѣлъ и заторопился:

— Впрочемъ, если ты не хочешь, если тебѣ тяжело, то... Ну, мы съ тобой здѣсь останемся, а дѣтей отправимъ... Мнѣ что же... мнѣ дача не нужна, а для всѣхъ васъ... Ну, пусть дѣти бѣгутъ, а я разъ въ недѣльку съѣзжу къ нимъ...

Онъ смотрѣлъ какимъ-то молящимъ взглядомъ на жену, морщинистый, обрюзгшій, съ лицомъ точно изъ желтаго воска. Она опять невольно вспомнила о состояніи его здоровья, о необходимости для него подкрѣпленія силъ, пересилила себя.

— Я не отказываюсь,—начала она:—только тяжело мнѣ одолжаться... Но если нѣтъ другого средства переселиться на дачу, то конечно... Вѣдь и тебѣ нуженъ воздухъ...

— Спасибо, спасибо, маточка, — заторопился онъ и поцѣловалъ ея руку. — Много тебѣ приходится переносить. Да что же дѣлать, что-жъ дѣлать! Такъ жизнь сложилась... А-ахъ, ахъ!

Онъ тяжело вздохнулъ и махнулъ безнадежно рукою. Вотъ искалѣчилъ, загубилъ всю ея жизнь. Когда-то была она дѣвочкой веселой, безпечной, а теперь...

— Не воротишь прошлаго, не воротишь!..

«Да, да, чего бы мнѣ ни стоило, а надо ѣхать туда,— проговорила она мысленно, провожая его глазами. — Ему

нуженъ отдыхъ. Надо заставить его поговорить съ докторомъ, приняться серьезно за лѣченье, а то... Господи, Господи, что будетъ, если онъ умретъ!»

Черезъ два-три дня вся семья перебралась въ Павловскъ. Это было уже въ половинѣ лѣта. Всѣ чувствовали себя хорошо, переживали никогда неизвѣданное ими счастье семейнаго согласія. Даже Марья Львовна чувствовала себя въ какомъ-то новомъ положеніи: мужъ былъ ласковъ, снисходителенъ, ни однимъ намекомъ не обмолвился о прошломъ; дѣти если не ласкались къ ней, то грубыхъ выходокъ не было и слѣда. Всѣ послѣднія событія открыли имъ глаза на то, чего они прежде не понимали: они узнали, что значитъ семейное согласіе, что значитъ беззавѣтная привязанность другъ къ другу членовъ семьи. Урокъ, данный имъ всѣмъ судьбою, былъ настолько чувствителенъ, что его трудно было скоро забыть. Сильныя несчастія и бѣдствія въ общественной жизни нерѣдко соединяютъ плотнѣе членовъ общества и пробуждаютъ чувство патріотизма даже въ тѣхъ людяхъ, которые вовсе никогда не думали объ этомъ чувствѣ; тяжелыя невзгоды сплачиваютъ между собою семьи, если эта семья не совсѣмъ еще пала нравственно, если всѣ ея недоразумѣнія, дрязги и ссоры были только чѣмъ-то внѣшнимъ и не имѣли корней въ извращенности чувствъ, въ неестественной ненависти отцовъ къ дѣтямъ и дѣтей къ отцамъ. Повидимому, Марьѣ Львовнѣ нечего было больше и желать, но что-то тяжелое стало пробуждаться въ ея душѣ, смутно, неясно, но тѣмъ не менѣе, тревожно. Она именно теперь стала сознавать, что она и только она— чужая, среди окружавшихъ ее людей. Почему? Она не могла себѣ дать отчета — на это не хватало умственнаго развитія, не хватало привычки мыслить. Но ее, по обыкновенію, поражали мелочи. Мужъ ласковъ и предупредителенъ, но онъ не мужъ ей, а просто добрый и снисходительный старый другъ. Дѣти какъ-то особенно осторожно обходятся съ нею, точно боясь ее раздражить и раздражиться въ свою очередь. Въ обращеніи съ нею Маріанны и Варвары Павловны, часто пріѣзжавшей на дачу, эта осторожность высказывалась еще яснѣе и очевиднѣе, какъ будто эти женщины были постоянно настороже и взвѣшивали каждое свое слово. Они всѣ — ея мужъ и ея дѣти, Маріанна и Варвара Павловна — шумно бесѣдуютъ между собою, спорятъ, смѣются, но стоитъ ей войти, и разговоръ какъ бы падаетъ, — неумышленно, самъ собою, но все же падаетъ;

съ ней говорятъ о погодѣ, съ нею соглашаются идти гулять, ее спрашиваютъ, не нужно ли ей чего-нибудь, но и только. Стоитъ ей сказать въ отвѣтъ на какое-нибудь ихъ мнѣніе, «нѣтъ» — и всѣ соглашаются съ нею, не споря, не возражая, обрывая разговоръ. Она подмѣчала или, вѣрнѣе, угадывала это, въ недоумѣніи останавливаясь надъ вопросомъ: «съ чего это они такъ обходятся со мной?» Еще въ большее недоумѣніе приводило ее то обстоятельство, что она теперь не могла уже «дуться» за это на близкихъ, не могла дѣлать имъ за это «сцены» — не могла уже потому, что сама не сознавала, чего ей собственно недостаетъ, что тяготитъ ее въ отношеніяхъ людей къ ней. Ее томило чувство безотчетной тоски. Это было страшное чувство одиночества на людяхъ. Она уходила въ свою комнату и, присаживаясь къ окну, смотрѣла безцѣльно передъ собою и плакала тихо, беззвучно, неутѣшно, точно сознавая, что некому осушить ея слезы, некому приласкать ее. Иногда, вставъ утромъ, она долго не одѣвалась, потомъ, услыхавъ зовъ Глаши: «чай подачъ», она кое-какъ причесывала волосы, надѣвала блузу и уже на цѣлый день оставалась въ этомъ видѣ, немного распущенная, нѣсколько растрепанная. Ей было лѣнь принарядиться. И на что? Все равно, и такъ проходитъ!.. Одинокая, неразвитая, не находящая объясненій для происходящихъ вокругъ нея и въ ней самой явленій, она не знала даже того, что въ ея теперешнемъ настроеніи сказывался упадокъ силъ, энергіи, послѣднихъ слѣдовъ жизненности. Безпомощная всегда, она прежде все-таки, по-своему, старалась бороться, такъ-сказать, билась за счастье.

Теперь у нея хватало силъ только на тихія слезы. Ей не хотѣлось даже жаловаться кому-нибудь. Этого мало, она даже мысленно почти не жаловалась передъ самой собой, а просто плакала, какъ плачутъ совсѣмъ забитыя и запуганныя дѣти, гдѣ-нибудь въ уголку, прячась отъ людей изъ боязни, что ихъ слезы замѣтитъ кто-нибудь. А вокругъ нея шла полная надеждъ жизнь: Сеня и Оля старались забыть недавнее прошлое и отдавались мечтамъ о будущемъ; юноша, можетъ-быть, подъ вліяніемъ чуда, совершеннаго надъ нимъ медициной, мечталъ о карьерѣ доктора; молодая дѣвушка думала, окончивъ педагогическіе курсы, заняться музыкой; Марианна теперь сознавала, что, сдѣлавшись законной женой Кроля, она можетъ заняться устроенными имъ благотворительными заведеніями; Варвара Павловна была охвачена заботами о приближавшемся переселеніи пріюта Тарасовой

въ новое зданіе. У всѣхъ были свои интересы, свои планы, свои грезы, можетъ-быть, мелкіе, будничные, но все же наполнявшіе жизнь, дававшіе ей смыслъ. Что значили они для Марьи Львовны? Она ни на что не надѣялась, ни на что не разсчитывала. Ея сегодня похоже на вчерашній день, завтра будетъ то же, впереди нечего ждать... Только иногда, при видѣ утомленнаго лица мужа, его трясущейся слегка головы, или при его случайномъ легкомъ нездоровьи, она вдругъ вся проникалась чувствомъ страха за свое будущее и тихо вздыхала:

— Господи, Господи, что будетъ, если онъ умретъ!

Эта мысль начинала преобладать надъ всѣми другими мыслями, чувствами, ощущеніями. Если не сущность этой мысли, то заботливость жены о немъ, о мужѣ, Юрій Дмитріевичъ читалъ во взглядахъ жены, въ ея фразахъ: «не утомляй ты себя», «береги себя», и ему иногда становилось жаль жены. Ему казалось, что она переживаетъ періодъ раскаянія за свой проступокъ, что ее терзаютъ укоры совѣсти. Онъ старался быть съ нею еще болѣе мягкимъ, чтобы она ни на минуту не сомнѣвалась въ томъ, что онъ давно уже не обвиняетъ ее ни за что; правда, онъ не касался ни однимъ намекомъ прошлаго, не высказывалъ ей, что онъ ее простилъ, даже больше—что онъ давно обвиняетъ не ее, а только себя одного; но онъ не говорилъ этого потому, что ему было бы теперь слишкомъ тяжело бередить старыя раны, обвинять опять себя за многое или оправдывать себя во многомъ. И для чего? Онъ чувствовалъ, что онъ не сердится на жену, что онъ не винитъ ее ни за что, что онъ лелѣетъ ее, какъ ребенка,—больше онъ ничего не могъ сдѣлать. Онъ былъ теперь для нея заботливымъ отцомъ, мужемъ ея онъ уже не могъ и не желалъ быть.

«Теперь дай Богъ поставить дѣтей на ноги, а тамъ,—думалъ онъ нерѣдко:—пора и на отдыхъ! Жизнь прожита»...

Онъ склонялъ голову на грудь и съ горечью задумывался о прошломъ: сколько даромъ убитыхъ силъ, сколько ненужной грязи, сколько самимъ накликанныхъ невзгодъ было въ этомъ прошломъ! Теперь дорогой цѣной горькаго опыта купилась способность жить иначе, разумнѣе, честнѣе, проще, но для жизни нѣтъ уже силъ, впереди близкая могила и

...Трудно полусонной тѣнью,
Съ изнеможеніемъ въ кости,
Навстрѣчу солнцу и движенью
За новымъ племенемъ брести...

Эти слова поэта часто приходили ему теперь на память.

V.

Конецъ августа стоялъ въ то лѣто сухой и теплый. На большой дачѣ Кроля, какъ и въ серединѣ лѣта, продолжали завтракать ежедневно на террасѣ, пользуясь послѣдними днями тепла. Въ праздничные дни къ завтраку являлась и вся семья Серпуховыхъ. Въ одинъ изъ такихъ праздничныхъ дней, когда все общество было въ сборѣ и весело болтало о предстоящей зимѣ, мимо сада проѣхала наемная коляска. Въ ней сидѣли мужчина и дама. Сначала экипажъ пріостановился у калитки сада, но мужчина, сидѣвшій въ немъ, приказалъ что-то извозчику, и тотъ поѣхалъ далѣе къ воротамъ дачи, огибая ея садъ. Когда экипажъ пріостановился у калитки, Маріанна, сощуривъ немного глаза, замѣтила:

— Это Женя. Съ кѣмъ онъ? Должно-быть, къ намъ...

Марья Львовна вздрогнула. Ея лицо покрылось смертельною блѣдностью, и растерянный взглядъ остановился на мужѣ. На минуту онъ тоже растерялся. Въ его душѣ поднялась уже давно незнакомая ему буря вражды, негодованія противъ человѣка, внесшаго столько горя и тревогъ въ его семью. Но тотчасъ же, взглянувъ инстинктивно на жену, увидавъ ея блѣдное лицо и молящій взглядъ, онъ сообразилъ, что должна испытывать она, и подавилъ въ душѣ охватившее его волненіе.

— Маняша, ты просила напомнить тебѣ, когда будетъ часъ,—проговорилъ онъ.

Онъ взглянулъ на часы.

— Теперь уже больше, четверть второго, заболтались мы...

И, обращаясь къ Маріаннѣ, онъ прибавилъ:

— Какія-то неотложныя хозяйственныя заботы. Ты ужъ извини ее. Ей надо идти.

Марья Львовна, со слезами на глазахъ, торопливо поднялась съ мѣста, бормоча что-то о томъ, что ей нужно идти домой. Она пошла поспѣшно съ террасы, торопясь, чтобы не встрѣтиться съ Евгеніемъ Александровичемъ. Серпуховъ былъ увѣренъ, что никто изъ присутствующихъ не знаетъ тайны его жены, и потому не сочтетъ страннымъ удаленія Марьи Львовны. Едва успѣла она уйти, какъ лакей подалъ Маріаннѣ двѣ визитныя карточки. На одной стояло: «Евгеній Александровичъ Шахинъ, присяжный повѣренный». На другой значилось: «Софья Андреевна Шахина, рожденная княжна Темрюкова».

— Проси, — сказала Маріанна лакею и поднялась навстрѣчу гостямъ.

Прошло еще минуты двѣ и хозяйка вернулась изъ гостиной съ посѣтителями. Начались взаимныя представленія. Шаховъ, увидавъ Серпухова, чуть не вскрикнулъ отъ удивленія: на улицѣ онъ не узналъ бы Юрія Дмитріевича,— такъ измѣнился и постарѣлъ послѣдній. Въ головѣ Евгенія Александровича съ быстротой молніи мелькнули мысли: «что съ нимъ? хворалъ онъ? гдѣ же Маня? не умерла ли? не прогналъ ли онъ ее?» Спрашивать было нельзя, неловко. Вопросы же роились въ головѣ неотступно. Стараясь подавить въ себѣ волненіе и смущеніе, онъ поспѣшно сталъ представлять своей женѣ Серпухова и ее Серпухову. Юрій Дмитріевичъ не могъ переломить себя и былъ сухъ и холоденъ. Сеня и Оля были тоже смущены и молчаливы. Они даже не старались дѣлать любезно улыбающихся физіономій. Теперь этотъ человѣкъ былъ имъ обоимъ противенъ. Маріанна нѣсколько растерялась, видя общее замѣшательство, и поспѣшила занять гостей разговоромъ, выражая сожалѣніе, что ея мужъ сегодня въ городѣ, высказывая удивленіе, что Шаховъ даже не писалъ о своей женитьбѣ, спрашивая, надолго ли пріѣхала молодая чета въ Петербургъ, предлагая гостямъ завтракъ, однимъ словомъ, говоря, что попало, лишь бы поддержать бесѣду. Впрочемъ, задача была не трудна, такъ какъ молодая Шахова тотчасъ же начала болтать безъ умолку, безъ стѣсненія, какъ человѣкъ, вполнѣ довольный собой. Это было какое-то дѣтски-наивное щебетаніе.

— А вашъ мужъ по дѣламъ въ городѣ? Даже въ праздникъ? Это же нестерпимо! Ахъ, я такъ рада, что Женя адвокатъ,—болтала она, непосѣдливо вертясь на стулѣ.—Я ни за что не хотѣла выходить замужъ за человѣка, служащаго гдѣ-нибудь. Какая тоска! Мужъ въ должности, жена дома. Адвокатъ—дѣло другое. Взялъ выгодную защиту, если нужны средства, кончилъ ее и опять можно отдыхать. Надо брать только большія дѣла. Я потому и вышла за Женю, что онъ адвокатъ. Впрочемъ, онъ можетъ и вовсе не брать дѣлъ. Онъ не бѣденъ, я тоже.

Евгеній Александровичъ, не то любуясь ея наивностью, не то извиняясь за нее, проговорилъ:

— Она у меня настоящій ребенокъ.

Она засмѣялась звонкимъ смѣхомъ, показавъ два ряда маленькихъ и острыхъ зубовъ, точно у маленькаго грызуна.

— А вотъ погоди, погоди, я сдѣлаюсь эмансипированной, ученой дамой!

И, продолжая смѣяться, она обратилась къ Маріаннѣ:

— Онъ страшно этого боится. Я его всегда пугаю, что я стану изучать математику или медицину, обрѣжу волосы, надѣну синія очки... Женя говоритъ, что онъ убѣжалъ бы отъ такой жены. Еще бы! Это такая тоска!

Дѣвочка Маріанны, сидѣвшая около матери, видимо соскучившись такъ долго оставаться среди взрослыхъ за завтракомъ, подняла головку къ ея уху и таинственно, хотя довольно громко, какъ обыкновенно дѣлаютъ дѣти, передавая свои секреты, спросила ее:

— Мама, можемъ мы идти въ садъ?

— Да, идите, только съ нянней,—отвѣтила Маріанна.

— А съ Олей?—спросила дѣвочка.

Оля обрадовалась этому предлогу уйти поскорѣе съ террасы. Евгеній Александровичъ своимъ появленіемъ не пробудилъ въ ея сердцѣ ничего; онъ былъ теперь ей совершенно чуждъ, но ей было непріятно смотрѣть на этого человѣка, причинившаго немало горя ея семьѣ. Она встала съ мѣста.

— Я пойду съ дѣтьми,—сказала она.

— Будь такъ добра,—проговорила Маріанна, привѣтливо взглянувъ на нее.

Дѣти вскочили, быстро поцѣловали мать и уцѣпились за Олю, весело болтая съ нею. Оля вышла, простившись съ Шаховымъ и его женою. Отъ вниманія Евгенія Александровича не ускользнуло то, что Оля спѣшила уйти. Въ его умѣ опять замелькали вопросы: «съ чего она бѣжитъ отъ меня? Неужели она все знаетъ? и гдѣ это Маня? больна? умерла? разошлась съ мужемъ?» Эта неизвѣстность начинала его раздражать. Хоть бы обмолвился кто-нибудь о Марьѣ Львовнѣ...

Софья Андреевна, между тѣмъ, съ прежнею развязностью, съ сознаніемъ всей прелести своей наивности, продолжала болтать.

— У васъ двое дѣтей?—спросила она у Маріанны.

— Да, только двое,—отвѣтила хозяйка.

— Только!—воскликнула Шахова и засмѣялась.—О, этого вполнѣ, вполнѣ довольно! Нѣтъ, у насъ долго, долго совсѣмъ не будетъ дѣтей. Это такая тоска возиться съ ними. Вѣчно плачъ, капризы. Сиди изъ-за нихъ дома. Покуда я молода, я хочу пожить для себя. И притомъ я не умѣю

совсѣмъ обращаться съ маленькими дѣтьми. Ничего они не понимаютъ. Цѣлый день болтаютъ, спрашиваютъ, пристаютъ... Тоска!

Ее никто не прерывалъ ни возраженіями на ея болтовню, ни согласіемъ съ нею. Всѣ чувствовали себя какими-то смущенными, неловкими. Евгенію Александровичу становилось тоже не по себѣ. Ребяческая наивность жены, которою онъ обыкновенно такъ восхищался, теперь его почти сердила, потому что она высказывалась, какъ онъ выражался мысленно, передъ этими разсудочными людьми, передъ этими фразерствующими мудрецами, передъ этими поклонниками книжныхъ фразъ и умныхъ разговоровъ. Онъ ругалъ въ душѣ всѣхъ, и Маріанну, и Олю, и Серпухова, и Сеню за то, что они слушали его жену и молчали съ видомъ какого-то смущенія и удивленія. Еще бы! Гдѣ же имъ понять прелесть дѣтской наивности, сердечной простоты! Онъ чувствовалъ что-то въ родѣ сожалѣнія къ своей женѣ и повторялъ: «бѣдная птичка, зачѣмъ я завезъ тебя сюда». Съ какимъ наслажденіемъ, усадивъ къ себѣ на колѣни жену, онъ слушалъ дома ея щебетаніе, играя съ нею, а тутъ... Онъ видѣлъ общее замѣшательство, онъ самъ не зналъ, что говорить. «И зачѣмъ было пріѣзжать? и съ чего они всѣ точно воды въ ротъ набрали?»—мелькало у него въ головѣ. Чтобы не молчать, онъ обратился къ Сенѣ:

— Ну, а какъ твои дѣла по гимназіи? Удачно сдалъ экзамены?

Сеня вспыхнулъ, но не успѣлъ ничего отвѣтить, такъ какъ старикъ Серпуховъ проговорилъ за него:

— Онъ былъ боленъ и не держалъ экзаменовъ.

— Да?—спросилъ Евгеній Александровичъ удивленнымъ тономъ. — А я и не зналъ. То-то я замѣтилъ въ немъ большую перемѣну. Вѣрно, сильно прихворнулъ?

Старикъ Серпуховъ отвѣтилъ за сына:

— При смерти былъ боленъ, всѣ мы голову потеряли.

Евгеній Александровичъ точно обрадовался, что узналъ причину перемѣны въ Серпуховыхъ, и сказалъ:

— Да, я сразу замѣтилъ, что и ты, и Ольга Юрьевна сильно измѣнились.

— Еще бы, — сказалъ Серпуховъ. — Никого не красятъ болѣзнь и тревоги за близкихъ и дорогихъ людей.

Серпуховъ, опасаясь дальнѣйшихъ разспросовъ, поднялся, за нимъ поднялся и Сеня, радуясь возможности уйти. И

[illegible], и сынъ чувствовали, что они не могутъ говорить съ Шаховымъ, какъ будто имъ что-то сдавливало горло. Они стали прощаться съ присутствующими. Маріанна замѣтила:

— Къ обѣду будете?

Серпуховъ отвѣтилъ утвердительно.

— Вы, значитъ, опять въ Павловскѣ живете по близости?—спросилъ Евгеній Александровичъ.

— Мы здѣсь живемъ,—отвѣтилъ коротко Серпуховъ.

Маріанна поспѣшила добавить:

— Было бы очень грустно, если бы пришлось лѣтомъ разбросаться по разнымъ мѣстамъ. Тутъ, по крайней мѣрѣ, мы всѣ вмѣстѣ ежедневно съ утра до ночи.

Она точно умышленно подчеркнула фразу о томъ, что они постоянно цѣлый день вмѣстѣ.

— Ахъ, а мы съ Женей, какъ повѣнчались, тотчасъ же бѣжали отъ всѣхъ родныхъ,—защебетала Софья Андреевна.—Мы и теперь только проѣздомъ въ Петербургѣ и спѣшимъ по мнѣ въ имѣніе, гдѣ ужъ никого, никого не увидимъ. Такая тоска эти родные!

Евгеній Александровичъ опять немного смутился за жену, сознавая, что эти люди не поймутъ ее, и поспѣшилъ прибавить въ изясненіе къ ея словамъ:

— Медовые мѣсяцы, когда хочется быть только вдвоемъ. Это такъ понятно...

По лицу Серпухова скользнула усмѣшка. Въ головѣ пронеслась мысль: «стыдится ея глупости». Онъ бросилъ взглядъ на жену Шахова: это маленькое, вертлявое существо, въ кричащемъ свѣтломъ нарядѣ по послѣдней модѣ, похожее на фарфоровую куколку. «Жена-ребенокъ, жена-игрушка», подумалъ Серпуховъ и вспомнилъ о другой женщинѣ-ребенкѣ, женщинѣ-игрушкѣ—о своей женѣ. Та была тоже такою во время замужества, такъ же щебетала безъ толку и смысла наивныя фразы—и онъ полюбилъ именно за это. Такими женщинами можно играть, какъ вещами, разбрасывать ихъ, ломать ихъ, какъ угодно... Только у этой женщины-ребенка злыя тонкія губы, крючковатый носикъ, какъ у хищной птички. Но играетъ ли она комедію наивничанья? Есть вѣдь такія тоже. Это самая опасная порода мелкихъ хищницъ... На минуту въ душѣ Юрія Дмитріевича проснулось злорадное чувство: «мало счастья сулитъ этотъ бракъ, настанетъ день, когда и Евгеній Александровичъ...» Серпуховъ не кончилъ мысленно начатой фразы и

сдѣлалъ брезгливое движеніе. «Есть чему радоваться — тому, что другой человѣкъ можетъ быть тоже несчастнымъ!..»

Онъ торопливо сталъ прощаться съ Шаховымъ и его женою и ушелъ съ своимъ сыномъ. Это свиданіе съ бывшимъ возлюбленнымъ жены не пробудило въ Серпуховѣ ни гнѣва на Шахова, ни вражды къ нему, ни того обиднаго чувства, которое испытывалъ прежде Юрій Дмитріевичъ, говоря о гадкомъ сознаніи, что за полученную пощечину нельзя отплатить тѣмъ же.

Въ его душѣ было одно простое ясное сознаніе, что онъ никогда болѣе не встрѣтится съ этимъ человѣкомъ на жизненномъ пути, и это сознаніе ободрило его, этого было довольно для его успокоенія.

VI.

Марья Львовна добрела, между тѣмъ, до занятаго Серпуховыми флигеля, шатаясь, какъ пьяная. Въ глазахъ было темно, голова кружилась. Она прошла прямо къ себѣ въ спальню, ткнулась къ комоду, оперлась на него руками, и, рыдая, опустила въ изнеможеніи на нихъ голову. Она уже давно не любила Шахова, старалась не вспоминать о немъ, принуждала себя вычеркнуть изъ памяти воспоминаніе о немъ, но его пріѣздъ поднялъ въ ея душѣ бурю, пробудилъ совершенно новыя ощущенія. Только теперь, угадавъ инстинктивно о его женитьбѣ, она вдругъ почувствовала, что за роль играла она въ отношеніи этого человѣка. Прежде это ей почти не приходило въ голову, покуда она не знала, что ее замѣнила другая женщина. Въ воспоминаніи неожиданно, помимо воли, воскресли мелочи прошлаго, всѣ позорныя, унизительныя подробности ея связи съ Шаховымъ. Она вымаливала его ласки, она унижалась передъ нимъ, она насильно навязывалась ему, она дѣлала все, чтобы только добиться его ласкъ, а онъ никогда, никогда не любилъ ея, и тѣмъ не менѣе не остановилъ ее въ минуту ея паденія, когда еще было возможно спасти ее отъ позора, отъ положенія нелюбимой любовницы; онъ воспользовался ея слабостью, сталъ къ ней въ тѣ отношенія, въ которыхъ стоятъ мужчины съ обыкновенными падшими женщинами. Ей вспомнились отдѣльные брезгливые и досадливые жесты, отрывистыя фразы: «Маня, нельзя же такъ продолжать вѣчно»... «Полно, Маня, надо же быть благоразумнѣе». Ее охватило ощущеніе гадливости къ самой себѣ. Почему именно теперь явилось это ощущеніе? Потому что теперь

онъ, Шаховъ, женился и, можетъ-быть, другая женщина знаетъ все, что произходило между нимъ и ею, Марьей Львовной. Самой ей въ минуты откровенности мужъ разсказывалъ о своихъ прежнихъ холостыхъ связяхъ и продѣлкахъ, объ этихъ ничтожныхъ женщинахъ, навязывающихся мужчинамъ, презираемыхъ мужчинами. Она любила эти разсказы; она сама разспрашивала обо всемъ; она сама бросала грязью въ этихъ женщинъ. Онъ, Шаховъ, тоже, вѣроятно, не скрылъ отъ своей жены ничего. Что думаетъ о ней эта женщина? Можетъ-быть, разсказываетъ о ней другимъ? Что, если ей придется встрѣтиться съ этой женщиной, съ ея родными, съ ея друзьями? Это были не упреки совѣсти, а стыдъ передъ тѣмъ, что тайна паденія уже перестала быть тайною. Для Серпуховой въ этомъ была ея величайшая казнь. Сознаніе своего проступка она могла переносить хладнокровно; огласки его она не могла вынесть равнодушно. По обыкновенію всѣхъ мелкихъ натуръ, жалующихся всѣмъ на свои личныя невзгоды и воображающихъ, что всѣ интересуются ими, она теперь создавала себѣ чудовищныя картины того, какъ всѣ судятъ и рядятъ о ней, какъ вѣсть о ея паденіи облетитъ всѣхъ знакомыхъ, какъ ей нельзя будетъ никуда глаза показать. Ее и такъ никто не любитъ, всѣ чуждаются, что же будетъ теперь? Какое торжество доставитъ людямъ возможность бросать въ нее грязью!.. Все преувеличивая, все окрашивая въ яркія краски, она воображала, что дѣйствительно до нея есть кому-нибудь дѣло. Убѣжать бы, скрыться бы куда-нибудь отъ всѣхъ, чтобы никого не видѣть, и прежде всего его, Евгенія Александровича, и его жену...

Вѣдь, вотъ и сегодня—встрѣться она съ женою Шахова, она въ обморокъ упала бы, и тогда разомъ всѣ узнали бы ея тайну. Юрій спасъ ее, Юрій!.. Впервые она почувствовала благодарность къ мужу. Она, какъ и прежде, не понимала ни слабыхъ, ни хорошихъ сторонъ этого человѣка, но она сознавала, что именно онъ спасъ ее отъ униженія, какъ онъ спасаетъ отъ нищеты, отъ голода. У нея нѣтъ на землѣ другой поддержки, другой защиты. Покуда онъ стоитъ около нея, до тѣхъ поръ она и существуетъ...

Она продолжала всхлипывать и даже не слыхала, какъ тихо отворилась дверь въ ея комнату. Это вошелъ Юрій Дмитріевичъ. Онъ пріостановился на порогѣ и посмотрѣлъ на жену. О чемъ она плачетъ? О томъ, что Шаховъ из-

мѣнилъ ей и женился? О томъ, что для нея погасъ послѣдній лучъ надежды на любовь этого человѣка? О томъ, что она сдѣлала проступокъ, въ которомъ раскаивается теперь? Ему было все равно: онъ видѣлъ, что она плачетъ, и ему было жаль ея, вотъ и все. Въ душѣ не было ни боли, ни тревоги, ни ревности; въ ней царствовало ясное спокойствіе. Онъ неспѣшно подошелъ къ женѣ и положилъ на ея голову руку.

— Полно, Манюша, о чемъ же плакать?—ласково проговорилъ онъ.—Прошлаго не воротишь, надо думать только о будущемъ. Успокойся!

Она подняла голову, взглянула на него растерянными глазами. Этотъ ласковый голосъ, эти ясно смотрѣвшіе на нее выцвѣтшіе глаза произвели на нее странное впечатлѣніе. Такъ когда-то смотрѣлъ на нее, такъ когда-то говорилъ съ нею только одинъ человѣкъ въ мірѣ — ея отецъ. Она рыдала и жаловалась, а отецъ спокойный и ласковый, сажалъ ее около себя, говорилъ слова утѣшенія, неторопливо, безъ волненія, точно нянька, разсказывающая сказку ребенку, и она утихала, начинала улыбаться...

— Я знаю, что тебѣ тяжело, что ты обманулась въ немъ, что ты сдѣлала ошибку,—продолжалъ Юрій Дмитріевичъ такъ же мягко и ласково, проводя рукой по ея волосамъ.— Но кто не ошибался въ жизни? Жизнь, Манюша, трудное искусство и тяжелая наука; чтобы правильно жить—нужно много природныхъ способностей и пріобрѣтеннаго опытомъ умѣнья...

Марья Львовна прислушивалась къ звукамъ его голоса, не понимая смысла его словъ. На душѣ становилось легче, тревога стихала.

— Да вѣдь я теперь опозорена, опозорена!—воскликнула она въ слезахъ.—Что будутъ говорить...

— Кто?—спросилъ онъ съ снисходительной улыбкой и добавилъ съ пренебреженіемъ въ голосѣ:—Люди? Какое имъ дѣло до тебя, до меня, до какихъ-то Серпуховыхъ? И развѣ сами они лучше? Развѣ они судьи? Что тебѣ за дѣло до нихъ? У тебя свой домъ, своя семья и здѣсь ты жена и мать. Этого довольно, а до остального что намъ за дѣло?..

Успокаивая ее, какъ ребенка, онъ прижалъ ее голову къ своей груди и поцѣловалъ ее въ лобъ, какъ нѣжный отецъ. Растроганная его лаской, его кроткой рѣчью, она, еще плача, но постепенно стихая, порывисто поднесла къ

губамъ его руку. Онъ не удивился, не отнялъ руки, довелъ жену до кушетки, усадилъ ее и, въ раздумьи ходя по комнатѣ, продолжалъ говорить:

— Мы, Манюша, оба виноваты, какъ и всѣ люди. Кто виноватъ больше, кто меньше, нечего считать. Что сдѣлано, того не воротишь... Дѣло не въ упрекахъ за прошлое, а въ томъ, чтобы уладить свое будущее. Наша связь неразрывна, и надо только стараться, чтобы она не была ни для одного изъ насъ цѣпью каторжника. Я дѣлаю, что могу, что умѣю, чтобы тебѣ жилось лучше. Поберегi и ты меня, не для меня лично, а для себя и для дѣтей. Моя жизнь нужна еще для всѣхъ васъ...

Впервые сказалъ онъ слово о себѣ и это слово теперь точно ножомъ рѣзнуло по сердцу Марьи Львовны.

— Господи, Господи, да я жизнь отдала бы, — воскликнула она прерывающимся голосомъ. — Что я стану дѣлать безъ тебя? Да я руки на себя наложу.

Онъ остановилъ ее:

— Полно, полно, Манюша!..

Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и пошутилъ:

— Я еще не собираюсь умирать, еще поживу... Когда же и жить, какъ не теперь...

И, опять перемѣняя тонъ, онъ добавилъ:

— Я только хотѣлъ указать тебѣ, что нужно для нашего счастія въ будущемъ. Семейный миръ прежде всего. Ты сама видишь, чего стоили намъ раздоры, недоразумѣнія.

У него вдругъ перехватило дыханіе, и ощутилась сильная боль въ груди. Съ нѣкотораго времени эти припадки повторялись ужъ не разъ, онъ почти не придавалъ имъ значенія. Кольнетъ гдѣ-то въ лѣвомъ боку, захватитъ дыханіе, ну что-жъ изъ этого? Это длится недолго и проходитъ само собою. Стоитъ ли прислушиваться къ каждому нервному біенію сердца? Теперь боль была очень сильна и неожиданна. Онъ инстинктивно схватился рукой около сердца. Марья Львовна вскочила съ мѣста.

— Что съ тобой? что съ тобой?—крикнула она.

Онъ не могъ отвѣтить, замахалъ рукою, прислонившись къ стѣнѣ.

— Ничего, ничего, такъ что-то въ сердцѣ, — наконецъ пробормоталъ онъ, стараясь оправится и силясь улыбнуться.

Она растерянно смотрѣла на его пожелтѣвшее, исказившееся отъ боли лицо.

— Дай воды... Пройдетъ это... Иногда это бываетъ со мною...

Она налила воды, онъ выпилъ полный стаканъ, вздохнулъ широкимъ вздохомъ, улыбнулся и опять заговорилъ шутливо:

— Ну, и прошло... Схватки какія-то въ сердцѣ... Испугалъ тебя... Это все, Манюша, расплата за былые грѣхи— кутилъ, ночей не спалъ, прожигалъ жизнь, вотъ теперь и отозвалось... Надо было, говорятъ мудрые люди, постепенно измѣнять образъ жизни, а я вдругъ... Вдругъ нельзя! Надо было съ пятнадцати рюмокъ на четырнадцать перейдти на годъ, а потомъ на тринадцать тоже на годъ, а я вдругъ захотѣлъ изъ грѣшниковъ въ святые...

Онъ вдругъ оборвалъ рѣчь, опустился на стулъ, поникъ головой и, безнадежно махнулъ рукою, отрывисто, почти досадливо, закончилъ:

— Нѣтъ, даже и не шутится!

Марья Львовна стояла около него, глотая слезы, не смѣя даже громко разрыдаться, чтобы не встревожить его еще болѣе. Она теперь чувствовала, что онъ для нее все— отецъ, заступникъ, поддержка. Ей нужно держаться за него, беречь его, жить его жизнью, потому что всѣ остальные люди—ея враги, потому что его смерть—ея смерть.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

I.

Надъ семьей Серпуховыхъ пронеслась одна изъ житейскихъ бурь, и за нею снова наступило старое затишье. Посторонніе люди не знали всѣхъ мелкихъ подробностей этой семейной бури. Они знали только отчасти одинъ изъ ея эпизодовъ—неосторожное обращеніе Сени съ револьверомъ и послѣдовавшую затѣмъ его болѣзнь. Это было главной причиной того, что всѣ удивлялись происшедшей въ семьѣ перемѣнѣ и спрашивали въ недоумѣніи: «да что же случилось? Съ чего они всѣ вдругъ такъ измѣнились». Перемѣна же была дѣйствительно очень сильна.

Сеня возмужалъ, сталъ серьезенъ, нѣсколько сосредоточенъ и задумчивъ, проявляя иногда раздражительность на себя, когда ему приходилось быть недовольнымъ собою; крайне самолюбивый и нетерпѣливый, онъ мечталъ, что другимъ человѣкомъ можно сдѣлаться сразу, и злился на

себя, ловя себя въ какихъ-нибудь ошибкахъ и недостаткахъ; это былъ попрежнему нерѣшный характеръ, но за этими шероховатостями сказывались хорошія стремленія, хорошіе порывы. Въ Олѣ проявилась чисто женственная мягкость и заботливость съ какимъ-то оттѣнкомъ грусти, какъ это бываетъ съ дѣвушками, сознавшими по той или другой причинѣ, что онѣ незамужницы; это сознаніе теперь не покидало ея съ той поры, какъ она убѣдилась, что Евгеній Александровичъ ни на минуту не увлекался ею; это сознаніе созрѣло отчасти и подъ вліяніемъ Маріанны, часто повторявшей, какъ много нужно бѣдной дѣвушкѣ, чтобы обратить на себя серьезное вниманіе; подъ вліяніемъ этого убѣжденія, Оля стала считать себя обреченной на жизнь простой дѣвушки-труженицы и готовилась къ этой участи безъ особеннаго страха, безъ вздоховъ, безъ сѣтованій, упорно работая; какъ прежде она старалась выставиться впередъ, такъ теперь она стремилась скромно стоять въ тѣни, даже и не подозрѣвая, что именно это придавало ей извѣстную прелесть. Марья Львовна стала если не особенно умѣлой, то очень хлопотливой хозяйкой, вѣчно заботящейся о томъ, что любитъ и чего не любитъ мужъ; фразу: «вѣдь вы знаете, что баринъ этого не любитъ» ежедневно слышали отъ нея Авдотья, Глаша, такъ же, какъ Сеня и Оля ежедневно съ половины пятаго до трехъ четвертей пятаго часа слышали: «ахъ, что это папочка не идетъ, не случилось ли чего съ нимъ»; у людей, живущихъ, мало разсуждая, мало работая надъ собой, всякія мелочи быстро превращаются въ привычку—такой привычкой сдѣлалась для Марьи Львовны сторонѣлая заботливость о мужѣ; смотря со стороны на эту заботливость, можно было предположить, что Серпуховъ или куда-то собирается уѣхать надолго, или стоитъ на краю могилы. Самъ Серпуховъ, надломленный семейными передрягами, внезапной перемѣной образа жизни, тяжелой нравственной ломкой, смотрѣлъ старикомъ, старающимся бодриться, добрякомъ по натурѣ и немного резонеромъ по привычкѣ, толкующемъ о томъ, что жизнь не легкая шутка, а тяжелая школа. Толки на эту тему сдѣлались его любимыми толками, и онъ сводилъ къ нимъ всѣ разговоры, не то стараясь научить слушателей, не то стремясь выяснить себѣ самому, какъ онъ выражался самъ, «искусство-науку жизни». У всѣхъ членовъ семьи, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ чувствъ, убѣжденій и соображеній, явилось желаніе уединиться, жить тихо, рабо-

тая, на сколько хватитъ силъ. Даже въ характерѣ одежды сказалась перемѣна: всѣ какъ-то неумышленно очень мало стали заботиться о нарядахъ, сначала просто потому, что всѣ знали, какъ много накопилось долговъ у Юрія Дмитріевича, а потомъ, почти никуда не выѣзжая, кромѣ какъ къ Маріаннѣ, всѣ какъ будто не находили предлога для шитья обновокъ. Нѣкоторые изъ старыхъ знакомыхъ семьи такъ и говорили: «что это какъ Серпуховы *опустились?*»... И точно они опустились: они не рыскали по магазинамъ, не толкались въ клубахъ, не шлялись по трактирамъ, не щеголяли разнымъ моднымъ тряпьемъ. «Ихъ интересы сузились»,—какъ выразилась про нихъ одна знакомая, узнавъ, что они почти не бываютъ въ театрѣ и вовсе не выѣзжаютъ въ клубы. Тысячи мелочей говорили, что это не тѣ люди, которыхъ близкіе ихъ знали года два-три тому назадъ. Всматриваясь поближе въ нихъ, можно было легко замѣтить главную новую черту въ ихъ характерѣ — это озабоченность. Пронесшаяся надъ семьею буря заставила членовъ этой семьи съ испугомъ взглянуть на свое будущее. Что ихъ ждетъ впереди, если свалится Юрій Дмитріевичъ? При жизни отца, получающаго до четырехъ тысячъ, можно швырять деньгами безъ толку и безъ пути, но умри онъ—что будетъ тогда? Настанетъ та страшная нищета, отъ которой не застрахованы семьи всѣхъ этихъ отцовъ, состоящихъ на частной службѣ, гдѣ нѣтъ ни пенсій, ни эмеритуръ, ни арендъ, ни вспомоществованій. Эти семьи въ настоящее время все плодятся и плодятся, и рѣдкая изъ нихъ сознаетъ весь ужасъ своего положенія въ случаѣ смерти главы семейства. Онѣ пускаютъ пыль въ глаза, рядятся, рыщутъ по клубамъ, по баламъ, по театрамъ, устраиваютъ jours fixes, мотаютъ деньги, бездѣльничаютъ, и въ одинъ прекрасный день остаются нищими—самыми несчастными нищими, потому что у нихъ нѣтъ умѣнья работать, а есть свой гоноръ! Ради этого гонора онѣ, эти семьи, не пойдутъ въ услуженіе, не возьмутся за черный трудъ, а скорѣе пойдутъ—дочери въ содержанки, сыновья въ поддѣлыватели векселей. Сперва и никто изъ Серпуховыхъ не думалъ объ этомъ; встревожившія ихъ событія отрезвили ихъ сразу. Въ Марьѣ Львовнѣ это сознаніе вызвало чувство постояннаго хроническаго паническаго страха: на Сеню и Олю это же сознаніе повліяло подбадривающимъ, подталкивающимъ на трудъ образомъ.

Юрій Дмитріевичъ, между тѣмъ, все чаще и чаще чувство-

валъ, какъ онъ выражался, «схватки въ сердцѣ» и съ нѣкотораго времени сталъ замѣчать, что у него пухнутъ ноги. «Это отъ сидячей жизни»,—говорилъ онъ себѣ и принуждалъ себя болѣе ходить—ноги пухли попрежнему. «Осень ужъ много я сталъ ходить»,—рѣшалъ онъ и переставалъ ходить—ноги же пухли по-старому. «Болѣзнь это, что ли?»—тревожно задавалъ онъ себѣ вопросъ и горько усмѣхался:

— Виномъ накачивался, а отъ водяной умирать приходится...

И тотчасъ же, крѣпко сжимая лобъ рукою, онъ болѣзненно восклицалъ:

— Ахъ, дѣти, дѣти... ихъ бы на ноги только поставить...

Онъ задумывался о своей прошлой жизни. Вонъ они, эти пивочки, трактиры, рестораны, кондитерскія, начиная съ какой-нибудь подвальной «ямки» и кончая до бель-этажа у Бурсна. Вездѣ перебывалось,—завертывалъ онъ сюда и днемъ, и ночью, одинъ и съ пріятелями, иногда потому, что мучилъ какая-то жажда напиться, забыться, развеселиться, иногда потому, что даже не было сознанія, что и зачѣмъ дѣлается, и въ этомъ положеніи требовалось лучшее вино, и затѣмъ начиналась тошнота, послѣ нея опять потреблялось лучшее вино, и снова дѣлалась тошнота. Теперь, въ періодъ мыслегоотрѣшенія, это возбуждало только отвращеніе, чувствительности, а тогда, въ періодъ хроническихъ куражей, это считалось удальствомъ. Все это требовало денегъ, денегъ и денегъ. Гнулся горбъ для добыванія ихъ, ломалась часто гордость, приходилось кривить совѣстью, нужно было поступаться своими интересами, чтобы дойти до высшихъ окладовъ, чтобы удержать за собой репутацію полезнаго человѣка. Не онъ одинъ такъ жилъ, такъ жили всѣ вокругъ него, добрые и злые, гордившіеся репутаціей честныхъ людей и отъявленные подлецы, либералы и ретрограды, и ни одинъ человѣкъ среди этого сплошного вихмелья не заглянулъ на свою жизнь со стороны, не спросилъ себя: «куда я иду?» Иногда, вспомнивъ все свое прошлое, онъ съ ужасомъ останавливался на мысли: «а если теперь разобьетъ параличъ, что тогда?» Придется жить на счетъ дѣтей, еще не ставшихъ на ноги, придется просить, какъ нищему, милости у постороннихъ. Въ душѣ поднималось горькое чувство, и въ сильномъ волненіи онъ поднималъ глаза къ небу, шепча:

— Господи, не попусти!..

Уже совсѣмъ раздѣвшись, онъ садился на постель въ

своей комнатѣ и пристально разсматривалъ оконечности своихъ ногъ, щупая пальцами припухлыя мѣста. Такъ это просто опухли онѣ или это вода тамъ, подъ кожею? Что, если это вода? Пойдетъ дальше. Долго это можетъ длиться? Когда до сердца дойдетъ, тогда только—смерть. А до тѣхъ поръ что будетъ? Держать на мѣстѣ не станутъ, если сляжешь надолго...

Болѣзнь же все усиливалась и заставляла не на шутку побаиваться за близкое будущее.

II.

Въ городской квартирѣ Серпуховыхъ, въ комнатѣ Оли, горѣла лампа. Оля сидѣла за своими лекціями и, повидимому, не читала ихъ, облокотясь на столъ руками и опустивъ на ладони голову. Какія-то невеселыя думы охватили ее всю и унесли ея мысли далеко отъ лекцій. Въ этомъ положеніи засталъ ее братъ. Она вздрогнула и очнулась при звукахъ его голоса. Онъ протянулъ руку и обмѣнялся съ ней рукопожатіемъ.

— О чемъ задумалась?—спросилъ онъ.—Объ отцѣ?

— О комъ же больше,—отвѣтила она.

— Я сейчасъ былъ у него, ему легче, припадокъ прошелъ,—успокоилъ ее Сеня.

— Надолго ли?—со вздохомъ сказала она.—Въ нынѣшнюю зиму онъ уже третій разъ хвораетъ...

Сеня сдвинулъ брови и, ничего не отвѣчая, заходилъ по комнатѣ.

— Это начало конца,—проговорила Оля.—Максимъ Максимовичъ опредѣлилъ порокъ сердца...

— По моей милости все развилось,—угрюмо проворчалъ Сеня.

— Полно, не по твоей, а все такъ сложилось, вся жизнь,—замѣтила она.

Сеня, не отвѣчая ей, заговорилъ:

— Я думалъ, что съ ума сойду, когда онъ нынче позвалъ меня къ себѣ во время припадка. Дыханье у него захватило, голосу нѣтъ, а силится улыбаться, шепчетъ: «ничего, ничего, пройдетъ». Потомъ легче стало, началъ говорить: «Вотъ, Сеня, плоды-то кутежей да попоекъ, пріятельскихъ пирушекъ. Люби кататься, значитъ, люби и саночки возить». И опять, опять эти усилія шутить, все свалить на себя, выгородить другихъ.

Онъ подошелъ къ окну и устремилъ глаза въ темноту

ночи, барабаня пальцами по подоконнику. Къ его глазамъ подступали слезы; онъ дѣлалъ усиліе, чтобы подавить ихъ. Минутъ пять длилось тяжелое молчаніе.

— Марианна предложила мнѣ давать уроки ея дѣтямъ,— проговорила, наконецъ, Оля.

Сеня очнулся и повернулся лицомъ къ сестрѣ.

— А! одна и та же мысль пришла въ голову,—сказалъ онъ.—Я сегодня тоже сдѣлалъ заявленіе объ урокахъ. Да, надо начать зарабатывать хлѣбъ. О, если бы можно было столько зарабатывать, чтобы облегчить отца...

Оля только махнула безнадежно рукой.

— Да, да, ты права. Это пустыя мечты покуда,—произнесъ братъ.—Въ академіи у насъ дѣла по горло... И что дадутъ уроки? Прокормиться самимъ едва хватитъ...

Онъ опять заходилъ по комнатѣ.

Дверь тихо отворилась и въ комнату вошелъ Юрій Дмитриевичъ, придерживаясь за стѣну. Сынъ и дочь разомъ вскрикнули:

— Папа, что ты. Вѣдь тебѣ же не велѣно сегодня вставать съ постели.

Они бросились поддержать его.

— Ну, ну, всполошились! Такъ вотъ и свалюсь безъ васъ!—пошутилъ онъ.—Я теперь молодцомъ. Вонъ смотрите, одинъ румянецъ. Маняша прилегла, думая, что я задремалъ, а я и удралъ. Стражу надулъ!

Онъ усмѣхнулся нѣсколько по-дѣтски плутоватой улыбкой.

Онъ былъ неузнаваемъ. Желтый, обрюзгшій, съ слѣдами волнки, онъ едва передвигалъ ноги, дыша тяжело, точно отъ сильной усталости. Въ какіе-нибудь два-три года его здоровье расшаталось больше, чѣмъ въ десятки лѣтъ. Но, несмотря на страшную болѣзнь, онъ смотрѣлъ ясно, по лицу блуждала улыбка, хотя въ этой улыбкѣ было что-то дѣтское, жалкое, производящее тяжелое впечатлѣніе. Дѣти усадили его на кресло. Онъ подшучивалъ надъ ихъ заботами:

— Да вѣдь говорю вамъ, что сегодня я совсѣмъ молодецъ, всякія опухоли опали, никакихъ болей, сердце, правда, колотится какими-то толчками, точно не знаетъ, куда сунуться. Ну, да пусть его. Не хочетъ жить мирно, ну, и пусть колотится...

Онъ не хотѣлъ сознаться, что онъ пришелъ къ дочери, потому что ему стало страшно одному въ кабинетѣ. Каждый разъ, когда онъ оставался, хотя не надолго, у себя въ комнатѣ одинъ вечеромъ, ему становилось страшно. Это былъ

безотчетный страхъ: по тѣлу пробѣгалъ холодокъ, сердце точно замирало, или билось неровно, толчками, чудилось присутствіе въ комнатѣ кого-то невидимаго—присутствіе стерегущей его смерти, какъ онъ самъ объяснялъ себѣ мысленно. Эта невидимая, но чувствуемая гостья наводила непреодолимый страхъ. Отдѣлаться отъ мысли, что она тутъ, стережетъ и ждетъ, уже не было никакой возможности. Все, о чемъ онъ начиналъ думать, сводилось къ одной мысли: «а смерть ждетъ». Начинались думы не объ одномъ земномъ, но и томъ, что будетъ, что будетъ *тамъ*. Пугало и это, хотя умъ и старался побѣдить именно эти страхи. Юрій Дмитріевичъ пробовалъ стать выше этого *малодушія*, какъ онъ говорилъ мысленно, но уже не хватало на это силъ. Это неизвѣстное *тамъ* не оставляло его въ покоѣ. Въ эти минуты его тянуло къ женѣ, къ дѣтямъ, и въ головѣ мелькала горькая мысль: «недолго быть вмѣстѣ». Онъ никому не высказывалъ своихъ ощущеній, своихъ страховъ, боясь кого-нибудь разстроить, встревожить. «И такъ еще довольно будетъ у нихъ горя»,—думалъ онъ...

Въ теченіе послѣдняго года уже раза три ему приходилось переживать приступы начинающейся водяной—начали пухнуть ноги, дѣлалась одышка, что-то странное творилось съ сердцемъ. Потомъ это проходило на время, онъ опять принимался за дѣла, пересиливая себя и боясь одного, что ему откажутъ отъ мѣста. Этого только недоставало! Слечь совсѣмъ и заставить дѣтей кормить его, стараго батрака. Нѣтъ, ужъ если бы до этого дошло, то лучше... Онъ мрачно сдвигалъ брови и съ ужасомъ останавливался на мысли о самоубійствѣ. Эта мысль всегда пугала его, тѣмъ болѣе, что именно теперь ему хотѣлось жить. Но онъ былъ дѣлецъ усидчивый и толковый, онъ занималъ уже давно хорошее положеніе по службѣ, и потому его держали на мѣстѣ, несмотря на частые перерывы въ дѣятельности по случаю болѣзни. Ему посылали даже, противъ правилъ, бумаги на домъ. Тѣмъ не менѣе онъ сознавалъ, что долго такъ продолжаться не можетъ...

— О чемъ совѣщались?—спросилъ онъ у дѣтей.

— Объ урокахъ, папа,—отвѣтила Оля.

— Объ урокахъ,—повторилъ задумчиво Сернуховъ.—Гм, да, уроки—хорошее дѣло... во-время только...

Онъ приподнялъ голову, мягко улыбаясь.

— Я вотъ тоже, какъ прихворну, все объ урокахъ только и думаю,—произнесъ онъ.—Каждый часъ, каждый день—

все уроки и всѣ мы, люди, учимся, учимся и до сихъ поръ ничему не научились...

Соня и Оля переглянулись между собою пытливыми взглядами. Въ ихъ головахъ вертѣлась одна и та же мысль, что отецъ «фантазируетъ». Эта мысль часто приходила имъ въ голову.

— Мы, отецъ, о какихъ урокахъ говорили,— замѣтила Оля осторожно, смотря пытливо на отца.

Онъ очнулся отъ своихъ думъ и съ мягкой усмѣшкой взглянулъ на дочь.

— Да, да, о какихъ же урокахъ всѣхъ и говорить покуда, какъ не о своихъ. Для кого! Я думаю о другихъ урокахъ въ безсонныя ночи. Я вѣдь старикъ...

Онъ увидалъ движеніе Оли, хотѣвшей протестовать, и прибавилъ:

— Старикъ не по годамъ, а по опыту, по жизни, по здоровью. Года ничего не значатъ. Можно чуть не столѣтъ оставаться ребенкомъ. Это большое несчастье и для себя, и для другихъ. Ребенокъ—всегда грубый эгоистъ, живетъ только настоящимъ, понимаетъ только мелочи явленій и всегда во всемъ видитъ игрушку...

Въ комнату торопливо вошла Марья Львовна съ выраженіемъ растерянности и испуга. Ея туалетъ былъ неопрятенъ, волосы нѣсколько въ безпорядкѣ. Увидавъ мужа, она заговорила съ заботливостью и тревогой:

— Ахъ, какъ это ты всталъ... Я прилегла у себя, задремала, а ты и ушелъ... Вѣдь Максимъ Максимовичъ не велѣлъ вставать, предписалъ спокойствіе...

Серпуховъ улыбнулся.

— Что онъ понимаетъ. Максимка предписываетъ спокойствіе, точно это въ аптекѣ на вѣсъ отпускаютъ. Нѣтъ, это такъ не купишь...

Онъ усмѣхнулся.

— И почему онъ знаетъ, когда я спокоенъ? Вотъ я здѣсь, среди васъ, ну, я и спокоенъ... Вотъ для того и приѣхалъ... Да мнѣ и лучше сегодня... А ты, дѣточка, все тревожишься... И такъ измучилась...

Юрій Дмитріевичъ взялъ руку жены и погладилъ ее, кротко улыбаясь. Что-то ребяческое было теперь въ выраженіи его лица. Странное дѣло, ему съ нѣкоторыхъ поръ самому начало иногда казаться, что онъ ребенокъ—маленькій, беспомощный, полубезумный ребенокъ. Онъ даже ощущалъ невыразимую жалость къ этому ребенку и

чувствовалъ, что по его щекамъ текутъ слезы объ этомъ ребенкѣ. Это состояніе длилось обыкновенно нѣсколько минутъ или даже мгновеній. Онъ быстро приходилъ въ себя отъ мимолетнаго помраченія мозга, сдвигалъ брови, осматривался вокругъ и силился обдумать, что̀ съ нимъ дѣлается, почему ему приходятъ въ голову такія странныя мысли. «Почему? Вѣрно потому, что всѣ мы въ сущности дѣти,— разсуждалъ онъ, стараясь успокоить себя и найти логику въ своихъ мысляхъ:—злыя или добрыя, глупыя или умныя, но все же дѣти передъ лицомъ жизни, рока, Провидѣнія. Бога. Бѣгаемъ за какимъ-нибудь пестрымъ мотылькомъ, стремимся поймать блуждающій огонекъ, носимся съ погремушками и не замѣчаемъ, что подъ нашими ногами зіяютъ пропасти. Бьемся, изнемогаемъ, гибнемъ, проклинаемъ и, только когда уже близка смерть, сознаемъ, что нужны были въ жизни только чистая совѣсть и насущный хлѣбъ. Все остальное—призракъ». Эти мысли и теперь охватили его всего, и онъ точно забылъ, гдѣ онъ находится, и кто стоитъ около него.

— Отецъ, не провести ли тебя въ твою комнату?—спросилъ Сеня, думая, что отецъ дремлетъ.

Юрій Дмитріевичъ вздрогнулъ, очнувшись отъ своихъ думъ.

— Да я самъ, самъ,—заговорилъ онъ я сталъ подниматься.

Оля и Сеня взяли его подъ руки. Марья Львовна пошла сзади, готовая поддержать его, если онъ споткнется. Онъ шутилъ:

— Ахъ, чудаки, чудаки! Я самъ одинъ пришелъ, а они тащатъ меня теперь. Хлопотуны! Да я вотъ денька черезъ три опять пойду въ должность, а не то что...

Мысль о службѣ болѣе всего угнетала его: онъ все опасался, что ему дадутъ отставку, такъ какъ болѣзнь на этотъ разъ затянулась, и онъ не могъ работать даже на дому. Его руки стали дрожать и не повиновались ему, что̀ страшно сердило его. Иногда онъ бралъ перо и слѣдилъ за своею рукою, видя, какъ она дрожитъ, прыгаетъ и выводитъ какія-то каракули вмѣсто буквъ; онъ сдвигалъ брови, ругая мысленно свою руку, какъ какое-то постороннее провинившееся передъ нимъ существо. Порой неповиновеніе оказывала не одна рука, а и память; начнетъ онъ что-нибудь говоритъ и забудетъ тотчасъ же; тогда начинался мучительный процессъ припоминанія забытаго, доводившій до головной боли. Въ такія минуты снова являлась страшная мысль о смерти или, вѣрнѣе сказать, о томъ, что̀ будетъ до его смерти:

долгая тяжкая болѣзнь, полная безпомощность, изнурительные хлопоты ближнихъ, мучительные заботы ихъ о томъ, гдѣ добыть денегъ.

— Господи, Господи, что-то будетъ!—шепталъ онъ, склонивъ на грудь голову и опустивъ на колѣни руки.

Мозгъ же работалъ все медленнѣе, больного охватывало какое-то полузабытье, въ душѣ стало являться успокоительное сознаніе, что какъ ни думай—все устроится такъ, какъ предназначено. Это сознаніе, мало-по-малу, стало брать верхъ надъ всѣми заботами и тревогами, въ душѣ начало парить какое-то ясное, почти радостное, равнодушіе къ завтрашнему дню и стремленіе жить только настоящей минутой. Порою Юрій Дмитріевичъ даже самъ удивлялся этому спокойствію, пробовалъ упрекать себя за равнодушіе, старался опять думать о своемъ положеніи, о положеніи семьи, но мысль работала плохо, возбужденія не было, равнодушіе не нарушалось. Иногда онъ начиналъ опять разсматривать свои опухшія ноги, надавливалъ кожу, слѣдя за образующимися въ ней ямками, но онъ дѣлалъ это теперь такъ, точно и эти ноги, и эта кожа стали не его, а чужими. Пухнутъ или не пухнутъ ноги, дѣлаются ямки или нѣтъ—ему все равно...

III.

Всѣ домашніе Серпухова стали убѣждаться, что ему гораздо лучше: онъ снова сталъ бродить одинъ по комнатамъ, лицо приняло особенно ясное и спокойное выраженіе, иногда онъ даже шутилъ. Какъ же было не думать, что онъ поправляется? Никому и въ голову не приходило, что именно теперь-то и было началомъ конца, что смерть уже дохнула на человѣка своимъ все охлаждающимъ дыханіемъ. Марья Львовна даже начала снова вѣрить въ то, что Юрій Дмитріевичъ скоро опять пойдетъ на службу.

Какъ-то разъ она осталась съ нимъ одна. Сеня былъ на лекціяхъ въ академіи, Оля была на урокѣ у Маріанны. Марья Львовна сидѣла въ гостиной и шила, Юрій Дмитріевичъ сидѣлъ тутъ же въ большомъ креслѣ. День былъ ясный, солнечный, близость весны уже начинала чувствоваться.

— Петербургъ-то какъ нынче насъ радуетъ, все солнечные дни стоятъ,—проговорилъ Серпуховъ.

— Да, скорѣй бы весна, тогда ты совсѣмъ оправишься,—сказала Марья Львовна.—Ты вѣдь теперь себя лучше чувствуешь?

— Еще бы, еще бы! Ничего не болитъ, — отвѣтилъ онъ.— Слабость только. Да это пустяки. У меня натура крѣпкая. «Изъ вольнаго лѣса сколоченъ».

Въ передней раздался звонокъ.

— Кто это? Сеня или Оля? Что такъ рано? —произнесъ Юрій Дмитріевичъ.

Глаша вошла въ комнату и подала визитную карточку. Серпуховъ взглянулъ на нее и заволновался:

— Проси, проси!

Онъ быстро, дрожащими руками, сталъ оправлять свой халатъ.

— Кто это?—испуганно спросила Марья Львовна.

— Одинъ изъ директоровъ банка,—дрогнувшимъ голосомъ отвѣтилъ Серпуховъ.—Справляться пріѣхалъ... боятся...

У него оборвался голосъ.

Въ комнату вошелъ довольно плотный и приземистый человѣкъ среднихъ лѣтъ. Онъ любезно раскланялся съ хозяйкой и подошелъ къ Юрію Дмитріевичу.

— Навѣстить васъ пріѣхалъ, милѣйшій Юрій Дмитріевичъ,—проговорилъ онъ, пожимая руку Серпухова.

— Благодарю... благодарю, — пробормоталъ больной. — Вотъ поправляюсь... Теперь уже хожу по комнатѣ... Дѣла бы мнѣ прислать...

— Не безпокойтесь, не утруждайте себя,—любезно сказалъ директоръ.—Отдохните, дѣла не убѣгутъ...

Онъ сѣлъ, поглядывая на больного. У того тряслась сильнѣе обыкновеннаго голова, и дрожали руки, перебиравшія полы халата.

— Можно закурить?—спросилъ посѣтитель.

— Пожалуйста... пожалуйста...

Юрій Дмитріевичъ заторопился, желая подать со столика спички и шаря около себя рукою.

— Не безпокойтесь!—сказалъ директоръ и закурилъ папиросу.—Вотъ теперь весна скоро, вамъ бы на югъ надо...

— Нѣтъ... нѣтъ... я и такъ... я теперь совсѣмъ здоровъ... слабость только...

Серпуховъ говорилъ прерывисто, силясь показать, что онъ здоровъ, и выдавая вполнѣ своимъ волненіемъ всю свою слабость.

— Какъ у насъ тамъ... всѣ здоровы, все по старому?— спросилъ онъ.

— Все по старому,—отвѣтилъ посѣтитель.—Вотъ попра-

вийтесь за и къ нимъ... Мы соскучились безъ васъ, милый другъ.

Онъ коснулся фамильярнымъ жестомъ колѣнки больного.

— Будьте молодцомъ. А то что это, въ самомъ дѣлѣ, расхворались. На что это похоже?

Онъ шутилъ съ полнымъ сознаніемъ, что тутъ уже все кончено, что надо только не тревожить больного, стараясь подбодрить его, онъ проговорилъ:

— Смотрите, чтобы недѣльки черезъ двѣ вы были на своемъ мѣстѣ! Безъ всякихъ отговорокъ!

Онъ поднялся съ мѣста и сказалъ, опять повторивъ:

— И не думайте больше хворать, а то мы всѣхъ докторовъ напустимъ на васъ.

Онъ ушелъ, провожаемый Марьей Львовной въ переднюю.

Юрій Дмитріевичъ покачалъ головой.

— Конечно, все кончено,—шепталъ онъ, волнуясь.—Шутитъ... какъ съ ребенкомъ говоритъ... «И черезъ двѣ недѣльки»... «Безъ всякихъ отговорокъ»... «Докторовъ напустимъ»...

У него захватило духъ.

Марья Львовна, провожая въ переднюю директора, съ ужасомъ услыхала отъ него, что онъ не думалъ, чтобы Юрій Дмитріевичъ былъ такъ плохъ. Она замѣтила директору, что ей мужу теперь легче. Директоръ только грустно вздохнулъ, пробормоча: «Дай Богъ, дай Богъ». У нея занемѣло сердце отъ этихъ словъ, къ глазамъ подступили слезы. Быстро отирая ихъ, она въ сильномъ волненіи вернулась въ гостиную. Серпуховъ увидалъ, что она прячетъ въ карманъ носовой платокъ, понялъ, что посѣтитель сказалъ ей что-нибудь о его здоровьи, можетъ-быть, объ исключеніи его со службы, смутился, поднялся съ мѣста и пошелъ ей навстрѣчу быстро и твердо, какъ онъ давно не ходилъ.

— Это... это,—началъ онъ.—Не вѣрь, дѣвочка...

Онъ сразу оборвалъ рѣчь, какъ подкошенный, свернулся на бокъ и упалъ на полъ ничкомъ. Марья Львовна съ пронзительнымъ крикомъ бросилась къ нему, спрашивая:

— Дурно тебѣ? Ушибся? Юрій! Юрій!

Она тормошила его, неподвижнаго, мертваго...

Она, прижавъ головой къ трупу, не знала никого, говорила съ мертвецомъ, повторяя:

— Пойми, пойми, что я буду дѣлать... на кого ты меня оставилъ... возьми меня съ собою, возьми!..

И снова, и снова ея руки шевелили мертвое тѣло, голова опять припадала на бездыханную грудь...

IV.

— Семенъ Юрьевичъ, какъ же насчетъ гроба... Тоже читальщикъ ждетъ... Или вы, Ольга Юрьевна, переговорите?

Глаша уже третій разъ входила въ гостиную и повторяла эти фразы, обращаясь къ Олѣ и Сенѣ, стоявшимъ около большого, длиннаго стола, на которомъ лежало уже обмытое тѣло Юрія Дмитріевича. Сеня обнялъ за талію сестру, она склонила къ нему на плечо голову и тихо плакала. Онъ тоже поминутно отиралъ слезы и старался утѣшить сестру. Слова Глаши, наконецъ, заставили ихъ очнуться.

— А мама?—спросилъ Сеня.—Надо ее спросить.

— Гдѣ ужъ Марью Львовну спрашивать, сами они не въ себѣ, чувствъ рѣшившись лежатъ... Теперь вы все,—проговорила Глаша.

Сеня тряхнулъ головой и сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы пріободриться.

— Да, да, сейчасъ!—отвѣтилъ онъ Глашѣ и обратился къ сестрѣ.—Ну, Оля, довольно... Иди къ мамѣ, постарайся ее успокоить хоть немного... Надо хлопотать теперь, распоряжаться...

Онъ нѣжно поцѣловалъ сестру въ голову.

— Крѣпись, голубка, теперь некому за насъ хлопотать, за насъ думать,—сказалъ онъ ласково.—Надо самимъ приниматься за дѣло.

Онъ и Оля еще разъ наклонились къ трупу и прильнули къ нему губами. Потомъ, проводивъ Олю до дверей, Сеня обратился къ Глашѣ:

— Зовите ихъ, кто тамъ ждетъ...

Черезъ минуту въ комнату вошли съ поклонами гробовщикъ и читальщикъ.

— Какой-съ гробъ, Семенъ Юрьевичъ, будете заказывать. Какъ у дѣдушки вашего?—спросилъ гробовщикъ съ развязностью стараго знакомаго, хотя онъ только сегодня узналъ имя Сени.—Мы-съ для него дѣлали, то-есть братъ мой...

Онъ бросилъ взглядъ на покойника.

— Водяною хворали-съ?

Сеня кивнулъ головой.

— Нужно бы съ металломъ-съ, то-есть, значитъ, чтобы не протекло,—пояснилъ гробовщикъ.—Въ случаѣ чего герметически запаять. Это первое дѣло.

Сеня немного растерялся.

— Вы думаете?—началъ онъ тревожно.

— Пухнетъ-съ всегда покойникъ послѣ кончины, тоже вода станетъ течь,—пояснялъ гробовщикъ.—Извѣстное дѣло, разложеніе соковъ... Иногда-съ крышки рветъ, такая сила...

Сеня, озабоченно потирая лобъ, проговорилъ:

— Если вы думаете, то дѣлайте, какъ лучше... какъ надо.

— Вы не безпокойтесь, Семенъ Юрьевичъ, мы все въ аккуратности сдѣлаемъ,—успокоилъ гробовщикъ.—Ваша мамаша были довольны, а что мой братъ, то и я...

Читальщикъ многозначительно подтвердилъ:

— Онъ ужъ сдѣлаетъ! Добросовѣстный человѣкъ! Дѣды ихъ еще гробовымъ дѣломъ занимались... А насъ—двоихъ или троихъ возьмете? Когда хоронить-то? Тоже надо знать...

Сеня не могъ отвѣтить сразу, ничего не соображалъ.

— На Смоленское или на какое другое кладбище?—спросилъ гробовщикъ.

Сеня опять растерялся. Дѣда похоронили на Смоленскомъ кладбищѣ. Вѣрно, и отца туда же надо? Гробовщикъ уже снималъ мѣрку съ покойника и мелькомъ замѣтилъ:

— Мѣсто вѣрно уже откуплено-съ.

— Мѣсто?—очнулся Сеня.— Нѣтъ, мѣсто еще не куплено...

И внезапно вспомнилъ о деньгахъ. Въ домѣ, вѣроятно, ничего почти нѣтъ. Изъ банка выдадутъ не сейчасъ. Надо перехватить хоть у Маріанны. Потомъ дать знать въ банкъ. Сколько выдадутъ? Надо сосчитать, что все будетъ стоить. Онъ дотронулся до рукава гробовщика, уже складывавшаго мѣрку.

— А объ цѣнѣ мы не говорили еще...

— Если все наилучшимъ манеромъ вы, Семенъ Юрьевичъ, желаете, мы исполнимъ все въ аккуратъ и лишняго не возьмемъ. То-есть ни копейки. Дѣдушку вашего хоронили, такъ ужъ вы, Семенъ Юрьевичъ, будьте благонадежны. Такъ похоронимъ, такъ похоронимъ...

— Все же я долженъ знать...

Начался торгъ. Впервые въ жизни Сеня дѣлалъ крупный заказъ самостоятельно, впервые ему приходилось торговаться, боясь, что у него не хватитъ денегъ. До этой поры обо всемъ заботился отецъ, даже во время болѣзни. Теперь заботиться некому, самому надо обо всемъ подумать. Въ душѣ подымалась какая-то горечь отъ сознанія, что первый опытъ практичности связанъ съ закаломъ гроба отцу. Ему стало противно, почти обидно спорить изъ-за рублей, изъ-за

конецъ тутъ, около этого мертваго человѣка. Онъ вдругъ оборвалъ переговоры и съ выраженіемъ брезгливости первно проговорилъ:

— Довольно, довольно! Дѣлайте все какъ слѣдуетъ...

И торопливо обратился къ читальщику:

— Вы читать хотите? Двоихъ нужно? Да? Приходите!

Читальщикъ началъ говорить о цѣнѣ.

— Да, да, знаю, согласенъ! — отвѣтилъ раздражительно Сеня, не слушая его.

Гробовщикъ и читальщикъ стали откланиваться, увѣряя его еще разъ, что онъ останется ими доволенъ.

Сеня, не слушая ихъ, не видя ихъ, съ глазами, полными слезъ, весь охваченный горемъ, припалъ къ груди отца, точно ища минутнаго успокоенія, необходимаго отдыха на этой холодной груди. Не прошло и двухъ минутъ, какъ кто-то проговорилъ надъ его ухомъ:

— А покровъ и шандалы-съ, Семенъ Юрьевичъ, сами изволите выбрать въ церкви?

Сеня, точно до него коснулся электрическій ударъ, выпрямился во весь ростъ и весь встряхнулся. Его глаза были уже сухи, лицо серьезно. Онъ взглянулъ на говорившаго— это былъ вернувшійся гробовщикъ.

— Да, самъ... все самъ,—отвѣтилъ безсознательно молодой человѣкъ.

«Надо хлопотать! надо хлопотать!» пронеслось въ его головѣ. Нельзя же заставлять другихъ дѣлать то, что онъ долженъ теперь сдѣлать. Не маленькій онъ, не Сеня уже, а Семенъ Юрьевичъ. На немъ лежатъ всѣ заботы, онъ глава семьи. Надо быть мужчиной. Онъ вспомнилъ, какъ отецъ часто говорилъ: «Бѣда наша, что мы, мужчины, обабились, тряпками стали». Онъ быстро вышелъ изъ гостиной, прошелъ въ спальню матери. Марья Львовна лежала въ полузабытьи. Около нея сидѣла Оля. Братъ поцѣловалъ ее и сказалъ, что онъ ѣдетъ хлопотать о деньгахъ, распорядиться всѣмъ. Потомъ онъ вышелъ и сталъ поспѣшно надѣвать пальто.

— Авдотьюшка, Глаша, поберегите барышню. Не уходите никуда,—говорилъ онъ служанкамъ.

— Ужъ будьте покойны, Семенъ Юрьевичъ,—отвѣчали тѣ.—Куда же намъ идти. Такое ли теперь время...

— Да, да! Я васъ сумѣю отблагодарить...

— Мы всегда были вами довольны; барышня тоже заботились,—заговорили онѣ разомъ.

Онъ вышелъ на улицу, озабоченный, серьезный, точно внезапно выросшій, превратившійся вполнѣ въ мужчину. Онъ чувствовалъ, что онъ уже не имѣетъ права малодушничать, прятаться отъ житейскихъ невзгодъ и тревогъ за чью-то спину.

V.

Оля и Сеня, глубоко потрясенные и безъ того смертью отца, рѣшительно потеряли голову, придумывая, какъ хоть немного успокоить мать. Она рыдала во всѣмъ часомъ, она почти не отходила отъ гроба. Истерическій плачъ, безсмысленные крики, безумныя выходки, все это могло хоть кого свести съ ума. Явилось неожиданное для Сени и Оли, хотя и предвидѣнное гробовщикомъ обстоятельство, еще больше возбудившее Марью Львовну. Трупъ началъ быстро разлагаться. Сеня закупилъ разныхъ очищающихъ воздухъ снадобій, но читальщикъ замѣтилъ, что прежде всего нужно закрыть плотно гробъ. Иначе тѣло распухнетъ, что нельзя будетъ и закрыть гробъ. Гробовщикъ, суетившійся и забѣгавшій въ квартиру, былъ того же мнѣнія. Это было большое горе для Сени и Оли; но они, тѣмъ не менѣе, рѣшили, что надо скорѣе закрыть гробъ. Марья Львовна, услыхавъ, что хотятъ совсѣмъ закрыть покойника, начала протестовать. Успокаивая и уговаривая ее, Сеня рѣшительно объявилъ, что иначе нельзя поступить. Она кричала, что она не позволитъ, не дастъ закрыть крышку. Пришлось увести ее изъ гостиной. Тутъ было отъ чего придти въ отчаяніе: Сеня совсѣмъ измучился. Былъ минутъ, когда онъ самъ поколебался, не знаю, въ правѣ ли онъ исполнять требованія матери. Но онъ совладѣлъ собою и поступилъ по-своему. Крышку закрыли и запаяли. Когда Марья Львовна увидала это, среди ея рыданій послышались крики. «Папочку у меня отняли! Не увижу я болѣе его! Взяли его у меня! Это было что-то безумное. Противъ подобнаго проявленія горя были безсильны доводы, утѣшенія. Тутъ приходилось употреблять почти насиліе, уводить рыдающую женщину противъ ея воли изъ комнаты... Оля уже не чувствовала подъ собою ногъ, носилъ все время съ матерью; Сеня только стискивалъ зубы. Онъ чувствовалъ, что въ его душѣ почти замерло горе объ отцѣ, а явилось только раздраженіе на мать, мучившую и терзавшую его сестру. Маріанна посовѣтовала брату и сестрѣ оставить Марью Львовну, не уговаривая, не утѣшая ее, такъ какъ всякія утѣшенія теперь еще болѣе возбуждали

несчастную, обезумѣвшую отъ горя женщину. Лучше всего дать ей полную волю наплакаться, накричаться. Кончится обрядъ погребенія, тогда сами собою пройдутъ эти припадки остраго горя, острой боли. Давая эти совѣты, Маріанна прибавляла, что нужно тотчасъ же послѣ похоронъ перебраться съ квартиры, гдѣ все было полно горькихъ воспоминаній для Марьи Львовны. Куда перебраться? Сначала на дачу Кроля, такъ какъ домъ теплый, и тамъ уже можно жить даже теперь въ самомъ началѣ весны. А потомъ—Маріанна ласково и мягко замѣтила, что для семьи найдется на зиму помѣщеніе въ ея городскомъ домѣ. Оля пожала ей руку и проговорила:

— Твой мужъ говорилъ мнѣ какъ-то, что онъ можетъ выхлопотать мнѣ мѣсто городской учительницы. Я буду просить его объ этомъ...

— Ты не хочешь жить у меня?— спросила Маріанна.

Оля подняла на нее глаза.

— Я не одна... Мамѣ было бы тяжело...

— Да, да, ты права, — со вздохомъ согласилась Маріанна.

Въ минуту отдыха между хлопотами и панихидами они говорили теперь о будущемъ, какъ бы инстинктивно стараясь отвлечь свои мысли отъ настоящаго, отъ этого заколоченнаго гроба, къ которому было тяжело подойти близко, отъ этой кричащей женщины, которая жаловалась на нихъ, отталкивала ихъ отъ себя, ни разу даже не вспомнивъ, что они страдаютъ, быть-можетъ, не менѣе, чѣмъ она.

Вечеромъ, наканунѣ похоронъ, Сеня и Оля, усталые, измученные, сидѣли въ комнатѣ Оли. Сильная усталость и нервное возбужденіе лишили ихъ сна. Имъ хотѣлось только быть вдвоемъ, внѣ всѣхъ этихъ раздирающихъ сердце сценъ, внѣ всей этой похоронной сутолки, внѣ всѣхъ этихъ житейскихъ заботъ о читальщикахъ, попахъ, пѣвчимъ, могилахъ, могильщикахъ. Сеня замѣтилъ сестрѣ:

— Ты говорила съ Маріанной о мѣстѣ городской учительницы. Это тяжелый трудъ. Мамѣ Манѣ тяжело было бы жить у Маріанны, это правда, но вѣдь я могу жить съ ней. Ты приплачивала бы...

Она взглянула на него.

— Развѣ тебѣ было бы веселѣе безъ меня?—спросила она мягко.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но она заговорила снова:

— Нѣтъ, будемъ жить всѣ вмѣстѣ, пока можно. Такъ

лучше, такъ лучше. Помнишь, папа какъ былъ счастливъ, когда мы были всѣ вмѣстѣ?..

Она вздохнула, вспомнивъ объ отцѣ.

— О, если бы онъ зналъ, сколько у насъ горя!..

Братъ махнулъ рукою.

— Слава Богу, что не знаетъ... И такъ не легко прожилъ жизнь...

Онъ опять перешелъ къ вопросу о будущемъ.

— Такъ ты, значитъ, окончательно не хочешь жить у Маріанны? За себя я радъ, но боюсь, что ты приносишь непосильную жертву... Тебѣ нужно отдохнуть...

— Пустяки!—проговорила она. — Будемъ жить вмѣстѣ, вотъ и отдохнемъ... И кромѣ того, что за роль буду я играть у Маріанны? Роль гувернантки? Маріанна слишкомъ привязана ко мнѣ, чтобы держать меня, какъ простую гувернантку. Роль бѣдной родственницы? Зачѣмъ? Наконецъ, эта богатая обстановка, эта жизнь на всемъ готовомъ...

Она пожала плечами.

— Лучше стать теперь на свои ноги, чѣмъ тогда, когда уже не будетъ силъ... Меня мое будущее не пугаетъ, я боюсь только за маму... совсѣмъ она потерялась несчастная, и что больнѣе всего, такъ это то, что она смотритъ на насъ, какъ на чужихъ...

— Развѣ мы виноваты? — воскликнулъ раздражительно Сеня.

Поведеніе матери все время раздражало его нервы.

— Да развѣ вопросъ въ томъ, кто виноватъ?—тихо проговорила Оля.

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Знаю! знаю! но что же дѣлать? Я самъ не знаю, что дѣлалось со мною вчера, когда она вцѣпилась въ меня и стала кричать: «Ты не смѣешь, не смѣешь закалачивать гробъ». Вѣдь это можетъ свести меня съ ума. Развѣ я или ты виноваты въ этомъ? Развѣ намъ-то не тяжело?

Оля не дала ему кончить, тихо замѣтила:

— Это острое горе, это пройдетъ...

— А что дальше, что дальше будетъ? Ты думаешь, что дальше будетъ легко ладить?

Оля не отвѣтила на этотъ вопросъ. Она сама боялась заглядывать впередъ, на будущія отношенія къ матери.

— Мы сдѣлали все для нея, что можемъ, — замѣтила она. — Будемъ работать, насколько хватитъ силъ, чтобы она не нуждалась.

— Если бы этимъ исчерпалось все! —проговорилъ Сеня.

Оля только вздохнула. Женское чутье подсказало ей что-то недоброе. Какія-то смутныя опасенія за мать гнѣздились въ душѣ. Въ головѣ проносилась мысль: «Господи, если бы она хотя немного любила насъ, если бы она умѣла вообще любить».

Рано утромъ, въ день похоронъ, всѣ были уже на ногахъ въ домѣ. Собрались пѣвчіе, духовенство, масса народу. Съѣхались родные и знакомые, набѣжали любопытные: одни—чтобы взглянуть, каковъ гробъ, другіе — чтобы услыхать, какъ убивается «сама», третьи —чтобы посудачить о чемъ попало. Въ одномъ углу Максимъ Максимычъ объяснялъ причину смерти: «разрывъ сердца или тромбъ; удивительно не то, что Серпуховъ умеръ такъ внезапно, а то, что онъ жилъ такъ долго съ болѣзнью сердца». На лѣстницѣ приземистый и коренастый директоръ банка объяснялъ, что онъ послѣдній видѣлъ Юрія Дмитріевича и тогда же рѣшилъ, что Серпуховъ не жилецъ на свѣтѣ; такъ и вышло. Всѣ слушали и Максима Максимовича, и директора банка. Обстоятельства, сопровождающія смерть, всегда интересны... Въ комнатѣ, между тѣмъ, было душно, воздухъ былъ тяжелъ, становилось тошно. Священникъ торопился служить, читая скороговоркой, не ожидая окончанія пѣвчими пѣнія. Присутствующіе крестились какъ-то торопливо, раньше времени загасили свѣчи, точно отъ этого зависѣлъ конецъ службы. Когда кончилась служба, въ комнатѣ раздались крики Марьи Львовны, припавшей къ гробу, бившейся головой объ его крышку. Сынъ и дочь почти унесли ее отъ гроба въ истерическомъ припадкѣ. Въ ихъ головахъ мелькнула невольная мысль: «скорѣй бы все кончилось!» Объ отцѣ они уже почти не могли думать; слезъ уже не было на глазахъ. Была одна забота—справиться съ матерью. Печальная процессія, наконецъ, двинулась. Марью Львовну почти уложили въ карету. Сеня и Оля пошли за дрогами, тяжело дыша отъ усталости и набирая свѣжаго воздуха. Идти за гробомъ было для нихъ теперь какъ бы отдыхомъ. Они шли подъ руку, прижавшись другъ къ другу, не обращая ни на кого вниманія, точно кругомъ не было никого, кромѣ ихъ и этого гроба...

На половинѣ дороги чей-то блестящій экипажъ догналъ гробъ, остановился, и изъ него вышелъ Евгеній Александровичъ Шаховъ. Онъ снялъ свой цилиндръ, перекрестился, подошелъ къ шедшимъ за гробомъ Олѣ и Сенѣ. Его сна-

чала не замѣтила. Онъ заговорилъ. Она вздрогнула, услышавъ его голосъ.

— Вы? Здѣсь?—почти съ ужасомъ проговорила она, глядя на него широко открытыми глазами.

Все прежнее разомъ воскресло въ ея памяти. Въ душѣ поднялась ненависть къ этому человѣку.

— Я только сегодня узналъ... потому и не могъ раньше,— сказалъ Шаховъ.—Какія странныя встрѣчи!..

Онъ былъ смущенъ, путался, говорилъ наугадъ. Онъ узналъ о смерти Сергухова два дня тому назадъ, но не зналъ, какъ поступить: ѣхать или не ѣхать? Сначала онъ рѣшилъ не ѣхать; потому ему показалось это неловкимъ, явилась даже благодушная мысль, что онъ, можетъ-быть, можетъ чѣмъ-нибудь помочь семьѣ. Явилось даже извѣстное умиленіе при воспоминаніи о давно прошедшихъ дружескихъ отношеніяхъ къ «бѣдному» Сергухову. Потомъ снова какой-то внутренній голосъ подсказалъ: «но какъ же ѣхать, Маня что скажетъ?» Онъ рѣшилъ не ѣхать. Тогда явилась къ нему жена съ газетой въ рукахъ и спросила его, знаетъ ли онъ о смерти Сергухова. Вѣрно онъ пропустилъ публикацію? Надо ѣхать, нельзя же порывать связь со всѣми родными, и тѣмъ онъ отшатнулся отъ всѣхъ. Произошла небольшая сцена, и Шаховъ увѣренно сказалъ, что, можетъ-быть, онъ еще поѣдетъ—подумаетъ и поѣдетъ. Въ душѣ онъ рѣшилъ не ѣхать—рѣшилъ твердо именно потому, что теперь и жена хотѣла ѣхать съ нимъ. Мало ли что можетъ случиться. Маня, въ припадкѣ отчаянія, можетъ сдѣлать сцену. Она вѣдь иногда не отличалась тактомъ, а теперь, въ минуту горя, и подавно. Онъ сказалъ женѣ, что поѣдетъ и рѣшилъ въ день похоронъ внезапно заболѣть зубною болью. Этимъ путемъ все уладится. Нельзя же будетъ ѣхать, когда начнется страшная зубная боль. Однако, случай сыгралъ съ нимъ плохую шутку. Евгеній Александровичъ встрѣтился съ однимъ изъ Кроле́й. Они встрѣчались въ обществѣ нерѣдко, и въ этой встрѣчѣ не было ничего удивительнаго. Кроль спросилъ его, почему онъ не былъ на панихидѣ у Сергухова? Не знаетъ, вѣрно, о его смерти? Шаховъ сконфузился, въ замѣшательствѣ выразилъ сожалѣніе о томъ, что онъ не прочелъ публикаціи о смерти Сергухова, сказалъ, что онъ непремѣнно, непремѣнно поѣдетъ—и тотчасъ же въ его головѣ мелькнула мысль, что объ его отсутствіи уже говорятъ, что это можетъ вызвать разныя предполо-

женія и сплетни, что онъ долженъ ѣхать на похороны уже ради избѣжанія толковъ. Онъ поѣхалъ...

— Я даже не зналъ, что онъ былъ такъ тяжко боленъ,— началъ Шаховъ, желая оправдаться передъ Олей и Сеней.

Оля, охваченная страхомъ за мать, сухо перебила его.

— Я надѣюсь, что вы не будете въ церкви,—глухимъ голосомъ проговорила она и отчетливо закончила:—У нашей матери и такъ много горя...

Шаховъ поблѣднѣлъ, какъ полотно. Этого онъ не ждалъ.

— Я... я, Ольга Юрьевна,—началъ онъ, запинаясь.

Она даже не взглянула на него, продолжая идти подъ руку съ братомъ за гробомъ отца. Евгеній Александровичъ, растерявшійся, не знавшій, что говорить, бросилъ взглядъ на Сеню, какъ бы ища его поддержки. Сеня упорно смотрѣлъ подъ ноги, продолжая свой путь. Выраженіе его лица было холодно и сурово. Шаховъ понялъ, что братъ и сестра все знаютъ, что они его ненавидятъ, презираютъ, онъ остался стоять на дорогѣ. Ему крикнули: «берегись», онъ машинально сунулся въ сторону, перешелъ на тротуаръ, пошелъ назадъ безъ мысли, безъ цѣли...

— Женя, куда ты?—донесся до него немного визгливый женскій голосъ.

Онъ опомнился, очнулся, вспомнилъ о женѣ.

— Голова закружилась,—проговорилъ онъ, подходя къ каретѣ.—Домой...

— Ну, вотъ еще... Пройдетъ,—капризно заговорила она, дѣлая гримаску.

— Нѣтъ, нѣтъ, домой!—рѣшительно приказалъ онъ кучеру, садясь въ экипажъ.

И, сдвинулъ назадъ шляпу, онъ потеръ рукою лобъ.

— Это странно... Догнали покойника и вернулись назадъ!—раздражительно произнесла она.—Право, можно подумать, что ты боишься показать меня своей роднѣ. Годъ живемъ въ Петербургѣ и даже не заглянули въ домъ Кроля. Зачѣмъ же тогда было дѣлать визитъ къ его женѣ по пріѣздѣ послѣ свадьбы изъ-за границы? Твоя кузина должна считать меня невѣжей. Не ей же было отыскивать меня въ Петербургѣ, когда она даже не знала, здѣсь ли я. Теперь былъ случай встрѣтиться, такъ ни на одну панихиду не поѣхалъ; уговорила ѣхать на похороны—и ворочаемся обратно...

Онъ раздражился.

— Точно о спектаклѣ о похоронахъ говоришь:

— О похоронахъ! о похоронахъ!—запальчиво воскликнула Софья Андреевна.—Я не о нихъ говорю, а о Маріаннѣ, о другихъ родныхъ... Я вовсе не желаю прятаться отъ нихъ. Мнѣ всѣ говорятъ, что у Кроля собирается избранное общество, меня спрашиваютъ, почему мы не бываемъ у нихъ. Вѣдь мы родные.

Онъ отвернулся отъ нея и молчалъ, кусая губы. Она уже не разъ дѣлала ему бурныя сцены за то, что онъ не даетъ ей возможности щегольнуть своими туалетами среди «избраннаго» общества въ домѣ Кроля. Она думала, что именно въ этомъ обществѣ, такъ какъ оно «избранное», всѣ на перебой щеголяютъ нарядами...

VI.

Въ квартирѣ Серпуховыхъ царствовалъ хаосъ приготовленій къ переѣзду съ квартиры, говорившій о разореніи стараго насиженнаго гнѣзда. Сеня и Оля рѣшили, какъ они будутъ жить. Сперва переберутся на дачу въ Павловскъ, потомъ Оля надѣялась получить городскую школу и поселиться тамъ съ матерью и братомъ. Лишнюю мебель, лишнюю посуду надо было продать; оставить предполагалось только то, что было необходимо. Почти каждый день братъ и сестра спрашивали у матери, какъ она думаетъ, надо или не надо сдѣлать то или другое, какія вещи можно продать, и что слѣдуетъ оставить.

— Что вы меня спрашиваете?—раздражительно отзывалась Марья Львовна.—Продавайте хоть все, мнѣ все равно. Мнѣ ничего не надо.

Сеню это начало нѣсколько бѣсить. Хлопотъ у него было и такъ не мало; ему хотѣлось поскорѣй все устроить, чтобы опять зажить ровною жизнью, учась и работая.

— Долженъ же я знать, мама, что ты желала бы сохранить, и что тебѣ не нужно,—замѣтилъ онъ, наконецъ, Марьѣ Львовнѣ.—Всего оставить мы не можемъ, помѣщеніе придется нанять небольшое, такъ какъ средства будутъ не велики.

— Знаю я, знаю, что нищими мы стали,—заплакала она.

— Полно, не плачь!—остановилъ онъ ее.—Нищими не будемъ, придется только жить расчетливѣе, вотъ и все. Ты должна лучше насъ знать, что необходимо для хозяйства, потому мы и спрашиваемъ, что можно и чего нельзя продавать...

— Мнѣ ничего теперь не надо, ничего!—воскликнула Марья

Львовна.—Какая я теперь хозяйка? Изъ вашихъ рукъ буду смотрѣть. Своего у меня ничего нѣтъ.

— Что будетъ у насъ, то будетъ и у тебя, — сдержанно сказалъ Сеня.

— Мнѣ ничего не надо, ничего!..

Сеня нетерпѣливо пожалъ плечами. Онъ точно попалъ въ бѣличье колесо, откуда нѣтъ выхода, какъ ни вертись. Фразы «мнѣ ничего не надо» и «мнѣ все равно» были началомъ и концомъ всѣхъ разговоровъ съ Марьей Львовной. Это начинало разстраивать нервы, поднимать желчь.

Дѣйствительно, ей было все равно, что дѣлалось дома. Ея постояннымъ мѣстопребываніемъ сдѣлалась могила мужа. Съ утра она собиралась на кладбище и проводила здѣсь цѣлые часы, рыдая, причитая, повторяя:

— Папочка, папочка мой, не знаешь ты, что я плачу! Ни угла, ни пристанища скоро у меня не будетъ.

Иногда, наплакавшись вволю, она застывала въ тупомъ оцѣпенѣніи, думая о томъ, что будетъ дальше. На счетъ Маріанны придется жить, Сеня и Оля будутъ зарабатывать деньги на ея прокормленіе, въ душѣ станутъ желать ея смерти, потому что она лишній ротъ. Платье ей понадобится, башмаки стопчутся, шляпка будетъ нужна, придется просить у нихъ. Никогда она не побиралась, никогда! Папочка отдавалъ ей деньги и не спрашивалъ, на что она ихъ тратитъ... Теперь надо будетъ каждый грошъ спросить. Они и не поймутъ, каково ей это. Сердца у нихъ нѣтъ. Вотъ и теперь, — продаютъ все, и горя имъ мало. Вчера съ этажерки вещицы мелкія продали. «Куда, говорятъ, всѣ эти игрушки и побрякушки. Теперь не до нихъ». А тамъ каждая вещица память. «Будемъ, говорятъ, жить съ расчетомъ, скромно, не помремъ съ голоду и не протянемъ руки за милостыней». Извѣстно, что это значитъ, жить съ расчетомъ. Каждую копейку будутъ считать, каждый фунтъ хлѣба считать. «Еще бы! своимъ трудомъ все будутъ добывать, а я изъ милости буду жить». Въ душѣ поднималась горечь, негодованіе противъ дѣтей.

Какъ-то она, лежа въ своей комнатѣ, услыхала дома разговоръ Оли съ Авдотьей.

— Авдотьюшка, смотри хоть ты, что нужно изъ посуды,— спрашивала Оля у кухарки.—Вѣдь теперь же намъ не вечера придется задавать. Тутъ много лишняго. Теперь этотъ хламъ не нуженъ.

— Да вотъ хоть бы сервизъ англицкій,—заявила Авдотья.—

Его и при нашемъ бѣдствіи разъ въ годъ подавали. А теперь на что онъ.

«Это мнѣ моей папочка въ приданое далъ»,—вспомнила Марья Львовна и заплакала не то о сервизѣ, не то о томъ времени, когда ей прадаже головили.

— Тоже самоваръ большой купили! Его и не поднимешь съ полей-то...

— Да, да, теперь онъ не нуженъ, — согласилась Оля.— Гостей скликать не будемъ...

«Запремся одни, какъ въ могилѣ,—мелькнуло въ головѣ Марьи Львовны.—Гдѣ ужъ чужихъ кормить, когда себѣ едва хватитъ хлѣба».

— Господи, какое несчастье, что мама не можетъ ничего лосовѣтовать,—со вздохомъ сказала Оля.

— Гдѣ ужъ бѣдняжка, сами не въ себя онѣ, — замѣтила Аксютка.

Въ кухню вошелъ Сеня, усталый, озабоченный; онъ остановился въ дверяхъ, смотря на этотъ безпорядокъ разбираемой посуды, закупориваемыхъ ящиковъ, обрывковъ бумаги, клочковъ сѣна.

— Ну, что?—спросилъ онъ Олю.—Скоро конецъ?

— Кажется, скоро,—отвѣтила Оля, прислонившись къ ящикъ.—Ахъ, какъ я буду счастлива, когда мы переѣдемъ. Я никакъ не думала, что все это будетъ такъ сложно и тяжело...

Онъ подошелъ къ ней и поцѣловалъ ее.

— Устала ты, бѣдняжка!

Потомъ, торопясь кончить дѣло продажи вещей и переѣзда, онъ проговорилъ:

— Съ рынка сейчасъ придутъ покупщики. Извозчиковъ я уже нанялъ на завтра. Придется, конечно, многое обмѣнять очень дешево. Но что же дѣлать, надо кончить скорѣе. У меня экзамены, уроки, — а эта возня отнимаетъ столько времени.

Глаша, услыхавъ, что переѣзжаютъ завтра, встрепенулась и невольно спросила:

— А какъ же я, Семенъ Юрьевичъ? Разсчитаете меня?

— Зачѣмъ?—отозвался Сеня.—Покуда вы нужны...

Онъ обратился къ сестрѣ и сказалъ по-французски:

— Мамѣ нужна горничная. Покуда хватитъ средствъ. Коли же останешь городскую школу, тогда и полавню съ одной кухаркой не справиться. И жаль отпустить Глашу...

Марья Львовна, услыхавъ о близости переѣзда съ квар-

тиры, испугалась чего-то. Она встала, пошла бродить по комнатамъ. Здѣсь теперь каждый уголокъ былъ для нея полонъ воспоминаній. Она вѣчно жаловалась на свою судьбу, а теперь все прошлое представало передъ ней въ свѣтлыхъ краскахъ,—точно вся жизнь ея была сплошнымъ счастливымъ сномъ. Въ то же время въ головѣ проносились мысли, что это гнѣздо разорили, что ее гонятъ отсюда. Кто? Дѣти. Она не отдавала себѣ отчета въ томъ, что дѣти вовсе не виноваты въ разореніи насиженнаго гнѣзда, въ переѣздѣ изъ этого мирнаго уголка; она видѣла только одно, что разоряютъ гнѣздо они, что переѣзжать ее заставляютъ они же; за это противъ нихъ поднималось враждебное чувство.

Какіе-то грубые мужицкіе голоса и топотъ толстыхъ сапогъ заставили ее очнуться. Въ квартиру набрались маклаки. Началась продажа всего лишняго, торгъ изъ-за грошей, строптивыя восклицанія Сени, божба торгашей, что дороже нельзя дать... «Господи, Господи, какъ они кричатъ!—воскликнула Марья Львовна, забившись въ уголъ своей комнаты и затыкая уши.—Все гроши и гроши на первомъ планѣ у всѣхъ. Такъ молоды, а ни о чемъ, кромѣ денегъ, не думаютъ». Потомъ начали увязывать вещи; вытаскивать узлы, мебель.

— Папочку, папочку такъ выносили,—стонала Марья Львовна...

Вечеромъ заѣхала Маріанна на минуту, только взглянуть на своихъ «дѣтей», какъ она называла Сеню и Олю.

— Ну, что? все кончили, слава Богу?—спрашивала она.—Ахъ, какъ я рада за васъ! Завтра переѣдете на дачу и конецъ, вздохнете свободно. Обоимъ вамъ отдыхъ нуженъ.

Она расцѣловала брата и сестру и спросила о Марьѣ Львовнѣ. Ей сказали, что Марья Львовна у себя въ комнатѣ.

— Отдыхаетъ?

Сеня пожалъ плечами.

— Должно-быть.

Маріанна пришла немного въ замѣшательство: идти или не идти къ Марьѣ Львовнѣ. Она хорошо знала эту женщину: не зайти—станетъ говорить, что ее знать не хотятъ, зайти—можетъ опять изъ-за чего-нибудь раскапризничаться.

Она обратилась къ Олѣ.

— Оля, зайди и взгляни... Можетъ-быть, она спитъ...

Оля прошла въ комнату матери. Марья Львовна лежала

съ открытыми глазами. Что-то тупое и въ то же время лихорадочное было въ выраженіи этихъ глазъ. Казалось, она видѣла передъ собой какіе-то призраки и не то не могла соображать, что происходитъ передъ нею, не то была охвачена ужасомъ, вызваннымъ этими представленіями. Она вздрогнула при появленіи дочери, но не шевельнулась съ мѣста.

— Маріанна заѣхала,—начала Оля.

— Ну?—тупо спросила Марья Львовна.—Что ей надо? Полюбоваться на разгромъ, на разоренье захотѣлось?

Оля подавила вздохъ и спросила:

— Ты выйдешь или ей придти къ тебѣ?

— Не надо, не надо! Никого мнѣ не надо! — воскликнула Марья Львовна.

— Мама, успокойся!—ласково заговорила Оля и хотѣла наклониться къ матери.

— Иди, иди! Оставьте меня, оставьте! — махая рукой, воскликнула Сергухова.

Дочь, опечаленная, смущенная, вышла. Она сказала Маріаннѣ, что мать уснула. Маріанна поняла по выраженію лица Оли, что Марья Львовна просто не хочетъ выходить. Посидѣвъ немного съ молодыми людьми, Маріанна уѣхала. Тотчасъ же послѣ ея ухода Оля заговорила съ братомъ о матери. Что съ ней дѣлается? Что предпринять, чтобы хотя немного успокоить ее? Такъ жить нельзя. Это будетъ пытка и для нея, и для нихъ. Разстроенные всѣми событіями послѣднихъ дней, нервы не выдержали. Оля разрыдалась. Братъ подсѣлъ къ ней, сталъ ее уговаривать, повторяя первыя попавшіяся на языкъ слова утѣшеній. «Все пройдетъ, время лучшій цѣлитель, освоится мать съ своимъ положеніемъ, пойметъ, что ей не хуже жить съ дѣтьми, чѣмъ жилось прежде, примирится. Вѣдь утѣшилась же она послѣ потери своего отца?» Но все это были слова и только слова, въ которыя не вѣрилъ самъ Сеня. Онъ и Оля понимали, что теперь горе отразилось на нихъ матери не такъ, какъ тогда, что утѣшить и успокоить ее не въ ихъ власти. Пересоздать ея характеръ нужно, вложить въ нее иную душу нужно, чтобы она стала иначе смотрѣть на свое положеніе. Этого они не могли сдѣлать.

VII.

Братъ и сестра не ошибались. Дѣйствительно нужно было пересоздать Марью Львовну, чтобъ она успокоилась. Никогда она не любила никого той безкорыстной любовью, которая

не знаетъ невозможныхъ жертвъ для любимаго существа. Никогда она не могла понять, что и другіе люди способны на такую любовь, хотя ее и любили именно такъ и отецъ, и мужъ. Оставшись теперь безъ отца и мужа, она остановилась на одной мысли, что она будетъ зависѣть отъ дѣтей, что они будутъ тяготиться ея присутствіемъ, станутъ усчитывать куски хлѣба, попрекать ее. Впереди былъ какой-то адъ, а не жизнь. Остановившись на этой мысли, она теперь ловила проблески этой горькой жизни во всемъ, продаютъ они все, толкуютъ о сокращеніи расходовъ, хозяйничаютъ сами—дальше будетъ еще хуже. Ни разу она не задумалась о томъ, что иначе они не могли дѣйствовать, что она сама отказалась отъ роли распорядительницы. Въ головѣ ея проносились мысли, что они даже отца не любили: не успѣли его схоронить, а они уже погрузились въ мелочныя соображенія, продаютъ вещи, съ которыми связаны воспоминанія, хотятъ бѣжать изъ квартиры, гдѣ все еще полно прошлымъ. Какъ тяжело имъ это — этого она даже и не подозрѣвала. Она видѣла только ихъ сухость, черствость, мелочность. Вѣрная себѣ, она сознавала только то, что чувствовала она сама, и не задавала себѣ вопроса о томъ, что могутъ и должны переживать другіе въ тяжелыя минуты. Когда уносили маклаки разныя вещи, ей все представлялось, что изъ квартиры второй разъ уносятъ покойника: «сперва папочку унесли, теперь послѣднее воспоминаніе о немъ хоронятъ». На другой день утромъ ее разбудилъ топотъ мужицкихъ ногъ... «Опять похороны!» пронеслась въ ея головѣ мысль, и она быстро стала одѣваться... «Бѣжать, бѣжать надо, чтобъ не видѣть этого новаго разоренія», подсказывалъ ей какой-то тайный голосъ. «Куда? на могилу къ папочкѣ — куда же больше? ничего у нея нѣтъ, кромѣ этой могилы».

— Мама, куда ты?—спросила ее изумленная Оля, видя ее уже совсѣмъ одѣтою.

— Къ папочкѣ, куда же больше? — проговорила Марья Львовна.

— Мы же сегодня перебираемся... Какъ же?—спросила дочь съ недоумѣніемъ.

— Я послѣ пріѣду,—отвѣтила мать.

— Одна?

— Да, да, одна.

Оля стала ее уговаривать. Разстроится она. Можно вѣдь и изъ Павловска на кладбище съѣздить. Мать не слушала ее. Оля совсѣмъ растерялась и только могла проговорить:

— Такъ, значитъ, не ждать тебя?

Мать махнула рукой и вышла.

«Проститься съ отцомъ даже не думаютъ дѣти, — вертѣлось въ ея головѣ. — Что имъ отецъ, мать?»

Она шла по направленію къ кладбищу, даже не думая взять извозчика, хотя дорога была дальняя. На Васильевскомъ островѣ, чѣмъ ближе къ кладбищу, тѣмъ чаще виднѣлись погребальныя процессіи. «Счастливые! счастливые!— бормотала Марья Львовна, видя гробы съ покойниками.— Умерли — и ничего не знаютъ, ни горя, ни печали». Она дошла до кладбища, пробралась къ могиламъ мужа и отца и почти упала на нихъ. Полились жалобы. «Тяжело ей, одинокой, не знаютъ они ея горя. Взяли бы ее къ себѣ». Сначала она билась въ слезахъ, потомъ слезы исчезли, явилось какое-то отупѣніе. Она сидѣла теперь на могилѣ отца, сжавъ руки, стиснувъ зубы, съ тупымъ лихорадочнымъ взглядомъ. Гдѣ-то раздавались стоны и крики. Это уже хоронили покойниковъ. Потомъ все смолкло. Кладбище начало пустѣть. Она все сидѣла. Къ ней подходили нищіе, плакали, пѣли жалобными голосами: «милостыньку Христа ради, родителей помянуть». Она не измѣняла позы, не видѣла ихъ, и они, наконецъ, проходили дальше, смущенные видомъ этой неподвижно застывшей на мѣстѣ женщины.

День былъ ясный, солнечный, на деревьяхъ наливались почки, слышался повсюду гомонъ птицъ. Тѣмъ не менѣе, въ воздухѣ были сырость и холодъ петербургской весны. Марью Львовну вдругъ охватила дрожь; лихорадочный ознобъ пробѣжалъ по тѣлу. Она очнулась. Надо идти домой. Она пошла какъ-то безсмысленно, безцѣльно. Она шла домой медленно, чувствуя усталость и ознобъ. Куда она идетъ, она теперь не сознавала. Наконецъ, она дошла до знакомаго дома, вошла во дворъ, стала подниматься по лѣстницѣ, дошла до дверей и только тутъ, передъ этой дверью, когда ей бросилось въ глаза на темномъ фонѣ свѣтлое пятно на томъ мѣстѣ, гдѣ была еще вчера мѣдная доска съ именемъ ея мужа, она вспомнила, что ея семья уже переѣхала. Она точно растерялась. «Переѣхала? а какъ же она?» Она безсознательно дернула за ручку двери — дверь отворилась: въ квартирѣ все было пусто, вездѣ былъ соръ, комки бумаги, клочья сѣна. Она прошлась по комнатамъ, смущенная, утратившая всякій смыслъ.

— Какъ же это такъ! Переѣхали?—И мнѣ надо переѣхать? Куда? Къ Маріаннѣ?

Въ душѣ вдругъ поднялся гнѣвъ: кокотка, любовница, повѣнчавшая на себѣ любовника, теперь кажется барыней, кланяются всѣ ей, уважаютъ ее. Роль покровительницы бѣдныхъ разыгрываетъ, поднимаетъ голову, какъ честная женщина. Она-то честная?.. А она, сама Марья Львовна? За что она наказана? за что страдаетъ? Всю жизнь была честною... Ей внезапно вспомнился Шаховъ! «О, ненавистный человѣкъ, онъ погубилъ ее. Папочку это убило»... Она присѣла на подоконникъ, смотря въ пространство. Въ головѣ роились новыя мысли. «Папочка понялъ, что она была не виновата, онъ простилъ. Не виновата — за что же ей выпала такая доля? Вотъ теперь нужно будетъ изъ чужихъ рукъ смотрѣть. Маріанна будетъ покровительствовать, станетъ за ея спиной говорить ея дѣтямъ, что они были бы счастливѣе, если бы ея не было. Она ихъ связываетъ»...

Начинало смеркаться. Ей опять стало холодно, — лицо горѣло, а по тѣлу пробѣгала дрожь. Гдѣ-то, вѣроятно, въ сосѣдней квартирѣ, послышались шаги. Она очнулась, осмотрѣлась и ей показалось, что кто-то говоритъ ей: «пора!» Она встала, пошла, бормоча:

— Да, да, пора!

Она вышла на площадку лѣстницы и остановилась. Совершенно неожиданно она увидѣла передъ собой за перилами цѣлую пропасть — широкій пролетъ лѣстницы. Онъ всегда пугалъ ее, особенно въ ту ночь, когда умиралъ ея отецъ. Хорошо помнила она эту ночь. Съ этой ночи начались всѣ ея несчастія. Какъ она тогда испугалась, встрѣтивъ мужа. Она увлеклась тогда и наговорила ему Богъ знаетъ чего. Не въ своемъ умѣ была отъ горя, вотъ какъ теперь... Теперь этотъ пролетъ навелъ на нее почти ужасъ. Она попятилась къ дверямъ, точно она могла упасть въ этотъ пролетъ. Въ то же время въ головѣ мелькнула мысль: «Упала бы и конецъ! Не нужно мучиться, не нужно кланяться всякимъ бездушнымъ тварямъ, всякимъ развратницамъ». Она еще плотнѣе, почти безъ силъ, прижалась къ дверямъ, сторонясь отъ перилъ, сознавая, что ее тянетъ къ нимъ какая-то невѣдомая сила. Въ ушахъ зазвенѣло. Ей показалось, что гдѣ-то плачутъ.

— Вотъ такъ плакали сегодня надъ покойниками, а покойники ничего не слышатъ, не знаютъ.

На лѣстницѣ становилось темно, жутко. Марья Львовна почувствовала, что надо идти скорѣе. Который часъ? Когда идетъ поѣздъ? Сколько времени ѣзды до Павловска? Точно

въ могилу онъ скоро будетъ зарыта тамъ. Дѣти будутъ хозяйничать, Маріанна будетъ вести свою открытую жизнь. Опутала бедную и торжествуетъ...

«А покойники ничего не слышатъ, не знаютъ. — пронеслась снова въ головѣ роковая мысль. — Кинуться внизъ и конецъ».

Ее охватилъ смертельный страхъ, и въ то же время точно что-то толкнуло къ перилам. На одно мгновеніе все помутилось въ головѣ. Она отдѣлилась отъ стѣны, машинально подошла къ зіявшей передъ нею пропасти, уже наполнявшейся сумракомъ вечерѣющаго дня, безсознательно схватилась за перила и почти безъ чувствъ повисла внизъ головой. Тутъ ей показалось, что это такъ легко: перебросить ся и конецъ. Вотъ такъ: подняться на узоры рѣшетки, потерять равновѣсіе — и конецъ. Она, точно неразумный ребенокъ, не сознающій опасности своихъ шалостей, попробовала, какъ это можно сдѣлать...

Во всѣхъ квартирахъ, двери которыхъ выходили на лѣстницу, жильцы слышали неистовый вопль отчаянія, страха, мольбы, трусости, просящій о помощи:

— Спасите! Спасите!

Потомъ послышался звукъ паденія какого-то тяжелаго мягкаго тѣла. На лѣстницѣ во всѣхъ этажахъ захлопали двери, замелькали свѣчи, засновалъ народъ. Всѣ перевѣшивались чрезъ перила, смотрѣли внизъ, перекидывались торопливыми вопросами:

— Слышали? Что это значитъ? Тамъ лежитъ кто-то?

И всѣмъ было страшно сойти внизъ. Внизу что-то чернѣлось. Кто-то вошелъ на лѣстницу со двора. Увидавъ этого перваго живого человѣка тамъ, внизу, всѣ бросились туда. У всѣхъ разомъ прошелъ страхъ, на минуту охватившій всѣхъ. Раздались крики:

— Дворниковъ! Дворниковъ! Послать за полиціею!

Толпа дѣлалась все гуще и гуще; внизу кипѣло, какъ въ котлѣ. Дворники притащили рогожи. Начались толки.

— Съ чего это она?—спрашивали одни.

— По мужѣ, значитъ, убивалась,—пояснили другіе.

— Вотъ вѣдь — сама еще была не стара, онъ же почти старикъ, а какъ любила. Любовь-то что значитъ.

— Нѣтъ, это не съ того. Дѣти, видно, хороши были.

— Дѣти! Чего отъ нынѣшнихъ-то дѣтей ждать! Коли мать не вытолкали, такъ еще благодари Бога. Кулаками слезы утираютъ отъ дѣтей-то родители. Вотъ каковы нынче

дѣти! Вотъ тоже и дѣти уѣхали, а мать одну оставили. Собаку не броситъ добрый хозяинъ.

Толки росли и росли, въ толпѣ приводились примѣры, каковы дѣти у тѣхъ или у другихъ сосѣдей и знакомыхъ, тетокъ и кумовьевъ.

— А вотъ теперь-то каково имъ будетъ, какъ узнаютъ?— замѣтила какая-то женщина.

Этотъ вопросъ, ни на минуту не мелькнувшій въ головѣ несчастной Марьи Львовны среди другихъ мыслей, терзавшихъ ея умъ въ этотъ день, вдругъ перемѣнилъ настроеніе толпы.

— Что говорить, не легко тоже! Какъ ни какъ, а все же дѣти,— отозвался чей-то голосъ.

— Тоже иной разъ и родители-то хороши бываютъ...

— Это что говорить. Иной разъ собака и та лучше къ своимъ щенятамъ относится. Всякіе тоже бываютъ...

— Вотъ у Тихонихи-то дочь по торной дорожкѣ пошла, а кто толкнулъ? Мать!

— А сына-то до чего довела?—Одно званье, что мать...

И толки приняли иной характеръ, и тѣ же люди, которые сейчасъ безсмысленно повторяли ходячія фразы про негодность дѣтей, стали говорить также безсмысленно ходячія фразы про негодность родителей. Въ сгустившейся тьмѣ, охватившей пролетъ лѣстницы, раздавалось точно жужжанье пчелинаго улья, на стѣнахъ, при колеблющемся свѣтѣ свѣчей и фонарей, шатались длинныя тѣни собравшихся людей. И только она, виновница всего этого движенія, сутолоки, говора, прикрытая рогожами въ ожиданіи полиціи, лежала распростертая на каменномъ помостѣ. Ей было уже все равно, что совершается вокругъ нея. Мертвецы ничего не слышатъ, ничего не знаютъ.

Оглавленіе

V ТОМА.

стр.

Наши ближніе.

I. Парадоксы доктора Клименко 5
II. Какъ люди дѣлаются отцами 14
III. Кукушка стараго времени 25
IV. Конкурренцъ 36
V. Не сошлись во взглядахъ и разъѣхались 52
VI. «Молодой, полный силъ юноша» 64
VII. Отецъ—добрый малый 84
VIII. «Кукушка новой формаціи» 97
IX. «Отецъ по непродаваемымъ обстоятельствамъ» . . 112
X. Изъ тайной книжки доктора Клименко 117
XI. Любовный романъ доктора Мазина 120

Паденіе 157

PG
3470
S486
1904
t.5

Sheller, Aleksandr Konstantinovich
Polnoe sobranie sochinenii
t. 5

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY